

Федеральное государственное бюджетное образовательное  
учреждение высшего образования  
«Саратовская государственная юридическая академия»

*На правах рукописи*

**Потапенко Евгений Георгиевич**

**СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО  
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация  
на соискание ученой степени  
доктора юридических наук

**Научный консультант -**  
доктор юридических наук, профессор  
Афанасьев Сергей Федорович

Саратов – 2023

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Введение</b> .....	4
<b>ГЛАВА 1. СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ</b> .....	28
§ 1. Понятие, формы и методы специализации права.....	28
§ 2. Понятие, формы и методы унификации права.....	40
§ 3. Специализация и унификация как закономерные взаимосвязанные процессы развития права.....	51
§ 4. Общие предпосылки и основания унификации и специализации права.....	68
§ 5. Роль специализации и унификации в развитии процессуального права .....	93
<b>ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА</b> .....	115
§ 1. Специализация и унификация отечественного процессуального права до принятия Устава гражданского судопроизводства 1984 г.....	117
§ 2. Специализация и унификация отечественного процессуального права после принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 г.....	146
<b>ГЛАВА 3. СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА</b> .....	170
§ 1. Специальные нормы в процессуальном праве.....	170
§ 2. Виды специальных норм процессуального права.....	192
§ 3. Толкование как форма специализации процессуального права.....	208
§ 4. Реализация процессуальных норм и специализация процессуального права.....	236

§ 5. Основания и факторы специализации цивилистического процессуального права .....	264
§ 6. Пределы специализации цивилистического процессуального права.....	290
<b>ГЛАВА 4. УНИФИКАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....</b>	<b>313</b>
§ 1. Общие нормы в системе цивилистического процессуального права.....	313
§ 2. Формы унификации цивилистического процессуального права.....	326
§ 3. Значение и основания унификации цивилистического процессуального права.....	344
§ 4. Пределы унификации цивилистического процессуального права.....	363
<b>ГЛАВА 5. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....</b>	<b>380</b>
§1. Практические аспекты оптимизации гражданского процессуального законодательства.....	387
§2. Практические аспекты оптимизации арбитражного процессуального законодательства.....	431
§3. Практические аспекты оптимизации законодательства об административном судопроизводстве.....	468
<b>Заключение.....</b>	<b>511</b>
<b>Список сокращений и условный обозначений .....</b>	<b>513</b>
<b>Список использованной литературы и источников.....</b>	<b>514</b>

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы исследования** детерминирована динамичным развитием современного цивилистического процессуального права, в том числе в той его части, касающейся специализации и унификации. При этом определение и анализ круга факторов и явлений развития цивилистического процессуального права выступают обязательными научными задачами. В конечном итоге любая научная работа по исследованию цивилистического процессуального права, процессуальных отношений, законодательства, судопроизводства направлена на раскрытие оптимальных условий развития правового регулирования данной сферы отношений.

Изучение развития цивилистического процессуального права с неизбежностью приводит исследователя к многочисленным факторам, процессам, тенденциям, влияющим на преобразование формы и содержания правового регулирования процессуальных отношений. Множественность связей и отношений, воздействующих на право внешних и внутренних факторов, явлений и тенденций, их различная роль в ходе развития требуют проведения научных изысканий, направленных на их систематизацию, отраслевую характеристику, определение значения в развитии цивилистического процессуального права в целом. Приложение известных и используемых в юриспруденции законов диалектики к обозначенной научной задаче облегчает ее решение, открывает исследователю внутренний, весьма гармоничный мир цивилистического процессуального права, развивающийся и живущий на основе определенных закономерностей. Цивилистическая процессуальная наука призвана обозначить и наиболее полно охарактеризовать закономерности развития процессуального права в широком понимании, не только как права позитивного, а как системы регуляторных элементов (системы норм, результатов правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности), направляющих движение и определяющих содержание цивилистических процессуальных правоотношений.

Сложность обозначенной научной задачи заключается в множественности и противоречивом характере явлений и факторов развития цивилистического процессуального права, их общеправовой и внутриотраслевой специфики. Это приводит к принципиальной невозможности простого механического применения законов диалектики, а также переложения общеправовых знаний на отраслевую почву. Многие, что в значительной степени научно обосновано и считается доказанным в общей теории права, становится явно искусственным и нежизнеспособным применительно к развитию цивилистического процессуального права, что свидетельствует об уникальности и специфичности последнего.

Гипотезы, концепции и выводы общефилософского и общеправового характера должны проходить через «отраслевое сито» научных исследований, отделяющих и в конечном итоге преобразовывающих совокупность знаний об отраслевом развитии цивилистического процессуального права. Как следствие, сами по себе законы диалектики, их общеправовое обоснование не могут определить специфику отраслевого развития. В данном случае требуется объединить общефилософские, общеправовые и глубокие отраслевые знания в единую систему, обосновывающую закономерности и явления развития цивилистического процессуального права. Причем объединение должно осуществляться на основе отраслевой системы знаний, дающей возможность более глубоко и, возможно, критически проанализировать общетеоретические положения, существенно дополнить их, преобразовав в отраслевую теорию диалектики цивилистического процессуального права.

Исследование всех факторов и тенденций развития в рамках одной научной работы с практической точки зрения вряд ли возможно. Представляется, что это должна быть серия научных работ, посвященных диалектике цивилистического процессуального права, отдельным аспектам его развития.

Одними из явлений, определяющих развитие цивилистического процессуального права, выступают парные процессы специализации и унификации правового регулирования цивилистических процессуальных

отношений. В современный период реформ и преобразований процессуального закона исследование названных явлений развития представляется весьма своевременным и наиболее востребованным. Процессуальная наука содержит далеко не все ответы на существенные вопросы развития цивилистического процессуального права, в частности на вопросы взаимовлияния специализации и унификации права, их оснований и пределов, правильной формализации в целях обеспечения необходимого баланса указанных явлений и их результатов. Эти и ряд других вопросов, стоящих перед современной наукой, имеют значение не только для саморазвития теории, но и играют важную роль в законотворчестве, толковании и применении процессуальных норм.

**Степень научной разработанности темы исследования.** Взгляд на специализацию и унификацию как на взаимосвязанные процессы развития права в юридической науке не является совершенно новым и косвенно встречается в работах Г.Ф. Шершеневича начала XX в., в частности в первом томе книги «Общая теория права» (1911). Важное значение в понимании указанных процессов имеет статья М.И. Бару «Унификация и дифференциация норм трудового права», опубликованная в журнале «Советское государство и право» в 1971 г., а также статья О.Н. Садикова «Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства», опубликованная в журнале «Правоведение» в 1972 г.

Во многом раскрытию указанной проблематики посвящена монография С.С. Алексеева «Структура советского права» (1975). Более детально вопрос соотношения специализации и унификации в законодательстве раскрывается в работе И.Н. Сенякина «Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики» (1992), а также в работах С.А. Белоусова «Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика)» (2015) и Д.Е. Петрова «Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права» (2015), опубликованных по результатам докторских исследований. Отдельные аспекты специализации и унификации на общеправовом уровне рассматриваются в трудах А.В. Баранова, В.М. Баранова,

А.К. Безиной, Л.Н. Борисовой, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, М.Ш. Гамидова, М.В. Залоило, М.А. Заниной, Д.А. Керимова, В.В. Лазарева, С.К. Магомедова, С.Г. Ткачевой, П.Е. Недбайло, В.Н. Осьмакова, С.Ю. Суменкова, В.М. Сырых, Л.Ю. Фоминой, А.Ф. Черданцева, Г.Г. Шмелевой и других авторов-теоретиков.

Несмотря на то, что в рамках общей теории права специализация и унификация были предметом научных исследований, говорить о том, что на текущий момент в правоведении так и не сложилась непротиворечивая концепция специализации и унификации права, нельзя. Это связано с рядом факторов. Во-первых, сложностью и многоаспектностью самого предмета исследования, который, безусловно, видоизменяется с течением времени. Во-вторых, отсутствием в некотором смысле изолированного исследования названных явлений, поскольку специализация и унификация изучались, как правило, в контексте структуры права (С.С. Алексеев). Сами же процессы специализации и унификации в таких исследованиях носили лишь попутный характер. В-третьих, преемственность в научных знаниях о праве не позволила авторам (например, И.Н. Сенякин) выйти за пределы выводов предшественников относительно базовых вопросов специализации и унификации права, правильно определить предмет, формы, методы, результаты исследуемых процессов. Наконец, в-четвертых, конкретно-исторические условия проведенных исследований данной проблематики оказали существенное влияние на их результаты. Например, в советский период ведущую роль занимала теория позитивного права, которая во многом отождествляла закон и право. Отсюда исследование явлений развития права сводилось, как правило, к анализу лишь законодательной формы.

На отраслевом уровне отдельные вопросы специализации и унификации права наибольшую научную разработанность получили в трудовом (Н.В. Антипьева, И.А. Глотова, И.Ю. Рогалева, Г.С. Скачкова, Ф.Б. Штивельберг и другие), уголовном (А.В. Васильевский, Д.Ю. Гончаров, Л.Л. Кругликов, Н.В. Кудрявцев, Е.В. Мищенко, С.Ф. Сауляк, Н.М. Свидлов, В.Ю. Соловьев и др.), гражданском и международном частном праве (А.И. Абдуллин,

О.А. Кузнецова, Д.О. Кутафин, А.А. Маковская, Г.А. Пакерман, Е.К. Порфирьева, С.С. Сафронова, Н.А. Синева, А.А. Хргиан и др.). Немаловажное значение имеют работы в сфере международного права и теории права, рассматривающие вопросы унификации и специализации национального права под воздействием международных институтов и глобализационных процессов (С.В. Бахин, Н.Г. Доронина, И.И. Лукашук, Н.К. Никитина, В.А. Рыбаков, Ю.А. Тихомиров, Б.Н. Топорнин и др.).

В науке цивилистического процессуального права также уделено внимание отраслевым проблемам специализации и унификации права. Первоначально обозначенные проблемы, как и в общей теории права, исследовались через призму отраслевой нормативной системы. Наиболее значимыми в данной сфере, на наш взгляд, являются работы А.А. Мельникова «Советский гражданский процессуальный закон. Вопросы теории гражданского процессуального права» (1973), М.К. Юкова «Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права» (1982), В.М. Шерстюка «Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории)» (1989) и Д.А. Фурсова «Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики)» (2000). Проблема дифференциации гражданского процесса получила свое обоснование и раскрытие в работах, посвященных особым видам производства (А.Т. Боннер, А.А. Мельников, А.Ю. Францифоров, Д.М. Чечот, Н.А. Чудиновская и др.). Вопросы специализации затрагивались в исследованиях, посвященных нормам гражданского процессуального права (Е.А. Крашенинников, Д.В. Малыхин, Н.А. Чечина и др.). Специальным процессуальным нормам посвящена работа О.В. Баулина «Специальные нормы в гражданском процессуальном праве» (1997). Вопросы унификации рассматривались в рамках исследований целей судопроизводства, принципов цивилистического процессуального права и гражданской процессуальной формы (Г.А. Жилин, Л.И. Носенко, И.В. Решетникова, А.К. Сергун, М.С. Шакарян и др.), а также в работах, посвященных обоснованию необходимости объединения арбитражного



и гражданского процессов в целом или на уровне отдельных институтов (С.Ф. Афанасьев, В.Ф. Борисова, Е.В. Дячук, С.К. Загайнова, Д.Я. Малешин, О.В. Исаенкова, Л.А. Прокудина, И.В. Решетникова, И.В. Рехтина, Е.В. Слепченко, М.А. Фокина, Т.В. Шакитько и др.).

Рассмотрение дифференциации и единства гражданского судопроизводства осуществлялось в работах Т.В. Сахновой. Данной проблематике посвящены диссертационные исследования Н.А. Громошиной «Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве» (2010) и Е.В. Слепченко «Гражданское судопроизводство: проблема единства и дифференциации» (2012).

Несмотря на достаточно широкое исследование в отраслевых работах обозначенной проблематики, в настоящее время отсутствуют отдельные исследования специализации и унификации цивилистического процессуального права. В науке нет оформленной непротиворечивой концепции специализации и унификации цивилистического процессуального права. Большой объем работ, в которых так или иначе затронуты отраслевые вопросы специализации и унификации права, свидетельствует о значимости указанных явлений в развитии цивилистического процессуального права и законодательства.

К сожалению, содержание данных работ не позволяет прийти к выводу о том, что данные явления исследованы на должном уровне, полно и всесторонне. Скорее, наоборот, обращение исследователей к вопросам специализации и унификации происходит лишь попутно рассмотрению иных отраслевых проблем. В ряде случаев ссылки на специализацию и унификацию осуществляются необоснованно, поскольку анализируются совершенно иные тенденции развития отраслевого регулирования, судопроизводства и цивилистического процесса. В этом смысле обращение к проблеме специализации и унификации в рамках отраслевой науки процессуального права осуществляется, можно сказать, интуитивно, без разработки полноценной системы знаний о данных явлениях в рамках непротиворечивой концепции.

**Цель исследования** заключается в обосновании непротиворечивой концепции специализации и унификации цивилистического процессуального

права как парных процессов качественного отраслевого развития, позволяющей повысить эффективность правового регулирования цивилистических процессуальных отношений за счет сбалансирования совокупности регуляторных средств и обеспечения их органичного действия.

Необходимость достижения обозначенной цели обусловило постановку и последовательное решение следующих **задач**:

- раскрыть понятия «специализация» и «унификация», определить их объект, формы и методы в правовой сфере на основе изучения и обобщения результатов юридических исследований;

- исследовать феномен «парность» специализации и унификации права, выявить основные признаки взаимодействия указанных процессов развития;

- определить общеправовые основания и предпосылки специализации и унификации права;

- выявить и охарактеризовать роль специализации и унификации в развитии отраслевой системы процессуального права;

- осуществить историческое исследование становления и развития цивилистического процессуального права в ракурсе влияния на него процессов специализации и унификации;

- охарактеризовать признаки и виды специальных процессуальных норм;

- установить и проанализировать взаимосвязи общей и специальных процессуальных норм;

- рассмотреть и обосновать правоинтерпретационную и правоприменительную формы специализации цивилистического процессуального права;

- определить основания и факторы, влияющие на специализацию цивилистического процессуального права;

- изучить негативные последствия специализации цивилистического процессуального права для определения ее пределов;

- рассмотреть признаки и виды общих процессуальных норм;

- установить и обосновать формы унификации цивилистического процессуального права;
- определить основания и значение унификации цивилистического процессуального права;
- изучить негативные последствия унификации цивилистического процессуального права для определения ее пределов;
- проанализировать гражданское и арбитражное процессуальное законодательство, законодательство об административном судопроизводстве, а также практику его реализации на предмет обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права, правильного оформления их результатов.

**Объект исследования** составляют общественные отношения, складывающиеся при реализации норм цивилистического процессуального права, а также сложившийся в правовой действительности механизм регулирования цивилистических процессуальных отношений, структура и содержание цивилистического процессуального права, их внешнее проявление в процессуальном законодательстве, актах толкования и применения цивилистических процессуальных норм.

**Предметом исследования** выступают закономерности развития цивилистического процессуального права, проявляющиеся в результате воздействия взаимосвязанных явлений специализации и унификации, а также нормы цивилистического процессуального и материального права.

**Теоретическую основу исследования** составили труды авторов дореволюционного, советского и современного периодов по философии права, общей теории права, а также труды исследователей-процессуалистов, прямо или косвенно затрагивавших вопросы специализации и унификации гражданского процессуального права, арбитражного процесса (исследования гражданских процессуальных норм, системы гражданского процессуального права, судебных актов по гражданским делам, особого производства и отдельных порядков рассмотрения гражданских и административных дел, упрощенных (ускоренных) порядков рассмотрения гражданских дел, систематизации, толкования

и применения процессуальных норм, сравнительно-правовые исследования гражданского и арбитражного процессов). В диссертации использовались работы таких ученых-процессуалистов, как Д.Б. Абушенко, С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, Л.Н. Берг, В.А. Божок, А.Т. Боннер, Е.А. Борисова, С.А. Боровиков, Д.В. Бурачевский, В.В. Бутнев, Е.В. Васьковский, А.Ф. Воронов, М.Л. Гальперин, Н.А. Громошина, Л.А. Грось, П.П. Гуреев, М.А. Гурвич, О.В. Егорова, Ю.В. Ефимова, С.К. Загайнова, А.И. Зайцев, Д.М. Замышляев, Н.Б. Зейдер, О.В. Исаенкова, М.И. Клеандров, А.Ф. Клейнман, Е.Н. Кузнецов, С.А. Курочкин, В.В. Максимов, Д.Я. Малешин, А.А. Мельников, С.М. Михайлов, В.В. Молчанов, Е.А. Нефедьев, О.В. Николайченко, Ю.К. Осипов, В.В. Павлова, А.А. Павлушина, Ю.А. Попова, Н.А. Рассахатская, И.В. Решетникова, Н.В. Самсонов, М.В. Самсонова, Т.В. Сахнова, Е.В. Силина (Слепченко), Е.Г. Стрельцова, М.К. Треушников, Д.А. Туманов, Е.Е. Уксузова, Г.Д. Улётова, Д.Г. Фильченко, Д.А. Фурсов, Н.А. Чечина, А.В. Цихоцкий, М.З. Шварц, О.Н. Шеменова, В.М. Шерстюк, А.В. Юдин, М.К. Юков, В.В. Ярков и др.

Достаточно важную роль в настоящем исследовании сыграли работы, посвященные специализации и (или) унификации трудового права, уголовного права, гражданского права, семейного права, международного частного права.

**Нормативную основу работы** составили национальные нормативные правовые акты Российской Федерации: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы кодифицированного и некодифицированного характера. В силу особенностей регулирования гражданского, арбитражного и административного судопроизводства в нормативную основу не включались подзаконные нормативные правовые акты, а также нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации.

**Эмпирическую основу исследования** составили акты толкования процессуальных норм как ныне действующими высшими судами (Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации), так и ранее действующими высшими судебными инстанциями (Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, Кассационный департамент

Правительствующего Сената). В работе используются информационные письма, обобщения и обзоры практики высших и вышестоящих судов, научно-консультативных советов, действующих при судах, а также обобщения судебной практики, осуществленные иными органами государственной власти и неофициальными лицами (коллективами авторов). В целях создания полноценной эмпирической основы автором широко анализируются судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (в части актов, сохранивших свое действие), а также нижестоящих судов общей юрисдикции и арбитражных судов по конкретным делам. В работе также используется судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и иные статистические данные.

**Методология и методы исследования.** Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность всеобщего, общенаучных и частных методов, авторское применение которых составили оригинальную методику исследования.

В качестве всеобщего метода (подхода) автором использовалась материалистическая диалектика, позволившая рассматривать развитие цивилистического процессуального права на определенном этапе как совокупность результатов действия многочисленных, в том числе разнонаправленных, процессов и факторов развития. Применение указанного подхода привело к выводу о парности (противоречивом, но необходимом сосуществовании) специализации и унификации цивилистического процессуального права. Использование подхода материалистической диалектики потребовало рассмотрение вопросов о взаимосвязи специализации и унификации цивилистического процессуального права, которая наиболее четко проявляется на уровне первичных элементов отраслевой системы, а также оснований, предпосылок указанных процессов и факторов, влияющих на степень их интенсификации. Реализация данного метода позволила автору выдвинуть и обосновать ряд оригинальных выводов о выражении законов диалектики в

отраслевом развитии цивилистического процессуального права, месте и роли в таком развитии процессов специализации и унификации, непосредственного их основания, о взаимодействии результатов на примере первичной процессуальной правовой общности (комплекс норм).

Помимо всеобщего метода (подхода) к исследованию обозначенной проблематики автором применялись общенаучные методы анализа, синтеза, логический, синергетический и исторический методы, системный подход. Данные методы в совокупности позволили автору реализовать оригинальную методику исследования и обосновать ее методологические принципы. При исследовании явлений развития цивилистического процессуального права первоначально следует изучать непосредственные результаты их действия, обнаруживающиеся в объекте воздействия – цивилистическом процессуальном праве. Применительно к явлениям специализации и унификации такие результаты представляют собой специальные и общие нормы, которые должны выступать отправной точкой исследования.

Структурные образования более высокого уровня (субинституты, институты, подотрасли), а также синтетические (цивилистический процесс, порядок рассмотрения дела) и деятельностные формы отраслевого регулирования (процессуальные отношения, судопроизводство) являются вторичными и образуются не только под действием процессуальных норм (специальных и общих), но и результатов иных факторов, что значительно усложняет исследование специализации и унификации права на их примере. Именно поэтому первичный элементный уровень анализа специализации и унификации цивилистического процессуального права позволяет получить более достоверные и «чистые» знания о действии указанных явлений.

В работе активно использовались частнонаучные методы: сравнительно-правовой, методы толкования процессуальных норм, обобщения судебной практики и др. Полученные в результате применения указанных методов эмпирические данные послужили основанием для предложений и выводов

по совершенствованию правового регулирования цивилистических процессуальных отношений.

**Научная новизна** состоит в разработке и обосновании целостной концепции специализации и унификации цивилистического процессуального права, основанной на их понимании как парных явлений диалектического развития, выступающих одним из проявлений закона единства и борьбы противоположностей. Рассматриваемые явления исторически закономерно сосуществуют и влияют на содержание современного цивилистического процессуального права, значительно обогащая последнее. Результаты их действия обеспечивают полноту регулирования цивилистических процессуальных отношений с учетом нетипичных процессуальных правовых ситуаций.

Парность как необходимая гносеологическая характеристика специализации и унификации цивилистического процессуального права находит свое отражение в онтологической характеристике результатов данных явлений, которые также находятся в парном отношении. На нормативном уровне результаты названных явлений образуют первичную общность отраслевой системы – комплекс процессуальных норм. В итоге ненормативной (правоинтерпретационной, правоприменительной) специализации комплекс процессуальных норм обогащается специальными правовыми положениями, обеспечивающими эффективность отраслевого механизма регулирования цивилистических процессуальных отношений.

Исследование результатов специализации и унификации цивилистического процессуального права на уровне первичных элементов отраслевой системы, а также на уровне процессуальных институтов позволило уточнить признаки указанных явлений, отграничить их от смежных тенденций развития процессуального права (дифференциации, сближения (гармонизации), упрощения, интеграции), соответственно, более полно и точно определить значение и роль специализации и унификации в развитии отраслевой системы процессуального права.

Изучение феномена парности процессов специализации и унификации гражданского процессуального права в ретроспективе и на современном этапе выявило их закономерную взаимосвязь и совместное действие на отраслевую систему регулирования гражданских процессуальных отношений в направлении обогащения ее содержания при обеспечении органичного (сбалансированного) функционирования.

Научная новизна диссертационного исследования нашла отражение в следующих основных **положениях, выносимых на защиту**.

1. Обосновывается, что объектом первоочередного воздействия специализации и унификации выступает само гражданское процессуальное право. Процессуальное законодательство, судопроизводство, гражданский процесс представляют собой объект вторичного воздействия указанных явлений. При этом непосредственным объектом специализации и унификации являются процессуальные нормы как первичный элемент институциональной системы процессуального права. В основе специализации гражданского процессуального права лежит логическая операция ограничения юридического понятия, то есть его дополнение видообразующим признаком, а методом специализации выступает конкретизация права. Основным методом унификации права – обобщение, в основе которого лежит одноименная логическая операция (исключение видового признака).

2. Специализация и унификация гражданского процессуального права – это парные явления его качественного развития, которые исторически осуществляются параллельно с той или иной степенью интенсификации, получая наиболее полное выражение в период кодификации гражданского процессуального права, фундаментом которой служит пандектная система с выделением общей части (Общие положения в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г.). Данные явления посредством формирования в системе гражданского процессуального права общих и специальных правовых предписаний обеспечивают полноту отраслевого регулирования гражданских



процессуальных отношений, а также учет в рамках правового регулирования нетипичных процессуальных правовых ситуаций.

3. Специализация и унификация гражданского процессуального права имеют общее основание – потребность в эффективной судебной деятельности (наиболее полное достижение цели гражданского, арбитражного и административного судопроизводства) за счет комплексного, полного и непротиворечивого правового регулирования. Наличие общего основания обуславливает единство процессов специализации и унификации. Однако данное основание для указанных процессов порождается различными причинами. Как правило, преобладающее значение для специализации, имеют внешние причины, а именно предмет правового регулирования, судоустройство, тогда как унификация порождается внутренними недостатками построения отраслевой системы (множественность норм, сложность их реализации, нарушение системных связей).

4. Результатами унификации и специализации гражданского процессуального права на элементном уровне институциональной отраслевой системы выступают общая и специальная процессуальные нормы, являющиеся парными нормами и имеющие генетические, структурные и функциональные взаимосвязи. Образование в системе гражданского процессуального права институтов, объединений институтов, подотраслей осуществляется посредством влияния многочисленных факторов развития права, первостепенное значение среди которых имеет дифференциально-интеграционный процесс структурного развития права. Специализация и унификация в рамках образования институтов права и элементов отраслевой системы более высокого порядка (объединений институтов, подотраслей) выполняют роль формирования первичных компонентов (общих и специальных норм), что не оказывает исключительного решающего влияния на образование соответствующего структурного элемента.

5. Парный характер процессуальных норм как результатов унификации и специализации права позволил уточнить общераспространенную в юридической науке классификацию процессуальных норм, выделяющую общие и специальные

нормы. Данная классификация является вторичным делением норм. Первоначально процессуальные нормы, в зависимости от наличия или отсутствия указанных взаимосвязей, подразделяются на единичные и парные. Анализ процессуального законодательства позволил выявить две разновидности единичных процессуальных норм: нормы повышенной абстрактности (действие которых распространяется в основном на всю систему процессуального права), а также единичные нормы с конкретным содержанием (которые периодически появляются в отраслевой системе в силу постоянного преобразования последней). Единичные процессуальные нормы с конкретным содержанием (ст. 59, 60, ч. 1 ст. 61, 111, 186 ГПК РФ)<sup>1</sup> не являются ни общими, ни специальными и имеют низкую эффективность.

6. Критерий выделения специальных процессуальных норм, к которому традиционно относится объем правового регулирования процессуальных отношений (сфера действия процессуальной нормы), требует дополнения, поскольку специальная процессуальная норма имеет не только более узкую сферу правового регулирования в сравнении с общей нормой, но и особое, не совпадающее с ней содержание. Использование данного критерия позволяет отграничить специальные нормы от дублирующих процессуальных норм с более узким объемом, содержащихся, чаще всего, в материальных правовых источниках.

7. Функциональная взаимосвязь между общей и специальными нормами цивилистического процессуального права позволила классифицировать специальные нормы на дополняющие и исключаящие. Общая и специальные дополняющие процессуальные нормы объединены координационной связью, общая и исключаящие процессуальные нормы – субординационной связью. В зависимости от особенностей координационной связи среди дополняющих специальных процессуальных норм выделяются нормы-дополнения (последовательная реализация с общей нормой: ст. 134-136 ГПК РФ)

---

<sup>1</sup> Здесь и далее в настоящем разделе автореферата в качестве примера будут приводиться положения ГПК РФ, несмотря на то, что аналогичные примеры содержатся и в других процессуальных кодексах цивилистического типа – АПК РФ, КАС РФ.

и конкретизирующие нормы (параллельная реализация с общей нормой: ч. 2 и 3 ст. 330 ГПК РФ). Специфика субординационной связи между общей и исключаящими процессуальными нормами позволяет в числе последних выделить нормы-изъятия (жесткая субординационная связь с общей нормой: ч. 8 ст. 10, ч. 1 ст. 13, ч. 33 ст. 22 ГПК РФ) и нормы-альтернативы (мягкая субординационная связь с общей нормой, основанная на волевом признаке: ст. 29, ч. 1 ст. 39 ГПК РФ).

8. Специфика правоотношений, возникающих между судом и иными участниками процесса по поводу рассмотрения и разрешения гражданских и административных дел, объективно требует комплексного регулирования посредством совместного действия как общей, так и специальных процессуальных норм. В связи с этим первичным элементом механизма отраслевого нормативного регулирования является не единичная норма, а комплекс процессуальных норм, включающий общую норму, а также специальные (дополняющие, исключаящие) нормы первичной и вторичной специализации. В структурном плане комплекс (ассоциация) процессуальных норм представляет собой первичную общность отраслевой нормативной системы. Наличие не только общесистемных, но и внутренних связей в рамках комплексов (ассоциаций) процессуальных норм должно учитываться при осуществлении правотворческой деятельности, а также при реализации норм цивилистического процессуального права.

9. Обосновывается неодинаковое значение различных форм (правотворчество, толкование, применение) реализации явлений специализации и унификации. Официальное нормативное (абстрактное) толкование является формой специализации цивилистического процессуального права при распространительном (возникает дополняющее правоположение) или ограничительном (возникает исключаящее правоположение) толковании. В отличие от специализации в форме толкования правоинтерпретационная унификация встречается на практике, но не может быть обоснована необходимостью правильной реализации данной нормы. Общее процессуальное

правоположение, создаваемое в результате толкования процессуальной нормы, по сути, призвано устранить имеющийся в отраслевой системе дефект в виде отсутствия соответствующего нормативного обобщения (например, признак бесспорности дел приказного производства). Формулируя общие правовоположения, высшие суды реализуют несвойственную им функцию, устраняют недостатки отраслевой системы, которые требуют законотворческих решений.

10. Применение норм процессуального права судом в рамках конкретного правоотношения является одной из форм специализации цивилистического процессуального права при конкретизации содержания нормы с относительно-определенной диспозицией, а также в случаях распространительного или ограничительного казуального толкования процессуальной нормы. Иное толкование процессуальных норм, а также конкретизация гипотезы и (или) санкции нормы не создают индивидуальное процессуальное правовоположение, следовательно, такая деятельность не представляет собой форму специализации цивилистического процессуального права. В отличие от специализации унификация цивилистического процессуального права в форме применения встречается редко и носит исключительный характер.

11. В систему категорий юридической науки вводится понятие процессуального правового комплекса как совокупности общей и специальных процессуальных норм, а также специальных интерпретационных и индивидуальных процессуальных положений. Данный комплекс содержит элементы, связанные хронологической, структурной (предметной) и функциональными взаимосвязями, что обеспечивает наиболее полное и правильное регулирование цивилистического процессуального отношения.

12. Специализация и унификация цивилистического процессуального права имеют не только позитивный, но и негативный эффект, связанный с наступлением нежелательных правовых процессуальных последствий чрезмерной интенсификации одного из указанных явлений. К негативным последствиям избыточной специализации относятся процессуально-правовые

коллизии (особенно коллизии специальных норм); несогласованность норм процессуального и материального права (например, в связи с включением в закон так называемых правоприменительных положений); множественность и конкуренция порядков рассмотрения судом отдельных категорий дел; нарушение отраслевой формализованности (в связи с объемным размещением процессуальных норм в материальных правовых источниках); умножение поднормативного регулирования процессуальных отношений посредством толкования и применения процессуальных норм.

Избыточная унификация приводит к чрезмерной универсальности и неполноте процессуального порядка рассмотрения дел; обособлению и умножению общих норм в рамках общих положений законодательных актов; появлению в рамках единого комплекса конкурирующих общих норм.

13. В итоге анализа гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства, законодательства об административном судопроизводстве и практики его реализации выявлены дефекты отраслевого правового регулирования, порожденные дисбалансом специализации и унификации права и их результатов. Выявленные дефекты сгруппированы в зависимости от их характера.

Дефекты организационного характера составляют недостатки построения отраслевого нормативного материала, к ним относятся расположение процессуальных норм, состоящих в едином комплексе, в удаленных друг от друга статьях закона (ст. 198 и 204-207; ст. 203.1 и 208 ГПК РФ), размещение в рамках одной статьи и (или) части статьи закона процессуальных норм, относящихся к разным процессуальным комплексам (ч. 3 и 5 ст. 3; ч. 3 ст. 26; ч. 1 ст. 68 ГПК РФ), непоследовательное расположение в статье закона процессуальных норм, составляющих единый процессуальный комплекс (ст. 10, 144 ГПК РФ).

Группа дефектов функционального характера (недостатки действия) включают: наличие малоэффективных единичных процессуальных норм с конкретным содержанием (ст. 59; 60; ч. 1 ст. 61 ГПК РФ), наличие

слаборазвитых процессуальных правовых комплексов, требующих дальнейшей специализации в разных формах (ст. 50; ст. 137 и 138; ст. 96 ГПК РФ).

Дефекты связей в рамках комплексов процессуальных норм составляют: частичное пересечение по объему общей и специальной нормы в рамках единого комплекса норм (ст. 32, 134 ГПК РФ); дублирование правил (ст. 7 и 14; ч. 2 и 3 ст. 21 ГПК РФ); отсутствие в законе общей нормы в рамках конкретного комплекса (приказное производство в части нормы о бесспорности дел).

Формально-логические дефекты проявляются в несовпадении по объему наименования статьи закона и закрепленного в них комплекса процессуальных норм (ст. 13, 147 ГПК РФ).

**Проведенное исследование позволило диссертанту предложить внести следующие изменения в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, связанные с:**

– оптимизацией процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации цивилистического процессуального права (в частности, в сфере базовых процессуальных институций, таких как общие положения, порядок рассмотрения дела в суде первой инстанции, механизм проверки судебных актов и др.);

– осуществлением нормативной специализации единичных процессуальных норм с конкретным содержанием с целью формирования комплексов общей и специальных норм (ст. 111, 186 ГПК РФ; ст. 13, 60, 94.2, ч. 4 ст. 200 КАС РФ);

– обеспечением корреляции наименования статей процессуального закона и их содержания в части объема правового регулирования (ст. 13, 147 ГПК РФ и др.);

– нивелированием в действующем процессуальном законодательстве дефектов построения комплексов процессуальных норм, где имеется пересечение общей и специальной норм по объему правового регулирования (ст. 32, 134, ч. 3 ст. 193 и ч. 4 ст. 199 ГПК РФ; ч. 1 и 2 ст. 33, ч. 4 ст. 221 АПК РФ; п. 5 ч. 2 ст. 116 и ст. 121 КАС РФ);

– обеспечением последовательного изложения комплексов процессуальных норм в рамках одной или нескольких статей закона, следующих друг за другом (ст. 198 и ст. 204-207, ст. 203.1 и 208 ГПК РФ; абз. 4 ч. 2 ст. 20 и ст. 167 АПК РФ);

– исключением из действующего процессуального законодательства правоприменительных положений, являющихся результатом чрезмерной нормативной специализации (ч. 1,2 ст. 282 ГПК РФ), а также устранением излишней конкретизации процессуальных норм, содержащих ссылку на нормы материального права (ч. 1 ст. 287, ч. 1 ст. 291 ГПК РФ);

– закреплением в общей норме основного признака дел приказного производства – бесспорность требований взыскателя (ст. 121 ГПК РФ; ст. 229.1 АПК РФ; ст. 123.1 КАС РФ).

**Теоретическая значимость результатов исследования.** Разработанная концепция специализации и унификации цивилистического процессуального права на элементном уровне отраслевой системы будет способствовать дальнейшим доктринальным исследованиям в данной сфере, развитию теории отдельных видов производств в современном цивилистическом процессе, а также выявлению и исследованию иных парных явлений диалектического развития цивилистического процессуального права (например, дифференциации и интеграции).

В результате проведенного исследования развиваются и уточняются отдельные критерии специальных процессуальных норм, трансформируется классификация норм цивилистического процессуального права. В научный оборот вводятся новые правовые категории «комплексы норм», «процессуально-правовые комплексы», «специальные процессуальные правоположения», «парные процессуальные нормы». Данные категории имеют конкретное содержание и признаки, раскрываемые в работе, что способствует развитию и расширению категориального аппарата процессуальной науки.

**Практическая значимость результатов исследования** состоит в обосновании необходимости оптимизации гражданского и арбитражного процессуального законодательства, а также законодательства об

административном судопроизводстве в направлении обеспечения баланса специализации и унификации гражданского процессуального права, а также конкретных предложений такой оптимизации, способствующих совершенствованию судебного правоприменения. Реализация указанных предложений позволит повысить прикладную эффективность правового регулирования процессуальных отношений.

Кроме того, результаты проведенного диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе при преподавании различных гражданско-процессуальных дисциплин, а также для подготовки междисциплинарных спецкурсов, посвященных специализации и унификации норм права.

**Степень достоверности результатов исследования.** При осуществлении исследования использовалась обширная научно-практическая юридическая литература как отраслевого, так и общетеоретического характера, а также проводился анализ многочисленной судебной практики толкования и применения действующих норм гражданского процессуального права.

Наряду с этим, достоверность полученных результатов подтверждается объемной теоретической, нормативной и эмпирической базой диссертационного исследования, проанализированным генезисом процессуальных институтов, в том числе на уровне их внутренних взаимосвязей, а также системой примененных методов научного познания всеобщего, общенаучного и частного характера, обеспечивающих возможность получения достаточного и верифицированного знания об объекте и предмете диссертационного исследования.

**Апробация результатов исследования.** Диссертация подготовлена на кафедре арбитражного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», где проведено ее рецензирование и обсуждение.

Основные положения и выводы проведенного диссертационного исследования изложены в 56 работах автора, в том числе в 28 статьях в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего



образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. По результатам научного исследования опубликованы две авторские монографии.

Результаты исследования докладывались на круглых столах, панельных дискуссиях, внутривузовских, межвузовских, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях, проводимых на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» и других образовательных учреждений.

По теме диссертации в 2016 г. на базе ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» была организована и проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Унификация и дифференциация современного цивилистического процессуального законодательства» (г. Саратов, 31 мая 2016 г.), на которой автором диссертации был поставлен вопрос о парности рассматриваемых феноменов развития цивилистического процессуального права. С докладами и научными сообщениями по теме исследования диссертант выступил на II Международной научно-практической конференции «О новеллах цивилистического процессуального законодательства» (г. Саратов, 31 марта 2017 г.), Международной научно-практической конференции «Законный интерес в цивилистическом процессе: теоретико-прикладные проблемы» (г. Саратов, 26–27 мая 2017 г.), Международной научно-практической конференции «Перспективы развития гражданского процессуального права» (г. Саратов, 16 сентября 2017 г.), III Международной научно-практической конференции «Судебно-правовая политика на современном этапе: проблемы, тенденции и перспективы» (г. Махачкала, 30 ноября 2017 г.), круглом столе «Унификация цивилистического процессуального законодательства: проблемы и перспективы» (г. Москва, 01

декабря 2017 г.), Научно-практической конференции «Новые контексты защиты гражданских прав и законных интересов: проблемы теории и вызовы практики» в рамках V юбилейного московского юридического форума «Будущее российского права: концепты и социальные практики» (г. Москва, 06 апреля 2018 г.), III Международной научно-практической конференция «Основные векторы развития современного цивилистического процессуального закона» (г. Саратов, 12 апреля 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Особенности рассмотрения арбитражным судом отдельных категорий дел» (г. Саратов, 25-26 мая 2018 г.), IV Международной научно-практической конференции «Перспективы становления и развития медиации в регионах» (г. Саратов, 14 декабря 2018 г.), IV Международной научно-практической конференции «Судебная реформа в Российской Федерации: апелляционный и кассационные суды» (г. Саратов, 28 марта 2019 г.), III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева, «Перспективы развития гражданского процессуального права» (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы участия адвоката в арбитражном процессе» (г. Саратов, 17 октября 2019 г.), **V Международной научно-практической конференции «Юридические и психологические основы медиации: проблемные аспекты», (г. Саратов, 06 декабря 2019 г.),** Саратовском молодежном юридическом форуме «Юридическая наука и правоприменение: взгляд молодых ученых» (г. Саратов, 21-22 апреля 2020 г.), IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ–СГЮА «Перспективы развития гражданского процессуального права» (г. Саратов, 03 октября 2020 г.), VII ежегодном Симпозиуме журнала «Вестник гражданского процесса» «2020 – Современная кодификация цивилистического процессуального законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции» (г. Казань, 25-27 сентября 2020 г.), I Международной научно-практической конференции «Сфера правосудия» в секционном заседании «Специализация как тенденция развития

цивилистического судопроизводства» (г. Москва, 12 марта 2021 г.), IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса» (г. Ростов-на-Дону, 16 апреля 2021 г.), V Международной научно-практической конференции «Перспективы развития гражданского процессуального права» (г. Саратов, 08 июня 2021 г.), I Международной научной конференции памяти М.К. Треушникова «Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее» (г. Москва, 09 февраля 2022 г.), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2022» (г. Ростов-на-Дону, 28 октября 2022 г.), VII Всероссийской научно-практической конференции «Реформы в сфере современного цивилистического процесса: основные тенденции и итоги» (г. Саратов, 31 марта 2023 г.), Международной научно-практической конференции «Упрощение гражданской процессуальной формы: проблемы теории, законодательства, судебной практики и организации судебной деятельности» (г. Санкт-Петербург, 02 июня 2023 г.) и других научных мероприятиях.

Результаты исследования используются в учебном процессе при чтении лекций по дисциплинам «Арбитражный процесс», «Правовые основы несостоятельности (банкротства)», «Альтернативные способы разрешения споров», а также при ведении семинарских занятий в ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

**Структура диссертации** обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа включает введение, пять глав, объединяющих двадцать параграфов, заключение, список сокращений и список использованной литературы и источников.

## ГЛАВА 1. СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Категории «специализация» и «унификация» используются в юридической науке довольно широко. Их значение часто зависит от используемого контекста. Рассмотрение вопросов специализации и унификации цивилистического процессуального права без четкого понимания смысла и содержания указанных категорий представляется не в полной мере правильным. В этой связи настоящее исследование целесообразно начать именно с определения терминологической основы, которая позволит корректно встраивать авторские гипотезы в систему наличных знаний о праве в целом и цивилистическом процессуальном праве в частности.

### § 1. Понятие, формы и методы специализации права

В самом общем смысле под специализацией понимается процесс усиления особенностей, специфики какой-либо сферы. Специализация может проявляться в различных сферах общественной жизни: экономической, политической, правовой, в сфере управления. По этому критерию можно выделить экономическую, правовую, политическую и иные разновидности процесса специализации<sup>1</sup>. Широко известен, например, термин разделения и специализации труда, под которым имеется в виду концентрация работника на выполнении отдельной операции.

Процессы, происходящие в праве, как и само право имеют социально ориентированный характер. «Специализация как объективная тенденция российского законодательства отражает идентичный прогрессивный процесс в различных социальных сферах нашего общества и направлена на учет

---

<sup>1</sup> Например, о дифференциации образования см.: *Гальперин М.Л.* Почему после цифрового века юридического образования наступит Средневековье? // Закон. 2021. N 8. С. 96 - 101.

особенностей, специфики и многогранности внутрифедеративных общественных отношений, урегулирование которых осуществляется определенным комплексом юридических предписаний и нормативных актов»<sup>1</sup>. В правовой науке термин «специализация» используется достаточно широко. По мнению С.С. Алексеева, суть указанного процесса заключается в том, «что в праве происходит и усиливается «разделение труда», в результате которого отдельные нормы и их комплексы все более дифференцируются на выполнении тех или иных операций, конкретизируется их содержание и одновременно осуществляется интеграция правового материала»<sup>2</sup>. Развитие и усложнение социальных отношений создают необходимость изменения содержания системы права. Те отношения, которые могли быть урегулированы одной или несколькими нормами, теперь требуют комплексного правового регулирования, которое возможно за счет специализации правовых норм. Специализация права направлена на создание специальных юридических правил и предписаний. И.Н. Сенякин в качестве цели правовой специализации называет необходимость наиболее полного охвата всех особенностей современных общественных процессов, возникающих в силу их постоянного развития и динамики<sup>3</sup>. Данная цель очень близка к цели самого права и в значительной степени обобщена ученым для иллюстрации важности процесса специализации.

Непосредственным объектом специализации являются нормы права. Однако в литературе в качестве объекта специализации указывается, например, действующее законодательство. В.Ф. Попондопуло, рассматривая вопрос о понятии коммерческого законодательства, отмечает, что «специализация коммерческого законодательства заключается в правовом регулировании предпринимательских отношений и отношений, связанных с публичной

---

<sup>1</sup> Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики: монография. Саратов, 1992. С. 80.

<sup>2</sup> Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 52.

<sup>3</sup> См.: Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 322.

организацией предпринимательской деятельности»<sup>1</sup>. Очевидно, что при специализации речь идет не о форме, а о содержании, то есть о специализации правил правового регулирования (правовых предписаний). Если при определении непосредственного объекта специализации исследователи более или менее солидарны (им являются нормы права), то в отношении видов, форм и методов специализации единообразный подход в литературе отсутствует.

Среди видов специализации в праве необходимо различать предметную и функциональную специализацию. «Предметная и функциональная специализация широко применяется в различных правовых объединениях, порождает многочисленные правила системного построения отрасли как гражданского процессуального, так и арбитражного процессуального права»<sup>2</sup>. М.К. Юков в этой связи замечает, что «функциональные связи (функциональная специализация) вместе с предметом правового регулирования (предметной специализацией) являются основанием «расквартирования» норм гражданского процессуального права по структурным разделам как внутри самой отрасли, так и между отраслями советского права, т.е. является основанием группировки норм права в правовые институты»<sup>3</sup>. При предметной специализации права появляются нормы, содержащие особые правила регулирования отдельной группы правоотношений (или их отдельного этапа, элемента). Данные нормы включаются в комплекс правовых норм во главе с основной нормой, регулирующей соответствующий вид правоотношений. Такую специализацию имеет в виду С.С. Алексеев, указывая на «разделение труда» в праве<sup>4</sup>. И.Н. Сенякин, называя в качестве специфического признака специальных норм их производность от общих постановлений<sup>5</sup>, также понимает под ней предметную специализацию. Данному виду специализации

---

<sup>1</sup> Попондопуло В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 52.

<sup>2</sup> Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 147.

<sup>3</sup> Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: монография / отв. ред. В.В. Зайцев. М., 2019. С. 109.

<sup>4</sup> См.: Алексеев С.С. Структура советского права. С. 52.

<sup>5</sup> См.: Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства... С. 19.

посвящены исследования в отраслевых юридических науках<sup>1</sup>. Сложность современных общественных отношений не позволяет осуществлять их правовое регулирование посредством единичных правовых предписаний, что выступает необходимостью комплексного правового воздействия и объективной причиной усложнения системы права. Иначе говоря, юридические нормы существуют и действуют по большей части не поодиночке, не каждая сама по себе, а в комплексах, ассоциациях, в составе целых правовых институтов и более обширных подразделений – отраслей права<sup>2</sup>. Изменение и усложнение общественных отношений объективно требует и усложнения регулятивного воздействия на них, учета множества ранее нерегламентированных вариантов их развития, множества жизненных ситуаций. В современной действительности ни одна отдельно взятая правовая норма не способна осуществить должное регулятивное воздействие на поведение субъектов и обеспечить общественно полезное развитие той или иной жизненной ситуации, аккумулирующей множество связей и отношений. Всегда необходима «поддержка» других норм, так или иначе участвующих в регулировании данной ситуации и охраняющих ее от нежелательного развития<sup>3</sup>.

Функциональная специализация связана не столько с предметом правового регулирования (т.е. с общественными отношениями), сколько со спецификой структуры российского права и наличием между элементами права внутренних связей. С этой точки зрения нормы воздействуют не только на внешний объект, находящийся за пределами системы, но и друг на друга. В рамках такого внутрисистемного взаимодействия нормы несут дополнительную функциональную нагрузку, играют соответствующие роли. Так, А.В. Баранов на основе функционального назначения выделяет в особую систему так называемые системоопределяющие специализированные нормы, которые, по сути,

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Гончаров Д.Ю.* Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // *Журнал российского права.* 2005. № 11. С. 109–121.

<sup>2</sup> См.: *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 63.

<sup>3</sup> См.: *Петров Д.Е.* Отрасль права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2004. С. 63.

формируют систему права, обеспечивают его единство. К таким нормам он относит декларативные нормы (нормы-начала), нормы-принципы, определительно-установочные нормы (закрепляющие цели и задачи правового регулирования), нормы-дефиниции<sup>1</sup>. А.В. Демин, исследуя специализированные нормы в механизме налогового регулирования, отмечает, что системность права есть объективная предпосылка для выделения специализированных норм, которые обладают рядом специфических признаков. Во-первых, они, как правило, не содержат четко выраженных правил поведения в виде конкретных дозволений, запретов, обязанностей. Во-вторых, структура специализированных норм обладает значительным своеобразием, выделить в ней традиционные элементы (гипотезу, диспозицию, санкцию), как правило, не представляется возможным. В-третьих, их характеризует особая роль и место в системе налогового права. В частности, специализированные нормы в большинстве своем участвуют в налогово-правовом регулировании не самостоятельно, но в устойчивых сочетаниях с регулятивными и охранительными нормами налогового права<sup>2</sup>. Функциональная специализация вторична, ее результат зависит от ряда других процессов, влияющих на структуру права (унификации, интеграции и т.д.).

Таким образом, при исследовании специализации в праве необходимо учитывать как предметную специализацию при воздействии правовой нормы на предмет правового регулирования, так и функциональную при взаимодействии норм в рамках системы права. В исследованиях, посвященных специализации, функциональная и предметная специализация часто смешивается, что приводит к отождествлению их результатов, например, специализированных и специальных норм. Мы будем исходить из того, что первичной выступает специализация права, основанная на предмете правового регулирования. При определенной развитости

---

<sup>1</sup> См.: *Баранов А.В.* Системоопределяющие специализированные нормы права в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 6–10.

<sup>2</sup> См.: *Демин А.В.* Специализированные нормы в механизме налогово-правового регулирования // *Налоги.* 2010. № 43. С. 20.



права стремление наиболее эффективного упорядочивания общественных отношений приводит к группировке норм по функциональному признаку (регулятивные и охранительные нормы; специализированные и обычные правовые предписания). Но в ряде случаев такая группировка имеет в большей степени познавательный интерес и не отражает реальной структуры права.

В литературе выделяют следующие формы процесса специализации: дифференциация, конкретизация и детализация<sup>1</sup>. С.С. Алексеев в свое время указывал дифференциацию, конкретизацию и интеграцию в качестве форм специализации права<sup>2</sup>. М.К. Юков, вслед за С.С. Алексеевым, выделяет дифференциацию и интеграцию в качестве основных форм специализации гражданского процессуального права<sup>3</sup>. Как нам представляется, не все указанные формы неизменно свидетельствуют о процессе предметной специализации. Так, дифференциация не есть неизменная форма специализации. Дифференциация может приводить к появлению дублирующих норм, которые не являются специальными. Интеграция также не является формой специализации, а выражает структурный процесс образования соответствующей общности. Как будет показано далее, процесс формирования институтов процессуального права и иных общностей более высокого уровня детерминирован многими факторами и тенденциями развития процессуального права, которые редуцировать лишь к специализации не следует. Интеграция в праве носит многовариантный характер и основана на внутрисистемных связях, которые вступают в действие в зависимости от внешних условий реализации – специфики регулируемого правоотношения. Кроме того, органичность есть свойство самой системы права, обеспечиваемое функциональной взаимосвязанностью его элементов, их непротиворечивостью. Поэтому о функциональной интеграции следует вести речь не столько при специализации, сколько при правотворчестве в целом.

---

<sup>1</sup> См.: *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства... С. 51.

<sup>2</sup> См.: *Алексеев С.С.* Структура советского права... С. 53.

<sup>3</sup> См.: *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 70.

Недаром современные исследователи довольно часто утверждают необходимость плановости<sup>1</sup> и системности<sup>2</sup> правотворчества. Таким образом, интегрированность новой нормы (вне зависимости от того специальная она или нет) является необходимым процессом для всего правообразования.

С учетом того, что ни дифференциация, ни интеграция не являются формами специализации права, из вышеназванных остаются две по количеству, но одна по сути форма специализации права – конкретизация и детализация. На наш взгляд, конкретизация (детализация) выступает не формой, а методом специализации. Не случайно, говоря о формах, ученые указывают на этапы процесса специализации, считая, что сам процесс проходит стадии дифференциации и конкретизации. Однако формой всего процесса специализации не может быть лишь один его этап.

Под конкретизацией правовых норм обычно понимают осуществляемую государственными и иными уполномоченными органами деятельность по уменьшению объема понятий юридической нормы на основе расширения их содержания, результаты которой фиксируются в определенных правовых актах<sup>3</sup>. В основе конкретизации лежит логическая операция ограничения понятия, связанная с добавлением к родовому понятию видового признака. Конкретизация относится к категории, относительно которой в юридической науке нет общепризнанного понимания. И.А. Глотова рассматривает конкретизацию норм в значении приема юридической техники для целей нормотворчества и как правовое явление, обеспечивающее процесс построения системы права в целом или отдельной отрасли<sup>4</sup>. Несмотря на то, что И.А. Глотова не указала на взаимосвязь конкретизации норм и специализации права, дальнейшие ее

---

<sup>1</sup> См.: *Пиголкин А.С.* Плановые основы кодификации законодательства // Советская юстиция. 1976. № 17. С. 14–15.

<sup>2</sup> См.: *Белюсов С.А.* Правотворчество и законодательный дисбаланс: диалектика взаимосвязи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3. С. 13.

<sup>3</sup> См.: *Рабинович И.М., Шмелева Г.Г.* Конкретизация правовых норм (общетеоретические работы) // Правоведение. 1985. № 6. С. 34.

<sup>4</sup> См.: *Глотова И.А.* Конкретизация норм трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 7.

выводы с конкретными примерами очевидно свидетельствуют о появлении в результате конкретизации специальных норм трудового права<sup>1</sup>. М.Ш. Гамидов рассматривает конкретизацию нормы права более узко и понимает под ней «техничко-юридический метод уточнения содержания нормы права, реализуемый уполномоченным субъектом путем правотворческого, правоприменительного либо интерпретационного расширения (или сужения) объема отдельных признаков или элементов структуры для достижения их определенности, обеспечивающей объективное соответствие целей и результатов правореализации, а также ограничивающей дискреционность поведения адресатов»<sup>2</sup>.

Не приводя многочисленные подходы к пониманию конкретизации правовых норм, в рамках настоящей работы нам представляется необходимым выяснить два основных аспекта. Во-первых, приводит ли конкретизация к образованию специальных норм? Во-вторых, какие формы внешнего проявления имеет конкретизация? Первый вопрос важен постольку, поскольку позволяет сделать вывод о том, является ли конкретизация методом специализации. Второй вопрос поможет нам сделать вывод относительно форм осуществления самой специализации.

Исследуя конкретизацию как правовое явление, Э.К. Утяшов выделяет следующие ее признаки. Во-первых, правоконкретизация является объективной потребностью эффективного правового регулирования, поскольку без нее невозможно применять и реализовывать в индивидуальных ситуациях общие и абстрактные правила поведения, содержащиеся в нормативных правовых актах. Во-вторых, она носит волевой характер, что выражается в деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц. В-третьих, ее объектом выступают юридические нормы, содержащие понятия высокого уровня общности и абстрактности, объем (логический) таких норм определяется объемом понятий, которые в них используются. В-четвертых, результаты

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 8.

<sup>2</sup> Гамидов М.Ш. Конкретизация норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 11.

конкретизирующей деятельности фиксируются в определенной правовой форме и приобретают юридически обязательный характер<sup>1</sup>. Указанные признаки характеризуют конкретизацию довольно узко, как некую операцию по уточнению смысла абстрактной нормы в рамках правоприменительной деятельности.

Более широкого подхода придерживается М.В. Залоило, рассматривающий конкретизацию как объективно-субъективный процесс, заключающийся в переводе абстрактных юридических норм в более определенные правила, в развитии юридических норм посредством уточнения, детализации, дополнения; в индивидуализации юридических норм применительно к конкретным субъектам правоотношения, их правам и обязанностям. Конкретизация способствует воплощению юридической нормы в действительность, непосредственному применению ее к конкретному случаю<sup>2</sup>. При этом названный автор выделяет три формы конкретизации: правотворчество, правореализацию, правоинтерпретацию<sup>3</sup>. Н.А. Власенко отмечает, что «конкретизация нормы права отнюдь не влечет за собой ликвидации или изменения генерализующей нормы, а, наоборот, расширяет либо частично сужает ее содержание, не затрагивая при этом формы, содержания или функции конкретизируемой нормы, то есть не изменяя ее»<sup>4</sup>. В процессе конкретизации правило правового регулирования, содержащееся в правовой норме, уточняется в отношении отдельного вида правоотношения. При этом конкретизирующая норма, как правило, получает привязку к норме основной и нередко применяется совместно с ней.

Очевидно, что, говоря о конкретизации как логической операции, некоторые вышеуказанные авторы дают ей весьма узкие характеристики и ограничиваются сферой правоприменения. Обосновать наличие такой

---

<sup>1</sup> См.: Утяшов Э.К. О необходимости конкретизации норм правового режима военного положения // Вопросы экономики и права. 2015. № 8. С. 13.

<sup>2</sup> См.: Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

<sup>3</sup> См.: Залоило М.В. Указ. соч. С. 8–9.

<sup>4</sup> Власенко Н.А. Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: матер. международ. симпози. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2008. С. 59.

конкретизации в правотворчестве не представляется возможным. Но как только требуется обосновать эти характеристики эмпирическими примерами, исследователи вынуждены прибегать к действующему законодательству и специальным нормам права. Таким образом, в результате конкретизации появляются специальные нормы, которые часто называются конкретизированными (или конкретизирующими).

Из вышеизложенного следует, что *конкретизация приводит к появлению в праве специальных правил, а соответственно, выступает основным методом специализации права.*

Основной формой конкретизации, в результате которой образуются специальные нормы, является *правотворческая деятельность*. На существование данной формы указывают практически все современные авторы. Помимо правотворчества в качестве форм конкретизации права называют правоприменительную и правоинтерпретационную деятельность. При ответе на вопрос являются ли правоприменение и толкование формами конкретизации права, следует определить, возможно ли изменение правила, содержащегося в правовой норме, при осуществлении правоприменения и толкования. Как нам представляется, толкование способно приводить к изменению содержащегося в норме правила (содержания нормы). Не случайно А.Ф. Черданцев связывал конкретизацию именно с интерпретационной деятельностью, указывая, что конкретизация как процесс выведения более конкретных положений из более общих норм – это сам процесс толкования и ничего более<sup>1</sup>. Проводя соотношение между толкованием права по объему и конкретизацией, Ю.А. Гаврилова отмечает, что в реальной юридической практике нельзя четко разграничить процессы толкования и конкретизации, поэтому конкретизация смысла и требований нормы представляет и цель, и средство толкования, а оно, в свою очередь, является не методом, а официальным результатом состоявшейся

---

<sup>1</sup> См.: Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 38.

конкретизации<sup>1</sup>. Таким образом, *правоинтерпретационная деятельность может выступать формой конкретизации и, соответственно, специализации права.*

Не столь однозначен ответ на вопрос о правоприменительной деятельности как форме конкретизации, хотя изначально процесс конкретизации изучался именно в рамках судебного правоприменения<sup>2</sup>. Представляется, что правоприменительная деятельность является формой выражения конкретизации права в придаваемом нами смысле (как метода специализации права). М.Л. Давыдова, рассматривая содержательные аспекты конкретизации и сопоставляя правотворческую и правоприменительную конкретизацию, приходит к выводу, что правоприменительная конкретизация по форме является толкованием, а по содержанию – правотворчеством<sup>3</sup>. С подобным выводом вряд ли можно согласиться, поскольку толкование, правотворчество, правоприменение реализуются в относительно самостоятельных видах деятельности. В.В. Лазарев замечает, что конкретизация как творческий процесс, приводящий к созданию новых правоположений, выходит за пределы применения правовых норм, хотя и обслуживает деятельность правоприменительных органов<sup>4</sup>. Однако отрицать наличие конкретизации при применении нормы права нельзя.

В юридической литературе конкретизацию часто связывают с судебным правоприменением. Так, С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров выделяют две стадии (степени) конкретизации права в судебной деятельности. Первая стадия состоит из подведения правил под конкретные правоотношения по гипотезе, диспозиции, санкции. Учет и определение конкретных сторон случая, который надо подвести под закон, и ведет к выработке в судебной практике общих положений,

---

<sup>1</sup> См.: *Гаврилова Ю.А.* Конкретизация правовых норм и толкование права по объему // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. 2007. Вып. 9. С. 47.

<sup>2</sup> См., напр.: *Безина А.К., Лазарев В.В.* Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 6-7; *Их же.* Правоконкретизирующая деятельность судов и ее роль в развитии советского права // Вопросы социалистической законности в деятельности административных и хозяйственных органов (по материалам Татарской АССР). Казань, 1968. С. 93–107.

<sup>3</sup> См.: *Давыдова М.Л.* Формальные и содержательные аспекты понятия «правотворческая конкретизация» // Новая правовая мысль. 2014. № 4 (63). С. 14.

<sup>4</sup> См.: *Лазарев В.В.* Применение советского права. Казань, 1972. С. 57-58.

конкретизирующих норму права, ведет, по мнению указанных авторов, к процессу конкретизации. Данная стадия конкретизации связана с разъяснением содержания закона в процессе его применения к конкретному отношению. Суд при этом не создает другого правила, а решение суда непосредственно строится на основе силлогизма. Вторая стадия, напротив, ведет к созданию детализирующих закон положений в рамках закона, т. е. практически к созданию в процессе толкования и правоприменения положений своеобразного нормативного характера, отличающихся от подзаконных актов иных государственных органов, уполномоченных на издание этих актов, некоторыми существенными особенностями<sup>1</sup>. На наш взгляд, не все из вышеуказанных стадий направлены на конкретизацию права. Несложно заметить, что первая стадия составляет содержание юридической квалификации, в рамках которой конкретизация нормы не осуществляется, а происходит сопоставление абстрактных признаков гипотезы и фактических обстоятельств правоотношения. Правоприменительная конкретизация нормы должна приводить к созданию индивидуального положения. Поэтому только вторая из выделяемых исследователями стадий направлена на конкретизацию права в нашем понимании.

Таким образом, *специализация права имеет своим непосредственным объектом правовые нормы (предписания) и направлена на выработку специальных правил, применимых к более узкому кругу правоотношений (или регулирующих лишь отдельные части, этапы правоотношения). Специализация права осуществляется в форме правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности. В основе специализации права лежит логическая операция ограничения понятия, то есть дополнение понятия видовым признаком. Методом специализации выступает конкретизация права. Дифференциация и интеграция права (закона) не выступает ни формой, ни стадией процесса специализации права.*

---

<sup>1</sup> См.: Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М., 1975. С. 19–21.

## § 2. Понятие, формы и методы унификации права

Термин «унификация» (от лат. unio – единство и facere – делать) означает «приведение к единообразию, единой норме, единой форме»<sup>1</sup>, «подведение чего-либо под единую систему, приведение к единообразию»<sup>2</sup>. С.К. Магомедов указывает, что унификацию в самом общем смысле можно определить как рациональное приведение различных форм к единообразию, к единой форме, к единой норме<sup>3</sup>. О.Н. Садиков под унификацией понимает «процесс выработки единых (унифицированных) правовых норм для сходных отношений, независимо от того, в каких правовых формах такой процесс осуществляется»<sup>4</sup>. М.И. Бару полагает, что унификация есть «устранение различий в регулировании сходных отношений»<sup>5</sup>. И.Н. Сенякин связывает процесс унификации с законодательством и называет следующие предварительные условия осуществления унификации: высокий уровень специализации законодательства; потребность в унификации правового материала; противоречивость законодательства; его терминологическая разобщенность<sup>6</sup>. Л.Е. Смирнова отмечает, что унификация – это глубокий и многогранный процесс, «неограниченный только пределами законодательства, и более правильно говорить об унификации в праве. Очевидно, что унификация распространяется на все формы правовой материи: правовые нормы и их структурные элементы, группы правовых норм, институты, отрасли права,

---

<sup>1</sup> Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 4. С. 423.

<sup>2</sup> Словарь иностранных слов: в 2 т. / под ред. Т.Н. Гурьевой. М., 2002. Т. 2: М–Я. С. 322.

<sup>3</sup> См.: Магомедов С.К. Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 68.

<sup>4</sup> Садиков О.Н. Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 95.

<sup>5</sup> Бару М.И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 45.

<sup>6</sup> См.: Сенякин И.Н. Унификация как средство совершенствования законодательной терминологии // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: матер. междунар. круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007. С. 148.



нормативно-правовые акты и т.д.»<sup>1</sup>. И под унификацией предлагает понимать «осуществляемый правотворческими органами процесс, направленный на обеспечение единообразного правового регулирования сходных (однородных) либо совпадающих (тождественных) общественных отношений в ходе создания или совершенствования нормативно-правовых предписаний или их элементов»<sup>2</sup>.

В международном праве унификацией принято считать процесс создания и введения в правовые системы единообразных правовых предписаний. Г.К. Дмитриева указывает, что «унификация права означает сотрудничество государств, направленное на создание, изменение или прекращение одинаковых (единообразных, унифицированных) правовых норм во внутреннем праве определенного круга государств»<sup>3</sup>. Однако в юридической литературе имеется и более широкое понимание унификации. Так, Н.Г. Доронина под унификацией права понимает движение к гармоничному взаимодействию различных правовых систем или взаимодействие национально-правовых систем, уже достигших определенной степени гармонии. «Унификация права в широком значении этого понятия заключается не в том, чтобы снять различия в правовом регулировании аналогичных отношений в праве отдельных государств, создав единообразные нормы права, а в том, чтобы снять препятствия на пути международного сотрудничества и связанного с ним развития регулируемых национальным правом отношений»<sup>4</sup>.

Вышеназванные определения и признаки свидетельствуют об отсутствии в юридической науке единого понимания унификации. Сферой действия унификации, как правило, называют сходные (однородные) либо совпадающие (тождественные) общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании или уже подвергнутые ему, а в качестве объекта унификации указывают не только нормы права, регулирующие данные общественные

---

<sup>1</sup> Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. С. 15.

<sup>2</sup> Там же. С. 18.

<sup>3</sup> Международное частное право: учебник / под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2004. С. 101.

<sup>4</sup> Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 59-60.

отношения, но и другие элементы правовой системы: нормативно-правовая терминология, правовая политика, правовые ценности и т.д.

Под объектом унификации в праве мы предлагаем понимать элементы системы, приводимые к единообразию, – нормы права (или правовые преписания). Следует ли рассматривать в качестве таких объектов только нормы права или же допустимо расширить круг данных объектов, включив в него иные элементы правовой системы? Ответ на данный вопрос может быть получен при изучении многочисленных специальных исследований разновидностей унификационного процесса. Так, В.Ю. Туранин рассматривает в качестве объекта унификации юридическую терминологию, отмечая, что работа по унификации юридических терминов должна осуществляться в два этапа. Во-первых, «в результате логико-понятийного анализа юридического языка необходимо разработать четкую сетку терминов, подлежащих унификации». Во-вторых, «уточняя, систематизируя и унифицируя названия того или иного понятия», следует учитывать ряд правил, приведенных указанным автором. В качестве примера противоречивого использования терминов В.Ю. Туранин приводит термин «ущерб» в контексте ст. 42 и 52 Конституции РФ<sup>1</sup>. Однако В.Ю. Туранин в качестве всех своих примеров использования противоречивых терминов приводит легальные определения, закрепленные в нормативных правовых актах. Такие определения – суть нормы права особой разновидности, называемые дефинитивными, или нормами-дефинициями. Можно, конечно, предположить, что процессу унификации могут подвергаться и правовые понятия, изложенные в науке. Однако вряд ли такая унификация возможна и допустима теми же способами, что и унификация легальных юридических терминов. Таким образом, объектом унификации выступает только часть юридической терминологии, имеющей нормативное значение, закрепленная в правовых актах. Данный вывод подтверждают и иные специальные исследования вопроса унификации

---

<sup>1</sup> См.: Туранин В.Ю. Проблемы и перспективы унификации терминологии // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 46-47.

терминологии. Например, С.К. Магомедов и Л.Ю. Фомина изначально ограничивают круг объектов унификации сферой нормативной терминологии<sup>1</sup>.

В ряде случаев в качестве объекта унификации называют субъективные права и юридические обязанности (для выравнивания правового статуса отдельных субъектов правоотношений). В конечном счете речь также идет именно об унификации правовых норм (их совокупности в виде института), устанавливающих указанный правовой статус<sup>2</sup>.

Анализ исследований по вопросам правовой унификации позволяет выявить, что в них объектами унификации называют правовое регулирование<sup>3</sup>, право<sup>4</sup>, нормы права<sup>5</sup>, законодательство<sup>6</sup> или нормативно-правовые акты<sup>7</sup>. При

---

<sup>1</sup> См.: *Магомедов С.К.* Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 23–31; *Фомина Л.Ю.* Унификация нормативной правовой терминологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

<sup>2</sup> См., напр.: *Абдуллин А.И.* Право интеллектуальной собственности в Европейском Союзе: генезис, унификация, перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006; *Бару М.И.* Указ. соч. С. 45–46.

<sup>3</sup> См., напр.: *Пакерман Г.А.* Унификация правового регулирования иностранных инвестиций в странах Содружества Независимых Государств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Порфирьева Е.К.* Унификация правового регулирования условий внешнеэкономических контрактов в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2000.

<sup>4</sup> См., напр.: *Дмитриева Г.К.* Унификация и гармонизация права: новые формы // Унификация международного частного права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. И.О. Хлестова. М., 2013. С. 14–25; *Доронина Н.Г.* Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции. С. 53–67; *Пакерман Г.А.* Методы унификации права на примере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 98–109; *Маковская А.А.* Унификация международного частного права в рамках Европейского сообщества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992; *Сафронова С.С.* Международная унификация права, регулирующего заключение и прекращение брака: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

<sup>5</sup> См., напр.: *Вилкова Н.Г.* Унификация коллизионных норм в рамках СНГ // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 91–97; *Кутафин Д.О.* Унификация и гармонизация норм права о залоге в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Петросян Р.А.* Проблемы применения в российской правовой системе унифицированных норм международного частного права // Унификация международного частного права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. И.О. Хлестова. М., 2013. С. 25–36; *Рехтина И.В.* Об унификации норм, регулирующих производство в порядке надзора в гражданском процессе // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 65–71; *Синева Н.А.* Унификация правовых норм, регулирующих внешнеторговое обязательство: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

<sup>6</sup> См., напр.: *Никитин С.В., Поскребнев М.Е., Князькин С.И.* Проблемы унификации гражданского процессуального законодательства // Российское правосудие. 2015. № 5 (109). С. 100–108.

<sup>7</sup> См., напр.: *Доронина Н.Г.* Унификация законодательства об иностранных капиталовложениях в Латинской Америке (на примере стран – членов Андской группы) //

указании в качестве объекта унификации правового регулирования анализируется не весь его механизм, а лишь его основной элемент – правовая норма. Правовое регулирование как объект унификационного процесса рассматривается, как правило, в рамках работ по международному праву, в которых проводится сравнительно-правовой анализ нормативного регулирования определенных общественных отношений в правовых системах различной национальной принадлежности<sup>1</sup>. В связи с этим исследуется только нормативный элемент правового регулирования, т.е. сравниваются соответствующие блоки правовых норм, регулирующих аналогичные правоотношения. Поэтому вряд ли можно говорить об унификации всего механизма правового регулирования. Право как объект унификации, кроме того, часто рассматривается в исследованиях по международному праву. Причем право анализируется в них в рамках позитивистской концепции, т.е. как совокупность правовых норм. Под унификацией права Г.К. Дмитриева предлагает понимать «создание одинаковых (унифицированных) норм во внутреннем (национальном) праве разных государств»<sup>2</sup>. Таким образом, в конечном итоге исследователи также в качестве непосредственного объекта унификации указывают правовую норму.

В отличие от вышеназванных позиций, при которых происходит отождествление объектов правовой унификации (норма права – правовое регулирование; норма права – право в целом), позиция исследователей, указывающих на законодательство как на объект унификации, на первый взгляд представляется более обоснованной. Предположение об унификации законодательства строится на традиционном понимании закона как формы права. Такое разграничение позволило отдельным авторам предложить оригинальную

---

Правоведение. 1981. № 6. С. 87–92; *Каринский С.С.* Дифференциация и унификация советского трудового законодательства // Правоведение. 1966. № 3. С. 48–57; *Осьмаков В.Н.* Унификация российского законодательства (вопросы теории и практики): монография. Волгоград, 2011; *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства...; *Тарасенко О.А.* Унификация законодательства субъектов Федерации о налогах и сборах // Государство и право. 2002. № 11. С. 116–121; *Хргиан А.А.* Унификация нормативных актов о трансграничной несостоятельности в странах ЕС: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

<sup>1</sup> См.: *Порфирьева Е.К.* Указ. соч. С. 5.

<sup>2</sup> *Дмитриева Г.К.* Указ. соч. С. 14.

концепцию развития законодательства и права. Например, Д.Е. Петров, разграничивая понятия «унификация законодательства» и «интеграция в праве», отмечает, что смешение указанных понятий приводит к тому, что «говоря об унификации законодательства, предполагают сопоставимые процессы в праве либо прямо указывают их... В результате этого попытки охарактеризовать в том числе и процессы, происходящие в содержании права, выражаются в чрезмерно широких определениях унификации законодательства»<sup>1</sup>. Он полагает, что «объект унификации относится к формальной стороне права, в то время как в содержании права проходят интеграционные процессы»<sup>2</sup>. Подчеркнем, что автор настоящей работы при исследовании вопроса правовой интеграции высказал идею о необходимости рассмотрения в качестве внутреннего диалектического процесса развития права именно процесса интеграции, но не унификации<sup>3</sup>. Однако дальнейшее исследование и разграничение категорий «унификация» и «интеграция» отчетливо показывает ошибочность данного вывода. Так, И.Н. Сенякин, являющийся одним из первых исследователей унификационных процессов, отметил, что «унификация имеет двуединую направленность. Она представляет собой не только выработку общих предписаний по тем или иным сходным проблемам социального развития, но и грамотную технико-формализованную обработку уже принятых унифицированных положений, т.е. систематизацию»<sup>4</sup>. Таким образом, и при исследовании законодательства как объекта унификации ученые, за некоторым исключением, обращаются к его содержанию, т.е. к правовым нормам. Поэтому в качестве объекта унификации и в этом случае выступает норма права, а не нормативно-правовой акт.

Для окончательного определения объекта унификации остается только проанализировать отдельные исследования, авторы которых определяют объект исследования достаточно оригинально или уклоняются от его определения. Как

---

<sup>1</sup> Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2015. С. 330-331.

<sup>2</sup> Там же. С. 333.

<sup>3</sup> См.: Потапенко Е.Г. Теоретические основы правовой интеграции: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 68–108.

<sup>4</sup> Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства... С. 97.

правило, данные исследования носят отраслевой характер. Среди них можно назвать, например, диссертационное исследование Е.В. Мищенко «Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел»<sup>1</sup>. На первый взгляд автор в качестве объекта унификации определил формы производства по отдельным категориям уголовных дел. Однако дальнейшее ознакомление с работой показывает, что под уголовно-процессуальной формой он понимает «двуединое правовое явление, характеризующееся с внешней стороны совокупностью норм уголовно-процессуального закона, регулирующих определенные правоотношения, и содержащие определенный, обязательный, атрибутивный порядок производства по уголовному делу...»<sup>2</sup>. Унификацию уголовно-процессуальной формы Е.В. Мищенко рассматривает как деятельность законодателя «по приведению к единообразию группы норм...»<sup>3</sup>. В диссертационной работе Л.Е. Смирновой «Унификация в уголовном праве» под правовой унификацией понимается «осуществляемый правотворческими органами процесс, направленный на обеспечение единообразного правового регулирования сходных (однородных) либо совпадающих (тождественных) общественных отношений в ходе создания или совершенствования нормативно-правовых предписаний или их элементов»<sup>4</sup>. Однако автор далее уточняет, что сущностной чертой унификации является единообразие; субъектом – правотворческие органы; основанием – сходство либо совпадение общественных отношений; сферой действия – сходные либо совпадающие общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании либо уже подвергнутые ему; объектом воздействия – нормативно-правовые предписания, регламентирующие указанные отношения; целью – обеспечение единообразия в правовом регулировании таких отношений<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> *Мищенко Е.В.* Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2014.

<sup>2</sup> Там же. С. 19.

<sup>3</sup> Там же. С. 22.

<sup>4</sup> *Смирнова Л.Е.* Указ. соч. С. 7.

<sup>5</sup> См.: *Смирнова Л.Е.* Указ. соч.

Исследованию вопроса унификации гражданского судопроизводства посвящены работы Н.А. Громошиной и Е.В. Слепченко. Анализ диссертационного исследования Н.А. Громошиной показывает, что автор не ставил своей целью определить непосредственный объект унификационных процессов в гражданском судопроизводстве. Поэтому в качестве такого объекта она называет арбитражный и гражданский процесс<sup>1</sup>, нормы и институты ГПК РФ и АПК РФ<sup>2</sup>. Е.В. Слепченко, в свою очередь, в качестве объекта унификации рассматривает гражданское процессуальное законодательство<sup>3</sup>. Вышеуказанные авторы, к сожалению, не опускаются до первичного элемента – процессуальной нормы, не рассматривают ее как непосредственный объект унификации (хотя и подразумевают это), а переходят к исследованию более сложных категорий – гражданского судопроизводства, процесса, законодательства.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на завуалированность объекта унификации в большинстве работ по данной тематике, в конечном итоге *в качестве объекта унификации выступают правовые нормы.*

Для более полного понимания процесса унификации и правильного его разграничения со смежными процессами и категориями считаем целесообразным исследовать вопрос о методах и формах унификации права.

В теории международного права выделяют правовые или неправовые методы международной унификации. В качестве правовых методов унификации называют международные договоры универсального и регионального характера, международные соглашения. К неправовым методам относят создание факультативных принципов и правил, типовых контрактов, обобщение торговых обычаев<sup>4</sup>. Данное мнение представляется нам не вполне убедительным,

---

<sup>1</sup> См.: Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 24, 93.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 101.

<sup>3</sup> См.: Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблема единства и дифференциации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2012. С. 197, 206, 216.

<sup>4</sup> См.: Вельяминов Г.М. О понятиях международного частного права, правовой унификации и права в целом // Закон. 2013. № 12. С. 133-134.

поскольку, во-первых, договоры и соглашения выступают не методами, а средствами международной унификации, а во-вторых, неправовыми методами невозможно достигнуть цели унификации – создания единой нормы. На наш взгляд, способами международной правовой унификации выступают рецепция<sup>1</sup> и имплементация<sup>2</sup> права.

Внутригосударственная правовая унификация – отдельный уровень нормативной унификации. *Основным методом такой унификации выступает обобщение*, в основе которого лежит одноименная логическая операция (исключение видового признака). В литературе нормы права и нормативные обобщения противопоставляются. Так, В.М. Шафиров указывает, что «право, как нормативная регуляция не сводится к нормам или к их системе. Юридическая норма есть одно из его проявлений, один из носителей важнейшего свойства права. Другим носителем данного свойства права выступают нормативные обобщения. Нормативные обобщения – это нормативные регулятивные средства, которые в сжатом, концентрированном виде выражают содержание права. Такими средствами являются правовые принципы, цели, задачи, дефиниции, презумпции и т.п.»<sup>3</sup>. Однако противопоставлять нормы права как правила поведения и нормативные обобщения не следует. Правовые правила также могут возникать в результате обобщения признаков регулируемых отношений и обобщения ранее существовавшего нормативного материала. Особенно ярко нормативные

---

<sup>1</sup> О понятии и механизмах рецепции на международном уровне см., напр.: *Никитина Н.К.* Российское законодательство в условиях глобализации (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 11; *Рыбаков В.А.* Способы развития системы права // Государство и право на рубеже веков: сб. науч. раб. / отв. ред. Е.Л. Невзгодина. Омск, 2000. Вып. 3. С. 23.

<sup>2</sup> О понятии и механизмах рецепции на международном уровне см., напр.: *Тихомиров Ю.А.* Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 10; *Тихомиров Ю.А.* Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 12.

<sup>3</sup> *Шафиров В.М.* Норма права и нормативные обобщения // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. М.М. Журавлева, А.М. Барнашова, В.М. Зуева. Томск, 2011. С. 5.



обобщения проявляются при систематизации законодательства<sup>1</sup> особенно в форме кодификации<sup>2</sup>. «Нормативное обобщение является наиболее важной чертой кодифицированных актов. Там, где нет хотя бы стержневого, кодифицированного акта, очень трудно (практически невозможно) проводить нормативные обобщения»<sup>3</sup>.

Поскольку объектом унификации выступает правовая норма, постольку в качестве внешней формы данного процесса может выступать только правовая форма. Унификация по своей природе представляет собой некий процесс, т.е. совокупность последовательно совершаемых действий и операций. Внешняя форма выражения указанного процесса – правовая деятельность. Отсюда следует, что основной формой унификации является правотворческая деятельность. Это очевидно, т.к. именно правотворческая деятельность может иметь своей непосредственной целью создание унифицированной нормы. В каждой правовой системе такая деятельность наполняется своим содержанием. Это может быть только законодательный (или нормотворческий) процесс в странах романо-германской правовой системы, а также судебная деятельность в той части, в которой в результате ее осуществления формируется новая норма права (или принцип правового регулирования). Но является ли правотворческая деятельность единственной формой правовой унификации? Представляется, что нет. Норма права, а именно ее содержание (правило поведения, дефиниция, принцип и т.д.), является объектом воздействия отнюдь не только правотворчества, но и толкования права. Так, Е.В. Васьковский видел задачу толкования в «раскрытии содержания нормы», в «развитии ее смысла», «выяснении мысли и воли законодателем»<sup>4</sup>. Об этом свидетельствуют и разновидности толкования, и многочисленные примеры актов толкования правовых норм. Стоит указать,

---

<sup>1</sup> См.: *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства... С. 188;

<sup>2</sup> См.: *Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько.* М., 1997. С. 378–382.

<sup>3</sup> *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 287.

<sup>4</sup> См.: *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и применению законов (для начинающих юристов). М., 1913. С. 4–10.

например, на распространительное или ограничительное толкование права, при которых изменение их содержания предполагается<sup>1</sup>.

Таким образом, формами унификации правовых норм выступают *правотворческая и правоинтерпретационная деятельность*. Что касается правоприменения, то, на наш взгляд, оно также является формой унификации. В ряде случаев толкование есть часть правоприменительного процесса. Этот вывод, в свою очередь, указывает на то, что изменение (или установление) содержания правовой нормы может осуществляться в рамках правоприменительного процесса (например, при правоприменении высшими судами). Кроме того, как показывает практика, обобщения часто делаются не только в актах толкования, но и в актах применения правовых норм, особенно на уровне Конституционного Суда РФ и судебных коллегий Верховного Суда РФ. Анализ форм унификации необходим в том смысле, что средства унификации по своей сути представляют собой акты правотворческой и правоинтерпретационной деятельности. Однако здесь стоит учитывать тот факт, что унификация – это процесс по своим способам неоднородный. Применяемые способы зависят от уровня унификации. Представляется обоснованным выделение международной<sup>2</sup> и внутригосударственной унификации. При международной унификации объектами выступают национальные правовые системы. При внутригосударственной унификации процесс ограничивается рамками одной национальной системы. Внутригосударственная унификация, в свою очередь, подразделяется на межотраслевую и внутриотраслевую. При межотраслевой унификации к единообразию приводятся нормы различных отраслей, например, нормы

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Тихонравов Е.Ю.* Понятие расширительного и ограничительного толкования права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 78–90.

<sup>2</sup> Примером названных процессов на международном уровне в направлении цифровизации исполнительного производства можно назвать Всемирный кодекс цифрового исполнения, представленный на XXIV Конгрессе Международного союза судебных исполнителей в Дубае (22-25 ноября 2021 г.). (см.: *Кузнецов Е.Н.* Мировые тенденции цифровизации исполнительного производства // Вестник института права Башкирского государственного университета. 2022. № 4 (16). С. 126-132).

гражданского и земельного права. При внутриотраслевой унификации единообразные правила устанавливаются в различных институтах одной отрасли.

### **§3. Специализация и унификация как закономерные взаимосвязанные процессы развития права**

Изложенное в предыдущем параграфе об унификации и специализации в праве позволяет сделать вывод о взаимосвязанности указанных процессов, их взаимообусловленности и совместном сосуществовании в рамках цивилистической процессуальной системы. Но данное предположение не является настолько очевидным, что не требует теоретического обоснования и эмпирического подтверждения. Так, например, М.К. Юков рассматривал унификацию не как противопоставление специализации (дифференциации), а ключ к определению границ последней<sup>1</sup>. Остается, однако, неясным каким образом унификация может определять пределы специализации без противопоставления последней. Кроме того, в юридической литературе процессы специализации и унификации часто подменяются иными терминами: интеграция, дифференциация, гармонизация, сближение и т.д. Это требует не только обоснования взаимосвязи специализации и унификации и их объективной необходимости, но и отграничения данных процессов от иных категорий и явлений, разрешения некоторой терминологической путаницы, имеющейся в литературе по этой тематике.

Поскольку унификация и специализация представляют собой *процессы изменения цивилистического процессуального права*, постольку взаимосвязь унификации и специализации права носит диалектический характер, т.е. проявляется наиболее полно в движении, развитии, учитывая многофакторную детерминированность содержания права от внутренних и внешних условий. Диалектический характер такой взаимосвязи препятствует ее полному раскрытию

---

<sup>1</sup> См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 75-76.

и познанию на ограниченном современными рамками этапе развития российского цивилистического процессуального права, поскольку действительность определяется как некоторая совокупность обстоятельств. Полное же уяснение всех особенностей развития права в определенный период возможно лишь по истечении достаточно длительного времени. Кроме того, задача определения характера и особенностей взаимосвязи специализации и унификации на современном этапе права, на наш взгляд, выходит за рамки настоящего исследования и выглядит несколько утопичной, т.к. требует от исследователя детального анализа всего исторического развития российского права. В связи с этим нам необходимо определить лишь основные признаки такой взаимосвязи, а также обозначить место унификации и специализации среди иных происходящих в праве процессов.

Под развитием с точки зрения диалектического познания понимается упорядоченное и закономерное необратимое и направленное изменение объекта, связанное с возникновением новых тенденций существования системы<sup>1</sup>. Анализируя развитие систем, А.Н. Аверьянов отмечал, что «мир, будучи системой систем, сложнейшим материальным образованием, находится в процессе непрерывного движения, возникновения и уничтожения, взаимоперехода одних систем в другие, причем одни системы изменяются медленно и длительное время кажутся неизменными, другие же – настолько стремительно, что в рамках обыденных человеческих представлений фактически не существуют»<sup>2</sup>.

С логической точки зрения взаимосвязанность процессов унификации и специализации обосновывается тем, что они представляют собой качественное изменение права – изменение его содержания. В философии традиционно понятие «изменение» связывается с понятиями движения и развития. Движение рассматривается как одна из форм изменения. Вместе с тем изменение есть неотъемлемый элемент движения наряду с устойчивостью. «В мире присутствуют

---

<sup>1</sup> См.: Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 478, 479.

<sup>2</sup> Аверьянов А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985. С. 101-102.

различные типы и виды изменчивости. Самая общая их градация может быть проведена как разделение их на качественные и количественные»<sup>1</sup>.

Изменения в содержании права есть изменения качественные, т.к. они предполагают не только увеличение или уменьшение количества правовых норм, но, в первую очередь, изменение правил правового регулирования. Изложенное позволяет констатировать, что унификация и специализация есть процессы качественного изменения права, поскольку приводят к изменению его содержания. Данные процессы для права являются *диалектическими*, т.е. связаны с развитием, поскольку как определенная форма изменения содержания права выступают неизменными атрибутами его развития. Соответственно, как и указывалось ранее, взаимосвязь унификации и специализации не может иметь иной характер, кроме как диалектический.

Еще одним аспектом взаимосвязи унификации и специализации выступает *единая сфера их осуществления – содержание права как система нормативных предписаний (правил)*. Унификация и специализация приводит к появлению новых правил поведения (предписаний) в виде специальной или общей нормы (или правоположения). Определить вид нового правила можно только посредством двух логических операций: во-первых, путем анализа содержания данной нормы, во-вторых, через сопоставление нового правила с существующими правовыми нормами, в том числе в аспекте предмета регулирования. Только после указанных операций возможно ответить на вопрос, является ли данная норма специальной или общей. Но необходимо учитывать, что и унификация, и специализация есть закономерные длящиеся процессы, которые не исчерпывают всех форм изменения права. Так, при исключении правовой нормы содержание права меняется, но новая норма не появляется. Кроме того, появление единичной новой нормы не всегда может свидетельствовать об унификации или специализации права, поскольку часто связано с устранением неточностей в правовом регулировании путем замены правовых норм. Таким образом, изменения в форме

---

<sup>1</sup> Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова.. С. 477.

исключения, замены на аналог, корректировки правовых норм, дублирования, как правило, не отражают процессы унификации или специализации права.

Указание на содержание права как на сферу осуществления унификации и специализации крайне важно, т.к. позволяет, во-первых, сделать вывод об однородности данных процессов, во-вторых, отграничить их от смежных правовых преобразований, с которыми рассматриваемые процессы часто отождествляются. Однородность унификации и специализации, рассмотрение их как явлений качественного изменения права и неотъемлемых атрибутов его развития позволяют сделать вывод о тесной взаимосвязи унификации и специализации. Однако характеристика данной взаимосвязи не может быть этим исчерпана. Унификация и специализация как закономерные процессы развития права имеют разную направленность. Если результат специализации на элементарном уровне – специальное правило правового регулирования, применяемое к определенному правоотношению, то результат унификации – единая (общая) норма, охватывающая в силу своей абстрактности более широкую часть правоотношения и содержащее генеральное правило. Таким образом, унификация и специализация представляют собой противоположные процессы. Как отмечается в философии, противоположности – это такие стороны, которые одновременно: а) неразрывно связаны; б) взаимоисключают друг друга, причем не только в разных, но и в одном и том же отношении; в) взаимопроникают и – при определенных условиях – переходят друг в друга (положительное – отрицательное, ассимиляция – диссимиляция, теория – практика, материальное – идеальное и др.)<sup>1</sup>. С подобными процессами исследователи связывали и связывают развитие права. «Процесс правообразования, – писал Г.Ф. Шершеневич, – заключается именно в постепенной все большей дифференциации права в сфере правил общежития, в дифференциации, происходящей внутри права, и в интеграции норм права, которая выражается в том, что, несмотря на постоянное возрастание числа норм права, происходит соединение и

---

<sup>1</sup> См.: Философия: учебное пособие для вузов / под ред. Т.И. Кохановской. 6-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 2003. С. 135-136.

координирование их в институты»<sup>1</sup>. Таким образом Г.Ф. Шершеневич описывал процесс специализации права. Рассматривая специализацию и унификацию в механизме правового регулирования, И.Н. Сенякин отмечает, что данные тенденции обретают свою изначальную правовую материализацию в процессе правотворчества и находят практическую реализацию в сфере правоотношений, на основе которых возникают общие и конкретные правоотношения<sup>2</sup>. «Единство (тождество) конкретных противоположностей образует противоречие (диалектическое)... Тем самым развитие предстает как процесс возникновения, роста, обострения и разрешения многообразных противоречий, среди которых определяющую роль играют внутренние противоречия данного предмета или процесса. Именно они и выступают в качестве решающего источника, движущей силы их развития»<sup>3</sup>.

Таким образом, специализация и унификация есть два взаимосвязанных процесса развития права. Их взаимосвязь заключается в *противоречии (противопоставлении)*. «В русле отечественной философской традиции, сложившейся в XX в., принято выделять три всеобщих закона диалектики: закон отрицания отрицания, закон перехода количественных изменений в качественные и закон единства и борьбы противоположностей. Последний точнее можно было бы именовать законом взаимодействия противоположностей, учитывая, что противоположности бытия могут и не «бороться» друг с другом, а гармонично друг друга дополнять и обогащать»<sup>4</sup>. Унификация и специализация призваны уравновесить друг друга в процессе правового развития. Изоляция одного из этих процессов, отдельное его рассмотрение представляет собой лишь гносеологический прием. В реальности данные процессы сосуществуют совместно. Перекос в сторону одной или другой тенденции создает ряд негативных последствий. Чрезмерная унифицированность препятствует

---

<sup>1</sup> Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1. С. 508.

<sup>2</sup> См.: Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства... С. 138, 159.

<sup>3</sup> Философия: учебное пособие для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. Т.И. Кохановской... С. 136.

<sup>4</sup> Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова... С. 483.

нормальному развитию, создает излишнюю статичность права и не учитывает специфику отдельных правоотношений, в том числе вновь возникающих. Специализация права приводит к тому, что каждый отдельный вид правоотношений или даже какая-либо их часть регулируется отдельной нормой. Подобная тенденция приводит к значительному росту нормативного материала, правовым коллизиям.

Вышеуказанная взаимосвязь унификации и специализации с познавательной точки зрения позволяет рассматривать их в качестве *парных диалектических категорий*. Подобный гносеологический прием уже неоднократно использовался в правовой науке и показал свою эффективность<sup>1</sup>. Унификация и специализация как парные диалектические категории есть логические формы отображения противоположных процессов изменения содержания права. Совместное рассмотрение унификации и специализации цивилистического процессуального права способствует более полному познанию и раскрытию отдельных сторон развития, факторов, его детерминирующих.

Противоречивость как вид взаимосвязи между унификацией и специализацией является неизменной на любом этапе развития права. Именно такая взаимосвязь необходима в рамках развития. При ее нарушении борьба противоположных диалектически взаимосвязанных процессов прекращается, следовательно, останавливается и развитие права. Пока существует один из указанных процессов, второй является его неизменным спутником. И обособить процесс специализации или унификации можно достаточно условно, логически выделив его в рамках статически рассматриваемой системы права. В действительности в процессе развития права ни специализация, ни унификация существовать обособленно и самостоятельно не могут. В этом состоит их *единство*.

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Нырков В.В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; *Рудаков А.А.* Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006; *Фролова Н.Ю.* Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010.



Вместе с тем существо взаимосвязи специализации и унификации в форме противоречия не может свидетельствовать о том, что такая взаимосвязь не имеет изменчивых сторон. В связи с этим в качестве существенной характеристики взаимосвязи следует назвать *изменчивость*. В силу преемственности противоречивость как сущностная характеристика взаимосвязи между рассматриваемыми процессами измениться не может. Но это отнюдь не означает, что иные аспекты такой характеристики также остаются неизменными. Было бы неправильно отождествлять унификацию и специализацию в средневековый период и на современном этапе развития права. Очевидно, что такая взаимосвязь, несмотря на противоречивость, в различные периоды развития права имеет свою специфику. В качестве изменчивых характеристик взаимосвязи можно назвать *интенсивность* и *баланс*. Интенсивность как изменчивая характеристика взаимосвязи между унификацией и специализацией зависит от динамики форм их реализации (правотворчество, правоприменение, толкование). Например, в государствах так называемого переходного типа правотворчество достаточно динамично. Поскольку правотворческая деятельность есть основная форма рассматриваемых процессов, то это приводит к их интенсификации.

Единство унификации и специализации проявляется в процессе развития права. Однако в той или иной отдельно взятой точке такого развития баланс унификации и специализации права может быть различным. К сожалению, в процессе правового развития достаточно сложно выдерживать необходимый оптимальный уровень специализации и унификации права, поэтому и появляются негативные последствия перекоса в ту или иную сторону. В любом случае рассмотрение развития права в виде небольших отрезков времени показывает, что соотношение процессов специализации и унификации в каждом отрезке различно. В некоторых из них наблюдается преобладание специализации. В других – унификации.

Следующим основным признаком взаимосвязи специализации и унификации следует назвать *внутреннюю специфичность*. Применяя более распространенную юридическую терминологию, можно говорить об *отраслевой*

*специфичности* рассматриваемой взаимосвязи. В теории права общепризнанным положением является системность права. Традиционно под системой права понимается «определенная внутренняя его структура (строение, организация), которая складывается объективно как отражение реально существующих и развивающихся общественных отношений»<sup>1</sup>. Вместе с тем понятия «система» и «структура» не тождественны. Структура является необходимым признаком системы. Она включает в себя не только состав элементов системы, но и внутрисистемные связи между ними. О.С. Иоффе указывал, что «система права – это понятие, охватывающее совокупность юридических норм, действующих в данном обществе»<sup>2</sup>. Системность как неотъемлемый признак современного права предполагает наличие у него структуры, т.е. определенной совокупности взаимосвязанных элементов, имеющих специфику внутренней организации. Д.А. Керимов, рассматривая вопрос системности права, отмечал, что «система в праве – это объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования»<sup>3</sup>.

Процессы унификации и специализации как процессы развития права пронизывают всю его систему. Специализация и унификация свойственны не только праву в целом, но и его отдельным структурным элементам, в рамках которых взаимосвязь специализации и унификации имеет особенности. Данные особенности, конечно, не затрагивают сущностных характеристик взаимосвязи специализации и унификации, но основываются на изменчивых признаках. Иными словами, интенсивность и баланс унификации и специализации в рамках различных структурных элементов (как правило, отраслей права) могут быть разными. В один и тот же период в рамках одной отрасли могут преобладать унификационные процессы, тогда как другая отрасль продолжает интенсивно

---

<sup>1</sup> Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. С. 348.

<sup>2</sup> *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. СПб., 2004. Т. 2: Советское гражданское право. С. 50.

<sup>3</sup> *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М., 1972. С. 278.

специализироваться. Отраслевая специфичность основывается на относительной самостоятельности отраслей права, наличии у них своей структуры.

Вывод об отраслевой специфичности как признаке взаимосвязи унификации и специализации права является важным в рамках настоящего исследования, т.к. при рассмотрении вопроса осуществления указанных процессов в рамках гражданского процессуального права следует достаточно осторожно подходить к эмпирическим данным других отраслей. Полное тождество взаимосвязи и осуществления специализации и унификации в рамках различных отраслей права отсутствует, поэтому целесообразно, учитывая общие тенденции развития, в значительной степени сконцентрироваться на исследуемой отрасли (или совокупности отраслей) права и допускать некоторую аналогию взаимосвязи специализации и унификации в рамках различных отраслей только после необходимого анализа и проверки.

Таким образом, в качестве основных признаков взаимосвязи *унификации и специализации права выступают ее диалектический характер, противоречивость и единство, изменчивость и отраслевая специфичность*. Эти признаки нужно учитывать при исследовании как развития права в целом, так и развития отдельных отраслей или взаимосвязанных отраслей.

В юридической литературе специализации придается первостепенное значение в системном развитии права. Это связано с тем, что специализация рассматривается чрезмерно широко, как всеохватывающий процесс развития права. М.К. Юков пишет по этому поводу: «С уверенностью можно отметить, что именно специализация норм права является верным направлением в развитии правовых систем, их структуры и совершенствования советского законодательства»<sup>1</sup>. Придание такого значения специализации связано с тем, что автор в качестве его форм рассматривает как дифференциацию, так и интеграцию правовых норм, выделяет как функциональную специализацию, так и предметную, не разграничивает уровни осуществления процесса специализации.

---

<sup>1</sup> Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 78.

Подобное рассмотрение специализации цивилистического процессуального права расширяет границы данного процесса до необъятных пределов, содержание указанного процесса и механизм его осуществления становятся настолько вариативным и сложными, что их познание с выражением в четких логичных формах становится практически невозможным<sup>1</sup>. Как нам представляется, чрезмерно широкое рассмотрение процесса специализации не только не соответствует реальному развитию права, но и не оправдано в гносеологическом плане.

Достаточно часто унификация отождествляется с интеграцией, а специализация с дифференциацией правовых норм. Говоря о соотношении терминов «интеграция» и «унификация», нужно отметить, что одни ученые используют данные термины как синонимы<sup>2</sup>, другие же авторы предлагают их раздельное употребление. Л.Л. Кругликов, в частности, указывает на недопустимость их отождествления. По его мнению, если интеграция представляет собой сведение к целому, объединение в целое каких-либо частей, элементов, то унификация – устранение различий, обеспечение единообразия<sup>3</sup>. Л.Е. Смирнова в диссертационной работе приходит к выводу, что унификация и интеграция – это близкие, но все же не одинаковые по целям и формам явления. «Унификация направлена на достижение единства, единообразия. Интеграция не предполагает достижения полного единства, сведение всех объектов интеграции к чему-то одному. Ее цель – объединение, сведение к целому, вращение, включение, взаимное приспособление, взаимопроникновение, взаимодействие в целях объединения, восстановление целостности, восприятие чего-либо при

---

<sup>1</sup> Достаточно привести пример с выделением М.К. Юковым правовых предписаний в зависимости от способа конкретизации. На основании одного критерия (способ конкретизации) автор выделяет виды и подвиды правовых предписаний, которые друг с другом пересекаются, что с познавательной точки зрения не только не вносит стройности в систему знаний, но и значительно запутывает рассмотрение указанной проблемы (Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 79-88).

<sup>2</sup> См., напр., Бару М.И. Указ. соч. С. 45; Каринский С.С. Указ. соч. С. 48; Юрков М.К. Специализация норм гражданского процессуального права // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. М., 1986. Вып. 34. С. 118.

<sup>3</sup> См.: Кругликов Л. Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 76.

условии сохранения своеобразия, особенностей регулируемых отношений»<sup>1</sup>. Третьи исследователи указывают на необходимость использования термина «унификация». Так, О.Н. Садилов, отдавая предпочтение применению термина «унификация», отмечает, что, «во-первых, он используется законодательством; во-вторых, этот термин общепринят для обозначения того же явления в международном частном праве; в-третьих, термин «интеграция» обозначает понятие более широкое»<sup>2</sup>. Последнее из указанных замечаний действительно справедливо, однако оно отнюдь не предполагает отказ от использования в юридической науке термина «интеграция» и подмену его термином «унификация».

Несовпадение процессов и явлений свидетельствует о необходимости дифференцированного использования терминов, которые их определяют. На наш взгляд, соотношение терминов «унификация» и «интеграция», соотношение тех процессов, которые они означают, как общее и частное было бы не совсем правильным. Поскольку интеграция и унификация представляют собой процессы, которые обладают определенной динамикой развития, то и соотношение указанных процессов необходимо проводить с учетом этих характеристик, что, в свою очередь, предполагает не только и не столько установления сходств и различий (как это делается при сравнении предметов), а определение их взаимного функционального статуса, отношения и действия друг на друга. С данных позиций соотношение терминов «интеграция» и «унификация» как общее и частное, целое и часть не имеет сколько-нибудь значимого научного положения и несет больше терминологическую и лексическую нагрузку, чем нагрузку специально юридического соотношения.

Критикуя О.Н. Садикова за проведенное разграничение терминов «интеграция» и «унификация», С.С. Алексеев указывает, что унификация выражает лишь один из моментов процесса интеграции, состоящий в устранении неоправданной дифференциации, ненужного дробления правового регулирования,

---

<sup>1</sup> Смирнова Л.Е. Указ. соч. С. 36-37.

<sup>2</sup> Садилов О.Н. Дифференциация и унификация гражданского законодательства... С. 36.

а также подчеркивает наличие различий между дифференциацией и интеграцией, свойственных содержанию правового регулирования, с одной стороны, и между неоправданной дифференциацией и унификацией в законодательстве, свойственных внешней форме права, – с другой<sup>1</sup>. Бесспорно, значение интеграционных процессов в системе права велико. На это обращал внимание Г.Ф. Шершеневич еще в начале XX века: «Увеличиваясь в количественном отношении и отличаясь как извне, так и внутри, нормы права в то же время обнаруживают стремление к интеграции. Выдвигаясь вначале по мере того, как жизнь создает случай, требующий нормирования, и приобретая поэтому казуистический характер, право в дальнейшем, при сознательном творчестве, захватывает случаи не только бывшие, но и возможные, и приобретает абстрактный характер. Нормы права не становятся рядом друг с другом, на равном положении, но преобразуются в стройную систему, где нормы располагаются иерархически»<sup>2</sup>.

Обращает на себя внимания, что все вышеуказанные авторы справедливо связывают интеграцию со строением (структурой) права, тогда как унификация есть процесс изменения его содержания. «Интеграция в праве представляет собой разновидность внутрисистемной правовой интеграции и определяется как опосредованное юридически значимой деятельностью объединение элементов системы права в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования, поддерживающее целостность и единство права, согласованность и взаимосвязанность ее структурных частей»<sup>3</sup>. Указанный процесс затрагивает лишь структуру права, но не приводит к изменению самих правил поведения, прав и обязанностей субъектов права. Напротив, структура выстраивается именно на основании содержания правовых норм, их функциональной взаимосвязи. Как справедливо отмечает Д.Ю. Гончаров, «специализация юридических норм не приводит к их изоляции друг от друга,

---

<sup>1</sup> См.: *Алексеев С.С.* Структура советского права. С. 54.

<sup>2</sup> *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: в 2 т. Т. 1. С. 512.

<sup>3</sup> *Потапенко Е.Г.* Указ. соч... С. 11-12.

действие отдельной юридической нормы оказывается неизбежно связанным с действием ряда других норм; лишь в своей совокупности, в системе нормы законодательства регулируют общественные отношения. Таким образом, процесс специализации между нормами обуславливает необходимость при анализе отдельной юридической нормы учитывать ее связи со многими другими нормами»<sup>1</sup>. Однако рассматривать интеграцию как форму или этап специализации по примеру С.С. Алексеева, на наш взгляд, не совсем правильно. В этом случае мы значительно упрощаем само развитие права, происходящие изменения в его содержании и структуре. *Интеграция не есть часть специализации или форма унификации, она представляет собой диалектический процесс изменения структуры права на основе его содержания.*

Не являются тождественными также термины «дифференциация» и «специализация». Термин «дифференциация» обозначает особенность, разность. Под дифференциацией в праве понимается процесс его деления, разветвления, увеличения общего количества правовых норм, приобретения структурным элементом права все более специфических, своеобразных свойств, обособления структурных элементов. С.С. Алексеев под дифференциацией правового регулирования понимал «его разветвление, расщепление, приобретение той или иной ветвью все более специфических, своеобразных черт»<sup>2</sup>. Говоря о роли дифференциации, И.Н. Сенякин отмечает, что «дифференциация универсализирует законодательный механизм как единую систему, и выделяет в его структуре элементы, призванные оттенить в общих чертах разнообразие и характерность общественных отношений»<sup>3</sup>. Д.Е. Петров называет дифференциацию «закономерным процессом выделения правовых элементов...»<sup>4</sup>. Таким образом, дифференциация в праве представляет собой некий процесс

---

<sup>1</sup> Гончаров Д.Ю. Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 121.

<sup>2</sup> Алексеев С.С. Структура советского права. С. 53.

<sup>3</sup> Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства... С. 58.

<sup>4</sup> Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права... С. 137.

деления и обособления его структуры (структурных элементов). Данный процесс поставляет праву дополнительный материал для развития внутренней организации, строения. Очевидно, что указанный процесс не заменяет специализацию, призванную изменить содержание, а не структуру права. В связи с этим данные процессы тесно взаимосвязаны, но отнюдь не тождественны. Они протекают в разных сферах бытия права. Специализация есть процесс изменения содержания, тогда как дифференциация – процесс изменения структуры.

Парной категорией для дифференциации выступает интеграция. Как указывает А. Н. Аверьянов, «дифференциация тождества является необходимым условием развития. Вместе с тем идет процесс усложнения связей между дифференцирующимися элементами, их соподчинение, что и ведет к становлению системы как целого. Иными словами, одновременно идет интеграция дифференцирующихся элементов»<sup>1</sup>. А. Яценко, рассматривая процесс социального развития, отмечал, что «общественная эволюция происходит под влиянием двух процессов – интеграции, то есть органического роста общества (как в силу простого увеличения единиц через рождаемость, так и вследствие соединения общественных групп), и дифференциации»<sup>2</sup>.

Однако в юридической литературе допускается не только отождествление, но и подмена рассмотренных выше понятий. Так, видимо, произошло в работе Д.Е. Петрова «Дифференциация и интеграция структурных образований системы права». Само наименование работы содержит в себе правильный, на наш взгляд, ответ на вопрос о соотношении унификации, специализации и дифференциации, интеграции. Автор, справедливо констатируя недопустимость отождествления указанных терминов и, видимо, пытаясь преувеличить роль дифференционно-интеграционного процесса для развития права, отмечает, что дифференциация и интеграция характеризуют внутренние (содержательные) процессы в праве, а специализация и унификация – внешние (формальные) процессы в системе

---

<sup>1</sup> Аверьянов А.Н. Категория «система» в диалектическом материализме. М., 1974. С. 46.

<sup>2</sup> Яценко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права. Юрьевъ, 1912. С. 18.



нормативных правовых актов и других форм<sup>1</sup>. То есть исследователь отводит унификации и специализации лишь роль законодательного оформления дифференционно-интеграционного процесса в системе права. Подмена понятий проявляется при дальнейшем ознакомлении с названной работой, когда автор утверждает, что появление специальных норм есть результат дифференционного процесса в системе права<sup>2</sup>. По нашему мнению, достаточно очевидно, что интеграция-дифференциация и унификация-специализация являются одновременно существующими процессами, сферы действия которых не совпадают. Если унификация и специализация представляют собой качественные изменения права (его содержания), то интеграция и дифференциация есть изменения его структуры. Данные процессы отражают различные стороны развития права. Они реализуются в разных сферах (структуре и содержании), поэтому включать одни в другие или рассматривать одни в качестве форм других неверно. Как указывает А.Н. Аверьянов, «дифференционно-интеграционный процесс, протекающий в системе, есть организационный процесс. Элементы организуются таким образом, что их взаимозависимость становится наиболее возможно полной. Система превращается в организованную систему или целое»<sup>3</sup>. Организационность в данном случае проявляется в том, что дифференционно-интеграционный процесс направлен на оптимизацию строения права, обеспечение взаимосвязи всех его элементов. Этот процесс ведет к усложнению структуры права, появлению новых внутренних связей. В.С. Тюхтин отмечает, что для расчетов систем целесообразно использовать отношение прямой корреляции между сложностью и организованностью в качестве собственных (внутренних) ее параметров (конечно, если речь не идет об избыточной сложности)<sup>4</sup>. При этом «степень интеграции и взаимозависимости элементов различных систем

---

<sup>1</sup> См.: *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права...С. 13.

<sup>2</sup> См.: *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права...С. 137.

<sup>3</sup> *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Т. 1. С. 50.

<sup>4</sup> См.: *Диалектика познания сложных систем / под ред. В.С. Тюхтина.* М., 1988. С. 18.

неодинакова. Она тем выше, чем сложнее система»<sup>1</sup>. Поэтому процессы дифференциации-интеграции и специализации-унификации разнохарактерные, но диалектически взаимосвязанные. Их взаимосвязь обосновывается взаимоопределяемостью структуры и содержания права. Так, М.К. Юков, рассматривающий вслед за С.С. Алексеевым интеграцию в качестве одной из форм специализации гражданского процессуального права, а унификацию – в качестве процесса, ограничивающего дифференциацию, в заключении совершенно правильно обращает внимание на связь дифференционно-интеграционных процессов со структурой правовой материи<sup>2</sup>. К данному выводу автор приходит при детальном эмпирическом анализе построения отраслевого нормативного материала, при котором, как представляется, некоторые теоретические выводы и конструкции показывают свою нежизнеспособность. К подобному выводу автор также приходит при исследовании структурных общностей процессуального права: «Таким образом, можно сделать вывод, что правовые объединения – это совокупность правовых институтов, объединяемых в результате единства их основополагающих функций в целях более полного и комплексного регулирования определенных видов процессуальных отношений и образовавшихся в процессе интеграции и дифференциации в праве»<sup>3</sup>.

От унификации следует также отличать процесс гармонизации права. Процесс гармонизации (сближения) цивилистического процессуального права в рамках международно-правовых образований получил свое рассмотрение в специальной литературе<sup>4</sup>. Особенно часто данные термины подменяются при анализе взаимного проникновения арбитражного процессуального и гражданского процессуального права. В связи с высокой схожестью данных

---

<sup>1</sup> *Аверьянов А.Н.* Категория «система» в диалектическом материализме... С. 48.

<sup>2</sup> См.: *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 277.

<sup>3</sup> Там же. С. 138.

<sup>4</sup> См.: *Брановицкий К.Л.* Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). М., 2018. 399 с.

процессов необходимо выделить несколько критериев их отличия (по данному вопросу существует несколько мнений):

– по результатам: при гармонизации происходит сближение правовых систем, устранение противоречий, при унификации устанавливаются единообразные нормы<sup>1</sup>;

– так как основным средством осуществления унификации выступают международные договоры, то созданные в результате указанного процесса единообразные нормы действуют в признавших их государствах в качестве норм международного права, а результатом процесса гармонизации выступает создание и изменение норм национального права<sup>2</sup>;

– различие в юридической форме: унификация представляет собой установление единообразных норм в юридически обязательной для государств форме, т.е. в форме договора; а процесс гармонизации осуществляется посредством выработки актов, не являющихся юридически обязательными для сторон<sup>3</sup>.

При установлении различий между указанными категориями следует отчасти согласиться с мнением И.И. Лукашука. Однако правильнее было бы говорить не о результатах данных процессов, а их цели, направленности. Если в качестве отличительного признака процессов рассматривать результаты их осуществления, то определить характер осуществляемого процесса и идентифицировать его среди других процессов до достижения конкретного результата не представляется возможным. Вместе с тем результат есть заключительная стадия процесса в виде определенных последствий его осуществления, причем результат может проявляться в негативных последствиях или вовсе быть недостижимым в силу субъективных и объективных причин. Выходит, что если при анализе процессов унификации и гармонизации брать за

---

<sup>1</sup> См.: Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. С. 47.

<sup>2</sup> См.: Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 19.

<sup>3</sup> См.: Международное частное право: учебник / под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2014. С. 115.

основу результаты их осуществления, то их разграничение до наступления конкретных результатов невозможно.

Е.Н. Кузнецов, анализируя современные тенденции развития гражданского исполнительного права на глобальном уровне, обоснованно разграничивает процессы унификации и гармонизации права, обращая внимание на приоритет международной гармонизации<sup>1</sup>. Как правильно указывает К.Л. Брановицкий, «унификация является своего рода апофеозом, высшей точкой процесса создания единого и общего»<sup>2</sup>. Процесс гармонизации направлен на сближение правовых (нормативных) систем (правового регулирования), его целью выступает устранение противоречий, а процесс унификации права направлен на выработку единых правовых предписаний, его цель – установление единообразия в правовом регулировании.

#### **§ 4. Общие предпосылки и основания унификации и специализации права**

Специализация и унификация являются закономерными взаимосвязанными процессами развития права. Однако само развитие есть процесс, происходящий не сам по себе, а детерминированный совокупностью внешних и внутренних факторов и условий. «Развитие – это упорядоченное и закономерное, необратимое и направленное изменение объекта, связанное с возникновением новых тенденций существования системы»<sup>3</sup>. В связи с этим изменчивость – один из основных признаков развития. Соответственно, изменчивость свойственна и праву. В противном случае право не могло бы развиваться. «Как сам народ с течением времени изменяется во всей своей жизни, – отмечал Г.Ф. Пухта, – так точно право, как ветвь этой жизни, не неподвижно, а развивается вместе с народом; оно

---

<sup>1</sup> См.: Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 7, 8, 38, 41.

<sup>2</sup> Брановицкий К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект) ... С. 15.

<sup>3</sup> Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова... С. 478.

принимает его характер на различных ступенях образования и удобно применяется к его изменяющимся потребностям»<sup>1</sup>. Право не есть застывший элемент социальной системы. Оно развивается вместе с ней под воздействием различных факторов, именуемых в теории права источниками. Поэтому, чтобы более полно рассмотреть основания специализации и унификации как процессов развития, необходимо указать основные группы факторов, воздействующих на право, – его источники.

Вопрос об источниках права является для современного правоведения традиционным. Однако далеко не всегда он освещается достаточно детально. Соответственно, к задаче настоящего исследования не следует относить ни пересказ общеизвестных положений общей теории права о его источниках, ни проведение самостоятельного углубленного анализа данной темы. Здесь мы ограничимся рассмотрением групп источников, влияющих на право с точки зрения изменения его содержания. Прежде всего нам необходимо отметить, что под источником права мы понимаем не форму выражения и закрепления государственной воли, как это делает, например, Н.Н. Вопленко<sup>2</sup>. Такое понимание источников есть логическое продолжение жесткого юридического позитивизма, рассматривающего в качестве основного и единственного источника права государственную волю. Мы будем придерживаться более широкого понимания источника права как совокупности обстоятельств, выступающих основаниями формирования и изменения права. Как отмечает Ж.-Л. Бержель, юридические правила не лишены причин, и их происхождение связано с некоторыми скрытыми от внешнего взора данностями. Это и самые разнообразные принципы: моральные, религиозные, философские, политические, социальные, идеологические – те, которые управляют позитивными правилами, служат их идеологической основой, и те, которые восходят к философии права. Это в равной мере и факты социальной действительности, и требования ситуации, складывающиеся во времени, пространстве, в области технических средств права,

---

<sup>1</sup> Пухта Г.Ф. Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 459.

<sup>2</sup> См.: Вопленко Н.Н. Источники и формы права: учебное пособие. Волгоград, 2004. С. 7.

определяющих его ориентацию и содержание. Другими словами, это прежде всего «созидательные силы права», составляющие его содержательные источники<sup>1</sup>.

Говоря о праве как об одном из элементов социальной системы, следует вспомнить, что право с материалистических позиций представляет собой элемент надстроечный, т.е. зависимый от экономического базиса. К. Маркс и Ф. Энгельс не проводили специального юридического исследования для выявления всей совокупности факторов, детерминирующих право и предопределяющих его развитие. Но общий подход, обозначенный ими, представляется нам не подлежащим доказыванию. Тем более именно этот подход положен в основу взаимосвязи права и общественной системы. Бесспорно, существует множество подходов к обозначению взаимосвязи права и общества: от их практически полной интеграции при так называемой идее социального права до достаточно существенного разрыва при упомянутом юридическом позитивизме. «С социально-научной точки зрения, – отмечал Б.А. Кистяковский, – весь вопрос о возникновении, изменении и уничтожении права представится совершенно в другом свете. Теперь из того положения, что при современном правовом строе право должно возникать, изменяться и уничтожаться только предусмотренными самим правом путями, обыкновенно делают вывод, что это действительно так и есть. Но более тщательное наблюдение над правом, осуществляющимся в жизни, несомненно, покажет, что есть много путей для возникновения нового права и изменения или уничтожения права старого. Вообще *процесс правообразования – по крайней мере на первых стадиях своих – чисто социальный процесс*»<sup>2</sup>. Таким образом, изменчивость праву придают внешние факторы, а именно сами изменяющиеся общественные отношения.

Стабильность норм права, как их свойство, постоянно вступает в противоречие с развитием общественных отношений. Если норма продолжает выполнять свою регулятивную роль, исходя из утративших свою жизненность

---

<sup>1</sup> См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. М., 2000. С. 97.

<sup>2</sup> Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1999. С. 208.

признаков правовых явлений, и не отражает уже типичности новых социальных связей, она становится устаревшим масштабом. При этом обновленное законодательство обретает относительную стабильность до тех пор, пока развивающиеся общественные отношения вновь не ломают ее. Этот диалектический процесс сопутствует всему периоду существования законодательства и права<sup>1</sup>. На взаимосвязь нормы права и регулируемых ею общественных отношений указывают многие исследователи. Отмечая данный аспект, Е.Б. Пашуканис пишет, что реальное значение совокупность норм получает только благодаря тем отношениям, которые мыслятся возникающими и действительно возникают сообразно этим правилам<sup>2</sup>. При этом правовые нормы появляются как результат осознанной потребности правового опосредования, необходимости урегулирования правом определенных общественных отношений<sup>3</sup>. Благодаря содержащейся в норме права информации и особому характеру моделирования общественных отношений, юридическая норма приобретает способность быть их регулятором. Отражая общественные отношения, правовая норма тем самым наполняется содержанием, получает специфическую форму его выражения, формирует свою сущность<sup>4</sup>. Именно в общественных отношениях право черпает свою объективность, что придает ему некую прогнозируемость на теоретическом уровне. Так, можно прогнозировать, что имеющее значение для общества изменение вида общественных отношений повлечет за собой изменение содержания права.

Некоторые ученые наряду с общественным базисом выделяют и иные источники права, например, демографическую и географическую составляющие общества. Исследования в этой области действительно показали, что имеется некоторая корреляция между содержанием и уровнем развития права и

---

<sup>1</sup> См.: Нормы советского права: проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, А.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 82.

<sup>2</sup> См.: Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории государства и права / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1980. С. 79.

<sup>3</sup> См.: Нормы советского права: проблемы теории... С. 65.

<sup>4</sup> См.: Там же. С. 73.

численностью и плотностью населения, его географическим расположением<sup>1</sup>. Однако данные обстоятельства не являются непосредственными источниками права. Они влияют на социальную структуру и общественные отношения, которые, в свою очередь, являются непосредственным источником права. Следует также отметить, что модель зависимости права от общества в значительной степени упрощена. Социальный базис, имеющий сложную структуру и многочисленные внутренние связи, целенаправленно сводится к общественным отношениям как непосредственному основанию и источнику права. В действительности же социальный базис распадается на множество элементов. Так, И. Кашица, понимая под правом один из видов всеобщей и общественной правильности и исследуя сущность права, выделял ряд элементов общественной жизни, содействующих образованию права, называя их первичным генетическим базисом бытия права<sup>2</sup>. В качестве таких элементов исследователь называл физическую (в особенности, экономическую), психологическую, религиозную, нравственную и государственную составляющие общественной жизни<sup>3</sup>. Нами же целенаправленно взяты лишь общественные отношения как синтетический источник права, содержащий в себе результаты воздействия многих факторов. Общественные отношения возникают, изменяются и прекращаются под влиянием и экономических, и географических, и демографических и иных факторов, поэтому содержат в себе результаты их воздействия.

Однако необходимо учитывать, что общественные отношения не всегда влияют на право непосредственно. Так, экономические отношения могут служить непосредственным основанием институтов частного права, но в отношении публичных отраслей детерминация общественными отношениями опосредована публично-правовыми институтами<sup>4</sup>. Исследуя указанную

---

<sup>1</sup> См.: *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб., 2004. С. 770-771.

<sup>2</sup> См.: *Кашица И.* О сущности права. Варшава, 1873. С. 43, 161.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 110–140.

<sup>4</sup> О влиянии экономических, политических, социальных факторов на эффективность деятельности по принудительному исполнению судебных актов см.: *Кузнецов Е.Н.* Системность



проблему, В.М. Сырых справедливо отмечает, что частное право представляет собой лишь форму, наполненную экономическим содержанием<sup>1</sup>. И задача законодателя сводится к тому, чтобы указанная форма соответствовала экономическому содержанию отношения и общим принципам, не нарушала их правильного течения. Вместе с тем обусловленность буржуазного государства и публичного права экономическими отношениями с материалистических позиций состоит в том, что: 1) основные принципы экономических отношений капиталистического типа (свобода, равенство) становятся и принципами деятельности государства, его органов, их соотношения с гражданским обществом; 2) государство выступает орудием в руках экономически господствующего класса, выражает и закрепляет в системе позитивного права, в конечном итоге, его волю; 3) государство охраняет и проводит в жизнь в системе права и конкретных правоотношений общие условия буржуазного способа производства<sup>2</sup>. Конечно, в условиях современного государства не все из вышеперечисленных тезисов применимы без надлежащей корректировки, но общий постулат, согласно которому публичное право изменяется не под непосредственным воздействием социальных отношений, а в связи с неэффективностью в сложившихся условиях публично-правовой деятельности и институтов, представляется вполне обоснованным<sup>3</sup>. «Реальность публичного

---

проблематики исполнительного производства по социально значимым делам // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 127-133.

<sup>1</sup> См.: *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. М., 2007. Т. 3. Современное правопонимание. С. 187.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 216.

<sup>3</sup> В качестве примера можно привести антиисковые обеспечительные меры, которые получили регламентацию в российском процессуальном законодательстве (ст. 248.2 АПК РФ) в целях защиты компетенции российских судов в условии конкуренции юрисдикций (см.: *Ярков В.В.* Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. N 8. С. 84 – 92; *Гальперин М.Л.* Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 N 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 1. С. 72 – 81).

права обуславливается политико-правовой деятельностью государства и только в конечном итоге экономическими отношениями...»<sup>1</sup>.

Право есть результат человеческой деятельности, поэтому ограничивать источники права лишь объективной сферой общественных отношений не совсем правильно. «Что в объективизме прочно и полезно, то внесено в юриспруденцию уже идеей закономерного развития; что в объективизме содержится сверх этой идеи, то лишь бросает науку в область гадательных предположений»<sup>2</sup>. В связи с этим С. Муромцев справедливо отмечал, что первый основной и элементарный факт в процессе образования права состоит в том, что появление юридических норм в известном обществе, а также то, насколько их возникновение доступно наблюдению, бывает всегда связано с деятельностью самого общества, которая выражается так или иначе в деятельности большего или меньшего числа его членов. Идея закономерного развития определяет характер этой деятельности<sup>3</sup>. Творческая человеческая деятельность, результатом которой выступает право, не настолько детерминирована объективными закономерностями его развития, чтобы не брать ее во внимание. Необходимо присмотреться к развитию права более внимательно и остановиться не только на длительных периодах его развития, но разобрать данные периоды детально. Очевидно, что закономерный результат был получен в результате многочисленных проб и ошибок, не в полной мере правильных правотворческих решений. Если намеренно не отслаивать все эти обстоятельства, то развитие права подобно лабиринту, единственно возможный выход из которого отыскивается путем многочисленных ошибочных вариантов. Поэтому ограничивать развитие права лишь объективными источниками, обеспечивающими закономерность и поступательность, нам представляется в значительной степени односторонним. Иначе рассмотрение права в реальной действительности, в рамках которой оно содержит в себе

---

<sup>1</sup> Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. С. 334.

<sup>2</sup> См.: Муромцев С. Образование права по учениям немецкой юриспруденции (1886) // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 250.

<sup>3</sup> Там же. С. 250.

недостатки и неправильности, может показаться некой случайностью. Однако эта случайность представляет собой закономерность, подобную закономерности социальной обусловленности права.

Вышеизложенное подводит нас к выводу о том, что на развитие права влияют не только объективные обстоятельства, но и субъективные факторы. Иными словами, источником права выступает также и человеческая деятельность (разум, воля), при которой осознается потребность в правовом регулировании и формируются эти самые правила, исходя из представлений о правильном развитии общества. В рамках данного источника, имеющего субъективный характер, мы будем рассматривать совокупность факторов (государственную волю, правосознание, нравственность, национальный менталитет, религию), влияющих на творческий человеческий разум, образующий право.

Таким образом, источниками права являются общественные отношения, обеспечивающие праву закономерное развитие, и человеческая деятельность (разум, воля), имеющая субъективный характер. И первый, и второй источники в процессе правообразования переплетаются и действуют совместно. Однако они являются *внешними* по отношению к самому праву.

Одним из принципов системы выступает так называемая детерминированность развития системы внешними (внешняя среда) и внутренними (структура) факторами. Данные факторы, в свою очередь, влияют друг на друга посредством системы. Право обладает определенной структурой и развивается с учетом закона преемственности. Поэтому глобальное изменение общественной жизни не может в одночасье привести к полному изменению права, какие бы человеческие силы над этим не работали. Это с очевидностью проявляется при социальных переворотах, когда кардинально меняется социальная жизнь и возникает новый человеческий разум (человеческая воля), формирующий право. Само же право, призванное внести в общественную жизнь стабильный порядок, изменяется крайне медленно по сравнению с иными социальными явлениями. Свидетельством этому служат общественные

преобразования нашей страны, при которых право «прошлого» периода продолжало существовать достаточно долго. Например, цивилистическое процессуальное законодательство Имперской России продолжало действовать и на первых этапах развития советского государства. В современной России также еще имеют место законы советского периода. Для обозначения указанного периода преобразования права в литературе используется термин «право переходного периода». Данное обстоятельство подтверждает, что право – система и развивается сообразно системным принципам. Структура права не есть неподвижный элемент, но ее кардинальное преобразование за ограниченно короткий период времени невозможно. Поэтому при исследовании источников права и оснований его развития и изменения следует учитывать *относительную устойчивость внутреннего строения права*.

Вышеизложенное в отношении источников изменения и развития права в целом не может быть достаточным для анализа оснований и предпосылок специализации и унификации права, поскольку данные тенденции, с одной стороны, не отражают всех форм изменения права (и даже всех форм изменения его содержания), с другой – не являются единственными процессами правового развития. В связи с этим на основе изложенных общих знаний о внешних и внутренних источниках нам необходимо выявить из совокупности данных источников только такой их вид, который выступает непосредственным основанием специализации или унификации права.

Под *предпосылками* мы будем понимать совокупность предварительных условий специализации и унификации, необходимых для их осуществления. В качестве *оснований* специализации и унификации будут рассматриваться конкретные обстоятельства, влекущие осуществление специализации и унификации права. Исследуя вопрос о предпосылках унификации и специализации законодательства, И.Н. Сенякин в качестве предпосылок унификации указывает: 1) высокий уровень специализации законодательства; 2) потребность в унификации правового материала в определенной области социальных отношений; 3) повышенную «плотность» функциональных

взаимосвязей между различными структурными элементами системы законодательства, их противоречивость; 4) унификабельность законодательства той или иной отрасли<sup>1</sup>. Предпосылки специализации автор разделяет на социально-экономические, властно-управленческие и юридические. К первой группе предпосылок относится специализация социально-экономической сферы (специализация промышленности, аграрного сектора, специализация науки). Вторая группа предпосылок включает в себя специализацию управленческой деятельности по вертикали (по отраслям, сферам) и по горизонтали (территории). Третья группа предпосылок связана с необходимостью специальных норм в системе правового регулирования<sup>2</sup>. При анализе указанных предпосылок видно, что, во-первых, при специализации происходит смешение предпосылок и оснований специализации права. Это отчетливо проявляется в заключительном выводе автора о том, что специализация законодательства отражает идентичный процесс в различных социальных сферах<sup>3</sup>, то есть порождается общественной специализацией. При этом предпосылки и основания в данном случае совпадают. Во-вторых, ряд из указанных предпосылок унификации не являются таковыми. К ним нельзя отнести указанную автором в качестве предпосылки потребность в унификации и саму возможность такой унификации, обозначенную как «унификабельность». Очевидно, что потребность в унификации как раз и создается совокупностью предпосылок и оснований, но не может быть самой предпосылкой.

Если унификация и специализация права есть одна из форм изменения его содержания, направленная на создание общих и специальных правил, то вопрос о предпосылках и основаниях сводится к необходимости общих и специальных правил в действующей системе права. Ответив на вопрос об условиях, предполагающих возникновение общих и специальных правовых норм, и о причинах, их порождающих, мы сможем получить ответ на вопрос о

---

<sup>1</sup> См.: *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства... С. 102.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 10–33.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 33.

предпосылках и основаниях унификации и специализации права. Поэтому необходимость специальных норм, указанная И.Н. Сенякиным в качестве самостоятельной предпосылки унификации, по сути является не ответом на вопрос, а таким же вопросом, требующим обоснования и аргументации.

Определение причин, порождающих и способствующих появлению общих и специальных норм, следует начать с краткой характеристики самих норм. Только поняв назначение и функции специальных и общих норм, можно сделать вывод об обстоятельствах их появления в системе права. Прежде всего следует отметить, что термины «общая норма» и «специальная норма» являются парными юридическими категориями. В связи с этим достаточно часто в литературе наблюдается их противопоставление друг другу. Особенно явно это заметно при рассмотрении вопроса о конкуренции правовых норм, поскольку в процессе реализации права общая и специальная (исключающая) норма, как правило, конкурируют друг с другом. Анализируя вопрос конкуренции норм права, А.Э. Арзуманян отмечает, что конкуренция норм в праве существует как необходимый положительный результат дифференциации правового регулирования, отражающий его гибкость и свойство адаптации к разнообразию существующей системы общественных отношений<sup>1</sup>. Определить, является ли норма общей или специальной, можно лишь путем сопоставления содержания и объема данной нормы с содержанием и объемом других норм. Такое сопоставление осуществляется либо в рамках специально-юридического исследования, либо в рамках реализации права, особенно в форме его применения. А.С. Еременко, исследуя проблему гражданского правоприменения, указывает, что на базе конкурентного критерия (принципа конкуренции норм) нормы гражданского права классифицируются на общие и специальные. Под общей нормой исследователь понимает «закон, предусматривающий гражданско-правовое последствие, которое наступает в силу наличия такого основания гражданских прав и обязанностей, которое определяет общее для всех

---

<sup>1</sup> См.: Арзуманян А.Э. Конкуренция норм российского права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 9.

субъектов (объектов) гражданских прав условие правомерной реализации данного последствия, влияющее на квалификацию данного конкретного отношения»<sup>1</sup>. Специальная норма гражданского права, по мнению А.С. Еременко, «есть закон, предусматривающий гражданско-правовое последствие, которое наступает в силу наличия такого основания гражданских прав и обязанностей, которое определяет исключительное для субъектов (объектов) гражданских прав условие правомерной реализации данного последствия, влияющее на квалификацию данного конкретного гражданского отношения»<sup>2</sup>.

Анализ специальной юридической литературы позволяет сделать вывод, что под общими нормами, как правило, понимаются нормы-принципы, дефинитивные нормы и иные нормы, составляющие так называемую общую часть отрасли или института. С.С. Алексеев видит в общих нормах «выражение нормативных обобщений в праве»<sup>3</sup>, а И.Н. Сенякин отмечает, что такие нормы «во многом носят абстрактный характер и не могут охватить в достаточной мере все стороны регулируемых вопросов»<sup>4</sup>. Д.Е. Петров выделяет следующие признаки общих норм: их использование есть результат единства правового регулирования; они выступают ядром, цементирующим всю систему права, обеспечивают единство и согласованность ее элементов; содержат отправные начала, свойственные большинству правовых институтов; обычно выступают в виде деклараций, дефиниций, принципов; не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения конкретных правоотношений; не содержат в себе санкций; являются следствием интеграции права и унификации законодательства, являются одним из оснований выделения в отраслевых кодексах общей и особенной части<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> *Еременко А.С.* Теория и методология гражданского правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 17-18.

<sup>2</sup> Там же. С. 18.

<sup>3</sup> *Алексеев С.С.* Структура советского права... С. 108.

<sup>4</sup> *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства... С. 98.

<sup>5</sup> См.: *Петров Д. Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права... С. 271-272.

Однако с выводом о том, что результатом унификации права выступают лишь общие нормы в виде абстрактных нормативных обобщений в праве, нельзя согласиться по следующим основаниям. Во-первых, появление таких норм есть результат как минимум трех процессов, воздействующих на право: функциональной специализации, нормативной унификации и структурной интеграции. Не случайно такие нормы именуется специализированными. Во-вторых, ограничивать результаты процесса унификации только лишь созданием подобных общих норм было бы неверно ни с логической, ни с практической точки зрения. В отличие от М.И. Бару, характеризующего унификацию как устранение различий в регулировании определенных отношений<sup>1</sup>, О.Н. Садиков понимал под унификацией выработку единых норм для сходных правоотношений<sup>2</sup>. Многие современные исследователи ошибочно видят это единство в создании правовых предписаний повышенной абстрактности – специализированных нормах. Нам же представляется, что это единство заключается в том, что ряд схожих в той или иной степени общественных отношений регулируется единым правилом. С этой точки зрения такая норма является общей для данных правоотношений.

Таким образом, в рамках настоящей работы под *общей нормой мы будем понимать единое правило (предписание, содержание правовой нормы), регулирующее различные (как правило, сходные) правоотношения вне зависимости от формальной дифференцированности такого правила и от степени его абстрактности*. Что касается терминологии, то предпочтительнее в данном случае использование термина «общая норма», а не «единая норма», так как формально это могут быть несколько норм с тождественным содержанием, находящихся в различных нормативных актах.

Общей норме обычно противопоставляется норма специальная. Как уже отмечалось, такое противопоставление возникло в теории не случайно, а вызвано возникающей при реализации права конкуренцией правовых норм. Так, Ю.А.

---

<sup>1</sup> См.: Бару М. И. Указ. соч. С. 45.

<sup>2</sup> См.: Садиков О.Н. Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства... С. 95.



Панова, рассматривая конкуренцию норм уголовного права, отмечает, что с точки зрения диалектики общая и специальная нормы взаимодействуют как общее и особенное<sup>1</sup>. Специальная норма содержит особое правило регулирования отдельных правоотношений. Такое правило достигается посредством конкретизации общей нормы. Отраслевые исследования показывают, что в основе формирования конструкции специальной нормы лежат соответствующие логические операции. Специализация трудового права, например, производится нормами-изъятиями, нормами-дополнениями и нормами-альтернативами<sup>2</sup>. Рассматривая вопрос о видах специальных норм в их связи с общими нормами в гражданском процессуальном праве, О.В. Баулин обосновывает, что нормы, устанавливающие особенности рассмотрения категорий дел, могут быть исключительными либо дополняющими<sup>3</sup>. И.Н. Сенякин, в свою очередь, на основании соотношения общей и специальной нормы также выделяет разновидности специальных норм: нормы-дополнения, нормы-изъятия и особые предписания. Нормы-дополнения содержат правило, устанавливаемое в дополнение к основному правилу, но не изменяют последнее. Нормы-изъятия определяют исключения из общего правила, содержат некоторые отклонения от него. Нормы, содержащие особое правило, регулируют деятельность определенной категории субъектов<sup>4</sup>.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что *противоречие как вид взаимосвязи между унификацией и специализацией приводит к конкуренции их результатов – общей и специальной нормы*. Кроме того, определить, является ли норма общей или специальной, можно лишь путем их сопоставления, которое на практике осуществляется при реализации права, особенно в форме применения.

---

<sup>1</sup> См.: Панова Ю.А. Конкуренция и коллизии норм уголовного законодательства // Правовая культура. 2009. № 1 (6). С. 81.

<sup>2</sup> См.: Штивельберг Ф.Б. Основания и пределы дифференциации трудового права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 5.

<sup>3</sup> См.: Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 6-7.

<sup>4</sup> См.: Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства... С. 20–23.

Изложенного достаточно для начала определения собственно предпосылок и оснований специализации и унификации права. Целесообразно выделить общие и специальные предпосылки. Общие предпосылки есть условия, относящиеся как к унификации, так и к специализации. Общие предпосылки могут быть внутренними (то есть содержащимися в праве) и внешними.

В качестве *общей внутренней предпосылки* следует рассматривать *системность права*. Рассмотрение права как системы не только свидетельствует о его определенном внутреннем строении, но и указывает на взаимосвязанность всех его элементов и их подчиненность единой цели – регулированию общественных отношений. Именно признак системности обосновывает возможность комплексного правового воздействия на общественные отношения. Помимо прочего, право как система развивается на основании соответствующих законов развития систем, в том числе закона единства и борьбы противоположностей, одной из форм проявления которого выступает унификация и специализация права. Специальные и общие нормативные предписания являются таковыми только при соотношении в процессе их реализации как элементов единой системы права. Однако системность как необходимый признак права не следует переоценивать и называть в качестве единственной причины появления общих или специальных норм. Так, О.А. Кузнецова специализацию правовых норм рассматривает как результат системности гражданского права и главный интеграционный фактор в данной системе<sup>1</sup>. Очевидно, что сама по себе системность права не может породить те или иные процессы его развития, но может их лишь предполагать. Кроме того, согласно тем же законам диалектики, развитие систем осуществляется посредством внешнего (окружающая среда) и внутреннего (структура) факторов<sup>2</sup>. То есть развитие системы осуществляется не самостоятельно, а под воздействием совокупности факторов и условий. Соответственно, *системность*

---

<sup>1</sup> См.: Кузнецова О.А. Специализация правовых норм как результат системности гражданского права // Вестник Пермского университета. 2007. № 8 (13). С. 76–85.

<sup>2</sup> См., напр.: Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. Киев, 2003. С. 56.

*выступает общей предпосылкой, но не основанием специализации и унификации права.*

Следующей *общей внутренней предпосылкой является изменчивость права*, о которой уже говорилось в предыдущем параграфе при исследовании взаимосвязи унификации и специализации. Способность изменяться характеризует право как динамичный элемент общественной системы. Если мы рассматриваем специализацию и унификацию как одну из форм изменения права, то сама способность изменяться есть необходимое условие (предпосылка) данных процессов.

*Внешней общей предпосылкой выступает разнообразие и многовариантность общественных отношений.* Указанное разнообразие выступает внешним фактором, воздействующим на систему права и ее развитие. Изменчивость и многоплановость общественных отношений как предмета правового регулирования есть необходимая внешняя предпосылка развития самого права. Следовательно, многовариантность и разнообразие общественных отношений создают саму возможность специализации и унификации как процессов развития права.

Специальные предпосылки относятся только к специализации или только к унификации права. Их тоже можно подразделить на внутренние и внешние. *К внутренним специальным предпосылкам унификации следует отнести относительную статичность и абстрактность права.* Статичность права определяется посредством соотношения темпа его изменения и темпа изменения общественных отношений. В этом соотношении право преимущественно выполняет роль отстающего, следующего за социальным развитием.

Абстрактность права в целом и норм права в частности свойственна всем современным развитым правовым системам. В процессе развития регулирования в обществе все более возрастает удельный вес социального (высокосоциального); не порывая с психобиологическими факторами человеческого поведения и поначалу сливаясь с ними, регулирование тем не менее все более освобождается от стихийно-естественных природных элементов и сторон, все более связывается

с потребностью выражения и обеспечения объективных социальных интересов в поведении людей, а в условиях цивилизации во все большей степени — свободы человека, автономной личности. В связи с этим в регулировании наряду с повышением конкретности и определенности возрастает нормативность и, соответственно, абстрактность<sup>1</sup>. Абстрактность есть неотъемлемый признак нормативности, предполагающий неперсонифицированный характер правовых норм, их многократное применение. На абстрактность правового регулирования обращается внимание и в отраслевых науках. Так, «в процессе правового регулирования общественных отношений, составляющих предмет гражданского права, законодатель закрепляет в диспозициях норм гражданского права абстрактно-возможные права и обязанности, которые адресованы неопределенным субъектам и которым они должны следовать при наступлении обстоятельств, указанных в гипотезах норм»<sup>2</sup>. Абстрактный способ изложения правовых норм позволяет применять данные нормы многократно к возникающим жизненным ситуациям с персонифицированным составом субъектов.

К внешним предпосылкам унификации следует отнести относительную однородность правоотношений. Такая однородность придается за счет *единства состава правоотношения*. Согласно достаточно распространенной точке зрения под составом правоотношения следует понимать совокупность следующих его элементов: субъектов, объектов, содержания (субъективных прав и юридических обязанностей сторон)<sup>3</sup>. Однако подобный набор элементов правоотношения по замечанию многих исследователей не соответствуют системному подходу. Несоответствие проявляется в том, что к элементам правоотношения относят, во-первых, объект правоотношения, поскольку последний является внешним и не может включаться в состав правоотношения. Во-вторых, содержание

---

<sup>1</sup> См.: *Алексеев С.С.* Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 32.

<sup>2</sup> *Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. Т. I. С. 117.

<sup>3</sup> См., напр.: *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004. С. 175.

правоотношения, выраженное во взаимно корреспондирующих субъективных правах и юридических обязанностях сторон правоотношения, также не может относиться к элементу правоотношения, поскольку происходит отождествление содержания и элемента. Исходя из системного подхода, элемент может иметь свое содержание, формой которого он и является. При отнесении содержания к элементам правоотношения сами элементы лишаются своего содержания, поскольку последнее становится относительно самостоятельным и, следовательно, организационно обособленным элементом. Таким образом, среди элементов правоотношения остаются только его субъекты. Именно к такому выводу приходит В.Н. Протасов, утверждая, что элементами правоотношения являются его субъекты<sup>1</sup>. Следует также отметить, что субъекты правоотношения должны обладать идентичным свойством – иметь правосубъектность. Это свойство участников также придает составу правоотношения некую тождественность.

Таким образом, *внешней предпосылкой унификации выступает единый состав правоотношения в виде его право- и дееспособных субъектов*. Единообразие состава правоотношения позволяет осуществлять правовое регулирование общественных отношений с использованием общих правил поведения.

*К внутренним предпосылкам специализации права* следует отнести разнообразие *правовых способов и средств регулирования общественных отношений*. Право призвано урегулировать общественные отношения и по мере развития социальной сферы развиваются методы, способы, средства правового регулирования. В настоящее время общепризнанным является утверждение о существовании двух методов правового регулирования – императивного и диспозитивного. Развивается система способов (дозволение, запрет, предписание) и средств правового регулирования (правовые стимулы, гарантии, ограничения, поощрения и т.д.). Функциональное богатство правового воздействия заключается не только и не столько в широком наборе средств

---

<sup>1</sup> См.: Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 52.

правового регулирования, сколько в многовариантности их компоновки. «При любой соционормативной регуляции используются запреты и дозволения. Причем правовое регулирование требует определенного соотношения законодательных запретов и дозволений»<sup>1</sup>.

Таким образом, *на современном этапе право обладает сложным и многовариантным набором средств правового регулирования, что создает возможность учитывать специфику общественных отношений.*

*Внешней предпосылкой специализации является специфика содержания и структуры правоотношения.* Ю.К. Толстой отмечал, что при определении содержания правоотношения необходимо исходить из того, что всякое правоотношение состоит из прав и обязанностей его участников, что в правоотношении правам одних лиц соответствуют обязанности других<sup>2</sup>. Содержание, как мы указывали выше, находится за рамками состава правоотношения и представляет собой специфическое свойство его субъектов. Содержание правоотношения как совокупность взаимно корреспондирующих прав и обязанностей его субъектов определяет специфику их взаимодействия. В.Н. Протасов справедливо отмечает, что «в свете теории системного подхода права и обязанности участников – это не отдельные, самостоятельные элементы правоотношений, а юридические качества, свойства элементов (субъектов), приданные им правовыми нормами. В правоотношении эти свойства определяют структуру правоотношения, т.е. собственно правовые связи, отношения между субъектами... Формирование структуры правоотношения на основе прав и обязанностей означает одновременно и возникновение правоотношения как системы. Объясняется это тем, что потенциальные элементы правоотношения (субъекты права) уже существовали, но недоставало структуры: субъекты не были объединены целесообразной правовой связью»<sup>3</sup>. Таким образом, *специфика правоотношения, проявляющаяся в правах и обязанностях его субъектов,*

---

<sup>1</sup> Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства: учебное пособие. М., 2003. С. 23.

<sup>2</sup> См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Ленинград, 1959. С. 32.

<sup>3</sup> Протасов В.Н. Указ. соч. С. 54.

*создает возможность урегулирования отдельных видов правоотношений специальными правовыми нормами.*

Все вышеуказанные обстоятельства создают саму возможность унификации и специализации права, следовательно, являются необходимыми условиями их возникновения и реализации. Отсутствие указанных условий ведет к невозможности унификации и специализации права. Следует также отметить, что поскольку специализация и унификация права есть парные взаимосвязанные процессы развития права, специальные предпосылки имеют значение не только в отношении отдельно специализации или унификации, но и в конечном итоге влияют на возникновение противоположного процесса. Таким образом, *общие и специальные предпосылки мы будем рассматривать как совокупность необходимых условий, создающих возможность унификации и специализации права.*

Как уже указывалось выше, от предпосылок следует отличать *основания специализации и унификации права*, то есть такие обстоятельства, которые вызывают к жизни данные процессы. Изменение права как системного объекта основано на принципах развития систем, в частности, на принципе двойной детерминации (внешней и внутренней). Поэтому под основаниями специализации и унификации мы будем понимать такие внешние и внутренние обстоятельства, которые в совокупности вызывают к жизни процессы унификации или специализации. В действительности внешний и внутренний факторы настолько взаимосвязаны, что создают единое основание возникновения указанных процессов. Их разделение весьма условно и важно лишь в познавательных целях, поэтому оба основания возникновения отдельного процесса будут рассматриваться параллельно, чтобы теоретическое их исследование не приводило к искусственному разделению.

Большинство исследователей находят основания изменения права в изменениях предмета правового регулирования – общественных отношений. Однако данные изменения играют далеко не одинаковую роль в отношении различных процессов развития права. Несмотря на то, что специализация и

унификация есть парные процессы развития права, изменение общественных отношений влияет на их возникновение неодинаково. Наибольшее значение изменение общественных отношений как внешнее основание играет при специализации права. Недаром И.Н. Сенякин видел основание специализации права в специализации различных сфер общественной жизни, специализации общественных отношений<sup>1</sup>. Таким образом, *внешним основанием специализации права является видоизменение предмета правового регулирования*. Вместе с тем само по себе изменение предмета правового регулирования не создает необходимости появления специальной нормы права. Многие изменения подпадают под действие уже существующих правовых норм, что не требует изменения содержания права, его специализации, а потому наряду с внешним основанием специализации должно существовать внутреннее основание – *пробел в праве либо неправильное правовое регулирование*.

Теме пробельности российского права посвящено немало исследований общетеоретического и отраслевого уровня. В рамках настоящей работы нет необходимости детального рассмотрения категории «пробел в праве», поэтому ограничимся лишь общей характеристикой пробелов в праве и их связи с изменением предмета правового регулирования. В общей теории права пробел определяется как отсутствие правовых норм, регулирующих определенные общественные отношения. В данном контексте пробел рассматривается как некая дефектность права, его содержания, невозможность исполнения им своей регулятивной функции. В.В. Лазарев определял пробел в праве как полное или частичное отсутствие нормативных установлений, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений, основными принципами, политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства<sup>2</sup>. Из данного определения видно, что В.В. Лазарев связывал возникновение пробелов с развитием общественных отношений, их изменением. Однако ряд исследователей видит причины возникновения пробелов не во внешних

---

<sup>1</sup> См.: Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства... С. 33.

<sup>2</sup> См.: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 37.



обстоятельствах, а во внутренних. Так, В.М. Баранов характеризует пробел как «официально реализованное добросовестное заблуждение, результат направленных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не соответствующих уровню и закономерности государственно необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия»<sup>1</sup>. Такой подход позволяет рассматривать пробел как дефект правотворческой деятельности, разновидность правотворческой ошибки<sup>2</sup>.

Изучив различные подходы к пониманию пробелов в праве и их причин, В.В. Павлова приходит к выводу, что к числу критериев указанного явления следует отнести: 1) факт вхождения спорной ситуации в сферу общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; 2) невозможность однозначного разрешения данной ситуации при помощи действующих правовых норм; 3) необходимость профессиональной юридической оценки данной ситуации; 4) волеизъявление государства на создание норм права, подлежащих применению для разрешения конкретной спорной ситуации<sup>3</sup>. Исследованию пробелов в праве посвящены также работы отраслевого характера, в рамках которых данная категория наполняется более четким содержанием, предпринимаются попытки выявить конкретные причины появления пробелов в отдельных отраслях права. М.А. Кауфман, исследуя пробелы в уголовном праве, отмечает, что «уголовное право, как совокупность установленных в тексте закона норм подвержено старению и, в связи с этим, утрачивает свою эффективность. Необходимость в модернизации уголовного законодательства может, кроме того, объясняться и не вполне четкой характеристикой в тексте закона признаков состава преступления. Объективным показателем этого

---

<sup>1</sup> Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 357.

<sup>2</sup> См., напр.: Костенко М.А. Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. № 10. С. 117–123.

<sup>3</sup> См.: Павлова В.В. К вопросу об определении понятия пробела в праве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 5. 2012. № 1 (16). С. 220.

является недостаток наличного нормативного ресурса, необходимого для решения стоящих перед уголовным правом задач»<sup>1</sup>. Вместе с тем при исследовании публичных отраслей права следует помнить, что социальные изменения действуют на содержание права не напрямую, а через публично-правовую деятельность. Данные обстоятельства будут детально показаны при дальнейшем исследовании механизма специализации гражданского процессуального права.

Вместе с тем, развитие общественных отношений может приводить не только появлению таких их разновидностей, которые с формально-юридической стороны не попадают под позитивное регулирование, но также к возникновению таких групп отношений, которые охватываются позитивным регулированием, но такое регулирование с телеологической точки зрения является неправильным. В этом случае вновь возникшая группа отношений по формально-юридическим признакам сливается с видом регулируемых правом отношений, но имеет существенную специфику, которая действующим регулированием не учтена. Иными словами, телеологические особенности регулирования данных отношений не учитываются позитивным правом, в результате чего происходит их неверная регламентация.

Таким образом, *основанием специализации права выступают изменения предмета правового регулирования, которые привели к появлению пробелов в праве либо неправильному правовому регулированию.*

Изменение общественных отношений как предмета правового регулирования при унификации не играет столь же существенную роль, как при специализации. Это связано с тем, что общественное развитие осуществляется по пути усложнения общественных отношений, появления новых видов общественных связей, специализации отдельных социальных сфер. Новое общественное отношение, возникновение которого не приводит к появлению пробелов в праве, попадает под действие имеющихся правовых норм. В этом

---

<sup>1</sup> Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 13.

случае вряд ли можно говорить об унификации права как изменении его содержания, т.к. последнее не изменяется, поэтому основанием возникновения унификации выступают, прежде всего, внутренние правовые факторы. К таким факторам можно отнести *коллизии правовых норм, правовую инфляцию*.

Коллизия (от лат. *collisio* – столкновение) – столкновение противоположных сил, стремлений, интересов, взглядов. Коллизия юридических норм представляет собой один из видов противоречий в праве, при котором правовые нормы регулируют тождественные общественные отношения по-разному. При коллизии применение одной нормы исключает возможность применения другой. Под юридическими коллизиями Н.И. Матузов понимал «расхождения или противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий»<sup>1</sup>. Суть коллизий в праве Н.И. Матузов видел в том, что «различные нормы как бы вступают друг с другом в противоборство, пересекаясь в одной точке правового пространства и «претендуя» на регулирование одних и тех же отношений»<sup>2</sup>. То есть коллизия представляет собой одну из форм противоречий в праве, а именно противоречие в его содержании. Как справедливо отмечает И.В. Сеница, «коллизии свойственны даже самому совершенному праву, но степень коллизионности того или иного права напрямую связана с уровнем его системности. Поэтому коллизии наиболее распространены в праве переходных обществ...»<sup>3</sup>. М.А. Занина выделяет три группы причин возникновения коллизий норм права: во-первых, это нарушения правил законодательной техники; во-вторых, недостаточный учет социальной реальности функционирования новых правовых норм, а также социальных и юридических закономерностей в

---

<sup>1</sup> Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Сеница И.В. Коллизии в российском праве (на примере норм гражданского и налогового права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7.

различных сферах общественных отношений; в-третьих, дефекты, обусловленные структурой системы права и законодательства<sup>1</sup>.

Еще одним внутренним фактором, образующим основание унификации права, является *правовая инфляция* – существенный рост числа нормативных правовых актов и подлежащих применению правовых норм. Термин «правовая инфляция» применяется для отражения избыточного роста нормативных правовых актов, в основном подзаконных. Представляется, что применение указанного термина возможно и для обозначения стремительного количественного роста первичных элементов системы права, то есть правовых норм. При этом правовая инфляция как в системе права, так и в системе нормативных правовых актов указывает именно на негативную сторону количественного роста, его избыточность, чрезмерность. Наряду с вновь принятыми нормативными правовыми актами и правовыми нормами действуют значительно устаревшие акты и нормы. Такие нормы-архаизмы не отвечают потребностям современного правового регулирования, тормозят развитие правовой системы, не соответствуют социальным изменениям. Множественность нормативных актов и содержащихся в них правовых норм усложняет процесс правореализации, нарушает согласованность и системность правового материала, порождает противоречия, дублирование. Примером правовой инфляции может служить большое количество нормативных правовых актов в сфере государственной службы.

Указанные негативные правовые явления, как правило, взаимосвязаны и составляют внутренний фактор-основание унификации права. Вместе с тем данные правовые явления как основание унификации права действуют *во взаимосвязи с внешним фактором*, а именно общественными отношениями, которые в силу наличия правовых дефектов не могут быть урегулированы надлежащим образом. В качестве внешних негативных правовых последствий подобных дефектов можно рассматривать: *низкий уровень гарантированности и*

---

<sup>1</sup> См.: Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

*защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений; неэффективность публично-правовой деятельности; отсутствие единообразия практики применения норм права и т.д.* Все эти негативные явления составляют внешний фактор-основание унификации права.

## **§ 5. Роль специализации и унификации в развитии цивилистического процессуального права**

В отраслевой литературе специализации и унификации (как правило, каждому из указанных процессов в отдельности) отводится существенная и основополагающая роль в развитии цивилистического процессуального права и иных процессуально-правовых элементов. «Дифференциация и унификация как тенденции в развитии права в целом, и гражданского процессуального права, в частности, относятся к числу доминирующих и потому весьма значимых тенденций. Вместе с тем, в каждой отрасли права эти тенденции проявляются специфически, т.е. с учетом особенностей предмета данной отрасли», - пишет Н.А. Громошина<sup>1</sup>.

С.С. Алексеев рассматривает специализацию как некий практически всеобъемлющий процесс развития права, включающий в себя и содержательные, и структурные изменения<sup>2</sup>. Специализация в цивилистическом процессе довольно часто связывается исследователями с развитием цивилистической процессуальной формы, видами судопроизводства в гражданском и арбитражном процессах. Ей отводится главная роль в дифференциации цивилистической процессуальной формы, дифференциации порядка рассмотрения гражданских и административных дел. Так, Н.А. Рассахатская указывает, что «специализацию гражданско-процессуальной деятельности можно представить в двух уровнях: 1) внешняя специализация — в аспекте дифференциации системы права и

---

<sup>1</sup> Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве... С. 4.

<sup>2</sup> Алексеев С.С. Структура советского права... С. 53.

видов процессуальной деятельности; 2) внутренняя специализация, объектом которой выступает система гражданского процессуального права и соответственно система гражданского судопроизводства. В свою очередь, данная специализация проявляется в рамках регулирования однородных специфических групп отношений и выделения соответствующих видов процессуальных производств: искового, по делам из публично - правовых отношений, особого, приказного»<sup>1</sup>. Ю.В. Ефимова также связывает специализацию гражданско-процессуальной деятельности в том числе с развитием отраслевой системы в направлении дифференциации нормативного порядка рассмотрения гражданских дел. Она указывает, что «специализация гражданско-процессуальной деятельности - это, с одной стороны, дифференциация системы гражданского судопроизводства, проводимая в целях упорядочения процессуальных действий и процессуальных отношений, а с другой стороны, повышение квалификации судей в рамках конкретных областей»<sup>2</sup>. При этом Ю.В. Ефимова выделяет следующие критерии специализации гражданско-процессуальной деятельности: «а) материально-правовая природа правоотношений, которые являются предметом судебного разбирательства; б) необходимость формирования особой процессуальной формы для рассмотрения и разрешения той или иной категории дел; в) наличие специфической цели судебной деятельности, реализуемой в рамках отдельных категорий материальных правоотношений»<sup>3</sup>.

Унификацию как процесс отраслевого развития цивилистического процессуального права обычно связывают с выработкой единых правил рассмотрения гражданских, административных и арбитражных дел. В настоящее время особенно остро стоит вопрос объединения норм арбитражного и

---

<sup>1</sup> *Рассахатская Н.А.* Проблема совершенствования судебной системы и специализация гражданско-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского Суда по правам человека: Сб. науч. статей. Краснодар - СПб., 2008. С. 337.

<sup>2</sup> *Ефимова Ю.В.* Специализация гражданско-процессуальной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 4.

<sup>3</sup> Там же. С. 4.

гражданского процессуального права в единый кодекс. При этом авторы, обосновывающие необходимость единого процессуального порядка, отводят унификации главенствующую роль в отраслевом развитии процессуального права. В этой связи Е.В. Слепченко указывает, что «унификация гражданского процессуального законодательства посредством принятия такого кодекса позволила бы устранить как дублирование норм процессуальных кодексов, так и необоснованные различия в регулировании порядка возбуждения производства по гражданским делам, подготовки гражданских дел к судебному разбирательству, судебного разбирательства по гражданским делам, пересмотра и исполнения судебных актов по таким делам в судах общей юрисдикции и арбитражных судах»<sup>1</sup>.

Вышеизложенное создает объективную предпосылку и ставит перед автором настоящего исследования задачу выяснения роли процессов специализации и унификации в развитии цивилистического процессуального права. С учетом содержания ранее изложенных параграфов мы исходим из того, что, во-первых, объектом специализации и унификации является, прежде всего, само цивилистическое процессуальное право, а не закон, судопроизводственная деятельность, процессуальная форма и другие категории. Как правильно отмечает Н.А. Рассахатская, «нормы гражданского процессуального права представляют собой общеобязательные правила поведения, регулирующие деятельность суда и других участников процесса. Предопределяя и регламентируя возможное и должное поведение, нормы права в конечном итоге организуют всю непосредственно осуществляемую процессуальную деятельность»<sup>2</sup>. Во-вторых, специализация и унификация есть парные процессы отраслевого развития процессуального права, имеющие диалектическую связь. Данные процессы не могут существовать самостоятельно, без относительно друг к другу. В этой связи рассмотрение одного их процессов в отрыве от другого не создает наиболее

---

<sup>1</sup> Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблема единства и дифференциации... С. 16.

<sup>2</sup> Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: учебное пособие. Саратов, 1998. С. 17.

полной и объективной картины преобразования содержания цивилистического процессуального права. В-третьих, специализация и унификация представляют собой процессы качественного развития цивилистического процессуального права, связанные с изменением его содержания, а не формы. Это обстоятельство существенно ограничивает сферу действия вышеназванных процессов, потому как непосредственным объектом их действия являются нормы права как правила поведения. В-четвертых, специализация и унификация не оказывают непосредственного влияния на формирование элементов структуры гражданского процессуального права, начиная с уровня институтов права. В-пятых, специализация и унификация являются лишь отдельными процессами развития цивилистического процессуального права, не охватывают всех направлений и тенденций развития последнего (например, обновление права, преемственность в праве и так далее). В-шестых, результатом специализации является появление в отраслевой нормативной системе специальных процессуальных правил. Результатом унификации является появление в отраслевой нормативной системе общих норм.

Вышеуказанные положения требуют рассмотрения вопроса об уровне исследования процессов специализации и унификации цивилистического процессуального права. Данный вопрос имеет методологическое значение для настоящей работы. Стоит ли автору ограничиваться лишь исследованием отраслевой системы на уровне первичного элемента – процессуальной нормы? Либо же необходимо подняться на более высокие уровни – уровень института права, объединения институтов, подотраслей, отрасли в целом.

Представляется, что начинать исследование действия процессов специализации и унификации на отраслевую нормативную систему следует на уровне первичного элемента - процессуальной нормы. Ранее мы уже указывали, что именно норма права является непосредственным объектом рассматриваемых процессов. Следует также добавить, что исследование любых сложных процессов следует начинать именно с элементарного первичного уровня (простейшего отношения, первичного элемента системы и т.д.). Данный методологический



аспект достаточно убедительно обоснован разработчиками материалистической диалектики. На это указывал К. Маркс в своем бессмертном произведении «Капитал»: «Когда мы с точки зрения политической экономии рассматриваем какую-нибудь данную страну, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза годового производства и потребления, товарных цен и т. д. Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население – это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, – ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений»<sup>1</sup>.

Необходимость реализации именно такого методологического подхода показывают и ранее проведенные исследования. Так, например, заявив тему диссертационного исследования «Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве», Н.А. Громошина все же исходит из основы судопроизводства

---

<sup>1</sup> Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М., 1985. С.20.

– нормативного регулирования. Об этом свидетельствуют положения, вынесенные автором на защиту, которые связаны с оптимизацией нормативного регулирования как по форме (например, в части регламентации в АПК РФ порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях), так и по содержанию (например, пределов упрощения порядка рассмотрения гражданских дел)<sup>1</sup>. Е.В. Слепченко, определив в качестве темы исследования «Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации», также очевидно исследует нормативную основу судопроизводственной деятельности. Положения, вынесенные автором на защиту, связаны с развитием нормативного регулирования (принятие Кодекса административного судопроизводства, Кодекса гражданского судопроизводства, структурирование норм в рамках последнего)<sup>2</sup>. Таким образом, авторы названных работ проделывают весьма нелегкий путь, исследуя первоначально категорию судопроизводства, опускаются на уровень его нормативного регулирования (либо же постоянно предполагают такое регулирование), а затем вновь переходят к судопроизводству с конкретными предложениями по его регулированию. Иными словами, получается так же, как и указал К. Маркс в «Капитал».

Таким образом, *исследование действия специализации и унификации в процессуальном праве следует начинать, во-первых, с системы самого права, а не с судебной деятельности, процессуальных отношений, процессуальной формы и т.д. Во-вторых, следует взять за основу первичный элемент отраслевой системы – процессуальные нормы.*

Важным вопросом является изучение действия указанных процессов по отношению к более высоким уровням отраслевой системы. Так, например, если в результате специализации возникают специальные процессуальные нормы, то, очевидно, на следующем уровне могут образовываться специальные институты. Если, в свою очередь, унификация приводит к образованию общих норм, то,

---

<sup>1</sup> Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве... С. 8-14.

<sup>2</sup> Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблема единства и дифференциации... С. 14-21.

соответственно, на более высоком уровне она же может приводить к образованию общих институтов в рамках объединения институтов либо же в рамках отрасли права в целом. Так, например, Д.А. Фурсов указывает, что «специализация в правовом регулировании неизбежно порождает дифференциацию правовых институтов. Дифференцированные институты имеют целью конкретизировать те или иные предписания»<sup>1</sup>. «Процессы дифференциации норм в отрасли арбитражного процессуального права неизбежно вызывают обратные процессы, связанные с интеграцией нормативных предписаний. Если дифференцированные институты содержат нормы, определяющие исковой (спорный) и неисковой (беспорный) порядок судопроизводства, то с необходимостью формируется и общий институт, содержащий общие нормы для того и другого порядка осуществления судопроизводства»<sup>2</sup>.

Следует отметить, что как в общей теории права, так и в отраслевой литературе, при классификации институтов права довольно часто называют общие и специальные институты. С.С. Алексеев, критикуя правоведов за обход вниманием институтов права, указывает на то, что деление институтов по отраслям права представляет собой лишь отражение на данном уровне структуры права деления более высокого порядка – отраслевой уровень<sup>3</sup>. «Правовые институты, - пишет С.С. Алексеев, - имеют собственную классификацию, к которой наша общетеоретическая и отраслевая литература обращается, к сожалению, весьма редко»<sup>4</sup>. Проводя такую классификацию правовых институтов, С.С. Алексеев, выделяет регулятивные и правоохранительные, предметные и функциональные (в том числе процедурно-процессуальные) институты, общие институты (которые составляют общезакрепительные и основные институты), а также институты по отдельным сферам отношений

---

<sup>1</sup> Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики). С. 167.

<sup>2</sup> Там же. С. 167-168.

<sup>3</sup> См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том. 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 118.

<sup>4</sup> Там же. С. 118.

данного вида<sup>1</sup>. В гражданском процессуальном праве М.К. Юков на основе строения общерегулятивной функции права также выделяет основной (принципы, задачи, законодательство) и общезакрепительные (участники, доказательства, сроки и т.д.) общие процессуальные институты<sup>2</sup>. Е.А. Керимова указывает, что по сфере правового регулирования принято выделять общие институты (определительно-отправные и общезакрепительные) и специальные правовые институты. Общие институты охватывают своим содержанием основные свойства предмета и метода регулирования специальных институтов, их единые черты. Специальные институты опосредуют определенные разновидности и специфику однородных общественных отношений<sup>3</sup>.

В отраслевых исследованиях концепция общих и специальных институтов нашла свое подтверждение и реализацию. Так, Ю.К. Осипов указывает, что правовые институты бывают двух видов – специальные и общие. Первые представляют собой совокупность норм, регулирующих отдельные, обособленные виды однородных общественных отношений. Вторые – совокупность норм, регулирующих не какой-то отдельный вид однородных отношений, а некоторые сходные их стороны. «Иначе говоря, если первые регулируют те стороны однородных общественных отношений, которые составляют в них особенное, то вторые – стороны, которые представляют в этих отношениях общее»<sup>4</sup>. Ю.К. Осипов критикует понятие правового института, которое охватывает лишь институты специальные. Под институтом, по мнению автора, следует понимать «обособленные группы юридических норм, регулирующие отдельные виды однородных общественных отношений (специальные институты) или некоторое общие стороны всех отношений данного рода, независимо о их видовой

---

<sup>1</sup> См.: там же. С. 119-128.

<sup>2</sup> См. Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 124-127.

<sup>3</sup> См.: Керимова Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 19.

<sup>4</sup> Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 12.

принадлежности (общие институты)»<sup>1</sup>. Под институтами гражданского процессуального права Ю.К. Осипов предлагает понимать «обособленные группы норм последнего, регулирующие процессуальные отношения, складывающиеся на каждой отдельной стадии гражданского процесса (специальные институты), либо некоторые общие стороны, присущие системе процессуальных отношений, как целому, по каждому подведомственному суду гражданскому делу (общие институты)»<sup>2</sup>. К специальным институтам гражданского процессуального права Ю.К. Осипов относит институты возбуждения гражданского дела, судебного разбирательства и разрешения дела по существу, а также другие институты, сформированные на основе стадийности процессуальных отношений. К общим институтам гражданского процессуального права, регулирующим общие стороны, которыми обладают не отдельные процессуальные отношения, а вся их система по конкретному делу, как целое, автор относит институты правосубъектности, судебных доказательств, судебных расходов, процессуальных сроков и другие<sup>3</sup>.

Из деления институтов на общие и специальные исходит В.М. Шерстюк, исследуя вопрос видов судопроизводства. Вид судопроизводства, по мнению автора, – это установленный процессуальным законом порядок рассмотрения и разрешения группы однородных дел, урегулированный совокупностью однородных и однопорядковых по сфере действия институтов (а не правовых норм), объединенных в единое целое – в объединение институтов<sup>4</sup>. При этом в рамках объединения институтов, составляющего нормативную основу соответствующего вида судопроизводства, должен оформиться общий институт, закрепляющий основные специфические признаки данного порядка<sup>5</sup>.

Учитывая вышеизложенное, вряд ли можно оспаривать существование в отраслевой системе цивилистического процессуального права общих и

---

<sup>1</sup> Там же. С. 12.

<sup>2</sup> Там же. С. 13-14.

<sup>3</sup> См.: там же. С. 13.

<sup>4</sup> См. *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 184.

<sup>5</sup> См.: там же. С. 188-190.

специальных институтов. Но основной вопрос заключается, собственно, не в их существовании, а в механизме образования. Как нам представляется, образование института процессуального права (общего или специального) представляет собой сложный многофакторный диалектический процесс, в котором переплетаются разнохарактерные тенденции отраслевого развития. В конце концов специализация и унификация как процессы качественного развития права, результат которых отражается на его содержании, не играют единственную и основополагающую роль в механизме образования процессуальных институтов. На первый план здесь выходят процессы структурного развития права, в том числе процессы дифференциации и интеграции нормативного материала. Это же происходит и на более высоком уровне – уровне объединения институтов процессуального права. Специфика здесь заключается в том, что происходит усложнение взаимодействия различных процессов и тенденций, так как на данном уровне происходит не только взаимодействие процессуальных норм (как при образовании института), но и процессуальных институтов, стремящихся к объединению в органическое целое – объединение институтов. «Дифференциация правовых институтов по сферам вызывает необходимость встречного процесса – интеграции нормативного материала. В соответствии с этим в некоторых областях советского права намечается формирование генеральных институтов»<sup>1</sup>, - пишет С.С. Алексеев.

Достаточно детально процесс образования институтов гражданского процессуального права описал М.К. Юков. Положив в основу классификации институтов функции права, автор с учетом трех универсальных функций права (общерегулятивной, регулятивной и охранительной<sup>2</sup>) выделяет общие, регулятивные и охранительные функциональные институты гражданского процессуального права. Сообразно внутреннему строению каждой из функций М.К. Юков выделяет основной и общезакрепительные общие процессуальные

---

<sup>1</sup> Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том. 2: Специальные вопросы правоправедения. М., 2010. С. 128.

<sup>2</sup> Автор настоящего исследования считает, что следует выделять две основные функции (регулятивную и охранительную), каждая из которых имеет собственное сложное строение.

институты, дифференцированные и интегрированные институты (регулятивные), а также охранительный институт гражданского процессуального права<sup>1</sup>. «Систематизация гражданского процессуального законодательства на основе функций правовых институтов исключает повторения и обеспечивает большую полноту правового регулирования»<sup>2</sup>. Вслед за С.С. Алексеевым<sup>3</sup>, М.К. Юков применительно к регулятивным институтам указывает, что «специализация норм гражданского процессуального права в значительной степени предопределила зарождение и формирование дифференцированных институтов. Формирование дифференцированных институтов происходит путем расщепления основной нормы на варианты предписания, которые, в свою очередь, обрастают детализирующими, исключительными и другими нормативными предписаниями, образуя ассоциации норм права. При дальнейшем развитии права ассоциации зачастую перерастают в правовые институты»<sup>4</sup>. В качестве примера дифференцированных институтов, сформированных подобным образом, М.К. Юков приводит «правовые образования, регулирующие производство по делам: о взыскании недоимок по налогам и неналоговым платежам; об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и др.»<sup>5</sup>. Таким образом, специализация процессуальных норм, по мнению М.К. Юкова, выступает процессом образования дифференцированных процессуальных институтов. Но для полной картины понимания авторского подхода следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, М.К. Юков также, как и С.С. Алексеев понимает процесс специализации весьма широко. «Специализация норм гражданского процессуального права, - пишет он, - проявляется в двух формах: дифференциации и интеграции»<sup>6</sup>. Унификации автор отводит совершенно

---

<sup>1</sup> См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 124.

<sup>2</sup> Там же. 122

<sup>3</sup> См.: Алексеев С.С. Структура советского права... С. 147.

<sup>4</sup> Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 129.

<sup>5</sup> Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 129.

<sup>6</sup> Там же. С. 70.

непонятную роль, рассматривая ее как критерий установления пределов дифференциации. Во-вторых, следует согласиться с В.М. Шерстюком, что виды производства в гражданском и арбитражном процессе оформляются не отдельным процессуальным институтом, а их объединением, в рамках которого есть общий институт и дифференцированные институты<sup>1</sup>. Как указывалось выше, действие процессов, формирующих объединение институтов, усложняется за счет выстраивания не только связей норм, но и связей институтов в рамках объединения институтов. В-третьих, специализация не указывается М.К. Юковым в качестве единственного механизма образования дифференцированных институтов. «Второй путь образования дифференцированных институтов, - пишет он, - происходит на основе введения в правовую общность относительно самостоятельных нормативных предписаний, которые сужают действие основной нормы, отторгают у нее часть функций или же предмета правового регулирования, в результате чего происходит деформация правового института. Этот путь первоначально направлен на создание так называемого искусственного пробела, заполнение которого и происходит новым правовым институтом»<sup>2</sup>. Посредством данного механизма образованы институты, закрепляющие: правила предъявления иска, обеспечение иска, подготовку гражданских дел к судебному разбирательству, порядок судебного разбирательства, правила вынесения постановлений суда и требования, предъявляемые к судебным постановлениям, приостановление и прекращение производства по делу, оставление иска без рассмотрения, оформление судебных протоколов<sup>3</sup>. При этом неясно как данный механизм связан (и связан ли) со специализацией процессуального права. Наконец, в-четвертых, М.К. Юков, далее исследуя вопрос объединения институтов гражданского процессуального права, совершенно верно заключает,

---

<sup>1</sup> См.: Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации... С. 184

<sup>2</sup> Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 130.

<sup>3</sup> См.: там же. С. 131.



что «правовые объединения – это закономерный процесс развития правовой системы, результат интеграции и дифференциации в праве»<sup>1</sup>.

В аспекте настоящего исследования возникает вопрос: всегда ли специализация цивилистического процессуального права приводит к его структурной дифференциации с выделением в составе его элементов самостоятельных общностей на уровне институтов права либо к дифференциации цивилистического процесса с выделением и обособлением отдельного вида судопроизводства? Ответить на данный вопрос следует отрицательно. В ряде случаев специализация приводит лишь к появлению в строении права новых первичных элементов – специальных процессуальных норм. Такого рода развитие права ведет к разрастанию существующих институтов отрасли, насыщению их новым органически связанным нормативным материалом, обеспечивающим более полное и всестороннее регулирование процессуальных отношений. Кроме того, как правильно указывает В.М. Шерстюк, необходимость образования нового института может возникнуть в результате введения в действующий институт всего одной статьи, содержащей прогрессивные по своему содержанию новые нормы, противоречащие существующим. В качестве примера В.М. Шерстюк приводит норму о предварительных обеспечительных мерах в ГПК РФ (ст. 144.1). Данные меры должны быть урегулированы более полно и системно в рамках самостоятельного процессуального института. Образование новых институтов в отрасли права может иметь место и на основе интеграции определенного количества однородных процессуальных норм, разбросанных по всему ГПК РФ<sup>2</sup>. В любом случае, образование самостоятельного процессуального института – сложная совокупность различных процессов и тенденций, влияющих на процессуальное право (специализация, унификация, переименование, обновление, заимствование и т.д.). В качестве примера можно привести институт примирительных процедур в гражданском процессе, который первоначально

---

<sup>1</sup> Там же. С. 137.

<sup>2</sup> См.: Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации... С. 299.

нельзя было рассматривать в качестве самостоятельной правовой общности. Отдельные правила о мировом соглашении были разбросаны по всему ГПК РФ (ст. 39, 150, 173). Впоследствии институт примирительных процедур был сформирован и внесен в ГПК РФ в качестве самостоятельной главы 14.1 ГПК РФ<sup>1</sup>. Можно ли сказать, что данный институт сформировался только лишь за счет специализации процессуального права? Очевидно, что нет. При формировании данного института принимали участие процессы унификации в сфере выработки общих норм института (например, принципы примирения), заимствования (например, из АПК РФ в части процедуры составления и утверждения мирового соглашения), разработке новых правил процедуры судебного примирения (ст. 153.6 ГПК РФ). Процесс специализации также принимал участие в создании данного института, но лишь в части формирования специальных норм, например, при регламентации результатов примирительных процедур. В конечном итоге все эти результаты разноплановых процессов были объединены (интегрированы) в единое целое – институт примирительных процедур. Аналогичным образом при существенном действии процесса заимствования происходит развитие гражданского и арбитражного процессуального права в направлении образования самостоятельных институтов на современном этапе. Институт приказного производства<sup>2</sup> в арбитражном процессуальном праве появится в большей степени в результате заимствования нормативного материала из гражданского процессуального права. Институт упрощенного производства в гражданском процессуальном праве был в целом заимствован из арбитражного

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 26.07.2019 N 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. N 30. Ст. 4099.

<sup>2</sup> См.: *Попондопуло В.Ф., Силина Е.В.* Приказное производство в гражданском и арбитражном процессе – шаг к дальнейшей унификации гражданского процессуального законодательства // Актуальные проблемы реформирования гражданского и предпринимательского права: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием. Краснодар, 2019. С. 8-14.

процессуального права<sup>1</sup>. КАС РФ во многом представляет собой законодательный акт, большинство положений которого было заимствовано из ГПК РФ.

Специализация не играет главенствующую роль при окончательном оформлении процессуального института также при эволюционном развитии процессуального права в направлении образования соответствующего института. В качестве примера можно привести развитие института подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском процессуальном праве. ГПК РСФСР 1923 года<sup>2</sup> не содержал самостоятельного института подготовки. Подготовительная деятельность регулировалась единичной нормой, которая включалась в институт предъявления иска (глава VIII ГПК РСФСР). Согласно ст. 80 суд мог по просьбе истца до вызова ответчика удовлетворить частные ходатайства о вызове свидетелей, выдаче свидетельств для получения документа или справки, или затребовать таковые, если по своему характеру они не могут вызывать возражений ответчика и необходимы для разрешения дела. В последующем в данную статью внесены изменения и этап подготовки получил импульс развития на законодательном, правоинтерпретационном и доктринальном уровнях<sup>3</sup>, но это также не привело к образованию самостоятельного института. В статье 33 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 года<sup>4</sup> определялось, что после принятия заявления судья производит подготовку дела к судебному разбирательству, целью которой является обеспечение своевременного и правильного разрешения дела. В главе 14 ГПК РСФСР 1964 года<sup>5</sup> содержалось три статьи, посвященных подготовке дела, в которых определялись цель подготовки, действия суда по

---

<sup>1</sup> Об анализе изменений АПК РФ, ГПК РФ в аспекте унификации см. подробнее: Унификация цивилистического процессуального законодательства: анализ, оценки, перспективы: монография / под ред. М.В. Самсоновой. М., 2021. 328 с.

<sup>2</sup> Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (Постановление ВЦИК от 10.07.1923) // СУ РСФСР. 1923. N 46 – 47. Ст. 478.

<sup>3</sup> См.: *Чекмарева А.В.* Подготовка дела к судебному разбирательству с позиции процедурности цивилистического процесса // Современное право. 2014. № 5. С. 90.

<sup>4</sup> Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. (Закон СССР от 08.12.1961) // Ведомости ВС СССР. 1961. N 50. Ст. 526.

<sup>5</sup> Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г., утв. ВС РСФСР 11.06.1964 // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

подготовке, единоличный состав суда, осуществляющего подготовку, а также оформление начала и окончания подготовки. Таким образом, о становлении института подготовки можно говорить при объединении норм в отдельной главе, организационном выделении этапа подготовки в деятельности суда первой инстанции, что произошло посредством формирования общей нормы, закрепляющей самостоятельную цель данного этапа, хотя сами правила по подготовке были весьма немногочисленны. Следует отметить, что в гражданском процессуальном законе того времени подготовка рассматривалась в большей степени как этап сбора доказательств и привлечения заинтересованных лиц, что также подтверждается задачами подготовки, сформулированными в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.1988 N 2 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»<sup>1</sup>. Обмен доказательствами и состязательными бумагами, как это было предусмотрено в Уставе гражданского судопроизводства 1964 года<sup>2</sup>, не регламентировался. В силу п. 2 ст. 141 ГПК РСФСР 1964 года ответчик мог вызываться в суд в необходимых случаях и только по особо сложным делам ему предлагалось представить письменные объяснения по делу. В п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.1988 N 2 разъяснялось, что вызов ответчика должен производиться исходя из характера конкретного дела, а также возможных возражений ответчика, поскольку их выяснение позволит истребовать необходимые доказательства для проверки их в судебном заседании. Дальнейшее развитие уже возникшего института подготовки осуществляется посредством специализации и унификации процессуальных норм. В 1995 году глава 14 ГПК 1964 года изложена в новой редакции. Помимо нормативного изложения задач подготовки, а также расширения процессуальных действий суда в рамках данной стадии (суд мог прекратить производство по делу, оставить заявление без рассмотрения), в подготовку постепенно вливается состязательная деятельность сторон. Несмотря на то, что ответчик также мог

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 7.

<sup>2</sup> Глава 5 книга вторая Устава гражданского судопроизводства 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1866. 690 с.

вызываться в суд по мере необходимости, в статье 142 ГПК 1964 года устанавливалось, что судья направляет либо вручает ответчику копии искового заявления и приложенных к нему документов, обосновывающих требования истца, и предлагает представить в установленный им срок доказательства в обоснование своих возражений. Очевидно, что данное положение значительно расширило объем подготовки дела к судебному разбирательству, так как она охватывала теперь не только стадию сбора доказательств<sup>1</sup>, но и раскрытие доказательств. Ныне действующий ГПК РФ в сравнении со своими предшественниками содержит более широкую регламентацию подготовки дела к судебному разбирательству, в частности отдельно регламентируется процессуальная деятельность сторон, а также введено предварительное судебное заседание. Институт подготовки в значительной степени специализировался на выполнении поставленных перед ним целей, оброс значительным количеством дополняющих процессуальных норм.

Становление и развитие институтов цивилистического процессуального права показывают, что пока не накоплен соответствующий нормативный материал, не проведены соответствующие обобщения, не произошло структурирование и законодательное оформление данного материала, а также не определены место данной правовой общности в отраслевой системе права, говорить об образовании самостоятельного процессуального института не представляется возможным. В.М. Шерстюк убедительно показывает это на примере развития норм о подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном процессе<sup>2</sup>. Так, например, несмотря на специфику предварительных обеспечительных мер в арбитражном процессе, а также на постоянное развитие данного комплекса (ассоциации) процессуальных норм за счет установления специальных процессуальных правил (например, особенности предварительного обеспечения по корпоративным спорам, особенности принятия таких мер по

---

<sup>1</sup> Имеется в виду стадия процесса доказывания.

<sup>2</sup> См.: *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021 297.

заявлению ЦБ РФ и т.д.), развитие данной группы норм осуществляется в рамках института «Обеспечительные меры арбитражного суда», закрепленного в главе 8 АПК РФ. Не возникли еще предпосылки для интеграции данной группы норм в самостоятельный процессуальный институт. Несмотря на относительно самостоятельный характер группы норм, регулирующих соединение и разъединение нескольких требований (ст. 130 АПК РФ; ст. 151 ГПК РФ), данные нормы не образовали самостоятельный процессуальный институт.

«Интегрированные институты в гражданском процессуальном праве, - далее пишет М.К. Юков, - как и в других случаях, – это результат дифференциации права. Основные направления и способы образования интегрированных институтов в гражданском процессуальном праве совпадают с интеграцией гражданских процессуальных норм, это и вполне закономерно, так как интегрированные институты – это, как правило, правовые общности, образовавшиеся в результате интеграции норм»<sup>1</sup>. Здесь стоит указать, что М.К. Юков рассматривает интегрированные институты как некоторое противопоставление дифференцированным и в рамках более высокой правовой общности – объединение институтов. «В интегрированном институте группируются такие нормы, которые обеспечивают самостоятельное функционирование в системе отрасли права каждого из дифференцированных институтов»<sup>2</sup>. Таким образом, интеграционные процессы влияют не только на становление интегрированного института, но и объединения институтов. В.М. Шерстюк обращает внимание на то, что подобной интеграции еще не произошло и самостоятельный вид производства не сформирован в отношении группы норм, закрепленных в разделе VI ГПК РФ «Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов». В данной группе норм отсутствует институт, закрепляющий общие правила данного

---

<sup>1</sup> Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 131.

<sup>2</sup> Юков М.К. Там же. С. 131-132.

производства<sup>1</sup>. Стоит отметить, что интеграцией оформляется не только общие (интегрированные институты), но и дифференцированные. Именно интеграция окончательно оформляет правовую общность в структурном плане. Разница между интегрированными и дифференцированными институтами может быть видна только при взгляде «сверху вниз». В аспекте всего нормативного регулирования дифференцированный институт приводит к усложнению структуры посредством образования новой правовой общности, интегрированный институт также призван оформить новую правовую общность, но только на более высоком уровне – уровне объединения институтов. В конечном итоге, процессы дифференциации и интеграции действуют как при образовании дифференцированных, так и интегрированных институтов.

М.К. Юков в отношении объединения институтов совершенно правильно замечает, что они являются результатом дифференциации и интеграции в праве. «Эти два встречных процесса в правовой материи неизбежно ведут к объединению институтов в правовые образования более высокого порядка, но еще не отрасли права. Такое объединение происходит в связи с тем, что наблюдается процесс разделения труда в праве, а также выведение за скобки единых сквозных для нескольких институтов правил»<sup>2</sup>.

Есть также мнение, что с точки зрения процессов дифференциации и интеграции правовых норм в рамках отрасли права, правовые институты отражают в первую очередь процесс дифференциации, а отрасль права - процесс интеграции правовых норм<sup>3</sup>. Данное утверждение верно лишь отчасти и зависит от отправной точки рассмотрения отраслевой организации нормативного материала. Если за такую точку взять отрасль права, то, действительно, органически единый отраслевой материал, обладающий интегративным свойством и поэтому выполняющий свои функции регулирования,

---

<sup>1</sup> См.: *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации... С. 188.

<sup>2</sup> *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 136.

<sup>3</sup> См.: *Керимова Е.А.* Указ. соч. С. 15.

дифференцируется на отдельные структурные элементы – институты права. Но в действительности каждая процессуально-правовая общность, начиная с правового института, представляет собой совместный результат процессов дифференциации и интеграции. Дифференциация проявляется в том, что в отраслевой системе образуется новый элемент, влияющий на внутреннюю организацию системы процессуального права. Интеграция проявляется в том, что, наряду с иными элементами данного уровня, новая правовая общность является органически целым. Кроме того, данный элемент объединяется с себе подобными в общности более высокого порядка. В этой связи В.М. Шерстюк, указывая на различия категорий «институт права» и «объединение институтов», отмечает разный уровень интеграции каждого из указанных структурных подразделений системы. Если в рамках института процессуального права в результате интеграции образуется одна или несколько общих норм, то в рамках объединения институтов интеграционные процессы приводят к образованию общего института<sup>1</sup>. В действительности уровень интеграции у данных правовых общностей идентичный. Этот уровень определяется тем, что данная общность должна сформироваться как целое. Другое дело, что средства для обеспечения такого уровня интеграции для правового института и объединения институтов различны. В первом случае достаточно нескольких общих норм. Во втором – необходим отдельный общий институт, что наглядно демонстрирует В.М. Шерстюк на примере отдельных видов производства. Данный вывод применим также и для структурных элементов более высокого порядка – подотраслей, а также для отрасли права в целом. Чем выше уровень правовой общности, тем больше средств необходимо для обеспечения ее единства и целостности. Если на уровне объединения институтов достаточно одного общего института, то для процессуальной отрасли в целом необходима совокупность основного и общезакрепительных процессуальных институтов. Так, В.М. Шерстюк в строении гражданского процессуального права в качестве подотраслей выделяет две

---

<sup>1</sup> См.: Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации... С. 183.



подсистемы – производство в суде первой инстанции и проверочное производство. «Рассматриваемые подсистемы, - пишет автор, - неразрывно и объективно связаны между собой, поскольку являются результатом проведенной законодателем интеграции правового материала и не могут быть в современных условиях как самостоятельные объекты существовать друг без друга...»<sup>1</sup>. В любом случае, какой бы элемент отраслевой системы мы не рассматривали, действие процессов интеграции и дифференциации на формирование процессуальной правовой общности очевидно. Именно эти процессы окончательно оформляют правовую общность в цивилистическом процессуальном праве, начиная с правового института.

Процессам специализации и унификации на уровне институтов отраслевой системы процессуального права следует отводить такую же роль, как и на уровне первичных элементов – процессуальных норм. *Данные процессы, выступая процессами качественного развития процессуального права, значительно обогащают содержание последнего, обеспечивая баланс общего и особенного в процессуально-правовом регулировании.* Впоследствии результаты данных процессов в виде совокупности общих и специальных норм, составляющих процессуальные комплексы, подхватываются иными процессами структурного развития права, что может привести к образованию правовых общностей более высокого порядка<sup>2</sup>. В любом случае и при любом механизме образования общие и специальные процессуальные институты не являются непосредственным результатом действия процессов унификации и специализации соответственно.

Вышеизложенное позволит прийти к выводу о том, что *процессы специализации и унификации цивилистического процессуального права нужно исследовать, прежде всего, на уровне процессуальных норм. Именно такой подход, на наш взгляд, позволит прийти к формированию целостной и правильной*

---

<sup>1</sup> Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации... С. 232.

<sup>2</sup> См.: Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики). С. 164.

*(в некотором смысле «чистой») концепции, без преувеличения или умаления значения рассматриваемых процессов в отраслевом развитии процессуального права.*

Таким образом, в рамках настоящего раздела предпринята попытка теоретического анализа унификации и специализации права. Сделан ряд общих методологических выводов, имеющих важное значение для последующего исследования. В то же время указанных выводов явно недостаточно для полной характеристики одноименных процессов в рамках отдельных отраслей права, в том числе и гражданского процессуального права, в котором процессы специализации и унификации приобретают отраслевую окраску и имеют существенную специфику. При исследовании вопроса систематизации законодательства, Н.А. Чечина закономерно особое внимание обратила на то, что «гражданское процессуальное право понимается как исторически сложившееся и объективное объединение, система взаимообусловленных гражданских процессуальных правил, составляющих самостоятельную, а не комплексную и не производную, обладающую автономностью функционирования отрасль советского права»<sup>1</sup>. Поэтому выявлению и обоснованию специфики унификации и специализации гражданского процессуального права должны быть посвящены самостоятельные правовые исследования.

---

<sup>1</sup> Чечина Н.А. Система гражданского процессуального права и систематизация законодательства // Правоведение. 1984. № 2. С. 28

## ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

История российского цивилистического процессуального права достаточно продолжительна и в широком контексте занимает период от возникновения государственности до настоящего времени. Изложение полного ее хода не является задачей настоящей работы, поэтому в данном разделе будет предпринята попытка изложения основных исторических аспектов развития процессуального права с точки зрения его унификации и специализации.

Историю становления и развития цивилистического процесса и права принято делить на два больших этапа – до появления Устава гражданского судопроизводства 1864 г. и после. Многие исследователи связывают с появлением Устава окончательное оформление гражданского процессуального права и его отделение от уголовного процесса. Так, Е.В. Васьковский отмечал, что до издания уставов 1864 г. действовали процессуальные законы, помещавшиеся во второй части X тома Свода законов, а впоследствии перенесенные во вторую часть XVI тома. Они представляли собою по большей части механическое соединение разновременных изданных узаконений, от Уложения 1649 г. вплоть до позднейшего времени<sup>1</sup>. Исследователь отмечает, что «судебные уставы 1864 г. произвели столь коренной переворот в области судебно-процессуального права, что предшествовавшие их изданию немногочисленные сочинения по гражданскому процессу утратили и то небольшое значение, какое имели»<sup>2</sup>. Подчеркивая значимость судебной реформы Александра II, Д.Я. Малешин указывает, что «Устав гражданского судопроизводства считается одним из лучших европейских кодексов того времени. Им были установлены новые основы гражданского процесса, усилена устность правосудия, введена состязательность, другие

---

<sup>1</sup> См.: *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016. С. 44.

<sup>2</sup> *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия...С. 50.

принципы. Движение дела, построение процесса, а также взаимодействие суда и других участников были изменены. Современники того времени использовали терминологию «дореформенного» и «послереформенного» процесса»<sup>1</sup>.

Важное значение Судебной реформы Александра II бесспорно. С появлением Устава гражданского судопроизводства 1864 г. связывается возникновение самостоятельной науки гражданского процессуального права<sup>2</sup>. С этого же времени можно говорить об организационно-институциональном обособлении гражданского судопроизводства – появлении некой совокупности взаимосвязанных норм, объединенных общими положениями в виде основных начал. В современном праве такая совокупность называется отраслью права.

Несмотря на важность Устава 1864 г. для развития российского цивилистического процессуального права, с ним нельзя связывать возникновение самого гражданского судопроизводства, которое имеет длительную историю. Гражданское и уголовное судопроизводство хотя и существовали во взаимной связи, но в литературе первой половины XIX в. отчетливо разводились. Законы, которые предписывают, каким образом поступать при приведении в явность прав сомнительных или спорных, принадлежащих частным лицам, в целях беспрепятственного пользования данными правами, назывались законами гражданского судопроизводства. Законы, устанавливающие наказания за нарушения для восстановления порядка и предупреждения нарушений, влияющих на безопасность государства, представлялись законами уголовного судопроизводства<sup>3</sup>. Не следует также забывать об Уставе торгового судопроизводства и Уставе торговой несостоятельности 1832 г., которые также являлись разновидностями цивилистического процесса. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «закон 14 мая 1832 года... в свое время обеспечивал купечеству

---

<sup>1</sup> Малешин Д.Я. Вместо предисловия: «прадеды» и «правнуки» Судебной реформы 1864 г. // Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной реформы. 20 ноября 1864 г. – 20 ноября 2014 г.): сб. науч. ст. / под ред. Д.Я. Малешина. М., 2014. С. 7.

<sup>2</sup> См., напр.: Розин Н.Н. Процесс как юридическая наука // Журнал Министерства юстиции, октябрь 1910. С. 24.

<sup>3</sup> См.: Основания российского судопроизводства, изложенные М... М., 1832. Ч. I. С. 21.

такой суд, какого не имело остальное население Русского государства, не только со стороны его организации, но и со стороны условий и форм судопроизводства. Торговый процесс был благодетельным изъятием для торгового оборота»<sup>1</sup>.

Вышеизложенное предполагает необходимость краткого рассмотрения сквозь призму унификации и специализации правил гражданского судопроизводства до 1864 г. и общей характеристики данных правил.

### **§1. Специализация и унификация отечественного цивилистического процессуального права до принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 года**

Основным из древних источников русского права, в том числе судопроизводства, является Русская Правда. Н.М. Карамзин отмечал, что «блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого Монарха. Сему Князю приписывают древнейшее собрание наших гражданских уставов, известное под именем Русской Правды. Еще в Олегово время Россияне имели законы; но Ярослав, может быть, отменил некоторые, исправил другие и первый издал законы письменные на языке Славянском. Они, конечно, были государственными или общими, хотя древние списки их сохранились единственно в Новгороде и заключают в себе некоторые особенные или местные учреждения. Сей остаток древности, подобный двенадцати доскам Рима, есть верное зеркало тогдашнего гражданского состояния России»<sup>2</sup>. Таким образом, Русская Правда представляла собой примитивный способ систематизации, вызванной потребностями общественной жизни и развитием государственности. В.О. Ключевский по этому поводу отмечал, что, «изучая отношение Русской Правды к современному ей русскому праву, не следует забывать положения тогдашнего русского кодификатора. Он имел дело с неупорядоченной судебной практикой, в которой старый обычай

---

<sup>1</sup> Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 2003. С. 47.

<sup>2</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. II. С. 45.

боролся с новыми юридическими понятиями и требованиями, и людские отношения являлись перед судом в сочетаниях, не предусмотренных ни законом, ни судебной практикой, и судья поочередно переходил от недоумения к усмотрению, т.е. к произволу и обратно. При таком состоянии правосудия многие нормы даже трудно было уловить и формулировать»<sup>1</sup>. Однако, давая общую оценку тексту Русской Правды с позиции современной процессуальной науки, следует отметить, что, во-первых, Русская Правда практически не разводит уголовные и гражданские дела, и, следовательно, не разводится уголовный и гражданский процесс. Во-вторых, изложение текста Русской Правды имеет казуальный характер. По справедливому замечанию К. Малышева, в древнейшем периоде русского процесса, как и процессов западных государств, мы встречаем неразвитость объективной системы права, реакцию внутреннего чувства против правонарушения, родовую месть и самоуправство, участие народа в суде и т.д.<sup>2</sup> В-третьих, объектом защиты выступают не гражданские права, но причиненная обида в результате их нарушения, что также свидетельствует об отождествлении дел гражданских и уголовных. Как отмечается в литературе, самоуправство в Русской Правде еще не было устранено. Так, например, при нарушениях вещного права позволялось без всякого суда брать свою вещь<sup>3</sup>.

Русская Правда позволяет нам говорить лишь о примитивных (с точки зрения развития современного права) тенденциях специализации и унификации права. Специализация проявляется в попытке развести гражданские и уголовные правонарушения, во множестве категорий дел и стремлении законодателя отразить их специфику в праве, в том числе при рассмотрении соответствующих дел. Например, способы доказывания по отдельным делам в соответствии с пространной редакцией Русской Правды (Троицкий список, вторая половина XIV в.) имеют свою специфику. При взыскании денежных средств в случае

<sup>1</sup> *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция XIV. СПб., 1904. С. 341.

<sup>2</sup> См.: *Малышев К.* Курс гражданского судопроизводства: сочинение. СПб., 1876. Т. 1. С. 55.

<sup>3</sup> См.: *Чеглоков П.* Об органах судебной власти в России: от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича // Юридический сборник, изданный Д. Мейером. Казань, 1855. С. 10.

возражения должника истец приводит свидетелей, которые должны дать клятву. Если же истцом является купец, то взыскание денег посредством предоставления свидетелей и их показаний не допускается. В этом случае истец сам приносит клятву. При поклаже также свидетели не нужны, при этом поклажеполучатель приносит клятву. При предоставлении денег или иного имущества под проценты кредитор обязан предоставить свидетелей, подтверждающих договоренности сторон. Таким образом, уже Русская Правда, не имея системных правил судопроизводства, знает особенности распределения обязанностей по доказыванию и средств доказывания в зависимости от различных категорий споров.

Унификация рассматриваемый период времени проявляется в стремлении систематического изложения правовых правил, их некой консолидации. Однако для нас важен не столько факт казуального изложения правил в одном акте, сколько использование в нем общих понятий, таких как «клятва», «свод» (суд, принадлежащий народу), «вира», то есть денежные средства, уплачиваемые князю за убийство, а в Правде XIII в. к вире также относились пени за личные оскорбления и за нарушение вещного права<sup>1</sup>. Соответственно, уже Русская Правда показывает способность к обобщению и использованию при изложении правовых правил неких общих терминов, что свидетельствует о начале формирования системы российского права.

Таким образом, во времена Русской Правды возникают прототипы тенденций специализации и унификации российского права, выраженные в первоначальных (если можно сказать, примитивных) формах. Сам же цивилистический процесс, получивший регламентацию в некой совокупности юридических правил, не имеющих структурного обособления, также обнаруживает вышеуказанные тенденции.

Последующий исторический период Российского государства связан с так называемой раздробленностью, при которой вся территория Древнерусского государства разделилась на множество удельных княжеств. Стоит отметить, что и

---

<sup>1</sup> См.: *Чеглоков П.* Указ. соч. С. 11.

во времена Русской Правды право в качестве своего основного источника имело правовой обычай. Русская Правда лишь письменно закрепила некоторые из них, поэтому быт и взаимодействие граждан, в том числе в рамках судебного процесса, в различных русских землях регулировались местными обычаями. В период раздробленности региональная специализация права и процесса в силу внешних обстоятельств в значительной степени усиливалась. Власть князей строилась на отношении собственности, т.к. удельные князья признавались собственниками соответствующей территории. Соответственно, внутреннее управление и устройство подчинялись княжеской власти. До наших дней дошли отдельные источники правового характера, касающиеся судопроизводства в российских землях (Пскове, Новгороде, Москве). Так, в Новгороде существовала развитая система судоустройства. Начиная с периода становления республики и заканчивая полным присоединением Новгорода к Московскому государству, судебные функции выполняли общенародные суды (Вече, Суд Княжеский, Суд Посадничий, Суд Одрин) и особенные суды (Суд Тысяцкого, Суд Сместный, Суд Порубежный, Суд Церковный, Суд Таможенный и Суд Проезжий)<sup>1</sup>. По мере развития общественной жизни система судоустройства претерпевала изменения, ее строение во многом зависело от исхода соперничества княжеской, церковной и местной республиканской власти. Изучение правил судопроизводства в Новгороде позволяет сделать общие выводы, аналогичные выводам анализа Русской Правды. Рассмотрение уголовных и гражданских дел не имело ярко выраженных отличий, строилось на следственном начале. Гражданские дела именовались тяжёбными, но уже здесь мы встречаем более явную тенденцию специализации процесса, основанную на местных обычаях. Иски можно было подавать лично либо при помощи стряпчих. При подаче иска приносилась присяга. В качестве доказательств по тяжёбному делу допускались: показания свидетелей, которые приносили присягу; присяга самих сторон; письменные доказательства (публичные и частные); судебные поединки; испытания водою и

---

<sup>1</sup> См.: *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 11.



железом (последние были распространены в отношении дел уголовных, но с учетом отсутствия четкого разграничения уголовного и гражданского судопроизводства могли применяться и по делам гражданским). Сам судебный процесс был устным. Сроки рассмотрения исков также были различными. Например, иски по движимому имуществу рассматривались в течение месяца, по недвижимому – двух месяцев<sup>1</sup>. Таким образом, в Новгороде мы также видим сплетение двух разнонаправленных тенденций развития права и процесса. Специализация здесь имеет более выраженный характер и проявляется в подсудности тяжёбных дел, сроках их рассмотрения, способе и средствах доказывания. Вместе с тем наблюдается попытка отграничить дела уголовные и дела гражданские (тяжебные), хотя с точки зрения основ процесса они практически не различались. Унификация в данный период менее интенсивна. Представляется, что это связано с рядом причин: во-первых, с достаточно большой ролью обычаев в регулировании судопроизводства и относительной неразвитостью письменного права; во-вторых, с отсутствием централизованной власти, т.к. по форме правления Новгород был республикой, а большинство споров разрешалось на народном суде – Вече.

Однако и в период раздробленности существовали общие судебные учреждения. Поскольку подданные различных удельных княжеств вступали между собой в различные сношения, требовалось формирование общих судов. Такими судами были общий суд и третейский суд. Порядок учреждения данных судов и правила судопроизводства определялись в соглашениях между княжествами. Общий суд состоял из представителей каждого княжества (как правило, бояр). Существовали некоторые правила формирования общего суда и порядка разрешения им споров: судьи должны быть людьми старейшими; великие князья не могли быть судьями в таком суде; судьи перед вступлением в должность целовали крест; разрешение дела осуществлялось на основе общего согласия судей<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 85, 98, 102–121.

<sup>2</sup> См.: *Чеглоков П.* Указ. соч. С. 43-44.

Таким образом, для периода раздробленности свойственны те же самые тенденции, что и для периода Киевской Руси, но наблюдалось усиление региональной специализации под воздействием местных обычаев и власти удельных князей, основанной на отношении собственности.

Дальнейшее развитие процессуального права связано с интенсификацией унификации процессуального права на фоне объединения княжеств и построения вертикали власти.

Следующим памятником российского права стал Судебник Ивана III, принятый в 1497 г. Как отмечают исследователи, Судебник представляет собой попытку уловить народный обычай, обобщить его и придать ему юридическую гарантию. Он вносит государственный элемент в отношения прежнего времени, но, видимо, мало их изменяет. Сохранив казуистическую форму, Судебник формируется на основе московской практики и впоследствии становится законом для всей России, являясь источником права для областных судов<sup>1</sup>. Вместе с тем причиной принятия Судебника 1497 г. послужила именно необходимость систематизации правовых правил, обеспечение их единообразия в связи с политической централизацией. В связи с этим А.Н. Филиппов отмечал, что пока северорусские земли не были объединены под властью Москвы, развитие нашего законодательства путем издания местных грамот представлялось вполне естественным и имело положительную сторону, т.к. охраняло юридические особенности отдельных русских земель, владевших данной грамотой. Политическое объединение Москвою этих земель к концу XV в. должно было повлечь за собой и объединение законодательное<sup>2</sup>. Пытаясь выявить причины появления Судебника 1497 г., М.Ф. Владимирский-Буданов обратил внимание на то, что, несмотря на имеющееся единообразие Уставных грамот в общих их чертах, между ними была и существенная разница в подробностях<sup>3</sup>. В научной

---

<sup>1</sup> См.: *Дмитриев Ф.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 11.

<sup>2</sup> См.: *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права (пособие к лекциям). Юрьевъ, 1907. Ч. I. С. 256-257.

<sup>3</sup> См.: *Юшков С.В.* Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника). Саратов, 1926. С. 1.

литературе имеются различные мнения относительно источников Судебника (Судные грамоты, Уставные грамоты, местные обычаи, судебная практика и т.д.). Все исследователи сходятся во мнении, что Судебник 1497 г. представляет собой попытку обобщения и объединения правовых норм и правил.

Рукопись Судебника 1497 г. была обнаружена только в 1817 г. и существует в единственном варианте. Некоторые исследователи полагают, что Судебнику предшествовал некий сборник законов Московских, которые до нас не дошли. Сам Судебник 1497 г. нельзя назвать кодифицированным актом в современном понимании. В техническом плане он подразделяется с помощью киноварных заголовков на 36 разделов, которые содержат подразделы. Последующее разделение текста Судебника на статьи связано с творчеством его исследователей. Так, например, М.Ф. Владимирский-Буданов разделил текст Судебника на 68 статей<sup>1</sup>. Данная систематизация получила наибольшее распространение.

Анализ текста Судебника позволяет сделать вывод, что изложенные в нем правила затрагивают отдельные моменты судопроизводства в княжеском и местных судах, отдельные положения материального права. Судебник не проводит четкой грани между уголовным и гражданским процессом. Вместе с тем он содержит ряд важных принципов судопроизводства. К таким принципам можно отнести запрет получения взяток, адресованный не только непосредственно судьям (ст. 1, 38 Судебника), но и лицам, так или иначе участвующим в осуществлении судопроизводства, – недельщикам (ст. 34), сборщикам пошлин (ст. 38). Истцам и ответчикам запрещалось обещать судьям и приставам взятки за разбирательство дела (ст. 67). Судебник устанавливает определенные размеры пошлин за рассмотрение дела и отдельные юридически значимые действия и запрещает получать денежное вознаграждение свыше установленного размера. Еще одним из важных принципов судопроизводства можно назвать объективность и справедливость при рассмотрении дел. Так, судьям запрещалось разрешать дело несправедливо из-за мести или дружбы со

---

<sup>1</sup> Тексты статей приводятся по: Судебники XV-XVI вв. / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1952. С. 19–21.

стороной (ст. 1). Недельщику (должностное лицо, наделенное правами розыска ответчика, его уведомления, ареста, допроса в зависимости от дела) было запрещено осуществлять свои служебные обязанности в городе своего проживания (ст. 31).

Судебник 1497 г. содержит разветвленную систему судебных документов, которые использовались при рассмотрении дела: правовая грамота (аналог судебного решения); докладной список (протокол судебного заседания); бессудная грамота (решение, выдаваемое без рассмотрения спора в связи с неявкой ответчика); срочная грамота (документы, устанавливающие срок явки сторон в суд) и т.д. В качестве доказательств допускаются свидетельские показания, судебные поединки (поле), клятва, письменные доказательства. Несмотря на то, что Судебник 1497 г. нельзя назвать кодифицированным законодательным актом, все же некоторые аспекты систематизации в нем присутствуют. Они выражены, прежде всего, в том, что Судебник начинается с общих положений о справедливом судопроизводстве, запрете взятки, обязанности принять дело к рассмотрению (ст. 1, 2). Далее нормы скомпонованы в две группы: первая связана с правилами судопроизводства княжеского суда, вторая – местного. Но во многом положения данных групп дублируют друг друга, что связано с отсутствием отсылочного приема изложения.

Подводя итог анализа Судебника 1497 г. с позиций унификации и специализации права, можно сделать несколько выводов:

– в Судебнике так же, как и в предшествующих правовых актах обнаруживаются две разнонаправленные тенденции: унификация и специализация;

– унификация получает два самостоятельных направления. Первое – обеспечение единообразного правового регулирования на всей территории Московского государства. Отмечая указанный аспект, Ф. Дмитриев называет Судебник первым общим законодательством в географическом смысле<sup>1</sup>. Данное направление унификации связано с политическими процессами централизации

---

<sup>1</sup> См.: Дмитриев Ф. Указ. соч. С. 11.

власти, в том числе власти судебной, которая отчетливо проявится в последующих законодательных актах. Вместе с тем на данном этапе судоустройство имело двухзвенное строение: центральные и местные судебные органы. Возникает исключительная компетенция центральных судебных органов (княжеского и боярского суда), появляется институт доклада в вышестоящую судебную инстанцию (при неясности и сложности спора). Второе направление унификации связано с попыткой систематизации Судебника. Несмотря на то, что исследователи в этом плане отдают предпочтение Псковской Судной грамоте, С.В. Юшков, проводя сопоставление всего предшествовавшего законодательства с текстом Судебника 1497 г., пришел к выводу, что только в 27 статьях Судебника можно найти следы непосредственного влияния каких-либо известных нам юридических памятников или норм обычного права (12 статей из уставных грамот, 11 из Псковской Судной грамоты, 2 статьи из Русской Правды (ст. 55 Судебника о займах и ст. 66 о холопах) и 2 статьи из норм обычного права). При этом исследователь называет Судебник первым опытом московской кодификации<sup>1</sup>. Таким образом, Судебник есть результат творческой, а не просто компилятивной деятельности;

– в Судебнике продолжается специализация правовых положений. Такая специализация теперь связана, прежде всего, с регламентацией деятельности центрального, в том числе княжеского суда. Как отмечает П. Чеглоков, княжеский суд рассматривал дела двоякого рода: первые – дела, поступавшие к князю как в вышестоящую инстанцию, вторые – дела исключительной компетенции княжеского суда: жалобы на чиновников; дела лиц с судебными привилегиями и т.д.<sup>2</sup> Специализация проявляется также и в порядке рассмотрения отдельных дел, например, при рассмотрении споров из договора займа регламентируется ход судебного рассмотрения дела, который зависит от действий ответчика (ст. 38).

Судебник 1550 г. является следующим законодательным актом. Основным его источником явился Судебник 1497 г. Подводя итог сравнительному анализу

---

<sup>1</sup> См.: Юшков С.В. Указ. соч. С. 9, 22.

<sup>2</sup> См.: Чеглоков П. Указ. соч. С. 48.

Судебников, Ф. Бюлер отмечает практически буквальное сходство в основных положениях. Отличия состоят только в дополнениях и в определении наказаний. Царь Иван Грозный рассматривается Ф. Бюлером как исправитель законов своего внука. При этом Судебник 1550 г. дополнен способами судопроизводства<sup>1</sup>. В связи со значительным сходством Судебников рассматривать содержание Судебника 1550 г. в настоящей работе не имеет смысла, однако анализ его текста позволяет сделать несколько выводов:

– Судебник 1550 г., как и предшествующий ему Судебник 1497 г., обнаруживает наличие в развитии регулирования судопроизводства тенденции унификации и специализации права;

– унификация выражена в более системном изложении Судебника 1550 г. Так, Судебник начинается общими нормами о запрете взяток и справедливом суде (ст. 1), а также о недействительности судебного решения, вынесенного без надлежащего разбирательства дела (ст. 2) или при получении взятки (ст. 3), недействительности иных судебных документов, вынесенных со злоупотреблениями (ст. 4, 5). В Судебнике 1550 г. явно прослеживаются тенденции централизации судебной власти. Например, расширены дела, которые обязательно представляются на доклад центральным судебным органам (ст. 63, 66, 67). Наказание за многие проступки служащих назначались самим Царем (ст. 3, 12, 25, 44 и т.д.). Важным моментом является и указание в Судебнике 1550 г. на его действие во времени. В ст. 97 Судебника говорится о его применении в отношении дел, возникших после принятия Судебника. Дела, рассмотренные по правилам Судебника 1497 г., пересмотру не подлежали;

– в Судебнике 1550 г. наблюдается рост правового материала за счет специальных норм. Такие специальные нормы обнаруживаются, например, в ст. 69, устанавливающей порядок достоверности докладной грамоты; в ст. 62, устанавливающей порядок судебного делопроизводства. Однако наиболее важным моментом с позиции специализации является положение ст. 98

---

<sup>1</sup> См.: Законы В.К. Иоанна Василіевича и внука его Царя Иоанна Василіевича. М., 1878. С. XI–XII.

Судебника, согласно которой новые дела, порядок разрешения которых не отражен в Судебнике, разрешаются по указанию Царя и приговора Боярской думы и дописываются в Судебник. Комментируя данное положение, В.Н. Татищев подчеркивает обязательность всенародного оглашения таких решений. Далее В.Н. Татищев, как современник эпохи Петра I, указывает на силу закона решений Сената и необходимость принятия таких решений с участием представителей всех коллегий Сената<sup>1</sup>. В силу ст. 98 дальнейшее развитие Судебника 1550 г. осуществлялось за счет его дополнения специальными указами. Объем таких дополнений достаточно большой. Они касаются как материального, так и процессуального права. Так, например, в решении от 28 августа 1556 г. Царь вместе с боярами, рассматривая спор о поместье (Шеинское или Буйносовское), установил правила доказывания по делам, связанным с земельными спорами в поместьях при отсутствии в них писцов за предыдущий период. В таких делах судебные поединки и обыски не проводятся, но разбирают дело на основе свидетельских показаний<sup>2</sup>.

Таким образом, в эпоху Судебников 1497 и 1550 гг. обнаруживаются тенденции унификации и специализации процессуального права. Унификация выступает следствием политической централизации власти, стремлением предоставить единое системное законодательство для всех территорий Российского государства. Специализация связана с развитием гражданского оборота, возникновением новых категорий гражданских дел, решения по которым, нося казуальный характер, приобретали силу закона.

Статья 98 Судебника 1550 г. предопределила развитие законодательства о судопроизводстве на следующие 100 лет. Это развитие осуществлялось посредством дополнения Судебника, накопления правового материала, все большей его специализации. С.В. Пахман по этому поводу замечал, что Судебник 1550 г. нельзя считать законченным законодательным актом. В силу этого последующие предписания служили как бы его продолжением, дополнением и

---

<sup>1</sup> См.: Судебник Государя Царя и Великого князя Ивана Васильевича, и некоторые указы с примечаниями В.Н. Татищева. М., 1786. С. 124.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 143-144.

постепенно к нему приписывались. Поводом для дополнений Судебника явились новые дела и случаи, которые не могли быть решены на основании действовавших узаконений<sup>1</sup>. Подобного рода развитие законодательства можно назвать естественным, т.к. его прирост осуществлялся не за счет новых логических конструкций, а вытекал из самой практики. Вместе с тем такое развитие исключало созидательную творческую деятельность законодателя, который отражал только результаты уже разрешенных дел, возводя их в закон. Поэтому «естественная» специализация не могла осуществляться бесконечно, без вмешательства творческого начала, направленного на систематизацию законодательства. Стоит также отметить, что специализация права была связана и с развитием приказного судоустройства. Как отмечал К. Кавелин, начало Московских приказов относится к отдаленному времени. Под названием судов, изб, дворов многие из них существовали уже в XVI в. Московские приказы упоминаются в записных книгах, Боярских списках и книгах с 1573 г. (Большой приход, Бронный, Постельный), некоторые с 1584 г. (Посольский), 1596 г. (Четь Дьяка Варфоломея Иванова) и 1599 г. (Казанский дворец). Древнейший из всех Московских приказов – холопий суд, который существовал уже до 1500 г.<sup>2</sup> Все это свидетельствует о том, что специализация права не является замкнутым и обособленным от внешних факторов процессом. Интенсификацию специализации права сопровождает специализация в иных отраслях общественной жизни. А интенсификация специализации процессуального права, как правило, еще и связана со специализацией институциональной – специализацией судоустройства.

Накопление правового материала естественным способом посредством судебной практики не могло в результате не вызвать известные затруднения в его применении и, как следствие, множества злоупотреблений со стороны судей. Это послужило началом унификационных работ. 16 июня 1648 г. царь Алексей

---

<sup>1</sup> См.: *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права: в 2 т. СПб., 1876. Т. I С. 228-229.

<sup>2</sup> См.: *Кавелин К.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях. М., 1844. С. 22-23.



Михайлович поручает боярам – князьям Н.И. Одоевскому и С.В. Прозоровскому, окольному князю Ф.Ф. Волконскому и дьякам Г. Леонтьеву, Ф. Грибоедову провести работу по составлению нового свода законов в целях обеспечения единообразия суда и расправы для всех подданных Московского государства. Результатом их работы явилось Соборное Уложение 1649 г., которое представляет собой первый комплексный свод законов, действовавших вплоть до 1832 г. Однако нельзя с однозначностью сказать, что только несвязанность и архаичность действовавшего законодательства стали непосредственной причиной унификационных работ. История свидетельствует, что причины составления Уложения многофакторны и имеют как внутренний (недостатки законодательства), так и внешний характер. Мы склонны считать, что именно внешние причины имели более существенное значение, а связаны они были с возникшими многочисленными злоупотреблениями при отправлении правосудия, взяточничеством и волокитой. Как ни странно, последние основаны в том числе на несовершенстве действующего законодательства. Народная реакция на подобные злоупотребления проявила себя в мае 1648 г. (соляной бунт), когда во время так называемого московского бунта были убиты судья Земского Приказа Плещеев и начальник Пушкарского Приказа Траханиотов – приближенные Царя Алексея Михайловича. В результате Царь на основании многочисленных челобитных принял решение обеспечить народ новым, более совершенным законодательством<sup>1</sup>.

Уложение 1649 г. состоит из 25 глав. Несомненным преимуществом Уложения является то, что оно стало первым печатным законодательным памятником. Суду и судопроизводству посвящено достаточно большое количество положений Уложения. Некоторые такие положения сгруппированы в самостоятельные разделы (главы 10–15). Отдельные нормы, регулирующие порядок судебной деятельности, разбросаны по другим главам. Предисловие

---

<sup>1</sup> См.: *Филиппов А.Н.* Указ. соч. С. 293–295.

Уложения<sup>1</sup> раскрывает нам сведения о его источниках: правилах Святых Апостолов и Святых Отцов; градских законах греческих царей, узаконениях самого Алексея Михайловича и его предшественников, указах и боярских приговорах, Судебниках, а также самостоятельном творчестве составителей. Таким образом, Уложение включает в себя не только российские источники (судебную практику и законодательные акты), но и заимствования из источников иностранного права (Прохирона имп. Василия Македонянина, Судебника Царя Константина, Эклога Льва Исавра, законов Юстиниана), а также результат самостоятельного творчества (19 статей)<sup>2</sup>.

Анализ текста Уложения позволяет сделать вывод о попытке более системного изложения материала. Глава X «О суде» является самой объемной в Уложении и включает в себя 287 статей. Начинается она с общих положений о правильном и справедливом суде, недопущении злоупотреблений со стороны суда, судебных служащих и других участников процесса. Количество таких статей намного больше, чем в Судебниках. Достаточно пристальное внимание уделяется недопущению волокиты как по вине суда и судебных служащих, так и по вине сторон. В Уложении впервые устанавливается режим работы суда и отправления судопроизводства (ст. 25).

Определенной системности Уложение обязано также и отсылочным нормам, которые в предшествующих юридических памятниках практически не использовались. Применение отсылочных норм позволило избежать в Уложении обширного дублирования (хотя периодически оно встречается), связало положения между собой. Отсылочные нормы содержатся, например, в ст. 6, 7 главы X Уложения. Таким образом, Уложение, на наш взгляд, выступает первым системным законодательным актом, регламентирующим порядок судопроизводства. Сам процесс изложен в нем более широко и полно. Широкая регламентация гражданского процесса в Уложении связана с преобразованиями самого судостроительства. К принятию Уложения народный элемент был

---

<sup>1</sup> Текст Соборного Уложения 1649 года приводится по: *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное Уложение 1649 г.: пособие для высшей школы. М., 1961. С. 67–431.

<sup>2</sup> См.: *Пахман С.В.* Указ. соч. С. 235.

практически отстранен от участия в осуществлении судебной власти, развилась приказная система, в рамках которой судебную власть реализовывали профессиональные служащие<sup>1</sup>. Кроме того, был искоренен так называемый финансовый подход к осуществлению судебной власти, который очевидно прослеживается в предшествующих законодательных актах, регламентирующих по большей части не сам процесс, а размер и порядок уплаты пошлин. В Уложении видны прототипы современных институтов цивилистического процесса. Так, в ст. 132 главы X Уложения виден институт процессуального правопреемства, в ст. 4 главы XV установлен принцип недопустимости повторного рассмотрения ранее разрешенных дел, в ст. 3 главы XII установлена подсудность встречного иска по месту рассмотрения первоначального. Однако при используемом наборе средств юридической техники и, прежде всего, в связи с казуальным изложением норм достичь достаточно высокого уровня системности составителям Уложения не удалось. Некоторая дублированность и бессистемность изложения возникли, вероятно, в связи с поразительно малым сроком его составления – около трех с половиной месяцев. Некоторые статьи главы X «О суде» никакого отношения к суду и судопроизводству не имеют. Это можно сказать, например, о статье 26, регламентирующей режим торговли. По-видимому, составители посчитали ее связанной со статьей 25, но не учли общую тематику главы. Детально изложены наказания за оскорбление (бесчестье). В частности, со статьи 32 по 80 изложены размеры штрафов за бесчестье служителей различных церковных учреждений.

Вместе с предпринятой попыткой унификации Уложение содержит очевидные результаты специализации. Наряду с общей главой X «О суде» Уложение включает и отдельные главы, устанавливающие особые правила судопроизводства (глава XI «Суд о крестьянах», глава XII «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян», глава XIII «О Монастырском приказе»). Хотя в приведенных главах в основном рассматриваются вопросы

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Демченко Г.Ф.* Из истории судостроительства в Древней России. Варшава, 1909. С. 55–57.

разграничения компетенции и подсудности, но в них также содержатся и некоторые особенности судопроизводства, в частности, устанавливаются последствия ложного крестоцелования по спору о крестьянах (ст. 27 гл. XI); недопустимость повторного рассмотрения дела о тех же крестьянах, о которых ранее спор был рассмотрен до введения Уложения или заключена мировая сделка (ст. 8 гл. XI) и т.д. Отдельно выделены правила использования крестоцелования как доказательства по делу (гл. XIV). Выделение указанных правил в отдельную главу (10 статей) связано, видимо, со злоупотреблениями на практике в использовании крестоцелования как средства доказывания. Об этом свидетельствуют и сами правила.

Еще одно направление специализации, обнаруживаемой в Уложении, – попытка отделения уголовного от гражданского процесса. Здесь она носит ярко выраженный характер и проявляется в главе XXI «О разбойных и о татинных делах», включающей 104 статьи. Дела об убийстве, разбое, краже, грабеже рассматривались в отдельном судебном органе – Разбойном приказе. Для судебного рассмотрения таких дел применялся иной порядок с широким использованием пыток и обысков. Это видно, например, из статьи 28 данной главы: «А кого поймают на розбое, и те розбойники на себя в розбое и с пыток говорити не учнут, и про тех людей около их житья обыскивать».

Таким образом, в Уложении 1649 г. наблюдается совместное сосуществование процессов унификации и специализации. Специализация на данном этапе развития отечественного законодательства имела более выраженный характер, что связано с необходимостью накопления правового материала. Вместе с тем попытки унификации упираются в несовершенство используемой юридической техники, в частности, казуальное изложение процессуальных норм. Как отмечал Ф. Дмитриев, казуистичность и отсутствие теоретического начала составляли и силу, и слабость отечественного процесса. «Этим объясняется та сила юридического мышления, которая нередко заметна в уложенном процессе, та казуистическая тонкость определения, та жизненность каждого закона, которая чувствуется на каждой странице Уложения; но с другой

стороны, неспособность подняться до отвлеченных начал, до ясной, сознательной теории, вела и к важным неудобствам»<sup>1</sup>.

Дальнейшее развитие русского законодательства и его процессуального блока с точки зрения юридической техники осуществлялось аналогично развитию Судебника 1550 г. с тем только отличием, что дополнения к Уложению теперь носили не чисто практический характер и являлись результатами рассмотрения судебных дел, но и принимались как самостоятельные законодательные акты, не связанные с рассмотрением судебных дел. Дополнения Уложения, изданные после его принятия, именуется в литературе новоуказными статьями. С точки зрения применяемой юридической техники новоуказные статьи создавались в качестве дополнений к статьям Уложения. В действительности же они представляли собой новые законодательные акты, которые молчаливо отменяли действие статей Уложения и вводили новый порядок судопроизводства, что на практике приводило к произволу и хаотичному применению различных правовых норм. Содержание новоуказных статей к Уложению 1649 г. было посвящено различным сферам жизни русского общества. Наиболее известными из них являлись: «Наказ о городском благочинии» от 6 апреля 1649 г., «Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах» 1669 г. в количестве 128 статей; «Новоуказные статьи о поместьях» 1676 г. и «Новоуказные статьи о поместьях и вотчинах» 1677 г., регулировавшие важные аспекты землевладения, и т.д. К сфере судопроизводства относятся и непосредственно указы царей, судебные решения (грамоты), жалованные грамоты. Так, Алексей Михайлович в 1675 г. издал указ, согласно которому людям, находящимся в Москве, необходимо обеспечить доступ в приказы и осуществлять рассмотрение их дел без выдачи зазывных грамот<sup>2</sup>. Данный указ был направлен на недопущение волокиты при наличии сторон в Москве. В Боярском приговоре 1675 г. отмечают недопустимость повторного рассмотрения уже разрешенных гражданских дел в разных приказах и возможность передать такие дела на

---

<sup>1</sup> Дмитриев Ф. Указ. соч. С. 352.

<sup>2</sup> См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. I. Ст. 594. С. 997.

рассмотрение к боярам в случае жалобы царю на судей<sup>1</sup>. Согласно указу с боярским приговором от 17 ноября 1682 г. не допускалось рассмотрение дела без предварительного уведомления о его подаче в целях подготовки к процессу вызова ответчика (без приставной памяти), в том числе при встречном иске<sup>2</sup>.

Особое место в ряду узаконений, регулирующих гражданское судопроизводство, принадлежит законодательству Петра Великого, который, решив устранить недостатки правосудия, взялся за реформирование судопроизводства прежде всех других преобразований, в том числе в сфере судоустройства. В 1697 г. он вводит во все дела без исключения вместо судоговорения – допрос, вместо суда – розыск, за ложные показания в суде и ложную присягу вводилась смертная казнь. «Тяжущиеся, указом о розыске, не задумываясь, превращаются в подсудимых, а право судебного представительства уничтожается почти совершенно, оставшись за одними родственниками. В таком же точно духе совершаются, в продолжение целой четверти столетия (1697–1723 гг.), все дальнейшие преобразования судопроизводства»<sup>3</sup>. В силу указанных преобразований гражданский процесс из следственного превратился в инквизиционный. Однако в ноябре 1723 г. принимается указ «О форме суда»<sup>4</sup>. Данный указ был призван унифицировать форму процесса, который до этого времени осуществлялся различными способами и формами: суд и розыск. От формы суда во многом зависел результат разрешения спора. Указом был обозначен возврат к обвинительному процессу, в котором ведущая роль предоставлялась сторонам, явка которых в суд была обязательна (в том числе посредством представителей) и которым суд должен был такую явку обеспечить. По данному указу ход процесса подлежал записи в отдельных прошнурованных тетрадях с указанием доводов истца и возражений ответчика. Речи истца и

---

<sup>1</sup> См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. I. Ст. 617. С. 1029.

<sup>2</sup> См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. II. Ст. 968. С. 480.

<sup>3</sup> Стефановский К.Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения, февраль 1873. С. 270.

<sup>4</sup> Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. VII. Ст. 4344. С. 147.

ответчика должны были быть структурированы по пунктам обращения (искового заявления). Ответчику заранее предоставлялся список правопритязаний истца. Начало и окончание текста Указа очевидно свидетельствует о цели унификации формы процесса. Судам предписано применять только изложенную форму с 1724 г. Однако унифицированная форма процесса на практике часто нарушалась во многом в силу ее чрезмерной краткости и единообразия в отношении всех категорий дел. Данная форма процесса из основной перешла в дополнительную, и специализация процессуального права продолжилась<sup>1</sup>. Этому способствовало в некотором аспекте и последующее законодательство. Так, Учреждение о губерниях 1775 г.<sup>2</sup> Екатерины II хотя и затрагивает в основном вопросы судоустройства и разграничения компетенции различных судов, но в главе VII вводит новый порядок для рассмотрения уголовных дел. Учреждение также затрагивает и некоторые аспекты порядка рассмотрения отдельных гражданских дел. Например, в ст. 199 Учреждения по спорам о земле указано при необходимости уездному суду совместно с присяжным землемером проводить осмотр спорных границ на месте с объявлением сторонам об этом за шесть недель. В ст. 232 нижнему земскому суду при большом количестве лиц, подлежащих допросу, предписывается допрашивать каждого на месте без вызова в суд. Но в большей степени к «размытию» единого процесса тяготела сама судебная практика, которая постоянно выходила за рамки строго очерченной формы процесса. Таким образом, по факту гораздо ранее, но де-юре в 1812 г. форма суда Петра Первого применялась в качестве исключительной.

Попытка разработать системное кодифицированное регулирование предпринималась и в отношении отдельных порядков рассмотрения и разрешения гражданских дел, в частности конкурсного процесса. В 1740 г. был принят первый Устав о банкротах, по которому рассмотрение и разрешение дел о банкротстве осуществляла Коммерц-коллегия. Далее следуют неоднократные попытки

---

<sup>1</sup> См.: *Дмитриев Ф.* Указ. соч. С. 546–549.

<sup>2</sup> См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. XX. Ст. 14392. С. 229.

систематизации законодательства о банкротстве (Банкротские уставы 1753, 1763, 1768 гг., Устав о банкротах 1800 г.)<sup>1</sup>.

Следует отметить, что потребность в систематизации законодательства и права после принятия Уложения обнаружилась достаточно быстро. Если при Алексее Михайловиче издано немногим более 600 узаконений в той или иной форме; при Федоре Алексеевиче – около 300; при Иване и Петре Алексеевиче – около 600, то уже в период царствования Петра I число таких узаконений было более 3 100<sup>2</sup>. Здесь же и обнаружилась необходимость, во-первых, в издании некоего собрания всех российских законов, во-вторых, в проведении работ, направленных на издание кодифицированного законодательного акта. Впоследствии каждый из императоров стремился разрешить указанные задачи, учреждая кодификационные комиссии под разным наименованием. Однако вплоть до Николая I данная работа не привела к практическим результатам. Новые законодательные акты наслаивались на старые. Применение такого способа законотворчества имело свои дефекты уже в самом механизме. Юридическая техника не была развита настолько, чтобы превратить Уложение в полноценный кодифицированный акт и даже чтобы развивать его в русле новых редакций существующих положений. В результате к 19 в. наше законодательство было похоже на слоеный пирог, созданный 180-летней историей его развития, в которой каждый из «кулинаров» дополнял его одним-двумя слоями с задумкой улучшить качество всего изделия. Указанный массив законодательства нельзя было усовершенствовать путем консолидации, которая в силу своих недостатков не могла привести к значительным положительным результатам. Требовалась полноценная кодификационная работа. В связи с этим 19 век по праву именуется веком унификации и кодификации российского законодательства.

Так как рассмотрение всех дополнений и развитие содержания самого цивилистического процесса не является предметом настоящей работы, не будем останавливаться на деталях такого развития. Изложенное позволяет сделать в

---

<sup>1</sup> См. подробнее: *Гольмстен А.Х.* Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. С. 23–248.

<sup>2</sup> См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. I. С. XXXI.



достаточной степени достоверный вывод о том, что развитие законодательства и права о гражданском судопроизводстве начиная от Уложения 1649 г. следовало общим тенденциям развития всего российского законодательства и права. В основе такого развития лежали, как и ранее, накопление правового материала и продолжающаяся специализация цивилистического права и судопроизводства. Накопление правового материала связано с развитием законотворческой активности императоров, что, в свою очередь, вызвано развитием общественных отношений. Количество узаконений ежегодно увеличивалось. Так, после Петра I продолжался ежегодный рост количества узаконений, достигший своего апогея при Александре I, в царствование которого их было издано более 10 тысяч<sup>1</sup>. Бесспорно, что общие тенденции развития российского права были свойственны и цивилистическому процессуальному праву, составлявшему часть первого и не получившему самостоятельного кодифицированного оформления. Однако, как мы обнаруживаем в частности, постоянная специализация процессуальных норм на основе судебной практики сталкивалась с попытками унификации, что очевидно подтверждается Указом 1723 г. Представляется, что это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, с тяготением самого процесса к определенному формализму, четкой урегулированности его хода. Во-вторых, с важностью сферы судопроизводства, от надлежащего осуществления которого зависела устойчивость существующего правопорядка и, следовательно, существующей власти. Это с очевидностью понимают правители, начиная с Алексея Михайловича, который принял решение о составлении Уложения под воздействием толпы, изменив сугубо фискальный подход к отправлению судебной власти. В-третьих, с недостатками имеющегося порядка судопроизводства, при котором разрешение спора осуществлялось с применением юридических хитростей и уловок, на что обращается внимание в Указе 1723 г. Отдельные попытки унификации гражданского процесса действовали в рамках общей тенденции специализации права и не могли коренным образом изменить ход развития процессуального права. При отсутствии кодифицированного акта в

---

<sup>1</sup> См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. I. С. XXXI.

основе развития цивилистического процесса лежала судебная практика, которая очевидно тяготела к все большей специализации. Возникавшие периодически попытки принятия нового Уложения, разработки Свода законов не заканчивались успехом.

Исследование систематизации законодательства Российской Империи в 19 веке следует начинать с Полного собрания законов Российской Империи, составленного повелением Николая I, под руководством М.М. Сперанского. Собрание представляет собой объединение в хронологическом порядке всех известных узаконений, начиная с Соборного уложения 1649 г. (45 томов). Оно было осуществлено путем консолидации и не являлось самостоятельным законодательным актом. Но на период выпуска в свет Собрания активно велась работа над созданием Свода законов Российской Империи. В томе первом Собрания М.М. Сперанским ясно обозначена последовательность работ по систематизации. Так, составление Собрания выступало первым этапом унификационных работ и было направлено на сбор достоверных памятников российского права, начиная с 1649 г., без которого дальнейшая унификация представлялась невозможной. Последующим этапом являлось составление Свода действующих законов Российской Империи с их усовершенствованием<sup>1</sup>.

В 1832 г. был принят Свод законов Российской Империи<sup>2</sup>. Он состоит из 15 томов и представляет собой результат систематизации законодательства в форме инкорпорации. Статьи в Своде объединены по тематическому признаку и подвергались некоторой авторской правке. Положения о судопроизводстве располагаются в части II тома десятого<sup>3</sup>, в ст. 1 которого указывается, что нарушенное право подлежит восстановлению либо путем непосредственного приложения закона и приведением его в исполнение (по бесспорным делам), либо посредством суда (в спорных делах). Первый порядок восстановления

---

<sup>1</sup> См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. I. С. XVI–XVII.

<sup>2</sup> О значении Свода законов 1832 г. в систематизации нормативных правовых актов см.: *Вершинин А.П.* От Свода законов Российской Империи к автоматизированной систематизации российского законодательства // Государство и право. 2016. № 10. С. 90-91.

<sup>3</sup> См.: Свод законов Российской Империи. СПб., 1857. Т. X, ч. II.

гражданских прав именуется исполнительным, второй – судебным. Как отмечается во втором примечании к первой статье, исполнительный порядок по главному действию в нем полицейского управления именуется также полицейским. Однако несмотря на то, что реализация данного порядка осуществляется, как правило, полицейскими органами (ст. 3), рассмотрение отдельных категорий таких дел допускалось и в судах. Так, дела об обидах, ущербах и насильственном и самовольном завладении могли быть начаты как посредством обращения в полицию, так и путем обращения в суд (ст. 7). Если же полиция не осуществляла полное удовлетворение нарушенного права, то заинтересованное лицо было вправе обратиться в суд (ст. 24). Судопроизводство по спорным делам было либо вотчинным, либо исковым (ст. 153). Вотчинный порядок судопроизводства был апелляционным и следственным (ст. 156) и применялся по спорам о праве собственности на земли, спорам о деревнях, дворовых людях и т.д. (ст. 154). При следственном порядке дело из нижестоящей инстанции поступало в вышестоящий суд в порядке ревизии, а не по просьбе стороны (ст. 157). Исковое судопроизводство осуществлялось по неисполненным обязательствам и договорам, а также по делам об обидах, ущербах и самоуправном завладении (ст. 158). Таким образом, судопроизводственное право содержало специальные правила отдельных четырех порядков. Объединяли все эти порядки общие правила, изложенные в разделах первом-третьем (ст. 160–655). Особые правила вотчинного и искового порядка определены в четвертом разделе. Они касаются как определения компетентного суда, так и хода судопроизводства, осуществления отдельных процессуальных действий. Помимо обозначенных четырех порядков судопроизводства в разделе пятом установлены особенности рассмотрения 18 категорий дел (ст. 774). Специализация процессуальных норм здесь осуществлена как в зависимости от специфики спора (например, семейные споры, торговые споры, споры о праве собственности на литературные и музыкальные произведения), так и в зависимости от субъектов (например, дела колонистов, дела удельных крестьян). Свод также содержит специальные правила судопроизводства в отдельных территориях Российской Империи (Сибири и

других частях). Данные правила затрагивают обычно вопросы подсудности, а также отдельные процессуальные действия сторон.

В сфере цивилистического процессуального права Свод обнаруживает дифференциацию порядков судопроизводства, основанную на результатах предшествующего развития законодательства. Бесспорно, Свод нельзя отнести к кодифицированным актам в современном их понимании. При детальном исследовании он обнаруживает ряд недостатков, связанных с чрезмерной специализацией права (противоречивость, чрезмерная казуальность). Несмотря на это, в части судопроизводства Свод имеет значение, которое довольно сложно переоценить. Это значение связано со следующими аспектами:

– согласно ст. 47 т. I Свода Российская Империя управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, исходящих от Самодержавной Власти. Законы действуют или единообразно в общей силе, или с местными изменениями, установленными отдельными законами (ст. 48). В случае неясности или недостатка закона необходимо обращение в Правительствующий Сенат или Министерство (ст. 52). Таким образом, Свод устанавливает в качестве источника права положительный закон, исходящий от самодержавной власти. Следовательно, дальнейшая специализация права должна была осуществляться преимущественно не на основе судебной практики, а на основе закона;

– Свод в части регулирования гражданского судопроизводства приобретает некий аналог общей части с общими нормами. Как следует из ст. 159, общие правила судопроизводства сформулированы в трех первых разделах второй книги X тома. Далее устанавливаются специальные правила по соответствующим категориям дел. Несмотря на то, что так называемая общая часть тома X Свода по большей части есть совокупность ранее разбросанных в различных источниках норм, вступающих друг с другом в некоторое противоречие, сам факт появления и структурного обособления этих норм в законодательном акте задает общий вектор дальнейшего развития цивилистического процессуального права в направлении самостоятельного кодифицированного оформления;

– Свод, будучи результатом инкорпорации, содержит в себе не только отдельные редакционные правки правовых положений, но и имеет соответствующие обобщения, являющиеся результатом творчества составителей. В качестве таких обобщений можно назвать ст. 153 X тома, устанавливающую два порядка рассмотрения спорных дел, ст. 156, 157, 158, 159 этого же тома, в которых раскрываются различные порядки судопроизводства. Нормы данных статей являются общими и не имеют ссылки на источник, что позволяет сделать вывод об их разработке и включении в Свод авторами-составителями. Возможность самостоятельного творчества при составлении свода авторам предоставлялась. Как отмечает В.А. Томсинов, труды по составлению свода не ограничивались систематизацией ранее изданных правовых установлений, но сопровождались модификацией их содержания, а иногда выливались в самое настоящее правотворчество<sup>1</sup>;

– анализ свода в части регулирования гражданского судопроизводства впервые обнаруживает достаточно интересную тенденцию, которую предшествующие законодательные акты не имели. Эту тенденцию можно назвать интеграцией результатов специализации, то есть стремлением объединить специальные нормы в соответствующие общности, устанавливающие четкие правила рассмотрения отдельных категорий дел. Так, раздел V называется «О судопроизводстве по главным родам тяжб и исков». Первая глава данного раздела именуется «О судопроизводстве по спорам о праве собственности и владении, или по делам вотчинным». В ст. 656 мы видим перечисление всех категорий, относящихся к данному роду дел: дела по спорам о праве наследства, по спорам о завещаниях, по спорам об учиненном разделе и выделе части из недвижимого имущества и о расчетах в приданном имении; по спорам о вымороченном имении и т.д. Далее идут общие правила, относящиеся к рассмотрению данных дел. Они связаны в основном с определением их подсудности. В рамках настоящей работы важно отметить, что тенденции унификации и специализации процессуального

---

<sup>1</sup> См.: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой четверти XIX века. М., 2011. С. 270.

права именно в Своде обнаруживают свое очевидное взаимодействие. Возникает отправная точка их последующего полноценного сосуществования в истории развития цивилистического процессуального права. Со времени Свода полнота взаимодействия позволяет назвать унификацию и специализацию в качестве правообразующих процессов. При этом к данным процессам подключаются и процессы структурного развития права, в том числе интеграция правил регулирования. Осознание необходимости систематизации отечественного законодательства явилось основанием и для создания 31 января 1826 г. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, образованного для «скорейшего завершения работ по Уложению отечественных законов»<sup>1</sup>.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что именно принятие Свода знаменует переход от количественных изменений в качественные, стремление, которое позволяет говорить об окончании предшествующего периода преобладания в праве специализации в примитивной форме накопления материала. Именно в данный период происходит полное осмысление необходимости систематизации законодательства, построения права на теоретических основах. Кроме того, Свод при всех его недостатках задал вектор развития цивилистического процессуального права в направлении полноценной кодификации. Принятие Свода ознаменовало еще одно, на наш взгляд, не менее важное направление развития российского права – становление и развитие отечественной юридической науки как системы знаний. Об этом явно свидетельствуют труды таких ученых, как К.А. Неволин, К.Д. Кавелин, Д.И. Мейер. Как отмечает Ф. Морошкин в предисловии к переводному изданию труда А. Рейца: «Обнародование Свода Законов, без сомнения, должно считать эпохой, с которой начинается полное догматическое изучение российского законодательства и новейшей его истории. Принятые во внимание высокие образцы древних и новейших кодексов, полнота материалов, всегда послушная

---

<sup>1</sup> Ругачева А.А. II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 158.

систематическим приемам редакторов, ручаются за прочность кодификации и будущее совершенство догматического правоведения»<sup>1</sup>. В контексте настоящего исследования отправной точкой развития цивилистического процессуального права в отечественной истории стал отнюдь не Устав 1864 г., а именно Свод законов Российской Империи 1832 г., положивший начало системному мышлению в области правоведения и регулирования гражданского судопроизводства. В связи с этим А.В. Мицкевич замечает, что «впоследствии система законодательства Российской империи послужила образцом для систематизации как законодательства СССР, так и ряда зарубежных стран, была использована для работы над созданием Свода законов Российской Федерации»<sup>2</sup>.

В 1832 г. также происходит «отпочкование» торгового судопроизводства и дальнейшее развитие конкурсного процесса. Принимаются Учреждение коммерческих судов, Устав судопроизводства в коммерческих судах и Устав о торговой несостоятельности. Специализация и обособление торгового судопроизводства произошли в силу нескольких внешних обстоятельств. Во-первых, развитие торговли и возникающие в этой сфере споры с качественной точки зрения не могли удовлетворяться тем судопроизводством, которое имелось для иных гражданских дел, что требовало отдельной регламентации судебной деятельности по рассмотрению торговых споров. Во-вторых, торговые отношения регламентировались самостоятельным блоком материальных норм. В Своде законов Российской Империи Учреждение коммерческих судов и Устав судопроизводства в коммерческих судах составляют четвертую книгу Свода учреждений и уставов торговых<sup>3</sup> (именуемого Уставом торговым), в первых трех книгах которого содержатся нормы материального права. Весь Свод учреждений и уставов торговых имеет сквозную нумерацию, что показывает тесную взаимосвязь норм материального и процессуального права. Соответственно,

---

<sup>1</sup> *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Морошкина. М., 1936. С. I.

<sup>2</sup> *Мицкевич А.В.* Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 160.

<sup>3</sup> См.: Свод законов Российской Империи. Т. XI, часть II.

самостоятельность правового регулирования торговых отношений также являлась внешней причиной обособления коммерческого судопроизводства от судопроизводства гражданского. В-третьих, причиной дифференциации цивилистического процесса в форме обособления правил торгового судопроизводства явилось учреждение специальных коммерческих судов. Как будет показано далее, данная причина присуща только процессуальному праву и проявляется неоднократно в процессе его развития. Первый специализированный коммерческий суд был учрежден в Одессе в 1808 г. После принятия Учреждения и Устава 1832 г. коммерческие суды стали создаваться в других городах. Накануне судебной реформы 1864 г. коммерческие суды действовали в Петербурге, Москве, Одессе, Таганроге, Варшаве, Керчи, Кишиневе, Тифлисе, Архангельске, Ревеле и Земле Войска Донского. К торговым судам также относились словесные суды при магистратах и ратушах, отдельные ярмарочные суды<sup>1</sup>. К компетенции коммерческих судов относились все споры по торговым оборотам, по векселям, договорам и обязательствам словесным и письменным, торговле свойственным, как между частными лицами всех сословий взаимно, так и по искам государственных кредитных установлений на частные лица; все дела о торговой несостоятельности, к какому бы званию ни принадлежали лица, и хотя бы данные дела сопряжены были с несостоятельностью и в дворянском того лица состоянии (ст. 1300 Устава торгового).

Устав судопроизводства в коммерческих судах содержит как общие, так и специальные нормы права. Так, ст. 1525 регламентирует подсудность по месту жительства или пребывания ответчика, хотя бы пребывание было временным. А в ст. 1526 содержится специальная норма о договорной подсудности. Вместе с тем Устав нельзя рассматривать в качестве кодифицированного акта. Ему присущи недостатки нормативных актов того времени. В частности, такие недостатки связаны с отсутствием самостоятельной общей части, регуливающей основные начала судопроизводства в коммерческих судах. Несмотря на это коммерческий (или торговый) процесс как разновидность процесса цивилистического получил

---

<sup>1</sup> См.: *Нефедьев Е.А.* Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М., 1908. С. 5-6.



свое обособление и самостоятельную нормативную регламентацию. Дальнейшее его развитие осуществлялось во многом параллельно процессу гражданскому. Однако не учитывать произошедшее обособление и дифференциацию нельзя, т.к. развитие торгового процесса есть одно из направлений развития цивилистического процесса в целом.

Что касается конкурсного процесса, то согласно положениям Устава о торговой несостоятельности все лица, впадшие по торговле в несостоятельность, подсудны по своей несостоятельности коммерческому суду, а где такого суда нет – магистрату или ратуше того места, где они имеют пребывание (ст. 1855 Устава торгового). Как было отмечено выше, развитие института банкротства и конкурсного процесса имеет достаточно длительную историю и ряд самостоятельных законодательных регламентаций<sup>1</sup>. Поэтому Устав 1832 г. лишь продолжает развитие конкурсного процесса и не имеет для цивилистического процесса в целом такого же значения, как Устав судопроизводства в коммерческих судах. А.Х. Гольмстен отмечал, что в кодификационном отношении Устав о торговой несостоятельности 1832 г. представляется гораздо более совершенным, чем все его предшественники: в нем нет примерных перечислений, нет мотивов, нет правил, имеющих косвенное отношение к конкурсному процессу; в процесс введена большая стройность и определенность<sup>2</sup>. С этой точки зрения очевидно совершенствование аппарата юридической техники и применение способов систематизации законодательства, которые позволили в соответствующий исторический период повысить качество принимаемых нормативных актов.

Дальнейшее развитие гражданского процессуального права в направлении его более полноценной систематизации в конечном итоге заканчивается принятием 20 ноября 1864 г. Устава гражданского судопроизводства. Несмотря на то, что Свод законов с точки зрения направления дальнейшего движения процессуального права играл ключевую роль, в силу своих очевидных

---

<sup>11</sup> См, напр.: *Трайнин А.* Несостоятельность и банкротство. СПб., 1913. С. 3–6.

<sup>2</sup> См.: *Гольмстен А.Х.* Указ. соч. СПб., 1888. С. 260.

недостатков и несовершенства системы судоустройства на практике он не мог исправить ситуацию некачественного судопроизводства. Судопроизводство было канцелярским, а суды по-прежнему оставались сословными, в значительной степени конкурировали друг с другом, рассмотрение дел осуществлялось крайне медленно и с многочисленными злоупотреблениями. В отчете министра юстиции за 1863 г. указывается, что к 1 января 1864 г. из числа неоконченных дел в производстве более 20 лет находилось 561 дело, более 15 лет – 1 466 дел, более 10 лет – 6 758 дел<sup>1</sup>. В Манифесте от 19 марта 1856 г. Император Александр II в качестве одного из первых своих пожеланий объявил тезис: «Да правда и милость царствуют в судах»<sup>2</sup>. «Судопроизводство дореформенного периода включало в себя смешение полицейской и судебной власти, существование различных сословных судов, чрезвычайное замедление окончательного решения дел, разнообразие сроков, установленных для совершения различных судебных действий. Оно страдало от применения к гражданскому судопроизводству форм уголовного судопроизводства...»<sup>3</sup>. 29 сентября 1862 г. Второе отделение канцелярии утвердило и обнародовало Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

## **§ 2. Специализация и унификация отечественного цивилистического процессуального права после принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 года**

Согласно Положению о введении в действие судебных уставов<sup>4</sup> новый порядок рассмотрения гражданских дел применялся со дня обнародования указа о

---

<sup>1</sup> См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Петроград, 1914. Т. 1. С. 31.

<sup>2</sup> Судебные уставы 20 ноября 1864 г. ... С. 2.

<sup>3</sup> *Назарова Н.А.* Реформирование и развитие российского гражданского судопроизводства во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 8.

<sup>4</sup> Текст Положения, а также тексты Учреждения судебных установлений и Устава гражданского судопроизводства приводятся по: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с

введении в каких-либо местностях судебных уставов. При этом сторонам предоставлялось право ходатайствовать о прекращении дела по старым правилам с последующей подачей иска по правилам новым (ст. 62, 63). Правила гражданского судопроизводства не распространялись на коммерческие суды, которые действовали по ранее принятым порядкам. Судебная реформа 1864 г. затрагивала изменения как в сфере судоустройства, так и в сфере судопроизводства. Нормы гражданского процессуального права сосредоточились в Уставе гражданского судопроизводства (далее – УГС), а судоустройственные нормы – в Учреждении судебных установлений (далее – Учреждение). Однако нельзя не отметить, что составителям не удалось полностью отграничить указанные нормы. Процессуальные нормы периодически встречаются в Учреждении. Так, в ст. 56, 57 Учреждения регламентируется состав мирового съезда при рассмотрении дел, а также порядок распределения обязанностей между членами съезда по рассмотрению дел. В ст. 154 Учреждения определен порядок поведения присутствующих в судебном заседании.

Наибольший интерес представляет УГС как акт, имеющий признаки кодификации. УГС имеет общие положения, включающие 28 статей, в которых регламентируются общие вопросы права судебной защиты, разграничения компетенции судебных учреждений и иных административных учреждений, сферы действия УГС, наиболее общие правила судопроизводства. В общих положениях можно встретить аналоги современных принципов цивилистического процесса. В частности, принцип законности выражен в ст. 9 УГС, принцип гласности закреплен в ст. 13 УГС. В ст. 17 УГС закреплено право на судебную защиту: «Каждый признается способным отыскивать и защищать на суде свои права...». В ст. 1 указано, что «всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебных установлений». Комментируя указанные положения, А.Л. Боровиковский отмечал, что право обращаться к судебной защите, право отыскивать судом то, что лицо, предъявляющее иск, считает своею

---

разъяснениями их по решениям Кассационных департаментов Правительствующего Сената, с приведением статей законов. Изд. карманное (неофициальное). М., 1868.

принадлежностью в силу закона или какого-либо акта, есть неотъемлемое право каждого, которое не может быть ограничено по воле частных лиц<sup>1</sup>. Таким образом, в общей части УГС мы находим отправные начала гражданского судопроизводства, выраженные в абстрактных нормах, что свойственно для кодифицированных нормативных актов. Такие начала имеют достаточно важное значение. С внешней стороны они являются нормами и имеют регулятивные способности, в ряде случаев помогают устранению пробелов и толкованию других норм. С внутренней стороны они играют систематизирующую роль, придавая дальнейшему правовому регулированию заданное направление и очерчивая его пределы.

В УГС регламентируется два порядка судопроизводства. Отличительной особенностью выступает то, что деятельность мировых судебных установлений (мировых судей и мировых съездов) и общих судебных мест (окружных судов, судебных палат) регламентируется отдельно. Порядок судопроизводства мировых судей и окружных судов значительно отличается. Если при обращении к мировому судье возможно устное прошение, то в окружной суд обязательно обращаться письменно на гербовой бумаге по форме (ст. 256). Различаются этапы осуществления судопроизводства. При рассмотрении дела в окружных судах имеется полноценный этап подготовки и обмен состязательными бумагами (ст. 313). Анализируя общий порядок гражданского судопроизводства (в окружных судах), А.Е. Толин отмечал следующие его части: во-первых, само рассмотрение и разрешение дела, включающее подачу иска, вызов ответчика, явку в суд для указания адреса, предварительную письменную подготовку (обмен бумагами), слушание дела в судебном заседании, которое распадается на доклад и слушание дела, принятие решения; во-вторых, исполнение решения при посредстве органов судебной власти<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского Кассационного Департамента и Общего Собрания Кассационных и I и II Департаментов Правительствующего Сената / сост. А.Л. Боровиковский. СПб., 1908. С. 1.

<sup>2</sup> См.: Толин А.Е. Пособие при изучении русского гражданского судопроизводства (по Уставу, Малышеву, Загорскому, Исаченко и др.). Одесса, 1912. С. 5.

Несмотря на существенные различия в порядке судопроизводства в мировых и окружных судах, разделение единой судебной деятельности по данному основанию было во многом искусственным. Об этом свидетельствуют многочисленные дублирования как отдельных норм, так и целых их блоков (например, регламентация показаний свидетелей как доказательства при рассмотрении дел в окружных судах в ст. 370–411 во многом дублирует такой же порядок при рассмотрении дел мировыми судьями в ст. 83–104). Как нам представляется, правила рассмотрения гражданских дел в судах мировых и общих явились неудачной попыткой внутренней дифференциации гражданского процессуального права, не имеющей объективных оснований и приведшей к дублированию. Вместе с тем обнаруживается еще одна традиционная тенденция развития отечественного цивилистического процесса, при которой специализация права привязывается к институциональной специализации (судоустройству).

Анализ текста УГС с точки зрения тематики настоящей работы позволяет сделать несколько выводов:

– УГС как источник гражданского процессуального права обнаруживает наличие процессов унификации и специализации процессуального права. Эти процессы в данный период исторического развития имеют свои особенности, связанные с усилением роли унификации. УГС как нормативный акт имеет признаки кодификации, проявляющиеся, прежде всего, в попытке регламентации основных начал гражданского судопроизводства, стремлении к «монополизации» регулирования гражданского судопроизводства. Общие нормы расположены в УГС не только в первом, но и в последующих разделах. Так, примирительное разбирательство, изложенное в первой главе четвертого раздела третьей книги, представляет собой общие правила заключения мировой сделки. Важно также отметить, что системность УГС в историческом развитии обеспечивалась посредством органичного дополнения данного нормативного акта новыми разделами, не нарушающими структурной целостности УГС. Так, последующие четвертая и пятая книги продолжают общую нумерацию статей и органично вливаются в структуру УГС. К сожалению, данное правило нарушалось, в

последующем принимается ряд самостоятельных законодательных актов, «конкурирующих» с положениями УГС;

– на элементарном уровне единство и органичность правового регулирования достигается посредством абстрактного изложения правовых правил, многочисленных отсылочных норм, а также наличием функциональных связок общей и специальных норм, составляющих комплексы норм. В УГС активно используются отсылочные нормы (ст. 79, 194, 236, 243, 271, 285, 300 и др.). Что касается функциональных связок общей и специальной нормы, то их можно обнаружить уже в общей части. Указанные связки образуются путем использования специальных норм-дополнений. Так, ст. 17 о возможности каждого отыскивать и защищать на суде свои права дополняется правилами ст. 20 об особенностях реализации такого права лицом, состоящим под опекой, ст. 21 об особенностях обращения в суд в интересах несостоятельного должника и т.д.;

– специализация права в УГС проявляется в многообразии результатов. УГС употребляет различные виды специальных процессуальных норм: нормы-дополнения, нормы-исключения, нормы-разъяснения. Все эти разновидности специальных норм встречаются в институте подсудности. В ст. 203 установлено общее правило подсудности при обращении в окружной суд (по месту постоянного жительства ответчика). В ст. 212 изложена специальная норма-исключение, согласно которой иски о праве собственности на недвижимое имущество предъявляются по месту нахождения имущества. В ст. 204 изложена норма-разъяснение, в которой под постоянным местом жительства понимается то место, где кто по своим занятиям, промыслам или по своему имуществу, либо по службе военной или гражданской, имеет оседлость или домашнее обзаведение. В ст. 205 изложена специальная норма-дополнение, согласно которой, если ответчик имеет оседлость или обзаведение в разных местах, истцу предоставляется право выбора из числа этих мест;

– УГС оформляет дифференциацию права на основе различных категорий дел. Такая дифференциация в ряде случаев получает структурное обособление в виде самостоятельных разделов со специальными правилами-исключениями.

Книга третья УГС посвящена изъятиям из общего порядка гражданского судопроизводства. Однако УГС также содержит, на наш взгляд, искусственную дифференциацию процесса, выразившуюся в отдельном регулировании судопроизводства мировых и общих судов, что привело к значительному дублированию.

Последующее развитие гражданского процесса было связано с изменениями судоустройства. В 1889 г. институт выборных мировых судей был сохранен лишь в отдельных крупных городах (в Москве, Петербурге и Одессе). В большинстве губерний введен институт земских начальников, которые совмещали судебные и административные функции. В этом же году учреждаются волостные суды<sup>1</sup>. 12 июля 1889 г. принимаются Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках. 29 декабря 1889 г. принимаются Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям<sup>2</sup>. Как отмечал А. Загорский, эти правила есть не что иное, как исправленная и дополненная первая книга УГС, регламентирующая порядок производства в мировых судебных установлениях<sup>3</sup>. Правила также содержат общую часть, включающую отдельные нормы о закрытом судебном заседании, поверенных, порядке разрешения вопросов подведомственности. Вместе с тем, согласно ст. 1 Правил дела, подведомственные земским начальникам и городским судьям, рассматриваются и разрешаются с соблюдением общих положений, содержащихся в ст. 1028 УГС, и соответствующих статей Устава уголовного судопроизводства. Принятием указанных Правил нарушается единая система УГС, который, хотя и являясь первоисточником, вступает в некую конкуренцию с Правилами. Также усиливается дублирование процессуальных норм в связи с заимствованием положений Правил из УГС. Таким образом, очередной раз специализация процессуального права привязывается к изменениям в судоустройстве. К

---

<sup>1</sup> См.: *Толин А.Е.* Указ. соч. С. 7-8.

<sup>2</sup> См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IX. № 6196.

<sup>3</sup> См.: *Загорский А.* Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях. Одесса, 1892. С. 13.

сожалению, такая специализация оформилась не в дополнение к УГС, а в самостоятельный нормативный акт. В связи с этим Г. Вербловский замечал, что в кодификационном отношении Правила представляют собой отдельное и самостоятельное законодательство по гражданским и уголовным делам, подведомственным земским начальникам и городским судьям. Однако по содержанию и отчасти по системе изложения они приближаются к постановлениям судебных уставов о порядке производства гражданских и уголовных дел в мировых, а отчасти и в общих судебных установлениях<sup>1</sup>. В последующем в УГС вносятся изменения, связанные с совершенствованием заочного, упрощенного и сокращенного порядков рассмотрения дела, а также исполнения судебного решения и т. д.<sup>2</sup>.

Поскольку специализация и унификация права осуществляются также и в форме правоприменительной (судебной), и в форме правоинтерпретационной деятельности, нельзя не заметить, что после принятия УГС происходят структурные изменения в Правительствующем Сенате, учреждаются его кассационные департаменты. Если в дореформенном процессе Сенат мог рассматривать дела по апелляции, ревизии и в некоторых других случаях, то УГС введена классическая трехинстанционная система с кассационной инстанцией<sup>3</sup>. Вместе с тем кассационное производство не рассматривалось как продолжение разбирательства дела, т.к. было направлено не столько на ограждение интересов сторон, сколько на охрану закона, его правильное толкование и применение. Кассационный департамент рассматривал не спор тяжущихся, а вопрос об истинном смысле закона и правильном применении его к соответствующим

---

<sup>1</sup> См. *Вербловский Г.* Судопроизводство гражданское и уголовное в судебно-административных учреждениях. СПб., 1898. С. I.

<sup>2</sup> См., напр.: *Вербловский Г.* Дополнение к движению русского гражданского процесса. М., 1897; Производство гражданских дел в общих судебных установлениях. Устав гражданского судопроизводства / сост. Д.А. Носенко. М., 1894.

<sup>3</sup> Об истории развития кассации в России см.: *Борисова Е.А.* Кассация по гражданским делам: монография. М., 2020. С. 40-69.



фактам<sup>1</sup>. Такое положение кассации определялось тем, что просьбы о ней допускались в случае явного нарушения прямого смысла закона и правильного его толкования; при нарушении обрядов и форм судопроизводства столь существенных, что вследствие несоблюдения их невозможен приговор в данных решениях; в случае нарушения законных пределов ведомства и власти Судебной палатой (ст. 793 УГС). Практика гражданского кассационного департамента Сената имеет важное значение. Об этом свидетельствуют неофициальные издания УГС, в которые включались мнения Сената в качестве комментария к статьям УГС. Соответственно, развитие цивилистического процессуального права осуществлялось и посредством толкования его высшей судебной инстанцией. Данные разъяснения были важны не только для практики, но и для науки. Так, В.М. Гордон, рассматривая вопрос отсутствия права на иск, ссылается на разъяснения Сената. В 1908 г. Сенат указал, что при отсутствии права на иск суд должен в иске отказывать. В 1909 г. Сенат указал, что право на иск есть не что иное, как право на его предъявление, а не само спорное право, о защите которого просит заявитель. Последствием отсутствия права на иск является оставление его без рассмотрения<sup>2</sup>. Таким образом, с непосредственным участием Сената происходит развитие процессуального права, формируются научные конструкции, расширяются и совершенствуются процессуальные институты.

С периода принятия Устава гражданского судопроизводства 1864 г. начинается внутренняя специализация гражданского процессуального права в рамках обособленного регулирования. В 1900 г. разработана новая редакция Устава<sup>3</sup>. В отличие от действующего УГС в новой редакции расширена общая часть. Так, расширена конкретизирующими правилами норма в ст. 17 Проекта. Сторонам теперь представлялось право знакомиться с подлинными делами с их участием, получать копии с любых документов. Более подробно изложены

---

<sup>1</sup> См.: Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского Кассационного Департамента и Общего Собрания Кассационных и I и II Департаментов Правительствующего Сената... С. 542.

<sup>2</sup> См.: *Гордон В.М.* Отсутствие права на иск. Харьков, 1912. С. 1-2.

<sup>3</sup> См.: Проект новой редакции Устава гражданского судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 2. Приложение.

правила процессуального соучастия (ст. 20–23). Дополнена специальными нормами регламентация права на обращение в суд (ст. 27-28, 35-36).

Вместе с тем специализация процессуальных правил в Проекте продолжается и основывается на трех критериях.

1. Система судебных органов (судоустройство). Данный критерий проявляется в самостоятельной регламентации порядка производства в общих судебных местах – окружных судах, судебных палатах и Сенате (книга I) и участковых судей, уездных и городских отделениях окружного суда (книга II). Дублирование процессуальных правил в значительной степени устранено, т. к. согласно ст. 875 проекта правила, установленные в книге первой, за отдельными исключениями применяются к порядку производства у участковых судей, в уездных и городских отделениях окружных судов с указанными во второй книге изменениями и дополнениями. Таким образом, искусственная дифференциация норм, содержащих единые правила, была исправлена. Сама процессуальная форма при этом приобрела некую стройность и единообразие.

2. Предметный критерий, связанный с особенностями материальных правоотношений, из которых возник спор. К специализации по данному основанию относятся процессуальные правила книги третьей (за исключением правил примирительного разбирательства, понудительном исполнении), книги пятой (судопроизводство охранительное).

3. Основанием специализации гражданского процессуального права выступает также территориальный критерий – книга шестая (изъятия из общего порядка судопроизводства устанавливаются для некоторых местностей – губерния Варшавского округа, Прибалтийские губернии и т.д.).

Проект так и не был принят, но процессуальные правила, в нем изложенные, позволяют более точно и достоверно выявить направления развития гражданского процессуального права на рубеже XX столетия. В отличие от неудавшейся попытки обновления гражданского процессуального законодательства судопроизводство в коммерческих судах было обновлено. Согласно узаконению от 17 апреля 1903 г. Устав торговый, Устав

судопроизводства торгового, Консульский устав и Устав о векселях были изданы в новой редакции. Устав судопроизводства торгового 1903 г.<sup>1</sup> содержит как судоустройственные, так и судопроизводственные нормы. В отличие от Устава судопроизводства в коммерческих судах Устав 1903 г. имеет самостоятельную нумерацию и разделы. Первые его главы посвящены учреждению, устройству и порядку формирования коммерческих судов. Судопроизводство в коммерческих судах осуществлялось в двух порядках: словесная расправа и письменное производство. Словесная расправа реализуется на основе письменного делопроизводства. Прощение, речи сторон, определения и решения суда фиксируются в книге входящих, журнале заседаний, протоколах отдельных определений. Несмотря на то, что Устав 1903 г. не содержит самостоятельную общую часть, основные правила судопроизводства определены в первом его разделе «Учреждение Коммерческих Судов», а также в отдельных статьях. При рассмотрении общих начал торгового судопроизводства очевидно влияние УГС. Так, в ряде статей Устава 1903 г. регламентируется принцип состязательности (ст. 139–144). Отдельно регламентируются специфические для торгового судопроизводства доказательства, например, купеческие конторские книги, маклерские книги и записки, книги по образцу купеческих, счета и росписки (ст. 232). Кроме того, отдельно регулируется порядок производства по делам о торговой несостоятельности (третий раздел Устава). Что касается стадий процесса, то коммерческие суды являлись первой инстанцией. Апелляционные жалобы на их решения приносились в Сенат (ст. 48 Устава). По отдельным делам апелляция не допускалась: по делам при цене иска в столицах – не свыше 3 тыс. руб., в Одессе – не свыше 1,5 тыс. руб., а также вне зависимости от цены иска по согласию сторон об окончательности решения коммерческого суда. Анализируя правила производства по Уставу 1903 г., необходимо учитывать, что они создавались всего для трех коммерческих судов в Москве, Петербурге и Одессе. Юрисдикция этих судов была ограничена не только определенными категориями дел (споры и иски по торговым оборотам; дела о торговой несостоятельности;

---

<sup>1</sup> См.: Свод законов Российской Империи. Т. XI, ч. II. Изд. 1903 г. С. 1118.

споры и иски по векселям на суммы свыше 500 руб.), но и территориально. Согласно ст. 47 Устава ведомство каждого коммерческого суда простирается не далее того города, в котором он учрежден, и соответствующего уезда. Компетенция его распространялась на живущих и временно пребывающих в данном городе и уезде. Коммерческий суд также рассматривал соответствующие дела в случае об указании на его компетенцию в договоре, а также в случае нахождения товаров, судов и т.д. в данном городе (ст. 47 Устава). Таким образом, специализация цивилистического процессуального права по субъектному и предметному критериям, выразившаяся в самостоятельном регламентировании торгового судопроизводства, продолжилась. Вместе с тем при регулировании последнего наблюдается его общая направленность с гражданским судопроизводством, которая выражается как в единообразии основных начал, так и отсылочных нормах к УГС, в том числе используемых при толковании норм Устава 1903 г. (см., например, примечание к ст. 76, 154). Специализация при регулировании торгового судопроизводства не вывела его за рамки цивилистического процессуального права, основные начала которого сформировались в 1864 г., но учитывала особенности рассмотрения торговых дел и дел о несостоятельности. Нормы Устава 1903 г. применялись в связке с нормами УГС 1964 г., что обеспечивало единообразие цивилистического процесса.

С вышеуказанным состоянием цивилистического процессуального права Российское государство и российское общество встретило революционные преобразования 1917 г. Очевидно, что в силу идеологических причин и кардинальных общественных преобразований материальное и процессуальное законодательство и право не могли оставаться прежними. Декретом о суде от 24 ноября 1917 г.<sup>1</sup>, принятым Советом Народных Комиссаров, (далее – Декрет № 1) упразднились существовавшие общие судебные установления (окружные суды, судебные палаты и Правительствующий Сенат), а также коммерческие суды. Действие института мировых судей было приостановлено и заменено местными судами, которые рассматривали гражданские дела ценой иска до 3 000 руб., а

---

<sup>1</sup> См.: Декреты советской власти. М., 1957. Т. I. С. 124–126.

также соответствующие уголовные дела. Отменялась апелляция. Решения о взыскании денежных средств свыше 100 руб. могли быть обжалованы в суд кассационной инстанции, которой являлся съезд местных судей. Что касается гражданского судопроизводства, то Декрет № 1 в п. 5 допускал применение действующих правил, т.е. УГС, но только в объеме, в котором последние не отменены и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. «О возможности пролетариату при указанных условиях пользоваться законами свергнутых правительств товарищ Сталин в беседе с английским писателем Г.Д. Уэллсом указал на следующее: «Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком. ...Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность»»<sup>1</sup>.

В Декрете о суде № 2 от 15 февраля 1918 г.<sup>2</sup> содержатся положения о создании окружных народных судов, рассматривающих гражданские дела, не относящиеся к ведению местных судов, с возможностью обжалования их решений в создаваемый областной народный суд. Апелляция также отменена. Для обеспечения единообразия кассационной практики в Петрограде учреждался Верховный судебный контроль (ст. 6). Кроме изменения судостройства, Декрет № 2 включает ряд правил судопроизводства по гражданским делам. Так, в ст. 5 установлено, что при обжаловании в кассационном порядке суд имеет право отменить решение не только по формальным нарушениям, признанным им существенными, но также и в том случае, если признает, что обжалуемое решение явно несправедливо. Декрет № 2 содержит четвертую часть (ст. 7–17), которая очень схематично регламентирует вопросы гражданского и уголовного судопроизводства. В ст. 8 указывается, что судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 г., если они не отменены и не противоречат правосознанию трудящихся масс.

---

<sup>1</sup> Кожевников М.В. История советского суда / под ред. И.Т. Голякова. М., 1948. С. 31-32.

<sup>2</sup> См.: Декреты Советской власти. Т. I. С. 466–474.

Декретом о суде № 3 от 20 июля 1918 г. расширена компетенция местных народных судов, которые в соответствии со ст. 4 рассматривали все гражданские дела ценою до 10 тыс. руб.

30 ноября 1918 г. ВЦИК принял Декрет о народном суде РСФСР (Положение), заменившего собой правила уставов уголовного и гражданского судопроизводства 1864 г. Согласно примечанию к ст. 22 ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются. Общие положения судопроизводства (как гражданского, так и уголовного) закреплены в ст. 21–27 Положения. Судоговорение допускалось на всех местных языках (ст. 21), а суды при отсутствии соответствующего декрета советской власти, применяемого к спорной ситуации, должны были руководствоваться социалистическим правосознанием. Судопроизводство в Положении урегулировано очень поверхностно, а неурегулированные части его отданы на усмотрение народным судам. Сам процесс унифицирован насколько это возможно. Различия в рассмотрении уголовных и гражданских дел в народных судах практически отсутствовали. Отдельных видов производств по гражданским делам не установлено. Практически все принципы цивилистического процессуального права были нивелированы. Так, согласно ст. 24 Положения суд не стеснен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц. Таким образом, гражданский процесс приобрел следственные начала, при которых суд имел безграничные полномочия и руководствовался своим усмотрением. Бесспорно, что подобная унификация гражданского и уголовного процесса не пошла им на пользу. Вместо специализированного гражданского процесса по УГС на смену пришел следственный процесс с тезисным регулированием и широким судебским усмотрением. Однако при коренной ломке общественного строя, судеустройства, материального права ожидать чего-то иного вряд ли было возможно. Для нас важно заметить, что преобразования в указанных сферах, их неустоявшееся и несформированное состояние оказали негативное влияние на развитие гражданского судопроизводства. Указанное

очевидно подтверждает тот факт, что процессы развития цивилистического процессуального права (в том числе его унификации и специализации) имеют свое объективное основание, поэтому изменение указанного основания ведет к изменениям процессуального права.

Следующая кодификация гражданского процесса состоялась в 1923 г. Согласно Постановлению ВЦИК от 10 июля 1923 г. новый Гражданский процессуальный кодекс был введен в действие с 1 сентября 1923 г. на всей территории РСФСР. Согласно ст. 1 ГПК РСФСР 1923 г. правила ведения гражданского процесса, изложенные в кодексе, обязательны для всех учреждений единой судебной системы РСФСР (Народного Суда, Губернского Суда и Верховного Суда), а также для учреждений, снабженных судебными функциями на основании особых о них положений, с теми изъятиями, какие в этих положениях установлены. ГПК 1923 г. – кодифицированный акт, содержащий основные положения с общими нормами. В нем отражается ряд принципов цивилистического процесса: принцип диспозитивности (ст. 2); законности (ст. 3, 4); добросовестности (ст. 6); объективной истины (ст. 5) и т.д. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве того времени значительно ограничен. Так, согласно ст. 5 ГПК 1923 г. суд обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся, почему, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, он должен посредством предложенных сторонам вопросов способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред. В соответствии со ст. 119 допущение тех или иных доказательств, представленных сторонами, зависит от того, найдет ли их суд существенными для дела. В ст. 121 суду предоставлено право по собственной инициативе производить необходимые поверочные действия по представленным доказательствам с помощью осмотра на месте, вызова сведущих лиц (экспертов),

вызова и допроса свидетелей и проверки письменных документов. Суд кассационной инстанции при рассмотрении кассационной жалобы не связан указанными в ней поводами (ст. 245). Указанные нормы с очевидностью отражают идеологию фактического равенства, господствовавшую в советский период. Данная идеология отразилась на развитии общественных отношений и получила различные формы регламентации в праве. В цивилистическом процессе такими формами стали принцип объективной истины, широкие полномочия суда и судебское усмотрение. В связи с этим ряд специалистов справедливо указывают на состязательно-следственный характер судопроизводства того времени, который впоследствии стал своеобразной визитной карточкой советского гражданского процесса.

На элементарном уровне построение правового регулирования не могло уже обойтись без общих и специальных норм. Здесь обнаруживаются функциональные связки общей и специальных норм. Специальные конкретизирующие нормы часто содержатся в примечании. Так, согласно ст. 69 повестки и извещения суда вручаются лично вызываемым лицам. Время вручения отмечается на вручаемом извещении и на подлежащей возврату в суд расписке в получении. В примечании к данной статье отмечено, что при вручении извещения, выданного тяжущимся на руки, подпись лица, получающего таковое, должна быть удостоверена милицией, администрацией дома или учреждения, в котором извещаемый проживает или имеет постоянное занятие. В соответствии со ст. 76 в исковом заявлении обязательно указание на лицо, заявляющее исковое требование. В примечании к данной статье конкретизируется, что под «лицом» понимаются лица как физические, так и юридические.

В части третьей ГПК 1923 г. регулируются особые производства, основанием выделения которых являлись, как правило, особенности материально-правовых отношений. Согласно ст. 191 к делам особого производства относятся дела: а) об имуществе, оставшемся после умерших; б) о третейских записях и решениях; в) о внесении в суд предметов обязательств (депозит); г) о выдаче судебных приказов по актам; д) о расторжении брака; е) об освобождении от



военной службы по религиозным убеждениям; ж) по жалобам на действия нотариусов. Однако стоит отметить, что правила особых производств изложены крайне тезисно, что, очевидно, являлось недостатком ГПК 1923 г.

Дальнейшее развитие молодого советского законодательства и права, практики правоотношений не могло не отразиться на цивилистическом процессуальном праве, поэтому достаточно интересной является краткая характеристика изменений первых лет существования ГПК 1923 г. Развитие процессуального права в данный период осуществляется в направлении его специализации, в основании которой лежат следующие факторы. Во-первых, специализация судебной системы, т.к. вместо народного, губернского и Верховного Суда система судостроительства в 30-е годы была представлена народным, окружным, краевым (областным) и Верховным судами. Это повлекло новые правила подсудности. Кроме того, появились так называемые особые сессии народного суда по трудовым спорам, также имевшие свою компетенцию (ст. 21а). Во-вторых, основанием специализации процессуального права явилось развитие материального права и правоотношений. Ряд особых производств, не имеющих практического значения, отмирает. Так, например, производство о распоряжениях суда по имуществу, оставшемуся после умерших, состоит из одной ст. 198, в которой лицам, имеющим претензии к наследодателю, предоставлялось право обратиться к Народному Суду, в районе которого открылось наследство, с просьбой о принятии мер, обеспечивающих удовлетворение их требований. Нормы производства о внесении в суд предметов обязательства (депозит) в 1927 г. были исключены. Такая же участь постигла особое производство по делам о расторжении брака и о выдаче судебных приказов по актам. Другие производства получают более детальную регламентацию. Так, производство о третейских записях и решениях получило развитие посредством включения в него Положения о третейском суде. Появилось новое вызывное производство по восстановлению прав по утраченным документам на предъявителя (гл. 27а). Важным также является включение в ГПК в 1927 г. норм о несостоятельности частных физических и юридических лиц (гл.

XXXVII). Рассматривая данное направление специализации, следует отметить, что для ГПК РСФСР в редакции 1930 г. свойственно стремление к комплексному регулированию за счет включения в него как норм процессуального, так и норм материального права. Например, Положение о третейском суде нельзя отнести к процессуальному праву. Богата нормами материального права и новая глава XXXVII, регулирующая не только производство по делам о несостоятельности как отдельное направление процессуальной деятельности суда, но и материально-правовой институт несостоятельности, являющийся по своей природе институтом частного материального права. Третьим основанием специализации явилось стремление самосовершенствования. В соответствии с данным основанием развиваются, например, правила обращения в суд, рассмотрения заявления. Согласно ст. 80 до внесения дела к слушанию в судебное заседание судья, в целях ускорения разрешения дела, единолично производит действия по предварительной подготовке дела. Определение о производстве действий по предварительной подготовке дела выносится судьей единолично, без вызова ответчика, и обжалованию отдельно от кассации не подлежит (ст. 80б). Однако, признав производство предварительной подготовки дела излишним, судья немедленно назначает дело к слушанию в судебном заседании и объявляет об этом присутствующей стороне под расписку (ст. 80в).

После известных трагичных событий 40-х гг. развитие российского процессуального права продолжилось. Вместе с тем политический курс Советского государства на обеспечение его единства не мог не отразиться на праве, в том числе гражданском процессуальном. Необходимо было унифицировать различные процессуальные правила рассмотрения гражданских дел, принятые в республиках. Законом СССР утверждены Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. (далее – Основы). П.П. Гуреев отмечал, что «основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик – первый этап большой важной работы по обновлению советского законодательства о гражданском судопроизводстве. Завершением этой работы явится принятие гражданских процессуальных

кодексов союзных республик»<sup>1</sup>. Анализируя вопрос соотношения положений Основ и разрабатываемых ГПК республик, автор указывал на то, что разрабатываемые ГПК республик должны соответствовать Основам как по содержанию, так и структурно. Вместе с тем отдельные правила Основ подлежат конкретизации и более детальной регламентации в ГПК (например, отказ в принятии иска). Структурно же «ни один раздел Основ не может быть исключен из системы ГПК. В то же время тот или иной раздел Основ может быть в необходимых случаях представлен двумя разделами в гражданском процессуальном кодексе союзной республики»<sup>2</sup>.

Издание проекта Основ поставило перед научным сообществом вопрос соотношения его правил с процессуально-правовым регулированием республик не только с точки зрения юридической силы, но и с точки зрения объема регулирования. Общие и частные вопросы регулирования получили широкое обсуждение в научных кругах как в период обсуждения проектов, так и после их принятия. Как указывает А.А. Мельников, в журнале «Советское государство и право» был учрежден специальный раздел для обсуждения проектов Основ и ГПК союзных республик<sup>3</sup>.

Основы представляют собой яркий пример объединения общих норм. Они закрепляли основные начала и основные правила гражданского судопроизводства. Согласно ст. 3 Основ производство по гражданским делам в судах союзных республик ведется по гражданским процессуальным законам Союза ССР и той союзной республики, судами которой рассматривается дело, совершаются отдельные процессуальные действия или исполняется решение суда. Что касается принципов, то в Основах они были выражены более полно по сравнению с ГПК РСФСР 1923 г. В Основах закреплены и раскрыты важнейшие принципы гражданского процессуального права: осуществление правосудия только судом

---

<sup>1</sup> Гуреев П.П. Основы гражданского судопроизводства и некоторые вопросы подготовки ГПК союзных республик // Советское государство и право. 1963. № 2. С. 104.

<sup>2</sup> Там же. С. 107.

<sup>3</sup> См.: Мельников А.А. Советский гражданский процессуальный закон. Вопросы теории гражданского процессуального права. М., 1973. С. 45.

(ст. 7); равенства перед законом и судом (ст. 7); независимости судей (ст. 9); законности (ст. 9, 12); языка (ст. 10); гласности (ст. 11). Однако Основы, как и ГПК РСФСР 1923 г., не предусматривали полной состязательности и предоставляли суду широкие полномочия. Согласно ст. 16 Основ суд не ограничивался представленными материалами и объяснениями сторон и мог собирать доказательства по своей инициативе (ст. 18).

Вместе с тем, А.А. Мельников справедливо замечает, что «единство процессуального законодательства не означает его унификации. Как уже отмечалось, каждая республика, как суверенное государство, вправе выбирать наиболее целесообразное с ее точки зрения решение вопросов, отнесенных Основами к республиканской компетенции. Однако при этом республиканское законодательство не должно противоречить общесоюзному»<sup>1</sup>. При этом автор, конечно, имеет в виду не то, что унификация не приводит к единству, а то, что Основы не обладали монополией на регулирование гражданского судопроизводства, но предполагали республиканскую компетенцию в данной области. Хотя результаты такой компетенции, выраженные в республиканском процессуальном законодательстве, не должны были противоречить Основам, что соблюдалось далеко не всегда<sup>2</sup>. Характеризуя Основы с точки зрения темы настоящего исследования, стоит отметить, что они выступали своеобразной общей частью для всех ГПК союзных республик. Главной целью Основ являлась унификация принципов и основных правил гражданского судопроизводства в союзных республиках. Интересно отметить, что Основы затрагивали не только принципы, но и общие правила производства в суде первой инстанции, обжалования и исполнения судебных актов. Основы в ряде случаев предписывали императивное процессуальное правило, которое дублировалось в ГПК союзной республики. Некоторые нормы основ прямо допускали возможность установления законодательством республик дополнительных правил. В соответствии со ст. 40 Основ законодательством союзных республик могут быть установлены другие

---

<sup>1</sup> Мельников А.А. Указ. соч. С. 61.

<sup>2</sup> См.: там же. С. 61-62.

основания, по которым по просьбе лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе суд может приостановить производство по делу. Другие нормы Основ имеют отсылки к законодательству республик, побуждая последних к активному конкретизирующему правотворчеству. Так, права и обязанности представителей общественных организаций и трудовых коллективов определяются законодательством союзных республик (ст. 36).

В 1964 г. принимается Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, вступивший в действие с 1 октября. ГПК 1964 г. в части принципов и основных правил судопроизводства содержит дублирующие Основы нормы. В ряде случаев положения Основ конкретизируются специальными нормами. Согласно ст. 8 ГПК 1964 г. судопроизводство по гражданским делам ведется на русском языке, а в автономных республиках, автономных областях, национальных округах – соответственно на языке автономной республики, автономной области, национального округа или на языке большинства местного населения. При этом ГПК 1964 г. дублирует положения Основ в части ограничения принципа состязательности.

В ГПК 1964 г. также встречается весь набор специальных норм:

– нормы-исключения. Например, в ст. 61 указано, что свидетелем может быть любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, относящиеся к делу. Далее следует норма-исключение, указывающая ряд субъектов, которые не могут быть вызваны и допрошены в качестве свидетелей;

– нормы-дополнения. В соответствии со ст. 65 ГПК 1964 г. письменные доказательства, как правило, представляются в подлиннике. Далее в этой же статье следует дополнение: если представлена копия документа, суд вправе в случае необходимости потребовать представления подлинника.

В разделе II ГПК 1964 г. отдельно регламентируется производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Согласно ст. 231 к таким делам отнесены: дела по жалобам на неправильности в списках избирателей; дела по жалобам на действия административных органов; дела о взыскании недоимок с граждан по государственным и местным налогам и сборам,

обязательному окладному страхованию и самообложению. В рамках особого производства по ГПК 1964 г. рассматривались дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение; о признании гражданина безвестно отсутствующим и об объявлении гражданина умершим; о признании гражданина ограниченно дееспособным и недееспособным; о признании имущества бесхозным; об установлении неправильностей записей в книгах актов гражданского состояния; по жалобам на действия нотариусов и органов, выполняющих нотариальные действия; о восстановлении прав по утраченным документам на предъявителя (вызывное производство) (ст. 245).

Реформа 60-х годов поставила перед научным юридическим сообществом еще один немаловажный вопрос, касающийся сравнения процессуальных правил республик между собой в той части, в которой единство этих правил не обеспечивалось Основами. Процессуальное законодательство республик в некотором смысле конкурировало между собой за право быть более полным, системным и соответствующим единым правилам Основ. Безусловно, что подобная конкуренция, с одной стороны, давала исследователям многочисленный эмпирический материал для анализа, с другой, - была полезна для совершенствования гражданского судопроизводства, позволяя выявить недостатки республиканского регулирования. «Различное решение некоторых вопросов гражданского судопроизводства кодексами приводит к коллизии республиканского законодательства, и его совершенствование (за исключением унификации) не может полностью снять эту проблему, хотя ее острота может быть ослаблена», - пишет по этому поводу А.А. Мельников<sup>1</sup>.

Бесспорно, что Основы гражданского судопроизводства и ГПК 1964 г. явились наиболее совершенными с точки зрения юридической техники. В России данные акты действовали вплоть до вступления в силу ныне действующего ГПК РФ 2002 г. Вместе с тем следует обратить внимание, что в начале 90-х годов прошлого столетия произошла дифференциация цивилистического процесса, связанная с принятием Арбитражного процессуального кодекса РФ 1992 г. В.Ф.

---

<sup>1</sup> Мельников А.А. Указ. соч. С. 143.

Яковлев, стоявший у истоков создания в России системы арбитражных судов, отмечал, что арбитражная «судебная система прошла три этапа развития: этап становления, когда судьи приобрели статус судей, а вместо арбитража появился полноценный коммерческий суд. Этот этап длился с 1992 по 1994 г. В 1995 г. начался второй этап – ввели апелляцию, кассацию, создали третье звено в нашей судебной системе – десять окружных судов. Создание судебных округов, которые не связаны с административно-территориальным делением и с другими ветвями власти, имело колоссальное значение для утверждения независимого правосудия. Следующий этап начался в 2002 г., когда был принят новый Арбитражный процессуальный кодекс. Апелляцию отделили от судов первой инстанции, создав двадцать межобластных апелляционных судов. Таким образом, образовалось четыре уровня судов»<sup>1</sup>. АПК 1992 г., бесспорно, является источником цивилистического процессуального права, который подчеркнул особенности судопроизводства по экономическим спорам. В отличие от ГПК 1964 г. АПК 1992 г. значительно ограничил роль суда в собирании доказательств, предоставив сторонам более широкую состязательность. Согласно ст. 40 АПК 1992 г. доказательства представляются сторонами и лицами, участвующими в деле. В этом контексте происходит специализация основных начал цивилистического процессуального права применительно к рассмотрению коммерческих дел. Однако нельзя утверждать, что АПК 1992 г. является в полной мере специализированным по отношению к ГПК 1964 г. При сопоставлении положений законодательных актов очевидно, что многие из них дублируются. Таким образом, можно утверждать о произошедшей дифференциации с частичной специализацией ряда процессуальных положений и правил. Данная специализация происходила в рамках цивилистического процессуального права и не могла привести к возникновению процесса нового типа, отличного от цивилистического.

---

<sup>1</sup> Яковлев В.Ф. Об этапах развития арбитражной судебной системы. URL: [http://www.arbitr.ru/\\_upimg/EE226BF1E768E539ED6F309DB2F112A6\\_%DF%EA%EE%E2%EB%E5%E2.pdf](http://www.arbitr.ru/_upimg/EE226BF1E768E539ED6F309DB2F112A6_%DF%EA%EE%E2%EB%E5%E2.pdf) (дата обращения: 05.08.2017).

Основанием для специализации процессуального права 90-х гг. явилось изменение судоустройства, связанное с образованием арбитражных судов на фоне происходящих общественных и политических преобразований. 4 июля 1991 г. был принят Закон «Об арбитражном суде». С этого момента в России появился арбитражный суд как элемент именно судебной власти – независимой, отделенной от исполнительной и законодательной властей, осуществляющей свои полномочия в соответствии с Конституцией и федеральными законами. Арбитражные суды – примета новой правовой действительности, зарождение которой в России связано с принятием Конституции 1993 г., формированием новой системы органов государственной власти и кодификации нового корпуса российского права. Историческим прототипом арбитражных судов являются существовавшие до Октябрьской революции 1917 г. коммерческие суды, разрешавшие споры по торговым делам, договорам и обязательствам<sup>1</sup>.

Итак, рассмотрение исторических аспектов унификации и специализации цивилистического процессуального права в России позволило нам сделать несколько выводов, которые должны учитываться при отраслевом исследовании развития цивилистического процессуального права.

*Во-первых, специализация и унификация цивилистического процессуального права есть процессы не обособленные, а связанные, с одной стороны, с развитием российского права в целом, с другой – с общественными, политическими и экономическими преобразованиями.*

*Во-вторых, специализация и унификация цивилистического процессуального права есть взаимосвязанные процессы. Однако их полноценное взаимодействие и взаимовлияние происходит лишь при минимальном обособлении самого гражданского процессуального права, а именно, после принятия Свода законов Российской Империи 1832 г. Исторически соответствующий этап специализации процессуального права, накопления правового материала*

---

<sup>1</sup> См.: Соловьев А.А., Филиппов Ю.М. Осуществление правосудия арбитражными судами в Российской Федерации // Право и современные государства. 2013. № 3. С. 57-58.



завершался его унификацией с целью придания этому материалу стройности и взаимосвязанности.

*В-третьих, историческое исследование унификации цивилистического процессуального права позволяет указать на ее предпосылки, а именно, накопление многочисленного правового материала, который в силу своей бессистемности и противоречивости влияет на эффективность отправления правосудия. Хотя систематизация процессуального законодательства осуществлялась, как правило, в периоды крайнего упадка авторитета судебной власти и сопровождалась существенными изменениями системы судоустройства, но причины, порождающие унификацию цивилистического процессуального права, находились в нем самом, его системе. В этом контексте унификация имеет внутреннюю детерминацию, порождается необходимостью создания органичной отраслевой системы, обеспечивающей надлежащее регулирование процессуальных отношений.*

*В-четвертых, историческое исследование специализации цивилистического процессуального права позволяет говорить о данном процессе как механизме отражения общественных, политических и экономических преобразований в процессуальном праве. Посредством специализации право обогащается новыми нормами, поддерживается взаимосвязь права и регулируемых отношений. При специализации процессуального права также поддерживается связь с правом материальным. Основаниями специализации цивилистического процессуального права выступают: изменения системы судоустройства, связанные с образованием новых судов; изменения материального (частного) права и регулируемых им общественных отношений, что, в свою очередь, влияет на эффективность судебной деятельности. В этом смысле специализация порождается внешними причинами, влияющими на предмет правового регулирования – процессуальные отношения.*

### ГЛАВА 3. СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ПРОЦЕСС ЕГО РАЗВИТИЯ

#### § 1. Специальные нормы в цивилистическом процессуальном праве

Необходимость исследования специальных процессуальных норм как закономерного результата отраслевой специализации права предопределяется несколькими аспектами. Во-первых, как справедливо заметил А.А. Мельников, понятие и сущность гражданского процессуального закона можно раскрыть лишь путем исследования вопросов о понятии и видах составляющих его норм, а также о содержании, форме и структуре этих норм<sup>1</sup>. Именно нормы являются первичным материалом построения системы цивилистического процессуального права. Именно нормы права (а не институты или общности более высокого уровня) реализуются в рамках конкретных процессуальных отношениях и оказывают на последние прямое регулирующее воздействие. Во-вторых, специализация права направлена на создание специальных процессуальных правил. Это непосредственная цель специализации. М.К. Юков в этой связи абсолютно правильно указал, что нормативные предписания являются той первоосновой отраслевой процессуальной системы, в которой отражается наиболее ярко процесс его специализации<sup>2</sup>. В-третьих, в науке имеются разные подходы к пониманию специальных процессуальных норм, оснований их выделения.

Отсутствие понимания цели как неотъемлемого признака процесса специализации привело исследователей данного процесса к существенным заблуждениям. Одно из таких заблуждений было указано нами ранее и связано с мнением С.С. Алексеева о том, что дифференциация есть форма специализации права<sup>3</sup>. Однако дифференциация не всегда ведет к появлению специальной нормы

---

<sup>1</sup> См.: Мельников А.А. Указ. соч. С. 7.

<sup>2</sup> См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 88.

<sup>3</sup> См.: Алексеев С.С. Структура советского права... С. 53.

или их совокупности. Это отчетливо проявляется в развитии современного цивилистического процессуального права. Так, во многом о дублировании, а не о специализации, следует говорить, анализируя содержание Арбитражного процессуального кодекса РФ и Кодекса административного судопроизводства РФ, так как содержащиеся в них нормы идентичны нормам Гражданского процессуального кодекса РФ. Дублирование на элементарном уровне можно обнаружить в рамках институтов компетенции, доказывания и доказательств, судебных расходов, подготовки дела к судебному разбирательству и т.д. Подметив указанное обстоятельство, многие процессуалисты отмечают громадный пласт дублирующих норм. Так, например, по образному выражению Д.А. Туманова КАС РФ представляет собой некий «законодательный клон» не самого лучшего исполнения<sup>1</sup>. Это говорит о том, что под видом специализации скрывается лишь дифференциация процессуального права, которая привела не к образованию специальных норм, а увеличению количества элементарных частиц за счет их дублирования. Вышеизложенное требует исследования специальных процессуальных норм как непосредственных результатов процесса специализации.

Специальные нормы права выступали предметом исследований в общей теории права<sup>2</sup>, уголовном и уголовном процессуальном праве<sup>3</sup>, гражданском процессуальном праве<sup>4</sup>, трудовом праве<sup>5</sup> и т.д. Классификация правовых норм на общие и специальные стала в некотором смысле классической и дается во многих работах учебного характера. Однако вопрос о признаках специальных норм и их видах остается открытым, так как, во-первых, общепризнанное понятие специальной нормы не сформулировано. Во-вторых, общетеоретический подход к

---

<sup>1</sup> Туманов Д. Из жизни законодательный клонов // Legal.Report. URL: <https://legal.report/iz-zhizni-zakonodatelnyh-klonov/> (дата обращения: 12.07.2018).

<sup>2</sup> См., напр.: Сенякин И.Н. Специальные нормы советского социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982. 194 с.

<sup>3</sup> См., напр.: Свидлов Н.М. Специальные нормы в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 195 с.

<sup>4</sup> См., напр.: Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 151 с.

<sup>5</sup> См., напр.: Роголева И.Ю. Дифференциация норм трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 32 с.

пониманию специальной нормы может быть недостаточным при отраслевых исследованиях. Поэтому стоит рассмотреть вопрос о специальных нормах гражданского процессуального права, выявить их общие (общетеоретические) и отраслевые признаки, дать им научно обоснованную классификацию на основе верифицированных критериев.

Говоря о специальных нормах, необходимо первоначально остановиться на основаниях (или критериях) их выделения среди множества других норм. И.Н. Сенякин в качестве основного критерия называет *объем реализации специальных норм или объем их функционирования*<sup>1</sup>. Некоторые авторы в качестве критерия классификации норм на общие и специальные указывают на сферу регулирования (сферу действия), имея в виду разницу в широте охвата регулируемых отношений<sup>2</sup>. В этом аспекте специальной процессуальной нормой является такая норма, которая имеет более узкую сферу правового регулирования и более узкий объем, то есть распространяет свое действие на конкретное процессуальное отношение или его часть. Однако данный признак не может выступать самостоятельным основанием классификации процессуальных норм на общие и специальные. По объему действия в рамках системы гражданского процессуального права можно сопоставлять не только общие и специальные нормы, но и только общие или только специальные. Кроме того, признак более узкой сферы регулирования с эмпирической точки зрения не позволяет отделить специальную норму от своего антипода – общей нормы. Так, В.М. Шерстюк поддерживает мнение К.Ю. Юдельсона о том, что нормы, расположенные в ГПК РФ являются общими по отношению к процессуальным нормам, размещенным в материальных законах – ГК РФ, СК РФ, ТК РФ и других. Последние представляют собой специальные нормы, распространяющие свое действие на ограниченный круг процессуальных правоотношений, возникших при

---

<sup>1</sup> См. Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики... С. 20.

<sup>2</sup> См.: Мельников А.А. Указ. соч. С. 15.

рассмотрении соответствующих материально-правовых споров<sup>1</sup>. Действительно, если за основу брать лишь критерий сферы действия той или иной процессуальной нормы, то с высказанным мнением вряд ли можно спорить. Но в таком случае общая и специальная нормы могут не иметь содержательных отличий. То есть в качестве специальной нормы можно рассматривать норму, дублирующую содержание общей нормы, но имеющую более узкую сферу действия (как будет показано далее, это часто встречается в отношении процессуальных норм, расположенных в материальных законах). Но если учитывать не только сферу действия, но и второй признак специальной нормы – несовпадение содержания общей и специальной норм, то вышеуказанный вывод не представляется бесспорным, так как при полном совпадении содержания нормы ГПК РФ и нормы, размещенной в материальном законе, имеется признак несовпадения сферы действия, но отсутствует признак несовпадения содержания. В этом случае процессуальную норму, расположенную в материальном законе, нельзя признать специальной. Она представляет собой дублирующую процессуальную норму, которая имеет свои связи с дублируемой нормой и выполняет свои специфические функции, не связанные с конкретизацией правового регулирования.

Так, в материальном законодательстве часто располагаются нормы, которые содержат правила, тождественные правилам процессуальных кодексов. Процессуальные нормы в материальном законодательстве распространяются только на соответствующие спорные материальные правоотношения, соответственно, уже по объему, чем аналогичные нормы процессуальных кодексов. Однако дублирующие нормы в материальном законе нельзя считать специальными, поскольку они лишь повторяют правила процессуальных кодексов. Отсюда следует, что *вторым обязательным признаком, отличающим специальную процессуальную норму от общей, является несовпадение по содержанию*. Специальная норма содержит правило нетождественное общей

---

<sup>1</sup> См.: *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации... С. 328.

норме. Данный признак специальной нормы не получил своего надлежащего обоснования в литературе. Поэтому, видимо, часто дублирование отождествляется с процессом специализации.

Таким образом, *специальная норма отличается от общей как по предмету регулирования в части объема (регулирует лишь отдельные специфические его части, элементы, этапы), так и по своему содержанию (включает в себя правило, не тождественное основному правилу регулирования данного общественного отношения)*. Здесь необходимо отметить, что взаимосвязь специализации и унификации как парных процессов развития процессуального права сообщается их результатам – процессуальным нормам. Поэтому норма может быть специальной только лишь по отношению к иной норме, являющейся в таком парном отношении общей. О.В. Баулин в этой связи абсолютно справедливо замечает, что «нельзя абстрактно считать ту или иную норму специальной, поскольку последняя является таковой лишь относительно общей, регулирующей однородные отношения, и наоборот»<sup>1</sup>. Сопоставление общей и специальной нормы осуществляется по предмету правового регулирования, который по родовому признаку совпадает (то есть и специальная, и общая нормы регулируют процессуальное правоотношение), но по объему нет (общая норма регулирует отношение в целом, включая все его разновидности, а специальная норма направлена на регулирования лишь отдельных его разновидностей и частей, процессуально-правовых ситуаций).

Еще одним немаловажным вопросом в проблеме специальных процессуальных норм является вопрос уровня норм, признаки которых сопоставляются в рамках классификации на общие и специальные. Так, А.А. Мельников предлагает по сфере действия классифицировать гражданские процессуальные нормы на общие, специальные и исключительные. «Общие нормы гражданского процессуального права относятся ко всему гражданскому судопроизводству. Они регулируют деятельность и отношения, права и

---

<sup>1</sup> Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж, 1997. С. 8

обязанность суда и других участников гражданского судопроизводства во всех его видах и во всех стадиях процесса. Такие нормы содержатся главным образом в Основах и ГПК союзных республик в разделах «Общие положения»<sup>1</sup>. «К специальным нормам гражданского процессуального законодательства относятся такие нормы, которые регулируют права и обязанности, деятельность и отношения суда и других участников гражданского процесса только в определенной, ограниченной сфере, например только при разбирательстве административных дел или дел особого производства, только в кассационной или только в надзорной стадии процесса и т.п.»<sup>2</sup>. Из приведенной А.А. Мельниковым классификации норм видно, что за основу такой классификации автором взята вся система гражданского процессуального права и вся совокупность процессуальных отношений, урегулированных им. Соответственно, общими нормами будут являться нормы, регулирующие процессуальные отношения (или процессуальное отношение) в полном объеме. К специальным нормам следует отнести нормы, регулирующие отдельные этапы, стадии гражданского процесса, а также отдельные виды судопроизводства. Подобный взгляд на сопоставление общих и специальных норм имеется и в общей теории права. Д.Е. Петров, например, указывает на то, что одни и те же специальные нормы и институты могут быть одновременно и общими относительно других, стоящих ниже уровнем<sup>3</sup>.

Здесь следует заметить, что соотнесение норм по объему их действия возможно и допустимо лишь в пределах соответствующего уровня системы процессуального права. На данное обстоятельство отдельное внимание обращал В.М. Шерстюк, указывая, что «рассмотрение вопроса об общих и специальных нормах через призму определенного уровня системы помогает лучше понять логику внутреннего строения системы гражданского процессуального права, объяснить причины противоречий и указать пути ее совершенствования,

---

<sup>1</sup> Мельников А.А. Указ. соч. С. 15.

<sup>2</sup> Там же. С. 15-16.

<sup>3</sup> См. Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права... С. 171.

правильно решить другие проблемы системы отрасли права»<sup>1</sup>. Соответственно, специальную норму на одном уровне нельзя сопоставлять с общей нормой другого уровня, так как между ними отсутствует тесная взаимосвязь. «Деление гражданских процессуальных норм на общие и специальные всегда относительно, что объясняется многоуровневым характером системы»<sup>2</sup>, - пишет В.М. Шерстюк. Поэтому некорректно сопоставлять общую норму из института «Общие положения» с нормой, регулирующей отдельный вид отношений (например, в рамках искового производства). В противном случае по отношению к норме-принципу все остальные нормы были бы специальными.

Специальная норма всегда действует в системе иных правовых предписаний. Между юридическими нормами существует своего рода разделение труда, они специализированы на выполнении какой-то одной, «своей» юридической операции<sup>3</sup>. Эта тенденция как закономерное явление правовой действительности адекватно отражает специфику конкретных обстоятельств, своеобразие общественных отношений и их новизну посредством особых юридических предписаний. Они в своей совокупности составляют правовую основу процесса специализации и именуется специальными<sup>4</sup>. Как справедливо отмечает Д.Ю. Гончаров, специализация юридических норм не приводит к их изоляции друг от друга, действие отдельной юридической нормы оказывается связанным с действием ряда других норм; лишь в своей совокупности, в системе нормы регулируют общественные отношения<sup>5</sup>. Соответственно, специальная норма не может существовать без общей и имеет с ней закономерные системные связи, обусловленные построением системы права на основе предмета правового регулирования. На элементарном уровне должен образоваться некий комплекс

---

<sup>1</sup> Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). М., 1989. С. 38.

<sup>2</sup> Шерстюк В.М. Категория «уровень строения системы гражданского процессуального права»: понятие, теоретическое и практическое значение // Вестник гражданского процесса. 2014. №6. С. 15.

<sup>3</sup> См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования... С. 64.

<sup>4</sup> См.: Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства... С. 336.

<sup>5</sup> См.: Гончаров Д.Ю. Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // Журнал российского права. 2005. №11. С. 121.



правовых норм, регулирующих соответствующее отношение и все его специфические разновидности. На данное обстоятельство в свое время обратил внимание С.С. Алексеев<sup>1</sup>. Но взаимосвязь общей и специальной процессуальной нормы не является всеохватывающей. Нормы действуют в системе других норм системы цивилистического процессуального права, поэтому как общая, так и специальная норма имеют системные связи с другими нормами соответствующей отрасли. Следует обратить внимание на еще один немаловажный момент. В плане построения отраслевой системы процессуального права комплексы процессуальных норм являются организационно самостоятельным элементом. В отечественной правовой науке в целом и науке процессуального права обращается внимание на существование ассоциаций процессуальных норм. Но это делается в контексте изучения системного развития процессуального права. Иными словами комплекс (ассоциация) процессуальных норм – это проявление промежуточного состояния развития элементов отраслевой системы. Так, например, Д.А. Фурсов указывает, что «формирование правовых институтов из ассоциаций процессуальных норм наиболее наглядно раскрывает причины существования у правовых институтов разной степени их развития и системной целостности»<sup>2</sup>. В данном контексте ассоциация процессуальных норм представляет собой проявление процесса развития института права. В настоящей же работе указывается на самостоятельное значения комплекса норм как элемента отраслевой системы. Более того, далее мы убедимся, что в системе процессуального права комплексы норм настолько распространены и настолько необходимы, что регулирование процессуальных отношений осуществляется в абсолютном большинстве осуществляется именно данной общностью процессуальных норм.

Изучение содержания нормативно-правовых актов показывает, что специальные процессуальные предписания нередко объединяются в определенные комплексы с основной нормой по предметно-целевому критерию. Например, за основной нормой может следовать конкретизирующее предписание,

---

<sup>1</sup> См.: Алексеев С.С. Структура советского права... С. 30.

<sup>2</sup> Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики). С. 164.

которое в свою очередь может получить дальнейшую конкретизацию. Предметом регулирования таких комплексов, как правило, выступает не общественное отношение в целом, а лишь отдельная его часть, этап. Так, например, вопрос распределения государственной пошлины между сторонами в арбитражном процессе регулируется комплексом норм. Основной нормой в данном случае выступает, содержащееся в ч. 1 ст. 110 АПК РФ предписание о том, что судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. Далее следует специальная норма, которая дополняет ранее указанное правило, а именно предусматривает распределение судебных расходов при частичном удовлетворении исковых требований. Ч. 3 данной статьи содержит специальную норму, согласно которой государственная пошлина, от уплаты которой в установленном порядке истец был освобожден, взыскивается с ответчика в доход федерального бюджета пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований, если ответчик не освобожден от уплаты государственной пошлины. Часть 4 статьи содержит правило распределения как исключение из предыдущих: при соглашении лиц, участвующих в деле, о распределении судебных расходов арбитражный суд относит на них судебные расходы в соответствии с этим соглашением.

Подобные комплексы правовых норм, имеющих системные связи, несложно найти и в иных процессуальных кодексах. Так, например, ст. 67 ГПК РФ об оценке доказательств, также содержит комплекс правовых норм. Общее правило части 1 об оценке доказательств судом по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, дополняется правилами об оценке письменных доказательств, закрепленных в частях 5, 6, 7 данной статьи. В ст. 29 КАС РФ, регуливающей единоличное и коллегиальное рассмотрение административного дела, в части 1 закреплена общая норма о единоличном рассмотрении дела в суде первой инстанции с допускаемым исключением из данного правила. Здесь же в части 2 установлены и данные исключения в виде

перечня категорий дел, по которым рассмотрения осуществляется судом в коллегиальном составе.

Вышеизложенные примеры с очевидностью показывают, что правовое регулирование гражданско-процессуальных отношений на элементарном уровне осуществляется комплексами процессуальных норм, объединенных взаимными связями и действующими совместно. Данные комплексы включают в себя общую норму и ряд специальных норм. Так, например, можно ли утвердительно ответить на вопрос о составе суда по конкретному делу только лишь на основе общей нормы? Очевидно, что нет. Применяя общую норму и указывая на единоличный состав суда, необходимо удостовериться, что конкретное дело не подпадает под действие специальной нормы, устанавливающей основания коллегиального рассмотрения дела. Можно ли на основании общей нормы об оценке доказательств сделать однозначный вывод о необходимой совокупности физических и мыслительных действий суда при оценке конкретного доказательства? Нет. Так как необходимо удостовериться в том, что данное доказательство не относится к такому виду, который требует от суда совершения дополнительных действий.

Соответственно, процессуально-правовые комплексы предполагают действие составляющих их норм совместно, «в связке». В зависимости от специфики регулируемой фактической ситуации (от категории дела, вида доказательства и т.д.) происходит их вариативное применение. Комплексы правовых норм показывают предметно-целевое воздействие права на общественные отношения на элементарном уровне<sup>1</sup>. Они направлены на регулирование определенной жизненной ситуации посредством особых приемов. В рамках данных комплексов возможно выявление системных связей. Основная норма в данных комплексах первична и играет роль «активного центра». Она

---

<sup>1</sup> По сути, о предметной специализации гражданского исполнительного права пишет Е.Н. Кузнецов, указывая на необходимость введения «в законодательство об исполнительном производстве норм, регулирующих особенности совершения отдельных исполнительных действий по социально значимым делам (трудовые, семейные, жилищные, пенсионные и др.)». (Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов по социально значимым делам // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 95.)

закрепляет общее правило. Специальные нормы призваны учесть множество возможных ситуаций, отразить их специфику и особенности регулятивного воздействия на них. Специальные нормы потому и называются так, что они при регламентации однородных общественных отношений регулируют те их стороны, элементы, которые составляют в этих отношениях своеобразное, специфическое, особенное<sup>1</sup>.

Как правило, комплексы норм располагаются в одной статье нормативно-правового акта, регулирующей соответствующий аспект отношения. Связь специальной нормы с общей, побуждает законодателя вносить изменения в соответствующую статью закона. Эту связь необходимо иметь в виду при толковании и применении специальной нормы права. Так, согласно ч. 2 ст. 70 АПК РФ признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания. Специальная норма ч. 3.1. была внесена в ст. 70 АПК РФ впоследствии. Она предусматривает, что обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований. При этом на практике возник ряд вопросов, связанных с освобождением от доказывания бесспорных обстоятельств. В частности, могут ли бесспорными считаться обстоятельства, указанные истцом, при неучастии ответчика в процессе. В данном случае истцу, соответственно, нужно лишь сослаться на соответствующие обстоятельства и в силу отсутствия возражений ответчика, данные обстоятельства будут считаться бесспорными и не подлежащими доказыванию. По ч. 5 ст. 70 АПК РФ данные обстоятельства не проверяются арбитражным судом. ВАС РФ в Постановлении Президиума от 15.10.2013 № 8127/13 по делу № А46-12382/2012 указал, что «отклоняя при таких обстоятельствах представленные истцом в обоснование иска доказательства, суд

---

<sup>1</sup> См.: Нормы советского права: проблемы теории... С. 203.

первой инстанции фактически исполнил обязанность ответчика по опровержению доказательств, представленных другой стороной, тем самым нарушив такие фундаментальные принципы арбитражного процесса, как состязательность и равноправие сторон, что могло привести к принятию неправильного решения». Данная позиция ВАС РФ стала поводом для положительного ответа на поставленный вопрос о возможности признания указанных истцом обстоятельств бесспорными при неучастии ответчика в процессе. Однако подобный вывод не следует ни из содержания самой позиции ВАС РФ (поскольку в ней говорится о принятии и оценке доказательств, представленных истцом), ни системному толкованию специальной нормы, содержащейся в ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ. Так, данная норма устанавливает специальную форму признания обстоятельства бесспорным. Общей нормой в данном случае является норма ч. 2 ст. 70 АПК РФ. Именно в данной связке вышеуказанные нормы и должны действовать. Обязанность стороны, в том числе истца, представлять доказательства в подтверждение обстоятельств, на которые соответствующая сторона ссылается, устанавливается ч. 1 ст. 65 АПК РФ. Данная норма, являясь общей, связана с рядом специальных норм, содержащихся в той же статье. Соответственно, правило ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ не является специальным и не может отменять, изменять или дополнять правило ч. 1 ст. 65 АПК РФ. Отсюда и следует вывод о том, что неучастие ответчика в процессе не отменяет обязанности истца в доказывании тех обстоятельств, на которые он ссылается. В противном случае истец бы попросту освобождался от доказывания при любом неучастии ответчика. Последний вывод также противоречит п. 5 ч. 2 ст. 125 и п. 3 ч. 1 ст. 126 АПК РФ, устанавливающих обязанность истца указать на соответствующие доказательства и приложить их к исковому заявлению. Конечно, в данном случае возможно выстроить гораздо более «длинные» системные связи норм и указать, что сама норма ч. 2 ст. 70 АПК РФ является специальной по отношению к норме ч. 1 ст. 65 АПК РФ. И положение ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ в этой связи является специальным именно по отношению к ч. 1 ст. 65 АПК РФ через норму ч. 2 ст. 70 АПК РФ. К такому выводу приводит и конструкция нормы ч. 3.1. АПК РФ,

которая в отличие от общей для нее нормы ч. 2 ст. 70 АПК РФ не требует обязательного участия в процессе обеих сторон. Нам представляется, что законодатель мог ошибиться именно в конструкции самой нормы ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ, но не ошибся при этом, разместив эту норму в ст. 70 АПК РФ, а не в ст. 65 или 69 АПК РФ. Соответственно, данная норма имеет системную связь с нормой ч. 2 ст. 70 АПК РФ, которая, в свою очередь, предполагает участие в процессе обеих сторон. Специальное правило ч. 3.1. устанавливает лишь специальную по отношению к ч. 2 и 3 ст. 70 АПК РФ форму признания сторонами обстоятельств бесспорными. Иные признаки регулируемого отношения (в том числе такой признак, как участие обеих сторон) в силу последнего нормой ч. 3.1. не регламентируются.

Соответственно, применение общей и специальных нормы в связке необходимо для регулирования общественного отношения, требует учета установившихся между ними системных связей.

Однако специальные нормы могут располагаться и в иных статьях нормативного акта. Примером этого служит институт подсудности дел в гражданском процессе. Так, в ст. 28 ГПК РФ содержится общая норма, согласно которой иск предъявляется в суд по месту жительства (нахождения) ответчика. К данной норме сформулирован ряд специальных правил как дополняющих (например, ч. 1 ст. 29 ГПК РФ), так и исключаящих ее действие (например, ч. 1 ст. 30; ч. 2 ст. 31 ГПК РФ).

Приведенные примеры комплексов норм показывают множество возможных вариантов их компоновки. Но главное – не в количестве и разнородности описываемых связей, а в том, что в этих комплексах *вырисовывается некая первичная правовая общность гражданского процессуального права, которая обладает функциональным единством, имеет свой состав и взаимные связи между составляющими ее элементами - общей и специальными нормами.*

Для полного понимания особенностей специальной процессуальной нормы следует остановиться на нескольких вопросах, которые так или иначе

затрагивались в литературе, но, на наш взгляд, не были должным образом разработаны. Это место и роль классификации «общая - специальная норма» в системе цивилистического процессуального права, характер связи между общей и специальной нормами, виды специальных процессуальных норм.

В юридической литературе достаточно распространена классификация норм права по объему (сфере) их действия. Так, например, А.Ф. Черданцев по данному критерию классифицирует нормы на общие, специальные и исключительные. При этом «общие нормы регулируют род отношений. Специальные - вид отношений внутри рода. Исключительные также регулируют разновидность отношений внутри рода, но особым, даже противоположным способом, нежели общие нормы... Специальные и исключительные нормы ограничивают сферу действия общих норм»<sup>1</sup>. Однако, как справедливо отмечает О.В. Баулин, выделение в отдельную группу исключительных норм представляется не вполне обоснованным, так как они охватываются понятием «специальные нормы» и рассчитаны на более узкую сферу применения в сравнении с общими правилами<sup>2</sup>. К аналогичному выводу пришел и С.Ю. Суменков, указывая на то, что исключительная норма есть разновидность норм-исключений, направленная на урегулирование экстраординарной ситуации, облакаемая в соответствующую терминологию и находящая внешнее проявление в отдельном правовом предписании. Норма-исключение, в свою очередь, является разновидностью специальной нормы<sup>3</sup>. Соответственно, нет никаких оснований выделять исключительную норму в качестве самостоятельной разновидности норм цивилистического процессуального права, так как для последней присущи все признаки специальной нормы.

Интересным представляется вопрос о полноте предложенной классификации и ее относимости к процессуальным нормам. Классификация как способ познания действительности, должна показать многообразие, совокупность

---

<sup>1</sup> Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2000. С. 212-213.

<sup>2</sup> См.: Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве... С. 5.

<sup>3</sup> См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 16, 239-240.

устойчивых и изменчивых признаков исследуемого объекта, она должна охватывать весь спектр разновидностей этого объекта. Если же этого не происходит, то данная классификация является неполной, соответственно, показывает многообразие лишь отдельного вида исследуемого объекта. Иными словами, возникает вопрос: охватывает ли указанная классификация (по объему) норм процессуального права все нормы или какие-либо из них в данную классификацию не попадают? К сожалению, данный вопрос не ставился ни в теории права, ни в науке гражданского процессуального права. Вместе с тем, он имеет достаточно важное значение как для теории, так и для практики. Имеются ли в системе цивилистического процессуального права нормы, которые не являются ни общими, ни специальными? На этот вопрос следует ответить утвердительно.

Распространенность классификации норм на общие и специальные создает иллюзию того, что все нормы процессуального права являются либо общими, либо специальными. Однако такой вывод является неверным. Необходимо учитывать динамичный характер системы права, которая претерпевает постоянные изменения как в содержательном, так и в структурном аспектах<sup>1</sup>. Система гражданского процессуального права, как и любая другая система российского права, не является застывшей. Как показывает законодательная практика, ее развитие идет по нескольким направлениям: обогащение элементного состава системы за счет введения в нее новых норм и институтов; более тонкая конкретизация и специализация существующих правовых норм и институтов; дальнейшая интеграция элементов системы на ее различных уровнях путем обогащения общих положений отрасли права и ее структурных подразделений<sup>2</sup>. Поэтому исследование текущего состояния системы права есть

---

<sup>1</sup> Д.А. Фурсов справедливо указывает на развитие и становления институтов в арбитражном процессуальном праве посредством детализации единичных норм и их ассоциаций (см.: *Фурсов Д.А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики). С. 162).

<sup>2</sup> См.: *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации... С. 198.



исследование ее на соответствующем этапе процесса развития. Цивилистическое процессуальное право постоянно развивается. И нет ничего удивительного, что на определенном этапе правового регулирования в системе права можно найти единичную норму, регуливающую отдельную часть отношения. Правовое регулирование в этой части не дифференцировано. Конечно, с учетом современного развитого законодательства наличие единичных норм является исключением, нежели правилом. Гораздо проще единичные нормы обнаружить в ранее действовавшем гражданском процессуальном законодательстве. Так, согласно ст. 53 Положения о народном суде РСФСР 1918 г. производство в Народном Суде начинается по заявлению граждан, по предложению Исполнительных Комитетов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, должностных лиц и по усмотрению Суда в тех случаях, когда Суд обнаружит нарушение декрета Рабоче-Крестьянского Правительства или учинение преступления. При этом в Положении отсутствуют правила составления и представления заявлений гражданами. АПК РФ 1992г.<sup>1</sup> содержал лишь единичную норму, посвященную подготовке дела к судебному разбирательству (ст. 90). АПК РФ 1995г.<sup>2</sup> имеет уже отдельную главу 15, посвященную данному вопросу, которая включает две статьи (ст. 112-113). Ныне действующий АПК РФ содержит достаточно развитую совокупность общих и специальных норм, регулирующих подготовку дела к судебному разбирательству (ст. 133-137). Как справедливо отмечает В.М. Шерстюк, развитие единичной нормы о подготовке дела к судебному разбирательству привело к формированию качественно нового правового образования - института процессуального права, содержащего несколько общих и множество специальных процессуальных норм<sup>3</sup>.

В современном законодательстве также можно найти единичные нормы. Однако они, как правило, носят абстрактный характер. Это, например, норма ст. 5

---

<sup>1</sup> Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, утв. ВС РФ 05.03.1992 N 2447-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836.

<sup>2</sup> Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 N 70-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.

<sup>3</sup> См.: Шерстюк В.М. Категории отдельного, общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 22.

ГПК РФ об осуществлении правосудия только судом, которая носит декларативный характер; ст. 6 ГПК РФ о равенстве всех перед законом и судом. Однако встречаются единичные процессуальные нормы с конкретным содержанием. К конкретной единичной норме можно отнести правило ч. 3 ст. 151 ГПК РФ, устанавливающее возможность объединения гражданских дел. Примечательно, что ст. 151 ГПК РФ располагается в главе о подготовке дела к судебному разбирательству, а аналогичная ст. 130 АПК РФ расположена в главе о предъявлении иска. Сами статьи 130 АПК РФ и 151 ГПК РФ содержат различные нормы, относящиеся к разным институтам процессуального права. Так, норма об объединении истцом нескольких исковых требований относится к институту предъявления иска (право на предъявление иска и его реализация), а норму об объединении или выделении исковых требований судом можно отнести к институту подготовки дела к судебному разбирательству. Единичной также является норма ст. 186 ГПК РФ, устанавливающая порядок проверки заявления о подложности доказательства.

Вышеизложенное указывает на то, что классификация норм на общие и специальные допустима в отношении большинства, но не всех процессуальных норм. Ряд норм имеют единичный характер либо в силу их высокой абстрактности, либо в силу текущего развития системы процессуального права. Поэтому по характеру связи следует *выделять единичные и парные нормы права*. Единичные нормы не требуют реализации в связке с иными процессуальными нормами, могут реализовываться самостоятельно. *Парные нормы (общая и специальные) действуют только совместно, образуя комплекс норм*.

Общая и специальная процессуальные нормы имеют специфическую взаимосвязь. «Признаками, присущими всем специальным нормам, является, прежде всего, их тесная, неразрывная связь с общими нормами. Нельзя назвать какую-либо норму специальной, не указав при этом, относительно чего она является таковой»<sup>1</sup>. Однако вопрос о характере связи общей и специальной процессуальной нормы в литературе практически не раскрывается. Так, Л.Н.

---

<sup>1</sup> Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве... С. 10.

Борисова указывает, что «взаимосвязь генеральных и специальных норм проявляется в том, что генеральные обладают большой степенью абстрактности, они сформулированы как общие положения, предусматривающие некоторое число вариантов, прямо в норме не указанных. Специальные же рассчитаны именно на конкретизацию общего предписания, на более глубокое отражение особенности какого-то одного случая, состава»<sup>1</sup>. М.А. Магомедова, рассматривая вопрос функциональных связей в системе права, указывает, что общая и специальная норма находятся в отношении субординации, так как специальные нормы зависимы от общих норм. При этом под функциональными связями понимаются такие связи, которые выражают взаимообусловленность и взаимную зависимость элементов системы права в процессе их функционирования<sup>2</sup>. М.К. Юков также называл субординацию в качестве связи, характеризующей зависимость гражданских процессуальных специальных норм от общих<sup>3</sup>.

Вышеизложенные соображения отдельных авторов не раскрывают всех особенностей взаимосвязи общей и специальной норм цивилистического процессуального права.

При анализе характера взаимосвязи между общей и специальной нормами следует учитывать основные достижения современной теории систем. Как отмечает Ю.П. Сурмин в структуре общего системного анализа выделяются несколько составляющих. Наиболее важные — это структурный, функциональный, факторный, генетический и временной анализы<sup>4</sup>. «Системный

---

<sup>1</sup> Борисова Л.Н. Общая теория процессуальных норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 48.

<sup>2</sup> См.: Магомедова М.А. Теория и практика взаимодействия арбитражного процессуального и материальных отраслей права: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С. 16.

<sup>3</sup> См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 101. Следует отметить, что М.К. Юков при анализе ассоциаций (комплексов) процессуальных норм выделял вертикальные (общая и специальные нормы) и горизонтальные (конкретизированные предписания между собой) связи. См.: там же. С. 290-296. Генетические, структурные и функциональные связи, охарактеризованные М.К. Юковым в системе гражданского процессуального права в целом, к сожалению, не были предметом детального анализа на уровне процессуальных комплексов (ассоциаций процессуальных норм).

<sup>4</sup> См.: Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. Киев, 2003. С. 293.

подход к исследованию как раз и представляет собой одну из форм конкретизации принципов диалектики, прежде всего принципа взаимосвязи явлений»<sup>1</sup>. Правовые закономерности по типу связи бывают функциональными, структурными (или системными) и генетическими<sup>2</sup>. Не вдаваясь в подробности каждого из обозначенных типов связей, укажем, что структурные связи обусловлены построением соответствующей системы под влиянием главным образом внешнего фактора. Для права это означает то, что его внутреннее строение зависит от предмета правового регулирования. В теории права в целом и в науке гражданского процессуального права в частности является общепризнанным мнение о том, что основным системообразующим фактором права выступает предмет правового регулирования. На это обстоятельство указывает, в частности, В.М. Шерстюк при исследовании системы гражданского процессуального права<sup>3</sup>. Функциональные связи между элементами системы права обусловлены их специальной ролью по отношению друг к другу, они, как правило, напрямую не зависят от предмета правового регулирования. В основе функциональных связей лежит назначение той или иной нормы в системе права (например, нормы-принципа). Генетические связи призваны указать на происхождение соответствующих элементов системы права, это в некотором роде ретроспективная связь, проявляющаяся в процессе развития (например, выделение одного института процессуального права из другого). «Общие и специальные нормы гражданского процессуального права как отдельные его элементы соединены между собой комплексом системообразующих связей. Такие связи могут как иметь явный характер, так и косвенно вытекать из смысла и содержания тех или иных норм»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. С. 8.

<sup>2</sup> См., напр.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М, 2001. С. 76

<sup>3</sup> См.: Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории)... С. 31.

<sup>4</sup> Самсонов Н.В. К вопросу о системности гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 9.

Анализ взаимосвязи общей и специальной нормы цивилистического процессуального права позволяет выявить *структурные, функциональные и генетические связи* между ними. При этом преобладающей в данном «наборе» является структурная связь. Специальная норма в конечном итоге возникает на основе общественного отношения, подлежащего правовому регулированию (отдельного действия, признака общественного отношения). Она есть результат предметной специализации. Именно поэтому В.М. Шерстюк абсолютно правильно указывает на необходимость соотнесения общей и специальной нормы в рамках одного уровня строения гражданского процессуального права. Поэтому также общая и специальная нормы действуют в связке и создают на элементарном уровне ассоциации (комплексы) правовых предписаний, о которых писали С.С. Алексеев и М.К. Юков.

Специальная норма создается на основе и для общественного отношения, его подлежащего регулированию. Соответственно, именно структурная взаимосвязь, очевидно проявляемая в совместном действии общей и специальной процессуальных норм, является основной. М.К. Юков, признавая важность структурных связей, тем не менее, придавал особое значение генетическим и функциональным взаимосвязям процессуальных норм, что, на наш взгляд, привело к утрате первоосновы, абсолютизации функционального взаимодействия и смещению функциональной и предметной специализации процессуальных норм<sup>1</sup>.

С точки зрения предмета правового регулирования общую и специальную нормы можно соотнести как часть и целое. Условно можно обозначить, что общая норма регулирует отношение полностью, а специальная - лишь отдельную его разновидность или часть. Но такое соотношение является весьма упрощенным. В действительности же общая и специальная норма с точки зрения предмета соотносятся как «общее», «отдельное» и «особенное». «Объективная действительность как целое безразлична к способам человеческого познания, она

---

<sup>1</sup> См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 88-103.

суть — единство всеобщего, особенного и единичного»<sup>1</sup>. Общая норма основана на установлении устойчивых признаков регулируемых отношений, их обобщении и выражении в содержании правовой нормы. Специальная норма выделяет из массы однопорядковых общественных отношений специфические признаки, положенные в основу специального правила поведения. Как указывал Д.А. Керимов, «под отдельным в праве следует понимать единичное правовое явление, совокупность свойств которого определяет его специфику и тем самым отличает от всех других явлений (правовых и неправовых)»<sup>2</sup>. Учет в праве специфических признаков общественного отношения приводит к образованию особенного в праве как совокупности общих и специальных признаков. «Различие между нормами права обнаруживается на уровне особенного, поскольку при конкретном их проявлении становится очевидным не только разное содержание каждой из них, но и разная степень общности данных правил поведения (действие нормы права во времени и пространстве), а также различная степень их юридической силы (иерархия правовых норм)»<sup>3</sup>.

Наличие основной связи между общей и специальной нормой не свидетельствует о невозможности их иного взаимодействия, но предполагает такое взаимодействие. Так, генетическая взаимосвязь общей и специальной нормы проявляется в том, что они могут быть производны друг от друга. Как было показано в предыдущей главе, первоначально развитие цивилистического процессуального права осуществлялось по пути примитивной специализации в форме накопления правового материала. Право, по сути, представляло собой совокупность казуальных правил регулирования отдельных процессуальных действия и отношений. Впоследствии осуществляется обобщение специальных правил, появляются общие нормы. Поэтому, вопреки мнению о появлении специальной нормы в результате дифференциации общей нормы, данный вывод не

---

<sup>1</sup> Основы философии науки / под ред. проф. С.А. Лебедева: Учебное пособие для вузов. М., 2005. С. 27

<sup>2</sup> Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001. С. 203.

<sup>3</sup> Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права)... С. 209.

является аксиомой. Лишь только с развитием процессуального законодательства, его кодификацией генетические связи общей и специальной нормы обуславливаются образованием последней в результате дифференциации первой. Важно понимать, что нормативное образование специальной нормы от общей в генетическом плане может и не быть в случае, когда регулирование осуществляется комплексно, при котором общая и специальная норма появляются одновременно с учетом их структурной взаимосвязи. В данном случае комплекс норм во главе с общей нормой появляется в законе единовременно, а генетическая связь будет обосновываться только мыслительной деятельностью разработчиков законопроекта.

Достаточно важными для характеристики специальных норм и их соотношения с общими выступают функциональные связи. «Функциональные связи, существующие между правовыми нормами – это вид системообразующих связей, выражающих единство и целостность права. Подобные связи в структуре права подразделяются на отношения субординации, координации и управления, позволяющие достаточно полно раскрыть функциональную зависимость между нормами, возникающую в результате структурной специализации права»<sup>1</sup>. И.Н. Сенякин отмечает, что специальным нормам присущи те функции, которые свойственны всем правовым предписаниям. Но специальные нормы имеют и ряд функций, которые свойственны им как особой разновидности норм права: специально-регламентационная, конкретизационная, определительно-ограничительная и правовосполнительная<sup>2</sup>. Несложно заметить, что ряд из вышеуказанных функций реализуется специальными нормами по отношению к предмету правового регулирования и является лишь разновидностью функций всех правовых норм. К таким функциям следует отнести специально-регулятивную (И.Н. Сенякин указывает на специально-регламентационную функцию), специально-охранительную. Эти функции специальных норм не

---

<sup>1</sup> Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 9.

<sup>2</sup> Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики... С. 21.

раскрывают характера функциональной взаимосвязи между общей и специальной нормами. Вместе с тем, такая взаимосвязь может быть различной в зависимости от видов специальной нормы, о которых речь пойдет в следующем параграфе.

Кратко резюмируя вышеизложенное, следует сделать несколько промежуточных выводов о *специальных нормах цивилистического процессуального права*:

- *данные нормы являются результатом предметной нормативной специализации цивилистического процессуального права;*

- *данные нормы являются парными и могут быть определены только в соотношении с общей нормой (по объему, предмету правового регулирования, содержанию, месту в системе процессуального права);*

- *классификация норм на общие и специальные не отражает всего многообразия элементов системы права, не охватывает все нормы, которые могут быть как единичными, так и парными;*

- *специальная норма, наряду с общей нормой и иными специальными нормами, образуют первичную элементарную общность в системе права (комплекс процессуальных норм), имеющую внутренние системные связи;*

- *специальная норма связана с общей нормой структурной, генетической и функциональной связью.*

## **§2. Виды специальных норм цивилистического процессуального права**

Анализ специальных процессуальных норм был бы неполным без указания на их виды. При этом классификация возможна по различным основаниям, например, по институтам цивилистического процессуального права можно выделить специальные нормы искового производства, упрощенного производства, приказного производства и т.д. В зависимости от расположения в законодательных актах можно выделить специальные нормы, расположенные в основных цивилистических процессуальных кодексах (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ), специальные нормы в материально-правовых законодательных актах (ГК



РФ, СК РФ, ЗК РФ, ЖК РФ и т.д.). В зависимости от места и роли специальной нормы в элементарном комплексе процессуальных норм можно указать на специальные нормы, изменяющие содержание общей нормы, а также специальной нормы вторичной специализации, изменяющие (дополняющие) содержание другой специальной нормы.

Все вышеизложенные классификации имеют достаточно важное прикладное значение и позволяют учитывать особенности специальной нормы при ее создании и реализации. Однако для нас наиболее важной представляется классификация по видам функциональной взаимосвязи специальной нормы с общей нормой. Особенности такой взаимосвязи проявляются посредством сопоставления содержания общей и специальной нормы.

В общей теории права выделяют, как правило, следующие виды специальных норм: нормы-дополнения, нормы-изъятия, нормы-особые предписания (чрезвычайные нормы)<sup>1</sup>. Подобная классификация с некоторыми особенностями встречается также и в отраслевых исследованиях. Наиболее широко вопрос видов специальных норм рассматривался в трудовом праве, в котором тема дифференциации правового регулирования стала предметом многочисленных исследований. В сфере трудового права, как отмечает Н.В. Антипьева, дифференциация правового регулирования требует использования специальных правовых средств. Согласно устоявшейся в науке трудового права точке зрения, реализация принципа дифференциации правового регулирования осуществляется посредством установления норм-дополнений, норм-изъятий и норм, приспособляющих общие положения трудового законодательства к каким-либо специальным условиям (нормы-приспособления), которые иногда также характеризуются как нормы-применения (предполагают закрепление новых способов применения общих норм к отдельным категориям работников)<sup>2</sup>. С.С.

---

<sup>1</sup> См., напр., *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права... С. 174-174; *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики... С. 21-23.

<sup>2</sup> См.: *Антипьева Н.В.* Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 65

Каринский в свое время отмечал, что специальные нормы трудового права подразделяются на две категории. Первую категорию составляют нормы-изъятия и нормы-дополнения. Ко второй категории относятся нормы, уточняющие и конкретизирующие общие начала советского трудового права в соответствии с особенностями организации производства и труда отдельных работников<sup>1</sup>. М.И. Бару выделял три вида специальных норм: дополнения, изъятия, альтернативы<sup>2</sup>. Раскрывая соотношение общих и специальных норм в дифференциации трудового законодательства, Г.С. Скачкова характеризует основные группы специальных норм: нормы-изъятия, нормы-дополнения, нормы-приспособления. Не отрицается также наличие норм-альтернатив<sup>3</sup>. Ф.Б. Штивельберг отмечает, что дифференциация трудового права производится нормами-изъятиями, нормами-дополнениями и нормами-альтернативами<sup>4</sup>.

В сфере уголовного права вопрос взаимосвязи и соотношения содержания правовых норм рассматривался, как правило, в контексте их конкуренции. Так, например, С.Ф. Сауляк выделяла ложную и сущностную конкуренцию норм уголовного права. К последней относилась конкуренция общих и специальных норм, и специальных норм<sup>5</sup>. И.А. Волошин в качестве особой разновидности функциональных связей уголовно-правовых норм также рассматривает конкуренцию общей и специальной нормы, части и целого<sup>6</sup>.

Отраслевая классификация специальных норм дается и в науке гражданского процессуального права. Так, О.В. Баулин отмечает, что «нормы,

---

<sup>1</sup> См.: Каринский С.С. Дифференциация и унификация советского трудового законодательства // Правоведение. 1966. № 3. С. 54.

<sup>2</sup> См.: Бару М.И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1969. № 12. С. 48.

<sup>3</sup> См.: Скачкова Г.С. Расширение сферы действия трудового права и дифференциация его норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 51.

<sup>4</sup> См.: Штивельберг Ф.Б. Основания и пределы дифференциации трудового права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 5.

<sup>5</sup> См.: Сауляк С.Ф. Проблема конкуренции уголовно-правовых норм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 39.

<sup>6</sup> См.: Волошин И.А. Анализ функциональных связей правовых норм в уголовном законодательстве России при квалификации преступлений // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 111-112.

устанавливающие особенности рассмотрения категорий дел, могут быть исключительными либо дополняющими. Воспроизводящие специальные нормы, которые бы полностью дублировали содержание общих норм, в системе права отсутствуют. Наличие в законодательстве большого числа конкретизирующих норм, близких по свойствам к правоприменительным положениям, объективной основы, как правило, не имеет, поскольку конкретизироваться нормами, устанавливающими особенности рассмотрения категорий дел, должны лишь общие нормы-отсылки». Необоснованным, по мнению О.В. Баулина, является выделение таких видов специальных норм, как детализирующие и правила первичного правотворчества<sup>1</sup>. Исключительными являются нормы, заменяющие либо отменяющие действие общих норм. Дополняющие нормы содержат новые правила, которые не противоречат правилам, сформулированным в общей норме. Конкретизирующие нормы представляют собой нормы, уточняющие, развивающие правила, содержащиеся в общей норме. В отличие от дополняющих, конкретизирующие нормы не содержат новые правила поведения<sup>2</sup>. Д.А. Фурсов отмечает, что специализация процессуальных норм как при их дифференциации, так и при интеграции может носить вторичный (если нормы издаются в развитие и дополнение первичных процессуальных норм), детализирующий (регулирование процессуальными нормами отдельных элементов общественных отношений), вариантный (устанавливает два и более вариантов регулирования одних и тех же общественных отношений в предусмотренных законодателем различных условиях их протекания) и исключительный (предусматривает запреты и дозволения, представляющие исключения из общих правил) характер<sup>3</sup>. Некоторые авторы не относят исключительные нормы к специальным. Например, А.А. Мельников указывает, что «исключительные нормы, как правило, дополняют общие и специальные нормы, причем эти

---

<sup>1</sup> Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 6-7.

<sup>2</sup> См.: Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве... С. 37, 39, 44.

<sup>3</sup> Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики). С. 201.

дополнения характеризуются тем, что устанавливают изъятия из правил, предусмотренных общими и специальными нормами»<sup>1</sup>.

Таким образом, в литературе имеются разные классификации специальных норм в зависимости от связи с общей. Если же не ограничивать цивилистическое процессуальное право только лишь ГПК РФ, то, очевидно, наличие так называемых воспроизводящих (дублирующих) норм права в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. Не сложно также отыскать разъясняющие нормы, раскрывающие понятия истца, ответчика, процессуального соучастия, процессуальной правоспособности и дееспособности и т.д. Существуют в процессуальном праве конкретизирующие специальные нормы (например, нормы ч. 2 и 3 ст. 270 АПК РФ, ч. 2 и 3 ст. 330 ГПК РФ, раскрывающие содержание нарушения или неправильного применения норм материального или норм процессуального права как основания для отмены или изменения судебного акта; ст. 138 ГПК РФ, уточняющая право ответчика на предъявление встречного иска, предусмотренного в ст. 137 ГПК РФ и т.д.). Имеются в цивилистическом процессуальном праве и нормы-альтернативы, предусматривающие возможность выбора варианта процессуально значимого поведения. К таким нормам можно отнести, в частности, правила альтернативной территориальной подсудности.

Первоначально нам предстоит ответить на вопрос: все ли из вышеизложенных норм являются специальными? И только впоследствии провести их классификацию по типу функциональной связи с общей нормой. Здесь важно отметить следующее. Во-первых, как было указано в предыдущем параграфе, основанием для выделения специальных норм выступает не только объем их действия (регулируют не род общественного отношения, а вид; регулируют не общественное отношение, а лишь его часть), но и содержание (правило поведения, предписание, набор субъективных прав и юридических обязанностей). С этой точки зрения специальная норма является уже по объему действия и неидентичной общей норме по своему содержанию. В специальной норме сужается объем и изменяется содержание. Анализ вышеуказанных

---

<sup>1</sup> Мельников А.А. Указ. соч. С. 16.

разновидностей правовых норм по обоим критериям очевидно показывает, что воспроизводящие (дублирующие) нормы не могут быть специальными, так как не видоизменяется их содержание. При этом дублирующая норма может быть уже по объему своего действия, но полностью воспроизводить содержание общей нормы. Соответственно, такая норма не содержит элемент «специализации», то есть, используя терминологию С.С. Алексеева, не выполняет отдельную операцию по урегулированию общественного отношения, так как эту операцию выполнила уже общая норма.

Нельзя отнести к специальным и разъясняющие нормы, так как эти нормы не имеют традиционно понимаемого содержания в виде правила поведения или предписания. Данные нормы являются нетипичными и с точки зрения их структуры, в них отсутствует гипотеза и диспозиция. Как отмечает В.А. Рыбаков, такие нормы не содержат ни веления, ни дозволения и сами по себе лишены регулятивного значения<sup>1</sup>. Однако называть такие нормы специальными, как это иногда делается в юридической литературе, нельзя. Иначе это приводит к путанице. Чаще всего такие нормы называют специализированными, подчеркивая их роль и значение в системе права. Разъясняющие нормы представляют собой результат функциональной, а не предметной специализации.

Возникновение специальной нормы происходит на основе предметной специализации. Основной связью между специальной и общей нормой поэтому выступает именно структурная связь, передаваемая им предметом правового регулирования, связь общего и особенного. Данная связь предопределяет специфику функциональной связи общей и специальной нормы. С точки зрения взаимодействия с общей специальная норма может дополнять ее содержание (выполнять функцию дополнения). Как известно, дополнение есть логическая операция с классами, при которой происходит образование универсального класса. Так, дополнение к классу А называется класс не-А ( $A'$ ), который при

---

<sup>1</sup> См.: Рыбаков В.А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3 (36). С. 25.

сложении образует универсальную область<sup>1</sup>. Таким образом, комплексное регулирование определенного вида правоотношения создается за счет общей нормы, закрепляющей единое для всех видов правило, а также ряда норм-дополнений, регламентирующих отдельные части и моменты данного вида правоотношений. Наличие норм-дополнений как специальных норм является общепризнанным. Не является исключением в этом аспекте и цивилистическое процессуальное право. В рамках комплексов процессуальных норм часто встречаются нормы-дополнения. Так, например, ч. 1 ст. 39 ГПК РФ предусматривает права сторон на изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение размера исковых требований, отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения. Данное правило дополняется ч. 3 данной статьи, согласно которой при реализации некоторых процессуальных прав возобновляется срок рассмотрения дела. В ч. 1 ст. 40 ГПК РФ установлено правило процессуального соучастия. А в ч. 3 данной статьи дополнение к нему об участии каждого из соучастников самостоятельно либо ведение дела одним из соучастников в интересах всех по поручению последних.

Общая и специальная дополняющая норма могут располагаться в одной статье или части статьи закона (например, ч. 1 и 3 ст. 127 АПК РФ, ч. 1 и 2 ст. 128 АПК РФ, ст. 137 ГПК РФ). Общая норма и норма-дополнение могут располагаться в разных статьях (например, ст. 141 и 142 ГПК РФ).

Специфика взаимодействия общей и специальной дополняющей нормы цивилистического процессуального права проявляется в том, что, во-первых, *в одном комплексе норм имеются несколько дополняющих норм (в силу необходимости наиболее полного урегулирования процессуальных действий)*. Во-вторых, *имеется так называемое повторное дополнение, при котором дополненное правило подвергается вторичному и последующим дополнениям (это связано как с ранее указанной необходимостью детального урегулирования, так и со спецификой метода правового регулирования, конструирования правовых норм*

---

<sup>1</sup> См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 1999, С. 61.

на основе предписаний). Вопросы совершения конкретных действий в силу своего процессуального характера часто связаны с необходимостью регламентации ряда пограничных вопросов оформления данных действий, правовых последствий их совершения или не совершения. В силу своей формализованности и структурированности цивилистический процесс требует определить место конкретного процессуального действия в системе иных процессуальных действий, взаимообусловленность процессуальных действий, сроки их совершения. Ю.А. Попова отмечает, что «именно строгая формализованность судопроизводства и установленные процессуальные гарантии ее обеспечения составляют сущность такой основной и исключительной функции судебной власти, как правосудие»<sup>1</sup>. В процессе часто одним процессуальным действием заканчивается один этап процесса и начинается другой. Например, принятием искового заявления к рассмотрению заканчивается этап возбуждения производства и начинается этап подготовки дела к судебному разбирательству. Взаимосвязь и взаимопереходы одних процессуальных действий в другие, одного этапа процесса в другой обусловлен единством цивилистического процесса. Данное обстоятельство отражается и в законодательстве. Так, например, в силу ч. 4 ст. 127 АПК РФ в определении о принятии заявления к рассмотрению указывается на подготовку дела к судебному разбирательству, действия, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, сроки их совершения. Согласно ч. 1 ст. 137 АПК РФ судья, признав дело подготовленным, выносит определение о назначении дела к судебному разбирательству.

Структурированность и единство цивилистическому процессу на элементарном уровне придает то, что юридическим фактом промежуточного характера здесь выступают сами же процессуальные действия или их отсутствие. То есть закон связывает совершение или несвершение отдельных процессуальных действий с иными процессуальными действиями (или их

---

<sup>1</sup> Попова Ю.А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функции правосудия (ретроспективный аспект) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 30.

отсутствием)<sup>1</sup>. Так, например, для оставления заявления без рассмотрения по абзацу восьмому ст. 222 ГПК РФ требуется юридический состав из совершенных и несовершенных процессуальных действий (первичная неявка истца, повторная неявка истца, надлежащее извещение истца, отсутствие ходатайства истца о рассмотрении дела в его отсутствие, отсутствие ходатайства ответчика о рассмотрении дела в отсутствии истца). Заявление о фальсификации доказательства в арбитражном процессе является юридическим фактом для совершения последующих процессуальных действий, указанных в ч. 1 ст. 161 АПК РФ.

Наличие подобного рода взаимосвязи, при которых одни процессуальные действия являются юридическим фактом других (взаимосвязь причины и следствия), необходимо учитывать при конструировании специальных процессуальных норм. Отсутствие специализации и дополняющих процессуальных норм может сделать процессуальные средства, обеспечивающие принятие правильного решения, неэффективными. Например, в отличие от арбитражного процесса, в котором заявление о фальсификации доказательства необходимо ведет к его проверке, в гражданском процессе проверка подложности доказательства является правом, а не обязанностью суда. Согласно ст. 186 ГПК РФ в случае заявления о том, что имеющееся в деле доказательство является подложным, суд может для проверки этого заявления назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства. Данное обстоятельство на практике приводит к малой эффективности заявления о подложности доказательства как процессуального средства, обеспечивающего правильное рассмотрение спора. Чтобы устранить указанную проблему требуется сложное систематическое толкование, направленное на выработку дополняющих правоположений. Конституционный Суд РФ в п. 2 Определения N 3016-О<sup>2</sup> указал,

---

<sup>1</sup> См. подробнее: *Ярков В.В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 184 с.

<sup>2</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 N 3016-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бараненко Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав статьей 186 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.



что наделение суда правом проверки заявления о подложности доказательства не предполагает произвольного его применения, поскольку при наличии у суда обоснованных сомнений в подлинности доказательства он обязан принять меры, предусмотренные ст. 186 ГПК РФ.

Очевидно, чтобы избежать подобных толкований и обеспечить эффективность процессуальных действий и мер, следует дополнить ст. 186 ГПК РФ правилами о проверке заявления о подложности по типу ст. 161 АПК РФ, добавив право суда отказать в проверке заявления о подложности доказательства в случае, если обстоятельство, подтверждаемое или опровергаемое данным доказательством, подтверждается или опровергается иными доказательствами, имеющимися в материалах дела, а само заявление не содержит обоснование подложности соответствующего доказательства и направлено на затягивание процесса. Таким образом, вышеизложенная взаимосвязь процессуальных действий (при которой одни действия выступают юридическими фактами других), а также необходимость урегулирования дополнительных процессуально-правовых вопросов создает *объективную основу для наличия в комплексе процессуальных норм несколько процессуальных норм-дополнений, а также «повторное» дополнение.* В большинстве случаев это учитывается и на законодательном уровне. В ст. 129 АПК РФ, помимо оснований для возвращения искового заявления, дополнительно регулируются вопросы оформления данного процессуального действия определением (ч. 2). Затем данная норма дополняется нормой о необходимости направления определения заявителю вместе с заявлением и прилагаемыми документами (ч. 3), нормой о процессуально-правовых последствиях его принятия (ч. 6), а также нормами о возможности обжалования данного определения (ч. 4), процессуально-правовых последствий его отмены (ч. 5). Аналогичные примеры можно привести и в ГПК РФ (ст. 133, 134, 135 и др.); КАС РФ (ст. 128, 129, 130 и др.).

По характеру функциональная связь между общей и специальной дополняющей нормой является связью *координации*, которая предполагает

взаимное функциональное действие общей и специальной нормы как однопорядковых элементов права, их совместную реализацию.

В науке дискуссионным остается вопрос о месте конкретизирующих норм в системе права. Большинство исследователей относят данные нормы к специальным. Так, например, О.В. Баулин, указывая на необходимость таких норм лишь при наличии отсылки, относит данные нормы к специальным. При этом конкретизирующая норма не содержит новое правило, а лишь уточняет правило общей нормы<sup>1</sup>. Г.Г. Шмелева разводит такие понятия как дополнение и конкретизация. «Дополнение и конкретизация, - пишет она, - являясь способами производного правотворчества, опосредуют развитие права. Однако такое развитие происходит с помощью различных логических механизмов и в различных направлениях: конкретизация предполагает развитие основной нормы вглубь; при дополнении же правовое регулирование, опирающееся на исходную норму, развивается вширь. Указанные способы различаются также их непосредственными целями в правотворчестве: цель правотворческой конкретизации является повышение точности и определенности правовой регламентации общественных отношений, целью же дополнительного правотворчества - достижение полноты правовой регламентации последних»<sup>2</sup>. Нам представляется, что конкретизирующие нормы с точки зрения функциональной связи с общей нормой есть разновидность специальной нормы-дополнения. Данный вывод следует, во-первых, из невозможности рассматривать сложные социальные явления (такие как нормы права) лишь через призму формальной логики (а точнее, через отдельные ее разделы - логические операции с понятиями). Реальные взаимоотношения и взаимодействия системных явлений зачастую выходят за грани формальной логики. Во-вторых, сама Г.Г. Шмелева указывает, что в основе конкретизации лежит логическая операция ограничения понятия, которая приводит к тому, что конкретизирующая норма уже по объему,

---

<sup>1</sup> См.: Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве... С. 44.

<sup>2</sup> Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988. С. 38.

но шире по содержанию<sup>1</sup>. Иными словами, конкретизирующая норма дополняется видовыми признаками родового понятия. Соответственно, с содержательной точки зрения конкретизация есть один из видов дополнения, а именно, дополнение понятия видовыми признаками. В данном случае нельзя согласиться с мнением О.В. Баулина о ненужности конкретизации. В действительности конкретизация в праве выполняет очень важную роль уточнения общих норм, понижения их абстрактности.

Функциональная связь координации между общими дополняющими нормами также может быть различной. Во-первых, данная связь может требовать последовательную реализацию общей и специальных норм, например, когда специальная норма дополняет общую правовыми последствиями совершения или несовершения процессуального действия, порядком оформления процессуальных решений (*нормы-дополнения*). Таких норм в цивилистическом процессуальном праве большинство (например, ст. 133; ч. 3 ст. 134; ч. 2, 3 ст. 135 ГПК РФ и другие). Во-вторых, связь координации может также предполагать параллельную реализацию специальных норм. Такая связь проявляется между общей и специальной конкретизирующей нормой (например, ч. 1 и 3 ст. 140 ГПК РФ).

Другой разновидностью специальных цивилистических процессуальных норм являются нормы-исключения. Последние предполагают установление таких правил или предписаний, которые исключают применение общей нормы. С точки зрения содержания общая норма и норма-исключение не совпадают. Как справедливо отмечает О.В. Баулин, исключительными следует считать нормы, заменяющие либо отменяющие действие общих норм. Они всегда конкурируют с общими нормами и обычно применяются вместо них. Исключительные нормы, как правило, сужают сферу действия общих норм, препятствуют применению общих норм к определенным отношениям, складывающимся при разбирательстве дел какой-либо материально-правовой природы<sup>2</sup>. Поддерживая в целом вышеизложенную характеристику норм-исключений, следует добавить, что

---

<sup>1</sup> См: Там же. С. 32.

<sup>2</sup> См.: Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве... С.37.

исключительные нормы не следует отождествлять лишь с порядком рассмотрения отдельных категорий дел. «Норма-исключение, - пишет С.Ю. Суменков, - специальное общеобязательное государственно-властное веление, содержащее отличный от общего правила вариант регулирования, отличающееся особой терминологией и находящее свое внешнее выражение в юридически значимых формах»<sup>1</sup>. Как в общей теории права, так и в гражданском процессуальном праве нет четкой классификации норм-исключений<sup>2</sup>. Это приводит к тому, что, наряду с нормами-исключениями, рассматриваются также и исключительные нормы, нормы-альтернативы и т.д. Так, например, С.Ю. Суменков указывает, что основанием выделения норм-исключений служит не объем и не сфера действия, а совершенно иной критерий: закрепление в норме иного (по сравнению с общим правилом) варианта регуляции; причем такого варианта, который не просто альтернативен правилу, но и заменяет собой последнее, предлагая, хотя и опирающуюся на правило, но отличную от него вариацию регулирования правом общественных отношений<sup>3</sup>. Однако норме-исключению как специальной норме присущи все признаки родового понятия, в том числе и более узкий объем действия. Основанием же выделения нормы-исключения в ряде специальных норм действительно служит специфика функциональной взаимосвязи общей нормы и нормы-исключения. Такая связь строится на отношении *субординации*, предполагающем наличие конкуренции и применение специального правила вместо общего. Нормы-исключения не являются редкостью в цивилистическом процессуальном законодательстве. Они распространены как в Общей, так и в Особенной его частях. Так, например, согласно общему правилу ст. 24 ГПК РФ гражданские дела, подведомственные судам общей юрисдикции, за исключением предусмотренных ст. 23, 25, 26 и 27, рассматриваются районными судами в качестве суда первой инстанции. Соответственно, правила подсудности дел

---

<sup>1</sup> Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ... С. 245.

<sup>2</sup> Об исключениях в гражданском процессуальном праве см.: Исаенков А.А., Исаенкова О.В. Исключения в российском гражданском судопроизводстве // Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. Выпуск 3. Гродно, 2018. С. 288-300.

<sup>3</sup> См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ... С. 236.

мировым судьям, военным и иным специализированным судам, судам субъектов РФ и Верховному Суду РФ составляют нормы-исключения из общего правила.

С точки зрения законодательной техники на норму-исключение может указывать отсылка или оговорка, изложенная в общей норме. Таким образом законодатель устанавливает *прямую субординационную связь*, указав в общей норме на наличие специальной. Подобного рода отсылки и оговорки выражаются, как правило, в общей норме. В приведенном выше примере в ст. 24 ГПК РФ имеется прямая отсылка к специальным нормам. Прямая отсылка содержится также в ч. 4 ст. 7 ГПК РФ, устанавливающей коллегиальное рассмотрение дела в судах апелляционной инстанции, за исключением рассмотрения дел районным судом в качестве суда апелляционной инстанции и рассмотрения апелляционной жалобы на решение суда, принятое в упрощенном порядке. Оговорка предполагает применение исключаящей нормы совместно с общей. Согласно ч. 8 ст. 10 ГПК РФ решения судов объявляются публично, за исключением случаев, если такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних. Следует отметить, что исключения в рамках комплексов правовых норм могут устанавливаться как непосредственно к общей, так и к дополняющей норме. В ч. 8 ст. 10 ГПК РФ исключение закреплено не к общей норме об открытом разбирательстве дел (ч.1), а к дополняющей норме о публичном оглашении решения.

Нормы-исключения могут устанавливаться без оговорок и отсылок, а в результате казуистического изложения гипотезы. В ч. 2 ст. 39 ГПК РФ установлено, что суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Гипотеза специальной нормы-исключения может быть также частично определенной. Согласно ч. 2 ст. 10 ГПК РФ разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом. Данной нормой

устанавливается исключение из общего правила об открытом разбирательстве дела, но гипотеза специальной нормы определена частично указанием на соответствующие случаи закрытого судебного заседания, а также имеет неопределенную отсылку к иным возможным случаям, составляющим условия применения исключительного правила.

Как видно из вышеизложенного, нормы-исключения отличаются друг от друга, но такое отличие является формальным, так как основано на использовании различных приемов юридической техники. Вместе с тем, между специальными нормами-исключениями имеются и более существенные различия. Субординационная связь между ними может быть выражена *жестко или мягко*. К разновидности специальных норм-исключений, связанных с общей нормой жесткой субординационной связью, относятся *нормы-изъятия*, устанавливающие специальные правила, которые при наличии указанных условий должны применяться вместо общего предписания в обязательном порядке. Примером могут выступать правила исключительной подсудности, установленные в ст. 30 ГПК РФ. В указанных в данной статье случаях применяются только изложенные в ней правила подсудности, исключая применение правил общей территориальной подсудности.

Здесь стоит отметить, что исключительное правило всегда имеет прямую (исключение к общей норме) или косвенную (исключение к дополнительной норме) функциональную связь с общей нормой. Такая связь с точки зрения формы может очевидно не прослеживаться. То есть общая норма может располагаться в другой статье нормативного правового акта. Данную связь необходимо устанавливать при применении и толковании нормы-изъятия, помня то обстоятельство, что по общему правилу норма-исключение есть специальная норма по отношению к общей норме, следовательно, может применяться только вместо общей нормы, с которой имеется функциональная взаимосвязь субординации. То есть исключительные нормы ст. 30 ГПК РФ имеют функциональную взаимосвязь с общей нормой ст. 28 ГПК РФ. Следовательно, данная норма не может применяться, например, вместо ст. 22.1. ГПК РФ,

устанавливающей дела, которые могут быть переданы на рассмотрение в третейский суд. Неправильное определение функциональных связей может привести к практическим ошибкам.

*Мягкая форма субординационной связи* общей и специальной нормы-исключения проявляется в *нормах-альтернативах*. В отличие от норм-изъятий нормы-альтернативы не предусматривают безусловное сужение действия общей нормы за счет исключения ее содержания. Однако нормы-альтернативы, наряду с нормами-изъятиями, следует отнести к специальным нормам-исключениям, так как последние основаны на субординационной взаимосвязи между общей и специальной нормами. Нормы-альтернативы предполагают наличие внешнего волевого признака для реализации специальной нормы вместо общей. При этом по содержанию норма-альтернатива также предполагает установление иного правила, нежели содержащегося в общей норме. Традиционным примером альтернативных норм являются правила о подсудности по выбору истца. Данные правила, во-первых, исключают одновременную реализацию общей нормы о подсудности, во-вторых, содержат иное правило, не совпадающее правило общей нормы, в-третьих, применяются не в силу прямого указания закона, а в соответствии с волеизъявлением субъекта реализации. Альтернативные нормы следует отличать от дозволительных предписаний, поскольку нормы-альтернативы есть специальные нормы, связанные функциональной взаимосвязью с общими. Дозволительные предписания могут быть как общими, так и специальными. Не являются, например, альтернативной нормой правило ч. 1 ст. 3 ГПК РФ (право на обращение в суд); ч. 1 ст. 39 ГПК РФ (право на изменение предмета или основания иска), ч. 1 ст. 42 ГПК РФ (право на вступление третьего лица) и т.д. Поскольку альтернативная норма является разновидностью специальной исключительной нормы, постольку волевой признак определяет лишь характер субординационной взаимосвязи, возникающей между общей и специальной нормой. При дозволительных нормах основной акцент смещается в установление права, а не обязанности уполномоченного лица, реализовать содержание данной нормы. Функциональная взаимосвязь общей и специальной

нормы при этом не имеет значения. Отсюда следует сделать вывод, что специальная норма-альтернатива представляет собой особую разновидность процессуальной дозволительной нормы.

Резюмируя вышеизложенное, следует указать, что классификация специальных норм возможна по различным основаниям: по институтам процессуального права; по расположению в нормативно-правовых актах; по расположению в одной или различных статьях нормативно-правовых актов; по месту в правовом комплексе и т.д. Но наиболее значимой, на наш взгляд, выступает классификация специальных норм по характеру функциональной взаимосвязи с общей нормой. *Специальные нормы в силу такой классификации могут быть дополняющими (координационная функциональная взаимосвязь с общей нормой) и исключаящими (субординационная функциональная взаимосвязь с общей нормой). В зависимости от специфики типа функциональной взаимосвязи дополняющие нормы разделяются на конкретизирующие (параллельная реализация) и нормы-дополнения (последовательная реализация). Исключаящие нормы составляют нормы-изъятия (жесткая субординация в силу прямого указания в законе) и нормы-альтернативы (мягкая субординация, основанная на внешнем волевом моменте).*

### **§3. Толкование как форма специализации цивилистического процессуального права**

«Толкование есть изъяснение содержания права»<sup>1</sup>, - писал Б. Виндшейд. Вопросам толкования права в юридической литературе традиционно уделяется достаточно пристальное внимание. Под толкованием, как правило, понимается деятельность по уяснению и разъяснению смысла и содержания правовых норм. Вместе с тем, проблему толкования права нельзя назвать полностью изученной. В теории толкования имеется достаточное количество пробелов и противоречий.

---

<sup>1</sup> Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. I. Общая часть / пер. с нем., под ред. С.В. Пахмана. СПб., 1874, С. 47.



Однако задачей настоящего параграфа не является раскрытие сути и смысла толкования права, рассмотрение методов и средств толкования и т.д. Целью же настоящего исследования выступает обоснование того, что толкование как разновидность правовой деятельности уполномоченных субъектов выступает формой специализации цивилистического процессуального права. Для большей наглядности здесь следует соотнести объективированные результаты толкования с теми признаками специализации, которые мы ранее выявили (регулирование единого рода отношений (или их части); различный объем регулирования; несовпадение содержания). С методологической точки зрения соотнесению подлежат толкуемая норма процессуального права, с одной стороны, и результат толкования, - с другой. Таким образом, парность, показанная ранее на примере общей и специальной норм, в толковании проявляется во взаимосвязи толкуемой нормы и результата толкования, соответствующего или несоответствующего признакам специализации. Несмотря на простоту поставленной задачи, ее разрешение требует не только обобщения правоинтерпретационной практики, но и рассмотрение некоторых теоретических вопросов, которые в доктрине не имеют однозначного ответа.

В юридической литературе довольно часто толкование рассматривают не как относительно самостоятельную деятельность, а включают ее в правотворческую<sup>1</sup> или чаще в правоприменительную деятельность. Как отмечает А.Ф. Черданцев: «Толкование обслуживает почти весь механизм правового регулирования. Служебная роль толкования обусловлена тем, что все правовые связи, формы воздействия на общественные отношения опосредствуются языком как всеобщей формой общения, языковой письменной и устной речью, которая нуждается в уяснении, а зачастую и в разъяснении»<sup>2</sup>. С.И. Вершинина в качестве одной из основных особенностей толкования называет его связь с «неизбежностью реализации нормы права». «Разъяснение, - пишет автор, - не преследующее цели реализации права, не вызывает правовых последствий и не

---

<sup>1</sup> См., напр.: Голубева Л.А. Толкование права в законотворческом процессе // Журнал правовых и экономических исследований. 2013. № 2. С. 44-47.

<sup>2</sup> Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 108.

может рассматриваться как правовая деятельность»<sup>1</sup>. Бесспорно, толкование достаточно часто используется в правотворчестве и имеет тесную связь с правоприменением. Однако оно не поглощается правотворческой и правоприменительной деятельностью. Зачастую при толковании имеют значение вопросы не только юридического, но и политического характера. Как справедливо отмечает М.Л. Гальперин: «Вопросы толкования уже давно не являются техническими вопросами, решение которых можно всецело оставить нашей юридической интуиции»<sup>2</sup>. Поэтому при рассмотрении толкования как формы специализации мы будем иметь в виду, во-первых, официальное толкование, которое осуществляется уполномоченными на то субъектами. Во-вторых, нормативное (или абстрактное) толкование, которое дается специально уполномоченными органами не применительно к конкретной разрешаемой ситуации, носит обязательный характер и обладает признаком повторяемости. Указанное нами толкование нельзя отождествить ни с правотворчеством, ни с правоприменением. Оно представляет собой самостоятельный вид правовой деятельности, что также выражается в самостоятельном значении актов официального нормативного толкования<sup>3</sup>. В качестве таких актов, как правило, рассматриваются постановления пленумов высших судов, которые, во-первых, в большинстве случаев абстрактны, т.е. не связаны с фактическими обстоятельствами конкретного дела, во-вторых, обязательны для нижестоящих судов, применяющих толкуемую норму. В некотором смысле официальное нормативное толкование есть «чистая» правоинтерпретационная деятельность, имеющая взаимосвязи как с правотворчеством, так и с правоприменением, но не поглощаемая ими.

Определившись с видом правоинтерпретационной деятельности и его соотношением с иными видами правовой деятельности, необходимо перейти к

---

<sup>1</sup> *Вершинина С.И.* К вопросу о толковании норм права // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2 (2). С. 37

<sup>2</sup> *Гальперин М.Л.* Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 12. С. 182.

<sup>3</sup> См., напр.: *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 60-105.

обоснованию ответа на основной вопрос о возможности специализации цивилистического процессуального права в форме его официального нормативного толкования. Однако в юридической литературе наблюдается некий познавательный разнобой в вопросе о результатах толкования вообще и результатах официального нормативного толкования в частности. Так, Е.В. Васьковский отмечал, что толкование норм в отличие от толкования литературных произведений не может останавливаться на определении непосредственного смысла норм, а должно обнаруживать их скрытое содержание. Автор выделял два вида толкования: изъяснение (или толкование в узком смысле слова) и логическое развитие. Изъяснение в зависимости от применяемых средств познания распадается на два этапа: словесное (раскрывается буквальный смысл) и реальное (раскрывается действительный смысл) толкование<sup>1</sup>. В качестве результата словесного толкования автор указывает на ясность или неясность словесного смысла толкуемой нормы. Результатом словесного толкования выступает полное подтверждение словесного толкования, нечеткое, но вероятностное подтверждение словесного толкования, установление несоответствия словесного толкования действительному смыслу толкуемой нормы<sup>2</sup>. Из изложенного видно, что автор рассматривает толкование в большей мере как мыслительный процесс, направленный на установление действительного смысла толкуемой нормы. Соответственно результатом этапа толкования является некая совокупность знаний о толкуемой норме, ее смысле. Однако не вполне ясно как эти знания получают внешнюю объективацию, как они соотносятся с содержанием самой толкуемой нормы и какое место занимают в механизме правового регулирования. А.С. Пиголкин толкование рассматривает с двух сторон. Во-первых, уяснение как познавательная деятельность субъектов толкования, направленная на установление общенародной воли, заложенной в толкуемой норме. Во-вторых, разъяснение как деятельность уполномоченных

---

<sup>1</sup> См.: *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Ч. I. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 26, 29.

<sup>2</sup> См.: там же. С. 59, 173.

органов, получающее внешнее оформление<sup>1</sup>. Рассматривая официальное нормативное толкование как разновидность праворазъяснительной деятельности, А.С. Пиголкин указывает на нормативные разъяснения как результат такой деятельности. «Нормативные разъяснения, - отмечает автор, - обычно оформляются в специальном акте, но не содержат в себе новых, самостоятельных правовых норм. Они являются неотделимой составной частью толкуемой правовой нормы и содержат лишь такие положения, которые уточняют и конкретизируют предписания, сформулированные в нормативном акте»<sup>2</sup>. Согласно позиции А.С. Пиголкина нормативные разъяснения не имеют самостоятельного значения, они реализуются только совместно с толкуемой нормой, объясняют и уточняют ее смысл и являются неотъемлемой частью толкуемой нормы<sup>3</sup>. Однако такая позиция не позволяет провести намеченное нами сопоставление содержания результата толкования и толкуемой процессуальной нормы, так как первый выступает частью второй.

Исследованию официального толкования норм права посвящена одноименная работа Н.Н. Вопленко. Результаты официального толкования автор называет по-разному: официальные разъяснения, правоположения, организационно-вспомогательные правила, интерпретационные правила<sup>4</sup>. Н.Н. Вопленко справедливо возражает против рассмотрения разъяснений, содержащихся в акте официального толкования, в качестве неотъемлемой части толкуемой нормы. «Самостоятельность правоположений, созданных в результате толкования, - пишет он, - подтверждается также характером самих актов официального толкования как реально существующей, качественно обособленной системы вспомогательных правовых актов»<sup>5</sup>. Н.Н. Вопленко разводит результаты толкования и толкуемые нормы, прежде всего, по форме их выражения. Если первые получают свое внешнее выражение в актах официального толкования,

---

<sup>1</sup> См.: *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 8, 37, 118.

<sup>2</sup> Там же. С. 121.

<sup>3</sup> См.: там же. С. 121-124.

<sup>4</sup> См.: *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование норм права... С. 30, 31, 34.

<sup>5</sup> Там же. С. 31.

имеющих вспомогательный характер, то вторые, - в нормативно правовых актах. Содержание официальных разъяснений составляют правила понимания и реализации права в юридической практике. Из этого автор заключает, что «конкретизируя, уточняя веления правовых норм, интерпретационные правила тем самым организуют наиболее правильный в соответствии со смыслом норм процесс реализации действующего законодательства. И в этой связи их следует называть организационно-вспомогательными»<sup>1</sup>. А.Ф. Черданцев отмечает, что «результат толкования находит выражение в разных логико-семантических формах: суждениях о содержании норм права, оценках и интерпретационных нормах. В суждениях может найти отражение любой содержательный элемент нормы права. Оценки (оценочные суждения) являются одновременно результатом толкования и квалификации, поэтому в них также отражается содержание норм права»<sup>2</sup>. Особой оригинальностью отличается вывод автора о возникновении в результате толкования интерпретационных норм, которые бывают двух видов: регулятивные интерпретационные нормы и интерпретационные нормы о нормах<sup>3</sup>. Ссылаясь на нормативную логику, автор указывает на возможность выведения более конкретных правил из более общей, абстрактной интерпретируемой нормы. Такие нормы А.Ф. Черданцев предлагает называть интерпретационными нормами. «Интерпретационные нормы, - отмечает автор, - содержатся также в актах нормативного толкования, издаваемых органами, на то уполномоченными. Семантически интерпретационные нормы, содержащиеся в указанных актах, могут облекаться в форму: повествовательных, описательных, утвердительных или отрицательных предложений; юридических оценок тех или иных фактов, обстоятельств, их признаков и т.п.; прямых нормативных предписаний о том, как следует понимать ту или иную норму права, наконец, в виде более конкретных норм, указывающих непосредственно на права и обязанности субъектов применительно к более конкретным обстоятельствам, в общем охватываемым

---

<sup>1</sup> Там же. С. 34-35.

<sup>2</sup> Черданцев А.Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 29.

<sup>3</sup> См.: там же. С. 29.

толкуемой нормой»<sup>1</sup>. Таким образом А.Ф. Черданцев указывает на возможность конструирования в результате толкования интерпретационных конкретизирующих норм, логически вытекающих из абстрактной толкуемой нормы. Эти нормы появляются именно в результате толкования, а не в результате правотворчества.

Проведенный краткий анализ исследований результатов толкования права и их соотношения с толкуемыми нормами показывает отсутствие единого понимания такого соотношения. Одни авторы склонны к отождествлению результата толкования и толкуемой нормы, поглощению последней результата толкования, другие - наделяют результат толкования относительной самостоятельностью и нормативным характером. Не дает внятного ответа на этот вопрос и действующее законодательство. Так, например, в соответствии с п. 1 ч. 7 ст. 2, п. 1 ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»<sup>2</sup> ВС РФ в лице Пленума дает *разъяснения* по вопросам судебной практики. Это же положение закона дублируется и в п.п. 1; 3.1 Регламента ВС РФ<sup>3</sup>. Однако если обратиться к ч. 4 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»<sup>4</sup>, то КС РФ дает не разъяснения, а *толкование* Конституции РФ.

Очевидно, что термин «толкование» не может быть принят для определения результата толкования, так как определяет одноименный процесс. Термин «разъяснение» также является неточным для определения результата толкования, не позволяет в полной мере соотнести результат толкования и толкуемую процессуальную норму. Данный термин более выражает суть соответствующей стадии интерпретационной деятельности, логическую операцию, лежащую в ее основе. В этом случае остается неясной взаимосвязь между разъяснением и толкуемой нормой.

---

<sup>1</sup> Черданцев А.Ф. Толкование права и договора... С. 269-270.

<sup>2</sup> Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. N 6. Ст. 550.

<sup>3</sup> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.08.2014 № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8386/> (дата обращения: 17.09.2018).

<sup>4</sup> Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. N 13. Ст. 1447.

Исходя из вышеизложенных мнений и подходов, нам представляется, что результат официального нормативного толкования, с одной стороны, нельзя отождествлять с толкуемой нормой. Он является следствием самостоятельной деятельности, не поглощаемой ни правотворчеством, ни правоприменением. Толкование как правовая деятельность имеет свои способы и методы осуществления, свою логически выстроенную процедуру (если говорить об официальном толковании) и пределы осуществления. Поэтому результаты такой деятельности, имеющей самостоятельное значение в механизме правового регулирования, не могут поглощаться иными видами правовой деятельности. Неслучайно тезис о том, что результат толкования является частью толкуемой нормы подвергся справедливой критике<sup>1</sup>. Результаты нормативного официального толкования имеют свое оформление в виде актов толкования, которые довольно часто подвергаются изменению и корректировке, исходя из потребностей юридической практики. Как справедливо отмечает А.Ф. Черданцев, критерием правильности и истинности результата толкования не может выступать воля государства, воля народа, содержание или смысл толкуемой нормы, таким критерием является практика, в том числе юридическая практика<sup>2</sup>. Поэтому для нас очевидно, что результат толкования может претерпевать изменения под воздействием не только изменения содержания толкуемых норм, это бесспорно, но и под воздействием иных внешних условий реализации толкуемых процессуальных норм, влияющих на юридическую практику. Данный вывод не означает, что содержание и смысл правовых норм может меняться интерпретатором самовольно. Но такие содержание и смысл с очевидностью требуют уточнения при изменении внешних условий применения нормы, в частности, преобразовании регулируемых общественных отношений, появлении новой группы общественных отношений, подпадающих под действие толкуемой нормы. Дополнительные разъяснения требуются также и при изменении иных норм права, регулирующих смежные отношения. Появляющиеся системные связи

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 355; *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование норм права... С. 31 и др.

<sup>2</sup> См.: *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора... С. 273-274.

истолкованных и новых норм не могут не влиять на содержание результата толкования. Поэтому толкование придает абстрактной нормативной системе некую гибкость, позволяет оперативно воздействовать на возникающие правоотношения, выявлять, уточнять смысл и содержание реализуемых норм применительно к различным, в том числе редко встречающимся на практике жизненным ситуациям.

С другой стороны, результаты толкования тесно связаны с самой толкуемой нормой, которая является основой и объектом толкования. Поэтому в результате толкования не могут образовываться правовые нормы, имеющие самостоятельное существование и значение. Нормативность результатам толкования придается самими толкуемыми нормами права. Несмотря на творческий характер правоинтерпретационной деятельности, такое творчество имеет четко установленные пределы и цели, не связанные с созданием самостоятельных правовых норм.

Таким образом, результаты толкования взаимосвязаны, с одной стороны, с толкуемой процессуальной нормой, содержание которой устанавливает объективные пределы толкования, с другой, - процессуальными отношениями как предметом правового регулирования, с третьей, - с юридической практикой, являющейся критерием оценки результатов толкования. Вышеизложенное позволяет указать на самостоятельное значение результатов официального нормативного толкования. Содержание постановлений пленумов высших судов имеют важное значение для правотворчества. Нередко положения постановлений пленумов получают дальнейшее закрепление в действующем законодательстве. Так, например, правило ч. 5.1 ст. 110 АПК РФ в отношении возмещения судебных издержек третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, заимствовано из п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 4.



Результаты абстрактного судебного толкования выражаются, как правило, в постановлениях пленумов высших судов, постановлениях Конституционного Суда РФ. Однако не исключено, что такие результаты могут быть сформулированы и в обзорах практики, утвержденных ВС РФ. В последнем случае высший суд на основе прямого анализа и обобщения судебной практики формулирует некое универсальное правило. Например, в ч. 3 ст. 391.5 и ч. 3 ст. 390.7 ГПК РФ содержится правило о том, что время рассмотрения надзорной или кассационной жалобы в Верховном Суде РФ не учитывается при исчислении срока реализации дискреционных полномочий Председателя ВС РФ, его заместителя по отмене определения судьи ВС РФ об отказе в передаче указанных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной или суда надзорной инстанции. Однако данное правило первоначально было сформулировано в судебной практике.

Результат толкования, имеющий некоторое самостоятельное значение, именуется в правоведении правоположением. Рассматривая данную конструкцию, В.В. Лазарев указывал, что основными источниками правоположений выступает толкование и конкретизация права<sup>1</sup>. Автор отмечает неоднородность правоположений в зависимости от своей цели и выделяет «праворазъяснительные положения, которые или содержат развернутую интерпретацию нормы на основе использования всей совокупности приемов толкования, или более полно «высвечивают» один из аспектов государственной воли, выраженной в норме; правоконкретизирующие положения, чья цель, не выходя за рамки закона, развить, детализировать, углубить содержание правовых предписаний; правоположения по преодолению пробелов в праве»<sup>2</sup>. Анализируя виды правоположений, несложно заметить, что первые два вида, выделенные В.В. Лазаревым, сходны с логико-семантическими формами результатов толкования, предложенными А.Ф. Черданцевым. По сути, исследователи говорят об одних и

---

<sup>1</sup> См.: Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 10.

<sup>2</sup> Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия... С. 8.

тех же явлениях правовой действительности, облакая их в разные языковые формы (следует учитывать, что В.В. Лазарев разделял толкование как разъяснение и конкретизацию, придавая последней более широкое значение). Вышеизложенные виды правоположений имеют и общие признаки: их поднормативность, общий характер, реальное, относительно самостоятельное действие<sup>1</sup>. Термин «правоположение», на наш взгляд, наиболее приемлем для наименования результата абстрактного толкования нормы процессуального права. С одной стороны, он показывает относительную самостоятельность результата толкования, с другой, - не создает дублирования наименований, как это происходит при использовании терминов «нормативные разъяснения», «интерпретационные нормы» и т.д. Не вдаваясь в дискуссии и тонкости, в рамках настоящего исследования результаты толкования будем именовать правоположениями. Это соотносится с вышеизложенным тезисом о непоглощении толкуемой нормой результата толкования и относительной самостоятельности последнего, его важном значении в механизме правового воздействия. Тем более что сам термин «правоположение» уже используется некоторыми авторами при рассмотрении позиций высших судов<sup>2</sup>.

Таким образом, в рамках поставленной задачи необходимо соотнести содержание толкуемой процессуальной нормы и соответствующего интерпретационного правоположения. В рамках настоящей работы такое соотнесение проводится путем сопоставления содержания и объема правоположения и нормы права. Оно может быть буквальным, распространительным и ограничительным. Неслучайно вопрос толкования норм права по объему рассматривается авторами в разделе о результатах толкования<sup>3</sup>. Как справедливо отмечает А.Т. Боннер, толкование нормы по объему есть не

---

<sup>1</sup> См.: там же. С. 8.

<sup>2</sup> См., напр.: Гук П.А. Судебный прецедент как источник права / под науч. ред. Н.И. Матузова. Пенза, 2003. С. 129.

<sup>3</sup> См., напр.: Пиголкин С.А. Толкование нормативных актов в СССР... С. 107-117; Черданцев А.Ф. Толкование права и договора... С. 279-290.

способ, а результат толкования<sup>1</sup>. Следует только добавить, что данный результат можно выявить только путем сопоставления объема толкуемой процессуальной нормы и правоположения. А.Ф. Черданцев в этой связи абсолютно правильно заметил, что при определении объема толкования следует сравнивать значение нормы права (сферы ее применения и нормирования), полученное в результате «непосредственного» понимания, с окончательным итогом толкования, установленным в ходе логически последовательного применения всех способов толкования<sup>2</sup>.

При буквальном толковании объем правоположения совпадает с объемом толкуемой нормы. При распространительном толковании объем правоположения шире объема толкуемой нормы. При ограничительном толковании объем правоположения уже объема толкуемой нормы. Таким образом, объем правоположения и толкуемой нормы совпадает далеко не всегда. Потребность в подобном рода толковании осознана достаточно давно. Известно, что законом Валентиниана III от 426 г. (так называемый «закон о цитировании») сочинения Папиниана, Павла, Ульпиана, Модестина и Гая, в том числе и их интерпретациям, выходящим за рамки содержания закона, придавалась юридически обязательная сила. С. Пуфендорф напоминал, что в свое время в Болонье был издан закон, предписывающий «наказывать с величайшей суровостью всякого, кто станет проливать кровь на улицах». Случалось так, что один горожанин упал на улице в приступе болезни. Проходящий мимо врач для спасения жизни пациента вынужден сделать кровопускание. Следование букве закона требовало сурового наказания. Однако поскольку смысл закона разошелся с формой его буквальной интерпретации, врач от ответственности был освобожден<sup>3</sup>.

Распространительное и ограничительное толкование признается многими процессуалистами и теоретиками права, но не все авторы относятся к такому

---

<sup>1</sup> См.: *Боннер А.Т.* Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980. С. 21.

<sup>2</sup> См.: *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора... С. 284.

<sup>3</sup> См.: *Герасимова Н.П.* Историко-правовой анализ интерпретации правовых норм // Проблемы права. 2016. № 1 (55). С. 60.

толкованию положительно. Т.Я. Хабриева, например, отмечает, что «объем толкования традиционно устанавливается относительно текста нормы (буквальное толкование). Последнее является определяющим, и это залог законности и стабильного правопорядка»<sup>1</sup>. Но практика обнаруживает не только случаи распространительного и ограничительного толкования, но его необходимость. Отстаивая допустимость и полезность распространительного и ограничительного толкования, М.А. Гурвич писал, что даже при самом категорическом отрицании судебного правотворчества «невозможно отрицать, что сама жизнь вносит в габариты закона в течение времени новые явления, которые вполне укладываются в содержание нормы и охватываются ее смыслом, хотя и не нашли в ней и не могли найти в схематически абстрактных указаниях при издании закона конкретного выражения»<sup>2</sup>. Современные исследователи предпринимают попытки не только практического, но и теоретического обоснования распространительного и ограничительного толкования, выяснения сути возникающих при таком толковании правоположений. Так, например, Е.Ю. Тихонравов отмечает, что «предписания должного поведения, формируемые в результате обращения к распространительному и рестриктивному толкованию права, не укладываются в содержание действующих юридических норм»<sup>3</sup>. На этом основании автор выдвигает мнение о том, что подобного рода толкование (а вернее, его результаты) представляет собой разновидность созидательной юридической фикции<sup>4</sup>. Не вдаваясь в излишние подробности относительно природы результатов распространительного и ограничительного толкования, укажем, что объем толкуемой нормы может не совпадать с объемом соответствующего правоположения. При этом ошибочным является мнения некоторых авторов о том, что в основе ограничительного и распространительного толкования лежит систематическое толкование общей нормы с учетом положений

---

<sup>1</sup> Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 6. Теория толкования, Теория правотворчества. Концепции развития законодательства. М., 2018. С. 111.

<sup>2</sup> Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 98-99.

<sup>3</sup> Тихонравов Е.Ю. Понятие расширительного и ограничительного толкования права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 1. С. 80.

<sup>4</sup> См.: там же. С. 81, 90.

специальной нормы. Такого мнения придерживается, в частности, А.Ф. Черданцев, который указывает, что «основанием ограничительного толкования является наличие специальной или исключительной нормы, делающей изъятие из более общей нормы. Сфера применения общей нормы в данном случае (исходя из буквального толкования) охватывает и сферы указанных норм. Однако при систематическом толковании сфера общей нормы ограничивается отмеченными нормами»<sup>1</sup>. При действии общей и исключительной процессуальной нормы возникает конкуренция правовых норм, разрешаемая в пользу специальной нормы. Поэтому системное познание и применение норм права, на наш взгляд, не связано с ограничительным толкованием. Применяя вышеуказанный прием преодоления конкуренции, толкование осуществляется буквально. Иллюзия сужения объема толкуемой нормы в данном случае основана не на смысле данной нормы, а на функциональной связи общей и специальной нормы-изъятия. Поэтому интерпретационная деятельность в данном случае основывается только на буквальном толковании общей и специальной нормы, применяя правило преодоления конкуренции норм. Объем толкуемой нормы изначально ограничил сам законодатель содержанием специальной нормы.

При ограничительном и распространительном толковании речь идет об относительно самостоятельном сужении или расширении объема толкуемой нормы интерпретатором в силу необходимости установления действительного смысла данной нормы. Как справедливо отмечает А.С. Пиголкин, толкование нормативных актов по объему сводится к необходимости дать правильное объяснение словесному выражению правовой нормы. В этом случае мы говорим об объеме словесной формулировки правовой нормы. Процесс толкования по объему является логическим продолжением и завершением процесса уяснения норм права, одним из результатов использования всех приемов толкования в их совокупности<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Черданцев А.Ф. Толкование права и договора... С. 287.

<sup>2</sup> См.: Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР... С. 107.

Соотношение толкования права и его специализации в юридической литературе должным образом не проводилось. Исключением является исследование А.Ф. Черданцева, в котором автор указывает на то, что при толковании норм права необходимо учитывать их системность. Последняя же выступает качеством отдельной нормы в силу функциональной специализации права<sup>1</sup>. Однако в юридической литературе довольно детально рассматривается вопрос о соотношении конкретизации права и его толкования. При этом конкретизация зачастую понимается достаточно широко и включает в себя уточнение, дополнение, развитие и иные операции<sup>2</sup>. Ряд авторов (В.В. Лазарев, С.Г. Ткачева, Г.Г. Шмелева) различают толкование и конкретизацию права. С.Г. Ткачева предлагает разграничивать конкретизацию закона как деятельность правотворческих органов по созданию нормы и конкретизацию как логическую операцию, которая распространена в правоприменении. Автор отмечает, что «конкретизация закона только тогда имеет юридическое значение, когда ею порождаются последствия общеобязательного характера. Отсюда следует, что логические суждения доктринального либо иного необязательного значения, будучи логической конкретизацией, не могут рассматриваться как юридически обязательная конкретизация норм права, как установление правоположений, уточняющих или развивающих общий закон»<sup>3</sup>. Позиция С.Г. Ткачевой основана на служебной роли судебного толкования, при котором суды не вправе вносить какие-либо изменений в содержание толкуемого акта. Поэтому суды должны толковать и применять нормы в строгом соответствии с их содержанием<sup>4</sup>. Г.Г. Шмелева называет следующие общие черты конкретизации и официального толкования права: их объективная необходимость для обеспечения эффективного правового регулирования; одинаковая социально-политическая направленность; осуществление компетентными органами; способность служить предпосылками

---

<sup>1</sup> См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора... С. 40.

<sup>2</sup> См., напр.: Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права... С. 25.

<sup>3</sup> Ткачева С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 4-5

<sup>4</sup> См.: там же. С. 10-11.

единообразной реализации правовых норм; единство объекта - нормы права; фиксация результатов в определенной форме и их обязательность<sup>1</sup>. Вместе с тем, она также предлагает разграничивать конкретизацию и толкование. Различие видятся Г.Г. Шмелевой, прежде всего, в целях и функциях рассматриваемых явлений. Если толкование направлено на раскрытие государственной воли и осуществляет гносеологическую функцию без преобразования содержательной сферы толкуемой нормы, то конкретизация направлена на повышение точности и определенности правового регулирования посредством некой модификации содержания правовой нормы. В основе толкования лежит логическая операция определения понятия. Поэтому результат толкования по объему всегда должен быть тождественен толкуемой норме. Конкретизация же осуществляется на основе логической операции ограничения понятия. Результатом толкования являются нормы понимания. Результатом конкретизации - относительно новое правило поведения. Вышеуказанные различия приводят автора к выводу о том, что толкование является предпосылкой конкретизации правовых норм, оно предшествует последней<sup>2</sup>.

В.В. Лазарев также придерживается мнения, что разграничение толкования и конкретизации является достижением юридической науки. «При всей взаимосвязанности толкования и конкретизации права, - пишет он, - последняя ближе к жизненным отношениям, есть «привязка» общего правила к фактическим обстоятельствам посредством дополнительной его разработки»<sup>3</sup>. В.В. Лазарев приходит к выводу о том, что «разъяснение и конкретизация правовых норм в необходимых случаях сопутствуют правоприменению и привносят в правоприменительный акт положения, которые призваны «обслужить» в первую очередь данное юридическое дело»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании... С. 58-59.

<sup>2</sup> См.: Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании... С. 59-61.

<sup>3</sup> Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия ... С. 8.

<sup>4</sup> Там же. С. 9.

Оценивая позиции вышеуказанных авторов, необходимо обратить внимание на некоторую подмену понятий. Практически все изложенные мнения связаны в большей мере с правоприменением, а не с толкованием. В таком случае авторы рассматривают толкование как часть правоприменительной (в том числе судебной) деятельности. Становясь частью правоприменения, толкование не может не «ощущать» на себе влияния цели реализации правовой нормы в конкретной жизненной ситуации, наполненной фактическими обстоятельствами. О правоприменении пишут В.В. Лазарев и С.Г. Ткачева. Правоприменение имеет в виду и Г.Г. Шмелева, т.к. вопрос о соотношении толкования и конкретизации рассматривается в разделе о соотношении конкретизации и правоприменительной деятельности. При этом если рассматривать процесс правоприменения, то становится понятным мнение автора о том, что толкование является предпосылкой конкретизации нормы. Во-вторых, авторами не учитывается то обстоятельство, что результат толкования и толкуемая норма может не совпадать по объему при распространительном и ограничительном толковании. В-третьих, подобное разграничение толкования и конкретизации настолько тонко, что сливается воедино в реальной практической деятельности по применению правовых норм. В этой связи Ю.А. Гаврилова справедливо указывает на то, что в реальной юридической практике нельзя четко отграничить процессы толкования права и его конкретизации<sup>1</sup>.

Другие авторы (А.С. Пиголкин, А.Ф. Черданцев, Ю.А. Гаврилова) придерживаются мнения о тесной взаимосвязи конкретизации и толкования права, их взаимопоглощении. А.Ф. Черданцев рассматривает конкретизацию в качестве основной задачи толкования<sup>2</sup>. А.С. Пиголкин также рассматривает конкретизацию в качестве задачи официального нормативного толкования и связывает конкретизацию, в частности, с распространительным и ограничительным толкованием<sup>3</sup>. Ю.А. Гаврилова считает, что «конкретизация

---

<sup>1</sup> См.: *Гаврилова Ю.А.* Конкретизация правовых норм и толкование по объему // Вестник ВолГУ. Серия 5 2009. Вып. 9. С. 47.

<sup>2</sup> См.: *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора... С. 262.

<sup>3</sup> См.: *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР... С. 17.



смысла и требований нормы – это и цель, и средство толкования, а оно, в свою очередь, является не только методом, но и официальным результатом состоявшейся конкретизации. В рамках отношений взаимосвязи и взаимообусловленности конкретизация рассматривается как универсальный и интегративный способ толкования права по объему (расширительного или ограничительного), и как результат интерпретационного процесса – получение конкретных теоретических и практических знаний о смысле правовых норм через устранение возможных противоречий между этим смыслом, его текстуальным выражением и развитием общественных отношений»<sup>1</sup>. Н.Н. Вопленко считает конкретизацию родовым понятием, означающим «результат правотворческого или правоприменительного процесса, в котором выражаются максимальная определенность и полнота смысла правовых норм, ставших возможными в результате использования средств толкования, детализации, уточнения или развития отдельных элементов норм в целях наиболее точного и полного правового урегулирования»<sup>2</sup>.

Резюмируя указанное выше, нам представляется, что толкование и конкретизация - явления значительно взаимосвязанные, но полностью не поглощаемые друг другом. Так, конкретизация как метод специализации имеет место и в правотворчестве (о чем говорилось выше), и в толковании, и в правоприменении. Поэтому следует согласиться с мнением Н.Н. Вопленко и В.В. Лазарева о более широком значении конкретизации. Толкование, в свою очередь, может быть и не связано с конкретизацией права, но приводит к праворазъяснительным положениям, не имеющим конкретизирующего значения. Поэтому нельзя согласиться с тем, что единственной целью толкования является конкретизация права. По крайней мере, такой вывод в отношении официального нормативного толкования оказался бы ошибочным.

Вышеизложенное позволяет с отраслевой позиции предположить, что одной из форм специализации процессуального права выступает правоинтерпретационная

---

<sup>1</sup> Гаврилова Ю.А. Конкретизация правовых норм и толкование по объему... С. 47

<sup>2</sup> Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права... С. 25.

деятельность в виде официального нормативного толкования. Процессуальные правоположения, возникающие в результате осуществления такой деятельности, подпадают под признаки специальных, которые могут не совпадать с толкуемой нормой по объему и содержанию. Конкретизация же выступает методом специализации права и имеет отношение к толкованию настолько, насколько последнее выступает формой специализации права. Данный вывод требует своего эмпирического подтверждения. Анализ практики толкования норм процессуального права поможет также установить виды функциональной связи, возникающей между толкуемой нормой и соответствующим правоположением, и рассмотреть механизм возникновения специальных цивилистических процессуальных правоположений.

При толковании норм цивилистического процессуального права высшие суды достаточно часто формулируют уточняющие (конкретизирующие) правоположения. Такое уточнение может осуществляться применительно к отдельным категориям дел с учетом специфики последних. Приведем конкретные примеры.

Согласно ч. 2 ст. 29 ГПК РФ иск к организации, вытекающий из деятельности ее филиала или представительства, может быть предъявлен также в суд по месту нахождения ее филиала или представительства. В абз. втором п. 119 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 N 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»<sup>1</sup> осуществляется конкретизация данной нормы в виде уточнения ее содержания в отношении подсудности исков по спорам, связанным с обязательным страхованием автогражданской ответственности. Согласно данному правоположению иск к страховой организации может быть предъявлен также по месту нахождения филиала или представительства, заключившего договор обязательного страхования, или по месту нахождения филиала или представительства, принявшего заявление об осуществлении страховой выплаты. Ранее аналогичное разъяснение содержалось в абз. втором п. 90 Постановления Пленума Верховного

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

Суда РФ от 26.12.2017 N 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»<sup>1</sup>.

В ч. 1 ст. 38 АПК РФ содержится императивное правило, согласно которому иски о правах на недвижимое имущество предъявляются в арбитражный суд по месту нахождения этого имущества. Толкуя данную норму, ВС РФ и ВАС РФ создали конкретизирующее правоположение. Так, согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»<sup>2</sup> к искам о правах на недвижимое имущество относятся, в частности, иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, о признании права, об установлении сервитута, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста.

В п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 содержатся несколько конкретизирующих процессуальных правоположений относительно ч. 3 ст. 40, ч. 1 ст. 41 ГПК РФ и ч. 2 ст. 46 и ч. 1, 2 ст. 47 АПК РФ. Согласно абз. второму п. 32 данного постановления если во время судебного разбирательства по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения спорное имущество было передано ответчиком другому лицу во временное владение, то суд привлекает такое лицо в качестве соответчика. В абз. третьем данного пункта разъяснено, что в случае, когда во время судебного разбирательства по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения спорное имущество было отчуждено ответчиком другому лицу, а также передано во владение этого лица, суд допускает замену ненадлежащего ответчика надлежащим.

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

<sup>2</sup> Вестник ВАС РФ. 2010. N 6.

В ч. 1 ст. 39 ГПК РФ содержится право ответчика признать иск. При этом суд не принимает его в случае противоречия закону или нарушения прав других лиц. Конкретизирующее толкование позволило ВС РФ установить соответствующее правоположение в отношении исков об оспаривании отцовства. В п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»<sup>1</sup> разъяснено, что по делам об оспаривании отцовства субъектом отношений является, в том числе и несовершеннолетний ребенок, решение суда об удовлетворении иска не может быть основано исключительно на признании иска матерью или опекуном (попечителем) ребенка, поскольку это может повлечь за собой нарушение прав несовершеннолетнего, в том числе права знать своих родителей, права на их заботу, на получение соответствующей материальной помощи, на защиту своих прав и законных интересов, а также на защиту от злоупотреблений со стороны родителей.

Указанные конкретизирующие правоположения уже по объему относительно толкуемой процессуальной нормы, так как применимы только лишь к отдельным категориям дел. По отношению к толкуемой процессуальной норме такие правоположения являются специальными, поскольку уточняют смысл нормы применительно к конкретным спорным материальным правоотношениям. Конкретизирующее правоположение подлежит реализации не во всех случаях реализации толкуемой нормы, а лишь при наличии конкретных условий.

Конкретизирующие правоположения не следует смешивать с разъясняющими правоположениями, раскрывающими толкуемую норму без изменения ее объема. Так, например, уточняя смысл процессуального действия председательствующего по установлению личности участников процесса (ч. 2 ст. 161 ГПК РФ), ВС РФ в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 N 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 7.

инстанции»<sup>1</sup> указал на необходимость выяснить их фамилию, имя, отчество, дату рождения, место работы и жительства. Суд устанавливает личность гражданина на основании исследования паспорта, служебного удостоверения или иного документа, удостоверяющего личность.

В ст. 129 ГПК РФ и ч. 4 ст. 229.5 АПК РФ содержится правило, согласно которому судебный приказ подлежит отмене при поступлении от должника в соответствующий срок возражений относительно исполнения данного судебного приказа. Толкуя данную норму, ВС РФ в абз. третьем п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»<sup>2</sup> дал разъяснение о праве должника ссылаться в возражениях на истечение срока исковой давности, на несогласие с досрочным возвратом суммы долга, а также на наличие оснований для снижения суммы неустойки (штрафа, пени).

Толкуя ч. 3, 4 ст. 128 АПК РФ, ВАС РФ в п. 6 Постановления Пленума от 25.12.2013 N 99 «О процессуальных сроках»<sup>3</sup> указывает, что если исковое заявление (заявление) оставлено без движения и по истечении установленного срока арбитражный суд не располагает информацией об устранении заявителем обстоятельств, которые послужили основанием для оставления его без движения, то суд выясняет, имелся ли у заявителя (с учетом даты получения им копии определения) достаточный срок для устранения указанных в определении обстоятельств и поступала ли в суд от заявителя информация о позднем получении определения или иных объективных препятствиях для устранения этих обстоятельств в срок либо ходатайство о продлении срока оставления искового заявления (заявления) без движения в связи с такими препятствиями.

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. N 10.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 2.

<sup>3</sup> Вестник ВАС РФ . 2014. N 3.

Указанные разъясняющие правоположения не являются специальным по отношению к толкуемой норме, они направлены на раскрытие ее общего смысла и соответствуют объему толкуемой нормы.

Довольно часто высшие суды формулируют дополняющие правоположения. Анализ последних позволяет сделать вывод о том, что дополняющее правоположение является результатом распространительного толкования. Приведем конкретные примеры.

В ч. 3 ст. 29 ГПК РФ установлено, что иски о взыскании алиментов и об установлении отцовства могут быть предъявлены истцом также в суд по месту его жительства. Исходя из буквального толкования данной нормы с учетом соединительного союза «и» по месту своего жительства может обратиться только истец, заявивший оба требования в одном иске. Однако в актах толкования ВС РФ данная норма истолкована распространительно. В результате такого толкования появилось правоположение, дополняющее толкуемую норму. Такое правоположение закреплено в абз. втором п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», согласно которому толкуемое правило распространяется как на случаи, когда названные выше требования заявлены одновременно, так и на случаи, когда требование об установлении отцовства заявлено самостоятельно. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»<sup>1</sup> также содержится дополняющее правоположение, согласно которому правило об альтернативной подсудности исков о взыскании алиментов и об установлении отцовства (возможность предъявления исков по месту жительства ответчика или по месту жительства истца) распространяется как на случаи, когда названные выше требования заявлены одновременно, так и на случаи, когда заявлено самостоятельное требование о взыскании алиментов

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. N 7.

любым лицом, относящимся к кругу лиц, имеющих в силу закона право на алименты, либо оно предъявлено в интересах такого лица.

В абз. втором п. 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 N 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»<sup>1</sup> суд распространительно истолковал нормы ч. 3 ст. 125 и п. 1 ст. 126 АПК РФ и сформулировал дополняющее правоположение о возможности иных способов вручения копии искового заявления ответчику (нарочным, лично истцом). Документы о реализации таких способов, в частности расписка соответствующего лица в получении документов, являются надлежащими применительно к соблюдению п. 1 ст. 126 АПК РФ.

В ч. 1 ст. 46 КАС РФ установлено право административного истца изменить основание или предмет административного иска. В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»<sup>2</sup> данной норме дано распространительное толкование, в результате чего сформулировано дополняющее правоположение о праве истца увеличить или уменьшить размер требований имущественного характера, поскольку такое увеличение или уменьшение является уточнением заявленных требований.

Дополняющее правоположение было сформулировано Верховным Судом РФ посредством распространительного толкования нормы ч. 5 ст. 4 АПК РФ, предусматривающей досудебное урегулирование спора. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.07.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»<sup>3</sup> указано на возможность установления сторонами медиации в качестве обязательного досудебного порядка урегулирования спора.

---

<sup>1</sup> Вестник ВАС РФ. 2003. N 2.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 11.

<sup>3</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. N 8.

Распространительное толкование нормы ч. 1 и 5 ст. 52 и ч. 1 ст. 257 АПК РФ в абз. втором п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 N 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»<sup>1</sup> привело к формулированию дополняющего правоположения, в соответствии с которым прокурор имеет право на апелляционное обжалование по делам ч. 1 ст. 52 АПК РФ вне зависимости от участия в суде первой инстанции. Аналогичное дополняющее правоположение<sup>2</sup> сформулировано также применительно к праву прокурора на кассационное обжалование при распространительном толковании ч. 1 и 5 ст. 52 АПК РФ и ч. 1 ст. 273 АПК РФ. В настоящее время подобное право предоставлено прокурору не только по делам ч. 1 ст. 52 АПК РФ, но и по иным делам, указанным в ч. 5 ст. 52 АПК РФ.

В абз. третьем п. 23 Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 N 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»<sup>3</sup> сформулировано дополняющее правоположение к ст. 153.1 АПК РФ о возможности не только участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи, но и праве представления письменных доказательств, иных документов и материалов при условии наличия технических средств, обеспечивающих возможность ознакомления с такими доказательствами (документ-камера).

Необходимость дополняющего правоположения может требовать сама конструкция толкуемой процессуальной нормы, например, наличием незакрытых перечней, а также употреблением таких словосочетаний, как «иные действия»,

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. N 9.

<sup>2</sup> См.: п. 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 N 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. N 9.

<sup>3</sup> Вестник ВАС РФ. 2011. N 4.



«иные документы». Это так называемые нормы с относительно определенной диспозицией.

В п. 9 ч. 1 ст. 126 АПК РФ, помимо выписки из ЕГРЮЛ и ЕГРИП, указывается на возможность представления иного документа, содержащего соответствующие сведения. ВАС РФ в п. 3 Постановления Пленума от 17.02.2011 N 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»<sup>1</sup> уточнил, что иным может являться в том числе распечатанная на бумажном носителе и заверенная подписью истца или его представителя копия страницы официального сайта регистрирующего органа в сети Интернет, содержащей сведения о месте нахождения юридического лица и дату их обновления, а также распечатанные на бумажном носителе сведения, предоставляемые в электронном виде посредством доступа к федеральной базе данных ЕГРЮЛ при определенных условиях.

Толкование п. 6 ч. 1 ст. 135 АПК РФ привело к формулированию дополняющего правоположения, установленного в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 N 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»<sup>2</sup>, согласно которому в рамках совершения иных направленных на обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела действий, в случае возникновения обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в первоначально назначенную дату, арбитражным судом может быть назначена резервная дата проведения судебного заседания.

При анализе актов официального нормативного толкования процессуального права также выявлены исключаящие правоположения. Такие правоположения возникают, как правило, в результате ограничительного толкования.

---

<sup>1</sup> Вестник ВАС РФ. 2011. N 4.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

В абз. втором п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» суд, толкуя норму ч. 1 ст. 39 ГПК РФ ограничительно, установил исключение из правила о праве на заключение мирового соглашения, указав, что исходя из характера спора по искам об оспаривании отцовства утверждение судом мирового соглашения по указанным делам является недопустимым.

Ч. 1 ст. 39 ГПК РФ содержит право истца изменить основание или предмет иска. ВС РФ в Постановлении Пленума от 30.06.2015 N 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости»<sup>1</sup> уточнил данную норму применительно к делам об оспаривании кадастровой стоимости. В п. 16 данного постановления указано, что в случае утверждения и внесения в ходе рассмотрения дела в государственный кадастр недвижимости результатов очередной кадастровой оценки, применимых к спорному объекту недвижимости, заявитель не вправе изменить требования и оспорить результаты очередной кадастровой оценки. В данном случае подается самостоятельный иск.

В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 62 от 27.12.2016 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»<sup>2</sup> было сформулировано два исключаяющих правоположения в результате ограничительного толкования ч. 5 ст. 4 АПК РФ (в действующей на указанную дату редакции). Во-первых, обязательный досудебный порядок не применяется при обращении в суд с заявлением о выдаче судебного приказа. Во-вторых, соблюдение досудебного порядка не требуется при обращении в арбитражный суд с исковым заявлением после отмены судебного приказа арбитражным судом.

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. N 9.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 2.

В п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.07.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» ограничительно истолкованы ч. 2 ст. 132 АПК РФ и ч. 1 ст. 137 ГПК РФ. Верховный Суд РФ указал, что соблюдение обязательного досудебного порядка урегулирования спора при предъявлении встречного иска не требуется.

В качестве примера ограничительного толкования норм ГПК РФ Конституционным Судом РФ можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П<sup>1</sup>, которым КС РФ ограничительно истолковал исполнительский иммунитет в отношении единственного жилого помещения (абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ)<sup>2</sup>.

Исключающие правоположения менее многочисленны. Это обусловлено тем, что для формирования такого вида правоположений требуются достаточно веские основания, свидетельствующие о том, что в действительности смысл нормы уже ее словесного выражения. Кроме того, в силу отраслевой специфики нормы процессуального права часто формулируются как императивные, исключение из которых также должно быть тщательно мотивированным.

*Таким образом, официальное абстрактное толкование норм цивилистического процессуального права может приводить к формированию специальных процессуальных правоположений, дополняющих или ограничивающих содержание толкуемой процессуальной нормы. В результате распространительного толкования процессуальной нормы возникает дополняющее правоположение. Результатом ограничительного толкования является исключяющее процессуальное правоположение. В качестве специальных*

---

<sup>1</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // СЗ РФ. 2021. N 19. Ст. 3290.

<sup>2</sup> См.: Гальперин М.Л. Нужен ли исполнительному производству должник? Комментарий к Кассационному определению Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 20 октября 2021 года N 71-КАД21-10-К3 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. N 7. С. 10.

*следует рассматривать также конкретизирующие правоположения по отдельным категориям дел. Все вышеуказанные правоположения по отношению к толкуемой процессуальной норме являются специальными, подлежат применению в строго обозначенных случаях. Потребность в специальных процессуальных правоположениях, формируемых при толковании по объему, связана с необходимостью учета особенностей реализации процессуальной нормы в различных правовых ситуациях, выявлением действительного смысла нормы с учетом судебной практики ее реализации.*

#### **§ 4. Реализация процессуальных норм и специализация цивилистического процессуального права**

В теории гражданского процессуального права в рамках вопроса о судебном правоприменении принято употреблять термин конкретизация, а не специализация. Учитывая сложившиеся традиции и выявленное нами соотношение указанных терминов (и процессов, ими обозначаемыми), мы не будем отступать от устоявшегося словоупотребления.

Итак, в отраслевой процессуальной литературе достаточно распространены взгляды на конкретизацию норм права при их применении судом. Е.А. Нефедьев указывал, что сила конкретного веления объективного права приводится в действие через посредство суда, проверяющего (из фактов и закона) выводы спорящих сторон о существовании данного веления. «Поэтому в решении проявляется не субъективное гражданское право, а конкретное веление объективного права»<sup>1</sup>. Н.Б. Зейдер писал: «Судебное решение есть акт волеизъявления органа государственной власти, которое выражается в применении нормы к конкретному правоотношению, в конкретизации правоотношения, права и факта и в приказе по конкретному поводу на имя сторон, участвующих в деле, и других лиц и организаций, которых данное

---

<sup>1</sup> Нефедьев Е.А. Учение об иске. Казань, 1895. С. 30.

решение касается»<sup>1</sup>. Н.Б. Зейдер рассматривал судебное решение как форму выражения конкретизированной абстрактной нормы к конкретным правоотношениям. Этим выражалась взаимосвязь нормы права и правоотношения, выступающего предметом рассмотрения в суде. Именно конкретизация нормы права сообщала правоотношению бесспорность. Благодаря выявлению такой взаимосвязи основанием законной силы судебного решения автором рассматривалась объективная норма права, конкретизированно примененная к спорным правоотношениям<sup>2</sup>. М.А. Гурвич, в свою очередь, рассматривал правоотношение как «конкретизированное в данном определенном случае действие нормы права»<sup>3</sup>. Автор в целом не связывал конкретизацию с судебным правоприменением, указывая на то, что конкретизация есть действие нормы права до и вне процесса рассмотрения конкретного правоотношения судом. Задачей суда является подтвердить наличие или отсутствие спорного правоотношения<sup>4</sup>. Однако М.А. Гурвич некоторые разновидности судебного решения определял как акты индивидуального поднормативного регулирования. Таким значением автором наделялись решения с широким судебным усмотрением (с применением так называемых ситуационных норм), конститутивные решения, решения с применением нормы по аналогии. Опираясь на работы А.К. Кац, К.И. Комиссарова, С.В. Курылева, касающиеся, в частности, конкретизации закона как формы его применения, М.А. Гурвич выстраивает более сложный механизм судебного правоприменения с судебным усмотрением. Так, судебное усмотрение, по мнению автора, является особой формой применения права. Именно с судебным усмотрением автор также связывает судебное поднормативное индивидуальное регулирование<sup>5</sup>. Определяя конкретизацию права в качестве одной из форм (наряду с применением факультативных, оценочных норм) судебного усмотрения, А.Т. Боннер, рассматривает конкретизацию как

---

<sup>1</sup> Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 44-45.

<sup>2</sup> См.: там же. С. 45-47.

<sup>3</sup> Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы... С. 94.

<sup>4</sup> См.: Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы... С. 94,128.

<sup>5</sup> Там же. С. 109.

установленное в действующем законодательстве полномочие суда определить объем субъективных прав и обязанностей участников спорного правоотношения<sup>1</sup>.

Таким образом, не вдаваясь в подробности понимания правоприменительной конкретизации права, отметим, что в науке гражданского процессуального права она признается и связывается, как правило, либо в целом с судебным применением, либо с судебным усмотрением как особой разновидностью правоприменения. В.В. Ярков, например, рассматривает конкретизацию как одну из форм судебного усмотрения при определении юридической значимости фактов<sup>2</sup>. В общей теории права также является достаточно распространенным выделение правоприменительной конкретизации<sup>3</sup>.

Вышеуказанное позволило бы нам с учетом предыдущего изложения сделать вывод о судебном правоприменении как форме специализации права. Однако такой вывод представляется преждевременным в силу следующего. Несложно заметить, что при рассмотрении вопросов о судебном правоприменении в общем, и судебном решении, в частности, речь идет о применении норм материального, а не процессуального права. Мы же поставили перед собой задачу исследования специализации норм процессуального права. С учетом объекта исследования подмена понятий здесь явно недопустима.

В отраслевой литературе судебное правоприменение связано главным образом с реализацией норм материального права. Исследователи отмечают важную роль процессуального права в правоприменении, но не говорят о формах и особенностях реализации его норм. «Сущность судебного решения как акта правосудия, направленного на защиту права, на предупреждение правонарушений и на воспитание в духе соблюдения законов, - писал А.Ф. Клейнман, - включает в

---

<sup>1</sup> См.: *Боннер А.Т.* Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980. С. 43.

<sup>2</sup> См.: *Ярков В.В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права... С. 59

<sup>3</sup> См., напр.: *Гамидов М.Ш.* Конкретизация норм права: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2010. С. 11; *Залоило М.В.* Правоприменительная конкретизация юридических норм // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 50-56.

себя требование строгого применения судом норм материального права»<sup>1</sup>. При этом автор также указывает на необходимость соблюдения норм процессуального права при принятии судебного решения, называя гражданско-процессуальную форму обязательным условием судебной деятельности<sup>2</sup>.

Действующий процессуальный закон также на первый взгляд неоднозначно разрешает данный вопрос. Согласно ст. 6 АПК РФ законность при рассмотрении дел арбитражным судом обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов, а также *соблюдением* всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах. В части 4 ст. 27 АПК РФ закреплено, что заявление, принятое арбитражным судом к своему производству с *соблюдением* правил компетенции, должно быть рассмотрено им по существу, хотя бы в дальнейшем к участию в деле будет привлечен гражданин, не имеющий статуса индивидуального предпринимателя, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Аналогичное правило в отношении подсудности имеется в ч. 1 ст. 39 АПК РФ. Нормы, указывающие на необходимость соблюдения судом процессуальных правил закреплены в ч. 6 ст. 10; ч. 1 ст. 32; ч. 4 ст. 244.11; ст. 405 ГПК РФ.

Термин «соблюдение» используется в юриспруденции достаточно широко. В ряде случаев он выступает в качестве синонима правильного исполнения своих обязанностей. Иногда под соблюдением понимается правильное применение норм процессуального права. Однако такое широкое использование термина «соблюдение», отнюдь, не придает стройности наличных знаний о формах реализации процессуального права и с нашей точки зрения является неправильным. Соблюдение процессуального права и его применение - различные по характеру, содержанию и результатам формы реализации процессуальных норм. Во-первых, соблюдение и применение есть формы, выделенные на основе разных классификационных критериев. Соблюдение, исполнение и использование

---

<sup>1</sup> Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967. С. 85

<sup>2</sup> См.: там же. С. 85-86.

представляют собой формы реализации процессуального права, выделенные в зависимости от характера диспозиции (процессуально-правовой запрет, процессуальная обязанность, субъективное процессуальное право). Применение как форма реализации процессуального права не связано с особенностями их диспозиции. Оно представляет собой особую по содержанию, процедуре, результатам исполнительно-распорядительную деятельность специально уполномоченного субъекта - суда. Если иные формы реализации выражаются, как правило, в правомерном поведении участников гражданского процесса, то применение выражается в правоприменительном акте. Во-вторых, соблюдение есть одна из форм реализации права, выраженная в пассивном поведении субъекта правоотношения в целях ненарушения правовых запретов. Следовательно, соблюдение есть форма реализации процессуально-правовых запретов, а несоблюдение - разновидность гражданско-процессуального правонарушения. Нечеткое разведение различных форм реализации норм процессуального права приводит к недостаткам теоретических выводов. Так, например, О.В. Николайченко правильно указывает на то, что несоблюдение норм гражданского процессуального права представляет собой гражданско-процессуальное правонарушение. Автор приходит к выводу о том, что правовые последствия несоблюдения норм гражданского процессуального права есть меры принудительного воздействия на субъектов гражданских процессуальных отношений за совершенное гражданско-процессуальное правонарушение<sup>1</sup>. Ошибка автора заключается, на наш взгляд, в том, что он рассматривает соблюдение (вернее, несоблюдение) норм процессуального права чрезмерно широко, не учитывая то обстоятельство, что, помимо соблюдения, имеются и иные формы реализации норм процессуального права (исполнение, использование). В силу этого некоторые выводы автора получились весьма спорными. Так, например, автор предлагает рассматривать в качестве меры ответственности и, следовательно, в качестве правового последствия

---

<sup>1</sup> *Николайченко О.В.* Правовые последствия несоблюдения гражданских процессуальных норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 8.



несоблюдения гражданских процессуальных норм неявку в судебное заседание лица, участвующего в деле, а также предлагает установить меру ответственности за данное правонарушение в виде судебного штрафа. При этом, по мнению автора, явка в судебное заседание должна оставаться правом, а не обязанностью сторон<sup>1</sup>. Даже без детального анализа обращает на себя внимание отождествление автором несоблюдения процессуальных норм с нарушениями иных форм их реализации. Так, в качестве разновидности гражданско-процессуального правонарушения следовало бы также рассматривать неисполнение норм права, устанавливающих гражданско-процессуальные обязанности. Например, в ч. 2 ст. 57 ГПК РФ установлена обязанность лица, у которого находится истребуемое судом доказательство, представить его в суд. В качестве правового последствия невыполнения запроса суда и неисполнения процессуальной нормы, закрепляющей данную обязанность, установлен судебный штраф (ч. 3 ст. 57 ГПК РФ)<sup>2</sup>. Соответственно, в данном случае речь идет не о несоблюдении (то есть нарушении процессуально-правового запрета), а о неисполнении обязывающей (или предписывающей) гражданской процессуальной нормы (нарушении обязанности). В процессуальной литературе также обосновывается мнение, согласно которому правонарушение может составлять и нарушение условий (пределов) реализации гражданского процессуального права. А.В. Юдин в своей докторской диссертации, посвященной проблеме злоупотребления процессуальными правами в гражданском судопроизводстве, под злоупотреблением предлагает понимать особую форму гражданского процессуального правонарушения<sup>3</sup>.

При более детальном анализе положений действующего процессуального законодательства выясняется, что законодатель, несмотря на некоторые неудачные формулировки, также не склонен отождествлять формы реализации

---

<sup>1</sup> См.: там же. С. 20.

<sup>2</sup> О процессуальной ответственности см.: *Бутнев В.В.* Гражданская процессуальная ответственность: монография. Ярославль, 1999. 62 с.; *Гальперин М.Л.* Ответственность в гражданском судопроизводстве: монография. М., 2019. 195 с.

<sup>3</sup> См.: *Юдин А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.

норм гражданского процессуального права. Согласно ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей соответствующие отношения, суды *применяют* норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона). В соответствии со ст. 330 ГПК РФ, ст. 270, 288 АПК РФ, ст. 310 КАС РФ основанием для изменения или отмены судебного акта является, в частности, нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права. При этом *нарушение или неправильное применение норм процессуального права* является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения. Законодатель отдельно выделяет два дефекта реализации норм процессуального права: неправильное применение и нарушение. Под нарушением в данном случае следует понимать несоблюдение судом процессуальных запретов (запрет на доступ иных лиц в совещательную комнату при вынесении решения судом (ч. 4 ст. 167 АПК РФ), вмешательство в деятельность судьи по отправлению правосудия (ч. 2 ст. 7 ГПК РФ; ч. 2 ст. 6 КАС РФ) и др.); неисполнение судом обязывающих процессуальных предписаний (обязанность по непосредственному исследованию всех доказательств (ч. 1 ст. 10 АПК РФ, ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, ст. 13 КАС РФ), обязанность по рассмотрению дела сначала при замене судьи (ч. 2 ст. 18 АПК РФ), обязанность по передаче дела по подсудности при наличии указанных в законе оснований (ч. 2 ст. 33 ГПК РФ, ч. 2 ст. 39 АПК РФ, ч. 2 ст. 27 КАС РФ) и др.); нарушение судом реализации позволяющих процессуальных норм (право на замену ненадлежащего ответчика при определенных условиях (ч. 1 ст. 47 АПК РФ, ч. 1 ст. 41 ГПК РФ), право выделить одно или несколько требований в отдельное производство при определенных условиях (ч. 3 ст. 130 АПК РФ, ч. 3 ст. 151 ГПК РФ), право приостановить производство по делу при наличии определенных оснований (ст. 144 АПК РФ, ст. 216 ГПК РФ, ст. 191 КАС РФ). Е.Н. Кузнецов совершенно верно замечает, что «проявление правореализационной деятельности в правовой защите заключается в следующем: *соблюдение* норм права направлено на охрану прав, свобод и интересов;

*исполнение* норм права предполагает исполнение юридических обязанностей; *использование* норм права проявляется в возможности носителя права, свободы или интереса обращаться к тем или иным способам защиты. Относительно особой формы реализации - правоприменения следует указать, что оно является одним из важнейших элементов правовой защиты, представляя собой одну из форм деятельности, направленной на реализацию правовых предписаний. Именно здесь происходит констатация судом материального правоотношения, разрешение возникшего между сторонами из этого отношения спора или иного правового вопроса, входящего в компетенцию суда»<sup>1</sup>.

Таким образом, не только лица, участвующие в деле, а также иные участники процесса должны соблюдать, исполнять и правильно использовать процессуальные нормы, но и суд<sup>2</sup>. Нарушения суда в данной сфере являются нарушениями цивилистического процессуального права. В этом смысле формулировка ст. 6 АПК РФ о законности при рассмотрении арбитражным судом дел исходит из широкого понимания «соблюдения» правил законодательства о судопроизводстве, включая в него правильность всех перечисленных форм реализации процессуальных норм.

При исполнении, соблюдении и использовании судом процессуальных норм происходит внутреннее восприятие судьей их содержания и отображение этого содержания в процессуально значимой деятельности суда. Механизм установления надлежащей реализации судом норм процессуального права сводится к сопоставлению содержания запретительной, обязывающей или дозволенной нормы с процессуальным действием (бездействием) суда. Установление наличия или отсутствия конкретизации процессуальной нормы в данном случае представляется весьма проблематичным в силу невыражения

---

<sup>1</sup> Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: монография. Москва, 2022. С. 162.

<sup>2</sup> См.: Силина Е.В. Гражданское судопроизводство как вид юридической деятельности // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. СПб., 2018. С. 407-408.

судом результатов данного восприятия в объективированной форме. Результатом такого восприятия является само процессуальное поведение суда. Отсутствие объективированного результата восприятия процессуальной нормы судом делает невозможным рассмотрение любой правореализационной деятельности в качестве формы специализации цивилистического процессуального права. Но этим не умаляется значимость такой деятельности суда, поскольку в совокупности данная деятельность и составляет судопроизводство по конкретному делу.

Однако отсутствие объективизации выводов суда не является единственным аргументом против допущения правореализационной деятельности в качестве формы специализации права. Тезис о допустимости специализации цивилистического процессуального права посредством любой правореализационной деятельности суда поставил был ряд дополнительных вопросов. Например, если суд вправе осуществлять специализацию посредством соблюдения, исполнения и использования процессуальных норм, то можно ли допустить, что процессуальное право может быть специализировано посредством правореализационной деятельности участвующих в деле лиц, если такая деятельность получает оформление? В качестве примера можно привести так называемые процессуальные соглашения, основанные на волеизъявлении участвующих в деле лиц и использовании норм процессуального права. Ведь в данном случае имеется фиксация договоренностей сторон, которым процессуальный закон придает роль юридического факта (как правило, в рамках юридического состава). «Процессуальные соглашения представляют собой согласованные процессуальные действия сторон и иных лиц, участвующих в деле, направленные на выбор одного из предусмотренных законом альтернативных правил рассмотрения и разрешения гражданских дел, выступающие в роли юридических фактов - условий реализации процессуальных прав и в рамках завершенного фактического состава, обязывающие суд к совершению ответных процессуальных действий по применению последствий достигнутых

соглашений»<sup>1</sup>. Ответить на поставленный вопрос можно положительно, если взять за основу материальную концепцию процессуальных соглашений, в том числе рассматривать последние в качестве источников поднормативного регулирования. О.Н. Шеменова в этой связи справедливо указывает, что процессуальные соглашения имеют собственные специфические черты, которые не позволяют отнести их к гражданско-правовым договорам. В качестве таких специфических признаков О.Н. Шеменова определяет, в частности, преобладание императивного регулирования в цивилистическом процессуальном праве, проверка соглашений судом, необходимость завершения юридического состава, в котором процессуальное соглашение выступает лишь в качестве одного из фактов, причем, не завершающего<sup>2</sup>. Вышеуказанное позволяет прийти к выводу, что правореализация в форме соблюдения, исполнения и использования не может выступать формой специализации объективного процессуального права.

В отличие от возможностей реализации норм процессуального права участниками процесса, суд как государственно-властный субъект наделен правомочием по их применению. Правоприменение как особая форма реализации права имеет свои признаки<sup>3</sup>: наличие уполномоченного на применение нормы субъекта (как правило, государственно властный субъект); реализация нормы права субъектом применения не для себя, а главным образом для других индивидуально определенных субъектов правоотношения; наличие основания реализации права в форме применения, выраженного в невозможности или затруднительности реализации права в других формах (наличие спорного правоотношения, установленные в законе ограничения реализации права в других формах и т.д.); правоприменительный акт как внешне объективированный результат правоприменительной деятельности. Данные признаки относятся также и к деятельности суда по реализации процессуальных норм в форме их

---

<sup>1</sup> *Шеменова О.Н.* Критерии разграничения гражданско-правовых договоров и процессуальных соглашений // Журнал российского права. 2019. N 4. С. 68.

<sup>2</sup> См.: *Шеменова О.Н.* Процессуальные соглашения в гражданском судопроизводстве: понятие, виды, практическое значение разграничения с гражданско-правовыми договорами // Вестник гражданского процесса. 2020. N 4. С. 133 - 139.

<sup>3</sup> См., напр.: *Мельников А.А.* Указ соч. С. 126.

применения. При этом применение норм процессуального права при отправлении судом правосудия происходит отнюдь не только путем вынесения судебного решения, а гораздо раньше, на стадии обращения в суд с исковым заявлением. Применение судом норм процессуального права в ходе осуществления судопроизводства оформляется определениями. Например, процессуальное действие суда по оставлению заявления без движения, выраженное в одноименном определении, есть применение нормы процессуального права. Данное процессуальное действие совершается уполномоченным государственным властным органом, направлено на истца, имеет основанием установленную законом процессуальную норму, оформляется правоприменительным актом - определением. В этой связи не только решение суда по своей природе является правоприменительным актом, но и определения суда также оформляют применение норм процессуального права в рамках конкретных правоотношений, как правило, с индивидуально определенными субъектами.

Нерассмотрение судебных актов с точки зрения форм реализации норм цивилистического процессуального права приводит исследователей к некоторым, на наш взгляд, спорным выводам. Так, С.К. Загайнова, анализируя судебные акты в гражданском и арбитражном процессах, приходит к выводу о том, что «вся процессуальная деятельность судов общей юрисдикции, арбитражных судов должна оформляться в виде судебных актов, поскольку именно они являются процессуальными юридическими фактами, с которыми связано возникновение, изменение или прекращение гражданских, арбитражных процессуальных правоотношений»<sup>1</sup>. Далее автор предлагает «отойти от практики выдачи судебных повесток, запросов, сопроводительных писем, резолюций и оформлять действия суда судебными актами - судебными определениями, поскольку именно они порождают правовые последствия»<sup>2</sup>. С данным выводом согласиться нельзя в силу, как минимум, двух оснований. Во-первых, теория юридических фактов рассматривает в качестве таковых не только акты-документы, но и акты-действия.

---

<sup>1</sup> Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 15

<sup>2</sup> Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе... С. 15

Поэтому требование по оформлению всех процессуальных действий суда определениями не может быть обосновано системой существующих юридических фактов. Во-вторых, автором явно не учитывается многообразие форм реализации норм процессуального права. Действие процессуально-правового запрета проявляется в несовершении судом действий, его нарушающих (бездействие). Реализация обязывающих норм проявляется в активной процессуально-правовой деятельности суда (например, по разъяснению прав и обязанностей участников процесса, исследовании доказательств и т.д.). Управомочивающие нормы могут проявляться в реализации субъективного права (полномочия) либо нереализации такового. В отличие от вышеизложенных разновидностей форм реализации процессуальных норм, применение процессуальной нормы требует ее внешнюю объективацию в соответствующем правоприменительном акте. Поэтому только применение нормы процессуального права требует оформления в виде судебного акта, в частности, определения. Другие формы реализации могут проявляться в актах-действиях суда либо иных процессуальных документах (запросах, сопроводительных письмах и т.д.).

В некоторых современных исследованиях определения суда обоснованно связывают с процессуальным правом. Хотя, к сожалению, прямо не указывается на то обстоятельство, что определение суда есть внешне объективированный результат применения норм процессуального права. Г.М. Минасян, например, отмечает, что «большинство определений выносятся по процессуальным вопросам, поэтому объектом познания в них выступают процессуальные факты. Они имеют процессуально-правовое значение и совершаются в судопроизводстве»<sup>1</sup>.

Действующий процессуальный закон рассматривает определения как разновидность судебных актов, принимаемых в ходе осуществления судопроизводства (ч. 3 ст. 15 АПК РФ). Вслед за законом в учебной литературе под определением суда понимается судебный акт, не разрешающий спор по

---

<sup>1</sup> Минасян Г.М. Решения и определения судов первой инстанции общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 25.

существо, оформляющий распорядительные действия суда и принимаемый по отдельным процессуальным вопросам, требующим разрешения в ходе рассмотрения дела<sup>1</sup>. Иногда определения относят к промежуточным судебным актам, сопровождающим деятельность по осуществлению правосудия<sup>2</sup>. В дополнение к вышеизложенному пониманию определения следует добавить, что определение суда представляет собой правоприменительный акт, в котором реализуются нормы процессуального права. Признаки определения как акта применения процессуальных норм раскрывались в советской процессуальной литературе<sup>3</sup>. «Путем применения норм права, - пишет В.В. Ярков, - суд (судья) решает различные процессуальные вопросы, возникающие в динамике гражданского процессуального отношения...»<sup>4</sup>. Таким образом, процессуальные нормы получают свою реализацию в форме применения не только в решении суда первой инстанции, но и в судебных определениях, являющихся по своей природе правоприменительными актами.

В юридической литературе правильно отмечается, что «правоприменительные акты, наряду с функциями организационного обеспечения и государственного контроля за правильностью реализации правовых норм, выполняют функцию индивидуального регулирования общественных отношений. Применительно к нормам права это означает конкретизацию их содержания, оснований, порядка и пределов их реализации, индивидуализацию других юридических фактов, с которыми связано их дальнейшее осуществление»<sup>5</sup>. Конкретизирующая роль правоприменительных актов неодинакова. Она зависит от специфики самой применяемой нормы процессуального права, которые

<sup>1</sup> См.: Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшев. М.: Статут, 2010. С. 265; Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М., 2018. С. 423.

<sup>2</sup> См.: *Загайнова С.К.* Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе... С. 21

<sup>3</sup> См.: Курс советского гражданского процессуального права. В 2-х. томах. Т. 2. Судопроизводство по гражданским делам / отв. ред. А.А. Мельников. М., 1981. С. 233.

<sup>4</sup> *Ярков В.В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права... С. 55-56.

<sup>5</sup> *Тонков Е.Е., Коваленко В.И., Пожарова Л.А.* Правоприменение как способ реализации юридических норм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия философия. Социология. Право. 2012. № 2 (121). Выпуск 19. С. 146-147.



различаются по степени определенности содержания. «Разнообразие общественных отношений не всегда позволяет законодателю урегулировать их путем принятия абсолютно определенных норм права. Поэтому многие правовые предписания носят относительно определенный характер, а их применение зависит от судебного усмотрения»<sup>1</sup>.

Анализ действующего в советский период семейного законодательства и практики его реализации, привел А.К. Кац к выводу о том, что индивидуальное правовое регулирование путем конкретизации правоотношений с частично неурегулированными субъективными правами и обязанностями сторон производится судом при следующих обстоятельствах: «а) если права и обязанности участников правоотношения остались частично неурегулированными и между ними возник спор; б) если относительно спорной части правоотношения в действующем праве нет надлежащих норм — ни императивных, ни диспозитивных; в) если нормы права возлагают на суд или иные органы обязанность конкретизировать правоотношение в неурегулированной части и определить соответствующим актом права и обязанности сторон в полном объеме; г) если при наличии диспозитивной нормы с альтернативным содержанием суду или иному органу предоставляется правомочие конкретизации правоотношения путем выбора одной из возможностей, предусмотренных альтернативной диспозитивной нормой»<sup>2</sup>. При этом А.К. Кац разграничивает конкретизирующую деятельность суда и аналогию закона, распространительное толкование. Если первая относится к области субъективных прав и обязанностей и состоит в реализации судом правомочия в конкретизации данных прав и обязанностей конкретных субъектов правоотношений, то распространительное толкование, аналогия права и закона, по мнению автора, относятся к сфере применения объективного права<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> *Сенякин И.Н., Степин А.Б., Подмосковный В.Д.* Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ). Саратов., 2005. С. 14-15.

<sup>2</sup> *Кац А.К.* Конкретизирующая деятельность суда и семейные правоотношения с частично неурегулированным содержанием // *Правоведение.* 1964. № 2. С. 87-88.

<sup>3</sup> См.: там же. С. 87.

Таким образом, конкретизация процессуального права зависит от степени определенности содержания процессуальной нормы, которая подлежит применению. Здесь следует оговориться, что многие ситуации-основания, указанные А.К. Кац применительно к семейным правоотношениям, не могут быть восприняты применительно к цивилистическому процессуальному праву в силу специфики метода правового регулирования последнего. Поскольку цивилистическое процессуальное право, как и любое иное процессуальное право, относится к публичному, постольку в нем преобладает императивный метод правового регулирования. Процессуальность данному праву придается, в частности, детальным императивным регулированием отношений между судом и иными участниками процесса по поводу рассмотрения и разрешения гражданских споров и иных дел. Нельзя также забывать о «неписанных» правовых запретах процессуального права как права публичного, основанных на принципе регулирования «что не разрешено законом, то запрещено». Поэтому в цивилистическом процессуальном праве практически не встречаются такие основания конкретизации, как, например, возникновение спорного правоотношения при диспозитивном регулировании с частично неурегулированным содержанием прав и обязанностей субъектов спорного правоотношения.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что как при применении норм материального права, так и при применении норм процессуального права конкретизация применяемых норм зависит от степени определенности последних и предполагает допускаемое законом судебное усмотрение. Однако не любая конкретизация и не любое усмотрение, осуществляемое судом при применении норм процессуального права, является способом специализации права в форме правоприменительной деятельности. Дело в том, что по структуре нормы процессуального права имеют гипотезу и диспозицию (иногда - санкцию). По степени определенности выделяют нормы с абсолютно определенной, относительно определенной и неопределенной (в случае необходимости) гипотезой. Нормы с относительно определенной гипотезой достаточно

распространены в процессуальном законодательстве. Примером такой нормы является норма ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, согласно которой суд при уклонении стороны от экспертизы (при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования *и в иных случаях*, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно) признает соответствующий факт установленным или опровергнутым. Иным случаем может выступать, например, необеспечение стороной доступа экспертам на определенную территорию или в определенное здание для проведения экспертизы (строительной, землеустроительной и т.д.). Согласно ч. 1 ст. 188 ГПК РФ *в необходимых случаях* при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества). Примером процессуальных норм с неопределенной гипотезой служат нормы ст. 170; ч. 2 ст. 185; ч. 3 ст. 272 ГПК РФ и ряд других норм. Так, например, вторичный вызов свидетелей или повторное воспроизведение аудио- или видеозаписи осуществляется судом *при необходимости*.

Относительно неопределенные гипотезы могут формулироваться путем открытого перечня условий применения правовой нормы (а также в иных случаях), путем оценочных понятий (уважительные причины, затруднительность, добросовестность), либо комбинированным способом (перечисление и оценочное понятие). Под оценочной категорией в процессуальном праве понимают «неконкретизированное законом абстрактное общее понятие, объединяющее множество неоднородных предметов, явлений, свойств и т.д., содержащееся в гражданской процессуальной норме и конкретизируемое правоприменителем самостоятельно на основании профессионального правосознания при гражданской процессуальной оценке фактов, детерминирующих применение

такой нормы гражданского процессуального закона»<sup>1</sup>. Некоторые авторы неоправданно разграничивают относительно определенные нормы и оценочные понятия. Так, например, Л.Н. Берг выделяет следующие виды судебного усмотрения по источнику возникновения: 1) относительно-определенные нормы; 2) аналогия закона и права; 3) оценочные понятия<sup>2</sup>. Однако автором не учтено, что неопределенность норме права может придаваться использованием в ней оценочного понятия.

В процессуальной литературе судебное усмотрение часто связывают как раз с реализацией процессуальных норм с относительно определенной или неопределенной гипотезой. В.В. Ярков по этому поводу указывает, что «пределы конкретизирующей деятельности суда обуславливаются разновидностью гипотезы. В неопределенной гипотезе процессуальной нормы обстоятельства, которые могут быть признаны юридическими, указываются в самом общем виде... Относительно определенные гипотезы более распространены в процессуальном законодательстве. Здесь норма указывает на особенности дела, которые конкретизируются судом. При определении фактических обстоятельств, очерченных в относительно определенных гипотезах, судебное усмотрение не столь широко и свободно, как при применении неопределенных гипотез»<sup>3</sup>. По мнению В.В. Яркова, «рамки судебного усмотрения более связаны условиями применения процессуальной нормы. В законе невозможно четко определить круг юридических фактов, свидетельствующих о наличии указанных в гипотезе процессуальной нормы обстоятельств. Право конкретизации подобных гипотез, придания юридического значения установленным обстоятельствам принадлежит суду (судье)»<sup>4</sup>. Рассматривая проблему судебного усмотрения в гражданском процессе Д.Б. Абушенко отмечает принципиальную важность указания «на

---

<sup>1</sup> Нигматдинов Р.М. Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 29-30.

<sup>2</sup> См.: Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: автореф. ... дис. канд. юрид. наук Екатеринбург, 2008. С. 8.

<sup>3</sup> Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права... С. 57

<sup>4</sup> Там же. С. 57

гипотезу нормы как на элемент, в котором собственно и содержится нормативно-правовая основа для судебного усмотрения»<sup>1</sup>. Д.Б. Абушенко, обобщив различные мнения относительно понимания судебного усмотрения, указывает отправные начала исследования обозначенной проблемы: 1) определенная свобода суда, имеющаяся у суда право выбора, устанавливаемое прямым указанием и (или) использованием оценочных категорий; 2) относительный характер такой свободы, ее ограниченность; 3) производный характер свободы, вытекающей из правовых норм<sup>2</sup>. Несмотря на то, что отправные начала исследования судебного усмотрения определены автором верно, следует не согласиться с тем, что именно в гипотезе процессуальной нормы содержится основа судебного усмотрения. Действительно, в системе цивилистического процессуального права нормы с относительно определенной гипотезой достаточно распространены. В силу исследования вопроса юридических фактов, которые, естественно, получают свое нормативное закрепление в гипотезе нормы, В.В. Ярков анализирует лишь одну из разновидностей судебного усмотрения. Нам же представляется, что «относительная свобода суда» может базироваться не только на гипотезе, но и на других структурных элементах нормы. В частности, в уголовном праве усмотрение часто связывается с назначением наказания, определения его размера судом, исходя из совокупности фактических обстоятельств<sup>3</sup>. Основой для судебного усмотрения в части определения размера судебного штрафа являются также и норма ч. 1 ст. 119 АПК РФ, устанавливающая только предельный размер судебного штрафа, нормы ч. 3 ст. 57; ч. 1 ст. 85; ч. 2 ст. 140; ч. 3 ст. 159 и ряда других норм ГПК РФ. Вместе с тем, ни конкретизация судом гипотезы, ни конкретизация им санкции не влияют на само содержание правовой нормы, включенные в нее процессуальные права, обязанности, запреты. Конкретизация

---

<sup>1</sup> Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском процессе: дис. ... канд юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 22.

<sup>2</sup> См.: Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском процессе... С. 22.

<sup>3</sup> См., напр.: Пархоменко Д.А. Усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд юрид. наук. М., 2015. С.8; Пивоварова А.А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 4 и др.

гипотезы и санкции процессуальных норм не может породить специальное индивидуальное правоположение, содержащее уникальный для конкретного процессуального правоотношения набор прав и обязанностей его субъектов. *Поэтому в рамках правоприменительной деятельности специальное индивидуальное правоположение может быть создано судом только при конкретизации диспозиции процессуальной нормы.* Именно такую правоприменительную деятельность имела в виду А.К. Кац, рассматривая конкретизирующую деятельность суда в семейных правоотношениях с частично неурегулированным содержанием<sup>1</sup>. М.К. Юков, рассматривая вопрос нормативной конкретизации, отмечает, что конкретизироваться могут все структурные элементы процессуальной нормы (гипотеза, диспозиция, санкция)<sup>2</sup>. Данное утверждение представляется верным с точки зрения пределов конкретизации в целом. Однако ни конкретизация гипотезы (нормативная, правоприменительная), ни конкретизация санкции не может привести к специализации процессуального права, созданию дополняющей или исключаяющей процессуальной нормы (правоположения).

По степени определенности диспозиции норм цивилистического процессуального права могут быть абсолютно определенными и относительно определенными. Нормы процессуального права с неопределенными диспозициями практически отсутствуют. Анализ действующих процессуальных законов позволяет выявить нормы с относительно определенной диспозицией.

Норма с относительно определенной диспозицией закреплена в ч. 1 ст. 150 ГПК РФ, в которой указывается на процессуальные действия суда при подготовке дела к судебному разбирательству. Однако согласно п. 14 судья также совершает *иные необходимые процессуальные действия*. Аналогичная норма содержится также и в ч. 1 ст. 135 АПК РФ, согласно п. 6 которой судья при подготовке дела совершает *иные направленные на обеспечение правильного и своевременного*

---

<sup>1</sup> См.: *Кац А.К.* Конкретизирующая деятельность суда и семейные правоотношения с частично неурегулированным содержанием... С. 86-96.

<sup>2</sup> См.: *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 79.

*рассмотрения дела действия.* В ч. 1 ст. 230 ГПК РФ также содержится норма относительно определенной диспозицией, которая предоставляет суду для обеспечения полноты составления протокола использовать стенографирование, средства аудиозаписи *и иные технические средства.* Согласно ч. 1 ст. 122 АПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, копия судебного акта направляется арбитражным судом путем направления телефонограммы, телеграммы, по факсимильной связи или электронной почте либо с использованием *иных средств связи.* Данная норма имеет одновременно относительно определенную гипотезу и диспозицию.

В соответствии с содержанием п. 3 ч. 2 ст. 136 АПК РФ арбитражный суд в предварительном судебном заседании, помимо прямо указанных в данной статье действий, выносит на рассмотрение вопросы, разрешаемые при подготовке дела к судебному разбирательству, и совершает предусмотренные АПК РФ *иные процессуальные действия.*

При принятии решения арбитражный суд решает вопросы о сохранении действия мер по обеспечению иска или об отмене обеспечения иска либо об обеспечении исполнения решения; при необходимости устанавливает порядок и срок исполнения решения; определяет дальнейшую судьбу вещественных доказательств, распределяет судебные расходы, а также решает *иные вопросы,* возникшие в ходе судебного разбирательства (ч. 2 ст. 168 АПК РФ).

При принятии решения, обязывающего организацию совершить определенные действия, не связанные со взысканием денежных средств или с передачей имущества, арбитражный суд в резолютивной части решения может указать руководителя *или иное лицо,* на которых возлагается исполнение решения, а также срок исполнения (ч. 2 ст. 173 АПК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 85 КАС РФ суд может приостановить полностью или в части действие оспариваемого решения, запретить совершать определенные действия, принять *иные меры* предварительной защиты по административному иску.

Поскольку диспозиция процессуальной нормы может включать в себя не только права и обязанности, но и процессуальные сроки, то установление срока судом также является разновидностью относительно определенной диспозиции. Согласно ч. 4 ст. 127 АПК РФ в определении указывается на подготовку дела к судебному разбирательству, *действия, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, сроки их совершения*, а также иная указанная в статье информация.

Относительно определенные диспозиции в процессуальном праве формулируются, как правило, посредством открытого перечня процессуальных действий либо способов и сроков их совершения. Оценочные понятия, свойственные для относительно определенных гипотез процессуальных норм, в диспозициях обычно не используются. Исключение составляет использование оценочных понятий при определении сроков совершения процессуальных действий. Например, согласно ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, установив наличие оснований для оставления искового заявления без движения, судья выносит соответствующее определение, о чем извещает лицо, подавшее заявление, и предоставляет ему *разумный срок* для исправления недостатков.

Вышеуказанный анализ подтверждает, что в цивилистическом процессуальном праве имеются нормы с относительно определенной диспозицией, которые предоставляют суду возможность их применения по своему усмотрению с учетом пределов, установленных самой правовой нормой. *При применении данных норм судом создается специальное правоположение индивидуального характера, распространяемое на конкретное процессуальное правоотношение.* Так, например, с учетом выявленных недостатков в исковом заявлении или прилагаемых к нему документах, суд устанавливает конкретный срок для устранения данных недостатков. Этот срок устанавливается судом с учетом ряда субъективных и объективных обстоятельств, например, характер недостатка, удаленность истца, загруженность суда, окончание отчетного периода, планируемая судьей командировка и т.д. Суд, учитывая требования истца и основания данных требований, состав и содержание прилагаемых к



исковому заявлению документов, а также ряд иных обстоятельств, указывает истцу на действия, которые последнему надлежит совершить на стадии подготовки дела, а также сроки их совершения. Суд может указать на необходимость представления дополнительных доказательств, подтверждающих или опровергающих соответствующие обстоятельства, представления надлежащим образом заверенных копий письменных доказательств, представлении суду оригинала письменного доказательства, направления ответчику дополнительных доказательств, разъяснения суду отдельных обстоятельств дела, представления документов, подтверждающих направление претензии и т.д. Указанное индивидуальное правоположение имеет специальный по отношению к объективной норме характер, так как закрепляет уникальный набор процессуальных обязанностей истца, который применим лишь к конкретному процессуальному правоотношению. Данное индивидуальное правоположение получает свою объективацию в правоприменительном акте - определении суда.

Значение индивидуальных правоположений не следует преувеличивать и видеть в них некое подобие правотворчества. Применение процессуальных норм с относительно определенной диспозицией не создает новых норм права, но направлено на полное и четкое урегулирование конкретного процессуального правоотношения. В основе применения лежит норма объективного процессуального права, которая в силу системной связи с другими нормами создает ограничения для судебного усмотрения. В литературе высказывается мнение, что применение не является формой реализации правовых норм, а выступает «базирующейся на императивном методе формой индивидуального (казуального) правового регулирования»<sup>1</sup>. При таком подходе к пониманию применения процессуальных норм акцент смещается в сторону отдельных признаков и свойств правоприменения, но не учитывается его объективная основа. Возможность выступать формой индивидуального правового

---

<sup>1</sup> *Марина И.Н.* Средства повышения эффективности применения норм права: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

регулирующего применению предоставляет именно норма объективного процессуального права. При реализации процессуальных норм с абсолютно определенными структурными элементами применение, по сути, составляет юридическая квалификация, основанная на силлогизме. Творческий элемент регулирования в данном случае минимизирован. Субъективная деятельность суда направлена лишь на наиболее полное установление обстоятельств процессуального правоотношения, сопоставление фактических обстоятельств с моделью регулирования, содержащейся в процессуальной норме. Для суда деятельность по установлению обстоятельств процессуального правоотношения не столь обременительна, как установление обстоятельств спорного материального правоотношения. Это связано с тем, что суд сам является непосредственным участником процессуального правоотношения и многие процессуально значимые факты может наблюдать и воспринимать непосредственно.

Творческий потенциал применения увеличивается при неопределенности одного или нескольких структурных элементов процессуальной нормы. При этом если такая неопределенность кроется в гипотезе, то применение также базируется на юридической квалификации с тем только отличием, что теперь суду следует самостоятельно определить юридически значимые факты, влекущие реализацию диспозиции процессуальной нормы. Поиск применимой нормы также является основной задачей аналогии закона, при которой правовое предписание применяется к схожим неурегулированным процессуальным правоотношениям. Суд сам не формулирует никакого нового индивидуального правила.

При относительно-определенной диспозиции процессуальной нормы, суду надлежит создать специальное индивидуальное правоположение, применимое к конкретному процессуальному правоотношению. В этом случае суд выходит за пределы юридической квалификации, на основе общей нормы объективного процессуального права создает специальный набор субъективных процессуальных прав и юридических обязанностей, применимых только в рамках конкретного процессуального правоотношения. Поэтому отделять собственно

реализационную составляющую правоприменения от ее регулятивной составляющей не следует. Ибо они тесно взаимосвязаны. Казуальное регулирование имеет своей основой объективную процессуальную норму.

Некоторые авторы достаточно скептически оценивают усмотрение суда в части определения гражданских процессуальных прав и обязанностей. Например, Д.В. Малыхин считает, что элементарное развитие гражданского процессуального права должно идти по пути совершенствования формы выражения элементов дискреционных норм путем использования обязывающих конструкций в отношении суда с закреплением более четких критериев усмотрения. «Альтернативный характер диспозиции, - пишет автор, - не должен порождать ее закрепление в относительно-определенной форме»<sup>1</sup>. Как видно, Д.В. Малыхин является сторонником юридического позитивизма и в некоторой степени идеализирует регулятивные возможности гражданской процессуальной нормы. Практика же реализации норм цивилистического процессуального права отчетливо показывает невозможность охвата всех особенностей процессуальных правоотношений абсолютно определенными нормами. Реализация подхода, предлагаемого автором, приведет к запредельному уровню нормативной специализации права, вынужденного сделать бесплодную попытку охвата всех особенностей различных процессуально-правовых ситуаций.

Помимо вышеуказанных особенностей правоприменительной конкретизации цивилистического процессуального права, отличающих ее от конкретизации права материального, следует обратить внимание еще на один момент. Обосновывая судебную конкретизацию материального права и выражение ее результатов в решении суда, исследователи правильно отмечают, что такая конкретизация в силу диспозитивного начала материального права является ограниченной. «Конечно, суд конкретизирует в гражданском процессе объективное право, - пишет по этому поводу Е.В. Васьковский, - но лишь в тех пределах, в каких этого требует истец, именно по отношению к тем фактическим

---

<sup>1</sup> Малыхин Д.В. Гражданская процессуальная норма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 9.

обстоятельствам, которые приведены истцом»<sup>1</sup>. Однако в процессуальных отношениях суд, как было указано выше, является непосредственным участником процессуальных отношений, самостоятельно организует и направляет развитие процессуального отношения. Безусловно, диспозитивное начало проникает и в гражданский процесс, проявляясь прежде всего в распорядительных полномочиях сторон, но суд может и должен наблюдать за реализацией участниками своих процессуальных прав и обязанностей, направлять эту деятельность, выявлять в ней дефекты и даже ограничивать (например, при злоупотреблении). Поэтому применение норм процессуального права составляет его служебную функцию как властного участника процессуального отношения. О. Бюлов в свое время убедительно обосновал несостоятельность теории процессуальных возражений, разработав теорию процессуальных предпосылок, которые устанавливаются судом, как правило, в служебном порядке вне зависимости от возражений соответствующей стороны<sup>2</sup>. Это позволяет ответить на вопрос о полномочиях суда при установлении так называемых процессуально-правовых фактов, от которых зависит течение гражданского процесса<sup>3</sup>. Должен ли суд проверять их наличие только по заявлению участвующего в деле лица, либо не ограничен в данном случае таким волеизъявлением? Представляется, что служебная функция суда предполагает его обязанность устанавливать соответствующие процессуально значимые обстоятельства и применять норму процессуального права вне зависимости от воли сторон во всех случаях, когда такое применение процессуальной нормы не обусловлено волей участвующего в деле лица (например, отказ от иска, признание иска).

Еще одним случаем специализации норм гражданского процессуального права в правоприменении является толкование. Здесь стоит

---

<sup>1</sup> Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016. С. 329-330.

<sup>2</sup> См.: Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки. М., 2019. С. 107-111, 116, 118, 121 и др.

<sup>3</sup> О значении процессуальных возражений см.: Шеменева О.Н. Значение процессуальных возражений ответчика в свете отдельных правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации // Администратор суда. 2023. № 2. С. 13 - 17

указать, что толкование является этапом применения нормы права. «В каждом виде судопроизводства, - отмечает П.А. Гук, - судья сталкивается с необходимостью осуществить толкование, проверить уже истолкованную норму права, дать свое толкование норме права в случае ошибочного толкования или подтвердить правильность толкования нормы права»<sup>1</sup>. Поскольку вопрос толкования процессуальных норм был рассмотрен ранее, постольку в настоящем параграфе следует отразить лишь специфические черты толкования как средства специализации процессуальных норм в рамках правоприменения.

Реализация норм права требует правильного уяснения, а при применении еще и разъяснения смысла процессуальной нормы. В рамках применения правовых норм также допускается толкование по объему (распространительное или ограничительное). Такое толкование в среде процессуалистов также признается, хотя имеются и его противники. Так, М.А. Гурвич, критикуя позицию М.Г. Авдюкова, выступавшего против ограничительного и распространительного толкования, указывал на необходимость толкования по объему для правильного применения права<sup>2</sup>. Как было указано ранее, результат толкования по объему не тождественен содержанию применяемой процессуальной нормы. Как и при официальном нормативном (абстрактном) толковании, результат казуального толкования при правоприменении представляет собой специальное правоположение. Однако между правоположением, полученным при нормативном толковании, и правоположением, сформулированным при казуальном толковании, имеются существенные отличия:

- во-первых, в результате правоприменения судом вырабатывается специальное правоположение, имеющее индивидуальный характер;
- во-вторых, такое правоположение подлежит однократной реализации (определяет права и обязанности для конкретной ситуации один раз);

---

<sup>1</sup> Гук П.А. Судебное толкование норм права... С. 74.

<sup>2</sup> См.: Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы... С. 97-98.

- в-третьих, такое правоположение распространяется только на конкретное процессуальное правоотношение и не может применяться к иным аналогичным ситуациям;

- в-четвертых, индивидуальное правоположение получает свое оформление в правоприменительном акте (судебном определении, решении, постановлении).

Вышеуказанные признаки индивидуального процессуального правоположения, сформулированного судом при казуальном толковании, позволяют отграничить их как от специальных процессуальных норм, так и от правоположений, создаваемых в результате абстрактного толкования процессуальных норм. При казуальном толковании суд учитывает обстоятельства конкретного процессуального правоотношения и формулирует правоположение с учетом специфики данного правоотношения и только применительно к нему. Такие правоположения не носят универсального характера, не обязательны при толковании данной нормы применительно к иному правоотношению.

Широкое распространение типичных процессуально-правовых ситуаций выводит толкование процессуальной нормы на абстрактный уровень, при котором высшими судами осуществляется обобщение практики казуального толкования и дается абстрактное толкование соответствующей нормы либо вносятся изменения в процессуальный закон. Так, например, в Определении Верховного Суда РФ № 306-ЭС16-16518 от 20.02.2017 г. ограничительно истолкована норма ч. 5 ст. 4 АПК РФ. Суд указал, что прокурор при обращении в арбитражный суд, несмотря на процессуальный статус истца в силу ч. 3 ст. 52 АПК РФ, не должен соблюдать досудебный порядок урегулирования спора, так как не является стороной спорного материального правоотношения. Впоследствии были внесены изменения в ч. 5 ст. 4 АПК РФ и данная норма разъяснена в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.07.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

В ряде случаев толкование по объему конкретной процессуальной нормы в судебной практике достаточно распространено и не получило отдельного

нормативного толкования на уровне высших судов. Так, например, согласно ч. 1 ст. 55 ГПК РФ сведения об искомых фактах могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов. Перечень средств доказывания является закрытым. Однако суды, расширительно толкуя данную норму, принимают в качестве средства доказывания консультации специалиста, привлеченного к участию в деле на основании ст. 188 ГПК РФ. Норму ст. 188 ГПК РФ нельзя признать специальной по отношению к норме, содержащейся в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, поскольку она не устанавливает процессуально-правовой статус консультации специалиста в качестве средства доказывания. Толкуя данную норму, Пленум ВС РФ в п. 21 Постановления от 30.06.2015 N 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости»<sup>1</sup> указал, что суд вправе привлечь к участию в деле специалиста для получения консультаций, пояснений и оказания иной технической помощи при исследовании доказательств, в том числе для решения вопроса о необходимости проведения экспертизы (статья 188 ГПК РФ, статьи 50, 169 КАС РФ). Следует иметь в виду, что в качестве специалиста не может быть привлечено лицо, находящееся в служебной или иной зависимости от лиц, участвующих в деле, например, член комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости (статья 18 ГПК РФ, статья 33 КАС РФ). Исходя из данного толкования, Верховный Суд РФ также не определил статус консультации специалиста в качестве средства доказывания. Таким образом, суды при принятии консультации специалиста в качестве средства доказывания и обосновании решения суда ссылкой на сведения, содержащиеся в письменной или устной консультации специалиста, толкуют норму ч. 1 ст. 55 ГПК РФ распространительно, допуская в рамках конкретного процессуального правоотношения использования консультации специалиста в качестве средства доказывания.

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.11.2022 N 304-ЭС22-6536 по делу N А45-20132/2021 расширительно истолкована норма ст. 2 АПК РФ. ВС РФ в качестве задачи судебной власти РФ назвал содействие развитию альтернативных средств разрешения споров<sup>1</sup>. Представляется, что данную позицию ВС РФ сложно обосновать задачами, указанными ст. 2 АПК РФ. По сути, суд в данном случае самостоятельно сформулировал новую задачу, не указанную в ст. 2 АПК РФ.

*Проведенное выше исследование позволяет сделать вывод о том, что применение норм процессуального права судом в рамках конкретного процессуального правоотношения является одной из форм специализации гражданского процессуального права в случаях распространительного или ограничительного казуального толкования процессуальной нормы, а также конкретизации содержания процессуальной нормы с относительно-определенной диспозицией. Иное толкование процессуальных норм, а также конкретизация гипотезы и (или) санкции процессуальной нормы не создает индивидуальное процессуальное правоотношение, следовательно, такая деятельность не является формой специализации гражданского процессуального права.*

## **§ 5. Основания и факторы специализации гражданского процессуального права**

Специализация выступает одним из процессов развития гражданского процессуального права. Она наполняет право новыми элементами, обеспечивает его содержательное многообразие. В конечном итоге специализация необходима для выполнения правом его основной функции упорядочения общественных отношений. Без специализации процессуального права многие аспекты

---

<sup>1</sup> М.Л. Гальперин справедливо критикует подобное толкование, указывая на то, что вопросы политико-правового характера (к которым автор относит вопрос объективной беспристрастности) должны решаться законодателем (См.: Гальперин М.Л. Нужна ли третейскому суду объективная беспристрастность? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 ноября 2022 года N 304-ЭС22-6536 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. N 3. С. 10 – 16).



регулируемые остались бы за рамками правового регулирования. Обладая абстрактностью и универсальностью, право регулирует наиболее важные и типичные ситуации. Нетипичные ситуации часто не получают надлежащего правового регулирования. Поэтому специализация позволяет процессуальному праву регулировать отношения комплексно, учитывая не только типичные, но и нетипичные процессуально-правовые ситуации. Для процессуального права специализация имеет особое значение. Она позволяет обеспечить связанное поэтапное регулирование, последовательность совершения процессуальных действий, их надлежащее оформление.

Правовые комплексы, создаваемые в процессуальном праве в результате его нормативной специализации, имеют специфические внутренние связи общей и специальных норм, обеспечивающие законченность правового регулирования, его монолитность. В отличие от данных комплексов, единичные нормы не обладают регулятивной эффективностью, не способны без должного толкования (как правило, достаточно сложного и в ряде случаев имеющего черты правотворчества) справиться с задачей правового регулирования.

*Специализация цивилистического процессуального права имеет свои основания, под которыми можно понимать совокупность социальных, политических, экономических, юридических факторов как объективного, так и субъективного характера, которые в совокупности создают необходимость такой специализации.* Как часть системы российского права цивилистического процессуальное право подвержено воздействию неюридических факторов, влияющих на право в целом. Преобразование процессуального права часто требует организационного и финансового обеспечения (дополнительные сотрудники аппарата суда, судьи, технические средства). Данные обстоятельства учитываются при изменении действующего законодательства в процессе нормотворческой работы. Недаром при внесении законопроекта в Госдуму РФ требуется приложение финансово-экономического обоснования с расчетами предстоящих затрат на обеспечение законодательных нововведений и указанием источников финансирования. Далеко не последнюю роль в развитии

процессуального права играют и политические факторы<sup>1</sup>, связанные с противостоянием и борьбой отдельных политических групп, находящихся у власти.

Все эти обстоятельства, безусловно, влияют на развитие процессуального права, но являются внешними. Наряду с ними можно выделить группу специально юридических факторов, влияющих на специализацию цивилистического процессуального права. Исходя из специфики процессуального права, в отраслевой литературе достаточно распространено мнение о некоторой вторичности процессуального права, его зависимости от права материального. На первый взгляд именно материальное право, регулирующее спорные материальные правоотношения, является основным фактором специализации цивилистического процессуального права. В пользу данного вывода говорят и так называемые особые виды производств в цивилистическом процессе, которые напрямую связаны с материально-правовой спецификой правоотношения. Но, несмотря на внешнюю очевидность данного вывода, взаимосвязь материального и процессуального права гораздо сложнее, что требует выявления роли материального права в специализации права процессуального.

**Роль материального права в специализации цивилистического процессуального права<sup>2</sup>.** Соотношение материального и процессуального права

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Гальперин М.Л.* Политизация права или легализация политики? О justiciability и доктрине «политического вопроса» на примере международного правосудия // *Международное правосудие.* 2020. N 4. С. 45 - 58.

<sup>2</sup> Проблема взаимного влияния и действия отдельных институтов (юридических конструкций) материального и процессуального права освещается в работах Д.Б. Абушенко (см: *Абушенко Д.Б.* Сопряжение гражданско-правовой сделки с отказом от иска: вопросы материального права и цивилистического процесса // *Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева / под ред. О.В. Исаенковой, Саратов, 2019. С. 11-18; Он же.* Гражданско-правовой зачет и зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков: теоретические размышления о сходстве и отличиях правовых институтов // *Вестник гражданского процесса.* 2020. Т. 10. № 6. С. 13-29; *Он же.* Принцип отменности в цивилистическом процессе: некоторые размышления теоретической конструкции // *Принципы гражданского процессуального права: проблемы закрепления, толкования и правоприменения: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / сост. и ред. З.Ш. Матчанова. СПб., 2020. С. 96-102; Он же.* Механика взаимодействия материального и процессуального на примере цессии в

в литературе выражается следующей формулой: если норма материального права, определяя содержание прав и обязанностей субъектов права, отвечает на вопрос, что надо сделать для реализации этих прав и обязанностей, то норма процессуальная отвечает на вопрос, как, каким образом, в каком порядке названные права и обязанности могут и должны быть реализованы. Иначе говоря, сущность процессуальных норм в одном - в том, что они всегда регламентируют порядок, формы и методы реализации норм материального права<sup>1</sup>. Ряд исследователей в качестве основания специализации цивилистического процессуального права видит особенности спорного материального правоотношения. Д.М. Чечот отмечает, что «гражданское процессуальное право регулирует порядок судебной защиты различных (с точки зрения материально-правового содержания) прав и интересов. Материально-правовая природа дел в ряде случаев влияет на формирование отдельных специфических черт судебной процедуры»<sup>2</sup>. Ю.В. Ефимова в качестве критериев специализации гражданско-процессуальной деятельности называет материально-правовую природу правоотношений, являющуюся предметом судебного разбирательства; необходимость формирования соответствующей процессуальной формы для рассмотрения и разрешения той или иной категории дел; наличие специфической цели судебной деятельности, реализуемой в рамках отдельных категорий материальных правоотношений<sup>3</sup>. «Тесная связь процессуального права с материальным - пишет Е.Е. Уксусова - является одним из основных юридических факторов существования, функционирования и развития отраслевой процессуальной формы судопроизводства, прежде всего в направлении ее

---

исполнительном производстве // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 11. № 3, С. 107-114 и другие).

<sup>1</sup> См.: *Борисова Л.Н.* Общая теория процессуальных норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 38.

<sup>2</sup> *Чечот Д.М.* Неисковые производства. М., 1973. С. 4.

<sup>3</sup> *Ефимова Ю.В.* Специализация гражданско-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 9.

специализации»<sup>1</sup>. Связующим звеном материального и процессуального права, по мнению Е.Е. Уксусовой, выступает предмет рассмотрения (защиты) с его материально-правовой спецификой<sup>2</sup>. Отмечая приоритет материального права над процессуальным, Л.А. Грось указывает: «Изучение влияния норм гражданского и иного материального права на содержание принципов и институтов процессуального права, применяемого как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами позволяет выявить особенности процессуальных норм, применяемых судами, наметить пути их унификации и специализации»<sup>3</sup>.

Д.Б. Абушенко выделяет два направления влияния материального права на процессуальное право. Первое направление Д.Б. Абушенко называет «системным». Оно характеризуется тем, что задает определенный вектор, пронизывает базовые начала и основные институты цивилистического процесса. Такое влияние проявляется в видах производств; основаниях наделения субъектов статусом лиц, участвующих в деле; конструкции иска; определении компетентного суда; категориях института доказывания; институте судебного представительства; конструкции соглашения в цивилистическом процессе; институте судебного решения; основаниях для отмены или изменения судебного акта в проверочных инстанциях. Второе направление влияния материального на процессуальное образуют «частные вкрапления» (институт судебных расходов, институт изменения способа исполнения судебного акта, институт поворота исполнения и др.), которые представляют собой лишь некий отголосок уже существующих в материальном праве конструкций<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Уксусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 83.

<sup>2</sup> См.: Уксусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным... С. 85-86.

<sup>3</sup> Грось Л.А. Научно-практическое исследование влияния норм материального права на разрешение процессуально-правовых проблем в гражданском и арбитражном процессе: учебное пособие. Хабаровск, 1999. С. 8.

<sup>4</sup> См.: Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 12, 39-45, 50-54.

Бесспорно, материальное право и регулируемое им материальное правоотношение (или нарушенное субъективное право, являющееся предметом защиты) влияет на развитие и содержание права процессуального. Но вывод о наличии такого влияния сам по себе очень абстрактен и не приводит к выявлению механизма взаимодействия и взаимосвязи материального и процессуального права. Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в центре такого механизма находится материальное правоотношение, предмет рассмотрения или предмет судебной защиты, так как последние, на наш взгляд, являются лишь промежуточными звеньями, опосредующими взаимовлияние материального и процессуального права. В противном случае жесткая детерминированность процессуального права правом материальным (через предмет судебной защиты) не давала бы первого оснований для саморазвития, самосовершенствования порядка рассмотрения гражданских споров и иных дел, которые также осуществляются в форме специализации цивилистического процессуального права (появление апелляционного производства в гражданском процессе, развитие способов и форм обращения в суд, расширение средств доказывания и т.д.). По вопросу отношения гражданского процесса и гражданского права А.Х. Гольмстен указывал: «... с одной стороны, основные начала гражданского права ложатся в основание гражданского судопроизводства, с другой, - что гражданское право раскрывает перед нами содержание тех актов, которыми занимается гражданское судопроизводство»<sup>1</sup>. Из свойств произвольности и исключительности гражданских прав исследователь выводил диспозитивность личного обращения в суд за защитой своего нарушенного права, диспозитивность участия в доказывании и исполнения судебного решения, а также состязательность как основу гражданского процесса<sup>2</sup>. Л.А. Грось также отмечает обусловленность диспозитивности в цивилистическом процессе материальным

---

<sup>1</sup> Гольмстен А.Х. Об отношении гражданского судопроизводства к гражданскому праву // Юридические исследования и статьи А.Х. Гольмстена. СПб., 1984. С. 242.

<sup>2</sup> См.: там же. С. 237-239.

правом<sup>1</sup>. Однако речь не идет о полной детерминации процесса материальным правом (в том числе в субъективном смысле). Материальное право определяет лишь наиболее существенные черты права процессуального. Некоторые институты процессуального права традиционно тесно связаны с материальным правом. Например, институт доказывания или институт участников гражданского процесса. Здесь влияние материального права и материального правоотношения на процессуальное право более существенно. Однако и в таких случаях процессуальное право не теряет своей самостоятельности, а влияние материального права на него опосредуется несколькими промежуточными звеньями. Несмотря на это, некоторые авторы стремятся значительно упростить механизм влияния норм материального права на право процессуальное, указывают на их причинно-следственную связь. К их числу можно отнести С.А. Боровикова. «Многие нормы АПК РФ 1992 года имеют материально-правовую природу и являются результатом влияния норм федеральных законов, принятых за период с 1995 по 2002 год, направленных на регулирование экономических отношений»<sup>2</sup>, - пишет С.А. Боровиков.

Зависимость специализации гражданского процессуального права и дифференциации гражданского процесса от материального права последовательно обосновывает Е.В. Слепченко в докторской диссертации, посвященной проблеме единства и дифференциации гражданского судопроизводства. «Качественное изменение материального права, особенно после принятия Гражданского кодекса РФ, - пишет она, - вызывает необходимость соответствующего развития также процессуального права. С появлением новых категорий гражданских дел, которые ранее не рассматривались судами, появляется необходимость выяснения особенностей их правовой природы

---

<sup>1</sup> См.: Грось Л.А. Научно-практическое исследование влияния норм материального права на разрешение процессуально-правовых проблем в гражданском и арбитражном процессе... С. 52-77.

<sup>2</sup> Боровиков С.А. Влияние норм материального права на нормы арбитражного процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 9.

и процессуального порядка рассмотрения»<sup>1</sup>. По мнению Е.В. Слепченко, «дифференциация гражданского судопроизводства определяется тем, что к ведению суда отнесены разнообразные категории гражданских дел (ч. 1 ст.22 ГПК РФ). Разнообразие материально-правового характера этих дел не может не обусловить различий в процедуре их рассмотрения. Одни дела рассматриваются путем разрешения спора о праве, другие - путем проверки законности актов государственных органов, третьи - путем установления фактов, имеющих юридическое значение, хотя порядок рассмотрения всех гражданских дел подчинен общим правилам гражданского судопроизводства»<sup>2</sup>. В качестве предпосылки дифференциации гражданского судопроизводства автор видит особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел, что отражается в специализации норм гражданского процессуального права, приспособленных для этого<sup>3</sup>. Е.В. Слепченко исходит из единства гражданского судопроизводства, предусматривающего особенности рассмотрения отдельных категорий дел в зависимости от их материально-правовой специфики<sup>4</sup>.

На наш взгляд, рассмотрение взаимовлияния материального и процессуального права в качестве причинно-следственного отношения неверно, так как в действительности не учитывает множество факторов, воздействующих на процессуальное право, а также не учитывает опосредованное влияние материального права на право процессуальное, в результате которого последнее не лишается своей самостоятельности. Оппонируя сторонникам теории юридического процесса, М.С. Шакарян и А.К. Сергун абсолютно правильно указывали на то, что «гражданское и уголовное процессуальное право, являясь формой реализации материального права, в то же время совершенно самостоятельно. Связь материального права с процессуальным правом не может быть сведена к простому соотношению формы и содержания. Процессуальное

---

<sup>1</sup> Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблема единства и дифференциации... С. 7-8.

<sup>2</sup> Там же. С. 86-87.

<sup>3</sup> См.: там же. С. 87.

<sup>4</sup> См.: Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблема единства и дифференциации.... С. 16, 93.

право как гражданское, так и уголовное, имеет свое собственное содержание и свою форму, закрепленную нормами процессуального права»<sup>1</sup>.

Как отмечалось ранее, непосредственным источником процессуального права выступает предмет правового регулирования – совокупность общественных отношений, испытывающих на себе влияние различных факторов<sup>2</sup>. Социальный базис, имеющий сложную структуру и многочисленные внутренние связи, целенаправленно сведен лишь к общественным отношениям как непосредственному основанию и источнику права. В действительности же социальный базис распадается на множество элементов. Исходя из изложенного, можно сделать промежуточный вывод о детерминации развития цивилистического процессуального права (в том числе процесса его специализации) регулируемыми процессуальными отношениями. «Образование специальных процессуальных норм, - отмечает О.В. Баулин, - объясняется спецификой процессуальных отношений, которая, в свою очередь, непосредственно детерминирована своеобразием структуры и содержания материальных правоотношений, а также отражающими эту структуру и содержание материально-правовыми нормами»<sup>3</sup>. В.М. Шерстюк в качестве главного основания дифференциации процессуального права называет дифференциацию процессуальных правоотношений, которая, по его мнению, является «причиной выделения в системе гражданского процессуального права не только правовых общностей (институтов, объединений институтов), но и правовых норм, составляющих содержание данных институтов»<sup>4</sup>. Влияние материального права на право процессуальное с точки зрения специализации последнего осуществляется не только через материальное правоотношение, но и через процессуальное правоотношение, которое испытывает на себе влияние

---

<sup>1</sup> Шакарян М.С., Сергун А.К. К вопросу о теории т.н. «юридической процессуальной формы» // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права / отв. ред. М.С. Шакарян. М., 1980. С. 70.

<sup>2</sup> См., напр.: Кузнецов Е.Н. Гражданские процессуальные правоотношения: вопросы теории // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 3 - 8.

<sup>3</sup> Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве... С. 19.

<sup>4</sup> Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права... С.31.



различных факторов, в том числе материально-правового характера. Подобное усложнение механизма влияния материального права на право процессуальное хотя ближе к истине, но все же недостаточно конкретно, так как не позволяет выявить опосредующие звенья между процессуальным правоотношением и изменением содержания процессуального права, не позволяет с практической точки зрения установить в каких случаях процессуальное право должно претерпевать изменения, а в каких нет.

Процессуальное право, как уже указывалось выше, является публичной отраслью российского права. В отличие от отраслей частного права, в которых общественные отношения влияют на содержание частного права непосредственно (не берется во внимание воля законодателя как субъективное основание права), в отраслях публичного права такое влияние опосредовано публично-правовыми институтами (как правило, публично-правовой деятельностью). «Реальность публичного права обуславливается политико-правовой деятельностью государства и только в конечном итоге экономическими отношениями...»<sup>1</sup>.

Данный вывод, хотя и не нашел своего четкого выражения в отраслевой юридической литературе, так или иначе отмечается многими авторами. Так, например, Н.А. Громошина, анализируя соотношение специализации судов и специализации процесса, справедливо замечает, что специальная процедура нужна лишь в случае, когда имеющаяся процессуальная форма не может быть использована в силу ее несоответствия целям и задачам специализированного правосудия, а также предмету судебной деятельности<sup>2</sup>.

Таким образом, в реальности *непосредственным основанием специализации цивилистического процессуального права выступает эффективность судебной деятельности и судебной защиты*. Поэтому только лишь небольшая часть изменений материального права отражается в праве процессуальном и приводит к его специализации. Так, например, затруднительность судебной защиты

---

<sup>1</sup> Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание... С. 334.

<sup>2</sup> См.: Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве... С. 147.

нарушенных (или оспариваемых) прав и законных интересов участников корпоративного спора в рамках искового производства привела к необходимости создания в арбитражном процессе отдельного вида производства по рассмотрению корпоративных споров. В иных случаях специализация на элементарном уровне (на уровне норм цивилистического процессуального права), связанная с установлением в процессуальном праве дополняющих и исключающих предписаний, не детерминирована материальным правом, а представляет собой процесс саморазвития цивилистического процессуального права с целью совершенствования судебной защиты и судебной деятельности в целом.

**Судебная система<sup>1</sup> и специализация цивилистического процессуального права.** Согласно ч. 1 ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Толкуя данную норму, Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что правосудие является исключительной компетенцией органов судебной власти<sup>2</sup>. Так, в п. 2 Определения КС РФ от 06.12.2001 N 297-О<sup>3</sup> отмечается, что ст. 10 Конституции РФ относит к основам конституционного строя Российской Федерации разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, что предполагает самостоятельное выполнение каждой ветвью государственной власти своих специфических, установленных Конституцией РФ и федеральным законом функций и полномочий. При этом в соответствии со статьей 118 (часть 1) Конституции РФ исключительную компетенцию судебной власти составляет

---

<sup>1</sup> Об оптимизации современного судоустройства см.: *Силина Е.В.* Общая характеристика системы проверки судебных актов по гражданским делам // Пересмотр судебных актов по гражданским и административным делам: проблемы нормативного регулирования, официального толкования и правоприменения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб., 2021. С. 8-18.

<sup>2</sup> См., напр.: п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 17.03.2009 N 5-П «По делу о проверке конституционности положения, содержащегося в абзацах четвертом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Варм» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 2.

<sup>3</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 N 297-О «По жалобе гражданки М.Е. Костровой на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 29 УПК РСФСР и жалобе гражданина П.А. Шлыкова на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части первой статьи 303 УПК РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 200. № 2.

осуществление правосудия. «Из названных конституционных норм следует, с одной стороны, что никакой иной орган не может принимать на себя функцию отправления правосудия, а с другой - что на суд не может быть возложено выполнение каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия».

В процессуальной науке в качестве обязательного признака правосудия называют процессуальную форму его осуществления. Н.А. Громошина, разделяя позицию авторов о рассмотрении правосудия как целостной категории, то есть всей судебной деятельности по защите, протекающей в гражданской процессуальной форме, считает, что правосудие есть многофункциональная должная деятельность органов судебной власти<sup>1</sup>. Процессуальный порядок осуществления есть необходимый атрибут отправления правосудия<sup>2</sup>. Вышеуказанные положения конституционного законодательства вкупе с общепризнанными положениями гражданской процессуальной науки позволяют первоначально сделать вывод о детерминированности процессуального права построением судебной системы. Д.Я. Малешин по этому поводу отмечает: «Порядок рассмотрения дела в значительной степени зависит от структуры судебной системы. Многие процессуальные институты действуют по-разному в зависимости от типа суда, в котором рассматривается дело... Полномочия судебных инстанций обуславливают особенности соответствующей процедуры. Поэтому структура судебной системы имеет большое значение в установлении процессуальных правил, регулировании порядка разрешения судебных дел...»<sup>3</sup>. Данный вывод представляется вполне обоснованным и с точки зрения иерархии отраслей в системе российского права. Вопросы особенностей построения судебной системы регламентирует конституционное право, которое имеет высшее положение в системе отраслей российского права. Процессуальные отрасли,

---

<sup>1</sup> См.: Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве... С. 11, 185.

<sup>2</sup> См.: Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве... С. 188.

<sup>3</sup> Малешин Д.Я. Специализация судов по гражданским делам за рубежом // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2010. N 5. С. 3

будучи подчиненными, в некотором смысле «подстраиваются» под положения конституционного законодательства. Несмотря на стройность указанной конструкции, она в значительной мере построена на позитивистских началах. В реальной жизни взаимодействие судоустройства и судопроизводства гораздо сложнее и многообразнее. В этом аспекте достаточно интересно проследить вопрос отражения особенностей судоустройства, в частности, специализации судов (судей), в судопроизводстве, то есть содержания гражданского процессуального права.

Зависимость судопроизводства от судоустройства имеет свои исторические корни. Как было показано во второй главе настоящей работы, причиной специализации гражданского процесса в форме обособления правил торгового судопроизводства явилось учреждение специальных коммерческих судов. В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. процессуальная деятельность мировых судебных установлений (мировых судей и мировых съездов) и общих судебных мест (окружных судов, судебных палат) регламентируется отдельно. Порядок судопроизводства мировых судей и окружных судов значительно отличается. Если при обращении к мировому судье возможно устное прошение, то в окружной суд обязательно обращаться письменно на гербовой бумаге по форме (ст. 256). Различаются и этапы осуществления судопроизводства<sup>1</sup>.

В 1910 г. в России были созданы суды по делам несовершеннолетних. Деятельность таких судов имела свои особенности судопроизводства: подростки и взрослые обязательно разобщались; суд был единоличный; ограничивался доступ публики; судопроизводство по таким делам было упрощено; оглашение дел в печати ограничивалось<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> В настоящее время также высказывается мнение о необходимости специальных правил рассмотрения мировыми судьями гражданских дел (См.: *Шеменева О.Н.* Рассмотрение гражданских дел мировыми судьями: проблемы совершенствования процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 8).

<sup>2</sup> См.: *Воронова Е.Л., Мацкевич Ю.Д.* К вопросу о необходимости создания специализированной судебной системы по делам несовершеннолетних в Российской Федерации // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 3. С. 3

Исследователи зарубежных правовых систем также обнаруживают зависимость процессуальных правил судебной деятельности от особенностей построения судебной системы. В Германии, например, существует пять самостоятельных систем, каждая из которых имеет самостоятельные процессуальные правила<sup>1</sup>. ГПК Франции состоит из четырех книг сообразно укрупненным блокам регулируемых процессуальных вопросов и включает более полутора тысяч статей. Так, книга II содержит титул II «Специальные положения, касающиеся суда малой инстанции и местного суда», титул III «Специальные положения, касающиеся коммерческого суда» и титул IV «Специальные положения, касающиеся судов, разрешающих прюдомальные дела»<sup>2</sup>.

Наконец, новейшая история развития судебной системы России также подтверждает зависимость правил судопроизводства от построения судебной системы. В качестве примера можно привести создание арбитражных судов и принятие первого АПК РФ 1992 года. Причем на содержании процессуального права отражается не только специализация судов в форме образования относительно самостоятельных судебных подсистем, как произошло с арбитражными судами, но и преобразования, происходящие внутри конкретной судебной подсистемы. Так, существовавшее ранее Дисциплинарное судебное присутствие имело свои правила рассмотрения обращений. Данное обстоятельство позволило исследователям сделать вывод о наличии самостоятельного вида судопроизводства<sup>3</sup>. Создание Суда по интеллектуальным правам как специализированного арбитражного суда потребовало изменение арбитражного процессуального законодательства. Появился ряд специальных норм, регулирующих компетенцию данного суда (ст. 27, 29, 34 АПК РФ), его состава (ст. 17 АПК РФ), вступление в силу судебного решения (ст. 180 АПК РФ)

---

<sup>1</sup> См.: *Ахметзянова Э.Р.* Потенциал использования опыта специализированных судов Германии в судебной системе Российской Федерации // *Международное публичное и частное право.* 2011. N 5. С. 36; *Малешин Д.Я.* Специализация судов по гражданским делам за рубежом // *Вестник Арбитражного суда города Москвы.* 2010. N 5. С. 3.

<sup>2</sup> См.: *Ярков В.В.* Развитие российской судебной системы в ближайшей и отдаленной перспективе (краткие тезисы) // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2013. N 8. С. 60-61.

<sup>3</sup> См.: *Юдин А.В.* Процессуальные аспекты функционирования Дисциплинарного судебного присутствия // *Вестник ВАС РФ.* 2010. N 2. С. 41.

и другие. Суд по интеллектуальным правам стал единственным арбитражным судом, рассматривающим дела об оспаривании нормативных правовых актов по правилам гл. 23 АПК РФ. Как правильно отмечает О.В. Кистринова: «Образование первого специализированного суда в системе арбитражных судов не только потребовало учесть специализацию судей, но и повлекло создание специальных процедур, а также изменение организационных аспектов деятельности и взаимодействия нового суда с существующими судами...»<sup>1</sup>.

Изменения в системе судов общей юрисдикции также влекут за собой преобразования в сфере правил судопроизводства. Создание апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции потребовало существенного изменения процессуального законодательства. Появились новые нормы о разграничении компетенции, кассационного производства. Как отмечается в самой пояснительной записке к проекту ФКЗ «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», принятие данного закона «потребует внесения изменений в процессуальное законодательство (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях)...»<sup>2</sup>, а также ряд других законов. Процессуальные изменения реализованы в Федеральном законе от 28.11.2018 N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>3</sup>.

Таким образом, история, теория и практика свидетельствуют о тесной взаимосвязи между судоустройством и судопроизводством. Создание специализированных судов, преобразование существующей системы органов судебной власти в виде дополнения ее отдельными звеньями влекут изменение

---

<sup>1</sup> Кистринова О.В. Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. 2015. N 2. С. 10.

<sup>2</sup> URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7> (дата обращения: 03.05.2019)

<sup>3</sup> СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

содержания цивилистического процессуального права, появление специальных компетенционных норм, норм о порядке деятельности вновь образованных судебных органов (инстанций). М.И. Клеандров в этой связи замечает, что полномасштабная судебная специализация должна охватывать судоустройственную, судопроизводственную и судьейско-статусную составляющие механизма правосудия<sup>1</sup>. Однако возникает вопрос о причинах и критериях преобразования судебной системы. Какие обстоятельства побуждают законодателя изменять достаточно важную и социально чувствительную сферу государственного управления? Как справедливо отметил Д. Бахрах, применительно к идее создания административных судов «нужна специализация судей, а не судов»<sup>2</sup>.

По достаточно распространенному в литературе мнению основным критерием специализации современной судебной системы является характер дела (или особенности материального правоотношения). «Рассмотрение и разрешение дела должны быть поручены органу; цели и задачи, а также форма осуществления им своей деятельности наиболее соответствуют характеру данного дела», - пишет Д.В. Бурачевский<sup>3</sup>. С ним соглашается В. Лукьянов, который в рецензии на статью Д.В. Бурачевского отмечает: «Соответствие сущности юрисдикционного органа и материально-правовой характеристики подлежащего разрешению дела является условием, определяющим эффективность реализации права на защиту (в том числе судебную защиту)...»<sup>4</sup>. Д.М. Замышляев указывает, что «специализированные суды создаются для достижения функционального соответствия судов и социальных отношений в обществе, путем разделения юрисдикций (специализации) судебных органов. Это позволяет учитывать

---

<sup>1</sup> Клеандров М.И. О модели радикальной автономизации мировой юстиции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. N 3. С. 32.

<sup>2</sup> Бахрах Д. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 10-11.

<sup>3</sup> Бурачевский Д.В. Характер дела как основной фактор специализации арбитражных судов // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 12. С. 25.

<sup>4</sup> Лукьянов В. Рецензия на статью Д.В. Бурачевского «Характер дела как основной фактор специализации арбитражных судов» // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 3. С. 46.

особенности правоотношений в конкретных сферах (взаимоотношение граждан и государственных органов, преступления несовершеннолетних и т.д.) и состава участников спора»<sup>1</sup>. Для нас неясно как могут воздействовать друг на друга совершенно неоднородные явления правовой действительности (характер дела и судебный орган). Остается загадкой также и вопрос «сущности» юрисдикционного органа, которая каким-то образом должна соответствовать характеру дела. Подобные выводы, конечно, имеют свою теоретическую ценность, но не могут быть положены в основу обоснования необходимости создания специализированного суда (или звена судебной системы). В противном случае таким образом можно обосновать необходимость образования как минимум пары десятков специализированных судов (земельных, семейных, экологических, спортивных, налоговых, банкротных и др.), так как споры, вытекающие из различных правоотношений, имеют свою специфику. Сопоставить социальную значимость того или иного спора (или дела) крайне сложно. В практике такое сопоставление, как правило, производится по количественному критерию (например, количество земельных споров больше, чем, например, спортивных, значит, земельные споры более социально значимы), который, однако, является достаточно условным. Если в России семейных споров больше, чем экологических, то это не означает, что данные споры имеют большее социальное значение, так как в круг участников экологического спора вовлечено гораздо большее количество граждан (состав которых часто определить невозможно), чем в спор семейный. История развития отечественной судебной системы свидетельствует о неустойчивости критерия образования специализированного суда. С.Ф. Афанасьев и А.И. Зайцев в этой связи отмечают: «... история развития русской судебной системы показывает, что на протяжении многих веков... в рамках данной системы существовали специализированные суды (государственные и негосударственные), которые изначально создавались в зависимости от субъектного состава, принимавшего участие в разбирательстве

---

<sup>1</sup> Замышляев Д.М. Об исторических аспектах специализации судов // Администратор суда. 2014. N 3. С. 29.



правовых конфликтов. В XVII в. специализация судов впервые стала проходить по предметному признаку, то есть во главу угла ставился характер спора, хотя вплоть до 1917 г. специализированные судебные инстанции выделялись и функционировали при использовании обоих названных признаков, а также их смешении»<sup>1</sup>. Суд по делам несовершеннолетних, создание которого обосновывается в современной литературе, основывается на субъектном критерии, а не на характере дела.

Нам представляется, что основанием специализированного суда (как, впрочем, и создания дополнительных звеньев в действующих подсистемах) является не только и не столько характер дела, а гораздо большая совокупность факторов как субъективного (усмотрение законодателя), так и объективного характера. *Основным из данной совокупности является фактор эффективности судебной деятельности по различным делам, с разными субъектами, на различных стадиях.* В пояснительной записке к проекту ФКЗ «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» отмечается, что «в настоящее время возникла объективная необходимость создания в Российской Федерации структурно самостоятельных кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции, которая обусловлена потребностью в функционировании в рамках подсистемы судов общей юрисдикции организационно обособленных судебных инстанций в целях максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений на судебные постановления, деятельность которых не будет осуществляться в том же субъекте Российской Федерации и тем более в том же суде, которым дело рассматривалось в первой инстанции». Такую же потребность испытывала и система арбитражных судов до образования в ее структуре апелляционных судов.

---

<sup>1</sup> Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Специализация гражданских судов в России: история, реалии и перспективы // Юрист. 2005. № 7. С. 55.

В пояснительной записке к проекту ФКЗ о создании Суда по интеллектуальным правам также отмечается, что «увеличение числа споров, связанных с интеллектуальными правами, объективно требует создания профессионального специализированного арбитражного суда, способного рассмотреть спор качественно не только с правовой точки зрения, но и с учетом специфики того или иного интеллектуального права, подлежащего защите. При этом рассмотрение таких споров, как правило, требует наличия специальных знаний (восполнить отсутствие которых у суда не может и проведение экспертизы, так как сама по себе экспертиза по таким делам нуждается в очень серьезной оценке). Создание такого суда позволит повысить эффективность системы защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации с учетом международных стандартов»<sup>1</sup>. С учетом того, что практически все исследователи проблемы специализации судов в той или иной мере отмечают необходимость создания специальных процессуальных правил<sup>2</sup>, специализация судов и специализация гражданского процессуального права в конечном итоге имеет одно основание - *обеспечение эффективности судебной деятельности и судебной защиты*.

А.А. Павлушина выделяет два основания специализации судов: материально-правовое (категория дел) и процессуально-правовое (особенности судебной процедуры рассмотрения отдельных категорий дел)<sup>3</sup>. Автор приходит к выводу о том, что «достаточным основанием для специализации не судей, но судов может... являться лишь второй, а именно процессуально-правовой, критерий, т.е. существенные особенности процедуры, обуславливающие

---

<sup>1</sup> Елисеев И.Н. Суд по интеллектуальным правам - первый специализированный суд в арбитражной системе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. N 4. С. 88-89.

<sup>2</sup> Даниелян Д.Р. К вопросу о специализации судов в организации аппарата судебной власти России // Мировой судья. 2013. N 7. С. 19 - 22; Максимов В.В. Место и роль специализированных судов в судебной системе // Администратор суда. 2010. N 2. С. 11 - 15; Павлова М.С. К вопросу о специализации судов // Мировой судья. 2013. N 1. С. 16 - 20; Павлушина А.А. К вопросу о критерии специализации судов // Российская юстиция. 2011. N 6. С. 37 - 40 и др.

<sup>3</sup> См.: Павлушина А.А. К вопросу о критерии специализации судов... С. 37.

качественно иной ход процесса»<sup>1</sup>. К таким особенностям автор относит набор и внутреннее содержание стадий процесса, принципы и цели деятельности суда в нем, круг участников процессуального правоотношения и их процессуальные роли, властные акты, принимаемые в ходе разрешения юридических дел, и форма их фиксации, сроки совершения процессуальных действий и подведомственность дел, виды и источники доказательств, гарантии соблюдения процессуальных норм, санкции за нарушение соответствующих правил<sup>2</sup>. Таким образом, для А.А. Павлушиной первостепенное значение в построении судебных органов имеет не особенность характера спора, а особенность процедуры его рассмотрения. Первичной становится специализация права, а не специализация судов. Такой подход хотя и препятствует учреждению множества ненужных специализированных судов, но также не может быть воспринят нами без надлежащей корректировки. На наш взгляд, специализация судов (институциональная специализация) и специализация судопроизводства (специализация гражданского процессуального права) представляет собой достаточно взаимосвязанные, но качественно различные стороны судебной деятельности. Институциональное обеспечение судебной деятельности предполагает создание самостоятельного, организационно обособленного, независимого и профессионально ориентированного судебного органа (в системе существующих судов либо параллельно с ними), реализующего определенное направление судебной деятельности. Специализация судопроизводства предполагает создание порядка рассмотрения отдельных категорий дел (со специфичным характером или субъектами) или реализации процедур обжалования, которые с функциональной стороны обеспечивают эффективность судебной деятельности. Если институциональная составляющая при ее преобразовании требует, как правило, некоторой корректировки судопроизводства (если быть более точным, то такая специализация происходит в судостроительстве и судопроизводстве параллельно), то специализация

---

<sup>1</sup> Там же. С. 38.

<sup>2</sup> См.: Павлушина А.А. К вопросу о критерии специализации судов... С. 38.

судопроизводства может и не отражаться на построении системы судебных органов. Так, например, создание Суда по интеллектуальным правам и (или) кассационных судов общей юрисдикции повлекли известные изменения процессуального законодательства. Однако формирование производства по корпоративным спорам или даже принятие Кодекса административного судопроизводства РФ не привело к образованию соответствующих судебных органов. Поэтому вопрос заключается в том, в какой из сторон судебной деятельности обнаруживаются причины ее неэффективности. Если причиной выступают дефекты построения системы судебных органов, приводящие к отсутствию полной независимости судей, неравномерной нагрузке, регионализму судебной практики и т.п., то преобразованию подвергается судебная система, что также требует корректировки процессуальных правил. Если же такой причиной являются несоответствие судебной процедуры характеру спорного правоотношения, субъектным особенностям спора, что не позволяет единообразно, правильно и быстро его рассматривать и разрешать, то изменения претерпевают процессуальные правила без необходимости изменения судебной системы. Об этом объективно свидетельствует и современная законотворческая практика. Например, в Федеральном законе от 28.11.2018 N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрены изменения процессуального порядка, как связанные, так и несвязанные с организацией кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции. Причем последних изменений гораздо больше. В частности, значительные изменения претерпел арбитражный процесс.

Следует также оговориться, что на содержание процессуального права отражаются лишь такие изменения судебной системы, которые предполагают преобразование ее структуры, то есть специализации судов. Специализация судей не может породить подобного рода последствия, поскольку затрагивает, как правило, профессиональный, а не институциональный аспект<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Замышляев Д.М. Специализация как форма развития судебной системы: судопроизводство, юрисдикция, компетенция // Российский судья. 2015. N 8. С. 13.

Таким образом, зависимость порядка судопроизводства от судоустройства порождает необходимость корректировки процессуальных правил при преобразовании системы судебных органов в целях функционального обеспечения деятельности последних. Однако специализация цивилистического процессуального права не может обосновываться лишь специализацией судоустройства. *В конечном итоге и специализация процессуального права, и специализация судебной системы обуславливается единым основанием – институционно-организационное и функциональное обеспечение эффективной судебной деятельности.*

**Роль процессуальной науки и судебной практики в специализации цивилистического процессуального права.** Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что главным основанием специализации цивилистического процессуального права является судебная деятельность, точнее, необходимость ее эффективного осуществления в целях надлежащей правовой защиты. Однако само по себе это основание проявляться не может. Ему необходимы вспомогательные факторы, которые бы, с одной стороны, выявляли причины неэффективности судебной деятельности (функциональные, институциональные, кадровые и т.д.), с другой, - позволяли разрабатывать наиболее оптимальные пути совершенствования процессуального порядка рассмотрения и разрешения гражданских и иных дел. Такими факторами являются *судебная практика и цивилистическая процессуальная наука.*

Несмотря на то, что правоприменительная деятельность судов является одной из форм специализации цивилистического процессуального права, судебная практика в целом является тем индикатором, который сигнализирует о недостатках цивилистического процесса. Понимая, что в современной науке имеются различные подходы к судебной практике, и целенаправленно обходя этот вопрос стороной, в настоящей работе под судебной практикой мы подразумеваем судебную деятельность и совокупность всех судебных актов по конкретным делам (гражданским, семейным, экономическим, земельным и т.д.), а также акты судебного толкования правовых норм. При этом для специализации

цивилистического процессуального права имеет значение практика реализации и толкования именно процессуальных норм. Здесь автора могут упрекнуть в нестройности и алогичности предлагаемого механизма специализации процессуального права, поскольку правоприменительная и правоинтерпретационная деятельность судов одновременно выступают и формой, и фактором специализации процессуального права. Предвидя подобные замечания, поясним, что, во-первых, нет ничего удивительного в том, что в социальной сфере одни и те же явления имеют несколько значений, реализуют различные функции в зависимости от сферы приложения. Полифункциональностью обладают большинство явлений правовой действительности. Так, нормы процессуального права выполняют не только регулятивную (или охранительную) функцию, но и познавательную, воспитательную, систематизирующую, превентивную и ряд других функций в зависимости от вида нормы. Во-вторых, при рассмотрении судебной практики как фактора специализации права речь идет о качественно иной судебной деятельности, а именно, о ее совокупном результате. Если формой специализации выступает конкретная судебная деятельность по применению и толкованию (причем, не любому применению и толкованию) норм цивилистического процессуального права, то при рассмотрении судебной практики как фактора специализации имеется в виду ее совокупный результат. Здесь, как правило, не имеют значение единичная деятельность и единичный результат. Отсюда возникает другая проблема, связанная с систематизацией и обобщением судебной практики. Сама по себе судебная деятельность и ее результаты, не составляют упорядоченной совокупности. Поэтому для того, чтобы стать фактором специализации процессуального права и выявить недостатки имеющегося процессуального порядка, она претерпевает соответствующие манипуляции.

Обобщением судебной практики и анализом судебной статистики занимаются сами судебные органы. Согласно ФКЗ «О судах общей юрисдикции в

Российской Федерации»<sup>1</sup> (ст. 23.4; 23.6; 23.12; 23.14; 26; 39) и ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»<sup>2</sup> (ст. 26; 30; 33.3; 33.7; 36; 40; 43.4) суды всех уровней осуществляют обобщение и анализ судебной практики, а также анализируют материалы судебной статистики. Судебную статистику ведет Судебный департамент при ВС РФ и его управления в субъектах России<sup>3</sup>. Обобщение и анализ судебной практики осуществляют и негосударственные организации, а также отдельные исследователи.

Судебная практика является той сферой, которая всегда притягивала научное сообщество. Обобщение и анализ судебной практики позволяет выявить реальные проблемы правового регулирования. Значение судебной практики как своеобразного источника поиска правовых проблем осознано на заре правовой науки. Анализ судебной практики является необходимым элементом содержания научной работы, имеющей прикладной характер. Так, например, анализ положений закона и судебной практики позволил Г.В. Бертгольдту в 1909 году выявить коллизию вызова наследников через публикацию с удостоверением мирового судьи о нахождении всех наследников<sup>4</sup>. Анализ судебной практики занимает не последнее место в исследовании Т.М. Яблочкова «Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков»<sup>5</sup> 1911 года. Некоторые издания и авторские коллективы занимались обобщением и систематизацией судебной практики<sup>6</sup>. Не является исключением и цивилистическое процессуальное право. С появлением отдельного кодифицированного акта

---

<sup>1</sup> Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. N 7. Ст. 898.

<sup>2</sup> Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. N 18. Ст. 1589.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 08.01.1998 N 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. N 2. Ст. 223.

<sup>4</sup> См.: *Бертгольдт Г.В.* Коллизия вызова наследников через публикацию с удостоверением мирового судьи о нахождении всех наследников налицо // Закон и судебная практика. М., 1909. 17 с.

<sup>5</sup> См.: *Яблочков Т.М.* Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Т. 2. Очерки законодательной и судебной практики. Ярославль, 1911. 616 с.

<sup>6</sup> См.: Судебная практика по торговым делам. Решения С.-Петербургского Коммерческого Суда и Правительствующего Сената (4 Д-та и Общего Собрания) 1882-1893 г. СПб., 1896. 330 с.; *Свердлов Г.М., Тадевосян В.С.* Гражданский кодекс РСФСР в судебной практике. Очерки / под ред. С.М. Прушицкого. М., 1929. 99 с.

гражданский процесс анализируется с точки зрения практики реализации процессуальных норм<sup>1</sup>. Обобщением и анализом судебной практики реализации норм процессуального права занимались также и советские юристы-процессуалисты<sup>2</sup>. В.Ю. Соловьев справедливо указывает, что судебная практика в широком смысле является индикатором фактического состояния правовой системы, указателем направлений ее совершенствования в соответствии с высокими стандартами, провозглашенными Конституцией РФ<sup>3</sup>. Однако судебную практику не стоит переоценивать. Нельзя здесь согласиться с мнением В.Ю. Соловьева о том, что именно судебная практика сама по себе указывает направления совершенствования цивилистического процессуального права. Такие направления вырабатываются процессуальной наукой на основе анализа судебной практики, действующего законодательства России и зарубежных стран, истории его развития, а также в результате теоретических разработок проблемных процессуально-правовых вопросов. Поэтому судебная практика, являясь индикатором эффективности судебной деятельности, помогает выявить процессуальные проблемы, обнаружить их источник, но, отнюдь, не дает готовых решений данным проблемам.

Решение процессуальных проблем дается в науке цивилистического процессуального права. М.О. Долгова отмечает, что развитие науки гражданского процессуального права происходит под влиянием внутренних и внешних факторов. Если к внутренним факторам относится развитие научного познания, то внешние факторы составляют «содержание соответствующей отрасли права, характер регулируемых нормами гражданского процессуального права общественных отношений, сложившаяся практика применения указанных норм, а также воздействие со стороны политической, экономической, социальной сфер

---

<sup>1</sup> См.: *Анненков К.* Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. IV. СПб., 1887. 307 с.; *Боровиковский А.Л.* Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского Кассационного Департамента и Общего Собрания Кассационных и I и II Департаментов Правительствующего Сената. изд. шестое. СПб., 1908. 1102 с.

<sup>2</sup> См.: *Александровский С.В., Лебедев В.Н.* Гражданский процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами. 4-е изд. М., 1929. 296 с.

<sup>3</sup> См.: *Соловьев В.Ю.* Судебная практика в российской правовой системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6.



общественной жизни»<sup>1</sup>. Наука призвана решать не только теоретические, но и сугубо практические задачи (хотя деление проблем на теоретические и практические, на наш взгляд, сугубо условно, так как в конечном итоге любая теоретическая конструкция, за исключением схоластических, направлена на решение одной или нескольких практических задач). Ориентированность на решение практических задач обеспечивает взаимосвязь процессуальной науки и практики. Мнения и теоретические конструкции, разрабатываемые исследователями-процессуалистами, применяются в реальной жизни при принятии законодательных решений.

Единственно верным путем специализации цивилистического процессуального права является его научно обоснованное развитие. Поэтому обособление процессуальной науки от практики, либо практики от науки может крайне негативно сказаться как на первой, так и на второй. Наука, не призванная решать конкретные практические задачи, замыкается сама на себе, становится нежизнеспособной, схоластичной. Практика, не учитывающая разработки процессуальной науки, действует методом «проб и ошибок», допускает необоснованные дефекты процессуального порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел, приводит к появлению неэффективных, ошибочных положений в процессуальном законодательстве, толковании и применении норм процессуального права. Н.Н. Розин в свое время отмечал, что судебно-правовая наука должна пользоваться всем доступным методологическим арсеналом. «Пользуясь формально-логическим, историко-генетическим и философским методом для целей догматики, она должна использовать и политических метод для целей более глубокого, тонкого и, главное, жизненного понимания и освещения процессуальных институтов. Лишь тогда ее выводы достигнут той высоты, на которую должна поставить их наука, изучающая великое культурное явление - государственную судебную деятельность»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Долгова М.О. Развитие науки гражданского процессуального права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 7.

<sup>2</sup> Розин Н.Н. Процесс как юридическая наука // Журнал Министерства юстиции. октябрь 1910. С. 44-45.

## § 6. Пределы специализации цивилистического процессуального права

Специализация как процесс развития цивилистического процессуального права необходима. Однако чрезмерная специализация может породить негативные последствия, сделать правовое регулирование крайне неэффективным. Рассматривая вопрос о специализированных судах, Н.А. Громошина очень точно заметила, что «в специализации должны быть разумные пределы, за которыми она оборачивается негативными последствиями»<sup>1</sup>. Поэтому необходимо рассмотреть негативные последствия чрезмерной интенсификации процессов специализации в цивилистическом процессуальном праве.

**Пределы нормативной специализации цивилистического процессуального права.** В общем своем смысле право призвано организовать общественные связи, внести в общественную жизнь порядок и стабильность. Известный немецкий цивилист Ф. Регельсбергер в свое время писал, что «... в праве действуют совместно принцип порядка и принцип свободы. Для водворения в обществе порядка право подчиняет волю отдельных лиц твердыми нормами. Зато и отдельным лицам оно предоставляет и обеспечивает внутри известных границ свободную деятельность воли»<sup>2</sup>. Незрелое право имеет достаточно много пробелов, отстает от фактических общественных отношений. Однако и чрезмерно специализированное право в силу своей сложности затрудняет ее реализацию. Поэтому основным негативным общеправовым последствием специализации цивилистического процессуального права является его *сложность*, которая связана со следующими аспектами:

- специализация цивилистического процессуального права неизменно приводит к росту его элементарных частиц - процессуальных норм. Причем, как отмечается многими исследователями, нормы процессуального права имеются не только в основных отраслевых источниках - АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, но и во

<sup>1</sup> Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве... 145.

<sup>2</sup> Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / под ред. Ю.С. Гамбарова; пер. И.А. Базанова. М., 1897. С. 3.

многих других нормативных правовых актах - ГК РФ, СК РФ, ЗК РФ и т.д. Рост специальных норм по рассмотрению отдельных категорий дел, которые сосредоточиваются в материально-правовых источниках, приводит некоторых исследователей к необоснованным выводам о возникновении трудового процессуального, семейного процессуального и тому подобных структурных образований<sup>1</sup>. Проблема роста количества специальных норм и нормативных правовых актов является проблемой общеправовой и в юридической литературе получила название «законодательной инфляции». «Законодательная инфляция, - пишет А.В. Демин, - характерная примета времени. Объективной предпосылкой этого явления выступают радикальное усложнение, перманентное развитие, нестабильность и непредсказуемость современных общественных отношений, а также появление новых и масштабные трансформации уже сложившихся объектов правовой регламентации (это, прежде всего, связано с продуцированием новых идей и технологий)»<sup>2</sup>. Специально-юридической предпосылкой нормативной инфляции в цивилистическом процессуальном праве является его специализация. Для процессуального права такая тенденция весьма характерна, так как оно стремится наиболее полно урегулировать складывающиеся процессуальные правоотношения, минимизировать судебное усмотрение при реализации норм процессуального права. От полноты регулирования процессуальных правоотношений зависит качество осуществляемой судебной деятельности, а, значит, и качество судебной защиты субъективных гражданских прав;

- увеличение нормативного материала не может не сказываться на структуре цивилистического процессуального права. Как было показано выше, специализация приводит к образованию новых связей в системе

---

<sup>1</sup> См., напр.: Куренной А.М. Скобелкин В.Н., Передерин С.В., Чуча С.Ю., Семенюта Н.Н. Трудовое процедурно-процессуальное право: Учебное пособие / под ред. В.Н.Скобелкина. Воронеж, 2002. 504 с.; Лушников А.М., Лушников М.В. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М., 2009. 1151 с.

<sup>2</sup> Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: вопросы идентификации и преодоления: монография / под ред. В.Ю. Панченко, А.А. Петрова. Красноярск, 2016. С. 54

цивилистического процессуального права, а, следовательно, усложняет его внутреннюю организацию. Применение специализированного права требует от суда знания его внутреннего строения, а также осуществления систематического толкования. Не случайно именно в периоды реформирования права ошибки в толковании и применении процессуальных норм наиболее распространены. Кроме того, достаточно частое изменение структуры цивилистического процессуального права не может положительно сказываться на его свойстве стабильности. В соответствующей сфере правового регулирования возникает ситуация неопределенности, характеризующаяся ожиданием все новых и новых изменений. Внутренняя организация современного гражданского процессуального права является одной из важных проблем современной науки, в которой отсутствует единый подход к решению вопроса строения системы гражданского процессуального права. Так, например, В.М. Шерстюк, исследующий вопросы системы гражданского процессуального права и ее внутреннего строения, отмечает, что «за последние 20 лет не опубликовано видных монографических работ по проблемам системы права, и в том числе системы гражданского процессуального права»<sup>1</sup>. При этом автор справедливо критикует позицию Е.В. Слепченко относительно структуры ГПК РФ.

Усложнение структуры цивилистического процессуального права есть «обратная сторона медали» его специализации. В качестве конкретных негативных последствий специализации цивилистического процессуального права можно выделить следующие.

1. Коллизии процессуально-правовых норм. От юридической коллизии следует отличать конкуренцию процессуально-правовых норм, выражающуюся в частичном совпадении сферы действия нескольких процессуальных норм. Конкуренция норм цивилистического процессуального права есть явление, свойственное нормальному его развитию. «При конкуренции нормы имеют равную юридическую силу и действуют одновременно, их контексты

---

<sup>1</sup> Шерстюк В.М. К десятилетию ГПК РФ. Современные проблемы системы гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 21.

(структурные и функциональные связи между гипотезами и диспозициями конкурирующих норм) согласуются друг с другом, нормы содержат в своих конструкциях взаимосвязанные признаки спорного казуса, то есть соперничают, конкурируют друг с другом»<sup>1</sup>. Оптимальный уровень специализации цивилистического процессуального права всегда будет предполагать наличие конкуренции общей и специальной нормы. В такой конкуренции, в частности, также проявляется усложнение структуры цивилистического процессуального права. Общеизвестно, что конкуренция общей и специальной нормы (нормы-изъятия) разрешается в пользу специальной нормы. Такой способ разрешения конкуренции связан с тем, что законодатель, создавая специальную норму, целенаправленно формулирует специальное процессуально-правовое правило для отдельных ситуаций. В отличие от конкуренции коллизия процессуально-правовых норм есть такое их противоречие, которое законодателем не предполагалось и не может быть разрешено вышеизложенным способом. Н.И. Матузов под юридическими коллизиями понимал «расхождения или противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий»<sup>2</sup>. К числу основных юридических коллизий, влияющих на процесс правоприменения, С.С. Козлов относит «коллизии между нормами материального права, подлежащими применению по конкретному юридическому делу; коллизии между нормами материального и процессуального права, устанавливающие различные процедуры разрешения юридического дела; коллизии между нормами материального и процессуального права, которые не позволяют эффективно применить нормы материального права в связи с несоответствием процедуры и ее претворения в

---

<sup>1</sup> Еременко А.С. Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. Вып. 3. С. 109.

<sup>2</sup> Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225.

жизнь»<sup>1</sup>. При этом автор почему-то не относит к «основным» правоприменительным коллизиям коллизии норм процессуального права, которые, безусловно, влияют на правильность применения норм материального права, а, следовательно, на эффективность судебной защиты. В качестве негативного последствия специализации можно указать противоречия специальных норм цивилистического процессуального права, своеобразную неразрешимую их конкуренцию. Специализация норм процессуального права приводит к появлению новых взаимосвязей, однако чрезмерная специализация затрудняет учет множества системных связей процессуальных норм. В результате возможна ситуация, при которой возникают две специальные процессуальные нормы (равные нормы), которые совпадают по предмету, но не совпадают по содержанию. Именно это, как правило, и приводит к процессуально-правовой коллизии. Однако возможны и иные варианты процессуально-правовых коллизий. Например, неполное соответствие конкретизирующей специальной нормы общей норме, несоответствие процессуальных норм, содержащихся в различных процессуальных кодексах (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ - в сфере разграничения их компетенции по конкретным делам); противоречие норм, содержащихся в процессуальных кодексах, а также норм, содержащихся в материальных источниках права. Примером неполного соответствия общей и специальной нормы являются положения ч. 1 и ч. 2 ст. 64 АПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 64 АПК РФ доказательствами по делу являются соответствующие сведения об искомых фактах. В ч. 2 данной статьи указано, что в качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы. Однако в ч. 2 перечисляются не сами доказательства, а их процессуальная форма - средства доказывания. В теории гражданского процесса традиционно принято условно разделять сами

---

<sup>1</sup> Козлов С.С. О некоторых возможностях разрешения коллизий в условиях правовой системы современной России // Вестник МГТУ. 2006. № 1 (том 9). С. 156.

доказательства и средства доказывания<sup>1</sup>. Различные стороны доказательства как собирательного понятия (источник, сами сведения о фактах, средства доказывания) предполагают применение разных критериев и средств оценки. Например, средство доказывания не может быть оценено с точки зрения относимости, но оценивается на допустимость.

В последнее время цивилистическое процессуальное законодательство претерпевает существенные изменения, многие из которых носят позитивный характер. Однако масштабные изменения могут привести к появлению процессуально-правовых коллизий. Так, например, Федеральным законом от 26.07.2019 N 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>2</sup> в ГПК РФ в целях развития примирительных процедур введена новая глава 14.1. «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», которая содержит общие и специальные нормы, связанные с оформлением и порядком утверждения мирного соглашения в гражданском процессе. Очевидно, что ранее существовавших в ГПК РФ норм (ст. 39, 173) было явно недостаточно для законодательного регулирования мирного соглашения. Поэтому применялись по аналогии нормы АПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 153.9 ГПК РФ мирное соглашение заключается в письменной форме. Мирное соглашение составляется и подписывается в количестве экземпляров, превышающем на один экземпляр количество лиц, заключивших мирное соглашение (ч. 6 ст. 153.9 ГПК РФ). Однако указанные нормы вступают в противоречие с ранее существовавшими в ГПК РФ положениями ч. 1 ст. 173, согласно которой мирное соглашение может быть выражено сторонами не только в виде отдельного письменного документа, подписанного сторонами, но и в устных, письменных заявлениях сторон, содержащих условия мирного соглашения. Представляется, что с учетом особенностей субъектного состава участников гражданского процесса возможность устного обращения сторон с условиями мирного соглашения должна остаться.

---

<sup>1</sup> См.: *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М., 1997. С. 89

<sup>2</sup> СЗ РФ. 2019. N 30. Ст. 4099.

2. Несогласованность процессуальных и материальных норм. Специализация процессуального права по общему правилу должна приводить к соответствию процесса материальному праву (точнее, обеспечивать эффективность судебной деятельности при рассмотрении различных материально-правовых дел). «Дальнейшая дифференциация материального права определяет необходимость совершенствования процессуальных форм судопроизводства в арбитражных судах и судах общей юрисдикции»<sup>1</sup>. Однако не следует забывать о том, что специализация материального и процессуального права во многом осуществляется параллельно. Свойство стабильности объективного права и формализованность законодательного процесса не позволяет цивилистическому процессуальному праву оперативно реагировать на изменения права материального, которые влияют на эффективность судебной деятельности. Чрезмерная специализация процессуального права в направлении права материального, ненужная его конкретизация отводит процессуальному праву роль «догоняющего», порождает обратную ситуацию - несогласованность процессуальных и материальных норм. Например, ч. 1 ст. 282 ГПК РФ устанавливает, что в заявлении об ограничении дееспособности гражданина должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о том, что гражданин, злоупотребляющий спиртными напитками или наркотическими средствами, ставит свою семью в тяжелое материальное положение. На наш взгляд, данная конкретизация является чрезмерной, по сути, указывает, что заявление должно быть обоснованным, а, значит, включать в себя сведения обо всех обстоятельствах, указанных в гипотезе соответствующей материальной нормы, которая подлежит применению. Однако в силу того, что в последующем материальное законодательство претерпело изменения, ограничить в дееспособности в соответствии с п. 1 ст. 30 ГК РФ можно не только при злоупотреблении гражданином спиртными напитками, наркотическими средствами, но при его пристрастии к азартным играм, если подобная пагубная

---

<sup>1</sup> Ярков В.В. Развитие российской судебной системы в ближайшей и отдаленной перспективе (краткие тезисы) // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. N 8. С. 59.



привычка (заболевание) ставит семью в тяжелое материальное положение. Излишне специализированное процессуальное правило в данной части не соответствует норме материального права.

3. Неоправданное дробление процесса на отдельные процедуры. Множественность судебных процессуальных процедур - закономерная черта развития цивилистического процесса. Т.В. Сахнова по этому поводу замечает, что «судебные процедуры в современном процессе выдвигаются в первый ряд - в качестве не только главного критерия дифференциации процесса, но и главного инструментария его дальнейшего развития, обретения нового качества. Именно судебные процедуры способны выступить универсальным способом оптимального сочетания частноправовых и публично-правовых начал в методах судебной защиты... Можно сформулировать иначе: актуализация проблемы судебных процедур демонстрируется материализацией процессуального права; посредством судебных процедур обеспечивается путь к достижению цивилистическим процессом внутренней гармонии»<sup>1</sup>. Однако чрезмерная специализация процессуального права может приводить к такому количественному росту судебных процедур, который не только не способствует, а препятствует эффективной судебной деятельности. Некоторые процедуры становятся попросту «мертвыми», в судебной практике практически не встречаются. Известно, что до реформирования упрощенное производство в арбитражном процессе практически не применялось. В настоящее время нечасто в практике встречаются случаи подачи заявления об установлении факта владения и пользования юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем недвижимым имуществом как своим собственным в соответствии с ч. 2 ст. 218 АПК РФ. На практике подобными заявлениями пытаются «прикрыть» спорные материальные правоотношения. Глава 30 ГПК РФ также, на наш взгляд, представляет собой пример излишней дифференциации гражданского процесса. Из процессуальных особенностей здесь указано только на специальные правила

---

<sup>1</sup> Сахнова Т.В. Судебные процедуры (о будущем цивилистического процесса) // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 2. С. 9.

подсудности, участие прокурора и отдельные действия судьи при подготовке (которые вполне можно было раскрыть в акте толкования права). Остальные нормы либо дублируют соответствующие нормы, содержащиеся в материальных источниках права (ст. 44, 46 ГК РФ и ст. 280 ГПК РФ), либо излишне конкретизируют процессуальные действия сторон с корреляцией на материальное право (ст. 277 ГК РФ). Проведя исследование процессуальных особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, О.В. Баулин пришел к выводу о том, что в состав процессуальных особенностей, наряду со специальными нормами, входят и правоприменительные положения, которые имеют смешанную, материально-процессуальную природу, и, в связи с этим, не отвечают критерию отраслевой чистоты. К правоприменительным положениям автор относил примерные перечни лиц, участвующих в деле, доказательств, типовые предметы доказывания по конкретным категориям гражданских дел, рекомендации по составлению судебных решений. Функции данных правоприменительных положений состоят в конкретизации сферы действия и порядка применения общих процессуальных норм с использованием информации, содержащейся в нормах материального права. По справедливому мнению О.В. Баулина, правоприменительные положения не должны закрепляться в нормативных актах; их место - в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ, в судебной практике, научной и справочной литературе<sup>1</sup>. Н.А. Громошина также указывает на то, «что большую часть особенностей составляют не специальные нормы, а именно правоприменительные положения (о надлежащих сторонах, о соучастии, о предмете и основании иска, о фактах предмета доказывания, фактах, не подлежащих доказыванию, о «необходимых» доказательствах, содержании судебного решения и т.п.). Эти положения не могут и не должны быть включены в кодекс материального или процессуального права. Надлежащее место для них -

---

<sup>1</sup> См.: Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 10.

в постановлениях Пленумов высших судебных органов или обобщениях судебной практики»<sup>1</sup>. Остается присоединиться к мнению данных авторов.

4. Множественность и конкуренция порядков рассмотрения отдельных категорий дел<sup>2</sup>. Как было указано, специализация цивилистического процессуального права может приводить к созданию специальных правил, направленных на эффективное разрешение отдельных категорий дел. Однако при отсутствии четких коллизионных норм на практике возникает конкуренция данных порядков. В качестве примера можно привести рассмотрение отдельных споров в порядке искового производства в судах общей юрисдикции и отдельном производстве в арбитражных судах (например, по спорам об уменьшении покупной цены акций, практика по которым расходилась и в конечном итоге пошла по пути реализации общеискового порядка в судах общей юрисдикции<sup>3</sup>). Принятие КАС РФ также породило конкуренцию процессуальных порядков защиты, при которой порядок ГПК (как правило, исковое производство) конкурировал с порядком КАС РФ – административным судопроизводством. При возникновении спора о праве, разрешаемого в порядке искового производства, производство по административному делу подлежит прекращению. Определить же подлежащий применению процессуальный порядок защиты права в ряде случаев достаточно сложно, о чем свидетельствует многочисленная судебная практика применения судами ч. 1 ст. 194 КАС РФ. Такой проблемы нет в арбитражных судах при рассмотрении гражданских и административных дел по правилам АПК РФ. Решению данной проблемы способствовал ныне упраздненный ВАС РФ, рекомендовавший арбитражным судам при оценке порядка рассмотрения дела руководствоваться существом заявленных требований, а не наименованием обращения. Возникшая конкуренция процессуальных порядков рассмотрения дел в значительной степени

---

<sup>1</sup> Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве... С. 136.

<sup>2</sup> См., напр.: *Лецина Э.Л.* Конкуренция процессуальных форм рассмотрения судами служебных дисциплинарных споров // *Актуальные проблемы российского права.* 2022. N 1. С. 49 - 59.

<sup>3</sup> См.: Определение ВС РФ от 6 февраля 2018 г. по делу № 5-КГ17-218.

предопределила затруднительность рассмотрения так называемых «смешанных» исков, содержащих различные требования. Поэтому судебная практика изобилует случаями искусственного «дробления» дел, при котором, например, акт государственного органа оспаривается в рамках КАС РФ, а компенсация или убытки взыскиваются в порядке ГПК РФ. Очевидно, что такое положение дел «запутывает» механизм защиты нарушенного права, приводит к его необоснованному усложнению. Ситуацию конкуренции призван разрешить Федеральный закон от 28.11.2018 N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесший в ГПК РФ и КАС РФ соответствующие коллизионные процессуальные нормы.

Существенной процессуально-правовой проблемой действия КАС РФ является также различный уровень гарантированности защиты прав по административным делам в КАС РФ и АПК РФ. Принятие КАС РФ не повлияло на порядок разрешения административных дел с участием предпринимателей, подпадающих под действие АПК РФ. Поэтому принципы и общие положения рассмотрения таких дел осуществляются по общим правилам АПК РФ. В результате получается, что в отношении граждан применяется порядок, установленный в КАС РФ, со всеми его особенностями, а в отношении предпринимателей действует АПК РФ. Разный уровень доступа к правосудию и гарантий защиты прав представляется очевидным в силу сравнения базовых процессуальных институтов, например, института представительства, возбуждения производства по делу, института мер процессуального принуждения в КАС РФ и так далее. Отсутствие объективных предпосылок существенных отличий в данных институтах обосновывается самой судебной практикой. Так, например, АПК РФ можно «сменить» КАС РФ путем прекращения статуса индивидуального предпринимателя. Если различия процессуальных порядков обусловлены особенностями спорных материальных правоотношений, то возможность такой замены представляется по меньшей мере нелогичной<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: *Потапенко Е.* КАС: что в сухом остатке? [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://legal.report/kas-chto-v-suhom-ostatke/> (дата обращения: 07.05.2019).

5. Распространение процессуальных норм в материально-правовых источниках права. Расположение норм специальных норм цивилистического процессуального права в материально-правовых источниках в настоящее время признается нормальным. Первоначально исследователи ратовали за формальную чистоту гражданского процессуального права путем изъятия норм процессуального права из материальных законов и включения их в процессуальный кодекс. Впоследствии, при широком развитии указанного явления, расширении материального права и усложнении права процессуального, стало понятно, что предлагаемая формальная систематизация процессуальных норм достаточно проблематична и не совсем целесообразна. Так, например, К.С. Юдельсон, первоначально выступающий за изъятие процессуальных норм из семейного законодательства и размещение их в ГПК РСФСР, впоследствии высказывался за сохранение традиции размещения процессуальных норм, регулирующих особенности рассмотрения отдельных категорий дел в материальных кодексах<sup>1</sup>. О.В. Баулин также не соглашается с позицией авторов, полагающих, что необходимо изъять все процессуальные установления из актов материального права. «Задача состоит в том, чтобы обеспечить функциональное и содержательное соответствие общих и специальных процессуальных норм. Эта цель может быть достигнута путем включения всех специальных норм в ГПК, закрепления в этом нормативном акте глав, регулирующих особенности рассмотрения отдельных категорий дел. Изъятие же процессуальных правил из актов материального права необходимым не является»<sup>2</sup>, - пишет автор. По нашему мнению, размещение специальных процессуальных норм в материально-правовых источниках не свидетельствует о нарушении отраслевой принадлежности данных норм. Подобный прием в определенном смысле является оправданным. Процессуальные правила, непосредственно обслуживающие отдельную сферу материально-правового регулирования, в таком случае

---

<sup>1</sup> См. об этом: *Шерстюк В.М.* Система советского гражданского процессуального права... С. 55-57.

<sup>2</sup> *Баулин О.В.* Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 6.

формально приближены к соответствующим нормам материального права, наиболее полно учитывают их специфику, отражающуюся на эффективности судебной деятельности. Абсолютно прав В.М. Шерстюк, указывая, что «специальные нормы нецелесообразно размещать в ГПК и потому, что многие из них неразрывно связаны с нормами материального права по своему содержанию»<sup>1</sup>. При этом законодатель, изменяя нормы материального права, не забывает в необходимых случаях корректировать нормы процессуального права. В этом аспекте включение таких норм в процессуальный кодекс может породить впоследствии несогласованность норм процессуального и норм материального права, о чем указывалось выше. Однако широкое распространение норм процессуального права в материально-правовых источниках не может быть признано правильным в силу ряда обстоятельств. Во-первых, в материально-правовых источниках нормы процессуального права, как правило, не обособлены и не систематизированы, а разбросаны по всему нормативно-правовому акту. Это существенно затрудняет их реализацию. В качестве примера можно привести Семейный кодекс РФ, процессуальные нормы в котором разбросаны по всему кодексу (ст. 17, 22, 23, 24, 25, 27 и ряде других). Хаотичное расположение множества норм процессуального права в материально-правовом источнике затрудняет их реализацию, требует от суда соотнесения специальных правил, расположенных в материальном законе, с правилами процессуальных кодексов, определения места первых в системе процессуального права. Во-вторых, обособление специальных норм в материальном законе создает предпосылки для их относительно самостоятельного развития без учета процессуальных норм, содержащихся в процессуальных кодексах. Это может приводить как к коллизиям специальных норм (например, подсудность по Закону РФ «О защите прав потребителей» (ст. 17) и исключительная подсудность исков к перевозчику (ст. 30 ГПК РФ)), так и к появлению дублирующих специальных норм (например, предъявление иска потребителя по месту нахождения филиала (ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей») дублирует ч. 2 ст. 29 ГПК РФ). В-третьих,

---

<sup>1</sup> Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права... С. 57.

широкое распространение специальных норм в материально-правовых источниках существенно затрудняет реализацию института процессуальной аналогии как с точки зрения механизма, так и по содержанию. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что распространение норм процессуального права в материально-правовых источниках допустимо в соответствующих пределах, когда данные нормы очень сжато и системно во взаимосвязи с соответствующими нормами материального права раскрывают особенности рассмотрения определенных дел (споров). Множественность и хаотичное размещение специальных процессуальных норм в материальных законах не может быть признано правильным, негативно влияет на относительно самостоятельное развитие цивилистического процессуального права и реализацию его норм.

Таким образом, нормативная специализация цивилистического процессуального права, являясь закономерным процессом его развития, при чрезмерной интенсификации может приводить к негативным процессуально-правовым последствиям. Такие последствия могут напрямую противоречить основной цели специализации - наиболее полному и комплексному регулированию процессуально-правовых отношений, обеспечению эффективной судебной деятельности, защите нарушенных прав и законных интересов спорящих субъектов. *Вместо этого, чрезмерная специализация приводит к процессуальным коллизиям, несогласованности норм процессуального и материального права, множественности и конкуренции процессуальных процедур, нарушению отраслевой формализованности цивилистического процессуального права, что не может не породить затруднения в реализации процессуальных норм, создает предпосылки для судебных ошибок и влияет в конечном итоге на качество судебной деятельности.* Соответственно, задача законодателя состоит в недопущении появления указанных негативных последствий посредством оптимизации специализации цивилистического процессуального права.

**Пределы правоинтерпретационной специализации цивилистического процессуального права.** Акты абстрактного толкования высших судов играют

весьма значимую роль в современном механизме реализации норм цивилистического процессуального права. С начала деятельности объединенного высшего суда по состоянию на 01 сентября 2023 года ВС РФ принял 489 постановлений Пленума. Многие из них имеют организационный характер (об утверждении, изменении персонального состава президиумов судов, утверждении арбитражных заседателей), ряд постановлений связан с реализацией права законодательной инициативы. Вопросам толкования положений действующего законодательства, применяемого в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства (за исключением дел об административной ответственности) посвящено содержание 72 постановлений Пленума ВС РФ (в 2014 г. после 06.08 - 0; в 2015г. - № 2, 21, 25, 28, 43, 45, 50, 52; в 2016 г. - № 1, 7, 11, 13, 18, 27, 36, 54, 59, 62, 63, 64; в 2017 г. - № 6, 15, 16, 21, 22, 23, 49, 53, 54, 56, 57, 58; в 2018 г. - № 15, 26, 27, 28, 33, 48, 49, 50; в 2019 г. - № 10, 13, 24, 25, 26, 41, 49, 50, 53; в 2020 г. - № 5, 6, 12, 13, 17, 42, 44, 45; в 2021 - № 2, 16, 17, 18, 23, 46; в 2022 - № 1, 2, 21, 31, 33; 2023 г. (по состоянию на 01.09.2023г.) - № 15, 23, 24, 26). В ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» нормативно установлена цель разъяснений Пленума - обеспечение единообразного применения законодательства. Однако множественность разъяснений, адресованных правоприменителю, с учетом отсутствия в ряде случаев специализации судей (например, мировых судей, рассматривающих уголовные, административные и гражданские дела) могут породить обратную реакцию, так как знание всех разъяснений практически невозможно.

Как было показано выше, далеко не всякое толкование норм цивилистического процессуального права приводит к его специализации, а только толкование по объему и конкретизация процессуальной нормы. В основе такого толкования лежит либо необходимость установления действительного смысла и содержания нормы права при выявлении несовпадения словесной формы и смысла нормы, либо допущение конкретизации самой процессуальной нормой. В первом случае (распространительное или ограничительное толкование при дефекте нормы) специальные правоположения, создаваемые при абстрактном толковании,



должны иметь временный характер, так как требуется вносить изменения в действующее законодательство. Подобная практика также реализуется Верховным Судом РФ, который, являясь субъектом права законодательной инициативы, вносит на рассмотрения законодателю проекты соответствующих изменений. Во втором случае (распространительное или ограничительное толкование допускает сама норма права) специальные правовые положения могут иметь постоянный характер и изменяться в зависимости от практики их реализации.

Чрезмерная правоинтерпретационная специализация цивилистического процессуального права может привести к негативным процессуально-правовым последствиям:

- нивелированию действия процессуальных норм. В юридической литературе справедливо отмечается, что толкование не может подменять правотворчество. Соответственно, результаты толкования не должны являться заменителями процессуальных норм. Деятельность по толкованию относится к разъяснительной, а не правотворческой деятельности. Некоторые авторы предпринимают попытки включить деятельность по толкованию Пленума ВС РФ в ряд иной конкретизирующей деятельности. А.В. Тербков выделяет три вида конкретизации федеральных законов: подзаконная правотворческая конкретизация; подзаконная нормативная разъясняющая конкретизация и правоприменительная конкретизация. «Высшая судебно-правовая конкретизация относится к подзаконной нормативной разъясняющей конкретизации...»<sup>1</sup>, - утверждает автор. Здесь нужно отметить, что, во-первых, толкование не всегда направлено на конкретизацию, а само разъяснение не всегда есть конкретизирующее правовое положение. Во-вторых, автор явно смешивает формы конкретизации, называя их видами и применяя единые признаки конкретизации. Так, правоинтерпретационная конкретизация в постановлениях Пленума ВС РФ не может быть «подзаконной», так как представляет собой качественно иную по

---

<sup>1</sup> Тербков А.В. Юридическая и логическая природа разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6.

отношению к правотворческой деятельности. Иерархическое построение нормативно-правовых актов не может распространяться на результаты деятельности по их толкованию.

Распространение специальных правоположений в актах абстрактного толкования цивилистического процессуального права ВС РФ делает их обязательными для нижестоящих судов. Опасаясь отмены судебных актов, нижестоящие суды должны применять указанные правоположения, а, следовательно, применять норму не буквально, что приводит к нивелированию буквального содержания данной нормы;

- конкуренции объективного права и права толкования. Интенсификация толковательной деятельности высших судебных органов приводит к накоплению определенного пласта разъяснений, которые выступают своего рода промежуточным звеном между объективным правом и его реализацией. Несоответствия, выявленные между толкованием и содержанием объективного права, приводят к их конкуренции, чего допускать нельзя. Так называемое понятие «прецедента толкования» достаточно условно и не отвечает существу понятия юридического (судебного) прецедента. Так, например, согласно п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» лица, участвующие в деле, рассматриваемом в порядке упрощенного производства, считаются получившими копии определения о принятии искового заявления (заявления) к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, не только в случаях, прямо указанных в законе (ч. 1 ст. 113; ч. 2 – 4 ст. 116 ГПК РФ), но и в случаях, если суд располагает доказательствами получения указанными лицами информации о начавшемся судебном процессе. Подобное толкование выглядит весьма сомнительным, поскольку суду достаточно лишь информировать участника о начавшемся процессе, не направив данному участнику копию определения о принятии искового заявления и его рассмотрения в порядке

упрощенного производства, что явно не соответствует закону (ч. 3 ст. 133; ч. 1 ст. 232.1; ч. 2,3 ст. 232.3 ГПК РФ).

Таким образом, *правоинтерпретационная специализация цивилистического процессуального права - явление объективно существующее, хотя и порождаемое различными причинами (дефектность норм или допущение специального толкования самой нормой). В любом случае такая форма специализации, имея важное значение, не должна приводить к появлению правоположений, заменяющих содержание процессуальных норм.*

**Пределы правоприменительной специализации цивилистического процессуального права.** Как было указано выше, применение норм процессуального права судом в рамках конкретного процессуального правоотношения является одной из форм специализации цивилистического процессуального права в случаях распространительного или ограничительного казуального толкования процессуальной нормы, а также конкретизации содержания процессуальной нормы с относительно-определенной диспозицией. Из этого следует, что правоприменительная специализация не является неизменным спутником реализации норм цивилистического процессуального права в форме применения. Непосредственным основанием правоприменительной специализации является норма процессуального права, с заключающимися в ней дефектами словесной формы выражения либо допускающая судебное усмотрение в части содержания процессуальных прав и обязанностей участников цивилистического процесса. Н.Б. Зейдер абсолютно правильно видел в основании правоприменения норму объективного права, которая наделяет судебное решение юридической силой<sup>1</sup>. М.И. Малинин в «Теория гражданского процесса» писал о том, что постоянным регулирующим началом гражданского процесса является положительный закон. «Отсюда естественно заключить, что процессуальная наука должна исходить из положительного закона; он для нее служит почвой»<sup>2</sup>. И хотя Н.Б. Зейдер имел в виду применяемую норму материального права и ее

<sup>1</sup> См.: Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу... С. 44-45.

<sup>2</sup> Малинин М.И. Теория гражданского процесса. Вып. первый. Одесса, 1881. С. 4.

значение для судебного решения, а М.И. Малинин определял основополагающую роль закона для науки гражданского процесса, их общие выводы весьма актуальны и применимы к исследуемой проблеме. Цивилистический процесс представляет собой универсальный порядок рассмотрения и разрешения судом гражданско-правовых споров и иных дел. Универсальность данному процессу придают абстрактные нормы объективного процессуального права, которые выстраивают внутренне непротиворечивую модель взаимодействия участников процесса в целях достижения соответствующего результата - наиболее полной защиты нарушенных или оспариваемых субъективных гражданских прав и законных интересов посредством принятия наиболее правильного судебного решения.

В современной науке гражданского процессуального права практически общепризнано мнение о единстве гражданского процесса. Гражданский процесс в его реализации представляет собой единое процессуальное правоотношение. Такое понимание, на наш взгляд, является верным. Е.А. Нефедьев по этому поводу писал, что «деятельность сторон объединяется деятельностью суда; а так как деятельность последнего, как деятельность органа власти, направлена на определенную цель, и имеет определенные условия возникновения и существования, а, следовательно, и единство, цельность, то воля суда и деятельность его, как ее проявление, и есть то отыскиваемое нами явление, которое вносит цельность, единство в процесс»<sup>1</sup>. Учитывая то обстоятельство, что во время написания этих строк в научной среде велась дискуссия о сущности гражданского процесса, добавим, что в современной действительности воля суда, его деятельность и, самое главное, цель этой деятельности определяются законодательно. Поэтому речь идет, конечно, не о свободной воле и деятельности, а деятельности, наиболее детально урегулированной процессуальным законом. Однако Е.А. Нефедьев прав в том моменте, что процесс должен быть единым. А в этой связи и деятельность суда и иных участников процесса должна быть детально урегулирована процессуальным законодательством.

---

<sup>1</sup> Нефедьев Е.А. Единство гражданского процесса. Казань, 1892. С. 18.

Что касается непосредственных оснований правоприменительной специализации, то казуальное распространительное или ограничительное толкование процессуальных норм с абсолютно определенными гипотезами должно осуществляться в исключительных случаях, когда содержание нормы не только не соответствует ее смыслу, но и существенно влияет на эффективность судебной деятельности, препятствует достижению задач судопроизводства. Исключительность данного толкования связана как с сутью самого толкования, так и с уровнем его осуществления. На уровне правоприменения достаточно сложно выявить «истинный смысл» применяемой процессуальной нормы, так как для этого нужно иметь высокий уровень теоретических знаний, что не всегда встречается на практике. Кроме того, уяснение смысла нормы требует, как минимум, небольшого исторического и теоретического анализа, что при загруженности судей сделать проблематично. Поэтому общим правилом применения процессуальных норм является их буквальное толкование. Распространительное или ограничительное толкование при применении процессуальной нормы воспринимается, как правило, из постановлений пленумов и правовых позиций высших судов, что в современных условиях является правильным. Второй непосредственной предпосылкой специализации цивилистического процессуального права в форме правоприменения является допущение такой специализации самим законом при относительно определенной диспозиции. В этом случае специализация основана на законе. Однако чрезмерное распространение подобных норм в процессуальном праве может привести к негативным последствиям.

1. Нарушение универсальности процессуального порядка и единства процесса. Широкое судебное усмотрение не может положительно влиять на универсальность цивилистического процессуального права, поскольку ставит набор процессуальных действий в зависимость от воли правоприменителя. Каждое рассмотрение и разрешение гражданского дела судом в таком случае наполняется собственным оригинальным содержанием, существенно отличается от рассмотрения и разрешения другого дела, хотя и вполне аналогичного. Кроме

того, в разных регионах фактические процедуры рассмотрения гражданских дел значительно отличаются. Одни и те же определения судов принимаются одними судьями в совещательной комнате, другими - оформляются протокольными определениями (например, определение по ходатайству о передаче дела по подсудности). Одни судьи проводят подготовку дела и после нее проводят предварительное судебное заседание, другие - сразу предварительное судебное заседание. В одних случаях суду достаточно только лишь доверенность представителя, заверенная по месту работы или жительства. В других - необходимо представить справку с места работы или подтверждение факта регистрации по месту жительства. В одних случаях суды принимают копии письменных доказательств, прилагаемых к исковому заявлению, без заверения их заявителем; в других - оставляют без движения при отсутствии заверения. В одних случаях судьи устанавливают соответствие копии письменного доказательства подлиннику и заверяют копии в предварительном судебном заседании, в других - только в судебном заседании либо отказываются заверять, требуя приобщить к материалам дела подлинник письменного доказательства или его нотариально удостоверенную копию. Все эти и множество иных случаев дифференцированной судебной деятельности не имеют объективного основания, нарушают универсальный характер процессуального порядка. Важно также и то обстоятельство, что единство судебного процесса должно осознаваться на всех его стадиях. Задачи, реализуемые на разных стадиях, подчиняются единой процессуальной цели. Поэтому узкостадийный подход судей апелляционных, кассационных судов, при котором каждая из судебных инстанций преследует лишь свои цели, не может не сказываться на единстве цивилистического процесса, его направленности на достижение единой цели.

2. Упрощение процессуального порядка. Специализация цивилистического процессуального права в форме применения связано с судебным усмотрением. С учетом высокой загруженности судей, их желание двигаться в направлении более простого рассмотрения дела очевидно. Такая ситуация, на наш взгляд, в настоящее время складывается с институтом подготовки дела к судебному

разбирательству и предварительным судебным заседанием. Важность данного института, его обязательность как стадии цивилистического процесса обосновывается в современной процессуальной науке<sup>1</sup>. Однако недостаточная регламентация данного института в законе, наличие чрезмерно абстрактных норм, а также норм, допускающих судебное усмотрений, недостаточная толковательная деятельность высших судов привела к нивелированию данного института на практике. В результате задачи подготовки, указанные в ст. 133 АПК РФ, ст. 148 ГПК РФ, ст. 132 КАС РФ, не достигаются, а переносятся в стадию судебного разбирательства, что значительно усложняет процесс, делает его хаотичным и непредсказуемым, соответственно, влияет на его результат.

3. Судебный произвол. Правоприменительная специализация имеет объективные основания в нормах процессуального права. Специализация, которая таких оснований не имеет, представляет собой судебный произвол. Д.Б. Абушенко отмечает, что основой судебного усмотрения и судебного произвола является свобода правоприменителя. «Поэтому в самом общем виде область судебного произвола можно обозначить той частью свободы правоприменителя, которая, во-первых, не охватывается судебным усмотрением и, во-вторых, непосредственно не вытекает из специфики правоприменительной деятельности»<sup>2</sup>.

Таким образом, специализация цивилистического процессуального права имеет свои пределы, определяемые недопущением чрезмерной интенсификации процесса специализации, приводящей к наступлению негативных процессуально-правовых последствий. *Оптимальный уровень специализации обеспечивает стабильное развитие цивилистического процессуального права и эффективность*

---

<sup>1</sup> См.: напр.: Барбакадзе В.Т. Подготовка дела к судебному разбирательству как стадия арбитражного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 237 с.; Беков Я.Х. Подготовка к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 197 с.; Закирова Д.И. Подготовка дел к судебному разбирательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 217 с.; Фильченко Д.Г. Современные проблемы подготовки дела к судебному разбирательству в арбитражном процессе российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 233 с. Чекмарева А.В. Подготовительные процедуры в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 438 с. и др.

<sup>2</sup> Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. С. 145.

*судебной деятельности.* Однако в развитии цивилистического процессуального права неизменно присутствует и противоположная тенденция - его унификация, которая также имеет свои сущностные особенности.



## ГЛАВА 4. УНИФИКАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

### § 1. Общие нормы в системе цивилистического процессуального права

Специализация и унификация цивилистического процессуального права есть парные процессы его развития, результаты которых (процессуальные нормы, правоположения) находятся во взаимосвязи. Исходя из вышеизложенной классификации норм цивилистического процессуального права на парные и единичные, следует выделить две группы общих норм: общие единичные (непарные) нормы и общие парные нормы.

Первую группу составляют процессуальные нормы повышенной абстрактности (принципы,<sup>1</sup> дефиниции, декларативные нормы). Подобные нормы включены, как правило, в общую часть ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и в литературе именуется специализированными в силу особой роли в отраслевой системе процессуального права. Общей единичной нормой выступает, например, норма ст. 2 ГПК РФ, устанавливающая задачи гражданского судопроизводства; норма ст. 6 ГПК РФ о равенстве перед законом и судом; норма ч. 1 ст. 8 ГПК РФ, провозглашающая независимость судей при осуществлении правосудия и другие. В силу своей высокой абстрактности данные нормы являются общими по отношению ко всем остальным нормам гражданского процессуального права, очерчивают направления правового регулирования, выражают специфику отраслевого метода регулирования. Специализированные нормы выполняют интегрирующую и системообразующую функции, объединяют весь нормативный правовой материал в единую отраслевую систему. Однако такие нормы могут не иметь отдельных тесных взаимосвязей с конкретными нормами, закрепляющими правила поведения. Сфера их воздействия - весь предмет правового регулирования и вся система цивилистического процессуального права. А.В.

---

<sup>1</sup> Идею необходимости нормативного оформления принципов гражданского процессуального права последовательно обосновывает А.Ф. Воронов (См.: *Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее.* М., 2009. С. 17-21, 38-39).

Баранов понимает под специализированными нормами «особым образом сформулированное общеобязательное, формально-определенное правило общего характера, выполняющее в механизме правового регулирования специфические функции, выражающиеся в том, что эти нормы оказывают определительно-обеспечительное воздействие на систему права»<sup>1</sup>. О.А. Кузнецова отмечает, что в системе гражданского права специализированные нормы призваны выполнять различные функции: системообразующие, системоуправляющие и системосохраняющие<sup>2</sup>. Автор указывает, что возникновение специализированных норм «объясняется объективными процессами дифференциации и интеграции, происходящими в системе гражданского права и ведущими к специализации («разделению труда») ее элементов - норм права»<sup>3</sup>. Специализированные нормы цивилистического процессуального права действительно играют особую роль в отраслевой системе права. Однако их следует отличать от специальных процессуальных норм<sup>4</sup>. В гражданском процессуальном законодательстве специализированные нормы права начали появляться в результате систематизационных процессов под воздействием пандектной системы построения нормативно-правовых актов с выделением общей части. Стремление упорядочить совокупность процессуальных норм, объединить их общими положениями, направляющими правовое регулирование процессуальных отношений, привело к формулированию общих норм повышенной абстрактности. Такие нормы приобрели в рамках отраслевой системы гражданского процессуального права особое функциональное назначение (системообразующее, направляющее и т.д.). С исторической точки зрения появление специализированных норм в гражданском процессуальном праве не явилось и не могло явиться результатом его предметной специализации. Специализированные

---

<sup>1</sup> Баранов А.В. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестник Омского университета Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 29.

<sup>2</sup> См.: Кузнецова О.А. Специализация правовых норм как результат системности гражданского права // Вестник пермского университета. 2007. Вып. 8 (13). С. 80.

<sup>3</sup> Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 5.

<sup>4</sup> См.: Фаршатов И.А. Специализированные и специальные нормы права // Государство и право. 2003. № 6. С. 22-28.

нормы появились в результате обобщения, позволившего на основе систематизации нормативного материала и типизации предмета правового регулирования сформулировать наиболее абстрактные положения. То есть непосредственным процессом создания общих норм выступает унификация цивилистического процессуального права как процесс сведения многочисленных конкретных процессуальных правил к единому абстрактному положению (принципу, декларации). Специализированные нормы отличаются от специальных процессуальных норм. Во-первых, специализированные нормы сферой своего действия имеют весь предмет правового регулирования либо большую его часть. С точки зрения построения они отличаются повышенной абстрактностью. Как правильно отмечает А.В. Баранов, ряд специализированных норм (например, декларативного и дефинитивного характера) непосредственно не регулируют общественные отношения, а действуют в комплексном сочетании с регулятивными и охранительными нормами<sup>1</sup>. Специальные нормы содержат конкретное процессуальное правило, направленное на регулирование отдельного элемента, части процессуального правоотношения. Во-вторых, специализированные нормы играют особую функциональную роль в отраслевой системе права (системообразующая, направляющая, интегративная функции). Специальные нормы данные функции не выполняют. В-третьих, специализированные нормы создаются в результате обобщения (унификации) нормативного материала. Специальные нормы есть результат предметной специализации цивилистического процессуального права. В-четвертых, в силу своего абстрактного характера и особого функционального назначения специализированные нормы могут не состоять в парном отношении с конкретной специальной нормой, так как их действие распространяется на отраслевую систему в целом. Все остальные нормы, в том числе общие парные и специальные процессуальные нормы, развивают общие положения при регулировании

---

<sup>1</sup> См.: Баранов А.В. К вопросу о нетипичных нормах права // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. М.М. Журавлева, А.М. Баршанова, В.М. Зуева. Часть 46. Томск: изд. Томского гос. ун-та, 2010. С. 11.

конкретного правоотношения (его части, этапа). Специальные нормы всегда состоят в парном отношении с общей нормой, действуют совместно с ней.

Вторую группу общих процессуальных норм составляют общие парные нормы, которые находятся в тесных системно-функциональных связях со специальными правилами. Несмотря на то, что отраслевая классификация процессуальных норм на общие и специальные является общепризнанной, отдельные исследования общих парных норм в науке гражданского процессуального права не проводились, что является, на наш взгляд, неправильным. Некоторый познавательный перекоп в сторону специальных процессуальных правил не соответствует диалектике цивилистического процессуального права, в которой далеко не последнюю роль играют процессы унификации. На элементарном уровне общие нормы являются неотъемлемыми компонентами отраслевой системы права. Конечно, общие парные нормы являются разновидностью норм цивилистического процессуального права. Поэтому нельзя говорить о полной неисследованности указанной проблематики. Но в контексте настоящей работы важна не столько характеристика общих парных норм как норм процессуального права, сколько исследование феномена «парности», а, следовательно, выявление роли общей нормы при взаимодействии со специальными правилами, установление особенностей конструкции общей парной нормы и специфики ее реализации. Недооценка общих парных норм связана еще и с тем, что, по мнению некоторых исследователей, общие нормы даже на низшем уровне в рамках процессуальных комплексов не могут самостоятельно выполнять регулятивную функцию без специальных норм<sup>1</sup>. Данное утверждение представляется ошибочным. Регулирование процессуальных отношений может осуществляться общей нормой. С точки зрения практического правоприменения, оно так и осуществляется. Другое дело, что для цивилистического процессуального права свойственно регулирование процессуальными комплексами, а не единичными нормами. В последнем случае

---

<sup>1</sup> См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 283-284.

регулирование также осуществляется, но оно менее эффективно. Поэтому с функциональной точки зрения общая парная норма – самостоятельный элемент структуры права, обладающий регулятивными способностями. Данные способности в силу специфики цивилистических процессуальных отношений являются недостаточными, поэтому регулирование осуществляется, как правило, не единичными нормами, а их комплексами.

«Общий характер норм, - пишет Н.А. Чечина, - означает обязательную однозначность поведения индивидов, оказавшихся в юридически идентичной ситуации, индивидов не персонифицированных, но конкретных в пределах субъектов процессуальных отношений»<sup>1</sup>. Нормы гражданского процессуального права в этом аспекте всегда имеют общий характер, который является неотъемлемым свойством нормативности при современном абстрактном правовом регулировании. Е.А. Крашенинников отмечает, что «общий характер гражданских процессуальных норм - результат обобщающего и сущностного отражения опосредуемых ими общественных отношений, отражения, освобожденного от единичных, второстепенных и случайных черт отображаемого»<sup>2</sup>. Общие парные нормы возникают в результате обобщения нормативного материала и регулируемых процессуальных правоотношений. Обобщение позволяет выявить среди всей совокупности единичных процессуальных правоотношений их общие устойчивые признаки, свойственные группе однородных процессуальных отношений. Проведенная типизация предмета правового регулирования на основе выявления родовых признаков позволяет законодателю сформулировать общее (абстрактное) правило поведения неперсонифицированных субъектов. Однако формулирование подобного правила не может в полной мере обеспечить правильное и полное регулирование, так как, во-первых, не учитывает вариативность развития процессуального отношения и возможности возникновения нетипичных процессуально-правовых ситуаций; во-

---

<sup>1</sup> Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1965. С. 8.

<sup>2</sup> Крашенинников Е.А. Природа норм гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1983. С. 6.

вторых, не включает в себя полный набор средств правового регулирования. Соответственно, возникает потребность создания норм, дополняющих процессуальное правило различными средствами регулирования (сроки совершения тех или иных действий; порядок оформления процессуально значимых решений и т.д.), а с другой стороны требуется разработка правил для нетипичных процессуально-правовых ситуаций. Как указывалось выше, все эти нормы с предметно-функциональной точки зрения образуют некую первичную общность (комплекс), направленную на наиболее полное регулирование отдельного элемента процессуального правоотношения или отдельного этапа его развития. Общая норма в данном комплексе занимает главное место. Общая норма содержит генеральное процессуальное правило (предписание), которое изменяется (дополняется, исключается) специальными нормами. Выступая своеобразным ядром процессуально-правового комплекса, общая норма по отношению к специальным нормам выполняет ряд специфических функций:

- *интегративная функция*, направленная на объединение всех специальных норм вместе с общей в единый процессуальный комплекс. Существование специальных норм без общей нормы невозможно. Однако общие нормы могут быть и непарными, о чем упоминалось ранее;

- *ограничивающая функция*, связанная с установлением в гипотезе общей нормы конкретного предмета правового регулирования (части, этапа, элемента процессуального правоотношения). Специальная норма, состоящая в едином комплексе с общей парной нормой, не должна выходить за пределы предмета правового регулирования, определенного общей нормой. Предмет правового регулирования специальной нормы должен находиться в области регулирования общей нормы. С точки зрения законодательной техники крайне нежелательно формулирование процессуальных норм с частично пересекающимся предметом правового регулирования. При реализации подобных норм возникают сложности разрешения их конкуренции, поскольку в полной мере такие нормы друг по отношению к другу не являются парными;

- *определяющая функция*, поскольку общая норма содержит генеральное процессуальное правило. Специальные нормы, опираясь на данное правило, либо дополняют его в целях более полного регулирования, либо изменяют в зависимости от специфики нетипичной процессуально-правовой ситуации.

Общая норма действует со специальными нормами в единой связке. Ограничивая сферу действия и направляя содержание специальных норм, общая норма в силу двусторонних системных связей ощущает на себе влияние специальных норм. Содержание структурных элементов общей нормы может указывать на наличие специальных норм. Ранее было отмечено, что функциональная взаимосвязь общей и специальной норм является основанием для выделения видов специальных норм. Связь координации характерна при взаимодействии общей и дополняющих процессуальных норм (нормы-дополнения, конкретизирующие нормы). Отношение субординации связывает общую и исключаящие процессуальные нормы (нормы-изъятия; нормы-альтернативы).

Взаимосвязь общей нормы и нормы-дополнения устанавливается за счет того, что процессуальное действие, отраженное в диспозиции общей нормы, располагается в гипотезе специальной дополняющей нормы. Например, процессуальное действие по оставлению заявления без рассмотрения, предусмотренное в ст. 222 ГПК РФ, является юридическим фактом правила о правовых последствиях в виде окончания производства по делу определением суда (ч. 1 ст. 223 ГПК РФ). Процессуальное действие по возвращению искового заявления (ч. 1 ст. 129 АПК РФ) является юридическим фактом нормы ч. 2 ст. 129 АПК РФ, регламентирующей процессуальное оформление данного действия определением. Связь координации не требует особой конструкции общей процессуальной нормы, так как процессуальное правило (право, обязанность совершения конкретного действия), получившее внешнее выражение в поведении конкретного субъекта (суда или иного участника процесса), влечет дополняющие правила о процессуальном оформлении действия, его правовых последствиях. Придавая особое значение единству советского гражданского процесса, Н.А.

Чечина отмечала: «В качестве юридических фактов, порождающих гражданские процессуальные отношения, выступают действия (бездействия) суда и иных участников процесса. Нормы гражданского процессуального права связывают определенные процессуальные правовые последствия только с действиями. Непосредственно с событиями нормы гражданского процессуального права не связывают процессуальных последствий. Поэтому событие, не повлекшее за собой действий лиц, участвующих в процессе, не может рассматриваться в качестве факта, порождающего гражданские процессуальные отношения»<sup>1</sup>. В.В. Ярков также указывает на то, что процессуальные действия являются основными юридическими фактами в гражданском процессуальном праве<sup>2</sup>. Действительно, действия суда и иных участников процесса играют основополагающую роль при определении фактического состава. Однако в ряде случаев к реализации нормы процессуального права и развитию правоотношения вызывают не только действия, но фактические составы, включающие в себя действия и события (например, сроки совершения действия). Так, например, подача апелляционной жалобы с пропуском срока обжалования и без ходатайства о его восстановлении препятствует рассмотрению жалобы по существу.

Общая норма в связке с нормой-дополнением имеет определенную диспозицию с указанием на конкретное процессуальное правило (права и обязанности). В противном случае координационная взаимосвязь общей нормы и нормы-дополнения, при которой субъективное процессуальное право, обязанность, выраженные в конкретном процессуальном действии являются условием реализации нормы-дополнения, невозможна. Таким образом, общую норму, состоящую в координационной связи с нормой-дополнением, характеризует определенная диспозиция с указанием на субъективное процессуальное право, обязанность. *Действие, связанное с реализацией диспозиции общей нормы, является юридическим фактом, отраженным в гипотезе специальной нормы-дополнения.* В силу широкого распространения в

---

<sup>1</sup> Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение... С. 22.

<sup>2</sup> Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права... С. 40.



цивилистическом процессуальном праве норм-дополнений такая взаимосвязь общей и специальной нормы является весьма распространенной. Согласно ч. 2 ст. 127 АПК РФ арбитражный суд обязан принять исковое заявление к рассмотрению при соблюдении его формы и содержания. Данная общая норма содержит генеральное для соответствующего комплекса правило о принятии искового заявления. Действие суда по принятию искового заявления вызывает к жизни ряд дополняющих норм об оформлении данного действия определением, содержании определения, порядке направления его участникам процесса (ч. 1, ч. 3 - 5 ст. 127 АПК РФ). Реализация общей и специальных норм-дополнений осуществляется последовательно. Сначала определяется наличие оснований к принятию искового заявления, затем осуществляется процессуальное оформление данного действия. Данными связями объединены общая норма ч. 1 ст. 62 ГПК РФ и специальные нормы ч. 2,3 данной статьи; общая норма ч. 1 ст. 79 ГПК РФ и специальные нормы ст. 80 ГПК РФ; общая норма ст. 222 ГПК РФ и специальные нормы ч. 1 ст. 223 ГПК РФ и другие.

Конкретизирующие специальные процессуальные нормы являются разновидностью дополняющих норм и также состоят с общей нормой в координационном функциональном отношении. Анализ норм цивилистического процессуального права позволяет сделать вывод о том, что конкретизирующие процессуальные нормы, как правило, направлены на уточнение не диспозиции, а гипотезы общей процессуальной нормы. Соответственно, *общая процессуальная норма, подлежащая конкретизации, имеет, как правило, относительно определенную гипотезу, содержащую оценочные категории.* Ярким примером подобных норм являются процессуальные нормы, устанавливающие основания для отмены судебных актов в порядке апелляционного производства. В ст. 269 АПК РФ содержится генеральное правило о полномочии суда апелляционной инстанции по отмене обжалуемого судебного акта суда первой инстанции. В ч. 1 ст. 270 АПК РФ установлена гипотеза данной нормы, раскрывающая основания ее реализации. В качестве одного из оснований названы нарушения или неправильное применение норм материального или норм процессуального права.

В ч. 2 ст. 270 АПК РФ содержится конкретизирующая норма, раскрывающая такое основание как неправильное применение норм материального права. Конкретизирующие нормы в цивилистическом процессуальном праве встречаются реже, поскольку установление процессуальных норм с относительно определенными гипотезами осуществляется законодателем целенаправленно, когда достаточно сложно на нормативном уровне определить весь круг процессуально значимых ситуаций, влекущих применение общей нормы. Конкретизация гипотез общих норм в таком случае осуществляется в рамках правоинтерпритационной и правоприменительной деятельности. Общая и конкретизирующая норма реализуются параллельно, поскольку без правильного установления оснований невозможно применение содержащегося в диспозиции общей нормы правила.

Другим видом функциональной взаимосвязи между общей и специальными нормами в рамках единого процессуально-правового комплекса является отношение субординации, при котором применение правила общей нормы исключается, а к конкретной процессуальной ситуации подлежит применению либо значительно измененное, либо совершенно иное специальное правило. Несмотря на подобную связь, общая норма не перестает играть центральную роль в процессуально-правовом комплексе, именно общая норма содержит генеральное универсальное правило, регулирующее соответствующую часть процессуального правоотношения. Специальная процессуальная норма направлена на регулирование нетипичной ситуации, которая не может быть правильно урегулирована общей нормой. Конструкция общей нормы, связанной со специальной связью субординации, может иметь свои особенности. При жесткой субординационной связи гипотеза общей нормы может *содержать отсылку (ссылку) на норму-изъятие или оговорку*. «Отсылки, ссылки и оговорки как приемы юридической техники редко образуют самостоятельную норму права и обычно являются ее элементами в вариациях типа: «если иное не установлено законом», «если иное не вытекает из существа обязательства», «за исключением», «а также иные требования», «если иные последствия», если иное не

предусмотрено договором», «в порядке, определяемом статьей» и так далее»<sup>1</sup>. Таким образом законодатель устанавливает прямую субординационную связь, указав в общей процессуальной норме на наличие специальной исключаяющей нормы. Ю.А. Тихомиров по этому поводу отмечает, что «допустимы отсылки к нормам самого закона, когда нужно обеспечить связь между его общими и конкретными, специальными положениями»<sup>2</sup>. И хотя Ю.А. Тихомиров имел в виду общие и специальные положения всего нормативно-правового акта, его мнение об оформлении отсылками взаимосвязи между общими и специальными положениями применимо и в рамках отдельного процессуально-правового комплекса с общей и специальными процессуальными нормами. Так, например, в ст. 24 ГПК РФ имеется прямая отсылка к специальным нормам. Прямая отсылка содержится также в ч. 4 ст. 7 ГПК РФ, устанавливающей коллегиальное рассмотрение дела в судах апелляционной инстанции, за исключением рассмотрения дел районным судом в качестве суда апелляционной инстанции и рассмотрения апелляционной жалобы на решение суда, принятое в упрощенном порядке. Отсылки (ссылки) на нормы-изъятия содержатся в ч. 2 ст. 14, ст. 24, ч. 1 ст. 98, ч. 1 ст. 317, ч. 2 ст. 417.2 ГПК РФ и ч. 1 ст. 62, ч. 1 ст. 180, ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ.

*На наличие специальной исключаяющей нормы может указывать оговорка, сделанная в тексте общей нормы.* В отличие от отсылки (ссылки) оговорка непосредственно воспроизводит соответствующее исключение из общего правила. В литературе правильно отмечается, что если отсылка (ссылка) является приемом юридической техники, то правовые оговорки – разновидностью специальных правовых норм. «Ссылки и отсылки используются в качестве способа изложения нормативных предписаний и непосредственно регулирующего значения не имеют. Нормы-оговорки направлены на регулирование

---

<sup>1</sup> Болдырев С.Н. Отсылка как прием юридической техники // Философия права. 2014. № 5 (56). С. 27.

<sup>2</sup> Тихомиров Ю.А. Юридическая техника - инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 15.

общественных отношений»<sup>1</sup>. Оговорка помогает установить прямую связь специальной нормы с общей. При этом специальная исключаящая норма (норма-изъятие) размещается в тексте общей нормы. Согласно ч. 8 ст. 10 ГПК РФ решения судов объявляются публично, за исключением случаев, если такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних. Специальная норма-изъятие размещена в тексте нормы о публичном объявлении решений суда. Анализ цивилистического процессуального законодательства позволяет сделать вывод о значительном распространении специальных исключаящих норм-оговорок. Такие нормы содержатся в п. 4, 5 ч. 1 ст. 23, п. 3 ч. 1 ст. 134, абз. шестом ст. 220, абз. третьем ст. 222, ст. 244.14, п. 5 ч. 2 ст. 264, ст. 266, ч. 1 ст. 376 ГПК РФ, а также п. 2 ч. 4 ст. 34, п. 2 ч. 1 ст. 127.1, п. 2, 5, 6 ч. 1 ст. 148, п. 2, 3 ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 219, п. 2 ч. 1 ст. 225.1, п. 1, 2 ч. 2 ст. 227 и других статьях АПК РФ. Применение специальных процессуальных норм-оговорок позволяет, с одной стороны, установить прямую субординационную взаимосвязь общей и специальной нормы, соответственно, упростить их реализацию, поскольку при применении общей нормы сразу же выявляется норма-изъятие, с другой, - уменьшить объем нормативного материала, поскольку диспозиция специальной нормы-оговорки текстуально не выражена, а представляет собой правило, обратное диспозиции общей нормы. Подобное формулирование специальной исключаящей нормы позволяет избежать повторного изложения основного правила. Так, ч. 1 ст. 150 АПК РФ содержит общее правило о прекращении производства по делу. Основания данного процессуального действия изложены в сложной альтернативной гипотезе. Одним из оснований прекращения производства по делу согласно п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ является вступивший в законную силу по тождественному иску судебный акт арбитражного суда, суда общей юрисдикции или компетентного суда иностранного государства. Однако, согласно содержащейся в данном основании специальной исключаящей оговорке вступивший судебный акт иностранного

---

<sup>1</sup> *Латышев Н.В., Завьялов С.О., Кобец Н.Ф., Тарасова Т.А.* Соотношение понятия «правовая оговорка» со смежными категориями // *Центральный научный вестник.* 2018. Т.3. №13 (54). С. 48.

государства не является основанием для прекращения производства по делу в арбитражном суде, если ранее арбитражный суд отказал в признании и приведении в исполнение такого решения иностранного суда. Диспозиция специальной нормы-оговорки устанавливается логическим путем и представляет собой противоположное общей норме правило.

*Субординационная взаимосвязь общей и специальной исключаящей нормы может выражаться не только путем отсылки (ссылки), содержащейся в общей норме, либо изложения нормы-оговорки по тексту общей нормы, но и без конструктивных особенностей общей нормы.* В этом случае исключаящая норма может устанавливать процессуальные последствия отсутствия одного (или нескольких) условий реализации общего правила. Так, например, согласно ч. 1 ст. 41 ГПК РФ суд может допустить замену ненадлежащего ответчика при условии ходатайства или согласия истца. В ч. 2 ст. 41 ГПК РФ исключаящее правило установлено как процессуально-правовое правило отсутствия одного из альтернативных условий замены ненадлежащего ответчика - согласия истца. Если истец не согласен на замену, то суд должен рассмотреть дело по предъявленному иску. Норма ч. 2 ст. 41 ГПК РФ регулирует нетипичную ситуацию, при которой установлен факт ненадлежащего ответчика (отсутствие факта пассивной легитимации), но истец, вопреки разумному процессуально-правовому поведению, не согласен на его замену. В данном случае диспозитивное начало иска не может быть преодолено властными полномочиями суда. Поэтому законодатель специально сформулировал данное правило.

Таким образом, общая парная норма занимает центральное место в процессуально-правовом комплексе. Такое положение общей нормы связано с тем, что она содержит генеральное правило, дополняемое или исключаемое специальными нормами. *Особенностями функционального действия общей парной нормы является то, что она связана с несколькими специальными процессуальными нормами различной функциональной связью (координации, субординации).* Общее правило может одновременно дополняться одними специальными нормами и исключаться другими. В этом аспекте общая норма

является цементирующим элементом процессуально-правового комплекса, который при ее отсутствии распался бы на отдельные конкретные непарные предписания.

## **§ 2. Формы унификации цивилистического процессуального права**

*Под формой унификации цивилистического процессуального права следует понимать юридически значимую деятельность, направленную на обеспечение единообразного правового регулирования типичных процессуальных правовых отношений общим правилом.* Как отмечалось в предыдущем параграфе, общая норма содержит универсальное правило поведения, охватывающее определенный круг типичных правоотношений (их элементов). Процесс унификации права проявляется во вне посредством целенаправленной юридически значимой деятельности, приводящей к образованию общих норм. Поэтому, как и в случае специализации цивилистического процессуального права, его унификация имеет деятельностные формы внешнего выражения. Очевидно, что основной формой унификации цивилистического процессуального права выступает правотворческая деятельность. Унификация является неотъемлемым элементом систематизации процессуального законодательства, как правило, в форме кодификации. История развития отечественного гражданского процессуального права с очевидностью показывает, что при кодификации законодатель стремится обобщить накопленный ранее (как отечественной, так и зарубежными правовыми системами) нормативный материал и объединить его на различных уровнях (отраслевом, уровне институтов, уровне комплексов процессуальных норм) лаконичными абстрактными процессуальными правилами. Так было при процессуальных кодификациях 19-21 веков.

В современный период развития цивилистического процессуального права также рассматривается возможность очередной процессуальной кодификации,

направленной на создание единого Гражданского процессуального кодекса РФ<sup>1</sup>. Современные реалии развития цивилистического процессуального права уже не ставят перед законодателем задач по выработке и оформлению основных положений (принципов, деклараций) процессуального права, однако стоит задача приведения порядков осуществления гражданского и арбитражного судопроизводства (гражданского и арбитражного процессов) к единообразию. Согласно Концепции единого ГПК РФ (далее - Концепция) реализация основной ее цели по повышению эффективности российского судопроизводства планируется за счет унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства. По мнению П.В. Крашенинникова (автора вступительного слова к Концепции) «унификация процессуального законодательства в новом Кодексе призвана: 1) устранить противоречия между существующими двумя отраслями процессуального права (гражданский и арбитражный процесс) с учетом разработанного проекта Кодекса административного судопроизводства; 2) установить новые правила разрешения спорных правовых вопросов. Для защиты интересов лиц, участвующих в деле, возможно введение правила для рассмотрения дел спорной подведомственности, а также передача дела по подведомственности внутри судебной системы; 3) сохранить наиболее удачные наработки существующих как АПК и ГПК, распространив их на весь гражданский процесс. К примеру, возможность подачи исковых заявлений (заявлений) в электронном виде (арбитражный процесс) и судебный приказ (гражданский процесс); 4) укрепить альтернативные способы разрешения споров, примирительных процедур; 5) закрепить существующие виды упрощенного производства (приказное, заочное, упрощенное производства); 6) сохранить особенности рассмотрения отдельных категорий дел (групповые иски и пр.); 7) выявить кардинальные проблемы, которые предстоит решить (существование двух кассаций); 8) осуществить исправления ранее выявленных недостатков в

---

<sup>1</sup> Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1) // СПС Консультант Плюс.

регламентации процесса, в том числе существование необоснованной терминологической разницы; 9) учитывать имеющие важное значение международные обязательства России, договоры, деятельность международных организаций по правам человека и практику международных судов». Анализ указанных в Концепции задач свидетельствует о том, что с научной точки зрения имеется подмена понятий. Являясь процессом развития процессуального права, унификация, к сожалению, не может справиться с теми задачами, которые перед ней поставлены разработчиками. В контексте поставленных задач речь должна идти в целом о кодификации, направленной на совершенствование правового регулирования в сфере рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров. Унификация процессуальных правил не может справиться с укреплением альтернативных способов разрешения споров, примирительных процедур; не может также она сохранить особенности рассмотрения отдельных категорий дел (групповые иски и пр.) и выполнить ряд иных вменяемых ей задач. Унификация в данном случае как процесс выработки единого правового регулирования отождествляется с кодификацией и правотворчеством в целом. Справедливости ради следует заметить, что сам термин «унификация» в отраслевых исследованиях стал неким трендом, свидетельствующим о важности и своевременности данного исследования. В действительности же в ряде таких исследований нет ничего именно про унификацию, а просто проводится сравнительный анализ положений процессуальных законов, а иногда вообще рассматриваются особенности арбитражного и гражданского процессов, обосновывается их необходимость. В рамках же правотворчества унификация на элементарном уровне может быть направлена на выработку общих парных нормы, содержащих правило, регулирующее типичные процессуальные правоотношения (их элементы, части) и объединяющее вокруг себя специальные нормы; на уровне институтов - выработку общих положений соответствующих процессуальных институтов; на отраслевом уровне - на выработку общих положений процессуальных отраслей права; на межотраслевом - выработку единообразных правил регулирования в



рамках смежных процессуальных отраслей права. Иные задачи унификация решить не призвана.

В современной отраслевой юридической литературе также часто происходит подмена правотворческих решений законодателя понятием унификации. Конечно, правотворческая деятельность - основная форма унификации гражданского процессуального права. Но правотворчество также выступает и формой иных процессов развития, например, специализации права. Поэтому сводить практически все правотворческие решения, связанные с изменением двух и более процессуальных кодексов (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ), к унификации гражданского процессуального права неправильно. Некоторые авторы принимают за унификацию правотворческие решения, связанные с обновлением законодательства, его сближением. Так, например, упрощение гражданского и арбитражного процессов рассматривается как их унификация. Н.А. Громошина обозначает упрощение гражданского процесса как проявление тенденции его унификации. Автор совершенно правильно отмечает, что унификация возможна как путем кодификации и создания единого ГПК, так и в направлении постепенной унификационной деятельности на уровне отдельных норм и институтов. Солидарны мы также с мнением автора по поводу целесообразности в современных условиях проведения унификации по второму варианту<sup>1</sup>. Но рассмотрение упрощения как «проявления» унификации гражданского процесса не может не вызвать обоснованную критику. Здесь необходимо отметить, что автор, как, видимо, и многие другие исследователи исходили из позиции разработчиков изменений в АПК РФ и ГПК РФ по «обмену» упрощенными процедурами. Как указано в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 02.03.2016 №45-ФЗ<sup>2</sup>, которым в ГПК РФ введено упрощенное производство, в связи с соответствующей поправкой к Конституции

---

<sup>1</sup> См.: Громошина Н.А. Упрощение гражданского процесса как проявление тенденции его унификации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 3, 6.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 02.03.2016 N 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. №10. Ст. 1319.

РФ и образованием единого ВС РФ необходимы последующие шаги по «унификации процедур и правил, применяемых этими судами в ходе рассмотрения и разрешения споров и иных юридических дел, в целях повышения качества и эффективности правосудия»<sup>1</sup>. Привело ли принятие федерального закона № 45-ФЗ к унификации арбитражного и гражданского процессов. В правильном понимании термина «унификация» нет. Порядок упрощенного производства, включенный в гражданский процесс, начиная от подлежащих рассмотрению в данном порядке категорий дел, и заканчивая непосредственно особенностями такого порядка, отличается от одноименного порядка в арбитражном процессе. Стоит только отметить, что формирование упрощенного производства в арбитражном процессе стало возможным после широкого внедрения в судопроизводство информационных технологий, обеспечивающих быстрое получение необходимой информации (в том числе обмен состязательными документами и доказательствами). Возможность ознакомления с материалами дела (в том числе состязательными документами, доказательствами) в сети Интернет (ч.1 и абз. второй ч. 4 ст. 228 АПК РФ) вкупе с тем, что интересы сторон в арбитражном процессе представляют в большинстве случаев профессиональные представители, направлены на обеспечение необходимых гарантий реализации права на судебную защиту. В гражданском процессе достаточно сложный вопрос равных гарантий реализации права на судебную защиту в порядке упрощенного производства разрешается тривиальным направлением сторонами состязательных документов и доказательств друг другу. Таких мер на практике явно недостаточно, поскольку они не предупреждают злоупотребления со стороны истца и ответчика. Можно ли считать упрощенное производство в рамках арбитражного и гражданского процессов полностью тождественными, унифицированными порядками рассмотрения отдельных категорий дел? Очевидно, что нет.

---

<sup>1</sup> Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/725381-6> (дата обращения: 21.06.2019).

Рассмотрение гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, бесспорно, не должно иметь кардинальных различий, но должно осуществляться по идентичным правилам, допускающим те или иные особенности в качестве исключения<sup>1</sup>. Необоснованные правовые различия порядков рассмотрения дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах требуют устранения. Однако, как нам представляется в свете изменений процессуального законодательства<sup>2</sup>, унификация цивилистического процесса, широко обсуждаемая и поддерживаемая в научном мире, во многом имеет лишь второстепенный характер, а на первый план выходят совершенно иные цели политико-правового толка. Так, например, основной целью упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ вряд ли можно признать унификацию процесса и обеспечение единства правовых позиций высших судов. В противном случае достижение указанных целей было возможно посредством других правовых механизмов (например, совместные постановления пленумов, обращение в Конституционный Суд РФ и т.д.). Централизация судебной системы - главная цель и уже результат так называемого «объединения» высших судов. В настоящий же момент наблюдается другая тенденция развития цивилистического

---

<sup>1</sup> Автор солидарен с мнениями ученых, выступающих против разработки единого ГПК РФ на современном этапе, так как требуется постепенное и осторожное сближение арбитражного и гражданского процессов. Процессуальная революция, вызванная принятием единого ГПК РФ, не имеет практических оснований, но в погоне за «чистой» теорией может вывести из строя механизм отправления правосудия, значит, оставить без судебной защиты огромное число субъектов правоотношений. См., напр.: *Боннер А.Т.* Вы хоть понимаете, что вы натворили? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 3. С. 26-33; *Громошина Н.А.* Упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 9. С. 3-6; *Прокудина Л.А.* Судопроизводство в арбитражных судах и унификация гражданского процессуального законодательства // *Предпринимательское право.* 2015. N 4. С. 62 - 71 и др.

<sup>2</sup> Имеется в виду Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 30 от 03 октября 2017 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вместе с проектом федерального закона и пояснительной запиской). URL: <http://www.vsrp.ru/documents/own/24031/> (дата обращения: 29.11.2017).

процесса - его упрощение<sup>1</sup>. Последнее осуществляется как в направлении внедрения в законодательство специальных «упрощенных» порядков рассмотрения дел, их расширения (приказное, упрощенное производство), так и посредством значительного видоизменения традиционных институтов гражданского процессуального права, что вызывает серьезные поводы для беспокойства. Одним из таких институтов, который пытаются «перекроить», выступает институт судебного решения в части мотивированности последнего. Подмена понятия «унификация» иными сходными, но далеко нетождественными категориями, приводит к путанице не только в теории, но и на практике. Поэтому унификация посредством упрощения есть, прежде всего, упрощение и только потом уже унификация, которая играет далеко не первостепенную роль.

Как было показано выше, упрощение не обязательно приводит к унификации, это два совершенно разных процесса, которые могут сосуществовать как отдельно (например, приказное производство в гражданском процессе), так и совместно (включение приказного производства в арбитражный процесс). Поэтому подменять данные понятия не следует. Разработчики указанного федерального закона № 45-ФЗ в пояснительной записке указывают, что законопроект «позволит установить аналогичный порядок рассмотрения судами общей юрисдикции сходных по своей правовой природе дел посредством введения институтов, успешно применяемых в течение последних лет арбитражными судами на основании норм АПК РФ и доказавших свою эффективность, а также определить его соотношение с действующим порядком рассмотрения дел приказного производства». Однако аналогичный не означает тождественный порядок рассмотрения дел. Поэтому, наряду с общей идеей создания в АПК РФ и ГПК РФ идентичных упрощенных порядков, на практике появляются лишь аналогичные порядки, имеющие не только особенности

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Громошина Н.А.* Упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 9. С. 3-6.; *Гурьяно Д.И., Молева Г.В.* Упрощенное производство в гражданском процессе // *Научный альманах.* 2017. № 9-1 (35). С. 151-155; *Дячук Е.В.* К вопросу об унификации процессуальных норм на примере упрощенных форм арбитражного и гражданского судопроизводства // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2014. № 3. С. 27 - 32 и др.

реализации в разных судебных подсистемах, но и различную нормативную регламентацию. В этом случае не стоит говорить об унификации цивилистического процесса. Действительно, сближение арбитражного и гражданского процесса происходит. Такое сближение (гармонизация) не следует считать унификацией, то есть процессом выработки единых правовых норм, регулирующих смежные процессуально-правовые отношения. В противном случае сближение, неправомерно рассматриваемое как унификация, может привести к мысли о необходимости полного тождества арбитражного и гражданского процесса, чего даже сторонники единого ГПК не допускают.

Т.В. Шакитько отмечает, что «в процессуальной доктрине последних лет неоднократно обращалось внимание на необходимость сближения таких видов процесса, как гражданский и арбитражный...»<sup>1</sup>. Но разве сближение есть унификация? Нет. В процессуальной науке термин унификация, используемый чрезмерно широко и зачастую неверно, в отношении цивилистического процесса следует заменить на термин «сближение», «гармонизация», которые обозначают процесс устранения неоправданных процессуально-правовых различий при рассмотрении и разрешении аналогичных гражданско-правовых дел. Цель гармонизации не есть создание полностью тождественного процессуально-правового регулирования, а устранение различий в таком регулировании, не обусловленных объективными причинами. Общим для унификации и гармонизации цивилистического процессуального права выступает то, что основной формой их реализации выступает правотворческая деятельность, в результате которой вырабатываются общие либо идентичные процессуально-правовые нормы.

*Унификация как процесс развития цивилистического процессуального права может осуществляться не только в рамках правотворчества, но и в рамках иных видов юридически значимой деятельности: толкование и правоприменение.*

---

<sup>1</sup> Шакитько Т.В. Унификация норм, регулирующих судебное разбирательство, и проблема единства процесса // Современное право. 2016. N 8. С. 71.

При рассмотрении толкования и применения в качестве форм унификации следует отметить их *экстраординарный характер*. Цивилистическое процессуальное право находится в постоянном развитии и взятое в конкретно-исторический период оно не может рассматриваться как законченное и совершенное. Рассматривая процессуальное право в развитии, видно, как формируются соответствующие институты посредством накопления нормативного материала и усложнения правового регулирования соответствующих процессуально-правовых отношений. Судебная практика ставит перед процессуальным правом все новые и новые задачи. Этому способствует в целом его идеалистическая цель. Поскольку невозможно обеспечить стопроцентную судебную защиту прав и законных интересов субъектов правоотношений, постольку верхний предел эффективности судебной деятельности практически безграничен. Сюда добавляется ряд второстепенных (политических, экономических) и субъективных факторов воздействия на развитие права. Так, например, в современный период цивилистическое процессуальное право ощущает на себе сильное воздействие со стороны судейского сообщества, связанное с повышенной нагрузкой на судей. 12 февраля 2019 года Верховный Суд РФ в очередной раз подвел итоги работы судов за прошедший год. Рост нагрузки на судей - основной и уже практически несменяемый тренд деятельности отечественной судебной системы. Если в 2017 году российские суды рассмотрели больше 28 млн. дел, то по итогам 2018 года это количество превысило 31 млн<sup>1</sup>. Количество гражданских дел в судах общей юрисдикции за 2018 год составило 17,3 млн. Нагрузка на судей арбитражных судов также продолжает расти. В 2018 году арбитражные суды окончили рассмотрение 1,908 млн. дел, что на 160 тыс. больше, чем в 2017 году<sup>2</sup>. Как следует из доклада ВШЭ, подготовленного в 2018 году, нагрузка только 24 % судей соответствует норме, а 62% судей перерабатывают более чем вдвое. При

---

<sup>1</sup> См.: Верховный суд подвел итоги работы судов на 2018 год. URL: <https://pravo.ru/story/209019/> (дата обращения: 21.07.2019).

<sup>2</sup> См.: Там же.

этом правосудие последовательно превращается в конвейерное производство<sup>1</sup>. Статистические данные показывают увеличение количества обращений в отечественные суды. Зам. Председателя ВС Республики Мордовия В.Н. Мартышкин, анализируя данные судебной статистики 2011 года и обоснованно выступая против конвейерного производства, отмечает, что от судей поступает много предложений о внесении изменений в ГПК РФ и УПК РФ с целью оптимизации судебной нагрузки, в частности, об увеличении размера госпошлины, особенно в арбитражных судах<sup>2</sup>. Предлагается также расширение категорий дел, по которым решение будет приниматься только в резолютивной части<sup>3</sup>. Однако если обратиться к первопричинам повышения судебной нагрузки, то очевидно, что процессуальная форма и процессуальные порядки рассмотрения гражданских дел не являются основаниями повышения нагрузки судей. Судебная защита - одна из основных видов государственной защиты. К сожалению, в современный период развития отечественной системы государственного управления административные органы не справляются с функцией охраны и обеспечения прав граждан и юридических лиц, а зачастую сами являются инициаторами правовых споров. Под воздействием роста судебной нагрузки цивилистическое процессуальное право меняется в направлении информатизации и упрощения. На наш взгляд, упрощение в цивилистическом процессуальном праве не может признаваться оправданным в стратегическом плане. Конечно, оно позволит в некотором аспекте и на некоторое время разгрузить судебную систему. Но такая разгрузка происходит за счет меньшего гарантирования защиты прав граждан, неполной реализации основных процессуальных принципов, за счет усечения процессуально-правового статуса участников процесса. Упрощение не

---

<sup>1</sup> См.: Исследование ВШЭ зафиксировало перегрузку 62 % российских судей. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2018/5ad094389a79472df75fa052> (дата обращения 21.07.2019).

<sup>2</sup> См.: *Мартышкин В.Н.* У российских судей не должно быть конвейерного производства: оптимизация нагрузки судей как средство правовой защиты участников судопроизводства и повышения качества правосудия // *Евразийская адвокатура*. 2012. № 1(1). С. 101.

<sup>3</sup> См.: *Мартышкин В.Н.* Оптимизация нагрузки судей как средство правовой защиты участников судопроизводства и повышения качества правосудия. URL: [https://pravo.ru/judicial\\_community/view/80592/](https://pravo.ru/judicial_community/view/80592/) (дата обращения 21.07.2019).

может бороться с ростом обращений в суд. Для этого необходимо наладить внесудебные способы защиты, обеспечить законность принятия административных решений. Текущую ситуацию с судебной нагрузкой могут разрешить организационно-структурные меры (увеличение количества судей и работников аппарата суда, повышение технической оснащенности работы судей и т.д.).

Таким образом, цивилистическое процессуальное право ощущает на себе воздействие многих факторов, которые в совокупности определяют направления его развития. При этом как право объективное оно имеет свойство стабильности. Практически в любой период развития система цивилистического процессуального права находится в поступательном движении. На элементарном уровне это может выражаться в незаконченности отдельных институтов, наличии некоторых конкретных процессуально-правовых норм, которые еще не были подвергнуты правотворческому обобщению. В таких случаях на помощь приходит правоинтерпретационная и правоприменительная деятельность. Во многом выработке общих правоположений способствует также и процессуальная наука, которая, впрочем, не может рассматриваться как форма унификации права, так как положения науки, даже являясь общепризнанными в научном сообществе, не обладают регулятивными способностями и не являются обязательными для участников процессуальных правоотношений. Но воспринятые официальным интерпретатором или правоприменителем, положения науки становятся правоположениями и могут быть направлены на регулирование процессуальных правоотношений.

Нельзя согласиться с позицией М.К. Юкова о том, что «выдвижение на первый план горизонтальных связей способствует образованию таких ассоциаций нормативных предписаний, которые затушевывают вертикальные связи, и наличие основной нормы отодвигается на второй план. Она больше подразумевается, чем проявляется непосредственно в такого рода ассоциациях»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 296.



Во-первых, первичной связью между общими и специальными нормами является структурная связь, основанная на предмете правового регулирования. Функциональная взаимосвязь общей и специальной нормы является вторичной. Во-вторых, функциональная взаимосвязь на элементарном уровне не может подавлять структурную связь процессуальных норм. Это возможно лишь на уровне всей отрасли цивилистического процессуального права, иногда, на уровне институтов. В-третьих, играя роль активного центра, именно общая процессуальная норма создает основание для объединения процессуальных норм в комплексы (ассоциации). Конечно, само по себе наличие комплексов процессуальных норм без общей (основной) нормы возможно, но это следует признавать дефектом построения отраслевого нормативного материала.

Как показывает анализ постановлений пленумов высших судов, обобщения и общие правовые положения в них встречаются. Такие правовые положения, как правило, оформляются оборотом «по общему правилу». Согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции»<sup>1</sup>, по общему правилу, суд не вправе признать обязательным участие сторон в судебном заседании, если они обратились к суду с просьбой о рассмотрении дела в их отсутствие и направлении им копий решения суда. Однако данное правило в процессуальном законодательстве отсутствует. Данное правовое положение суд формулирует в результате толкования норм о правовых последствиях неявки сторон в суд, норм о заочном производстве.

В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 N 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации»<sup>2</sup> отмечается, что по общему правилу, исполнительный документ, предусматривающий

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10.

<sup>2</sup> Российская газета. 2019. № 123.

обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, направляется взыскателем или его представителем, наделенным необходимыми полномочиями, в орган, исполняющий судебные акты (пункт 2 статьи 242.1 БК РФ). Однако в п. 2 ст. 242.1 Бюджетного кодекса РФ<sup>1</sup>, на который сослался суд, отсутствует подобное правило, а раскрывается содержание заявления и прилагаемых к нему документы. Указанное обобщение суд сделал из последующих норм Бюджетного кодекса РФ, предусматривающих исполнение по разным обязательствам и в отношении различных субъектов.

Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»<sup>2</sup>, исходя из общих правил разграничения предметной компетенции мирового судьи и арбитражного суда по рассмотрению заявления о выдаче судебного приказа вопрос о том, каким судом подлежит рассмотрению такое заявление, решается с учетом субъектного состава участников и характера правоотношений, если иное не предусмотрено законом (глава 3 ГПК РФ, глава 4 АПК РФ). Однако общие правила разграничения предметной компетенции именно мирового судьи и арбитражного суда в законодательстве отсутствуют. Указанное общее правоположение сформулировано в результате толкования правил о выдаче судебных приказов, а также компетенционных норм судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

В п. 15 Постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 N 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах»<sup>3</sup> разъяснено, что по общему правилу, если после истечения срока, на который предоставлена отсрочка или рассрочка по уплате государственной пошлины, дело не рассмотрено, суд выносит определение о

---

<sup>1</sup> Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2019. № 23. Ст. 2916.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

<sup>3</sup> Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

взыскании с истца, заявителя неуплаченной им государственной пошлины, подлежащее в силу статьи 187 АПК РФ немедленному исполнению. Однако подобное общее правило процессуальное законодательство не содержит. Оно сформулировано в результате толкования норм о распределении расходов и положений налогового законодательства.

Следует отметить, что общие правоположения, формируемые при толковании и применении норм гражданского процессуального права, по сравнению с аналогичными правоположениями материально-правового характера довольно немногочисленны. Это обосновывается достаточно детальным регулированием гражданского процесса. Общие правоинтерпретационные и правоприменительные положения должны носить исключительный характер. Необходимость подобных правоположений вызвана несовершенством гражданского процессуального права. Если специализация процессуального права в форме деятельности по толкованию и применению представляет собой его нормальное развитие, связанное со сложностью и многообразием процессуально-правовых отношений и невозможностью их полного урегулирования позитивным правом, то унификация гражданского процессуального права посредством толкования и применения связана со структурными и содержательными недостатками процессуального права, отсутствием в нем общих правил, единообразно регулирующих достаточно распространенные типичные ситуации, в результате чего образуется пробел в праве. Отсутствие общих норм в рамках процессуально-правовых комплексов негативно влияет на действие всего данного комплекса и является предпосылкой его неэффективности. К тому же чем выше уровень обобщения в актах толкования, тем более экстраординарный характер носят такие обобщения. Так, например, при отсутствии легального закрепления, высшие суды в настоящее время пытаются сформулировать принцип процессуальной экономии<sup>1</sup>. Данный принцип, например, называется в абз. втором п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46 «О

---

<sup>1</sup> Считаем, что данный принцип не тождественен принципу оперативности или разумных сроков, на что иногда указывается в литературе, так как содержание принципа процессуальной экономии гораздо шире.

применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»<sup>1</sup>. Неудивительно, что при отсутствии объективной нормативной основы подобное толкование представляет собой, по сути, правотворчество.

От формулирования общих процессуальных правоположений, выполняющих роль своего рода заместителя процессуальной нормы, следует отличать иные способы преодоления пробелов в праве, в частности, аналогии закона и аналогии права<sup>2</sup>. Так, в п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»<sup>3</sup> разъяснено, что согласно п. 1 ч. 5 ст. 217.1 КАС РФ, ч. 5 ст. 3 АПК РФ, по общему правилу, акты, обладающие нормативными свойствами, содержащие разъяснения, не соответствующие смыслу разъясняемых положений, признаются судом не действующими полностью или в части со дня их принятия. В данном случае ВС РФ не сформулировал общее правило самостоятельно, оно было сформулировано КАС РФ, а суд распространил его действие на смежные арбитражные процессуальные правоотношения.

Не является унификацией также более лаконичное общее правило, сформулированное в результате толкования соответствующих норм, а также разъяснения о применимости общей нормы к более конкретным правоотношениям. Примером первого случая является абз. второй п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»<sup>4</sup>, в котором суд на основании ч. 2 ст. 69 ФЗ

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. N 3.

<sup>2</sup> См.: *Божок В.А.* Институт аналогии в гражданском и арбитражном процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. С. 8.

<sup>3</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

<sup>4</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

«Об исполнительном производстве»<sup>1</sup> формулирует лаконичное общее правоположение: арест имущества должника по общему правилу должен быть соразмерен объему требований взыскателя. На основе данного правила суд приводит случаи, которые ему не соответствуют. Примером второго случая является п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции», в котором разъяснено, что исходя из задач гражданского судопроизводства, суду первой инстанции необходимо обеспечить правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел в установленные законом сроки. В действующем законодательстве такого правила относительно суда первой инстанции нет, но в ст. 2 ГПК РФ сформулированы общие задачи гражданского судопроизводства, которые применимы и в отношении судопроизводства в суде первой инстанции (а некоторые из задач применимы, на наш взгляд, только к суду первой инстанции).

Общие правоположения формулируются также и в правоприменительной практике. В ГПК РФ в разделе четвертом регламентируется порядок особого производства по отдельным категориям дел, перечисленным в ст. 262 ГПК РФ, в частности, в порядке особого производства рассматриваются дела об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций (ст. 264 ГПК РФ). Факты, имеющие юридическое значение, также устанавливаются арбитражным судом (глава 27 АПК РФ). Как неоднократно отмечалось в юридической литературе, признаком, объединяющим данные дела, является их бесспорность, то есть отсутствие спора о праве<sup>2</sup>. В ч. 3 ст. 217 АПК РФ и в ч. 3 ст. 263 ГПК РФ установлено специальное правило о правовых последствиях установления судом наличия спора о праве - оставление заявления без

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849; 2019. № 10. Ст. 894.

<sup>2</sup> См., напр.: *Чудиновская Н.А.* Установление фактов, имеющих юридическое значение, в особом производстве гражданского и арбитражного процесса: автореф. дис. ... канд юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 6; *Францифоров А.Ю.* Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд юрид. наук. Саратов, 2009. С. 7.

рассмотрения. Однако ни при перечислении дел, рассматриваемых в порядке особого производства в ГПК РФ, ни при перечислении юридических фактов, которые могут быть установлены судом, не сформулировано общее правило об их бесспорности. Такое правило неоднократно воспроизводится в правоприменительной практике. В п. 1 Обзора практики применения судами в 2014 - 2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции<sup>1</sup> отмечается, что суды могут принимать заявления об установлении фактов и рассматривать их в порядке особого производства, если установление факта не связывается с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду. Аналогичное правоположение приводится и в других судебных актах<sup>2</sup>. Отсутствие общей нормы о бесспорности дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, требует формулирования данного правоположения при разъяснении отдельных спорных вопросов по различным категориям дел. Согласно п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»<sup>3</sup> суд не вправе разрешить вопрос об установлении материнства в порядке особого производства в отношении ребенка, рождение которого было зарегистрировано в установленном законом порядке, в том числе и в случае, когда в записи акта о рождении ребенка не указаны сведения о его матери (например, если на основании статьи 19.1 Федерального закона от 15 ноября 1997 года N 143-ФЗ была произведена государственная регистрация рождения ребенка, оставленного матерью, не предъявившей документа, удостоверяющего ее личность, в медицинской организации, в которой

---

<sup>1</sup> Обзор практики применения судами в 2014 - 2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

<sup>2</sup> Обзор апелляционной практики по гражданским и административным делам за июнь - август 2018 года (подготовлен Верховным судом Республики Коми); Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 21.12.2018 по делу N 33-6824/2018 и др.

<sup>3</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

происходили роды или в которую обратилась мать после родов). Учитывая это, если при подаче заявления об установлении факта рождения ребенка конкретной женщиной, оформленного по правилам главы 28 ГПК РФ, или при его рассмотрении судом будет установлено, что имела место государственная регистрация рождения ребенка либо имеются обстоятельства, свидетельствующие о наличии спора о материнстве, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, в котором разъясняет заявителю и другим заинтересованным лицам их право разрешить спор в порядке искового производства (часть 3 статьи 263 ГПК РФ).

Обширная судебная практика об оставлении заявления об установлении фактов, имеющих юридическое значение, без рассмотрения свидетельствует о несовершенстве правового регулирования особого производства, непонимании заявителями его сути и стремлении ими обратиться в суд с заявлением в порядке особого производства по спорному делу. Ситуацию может изменить общая норма о бесспорности дел об установлении юридических фактов, рассматриваемых в порядке особого производства, а также разъяснительная работа судов по анализу конкретных фактов, которые могут быть установлены в порядке особого производства. Справедливости ради следует отметить, что, во-первых, обширная практика оставления заявлений без рассмотрения вызвана не только недостатками правового регулирования, но и особенностями рассматриваемых дел, спорность которых заявителю на момент обращения может быть неизвестна и выясняется только в рамках рассмотрения заявления судом, во-вторых, разъяснительная работа высшего суда и судов низового уровня в этом направлении проводится, о чем свидетельствуют обзоры практики. Однако данные обстоятельства не только не исключают, но и делают необходимым регулирование вопроса бесспорности дел особого производства общей нормой.

Таким образом, *основной формой унификации цивилистического процессуального права является правотворческая деятельность, в результате которой формируются общие процессуальные нормы. Правоинтерпретационная и правоприменительная деятельность являются экстраординарными формами*

*унификации*. В отличие от специализации цивилистического процессуального права, которая не только допустима, но и необходима в форме толкования и правоприменения (движение от общего (нормы права) к особенному (конкретной процессуально-правовой ситуации), его унификации в указанных формах не желательна, поскольку заменяет собой позитивное право.

### **§ 3. Значение и основания унификации цивилистического процессуального права**

Унификация как процесс развития цивилистического процессуального права имеет важное значение. Посредством унификации создаются универсальные правила, регулирующие множество типичных процессуально-правовых отношений. Унификация цивилистического процессуального права позволяет:

- на основе обобщения нормативного материала, сформулировать основополагающие отраслевые принципы правового регулирования, выражающие особенности отраслевого метода;

- объединить конкретный нормативный материал в стройную структуру на основе формирования общих процессуальных правил на различных уровнях (отраслевом, институтов, процессуально-правовых комплексов);

- минимизировать объем нормативного материала путем отсылок к общему правилу регулирования;

- облегчить реализацию цивилистического процессуального права и, следовательно, повысить его регулятивные способности за счет распространения на сходные процессуальные правоотношения единого правила (предписания).

Общие процессуально-правовые предписания позволяют реализовать ряд принципов цивилистического процессуального права в рамках конкретных правоотношений, в частности, принцип равенства перед законом и судом, а также принцип процессуального равноправия сторон. Установление общих правил



обращения любого заявителя, единых правил поведения в суде способствует реализации данных принципов.

Унификация придает процессуальной форме ее неотъемлемое свойство универсальности, от которого, на наш взгляд, производны другие ее свойства и признаки. Она предоставляет участникам процесса систему гарантий эффективной защиты нарушенного права судом посредством правильного разрешения правового спора. «Судебная защита прав или охраняемых законом интересов, - пишет Д.М. Чечот, - осуществляется в особой детально регламентированной гражданско-правовой форме»<sup>1</sup>. При этом гражданское процессуальное право выступает основой гражданской процессуальной формы<sup>2</sup>. Следует согласиться с позицией авторов, которые не отождествляют гражданскую процессуальную форму с гражданским процессом или гражданским процессуальным правом. Д.А. Туманов в этой связи справедливо отмечает, что «единственный подход к процессуальной форме, в рамках которого она приобретает реальное, а не мнимое значение и представляет собой общественную ценность, заключается в ее понимании как системы гарантий (которыми не обладает никакой орган по рассмотрению дел, кроме суда), всецело направленных на установление действительных обстоятельств дела и реальную защиту прав и интересов заинтересованных лиц и обеспечивающих безопасность от произвола как со стороны суда, так и любых других лиц»<sup>3</sup>. «Гражданская процессуальная форма представляет собою исторически сложившуюся, атрибутивную, закрепленную законом структурированную систему базовых правил осуществления правосудия в гражданском судопроизводстве в целях защиты прав и законных интересов»<sup>4</sup>. Действительно, в данном понимании гражданская процессуальная форма не отождествляется с порядком судопроизводства, с одной

---

<sup>1</sup> Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Ленинград, 1968. С. 67.

<sup>2</sup> См.: там же. С. 67.

<sup>3</sup> Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 16.

<sup>4</sup> Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве... С. 14.

стороны, и с самим объективным процессуальным правом, - с другой. Цивилистическая процессуальная форма при данном подходе обладает самостоятельным гносеологическим значением и позволяет исследовать различные судебные процедуры и судебную деятельность на соответствие либо несоответствие процессуальной форме как системе базовых процессуальных гарантий. Однако нельзя согласиться с мнением Д.А. Туманова об отсутствии у процессуальной формы признака универсальности. «Если взять, например, такую предлагаемую черту процессуальной формы, как «универсальность» (подразумевающую, что в рамках гражданского судопроизводства рассматриваются дела, возникающие из различных отраслей права, например, трудового, экологического и др., а не только из гражданского права), - пишет автор, - то обнаруживается, что этот признак не присущ уголовному процессу, в котором рассматриваются уголовные дела в буквальном смысле этого слова, хотя оснований сомневаться, что в его рамках, так же как и в гражданском судопроизводстве, осуществляется правосудие, нет»<sup>1</sup>. Здесь стоит отметить, что универсальность может пониматься не только в том аспекте, который указал автор. Критикуя понимание процессуальной формы как порядка, Д.А. Туманов при этом рассматривает свойство универсальности процессуальной формы как порядка, что, естественно, не может соответствовать подходу к пониманию процессуальной формы как системе гарантий. Поэтому отвергать свойство универсальности (всеобщности) процессуальной формы не следует. Универсальность процессуальной формы как раз и проявляется во всеобщности тех базовых процессуальных гарантий, которые характеризуют сущность правосудия. Универсальность позволяет обеспечить одинаково эффективную судебную защиту при многообразии спорных материальных правоотношений. При этом общие нормы выступают средствами фиксации и объективирования системы базовых процессуальных гарантий, характеризующих судебное правоприменение, «которое предполагает установление юридических фактов в

---

<sup>1</sup> Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия... С. 15.

судебном заседании при разбирательстве дела с соблюдением принципов судопроизводства и других гарантий, обеспечивающих заинтересованным лицам право участия в разбирательстве дела, а также вынесение законного и обоснованного решения, которое может быть по жалобе заинтересованных лиц проверено судом вышестоящей инстанции»<sup>1</sup>. Универсальность цивилистической процессуальной формы невозможна без их регулирования общими процессуальными нормами. Общие процессуальные нормы придают органичность и единство самому цивилистическому процессу в отраслевом понимании. В противном случае цивилистический процесс представлял бы собой неограниченное количество вариативных процессуальных действий и процедур. Однако процесс характеризуется определенным набором гарантий, принципов, стадий и иных общих категорий, придающих ему своеобразие и проявляющихся при рассмотрении практически любого спора. Универсальность есть необходимый признак цивилистической процессуальной формы, распространяющий общие процессуальные гарантии эффективной судебной защиты на многочисленное количество правовых споров, подлежащих рассмотрению и разрешению в суде. Н.А. Громошина отмечает: «Важно понимать, что процессуальная форма – это не простой набор или рядовое множество правил, а структурированная система, и в силу этого обладающая определенной устойчивостью и стабильностью»<sup>2</sup>. На наш взгляд, свойство устойчивости процессуальной формы производно от его свойства универсальности. Именно общий характер внешне объективированной системы процессуальных гарантий позволяет данной системе оставаться неизменной, характеризующей правосудие в качестве такового.

В литературе нередко можно встретить и иные подходы к пониманию процессуальной формы, а также о преобладающем значении специальных норм в системе цивилистического процессуального права. Так, например, Е.Е. Уксусова

---

<sup>1</sup> Громошина Н.А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // LEX RUSSICA (научные труды МГЮА). 2010. № 4. С. 779.

<sup>2</sup> Громошина Н.А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства... С. 779.

указывает на то, что «за специальными процессуальными нормами остается «последнее слово» в определении «правил поведения» и регулировании судебной процессуальной деятельности»<sup>1</sup>. Сложно точно установить, что понимает автор под «последним словом», но в контексте наименования статьи и основных ее положений можно предположить, что именно в специализации процессуальной формы и цивилистического процесса автор видит основу их развития. Здесь нужно отметить, что Е.Е. Уксусова понимает под процессуальной формой судопроизводство, что уже вызывает обоснованную критику, поскольку процессуальная форма не может пониматься как деятельность по рассмотрению гражданских дел. Последняя как раз и должна соответствовать гражданской процессуальной форме в целях обеспечения эффективной судебной защиты. «Гражданская процессуальная форма в целом позволяет характеризовать «качественность» отправления правосудия по гражданским делам», - пишет О.В. Егорова<sup>2</sup>. Стоит добавить, что именно процессуальная форма сообщает судебной деятельности ее качественную характеристику. Универсальность процессуальной формы предполагает ее устойчивость, о чем говорилось выше. Поэтому процессуальная форма как раз не предполагает специализации в зависимости от характера спорного материального правоотношения.

Унификация представляет собой качественное изменение цивилистического процессуального права. В этой связи *непосредственным ее основанием является необходимость эффективной судебной деятельности*. Разрешение типичных дел на основе единых процессуально-правовых правил упрощает работу судов. Однако основание унификации процессуального права имеет свои особенности по отношению к основаниям его специализации. *Если при специализации потребность изменения права исходит от предмета регулирования (процессуально-правовые отношения), который влияет на ассоциации судебной*

---

<sup>1</sup> Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство как процессуальная форма и потенциал возможностей с позиций специализации на современном этапе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 9. С. 28.

<sup>2</sup> Егорова О.В. Сущность гражданской процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2001. С. 13.

деятельности, то при унификации основным фактором, влияющим на качественное изменение процессуального права на элементарном уровне, являются потребности самой системы цивилистического процессуального права, ее структурной организации. Конечно, в итоге такие качественные изменения влияют на эффективность судопроизводства по гражданским делам. Первоначальное значение в необходимости унификации цивилистического процессуального права на элементарном уровне играет построение отраслевой системы, ее внутренняя организация. Можно сказать, что унификация в некотором аспекте выступает в большей степени процессом саморазвития цивилистического процессуального права, его самоорганизации. Потребность унификации цивилистического процессуального права берется не извне как при специализации, а возникает в самой отраслевой нормативной системе. Такая потребность, как правило, порождается следующими проявлениями несовершенства внутренней организации отраслевого нормативного материала:

- множественность и противоречивость нормативного материала. Смежные процессуально-правовые ситуации зачастую регулируются нормами с аналогичным содержанием. Такое регулирование, как правило, не оправдано, поскольку оно не есть проявление специализации цивилистического процессуального права. По сути, это значительно схожие нормы, действующие при регулировании схожих процессуально-правовых ситуаций. Поэтому с точки зрения правильного построения нормативного материала данные нормы должны быть приведены к единой, общей норме. Так, например, в соответствии с ч. 1 ст. 65 АПК РФ обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия государственными органами, органами местного самоуправления, иными органами, должностными лицами оспариваемых актов, решений, совершения действий (бездействия), возлагается на соответствующий орган или должностное лицо. В ч. 3 ст. 189 АПК РФ закреплено аналогичное правило для публично-правовых дел с дополнительным возложением бремени доказывания законности оспариваемого акта соответствующим органом, должностным лицом. Согласно ч. 6 ст. 194 АПК РФ обязанность доказывания соответствия

оспариваемого нормативного правового акта федеральному конституционному закону, федеральному закону и иному нормативному правовому акту, имеющим большую юридическую силу, наличия у органа или должностного лица надлежащих полномочий на принятие оспариваемого акта, а также обстоятельств, послуживших основанием для его принятия, возлагается на орган, должностное лицо, которые приняли оспариваемый акт. В ч. 5 ст. 200 АПК РФ также закреплено, что обязанность доказывания соответствия оспариваемого ненормативного правового акта закону или иному нормативному правовому акту, законности принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемых действий (бездействия), наличия у органа или лица надлежащих полномочий на принятие оспариваемого акта, решения, совершение оспариваемых действий (бездействия), а также обстоятельств, послуживших основанием для принятия оспариваемого акта, решения, совершения оспариваемых действий (бездействия), возлагается на орган или лицо, которые приняли акт, решение или совершили действия (бездействие). Анализ судебной практики показывает, что суды в зависимости от категории дела, как правило, ссылаются на норму ст. 65 АПК РФ и специальные правила одновременно. Так, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.03.2018 N 305-КГ17-19973 по делу N А40-230080/2016 суд отметил, что бремя доказывания обстоятельств, позволяющих сделать вывод о разумности срока назначения повторной выездной проверки, в силу ч. 1 ст. 65, ч. 5 ст. 200 АПК РФ лежит на налоговом органе. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.07.2019 N 305-ЭС19-7439 по делу N А40-188022/2017 суд со ссылкой на те же статьи АПК РФ пришел к выводу о том, что доказывать факт причинения потерь бюджету, в том числе с учетом расходования и возврата авансовых платежей в период, за который начислены пени, наличия иной непогашенной задолженности по таможенным платежам, относящейся к этому же периоду, должен таможенный орган. Все данные статьи, по сути, содержат одно правило распределения обязанностей по доказыванию, которое, на наш взгляд, должно реализовываться как при рассмотрении дела в порядке искового производства, так

и в публичном производстве. Неоднократное повторение данного правила с некоторыми редакционными особенностями в третьем разделе АПК РФ создает иллюзию применимости данного правила только при рассмотрении публично-правовых дел. Это не соответствует не только законодательству, так как норма ч. 1 ст. 65 АПК РФ относится ко всем производствам, но и судебной практике. В п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 N 145<sup>1</sup> разъясняется, что, требуя возмещения вреда, истец обязан представить доказательства, обосновывающие противоправность акта, решения или действий (бездействия) органа (должностного лица), которыми истцу причинен вред. При этом бремя доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия такого акта или решения либо для совершения таких действий (бездействия), лежит на ответчике (ч. 1 ст. 65 АПК РФ). В данном случае дело рассматривается в порядке искового производства и нормы о публичном судопроизводстве применению не подлежат.

Согласно правилу ч. 2 ст. 13 АПК РФ арбитражный суд, установив при рассмотрении дела несоответствие нормативного правового акта иному имеющему большую юридическую силу нормативному правовому акту, в том числе издание его с превышением полномочий, принимает судебный акт в соответствии с нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу<sup>2</sup>. Одним из способов защиты гражданских прав в соответствии со ст. 12 ГК РФ является неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону. ВС РФ, разъясняя реализацию данного способа защиты в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений

---

<sup>1</sup> Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 N 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Вестник ВАС РФ. 2011. N 8.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Андреанов Н.* КС РФ обязал арбитражные суды проверять законность применяемых нормативных правовых актов. URL: [https://zakon.ru/blog/2017/12/13/ks\\_rf\\_obyazal\\_arbitrazhnye\\_sudy\\_proveryat\\_zakonnost\\_primenyaemyh\\_normativnyh\\_pravovyh\\_aktov#comment\\_440503](https://zakon.ru/blog/2017/12/13/ks_rf_obyazal_arbitrazhnye_sudy_proveryat_zakonnost_primenyaemyh_normativnyh_pravovyh_aktov#comment_440503) (дата обращения: 02.08.2019).

раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»<sup>1</sup>, отметил, что суд не применяет противоречащий закону акт государственного органа или органа местного самоуправления независимо от признания этого акта недействительным. Таким образом, возможность неприменения нормативного правового акта, а также неприменения ненормативного правового акта не ставится в прямую зависимость от их оспаривания в порядке публичного производства, но и необходима в исковом порядке. При этом правило ч. 1 ст. 65 АПК РФ об особенностях доказывания должно касаться не только доказывания оснований, но и законности принятого акта, наличия полномочий. Это общее правило в реальной судебной практике не является особенностью публичного производства, а относится ко всему цивилистическому процессу. Так, например, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.05.2019 N 305-ЭС19-344 по делу N А40-15424/2018 отмечается, что защита нарушенного права, связанного с возвратом излишне уплаченных платежей, по усмотрению обратившегося в суд лица может осуществляться как посредством оспаривания ненормативных правовых актов, действий (бездействия) таможенного органа, так и посредством обращения в суд с соответствующим имущественным требованием. При этом судебная практика исходит из того, что имущественные требования о возврате излишне поступивших в бюджет таможенных платежей, заявленные в пределах трехлетнего срока давности, исчисляемого с момента, когда декларант узнал или должен был узнать о нарушении своих прав, подлежат рассмотрению по общим правилам искового производства, с особенностями, установленными главой 22 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, что в соответствии с частью 3 статьи 189 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации возлагает на таможенный орган обязанность подтвердить законность правовых актов, в связи с принятием которых произведено перечисление таможенных платежей. Видно, что ч. 1 ст. 65 АПК РФ в данной редакции не отвечает потребностям судебной практики, так как не полностью раскрывает правило об

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.



особенностях доказывания, вынуждая суды субсидиарно применять ч. 3 ст. 189 АПК РФ;

- отсутствие выраженного целеполагания при формулировании новых норм и институтов. Общие нормы, содержащие в обобщенном виде существенные качественные аспекты регулирования процессуальных правовых отношений, направляют развитие всей отраслевой нормативной системы. Так, например, в современный период развития цивилистического процессуального права наблюдается устойчивая тенденция к упрощению, ускорению судопроизводства по гражданским делам. В этой связи развиваются соответствующие процедуры (упрощенное производство, приказное производство), в ординарный гражданский и арбитражный процесс также периодически пытаются внести нормы, упрощающие судебную деятельность (например, однократное извещение граждан о начавшемся с их участием процессе, вынесение судебных решений в немотивированной форме; вынесение судебных определений и постановлений об отказе в удовлетворении апелляционных жалоб в гражданском и арбитражном процессах в немотивированной форме и т.д.). Однако возникает логичный вопрос о степени упрощения процесса и ускорения судопроизводства. Несмотря на то, что подобные тенденции современного развития процессуального права вызваны, на наш взгляд, дефектными причинами в виде повышенной нагрузки судей, данные тенденции отчетливо проявляются и не обращать на них внимание нельзя. Кроме того, некоторые изменения носят позитивный характер, направлены на отказ от архаичных институтов и норм. В.В. Ярков в этой связи правильно указывал на то, что процессуальное право должно учитывать потребности не только спорящих субъектов, но и судей<sup>1</sup>. Мы бы указали, что цивилистическое процессуальное право не должно сильно отрываться от фактической судебной деятельности (и наоборот). При таком разрыве следует искать причины и недостатки, первоначально, в судопроизводстве, а затем в праве. В связи с распространением упрощенных производств в литературе был поставлен вопрос:

---

<sup>1</sup> См.: Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права... С. 52.

является ли, в частности, приказное производство деятельностью по отправлению правосудия? И до каких пределов можно упрощать цивилистический процесс, чтобы в конечном итоге не потерять правосудие? Не вдаваясь в глубинные аспекты дискуссии, присоединимся к мнению авторов, считающих, что судебный приказ не является актом правосудия, а деятельность по вынесению судебного приказа не направлена на отправление правосудия<sup>1</sup>. Это следует из анализа реализации базовых принципов процессуального права в приказном производстве. Пределом упрощения цивилистического процесса и ускорения судопроизводства следует считать систему базовых процессуальных гарантий (процессуальную форму), при нивелировании которых судопроизводство перестает быть правосудием<sup>2</sup>. Данные гарантии, как указывалось выше, выражены в общих нормах цивилистического процессуального права;

- неоправданное дублирование при регулировании смежных процессуально-правовых отношений. Такое дублирование в значительной степени распространено в так называемых специальных процессуальных нормах, содержащихся в материально-правовых источниках. Например, согласно ч. 3 ст. 45 ГПК РФ прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных ГПК РФ и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий. В ст. 273 ГПК РФ установлен один из таких случаев - дела об усыновлении. На данную норму также ссылается и ВС РФ при определении состава участников процесса по делам об усыновлении<sup>3</sup>. Однако дублирующая

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Туманов Д.А.* Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 9. С. 13-20.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Громошина Н.А.* О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства... С. 767-780.

<sup>3</sup> п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 N 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2006. №6.

норма содержится и в ст. 125 Семейного кодекса РФ<sup>1</sup>, в которой указано, что дела об усыновлении детей рассматриваются судом с обязательным участием самих усыновителей, органов опеки и попечительства, а также прокурора. С точки зрения построения нормативного материала и удобства его реализации такое дублирование вряд ли можно признать обоснованным.

Отдельного внимания заслуживает вопрос оснований унификации цивилистического процессуального права в аспекте единого ГПК РФ<sup>2</sup>. Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ, несмотря на различия в наименовании и содержании, по своей правовой природе выступают кодексами одного типа, а именно, цивилистическими процессуальными кодексами<sup>3</sup>. Поэтому их сопоставление важно не только с точки зрения практики, но и в целях обозначения направлений развития цивилистического процесса в целом. Следует отметить, что унификация предполагает полное единообразие. Как указывалось ранее, следует отличать процесс унификации и процесс сближения порядков рассмотрения гражданских дел. Данные процессы хотя и могут происходить параллельно, но имеют различные цели и результаты. Так, например, Е.В. Слепченко, выступая за разработку единого ГПК РФ, указывает, что «право на обращение в суд принадлежит гражданину либо объединению граждан, чьи права и свободы нарушены. Прокурор может обращаться в суд защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, в случае если последний по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд (ст.45 ГПК РФ). В отличие от ГПК РФ, ст. 52 АПК РФ предусматривает конкретный перечень дел, по которым прокурор вправе

---

<sup>1</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

<sup>2</sup> Об анализе цивилистического процессуального законодательства с точки зрения необходимости унификации см.: Актуальные проблемы унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства: монография / М.А. Рожкова, М.Е. Глазкова, М.А. Савина; под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2015. 304 с.; Унификация цивилистического процессуального законодательства: анализ, оценки, перспективы: монография / под ред. М.В. Самсоновой. М., 2021. 328 с.

<sup>3</sup> О предпосылках и проявлениях унификации АПК РФ и ГПК РФ см.: *Силина Е.В.* Судебная защита прав и интересов предпринимателей: учебное пособие. СПб., 2019. С. 8-9.

обратиться в суд. В случае принятия Кодекса административного судопроизводства унификация указанных норм не представляется затруднительной, поскольку одно из приведенных правил может быть общим, а другое специальным»<sup>1</sup>. Очевидно, что механическое объединение норм в едином кодексе еще не является унификацией. С точки зрения результата унификация должна привести к возникновению единой нормы для регулирования смежных процессуальных правоотношений. В данном случае речь идет просто об одном из способов систематизации законодательства - инкорпорации. Автор путает указанные понятия. Анализ Концепции единого ГПК РФ позволяет также сделать вывод, что, несмотря на наименование планируемого единого ГПК РФ, речь идет о включении правил ГПК РФ и АПК РФ в едином кодексе, в котором данные правила будут соотноситься как общие и специальные. Д.Я. Малешин в этой связи правильно пишет: «Кодификация отличается от систематизации тем, что закладывается новая основа того или иного правового института, а не проводится перепись существующих правил и порядков. Пример систематизации – это дореформенный Свод законов первой половины XIX в., собравший воедино действовавшие и принятые в разные времена и эпохи законы. Кодификация же – это Устав гражданского судопроизводства 1864 г., заложивший принципиально иные основы гражданского процесса, ничего общего не имевшего с дореформенным периодом. ГПК 1923 г. – это тоже кодификация, установившая новый порядок в условиях иного государственного строя. И ГПК 2003 г. – это тоже кодификация, поскольку введены новые институты, многие старые были реформированы существенным образом в связи с опять-таки изменением общественного строя. А концепция единого ГПК 2014–2015 г. – это, к сожалению, систематизация, эдакий Свод процессуальных законов XXI в.»<sup>2</sup>. В связи с этим Д.Я. Малешин предлагает разработать единый Судебный кодекс<sup>3</sup>. С мнением Д.Я.

---

<sup>1</sup> Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации... С. 145-146.

<sup>2</sup> Малешин Д.Я. От концепции единого ГПК к общему Судебному кодексу // Вестник гражданского процесса. 2016. С. 12.

<sup>3</sup> См.: там же. С. 24-25.

Малешина можно согласиться лишь отчасти. Концепция единого ГПК РФ по ряду моментов действительно не полностью отвечает признакам кодификации (многие институты объединяются механическим путем). Однако противопоставление систематизации и кодификации не совсем обоснованно, т.к. кодификация является одним из способов систематизации, отличающимся достаточно глубокой переработкой предшествующего нормативного материала. Представляется, что кодификация не всегда связана с «ломкой» старой модели правового регулирования и разработкой новой модели, что имеет в виду автор. Необходимость кодификации вызывает множественность противоречий, несвязанность нормативного материала, его хаотичность и бессистемность. Необходимость многочисленных изменений делает нецелесообразным сохранение данного нормативного материала в существующей форме, требует проведения своеобразной «ревизии», нового системного изложения и нормативного обобщения.

Что же следует рассматривать в качестве оснований унификации правил АПК РФ и ГПК РФ? Анализ работ, посвященных данной проблеме, позволяет сделать вывод о том, что в качестве основания рассматривается общность судебной деятельности по рассмотрению гражданских дел, межотраслевой характер отдельных институтов. Рассмотрение соотношения ГПК РФ и АПК РФ позволило М.З. Шварцу сделать вывод общего характера: «Единство природы гражданского и арбитражного процессов исключает установление произвольных, необоснованных спецификой рассматриваемых дел отличий в содержании и реализации принципов процессуального права, нормативном закреплении фундаментальных институтов процессуального права»<sup>1</sup>. С.К. Загайнова, выступая за унификацию требований, предъявляемых к судебным актам, указывает, что мотивированность является неотъемлемым требованием всех судебных актов<sup>2</sup>. М.А. Фокина указывает на необходимость унификации института доказывания и

---

<sup>1</sup> Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства (проблемы теории и практики применения): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 38.

<sup>2</sup> Загайнова С.К. Об унификации требований, предъявляемых к судебным актам в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 5. С. 19.

доказательства в арбитражном и гражданском процессах. Она отмечает, что «унификация норм доказательственного права закономерно вытекает из единства познавательных процессов, характера процессуальной деятельности по установлению обстоятельств дела и отраслевой принадлежности дел, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного процессов. Теоретической основой унификации регламентации доказательств и доказывания выступает единство механизма доказывания по гражданским делам. В настоящее время, несмотря на общность целевой направленности механизма доказывания в гражданском и арбитражном процессах, структуры механизма доказывания, одноименность его элементов, единство процессуальной формы в рамках гражданского и арбитражного процессов не достигнуто»<sup>1</sup>. И.В. Решетникова считает, что «для унификации законодательства, принадлежащего к разным отраслям права, должны существовать объективные причины. Все процессуальные отрасли права, включая гражданское, арбитражное, административное, уголовное, принадлежат к так называемым смежным отраслям права, поскольку у них имеются сходства в отраслеобразующих признаках: предмете, методе правового регулирования, принципах, а также правовых институтах»<sup>2</sup>. Автор обосновывает унификацию межотраслевым характером ряда процессуальных институтов. «Если сравнить нормы УПК, АПК, ГПК и проекта АдмПК, - пишет И.В. Решетникова, - то можно увидеть, что они имеют очень много схожего в регламентации подведомственности и доказательств. Появление межотраслевых институтов в разных видах процессуального права - это объективный процесс, поскольку, например, доказывание в любой отрасли права развивается в силу общих закономерностей познания и в рамках, предусмотренных процессуальными правилами»<sup>3</sup>. На этом основании И.В. Решетникова приходит к выводу о том, что «доказывание, будучи межотраслевым

---

<sup>1</sup> Фокина М.А. Совершенствование правового регулирования доказывания по гражданским делам: вопросы унификации // Современное право. 2015. N 9. С. 101.

<sup>2</sup> Решетникова И.В. Унификация процессуального законодательства. Ждать ли революций?! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 3. С. 3.

<sup>3</sup> Решетникова И.В. Доказывание в гражданском судопроизводстве в преддверии унификации процессуального законодательства // Закон. 2014. N 10. С. 27.

процессуальным институтом, объективно должно иметь и реально имеет общие для любой процессуальной отрасли права черты»<sup>1</sup>. Е.Р. Россинская выступает за унификацию института судебной экспертизы. «Единство интегрированной природы всех судебных экспертиз, - отмечает автор, - обуславливает необходимость выработки единого подхода к проблемам использования специальных знаний и, в частности, судебной экспертизы при совершенствовании процессуального законодательства в разных видах процесса»<sup>2</sup>. Таким образом, *основанием для унификации правил процессуальных кодексов выступает общность судопроизводства и единство гражданского процесса, который строится на единых основополагающих началах - принципах*<sup>3</sup>.

Судебная реформа последних лет затронула не только вопросы судоустройства, но и важные элементы судопроизводства. Верховный Суд РФ, став во главе подсистем судов общей юрисдикции и арбитражных судов, осуществляет активную деятельность по унификации гражданского процессуального права на уровне отдельных норм и институтов. Иногда под видом унификации проводится упрощение процесса, о чем говорилось ранее. Особенно заметна унификация арбитражного и гражданского процессов. В научной литературе, как правило, обращается внимание на отдельные отличия названных АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, обосновывается их необходимость или отсутствие таковой. Но, к сожалению, критерии определения необходимости специфического или единообразного правового регулирования не устанавливаются. Представляется, что подобные критерии нужно искать в основаниях двух разнонаправленных процессов - унификации и специализации права. В общих чертах можно обозначить, что фактическим основанием унификации выступает потребность в единообразном правовом регулировании,

---

<sup>1</sup> Там же. С. 27.

<sup>2</sup> *Россинская Е.Р.* Судебные экспертизы в гражданском и арбитражном процессе в контексте проблем унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 10. С. 10.

<sup>3</sup> См.: *Силина Е.В.* Принципы гражданского процессуального права // *Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы практики и теории: сборник статей / сост. и ред. Л.В. Войтович.* СПб., 2021. С. 91-96.

универсальность правовых отношений. Основанием специализации права выступает потребность в специальном правовом регулировании, специфика правовых отношений. При сопоставлении процессуальных кодексов нужно учитывать некую вспомогательную роль процессуального права и его зависимость от права материального через посредство процессуальных отношений и судебной деятельности. В этой связи основанием для специализации и унификации называется специфика или универсальность спорного материального правоотношения соответственно. Но данное основание весьма абстрактно и не всегда может выступать достоверным критерием определения правовых различий. Поэтому нужно определить систему специальных критериев по институтам права, которые будут соответствовать вышеуказанным основаниям. К таким критериям можно отнести основные начала правового регулирования (принципы), термины и универсальные юридические категории, используемые в кодексах, например, законный интерес, судебная защита, право на иск, судебное решение и т.д.

В основе унификации правил цивилистических процессуальных кодексов лежат единые принципы судопроизводства, а также универсальное значение права на судебную защиту, реализация которой представляет основную цель судебной деятельности. Т.В. Сахнова рассматривает право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право, получившее глобальное значение. «Процессуальная субстантивность права на судебную защиту, - пишет она, - демонстрируется всем механизмом его реализации в процессе. Так, для обретения судебным решением необходимого свойства законности недостаточно следовать букве закона – в судебном решении должен быть выражен «дух» закона и права. Методология принятия решения должна отвечать общепризнанным ценностям...»<sup>1</sup>. Право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право является универсальным, распространяется на весь цивилистический процесс. Процессуальная форма реализации судебной защиты должна быть

---

<sup>1</sup> Сахнова Т.В. Право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право: эффект глобализации // Вестник гражданского процесса. 2014. № 3. С. 16.



единой, за исключением случаев, при которых достижение основной цели судебной деятельности в рамках единого процессуального порядка становится затруднительным. На эффективность судебной деятельности может влиять не только специфика спорного материального правоотношения, но и ряд других факторов: особенности судоустройства, организационно-материальная обеспеченность судопроизводства и т.д. Правовое регулирование порядка судопроизводства должно учитывать данные факторы и обеспечивать их минимальное влияние посредством специального регламента.

Указанные выше критерии, во главе которых находится судебная защита и право на нее, позволяют осуществить сравнительно-правовой анализ АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ и выявить необоснованные процессуально-правовые различия, которые не имеют ничего общего с основанием специализации права. Проиллюстрируем действие указанных нами критериев на отдельных правовых различиях АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. Следует отметить, что различия могут носить чисто терминологический характер, например, использование термина «судебные акты» в АПК РФ и «судебные постановления» в ГПК РФ. По сути, подобные различия не играют существенной роли при реализации правовых норм. Можно лишь обосновать правильность или неправильность использования юридических терминов с теоретических позиций. Однако, стоит заметить, что единообразное применение терминов в одном нормативном правовом акте является необходимым с точки зрения правил юридической техники. Использование в одном кодексе терминов другого кодекса может вызвать и соответствующие затруднения в толковании юридических норм при их реализации. Так произошло в АПК РФ, в котором в общей части используется собирательный термин «судебные акты», а в главе 36.1, регулирующей производство по пересмотру судебных актов в порядке надзора, встречается как термин «судебные акты», так и термин «судебные постановления». Таким образом, сами по себе терминологические различия АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ нельзя назвать «неоправданными», т.к. в них может быть отражен иной подход к определению терминов. Кроме того, такие различия в силу сложившейся

практики применения терминов не имеют существенного практического значения. Но их использование в одном нормативном правовом акте должно быть единообразным. Также необходимо учитывать указанные различия при обязательном толковании норм процессуального права Верховным Судом РФ.

К неоправданным процессуально-правовым различиям мы отнесем нормы процессуальных кодексов, содержащие особенности реализации права на обращение в суд, которые не соответствуют специфике спорного материального правоотношения, в том числе их субъектному составу. Право на обращение в суд есть категория общая для всех цивилистических процессуальных кодексов. Универсальность данной категории определяется двумя аспектами. Во-первых, право на обращение в суд есть неотъемлемый элемент права на судебную защиту, универсальность которого связана с его конституционным характером (ст. 46 Конституции РФ). Во-вторых, право на обращение в суд есть также элемент права на иск, которое является общим как с исторической, так и с теоретической точек зрения. Иными словами, право на обращение в суд представляет собой единое право, принадлежащее любому субъекту правоотношений и по любому делу. В этой связи реализация данного права должна быть также единообразной, а специфика такой реализации должна неизменно вытекать из особенностей спорного материального правоотношения и правового статуса его субъектов. Данным критериям явно не соответствуют различия реализации права на обращение в суд по правилам АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ<sup>1</sup>. Среди существенных различий здесь стоит указать на несоответствие оснований для отказа в принятии искового заявления. Данные различия с учетом универсальности права на обращение в суд нельзя вывести из специального материально-правового статуса его носителей и особенностей спорного материального правоотношения<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Решетникова И.В.* Судопроизводство в судах первой инстанции: сравнительно-правовой анализ через призму предстоящей унификации гражданского и арбитражного процессуального права // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2015. N 2. С. 48 - 53.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф.* Об унификации цивилистического процессуального закона в контексте отдельных оснований для отказа в принятии заявления // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2017. № 3. С. 73-79.

Достаточно спорным, по нашему мнению, выглядит обязательный досудебный порядок урегулирования спора, закрепленный в ч. 5 ст. 4 АПК РФ<sup>1</sup>. Так как данный порядок определен для широкой категории споров, то его наличие нельзя вывести из особенностей спорного материального правоотношения. Достаточно сложно его обосновать специальным правовым статусом субъектов предпринимательской деятельности. Ведь принцип добросовестного поведения закреплен не только в отношении предпринимателей, но и всех других субъектов гражданских правоотношений. Необоснованным следует признать различия в подходе определения законного интереса как самостоятельного объекта защиты. Если ГПК РФ в целом признает такую самостоятельность за законным интересом (ст. 3), то АПК РФ и КАС РФ не устанавливают возможность защиты законного интереса без защиты субъективного права (ст. 2, 4, 7, 16 АПК РФ и ст. 198, 218 КАС РФ). Это далеко неполный перечень «неоправданных» правовых различий. Вышеизложенное показывает, что АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ имеют достаточно много различий в регулировании процессуальных отношений<sup>2</sup>. Однако в основе такого регулирования лежит единый тип цивилистической процессуальной формы, имеющей универсальный характер. *Унификация правил цивилистических процессуальных кодексов должна осуществляться на основе универсальных юридических категорий с оценкой уровня эффективности судебной деятельности, гарантированности судебной защиты нарушенных субъективных прав и законных интересов.*

#### **§ 4. Пределы унификации цивилистического процессуального права**

---

<sup>1</sup> О необходимости дифференциации процессуальных последствий несоблюдения обязательного досудебного урегулирования спора см.: *Шеменева О.Н.* Последствия несоблюдения претензионного и иного досудебного порядка урегулирования споров на различных этапах гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 12. С. 10 - 13.

<sup>2</sup> См. подробнее: Унификация цивилистического процессуального законодательства: анализ, оценки, перспективы: монография / под ред. М.В. Самсоновой... С. 43-64.

Унификация цивилистического процессуального права выступает процессом его развития, противоположным специализации. Парность процессов унификации и специализации позволяет предположить, что унификация не имеет пределов, так как сдерживает процесс специализации<sup>1</sup>. Однако это предположение нельзя признать верным. Унификация, как и специализация, имеет свои пределы, выход за которые приводит к своеобразной реакции - неэффективности норм цивилистического процессуального права и неэффективности судебной деятельности. Следовательно, *пределы унификации связаны с негативными правовыми последствиями, которые могут возникнуть в результате чрезмерной интенсификации процессов унификации.* Многоуровневость унификации создает основания для рассмотрения таких последствий на различных уровнях отраслевой системы процессуального права: на элементарном уровне - уровне норм и процессуально-правовых комплексов; на отраслевом уровне; на уровне взаимодействия процессов (гражданского и арбитражного), правила которых также постепенно сближаются. Негативные правовые последствия на каждом из указанных уровней различны, что требует их отдельного рассмотрения.

Проблема унификации на элементарном уровне связана с цивилистическими процессуальными нормами и первичной их общностью - процессуальными комплексами. Соответственно на данном уровне унификация напрямую не влияет на построение всей системы процессуального права, ее основы. Вместе с тем, правильное построение нормативного материала в рамках процессуально-правового комплекса имеет непосредственное значение для регулирования процессуально-правовых отношений. Здесь следует заметить, что речь должна идти именно о негативных последствиях, связанных с чрезмерной интенсификацией унификационных процессов, а не иных недостатках построения и содержания отраслевой системы. Так, например, ошибочно полагать, что в некотором смысле негативным результатом унификации является создание

---

<sup>1</sup> Подобным образом рассматривает процесс унификации М.К. Юков. См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 75-76.

единичной конкретной процессуальной нормы, которая, как правило, менее эффективна, чем комплекс общей и специальных норм. Единичные нормы повышенной абстрактности (принципы, декларации и т.д.), о которых речь шла выше, действительно создаются в результате нормативных обобщений, но конкретная норма является результатом правотворчества, который не связан ни с унификацией (поскольку унифицировать еще нечего), ни со специализацией (поскольку норма единична). Непарные (единичные) конкретные процессуальные нормы не являются ни общими, ни специальными. Соотношение по объему и содержанию данной нормы с другими можно провести только в рамках процессуально-правового комплекса, который в данном случае отсутствует. Эти нормы как раз представляют собой отсутствие действия на цивилистическое процессуальное право рассматриваемых в рамках настоящей работы процессов развития. Можно предположить, что единичная конкретная процессуальная норма является общей, поскольку если бы она была специальной, то входила бы в процессуально-правовой комплекс. Данное предположение, кажущееся логичным, также нельзя признать верным. Соотношение по объему допустимо и целесообразно только в отношении парных норм. В отношении норм непарных такое соотношение лишено познавательного смысла и практически нецелесообразно.

Чрезмерная интенсификация унификационных процессов на элементарном уровне может привести к *появлению в рамках одного процессуально-правового комплекса нескольких общих норм*. Такая ситуация произошла с процессуально-правовым комплексом, закрепленным в ст. 123 АПК РФ. Данная статья в результате редакции 2010 года претерпела значительные изменения, целью которых было возложение на участвующих в деле лиц обязанности самостоятельно предпринимать действия по получению сведений о ходе процесса с их участием (ч. 6 ст. 121 АПК РФ). Арбитражный суд при этом должен обеспечить, во-первых, первоначальное извещение лица, участвующего в деле, о начавшемся процессе с его участием, во-вторых, обеспечить возможность получения данным лицом информации о ходе процесса любым доступным

способом (в сети Интернет, по телефону и т.д.). В результате указанных нововведений ст. 123 АПК РФ получила две общие нормы. Согласно ч. 1 ст. 123 АПК РФ лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса считаются извещенными надлежащим образом, если к началу судебного заседания, совершения отдельного процессуального действия арбитражный суд располагает сведениями о получении адресатом копии определения о принятии искового заявления или заявления к производству и возбуждении производства по делу, направленной ему в порядке, АПК РФ, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе. В соответствии с ч. 4 ст. 123 АПК РФ лица считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом в указанных в данной части случаях (в том числе, когда адресат фактически не получил извещение). Как в ч. 1, так и в ч. 2 ст. 123 АПК РФ используется юридическая фикция, то есть предположение о наличии определенного факта вопреки действительности. При фактическом невручении извещения лицо считается извещенным надлежащим образом. При получении первоначальной информации лицо считается извещенным в последующем, хотя фактически может данной информацией не владеть. В результате получается, что надлежащее извещение формируется за счет «наслоения» общих нормы, в которых реализованы юридические фикции. В действительности при правильном подходе к толкованию статьи 123 АПК РФ такого наслоения юридических фикций происходить не должно. Иначе лицо лишается процессуальных гарантий участия в процессе. На данном примере мы видим ошибку законодателя при формировании процессуально-правового комплекса, содержащего две общие процессуальные нормы с фикциями. В ч. 1 ст. 123 АПК РФ речь идет об одной ситуации, которая связана с течением процесса, необходимостью более активного участия в нем заинтересованных лиц. В ч. 3 ст. 123 АПК РФ речь идет уже о способе извещения и обязанности лица получать входящую корреспонденцию, которая закреплена в материальном законодательстве. Данные нормы не должны состоять в едином процессуально-правовом комплексе, так как регулируют различные аспекты процессуального

правоотношения, разные процессуально-правовые ситуации. Поэтому ч. 1 ст. 123 АПК РФ должна быть вынесена за пределы ст. 123 АПК РФ и помещена в ст. 121 АПК РФ. При этом в содержании данной статьи не должен использоваться термин «надлежащее извещение», достаточно указать, что при получении лицом, участвующим в деле, информации о начавшемся процессе, оно считает извещенным относительно всего хода процесса, в том числе совершения отдельных процессуальных действий. К сожалению, рассматриваемое несовершенство нормативного регулирования арбитражного процесса не было минимизировано посредством толкования. Напротив, в абз. втором п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 N 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»<sup>1</sup> разъяснено, что при применении ч. 1 ст. 121 АПК РФ о необходимости извещения участвующих в деле лиц судам следует исходить из части 6 статьи 121, части 1 статьи 123 АПК РФ, в соответствии с которыми арбитражный суд к началу судебного заседания, совершения отдельного процессуального действия должен располагать сведениями о получении лицом, участвующим в деле, иным участником арбитражного процесса копии первого судебного акта по делу либо иными сведениями, указанными в части 4 статьи 123 АПК РФ. Чтобы окончательно снять сомнения определения надлежащего извещения, в п. 5 данного постановления высший суд указал, что при наличии в материалах дела уведомления о вручении лицу, участвующему в деле, либо иному участнику арбитражного процесса копии первого судебного акта по рассматриваемому делу либо сведений, указанных в ч. 4 ст. 123 АПК РФ, такое лицо считается надлежаще извещенным при рассмотрении дела судом апелляционной, кассационной, надзорной инстанции, при рассмотрении судом первой инстанции заявления по вопросу о судебных расходах, если судом, рассматривающим дело, выполняются обязанности по размещению информации о времени и месте судебных заседаний, совершении

---

<sup>1</sup> Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

отдельных процессуальных действий на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет в соответствии с требованиями абзаца второй части 1 статьи 121 АПК РФ.

Размещение в рамках единого процессуально-правового комплекса двух общих норм при их реализации требует их соотнесения. Данные нормы не могут соотноситься друг с другом как общая и специальная, поскольку регулируют разные части процессуального правоотношения. При их реализации складывается впечатление, что они дополняют друг друга. Это не так. Подобные нормы содержат правила регулирования разных процессуально-правовых ситуаций и по объему друг с другом не могут быть соотнесены. Таким образом, включение в один комплекс несколько общих норм влияет на правильную реализацию всего процессуально-правового комплекса, делает его неэффективным, о чем свидетельствует практика реализации ст. 123 АПК РФ, которая развивается в направлении наслоения процессуальных фикций в рамках института надлежащего извещения<sup>1</sup>.

На более высоком уровне отраслевого построения нормативного материала *чрезмерная унификация может привести к множественности общих положений, закрепленных в специализированных нормах (цели, задачи, принципы)*. Исследуя цели гражданского судопроизводства, Г.А. Жилин под целевыми установками понимает «закрепленные в нормах гражданского процессуального права задачи и цели, которые выражают общественно необходимый и желаемый результат процессуальной деятельности суда и других субъектов как в целом, так и на отдельных ее этапах, а также выступают в качестве средства достижения такого результата на более отдаленных этапах процесса. При этом задача — частная промежуточная цель и нормативно закрепленное средство достижения более отдаленных целей, а цель — общественно необходимый и желаемый результат

---

<sup>1</sup> Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.07.2019 N Ф05-12279/2019 по делу N А41-82522/2018; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.01.2019 N Ф01-6897/2018 по делу N А82-7551/2018; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.02.2019 N Ф04-5/2019 по делу N А70-781/2018; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.06.2019 N Ф06-49222/2019 по делу N А65-32868/2018 и др.



процессуальной деятельности в целом или на отдельных ее этапах»<sup>1</sup>. Автор отмечает множество проблем, связанных с правильным нормативным закреплением целей и задач гражданского судопроизводства, например, неправильное определение целей, подмена цели задачами, несоответствие целей гражданского судопроизводства, определенных в разных цивилистических процессуальных кодексах<sup>2</sup>. Многие из указанных проблем в настоящее время разрешены. Вместе с тем, указанные проблемы показывают, что нормативные обобщения, сделанные законодателем и формализованные в общих специализированных нормах, должны, во-первых, соответствовать некой теоретической модели, построенной на основе положений конституционного права, во-вторых, соответствовать друг другу. Объективное усложнение цивилистического процессуального права не должно приводить к множественности нормативных обобщений. В противном случае на определенном этапе развития специализированные общие нормы в силу множественности не только не облегчат, но и усложнят процесс реализации процессуальных норм. Одно общее положение будет конкурировать с другим. Нельзя согласиться с мнением З.А. Папуловой о том, что гражданской процессуальной форме присуще качество изменчивости, под которой автор предлагает понимать «способность приобретать новые черты и свойства под влиянием гражданских правоотношений, изменений процессуального законодательства, а также специализации судопроизводственной деятельности»<sup>3</sup>.

Ситуацию конкуренции мы можем наблюдать на современном этапе развития цивилистического процессуального права. Под принципами гражданского процессуального права традиционно понимаются основополагающие начала, идеи, выражающие специфику отраслевого правового

---

<sup>1</sup> Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 6.

<sup>2</sup> См.: там же. С. 7-8; 17; 20-27.

<sup>3</sup> Папулова З.А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 13.

регулирования и судопроизводства по гражданским делам<sup>1</sup>. Принципы, как нормативные обобщения, выражающие сущностные начала правового регулирования, получают свое внешнее выражение в одноименных общих нормах. Некоторые принципы выводятся теоретическим путем без их четкого нормативного закрепления, что также не способствует созданию стройной системы принципов. Множественность норм-принципов создает необходимость соотнесения их с другими общими нормами, а также друг с другом. М.З. Шварц справедливо указывает, что основанием дифференциации порядка рассмотрения дел в арбитражных судах исторически связано с необходимостью ускорения судопроизводства, которое производится за счет упрощения процесса с возложением ряда обязанностей на самих участников процесса<sup>2</sup>. Необходимость наиболее быстрого рассмотрения дела вкупе с институтом процессуальных сроков, привели некоторых авторов к выделению принципа оперативности при рассмотрении гражданских дел<sup>3</sup>. Однако данный принцип вступает в конкуренцию с другими общими положениями и принципами цивилистического процессуального права. «Основанием дифференциации порядка рассмотрения гражданских дел в арбитражных судах, - пишет М.З. Шварц, - является участие в них субъектов предпринимательской деятельности, позволяющее допустить снижение уровня процессуальных гарантий в тех, естественно, незыблемых пределах, которые очерчены фундаментальными правилами и принципами отправления правосудия, обусловленными его природой и социальной ценностью и предусмотренными Конституцией РФ. Иными словами, единство права на судебную защиту подразумевает, что оно должно осуществляться по единым основополагающим правилам, которые не могут быть пересмотрены или проигнорированы под видом дифференциации процессуального регламента. В

---

<sup>1</sup> О разных подходах к пониманию принципов см.: *Носенко Л.И.* Принципы гражданского процесса: к вопросу значимости // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). С. 148-151.

<sup>2</sup> См.: *Шварц М.З.* Систематизация арбитражного процессуального законодательства... С. 7-8.

<sup>3</sup> См., напр.: *Дивин И.М.* Основные принципы административного судопроизводства в арбитражном процессе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 1. С. 171.

свою очередь, характер рассматриваемых споров - экономический - является основанием для упрощения порядка рассмотрения дел в арбитражных судах в указанных границах»<sup>1</sup>. Таким образом, ускорение процесса посредством его упрощения всегда влечет уменьшение процессуальных гарантий участников, следовательно, отражается на реализации иных принципов цивилистического процессуального права. В приказном производстве, например, не реализуются принципы гласности, состязательности и другие принципы цивилистического процессуального права<sup>2</sup>.

С течением времени сама конкуренция общих положений гражданского процессуального права в результате привела к формированию баланса конкурирующих общих аспектов осуществления судопроизводства. Таким образом сформировались принципы единоличного и коллегиального рассмотрения дела, принцип устности и письменности судопроизводства. Очевидно, что формирование подобных принципов представляет собой попытку поиска баланса между различными признаками судопроизводства. На конкуренцию принципов в цивилистическом процессе обращается внимание в юридической литературе<sup>3</sup>. В частности, данной проблеме посвящена одноименная статья И.В. Решетниковой<sup>4</sup>, которая рассматривает проблемы конкуренции принципов диспозитивности и активности суда; принципов устного и письменного судопроизводства; принципов гласности и доступности судопроизводства.

Количественный рост общих положений, порождаемый интенсификацией унификационных процессов, может привести также к *чрезмерному обособлению*

---

<sup>1</sup> Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства... С. 48-49.

<sup>2</sup> См.: Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия ... С. 16.

<sup>3</sup> См., напр.: Исаенкова О.В. О развитии принципов гражданского процессуального права в проекте обновленного Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета. Краснодар, 2017. С. 15-21.

<sup>4</sup> См.: Решетникова И.В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 10-20.

*общих положений как в познавательном, так и в практических аспектах.* Система общих положений разрастается, усложняется, обособляется от конкретных процессуально-правовых норм. В.М. Шерстюк, критикуя авторов, начинающих деление отраслевой системы с дифференциации гражданского процессуального права на Общую и Особенную части, справедливо указывает, что, во-первых, данные части представляют собой результат интеграции, а не дифференциации отрасли права. Во-вторых, «такое деление отрасли права на первом этапе оторвано от реальной основы, то есть от предмета правового регулирования и поэтому не позволяет проникнуть ни в специфику процессуальных отношений, ни в существо гражданского процессуального права, регулирующего их»<sup>1</sup>. Между тем, нормативные обобщения цивилистического процессуального права, составляющие его общую часть<sup>2</sup>, не должны отрываться от конкретных норм, регулирующих порядок рассмотрения гражданских дел. В противном случае такая совокупность нормативных обобщений перестает выполнять возложенные на нее функции и замыкается в рамках своей общности.

Последним уровнем унификации в рамках цивилистического процессуального права выступает унификация различных порядков рассмотрения дел, составляющих арбитражный и гражданский процессы. Как мы указывали ранее, такая унификация может происходить постепенно путем сближения процессуальных порядков, выработки единых норм в рамках отдельных институтов и процессуально-правовых комплексов. Данный вариант унификации можно назвать эволюционным. Унификация порядков рассмотрения гражданских дел может также происходить революционным путем, при котором осуществляется чрезвычайно быстрое приведение арбитражного и гражданского процессов к единым правилам. Данный путь связан с предлагаемой кодификацией гражданского и арбитражного процессов в рамках единого ГПК. С точки зрения

---

<sup>1</sup> Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права... С. 18.

<sup>2</sup> На наш взгляд, правильнее говорить про общую часть процессуального закона, а не права, поскольку пандектная система изложения нормативного материала предполагает формирование общей и особенной частей в законах, а не в праве. Структура же закона как формы далеко не всегда отражает действительную структуру системы права.

достижения цели унификации революционный путь является более быстрым и продуктивным, так как в итоге мы получаем практически единые правила рассмотрения гражданских дел. В разделе «Структурный подходы к Концепции» отмечается, что «в общей части единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации будет сосредоточена регламентация тех положений, которые в одинаковой степени приемлемы ко всем видам и стадиям процесса (виды доказательств, определение предмета и обязанности по доказыванию и пр.) В особенной части найдут свое регулирование особенности доказывания в видах и стадиях процесса, а также при рассмотрении определенных категорий дел». Конечно, такая унификация выглядит достаточно правильной и эффективной. Однако именно при революционной унификации высоки риски ее чрезмерной интенсификации, нарушения пределов единства правового регулирования. Об этом свидетельствует и содержание Концепции, которая направлена во много на механический способ унификации (выбор одного из вариантов). В литературе на это обстоятельство неоднократно обращалось внимание. Так, например, в статье, подготовленной Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ справедливо отмечается, что «представленные материалы свидетельствуют о том, что во многих случаях разработчики Концепции отдают предпочтение тем моделям правового регулирования, которые не только в большей степени отвечают принципу процессуальной экономии, но и более «удобны» для деятельности самого суда. В основном это наработки законодательного регулирования арбитражного судопроизводства. Между тем подавляющее большинство граждан нашей страны не имеют тех финансовых и организационно-технических возможностей, которые могут задействовать предприниматели и иные участники экономической деятельности для эффективной реализации своего права на судебную защиту»<sup>1</sup>. С учетом современного состояния и уровня развития цивилистическое процессуальное

---

<sup>1</sup> *Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесницкая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л.* Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 7.

право вряд ли нуждается в революционном качественном преобразовании, поскольку последнее в конечном итоге может привести к понижению качества самого права и, соответственно, эффективности судебной защиты. В любом случае существенные преобразования процессуального законодательства требуют периода адаптации, который связан с восприятием данных преобразований правоприменительной практикой, появлением разъяснений высшего суда по наиболее проблемным и спорным вопросам. История развития отечественного права очевидно свидетельствует о невозможности сиюминутной эффективности процессуальных новелл. Механизм реализации процессуально-правовых норм включает в себя не только нормы цивилистического процессуального права, но и иные весьма важные элементы (судебную деятельность, действия участников процесса, судебные акты и т.д.). При постепенном преобразовании цивилистического процессуального права проблема адаптации нового нормативного материала не столь ощутима. Практика постепенно воспринимает нововведения, направляет их развитие, нормативный материал обрастает актами толкования, что в совокупности способствует правильному восприятию и реализации процессуальных норм. Если существенные преобразования имеют масштабный характер, то проблема адаптации выходит на первый план. Громадный пласт нормативного материала невозможно переварить достаточно быстро. Настройка правильной реализации процессуальных норм в этом случае займет достаточно продолжительный период времени и в силу масштабности неизменно отразится на эффективности судебной деятельности, но, к сожалению, не в лучшую сторону. Против данных доводов можно возразить, что унификация арбитражного и гражданского процесса не предусматривает глобальные изменения цивилистического процессуального права. Так, например, Концепция не содержит большого количества процессуальных новелл, а предусматривает в целях единого правового регулирования восприятие либо норм ГПК РФ, либо АПК РФ. В этом аспекте нельзя сказать, что преобразования столь глобальны и масштабны, так как они основаны на уже существующих процессуальных правилах. С подобным суждением нельзя согласиться в силу следующего. Во-

первых, изменения касаются всего цивилистического процесса, который будет регулироваться новой системой процессуальных правил. На одном этапе этот процесс будет регулироваться нормами, которые ранее содержались в ГПК РФ, на другом - нормами АПК РФ. Однако в результате мы как раз получаем новый порядок рассмотрения гражданских дел, которого ранее не было, так как в отдельности нормы ГПК РФ и АПК РФ регулировали пусть и схожие, но в деталях различные порядки рассмотрения дел. Интегративное качество единого цивилистического процесса может значительно отличать его от ранее существовавших «доноров». Открытым также остается вопрос о правильности объединения различных процессуальных правил в рамках единого процесса, их взаимосвязи друг с другом, согласованности. Во-вторых, единый цивилистический процесс в деталях окажется новым как для судов общей юрисдикции, так и для арбитражных судов. Вряд ли и те, и другие будут сопоставлять нормы единого ГПК с ранее существовавшими нормами ГПК РФ и АПК РФ. Так, нормы, воспринятые из АПК РФ будут знакомы арбитражным судам, которые продолжают их применять с учетом имеющихся разъяснений и судебной практики, но данные нормы окажутся новыми для судов общей юрисдикции, которые не будут знать об особенностях их реализации, а, значит, будут проявлять усмотрение при их применении. С учетом судебной нагрузки вряд ли следует рассчитывать на то, что судьи будут заниматься ретроспективным толкованием, то есть отыскивать в том или ином ранее существовавшем процессуальном кодексе аналогичные нормы и смотреть практику их применения. Скорее всего реализация нормы единого ГПК пойдет по пути относительно свободного восприятия и реализации новых процессуальных правил судьями. А, значит, судебная практика должна будет переварить нововведения для каждой подсистемы судов и направить их правильную реализацию. Следовательно, при масштабности изменений потребуется достаточно продолжительный период времени. Г.Д. Улетова высказывает справедливые опасения, что «поспешность

порождает опасность появления концептуально непроработанного нового кодекса»<sup>1</sup>.

Вышеизложенное свидетельствует о целесообразности эволюционного пути унификации арбитражного и гражданского процесса, при котором поэтапно к единству должны приводиться сначала общие положения, а затем отдельные процессуальные порядки рассмотрения гражданских дел. Только при обеспечении достаточно высокой степени унификации арбитражного и гражданского процессов возможно отказаться от дублирующих законодательных форм и принять единый ГПК. В настоящее время арбитражный и гражданский процесс не имеют необходимой степени единства как с точки зрения правового регулирования, так и с практической точки зрения. Практикующий юрист с легкостью перечислит основные различия арбитражного и гражданского процесса: преобладающая письменность в арбитражном и устность в гражданском процессе; широкая состязательность в сочетании с юридической истиной в арбитражном процессе против более активной роли суда в гражданском; более широкая диспозитивность в арбитражном процессе против ее ограниченности в гражданском (например, в рамках средств доказывания) и т.д. Видно, что особенности касаются существенных аспектов судопроизводства и процесса. Отличия в деталях намного многочисленнее (преобладание письменных доказательств и практическое отсутствие свидетельских показаний в арбитражном процессе; участие профессиональных представителей; широкое использование электронного способа предоставления доказательств; более четкая структурированность судебной деятельности; размер госпошлин; судебные извещения в арбитражном процессе и т.д.).

*Чрезмерная унификация арбитражного и гражданского процессов может привести к необоснованному единству правового регулирования в тех случаях, когда необходимо учитывать особенности субъектов спорного материального правоотношения в целях эффективной судебной защиты. В литературе уже*

---

<sup>1</sup> Улётова Г.Д., Сахнова Т.В., Афанасьев С.Ф., Уксусова Е.Е., Григорьева Т.А., Борисова В.Ф. О концепте единого процессуального кодекса России // Современное право. 2014. № 12. С. 5.



неоднократно отмечались указанные случаи. Л.А. Прокудина отмечает, что «своеобразие арбитражной процессуальной формы непосредственно связано с процессами ее «профессионализации». При этом под «профессионализацией» судопроизводства в арбитражных судах возможно понимать обусловленное особенностью субъектного состава арбитражно-процессуальных правоотношений формирование «жесткой» конструкции используемых в арбитражных судах процессуальных регламентов, характеризующейся ограничением активности и оказываемой арбитражным судом помощи участвующим в деле лицам и переносом на них ряда обязанностей по совершению процессуальных действий»<sup>1</sup>. Автор приходит к выводам о том, что наличие профессиональных участников вполне оправданно допускает предъявление дополнительных требований к содержанию искового заявления и других процессуальных документов; ужесточение правил представления доказательств и ограничение периода времени, в течение которого стороны могут представлять доказательства, стадией подготовки дела к судебному разбирательству целесообразно именно в судопроизводстве по экономическим спорам; наличие обязанностей у участвующих в арбитражном процессе лиц по получению информации свойственно только для арбитражного процессе, но недопустимо для гражданского; ограничение участия в арбитражном процессе прокурора связано с более широкой диспозитивностью, которая недопустима в процессе гражданском<sup>2</sup>. В заключении автор приходит к заслуживающему внимания выводу о том, что «унификация может привести к совершенно противоположным результатам, когда уже сформировавшиеся процедуры арбитражного процесса «растворятся» в едином кодексе, поскольку существует вероятность, что постоянные оговорки об особенностях регламентов экономического правосудия постепенно исчезнут из окончательного текста, а это обстоятельство вызывает

---

<sup>1</sup> Прокудина Л.А. Судопроизводство в арбитражных судах и унификация гражданского процессуального законодательства // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 68.

<sup>2</sup> См.: Прокудина Л.А. Судопроизводство в арбитражных судах и унификация гражданского процессуального законодательства... С.63, 65, 66.

озабоченность специалистов»<sup>1</sup>. Группа исследователей Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в критических замечаниях к Концепции единого ГПК также отмечают неправильность ряда предложений по унификации. «Концепция предполагает ослабление устного характера судопроизводства и расширение использования письменных форм. Однако при этом не принимается в расчет общеизвестная, серьезная и широко обсуждаемая проблема снижения культуры письменной речи и общих навыков ее использования. Впрочем, для многих граждан самостоятельное изложение своей позиции по делу или по отдельным вопросам судебного разбирательства и раньше было весьма затруднительным. В связи с этим не следует переоценивать и значение интернет-технологий в жизни российских граждан; было бы преждевременным делать расчет на всеобщую компьютерную грамотность и возможность задействовать электронные формуляры для составления процессуальных документов. В этой части сложившиеся на протяжении последних лет стандарты арбитражного судопроизводства и новые технологии, активно используемые участниками арбитражного процесса, могут оказаться нежизнеспособными для многих наших соотечественников»<sup>2</sup>. Данные выводы следует поддержать. Вместе с тем, многие ученые, выступающие за кардинальную унификацию арбитражного и гражданского процессов все же склонны к осознанию масштабности данной задачи и множественности возникающих проблем. И.В. Решетникова, сопоставляя правила рассмотрения дел судом первой инстанции в арбитражном и гражданском процессах, отмечает, что при регулировании стадий процесса должны быть учтены особенности процесса, которые проявляются в

---

<sup>1</sup> Там же. С. 70.

<sup>2</sup> *Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесницкая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л.* Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ... С. 7

существовании межотраслевых и комплексных правовых институтов<sup>1</sup>. На наш взгляд, чрезмерная интенсификация унификационных процессов путем принятия единого ГПК может привести либо к установлению для граждан таких правил, реализация которых для них окажется проблематичной (например, в рамках института судебных извещений, доказывания, возбуждения производства по делу); либо распространить на участников арбитражного процесса правила для граждан (в рамках тех же институтов), что также сомнительно для эффективного процесса; либо объединить правила для граждан и организаций в рамках одного кодекса (при этом создание единого ГПК вряд ли целесообразно, так как в рамках единой законодательной формы будут регламентироваться два процесса). Чего-то совершенно нового и органичного на современном этапе добиться проблематично в связи с наличием ряда существенных отличий гражданского судопроизводства в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Поэтому необходимо планомерно сближать арбитражный и гражданский процессы<sup>2</sup>, начиная с общих положений и на основе единых универсальных правовых категорий (в частности, категории судебной защиты), без искусственной интенсификации унификационных процессов.

---

<sup>1</sup> Решетникова И.В. Судопроизводство в судах первой инстанции: сравнительно-правовой анализ через призму предстоящей унификации гражданского и арбитражного процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 48.

<sup>2</sup> Такое сближение должно осуществляться посредством синхронного изменения процессуального законодательства на основе результатов комплексных исследований смежных вопросов как процессуального, так и материального характера. К таким работам можно отнести, например, докторские диссертации Д.Б. Абушенко (*Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 415 с.*) и М.Л. Гальперина (*Гальперин М.Л. Ответственность в исполнительном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 464 с.*).

## **ГЛАВА 5. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

История развития цивилистического процессуального права показывает, что на разных этапах наблюдалось преобладание специализации или унификации процессуального права. Достаточно унифицированный ГПК 1923 г. развивается в направлении дальнейшей специализации, оформления новых институтов, стремления более полного регулирования за счет дополняющих процессуальных правил. Такое же развитие претерпел АПК 1992 г. Чрезмерная специализация, в свою очередь, приводит к сложности реализации процессуальных норм и заканчивается, как правило, некоторой ревизией, направленной на устранение негативных процессуально-правовых последствий специализации. При этом задачей законодателя (интерпретатора, применителя) является обеспечение оптимального баланса специализации и унификации цивилистического процессуального права, недопущение наступления их негативных процессуально-правовых последствий.

Цивилистический процесс, с одной стороны, должен наиболее полно регулировать отношения между судом и другими участниками, учитывая нетипичные процессуально-правовые ситуации, с другой, - чрезмерно не усложнять правовое регулирование, приводя к запутанности самого порядка, акцентировать внимание правоприменителя на основополагающих аспектах судебной деятельности. Так, например, к моменту принятия УГС 1864 г. исследователи насчитывали 63 порядка судопроизводства по гражданским делам<sup>1</sup>. Очевидно, что в такой ситуации правоприменитель был не в состоянии знать и эффективно применять многочисленные и противоречивые нормы, регулирующие порядок судопроизводства. Противоположная ситуация —

---

<sup>1</sup> См.: *Лукин Ю.М.* Основные вехи цивилистического процесса в Российской империи в XIX в. // Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. М., 2018. С. 23.

Положение о народном суде 1918 г., которое не обеспечивало полноты правового регулирования и приводило к чрезвычайно широкому судебному усмотрению. В.М. Шерстюк правильно указывает, что «система гражданского процессуального права, как и любая другая система российского права, не является застывшей. Как показывает законодательная практика, ее развитие идет по нескольким направлениям: обогащение элементного состава системы за счет введения в нее новых норм и институтов; более тонкая конкретизация и специализация существующих правовых норм и институтов; дальнейшая интеграция элементов системы на ее различных уровнях путем обогащения общих положений отрасли права и ее структурных подразделений»<sup>1</sup>.

Несмотря на важное значение специализации и унификации для отраслевого развития цивилистического процессуального права, они не являются единственными процессами его развития. Некоторые авторы явно переоценивают их значение. Так, например, Н.А. Рассахатская отмечает, что проблема совершенствования гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права в целом непосредственно связана с вопросами реализации таких методов как унификация и дифференциация<sup>2</sup>. Качество процессуального законодательства и эффективность его реализации зависит не только от оптимизации вышеназванных процессов, обеспечения их необходимого баланса, но и от ряда иных факторов: понятность, своевременность, правильность регулирования. Поэтому было бы в значительной степени упрощением сводить качество процессуального законодательства, эффективность процессуального порядка<sup>3</sup> и самой судебной деятельности только лишь к специализации и унификации цивилистического процессуального права. «Эффективность

---

<sup>1</sup> Шерстюк В.М. К десятилетию ГПК РФ. Современные проблемы системы гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 21

<sup>2</sup> См.: Рассахатская Н.А. Некоторые вопросы гражданской процессуальной формы // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета. Краснодар, 2017. С. 227.

<sup>3</sup> Об эффективности процессуальных нормы см.: Курочкин С.А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 2. С. 69-83.

правосудия по гражданским делам, - пишет А.В. Цихоцкий, - есть способность (свойство) правосудия как вида осуществляемой судом в установленной законом гражданской процессуальной форме государственной деятельности по рассмотрению и разрешению конкретных судебных дел с вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых постановлений обеспечивать при определенных условиях достижение социально значимых целей. Эта способность характеризуется отношением фактически достигнутого правосудием уровня целей к нормативно установленному законом»<sup>1</sup>. Безусловно, эффективность судопроизводства зависит от множества факторов. Но качественная нормативная основа, обеспечивающая полное и непротиворечивое регулирование, является немаловажной предпосылкой такой эффективности. «Чем глубже и всестороннее разработано гражданское процессуальное законодательство, чем детальней оно регламентирует деятельность судов, чем подробнее в нем указаны права и обязанности лиц, участвующих в деле, и содержится больше гарантий осуществления правосудия, тем лучше могут быть выполнены судами стоящие перед ними задачи по охране субъективных прав»<sup>2</sup> - пишет А.А. Мельников. «Система норм гражданского процессуального права, - отмечает Н.А. Чечина, - обеспечивает эффективность судебной деятельности»<sup>3</sup>.

С учетом ранее определенных методологических принципов настоящего исследования практическое применение сделанных теоретических выводов следует начинать с элементарного уровня отраслевой системы цивилистического процессуального права – уровня процессуальных норм. Системное отраслевое строение в целом не являлось предметом настоящей работы, поэтому практические рекомендации в большинстве своем не будут касаться принципиальных вопросов построения системы гражданского или арбитражного

---

<sup>1</sup> Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Новосибирск. С. 27

<sup>2</sup> Мельников А.А. Указ. соч. С. 146.

<sup>3</sup> Чечина Н.А. Система гражданского процессуального права и систематизация законодательства... С. 28.

процессуального права. Данные вопросы наиболее полно изложены в работах В.М. Шерстюка.

Поскольку специализация и унификация направлены на наиболее полное и эффективное регулирование процессуальных правоотношений, постольку практические выводы по оптимизации указанных процессов в отраслевой системе связаны с построением нормативного материала на элементарном уровне. «Нормативное построение в правотворческой деятельности, - пишет М.К. Юков, - следует рассматривать как основной и наиболее важный путь конкретного воплощения воли законодателя в право»<sup>1</sup>. Ранее мы обосновывали, что в современных условиях правовое регулирование отношений между судом и иными участниками цивилистического процесса осуществляется комплексами норм, включающими в себя общую норму, а также специальные дополняющие и исключаяющие нормы. С точки зрения строения цивилистического процессуального права нормативные комплексы представляют собой первичную общность. Далее комплекс норм получает последующую специализацию в виде правоинтерпретационных и правоприменительных (индивидуальных) специальных положений. Если не ограничиваться позитивистским подходом к пониманию права, то процессуально-правовой комплекс включает в себя как общую и специальные процессуальные нормы, так и соответствующие правоположения. Задача, в частности, состоит в том, чтобы определить необходимый нормативный объем и содержание комплекса, предоставив в требуемых случаях возможность его дальнейшего развития посредством правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности.

Проведенный анализ цивилистического процессуального права позволяет выявить ряд дефектов построения нормативного материала на элементарном уровне, связанных с необеспечением необходимого баланса процессов специализации и унификации. В целях более логичного изложения укажем на основные выявленные недостатки и в последующем проведем анализ основных

---

<sup>1</sup> Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права... С. 276.

институтов цивилистического процессуального права с указанием конкретных предложений и рекомендаций практического характера. Повторимся, что указанные рекомендации, за исключением отдельных случаев, не будут касаться оптимизации системы цивилистического процессуального права на уровне отрасли в целом.

Во-первых, сложность и многоаспектность современных процессуальных правоотношений требует их комплексного и наиболее полного регулирования. В указанных условиях единичные конкретные нормы оказываются малоэффективными. Законодателю следует учитывать данное обстоятельство и обеспечить надлежащую нормативную основу эффективного регулирования. Анализ процессуального законодательства показывает, что в большинстве случаев это выполняется. Однако даже с учетом высокого уровня развития современное цивилистическое процессуальное право содержит в своем составе малоэффективные единичные нормы с конкретным содержанием.

Во-вторых, наряду с единичными конкретными нормами можно выявить «слаборазвитые» процессуально-правовые комплексы, которые не учитывают особенности нетипичных процессуально-правовых ситуаций, а также не устанавливают сроки совершения, правовые последствия совершения или несовершения отдельных процессуальных действий.

В-третьих, одним из дефектов построения отраслевого нормативного материала выступает частичное пересечение объема общей и специальной нормы в рамках одного нормативного комплекса. Данная ситуация создает сложности в отнесении специальной нормы к конкретному процессуально-правовому комплексу. Ограничительная роль общей нормы состоит в установлении пределов объема правового регулирования. Специальная норма по объему должна быть уже общей нормы, состоящей со специальной в едином процессуально-правовом комплексе. Данное правило при построении нормативного материала нарушается, что создает ситуацию принадлежности специальной нормы к разным процессуально-правовым комплексам, усложняет осуществление системного толкования специальной нормы и ее реализацию.



В-четвертых, некоторые процессуально-правовые комплексы не содержат общих норм. Данные недостатки, как правило, устраняются путем формирования общих интерпретационных правоположений, которые должны иметь временный и исключительный характер.

В-пятых, процессуально-правовые комплексы, регулирующие отдельные виды производства, довольно часто включают в себя дублирующие специальные и общие нормы, а также так называемые правоприменительные положения, которые должны быть изложены в актах толкования процессуальных норм.

В-шестых, несмотря на отсутствие прямого правила об оформлении процессуально-правового комплекса в рамках одной статьи нормативно-правового акта, с точки зрения законодательной техники такое изложение является наиболее оптимальным. В любом случае, нормы, составляющие единый процессуально-правовой комплекс, могут быть изложены в нескольких следующих друг за другом статьях нормативно-правового акта, но не должны быть разбросаны по различным статьям, составляющим другие процессуально-правовые комплексы. Удаление специальных норм от общей нормы, за исключением составления специальными нормами отдельного специального института, формальное вкрапление их в статьи, содержащие другие процессуально-правовые комплексы, создают дополнительные препятствия в толковании и применении специальных норм.

В-седьмых, непоследовательное изложения в законе общей и следующих за ней специальных норм, что значительно усложняет их толкование и реализацию. Выявлены случаи, при которых общая норма излагается после специальных, что не является правильным. Также многие статьи закона содержат изложенные в хаотичной последовательности общие и специальные нормы, регулирующих различные процессуально-правовые ситуации, что также не добавляет правовому регулированию стройности и эффективности.

Безусловно, каждое из вышеуказанных нарушений баланса специализации и унификации цивилистического процессуального права имеет свой характер и влияет на эффективность правового регулирования различно. Если, например,

непоследовательное изложение норм в статье закона или разбросанность норм одного комплекса в разных статьях являются дефектами технико-юридического (организационного характера), негативное влияние которых не так велико, то регулирование процессуальных отношений единичными нормами, отсутствие необходимых обобщений (общих норм) влияют на действие законодательства более существенно.

В зависимости от характера выявленного дефекта все недостатки классифицированы по соответствующим группам. *Дефекты организационного характера* составляют недостатки построения отраслевого нормативного материала. К ним относятся: расположение процессуальных норм, состоящих в едином комплексе, в удаленных друг от друга статьях закона (ст. 198 и ст. 204-207, ст. 203.1 и 208 ГПК РФ; абз. четвертый ч. 2 ст. 20 и ст. 167 АПК РФ); размещение в рамках одной статьи и (или) части статьи закона процессуальных норм, относящихся к разным процессуальным комплексам (ст. 3, ч. 3 ст. 26, ч. 2 ст. 56, ч. 1 ст. 68 ГПК РФ; ч. 6 и 8 ст. 4, ст. 18, ст. 65, ст. 123 АПК РФ; ст. 16.1, ч. 1 ст. 26, ст. 42, ч. 4 ст. 51 КАС РФ); непоследовательное расположение в статье закона процессуальных норм, составляющих единый процессуальный комплекс (ст. 10, 144 ГПК РФ; ст. 11, 131 АПК РФ; ст. 11, 49 КАС РФ). *Группа дефектов функционального характера (недостатки действия)* включают в себя: наличие малоэффективных единичных (непарных) процессуальных норм с конкретным содержанием (ст. 59, 60, ч. 1 ст. 61, 111, 186 ГПК РФ; ч. 2 ст. 21, ст. 68, ч. 1 ст. 69 АПК РФ; ст. 13, 60, 94.2, 153, 192, ч. 4 ст. 200 КАС РФ); наличие слаборазвитых процессуальных правовых комплексов, требующих дальнейшей специализации (ст. 50, ст. 137 и 138, ст. 96, ст. 99, ст. 146 ГПК РФ; ст. 53.1, ст. 160 АПК РФ; ст. 154, ст. 176, ст. 203 КАС РФ). *Дефекты связей* в рамках комплексов процессуальных норм составляют: частичное пересечение по объему общей и специальной нормы в рамках единого комплекса норм (ст. 32, 134, 135, ч. 3 ст. 193 и ч. 4 ст. 199 ГПК РФ; ч. 1 и 2 ст. 33, ст. 221 АПК РФ; ст. 116 и 199, ст. 116 и 121 КАС РФ); дублирование правил (ст. 7 и 14; ч. 2 и 3 ст. 21 ГПК РФ; ч. 4 ст. 221 и ч. 3 ст. 217 АПК РФ; ч. 4 и 5 ст. 29, ст. 150, 151, 152, ч. 2 ст. 156 и ч. 2 ст. 159

КАС РФ); отсутствие в законе общей нормы в рамках конкретного комплекса (приказное производство в части нормы о бесспорности дел). *Формально-логические дефекты* проявляются в несовпадении по объему наименования статьи закона и закрепленного в них комплекса процессуальных норм (ст. 13, 147 ГПК РФ).

Следующий далее анализ процессуальных норм и их комплексов по институтам гражданского процессуального права позволит выявить вышеуказанные и другие недостатки построения отраслевого нормативного материала, предложить рекомендации по их устранению. Следует оговориться, что наиболее полный анализ всех источников (в том числе кодифицированных – АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ) и институтов гражданского процессуального не представляется возможным. Поэтому мы ограничимся анализом норм отдельных институтов.

## **§1. Практические аспекты оптимизации гражданского процессуального законодательства**

Анализ ГПК РФ и иных источников гражданского процессуального права по основным институтам позволит выявить недостатки построения нормативного материала и предложить соответствующие практические рекомендации по их устранению.

*Институт основных положений (глава 1 раздела I ГПК РФ<sup>1</sup>)*. Ст. 3 ГПК РФ содержит процессуально-правовой комплекс, регулирующий право на обращение в суд. Однако ч. 3 и ч. 5 указанной статьи содержат нормы, не являющиеся элементами данного комплекса и регулирующие другие части (этапы) процессуального правоотношения. Согласно ч. 3 ст. 3 ГПК РФ по соглашению сторон соответствующие споры до принятия судом первой инстанции судебного постановления, которым заканчивается рассмотрение гражданского дела по

---

<sup>1</sup> Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. N 46. Ст. 4532; 2019 (часть V). N 49. Ст. 6965.

существу, могут быть переданы сторонами на рассмотрение третейского суда, если иное не предусмотрено ГПК РФ и федеральным законом. В ч. 5 данной статьи содержится правило, согласно которому стороны после обращения в суд вправе использовать примирительные процедуры для урегулирования спора. Данные нормы не являются специальными по отношению к общей норме ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, так как они регулируют дальнейший этап развития процессуального правоотношения. Эти нормы являются общими для соответствующих процессуально-правовых комплексов институтов компетенции (подсудности) третейских судов, а также института примирительных процедур, поэтому их изложение целесообразно в соответствующих статьях ГПК РФ. В случае реализации данной рекомендации ст. 3 ГПК РФ следует дополнить специальной нормой о том, что обращение в суд не препятствует реализации предусмотренных в Кодексе примирительных процедур, а также соглашению сторон о передаче дела на рассмотрение третейского суда в сроки и порядке, предусмотренные настоящим Кодексом.

В ст. 7 ГПК РФ регулируется вопрос единоличного и коллегиального рассмотрения гражданских дел, которые в значительной степени дублируются в статье 14 ГПК РФ. Представляется, что в ст. 7 ГПК РФ с учетом ее расположения в институте основных положений, должны быть закреплены лишь общие правила единоличного рассмотрения дела в суде первой инстанции и коллегиального – в судах вышестоящих инстанций, за исключением случаев прямо предусмотренных в Кодексе. Из ст. 7 ГПК РФ следует исключить излишнюю детализацию в ч. 3 и ч. 4, перенеся ее в соответствующие части ст. 14 ГПК РФ.

Статья 10 регулирует вопрос гласности судебного разбирательства<sup>1</sup>. Помимо того, что данный принцип является принципом института судебного разбирательства, определенные вопросы вызывает конструкция специальной нормы, изложенной в ч. 3 ст. 10 ГПК РФ. Согласно данной норме лица,

---

<sup>1</sup> Об ограничении действия данного принципа см., напр.: *Исаенкова О.В.* Ограничение гласности судебного разбирательства по гражданским делам с участием детей // Взгляд в будущее: актуальные вопросы воспитания и защиты детей: сборник материалов научно-практической конференции. Калуга, 2022. С. 37-41.

участвующие в деле, иные лица, присутствующие при совершении процессуального действия, в ходе которого могут быть выявлены сведения, указанные в ч. 2 данной статьи, предупреждаются судом об ответственности за их разглашение. Однако в ч. 2 речь идет о возможности рассмотрения дела в закрытых судебных заседаниях в случаях рассмотрения дел с государственной тайной и иной конфиденциальной информацией. Поэтому в части 3 речь должна идти о предупреждении об ответственности за разглашение конфиденциальной информации только при закрытом судебном заседании. Если, например, участник процесса обладает коммерческой тайной, но не предпринимает мер по обеспечению режима ее сохранности путем ходатайства о судебном разбирательстве в закрытом судебном заседании, то данная информация перестает носить конфиденциальный характер и становится общедоступной. В этом случае ответственность за разглашение такой информации участниками процесса не наступает, и они об этом не предупреждаются.

*Институт состава суда и отводов (глава 2 ГПК РФ).* В ст. 15 ГПК РФ регулируется порядок разрешения вопросов судом при коллегиальном составе. Часть 2 данной статьи содержит специальное правило, согласно которому судья, не согласный с мнением большинства, может изложить в письменной форме свое особое мнение, которое приобщается к делу, но при объявлении принятого по делу решения суда не оглашается. Указанная специальная норма относится только к принятию решения. Однако на практике встречаются случаи изложения особого мнения, например, при вынесении определения об удовлетворении заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам<sup>1</sup>. Представляется, что специальное правило ч. 2 ст. 15 ГПК РФ сформулировано чрезмерно узко. Судья, не согласный с принятым судебным актом, должен иметь возможность изложить свое особое мнение не только при принятии решения, но и при принятии любого судебного акта, оформляемого отдельным процессуальным документом (исключаются протокольные определения).

---

<sup>1</sup> См, напр.: Постановление Президиума Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 06.08.2012 N 4Г-159/2012(44Г-6/2012) // СПС КонсультантПлюс.

Статья 16 ГПК РФ регулирует вопрос отводов судьи. В части 2 данной статьи предусмотрено, что в состав суда, рассматривающего дело, не могут входить лица, состоящие в родстве между собой. Однако закон не содержит процессуально-правовые последствия данного запрета. Ситуация исправляется актами толкования. Так, из п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»<sup>1</sup> можно сделать логичный вывод, что нахождение судей, рассматривающих дело в одном составе, в отношении родства является основанием для отвода. Однако неясно одного или обоих судей следует отводить. Представляется, что, во-первых, нахождение судьи в отношении родства с другим судьей является основанием для его отвода, на что прямо должно быть указано в ч. 1 ст. 16 ГПК РФ. Во-вторых, основанием для отвода судьи вышестоящего суда должно быть отношение родства с судьей, рассмотревшим дело в суде первой инстанции, а также любой нижестоящей инстанции. В-третьих, отношение свойства между судьями одного состава, либо нижестоящим и вышестоящим судьями также влияет на независимость при отправлении правосудия и должно являться основанием для отвода (возможно, что это учитывается п. 3 ч. 1 ст. 15 ГПК РФ).

В статье 17 закреплено правило о недопустимости участия судьи в рассмотрении дела. Однако процессуально-правовое последствие нарушения установленных в данной статье запретов не содержится. Вывод о том, что повторное участие судьи в рассмотрении дела можно сделать только на основании ч. 1 ст. 18 ГПК РФ.

Статья 21 устанавливает процессуально-правовые последствия отвода судьи (состава суда). Части 2, 3, 4 данной статьи содержат, по сути, единое правило о рассмотрении после отвода дела тем же судом в другом составе и о передаче дела вышестоящим судом в другой суд при невозможности после отвода сформировать состав суда. Данное правило дублируется применительно к различным звеньям

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. N 7.

судебной системы. Целесообразно изложить его без дублирования применительно ко всем судам, за исключением мировых судей.

*Институт подсудности (глава 3 ГПК РФ).* В статье 22 определяется подсудность гражданских дел судам общей юрисдикции. Конструкция данной статьи позволяет установить сложную гипотезу, основанную на отдельных видах производства. Однако в перечислении законодатель не выдерживает однопорядковость оснований рассмотрения гражданского дела в суде. Так, например, корпоративные споры, указанные в п. 8 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ является разновидностью гражданско-правового спора, рассматриваемого в порядке искового производства (п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ). Отдельного производства по корпоративным спорам ГПК РФ не содержит. Очевидно, что, указывая данное основание, законодатель преследовал цель разграничения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но сделал это не в том месте. В целях разграничения компетенции целесообразно сформулировать в статье 22 специальную конкретизирующую норму применительно к корпоративному спору.

Статья 26 устанавливает подсудность суду субъекта РФ. В части 3 данной статьи (второе предложение) содержится специальная норма, не входящая в данный процессуально-правовой комплекс и касающаяся необходимости разрешения судом вопроса о постоянном ограничении доступа к сайту, в отношении которого повторно подано исковое заявление тем же истцом. Данную норму следует разместить в ст. 196 института судебного решения.

Согласно ст. 32 ГПК РФ (договорная подсудность) стороны могут по соглашению между собой изменить территориальную подсудность для данного дела до принятия его судом к своему производству. Подсудность, установленная статьями 26, 27 и 30 ГПК РФ, не может быть изменена соглашением сторон. Общее правило данной нормы допускает изменение территориальной подсудности. Специальное правило-изъятие исключает возможность изменения исключительной подсудности (ст. 30 ГПК РФ), а также подсудности, установленной ст. 26 и ст. 27 ГПК РФ. Однако в последних статьях устанавливается родовая, а не территориальная подсудность. То есть объемы

специальной и общей нормы пересекаются. Родовая подсудность не может быть изменена сторонами на основании общего правила ст. 32 ГПК РФ. В этой связи не подлежит изменению не только подсудность, предусмотренная в ст. 26 и 27, но и ст. 23-25 ГПК РФ. Законодатель, по-видимому, имеет в виду не возможность изменения родовой подсудности, а возможность изменения территориальной подсудности при рассмотрении дела судом субъекта РФ или ВС РФ в качестве суда первой инстанции. В этой связи содержание специальной нормы ст. 32 ГПК РФ следует признать неправильным.

*Институт лиц, участвующих в деле, и иных участников процесса (глава 4 ГПК РФ).* Статья 35 содержит процессуально-правовой комплекс, определяющий права и обязанности участвующих в деле лиц. Ч. 1 ст. 35 ГПК РФ содержит правило, согласно которому лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Однако правовых последствий нарушения добросовестности не устанавливает. Представляется, что данный вопрос подлежит разрешению специальной бланкетной нормой, согласно которой злоупотребление и иные формы недобросовестного поведения влекут правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом.

В статье 36 содержится единичная норма с конкретным содержанием, согласно которой гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими согласно законодательству РФ правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов. При этом закон не раскрывает содержание гражданской процессуальной правоспособности. Практика реализации данной нормы показывает, что правоспособность правильно связывают со сторонами гражданского процесса. Так, например, в п. 4 Обобщения практики рассмотрения районными (городскими) судами Московской области дел о восстановлении на работе<sup>1</sup> разъясняется, что в соответствии со ст. 38 ГПК РФ сторонами в гражданском судопроизводстве являются истец и ответчик, наделенные в силу

---

<sup>1</sup> Судебный вестник Московской области. № 4. 2010 (п.п. 1-5).



закона гражданской процессуальной правоспособностью, т.е. правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов, которым в равной степени наделены все граждане и организации (ст. 36 ГПК РФ), и гражданской процессуальной дееспособностью, под которой положения ст. 37 ГПК РФ понимают способность своими действиями осуществлять процессуальные права, исполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю. Однако в соответствии со ст. 4 ГПК РФ правом на судебную защиту наделяются не только граждане и организации, но и иные субъекты правоотношений, в частности органы государственной власти, органы местного самоуправления. Единичная норма о правоспособности (ст. 36 ГК РФ) по месту ее расположения в ГПК РФ также относится ко всем лицам, участвующим в деле. В литературе высказывалось правильное мнение, что «конструкция правоспособности каждого из субъектов процесса не может быть реализована в законе и представляет собою неработающую правовую конструкцию»<sup>1</sup>.

Статья 45 устанавливает две формы участия прокурора в гражданском процессе. Ч. 3 ст. 45 ГПК РФ закрепляет, что прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных ГПК РФ и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий. Данная форма участия прокурора законодательно практически не регламентирована, не определена процессуально-правовая природа заключения прокурора, возможность привлечения его судом для дачи заключения по конкретным делам и другие вопросы. Так, например, согласно п. 3 Информационного письма Генпрокуратуры РФ от 27.01.2003 N 8-15-2003 «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»<sup>2</sup> системное толкование норм ГПК РФ позволяет прийти к выводу о том, что, даже если

---

<sup>1</sup> Сергун А.К. Проблемы исполнительного производства в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 23.

<sup>2</sup> СПС КонсультантПлюс.

прокурор не принимал участия в судебном процессе в суде первой инстанции по делам, перечисленным в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, он, тем не менее, вправе вступить в процесс и дать заключение по делу и в судебном заседании кассационной инстанции. Представляется, что процессуальное значение заключение прокурора должно иметь в суде первой инстанции. В заключении отражается аргументированная позиция прокурора по предъявленному иску. В суде кассационной инстанции проверяется законность вступивших в силу судебных актов, относительно правильности которых заключение прокурором даваться не должно.

*Институт представительства (глава 5 ГПК РФ).* В статье 50 содержится малочисленный (неразвитый) комплекс норм, регулирующий вопрос назначения представителя судом. Согласно данной статье, суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях. Адвокат, назначенный судом в качестве представителя ответчика вправе обжаловать судебные постановления по данному делу. Несмотря на важность проблемы назначения представителя судом, за пределами законодательного регулирования остались вопросы объема полномочий такого представителя. Данные вопросы периодически рассматриваются в актах толкования процессуальных норм. Так, согласно абзацу шестому п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 «О судебном решении»<sup>1</sup> суд не вправе при вынесении решения принять признание иска или признание обстоятельств, на которых истец основывает свои требования, совершенные адвокатом, назначенным судом в качестве представителя ответчика на основании статьи 50 ГПК РФ, поскольку это помимо воли ответчика может привести к нарушению его прав. Представляется, что вопрос объема полномочий назначенного судом представителя нуждается в более детальной проработке с установлением законодательных пределов полномочий такого представителя.

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

*Институт доказывания и доказательств (глава 6 ГПК РФ)*<sup>1</sup>. В статье 56 регулируется вопрос распределения обязанностей по доказыванию. В ч. 2 ст. 56 ГПК РФ содержится норма, не относящаяся к данному процессуально-правовому комплексу. Согласно данной части, суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Данной нормой регулируется вопрос совершения судом действий по определению предмета доказывания. По своей конструкции данная норма должна быть размещена в институте подготовки дела к судебному разбирательству.

В статьях 59 и 60 содержатся единичные нормы с конкретным содержанием об относимости и допустимости доказательств<sup>2</sup>. Несмотря на то, что указанные нормы законодательно специализировать достаточно сложно, единичные нормы состоят в комплексе с правоинтерпретационными и правоприменительными положениями.

В ч. 1 ст. 61 ГПК РФ также содержится единичная норма с конкретным содержанием об освобождении от доказывания общеизвестных фактов. Анализ практики реализации указанной нормы свидетельствует о ее достаточно низкой эффективности и неправильном понимании. Например, суды признают общеизвестными следующие факты: нахождения стояков холодного и горячего водоснабжения под постоянным водяным давлением<sup>3</sup>; исторического факта применения ко всему ингушскому народу репрессий со стороны государства и

---

<sup>1</sup> О вариативности деятельности по доказыванию см.: *Баулин О.В.* Изменение бремени доказывания и фактической ситуации в доказывании при разбирательстве гражданских дел // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 124-132; *Он же.* Вариативность правил доказывания в цивилистическом процессе // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М.К. Треушников. М., 2022. С. 49-53; *Он же.* Вариативность правил доказывания в состязательном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6. С. 40-43.

<sup>2</sup> О данных свойствах (критериях оценки) доказательств см.: *Михайлов С.М.* Новые средства доказывания и правила допустимости доказательств в ГПК РФ и АПК РФ // LEX RUSSICA. 2004. № 1. Т. 63. С. 262-269; *Молчанов В.В.* Допустимость доказательств в гражданском судопроизводстве // Законодательство. 2006. № 1. С. 61-71; *Треушников М.К.* Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М., 2017. С. 134-162.

<sup>3</sup> См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 08.04.2019 по делу N 33-11777/2019 // СПС КонсультантПлюс.

факта последующей реабилитации<sup>1</sup>; необходимости расходования денежных средств, оплаты заработной платы, хозяйственных нужд, приобретения канцелярских и иных товаров, обеспечивающих деятельность СНТ, оплаты различного рода работ и услуг<sup>2</sup>; факта того, что установление мемориального надмогильного сооружения и обустройство места захоронения (т.е. установка памятника, ограды, скамьи, посадка цветов и др.) является одной из форм сохранения памяти об умершем и отвечает обычаям и традициям<sup>3</sup>; факт того, что при незаконном уголовном преследовании каждый человек испытывает как нравственные, так и физические страдания<sup>4</sup> и др. Данные примеры подтверждают, что на практике имеется недостаточно внятное понимание категории общеизвестных фактов, практикой не выработаны критерии признания фактов общеизвестными. В связи с признанием вышеуказанных фактов общеизвестными суды освобождают обязанное лицо от доказывания. Соответственно другая сторона не может данные факты оспорить. Вышестоящие инстанции довольно часто отменяют подобные решения, разъясняя, что в конкретном случае факт, освобожденный судом от доказывания, не является общеизвестным<sup>5</sup>. Представляется, что в данном случае большую толковательную активность должен проявить ВС РФ, сформулировав правовоположения, ориентирующие суды на правильное понимание и реализацию рассматриваемой нормы.

Статья 68 регламентирует такое средство доказывания, как объяснения сторон и третьих лиц. Однако в данной статье содержатся нормы, не относящиеся к данному процессуально-правовому комплексу. В ч. 1 ст. 68 ГПК РФ (второе предложение) установлено, что в случае, если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не

---

<sup>1</sup> См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.03.2016 N 26-КГ15-73 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>2</sup> См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 12.09.2019 по делу N 33-29299/2019 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>3</sup> См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 26.06.2019 по делу N 33-26577/2019 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>4</sup> См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 N 78-КГ18-82 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>5</sup> См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.01.2015 N 69-КГ14-11 // СПС КонсультантПлюс.

представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны. В данном случае речь идет о неисполнении стороной обязанности по доказыванию. Соответственно, данная норма должна быть размещена в ст. 56 ГПК РФ. В ч. 2 и ч. 3 ст. 68 ГПК РФ также размещены нормы, не входящие в данный процессуально-правовой комплекс. Данные нормы, регламентирующие освобождение от доказывания при признании обстоятельства другой стороной, должны быть размещены в ст. 61 ГПК РФ или получить самостоятельное оформление.

В статьях 70 и 85 регламентируется процессуально-правовой статус свидетеля и эксперта соответственно. Представляется, что данные процессуально-правовые комплексы не относятся к институту доказывания, а должны быть размещены в институте участников гражданского процесса.

*Институт судебных расходов (глава 7 ГПК РФ)* включает в себя достаточно большое количество отсылочных норм на налоговое законодательство. Однако и здесь можно выявить некоторые дефекты построения процессуально-правовых комплексов. Статья 92 в части 1 содержит отсылочную норму относительно порядка и оснований доплаты государственной пошлины. Однако в части 2 установлено одно основание для доплаты в виде увеличения размера исковых требований. Согласно данной части при увеличении размера исковых требований рассмотрение дела продолжается после предоставления истцом доказательств уплаты государственной пошлины или разрешения судом вопроса об отсрочке, о рассрочке уплаты государственной пошлины или об освобождении от уплаты государственной пошлины, уменьшении ее размера в соответствии со ст. 90 ГПК РФ. Исходя из положения ч. 2 ст. 92 ГПК РФ, неосуществление истцом обязанности по доплате государственной пошлины препятствует рассмотрению исковых требований в увеличенном размере. Но данная специальная норма вступает в противоречие с другой специальной нормой, расположенной в налоговом законодательстве. Согласно п. 10 ч. 1 ст.

333.20 НК РФ<sup>1</sup> при увеличении истцом размера исковых требований недостающая сумма государственной пошлины доплачивается в соответствии с увеличенной ценой иска в срок, установленный подп. 2 п. 1 ст. 333.18 НК РФ (в десятидневный срок со дня вступления в законную силу решения суда). В результате одновременного действия двух частично противоречащих специальных норм возникает неразрешимая их конкуренция. С одной стороны, ГПК РФ закрепляет негативное правовое последствие неисполнения обязанности по доплате госпошлины, с другой, - НК РФ не только не предусматривает указанных правовых последствий, но и устанавливает такой срок доплаты, при котором действие нормы ч. 2 ст. 92 ГПК РФ полностью исключается. В практике реализации указанных норм при разрешении их конкуренции предпочтение отдается нормам налогового законодательства, что, на наш взгляд, правильно. Так, в одном из апелляционных определений, отменяющем действия суда первой инстанции по возвращению заявления об увеличении размера исковых требований, вышестоящий суд разъясняет, что суду следовало исходить из того, что поскольку первоначальное исковое заявление уже принято к производству с оплаченной истцом госпошлиной, заявление об увеличении размера исковых требований подано на стадии судебного разбирательства, то вопрос о взыскании государственной пошлины может быть решен при распределении судебных издержек, связанных с рассмотрением дела, при вынесении решения<sup>2</sup>. Как показывает анализ судебной практики, проигравшая сторона при подаче жалобы на состоявшееся не в ее пользу решение, часто ссылается на норму ч. 2 ст. 92 ГПК РФ и указывает на невозможность рассмотрения судом первой инстанции увеличенных исковых требований. При этом часто вышестоящие суды признают подобные действия суда первой инстанции нарушением норм процессуального права, хотя несущественным. В ряде случаев вышестоящие суды указывают на отсутствие нарушения со ссылками на нормы налогового законодательства.

---

<sup>1</sup> Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // СЗ РФ. 2000. N 32. Ст. 3340; Российская газета. 2020. N 72.

<sup>2</sup> Апелляционное определение Московского областного суда от 18.03.2015 по делу N 33-6188/2015 // СПС КонсультантПлюс.

Однако на практике встречается и другой вариант разрешения коллизии указанных норм. Так, например, при рассмотрении дела в качестве суда первой инстанции Свердловский областной суд отказал в принятии к рассмотрению заявления об увеличении требований, т.к. истец не представил суду доказательства доплаты госпошлины за подачу таких требований. Ходатайств об отсрочке, о рассрочке уплаты государственной пошлины или об уменьшении ее размера истцом не заявлено, соответственно, по мнению суда, до рассмотрения заявления истец должен был представить документ о доплате госпошлины<sup>1</sup>. Выборочное правоприменение при разрешении коллизии указанных специальных норм препятствует стабильности правового регулирования, истец надеется только лишь на мнение суда о предпочтительном действии одной из конкурирующих норм. Данную коллизию следует устранить.

Статья 96 содержит неразвитый процессуально-правовой комплекс, связанный с внесением сторонами денежных сумм, подлежащих выплате свидетелям, экспертам и специалистам. При рассмотрении гражданского дела в суде очень часто возникает необходимость оплаты услуг эксперта, специалиста, переводчика, выплат определенных денежных сумм свидетелям. Такие расходы отнесены к судебным издержкам (ст. 94 ГПК РФ). Источником финансирования процессуального действия по вызову и допросу свидетеля, назначению и проведению экспертизы, привлечению специалиста является сторона, заявившее указанное ходатайство. Согласно ч. 1 ст. 96 ГПК РФ такая сторона предварительно вносит необходимые денежные средства на счет соответствующего суда или судебного департамента. Однако указанный процессуально-правовой комплекс не содержит специальной нормы, устанавливающей правовые последствия неисполнения стороной указанной обязанности. При невнесении денежных средств суд может либо отказать в совершении соответствующего процессуального действия (например, по аналогии с арбитражным процессом), либо совершить данное процессуальное действие,

---

<sup>1</sup> Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19.04.2018 по делу N 33-5121/2018 // СПС КонсультантПлюс.

несмотря на неисполнение своей обязанности стороной. В любом случае данные процессуально-правовые последствия следует отразить в законе<sup>1</sup>.

В статье 99 содержится неразвитый процессуально-правовой комплекс, регулирующий вопрос взыскания компенсации за потерю времени. Анализ практики реализации данной нормы показывает, что суды, как правило, отказывают в удовлетворении заявления о взыскании компенсации, ссылаясь на то, что заявитель не обосновал наличие соответствующих оснований для ее взыскания. Данная мера противодействия недобросовестным действиям сторон фактически не применяется. Суды указывают на то, что само по себе предъявление иска, так же, как и реализация прав стороной (заявление встречного иска, отказ от иска, предъявление доказательств и т.д.), не свидетельствует о наличии оснований для взыскания компенсации за потерю времени. С учетом того, что основания для взыскания компенсации имеют оценочный характер, данный процессуально-правовой комплекс должен развиваться путем создания соответствующих правоположений в судебной практике, их обобщении высшим судом и формировании правоинтерпретационных положений. На сегодняшний день имеется разъяснение данной нормы в Обзоре судебной практики ВС РФ за третий квартал 2003 года, в котором высший суд просто пересказал содержание нормы<sup>2</sup>.

*Институт процессуальных сроков (глава 9 ГПК РФ).* В ст. 111 ГПК РФ закреплена единичная норма о возможности продления процессуальных сроков, назначенных судом. При этом не установлен порядок оформления решения о продлении процессуального срока.

В абз. втором ч. 6 ст. 112 ГПК РФ содержатся специальные нормы, вступающие в частичную конкуренцию с соответствующими нормами,

---

<sup>1</sup> Данный недостаток во многом исправлен КС РФ в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 N 43-П, в котором указано на обязательность предварительного внесения денежных средств для оплаты проведения экспертизы и соответствующие процессуально-правовые последствия. При этом КС РФ поручил законодателю разработать и внести в ГПК РФ соответствующие изменения.

<sup>2</sup> Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 03.12.2003, 24.12.2003 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3.



регулирующими восстановление сроков на подачу кассационной, надзорной жалобы<sup>1</sup>. Согласно ч. 2 ст. 376.1 ГПК РФ срок подачи кассационных жалобы, представления в кассационный суд общей юрисдикции, пропущенный по причинам, признанным судом уважительными, может быть восстановлен судьей соответствующего суда кассационной инстанции. Аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 390.3 и ч. 3 ст. 391.2 ГПК РФ. Уважительность причин пропуска срока является основанием для их восстановления. Однако согласно абз. второму ч. 6 ст. 112 ГПК РФ пропущенные процессуальные сроки подачи кассационных или надзорных жалоб, представлений могут быть восстановлены только в исключительных случаях, если суд признает уважительными причины их пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной или надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь лица, подающего жалобу, его беспомощное состояние и другое), и эти обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу. Во избежание конкуренции указанных специальных норм ч. 6 ст. 112 ГПК РФ следует исключить, а условия восстановления срока подачи кассационной и надзорной жалобы изложить в соответствующих статьях ГПК РФ, регулирующих данные вопросы.

*Институт судебных извещений и вызовов (глава 10 ГПК РФ)* является одним из важнейших институтов гражданского процессуального права. Без извещения стороны о процессуальных действиях невозможна реализация права на судебную защиту. Не случайно, что рассмотрение дела без надлежащего извещения является безусловным основанием для отмены судебного акта, так как оно лишает участников важнейшей процессуальной гарантии. К сожалению, в практическом и судебном сообществе довольно часто складывается мнение, что

---

<sup>1</sup> Во многом данная конкуренция разрешена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 1 июня 2021 г. N 25-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части шестой статьи 112 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.М. Глазова» // СЗ РФ. 2021. N 24 (часть II). Ст. 4567.

институт судебных извещений является своеобразным узкокорпоративным институтом и необходим только лишь для суда, поскольку прав и обязанностей сторон не содержит. Вышестоящие суды часто попросту «закрывают глаза» на нарушения нижестоящих судов норм об извещениях. Это недопустимо. Считаем, что институт судебных извещений должен быть изложен более последовательно, структурировано и полно. Современное правовое регулирование такими свойствами не обладает. Ситуация усложняется еще и тем, что на практике нормы по судебному извещению реализуют не сами судьи, а секретари и специалисты, что, безусловно, увеличивает риски нарушений в данной сфере.

Статья 113 регламентирует вопрос судебных извещений. В ч. 2.1. ст. 113 ГПК РФ имеются несогласованные специальные нормы. Согласно первой норме отдельные лица могут извещаться посредством сети Интернет, если они были извещены о времени и месте первого судебного заседания. В соответствии со второй нормой такие лица после получения первого судебного извещения самостоятельно предпринимают меры по получению дальнейшей информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи. В первой норме юридическим фактом выступает извещение о первом судебном заседании, то есть извещении в стадии судебного разбирательства. Во второй – получение первого извещения, то есть извещение о возбуждении производства и подготовки дела к судебному разбирательству. Поскольку обязанность участника процесса по самостоятельному получению информации о его ходе является предпосылкой возможности извещения путем размещения этой информации в общем доступе в сети Интернет, постольку юридические факты, приводящие в действие указанные правила должны быть едиными (либо первое извещение, либо извещение о первом судебном заседании). Буквальное толкование указанных норм в существующей редакции говорит о том, что обязанность по получению информации возникает у указанных участников процесса с момента первого извещения, но возможность использовать судом специальный способ извещения – только с момента извещения о первом судебном заседании. Однако с учетом тенденции к упрощению несложно догадаться, что

ВС РФ посредством толкования уравнил момент действия обеих норм, установив единый момент их действия – первое извещение<sup>1</sup>. Подобное толкование является неправильным, поскольку отсутствуют предпосылки расширительного толкования. Представляется необходимым либо законодательно согласовать момент действия указанных норм, либо разорвать их, оставив вторую норму об обязанности получения информации о ходе процесса в данной части, а первую – в другой части данной нормы либо, например, в ст. 115 ГПК РФ, акцентировав внимание на том, что реализация специального способа извещения возможна только после получения извещения о первом судебном заседании.

В ч. 3 ст. 114 ГПК РФ указано, что одновременно с судебной повесткой или иным судебным извещением, адресованными ответчику, судья направляет копию искового заявления, а с судебной повесткой или иным судебным извещением, адресованными истцу, - копию объяснений в письменной форме ответчика, если объяснения поступили в суд. Данная специальная норма вступает в противоречие со специальной нормой ст. 132 ГПК РФ (в редакции ФЗ №451-ФЗ) о самостоятельном направлении копии искового заявления истцом. Данное противоречие следует устранить.

*Институт приказного производства (глава 11 ГПК РФ).* Согласно статистике Судебного департамента при ВС РФ<sup>2</sup> в первом полугодии 2022 года судами общей юрисдикции рассмотрено порядка 11,7 млн. гражданских дел с разрешением спора по существу. Из них около 9,9 млн. (84,25 %) дел рассмотрено в порядке приказного производства. Данная статистика подтверждает, что большинство гражданских дел рассматривается в порядке приказного производства мировыми судьями. Мы присоединяемся к позиции исследователей, считающих, что в порядке приказного производства суд не реализует функцию

---

<sup>1</sup> П. 15,16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 4.

<sup>2</sup>URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.11.2022).

правосудия<sup>1</sup>, соответственно, большинство гражданских дел рассматривается судами без реализации базовых процессуальных гарантий, по сути, без осуществления правосудия. Суды перегружены функцией упрощенной и ускоренной защиты предполагаемо нарушенного права вне рамок правосудия, которая из функции второстепенной (можно сказать попутной) по количественным показателям превратилась в основную и преобладающую. Считаем, что подобное отношение к порядку рассмотрения гражданских дел выхолащивает саму категорию правосудия как необходимую функцию государства, что недопустимо. Поэтому следует, с одной стороны, рассмотреть вопрос о передаче части малозначительных бесспорных гражданских дел на рассмотрение других юрисдикционных органов (например, нотариусов), а в рамках гражданского процессуального законодательства разработать и закрепить в рамках приказного производства модель рассмотрения гражданского дела с более широкими процессуальными гарантиями. В литературе также высказывается мнение, что приказное производство как судебный порядок может существовать только как альтернатива исковому производству и допускаться при условии согласия сторон<sup>2</sup>.

В настоящее же время институт приказного производства также содержит некоторые дефекты построения нормативного материала. Они связаны, как правило, с неполным регулированием порядка приказного производства. Так, например, часто суды при вынесении судебного приказа не проверяют расчет цены иска, не индивидуализируют платежи (например, налоги), указывая просто на наличие задолженности. В данных случаях выносится изначально неправильный судебный приказ с расчетом на возможность его отмены при несогласии должника. Предполагается, что дело не является спорным. Но это всего лишь предположение, основанное только на документах, предоставленных

---

<sup>1</sup> См., напр.: Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 9. С. 13-19.

<sup>2</sup> См.: *Шеменева О.Н.* Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2017. С. 13.

взыскателем. Какие действия предпринимать суду в случае выявления ошибки в расчете цены иска? Выдавать судебный приказ в части заявленных требований? Это противоречит тезису о бесспорности заявленного требования. По-видимому, возвращать заявление взыскателю. Хотя этот вопрос не урегулирован.

Вопрос о бесспорности требований, подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства, также урегулирован неполно. В законе отсутствует общее правило, прямо устанавливающее данный признак дел приказного производства. Согласно п. 3 ч. 3 ст. 125 ГПК РФ основанием для отказа в принятии заявления о выдаче судебного приказа является, в частности, то, что из заявления и представленных документов усматривается наличие спора о праве. ВС РФ в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»<sup>1</sup> указал, что требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными. Бесспорными являются требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также признаваемые должником. Однако общие нормы должны содержаться в законе и лишь в исключительных случаях в актах толкования. Представляется целесообразным в ст. 121 ГПК РФ прямо закрепить признака бесспорности дел приказного производства.

*Институт искового производства (глава 12 ГПК РФ).* В соответствии с п. 6 ст. 132 ГПК РФ к исковому заявлению прилагается уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, которые у других лиц, участвующих в деле, отсутствуют. Однако общее правило о необходимости направления копии искового заявления в ГПК РФ отсутствует. Как и отсутствуют специальные нормы о способе направления.

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

В статье 134 содержатся специальные нормы, которые по объему шире общей нормы и с частично пересекающимися объемами. Во – первых, сложная гипотеза нормы ч. 1 ст. 134 ГПК РФ не соответствует ее диспозиции. Так, согласно п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ суд отказывает в принятии искового заявления в случае, если в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя. Однако с исковым заявлением обращается истец, а не заявитель. Несмотря на то, что в ч. 2 ст. 134 ГПК РФ суд принимает определение об отказе в принятии искового заявления, в части 3 данной статьи речь идет об определении об отказе от заявления. Формулируя указанные нормы, законодатель, по-видимому, имел в виду более универсальный характер правил искового производства и их применимости к иным производствам. Однако подобная ситуация формулирования процессуальных норм с разными объемами нарушает функциональные связи внутри процессуально-правового комплекса, создает излишнюю сложность и запутанность нормативных конструкции. Аналогичная ситуация имеется в ч. 3 ст. 135 ГПК РФ.

*Институт обеспечения иска (глава 13 ГПК РФ).* В статье 141 содержится неразвитый процессуально-правовой комплекс, регулирующий вопрос рассмотрения заявления об обеспечении иска. Согласно данной статье, заявление об обеспечении иска рассматривается в день его поступления в суд без извещения ответчика, других лиц, участвующих в деле. О принятии мер по обеспечению иска судья или суд выносит определение. Однако из данной статьи неясно как поступать судье, если заявление об обеспечении иска поступило совместно с исковым заявлением. В данном случае возникает конкуренция сроков совершения соответствующих процессуальных действий. Вопрос о принятии искового заявления рассматривается в течение пяти дней, заявление об обеспечении – на следующий день. Данную коллизию следует разрешить путем интерпретационного положения<sup>1</sup>. Представляется, что вопрос о принятии

---

<sup>1</sup> Что осуществлено в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска,

обеспечительных мер должен рассматриваться в день принятия искового заявления к рассмотрению.

*Институт подготовки дела к судебному разбирательству (глава 14 ГПК РФ)*, на наш взгляд, является одним из самых недооцененных в судебной практике институтов. ВС РФ совершенно правильно отмечает, что соблюдение требований закона о проведении надлежащей подготовки гражданских дел к судебному разбирательству является одним из основных условий правильного и своевременного их разрешения. Непроведение либо формальное проведение подготовки дел к судебному разбирательству, как правило, приводит к отложению судебного разбирательства, волоките, а в ряде случаев и к принятию необоснованных решений<sup>1</sup>. Предпосылкой подобной ситуации является крайне неполное регулирование данного института в действующем процессуальном законодательстве. Многие нормы, связанные с подготовкой расположены в других статьях ГПК РФ (ч. 3 ст.33.1; ч. 3 ст. 40; ч. 1 ст. 41; ч. 2 ст. 56 ГПК РФ и другие). Многие нормы по подготовке имеют диспозитивный характер и предполагают судебное усмотрение. Так, согласно п. 30 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 при подготовке дела к судебному разбирательству судья вправе проводить предварительное судебное, которое назначается не по каждому гражданскому делу, а только в случаях, предусмотренных в законе.

Считаем, что институт подготовки следует урегулировать более полно и последовательно, перенеся все нормы по действиям сторон и суда по подготовке в данный институт, установив императивные нормы, препятствующие переходу к следующему этапу до разрешения всех задач, стоящих перед судом на стадии подготовки. Переход к судебному разбирательству с неподготовленным делом должен стать исключением, а не обычной практикой рассмотрения гражданских дел. Данный переход возможен в случае, если одна из сторон злоупотребляет

---

обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. N 8.

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

своими процессуальными правами (постоянно изменяет предмет или основание иска; не предоставляет доказательства в рамках подготовки, но предоставляет их в судебное разбирательство и т.д.) или не исполняет процессуальные обязанности (не предоставляет возражения на исковое заявление, не исполняет требования суда по представлению оригиналов документов). В последних случаях стороны должны нести негативные процессуально-правовые последствия.

В ч. 1 ст. 147 ГПК РФ закреплено правило, согласно которому после принятия заявления судья выносит определение о подготовке дела к судебному разбирательству с указанием соответствующей информации. Данная норма противоречит ч. 2 ст. 133 ГПК РФ (в редакции ФЗ № 197-ФЗ), согласно которой данная информация указывается не в отдельном определении о подготовке, а в определении о принятии искового заявления к рассмотрению.

*Институт примирительных процедур (глава 14.1 ГПК РФ).* В рамках института примирительных процедур ни в законодательстве, ни в судебной практике не урегулированы ситуации заключения мирового соглашения с соучастием. Представляется, что данный вопрос должен быть урегулирован в актах толкования высшего суда. Существенной конкретизационной работы также требует ч. 3 ст. 153.9 ГПК РФ, которая допускает включение в мировое соглашение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства.

Согласно ч. 6 ст. 153.9 ГПК РФ мировое соглашение составляется и подписывается в количестве экземпляров, превышающем на один экземпляр количество лиц, заключивших мировое соглашение. Один из этих экземпляров приобщается судом, утвердившим мировое соглашение, к материалам дела. Данная специальная норма вступает в противоречие со специальной нормой ч. 1 ст. 173 ГПК РФ, предусматривающей иные способы оформления мирового соглашения. Представляется, что возникшая коллизия должна разрешаться в пользу более широких возможностей оформления мирового соглашения.

*Институт судебного разбирательства (глава 15 ГПК РФ)* является одним из наиболее специализированных. Это связано с тем, что, во-первых, данный



институт занимает центральное место во всем гражданском процессе. Во-вторых, он имеет длительную историю развития. Однако анализ процессуальных норм, практики их толкования и реализации позволяет выявить некоторые недостатки в правовом регулировании данного института.

Согласно ч. 2 ст. 156 ГПК РФ в случае возражений кого-либо из участников процесса относительно действий председательствующего эти возражения заносятся в протокол судебного заседания. Председательствующий дает разъяснения относительно своих действий, а при коллегиальном рассмотрении дела разъяснения даются всем составом суда. Буквальное толкование правила о предоставлении судом разъяснений относительно своих действий позволяет сделать вывод о том, что суд разъясняет все свои процессуальные действия. Однако это не так. В данном случае специальная норма подлежит ограничительному толкованию и по смыслу закона суд разъясняет только такие действия, в отношении которых заявлены возражения. Однако, как показывает опыт участия в рассмотрении гражданских дел, граждане (их представителя) могут и не понимать значения процессуальных действий суда. Заявлять возражения относительно данных процессуальных действий в подобных ситуациях явно преждевременно. Представляется вполне обоснованным, если судья будет давать разъяснения по своим процессуальным действиям как в случае поступления соответствующих возражений, так и по отдельным просьбам лиц, участвующих в деле. Разъяснения суда в последнем случае могут стать основанием для возражений относительно совершения процессуального действия.

В статье 165 содержится правило, согласно которому председательствующий разъясняет лицам, участвующим в деле, их процессуальные права и обязанности, а сторонам также их специальные права. Согласно ст. 166 ГПК РФ ходатайства лиц, участвующих в деле, по вопросам, связанным с разбирательством дела, разрешаются на основании определений суда после заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле. Данный процессуальный комплекс является неполным, так как не содержит правило о выяснении судом наличия у участников процесса соответствующих ходатайств.

На практике суды часто не выясняют у сторон наличие у них ходатайств. Это приводит к тому, что стороны заявляют соответствующие ходатайства во время своих объяснений, что нарушает ход исследования доказательств.

Согласно ст. 182 ГПК РФ в целях охраны тайны переписки и телеграфных сообщений переписка и телеграфные сообщения граждан могут быть оглашены и исследованы судом в открытом судебном заседании только с согласия лиц, между которыми эти переписка и телеграфные сообщения происходили. Без согласия этих лиц их переписка и телеграфные сообщения оглашаются и исследуются в закрытом судебном заседании. С учетом развития информационных технологий телеграфные сообщения и письменная почтовая переписка встречаются все реже. В практике взаимоотношений субъектов получает распространение электронные способы обмена информации. В этой связи ВС РФ в абзаце втором п. 11 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35<sup>1</sup> совершенно правильно истолковал данную норму распространительно, указав, что переписка, телеграфные, почтовые и иные сообщения лиц оглашаются и исследуются в ходе открытого судебного разбирательства только при наличии согласия этих лиц на оглашение и исследование таких материалов. К сожалению, данное правило на практике исполняется далеко не всегда. Например, по семейным спорам стороны часто предоставляют соответствующую электронную переписку в качестве доказательств по делу. Суды приобщают и исследуют данную переписку без учета мнения сторон в открытом судебном заседании. Представляется, что в целях более полного обеспечения тайны переписки, указание на способы обеспечения следует отразить в законе.

Статья 186 содержит единичную норму, регламентирующую заявление о подложности доказательств. Однако данный вопрос требует более полного регулирования процессуально-правовым комплексом по аналогии с АПК РФ. Во-первых, в качестве общей нормы должно быть указано на право лица, участвующего в деле, заявить о подложности доказательства. Реализация данного

---

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 3.

права должна вести к обязанности суда осуществить проверку данного доказательства. Неосуществление судом проверки следует предусмотреть в исключительных случаях, когда данное заявление было заявлено и рассмотрено судом ранее. Также следует в дополняющей норме предусмотреть открытый перечень способов проверки (назначение экспертизы, истребование доказательства, допрос свидетелей и т.д.), который должен развиваться путем правоинтерпретационных положений на основе обобщения практики. Согласие лица, представившего данное доказательство, на его исключение из материалов дела без проведения проверки либо подтверждение подложности доказательства по результатам такой проверки должно влечь вынесение судом частного определения в соответствии со ст. 226 ГПК РФ, на что должно быть прямо указано в ст. 186 ГПК РФ. В противном случае действующий закон не препятствует сторонам фальсифицировать доказательства. Кроме того, данный процессуально-правовой комплекс следует изложить в институте доказательств и доказывания, так как он является общим средством проверки достоверности доказательства и должен реализовываться, как правило, в рамках подготовки дела к судебному разбирательству.

В ч. 2 ст. 187 ГПК РФ содержится правило относительно оценки заключения эксперта, которое является частью процессуально-правового комплекса об оценке доказательств. Данное правило следует изложить в рамках института доказывания и доказательств (ст. 67 ГПК РФ).

В ч. 3 ст. 188 ГПК РФ указано, что специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда. Консультация специалиста, данная в письменной форме, оглашается в судебном заседании и приобщается к делу. Консультации и пояснения специалиста, данные в устной форме, заносятся в протокол судебного заседания. Если специалист дает консультацию в письменной форме, то она может быть оценена судом в качестве письменного доказательства. Если консультация специалиста дана в устной форме, то данное средство доказывания не подпадает

под перечень, содержащийся в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ. Практика свидетельствует о том, что консультация специалиста может содержать доказательственную информацию, соответственно, данная консультация должна быть включена в перечень средств доказывания (абз. второй ч. 1 ст. 55 ГПК РФ).

Согласно ч. 3 ст. 193 ГПК РФ мировой судья при объявлении резолютивной части решения суда разъясняет право лиц, участвующих в деле, их представителей подать заявление о составлении мотивированного решения суда. В случае подачи такого заявления мировой судья разъясняет, когда лица, участвующие в деле, их представители могут ознакомиться с мотивированным решением суда. Последняя норма явно не соответствует порядку представления заявления об изготовлении решения в полном объеме (ч. 4 ст. 199 ГПК РФ), поскольку заявление об изготовлении решения предьявляется в письменной форме уже после оглашения резолютивной части, что исключает возможность непосредственного разъяснения сроков его изготовления. Данную норму следует исключить. А вопрос подачи соответствующего заявления более полно регламентировать в ст. 199 ГПК РФ.

*Институт судебного решения (глава 16 ГПК РФ).* Анализ гражданского процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что нормы о судебном решении, составляющие одноименный институт права, изложены не системно, что затрудняет их реализацию. Так, например, процессуально-правовой комплекс, регулирующий вопрос содержания судебного решения, размещается в ст. 198 ГПК РФ. Однако ряд сведений, подлежащих отражению в резолютивной части судебного решения, регламентируется в ст. 204-207 ГПК РФ. Визуально данные нормы выглядят как единичные нормы. Но это не так. Нормы, содержащиеся в данных статьях, являются специальными по отношению к нормам ст. 198 ГПК РФ. Значительная удаленность указанных норм делают их менее эффективными. Например, несмотря на императивное правило ст. 205 ГПК РФ об указании стоимости имущества, которое присуждено истцу, в случае отсутствия у истца данного имущества, в судебной практике данное правило реализуется далеко не всегда. Норма о порядке рассмотрения вопроса об

индексации присужденных сумм излагается в ст. 203.1 ГПК РФ, а сама норма об индексации излагается в ст. 208 ГПК РФ.

Статья 196 регламентирует вопросы, разрешаемые судом при принятии решения. Нормы, составляющие данный процессуально-правовой комплекс, располагаются по всему ГПК РФ. Так, например, ст. 196 ГПК РФ не регламентирует вопросы распределения судебных расходов, разрешения судьбы обеспечительных мер. Если судебные расходы (по крайней мере в части госпошлины) суды, как правило, в решении распределяют, то вопрос о разрешении дальнейшей судьбы обеспечительных мер остается за рамками судебного решения. Это связано с тем, что согласно ч. 3 ст. 144 ГПК РФ разрешение вопроса об отмене обеспечительных мер оформляется определением даже в том случае, если в иске отказано. Представляется, что вопрос о дальнейшей судьбе обеспечительных мер должен решаться в судебном решении. Если иск удовлетворен, то в решении должно быть указано на сохранение обеспечительных мер до полного исполнения решения. Если в удовлетворении иска отказано, то суд должен по общему правилу указать на отмену обеспечительных мер в дату вступления решения в законную силу, а в некоторых случаях – в дату принятия решения. Не рассмотрение этого вопроса в судебном решении вызывает необходимость истцу после вступления в законную силу судебного решения обращаться в суд с заявлением об отмене обеспечительных мер, который рассматривается в судебном заседании с извещением участников процесса.

Статья 197 регулирует вопрос изложения решения, которое осуществляется председательствующим или одним из судей. Данная норма ограничивает ч. 1 ст. 47.1 ГПК РФ, согласно которой помощник судьи оказывает помощь судье в подготовке проектов судебных постановлений. То есть помощник судьи не вправе излагать судебное решение. Но практика осуществления судопроизводства свидетельствует об обратном. Как правило, судебные решения в полном объеме готовят именно помощники. В любом случае данный весьма существенный вопрос должен быть разрешен законодательно. В ст. 197 ГПК РФ должен быть

установлен либо прямой запрет на подготовку помощниками решения суда (что вряд ли будет выполняться на практике), либо участие помощника в подготовке судебного решения должно быть изложено комплексно посредством ряда специальных норм.

В ч. 3-5 ст. 199 ГПК РФ рассматриваются вопросы изготовления мотивированного решения мировым судьей. Согласно ч. 3,4 ст. 199 ГПК РФ мировой судья может не составлять мотивированное решение суда по рассмотренному им делу, но должен это сделать при поступлении соответствующего заявления от участвующих в деле лиц. С учетом того, что резолютивная часть судебного решения составляется судом в совещательной комнате и оглашается в судебном заседании, которым оканчивается рассмотрение дела, целесообразно специальной нормой установить, что заявление об изготовлении мотивированного решения может быть заявлено устно участником процесса непосредственно после оглашения резолютивной части, после разъяснения соответствующего права мировым судьей, и заносится в протокол судебного заседания. Данное правило будет более эффективно обеспечивать право на обжалование судебного решения.

Статья 208 ГПК РФ содержит неразвитый комплекс процессуальных норм, регламентирующих индексацию присужденных денежных сумм<sup>1</sup>. За пределами нормативного регулирования остались вопросы начала индексации, соотношения с иными способами компенсации финансовых потерь (например, ст. 395 ГК РФ), применения данного института в период реализации банкротных процедур и др. Данные вопросы должны быть разрешены в правоинтерпретационной практике.

*Институт оставления заявления без рассмотрения (глава 19 ГПК РФ).* В абзаце втором ст. 222 ГПК РФ в качестве основания оставления заявления без рассмотрения названы несоблюдение истцом установленного федеральным законом для данной категории дел досудебного порядка урегулирования спора или заявление требований, подлежащих рассмотрению в порядке приказного

---

<sup>1</sup> См.: *Шварц М.З.* К вопросу об индексации денежных сумм, присужденных решением суда // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 13 - 27.

производства. Данная норма (как и норма п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ) подлежит ограничительному толкованию, поскольку основанием для оставления без рассмотрения является несоблюдение досудебного порядка урегулирования спора, который в силу закона является обязательным для конкретной категории дел. Указание на обязательность данного порядка имеется в абзаце седьмом ст. 132 ГПК РФ. Необходимость соблюдения только обязательного порядка урегулирования спора разъясняется в постановлениях Пленума ВС РФ по отдельным категориям дел<sup>1</sup>. В случае, если досудебный порядок урегулирования спора не является в силу закона обязательным, то его несоблюдение не должно приводить к наступлению негативных процессуально-правовых последствий в виде возвращения искового заявления или оставления его без рассмотрения. Так, например, в абзаце втором п. 11 Постановление Пленума от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям»<sup>2</sup> ВС РФ отметил, что предусмотренное статьей 308 ТК РФ<sup>3</sup> правило о том, что индивидуальные трудовые споры, не урегулированные самостоятельно работником и работодателем - физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, рассматриваются в суде, не означает установление обязательного досудебного порядка урегулирования такого спора. В связи с этим судья не вправе вернуть исковое заявление работника, работающего (работавшего) у работодателя - физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, на основании пункта 1 части 1 статьи 135 ГПК РФ, а суд - оставить заявление без рассмотрения на основании абзаца

---

<sup>1</sup> См., напр.: п. 94 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 4.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

<sup>3</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 2002. N 1 (ч. 1). Ст. 3; 2019. N 51 (часть I). Ст. 7491.

второго статьи 222 ГПК РФ (в связи с несоблюдением досудебного порядка урегулирования спора).

В абзаце четвертом ст. 222 ГПК РФ содержится правило, согласно которому суд оставляет заявление без рассмотрения, если оно подписано или подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание или предъявление иска. Данная норма имеет прямую корреляцию с нормой ч. 1 ст. 54 ГПК РФ, устанавливающей специальные полномочия представителей. Однако ВС РФ истолковал данную норму распространительно, указав в абзаце четвертом п. 59 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», что в случае, когда при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции будет установлено, что апелляционная жалоба подана лицом, не обладающим правом апелляционного обжалования судебного постановления, поскольку обжалуемым судебным постановлением не разрешен вопрос о его правах и обязанностях, суд апелляционной инстанции оставляет жалобу без рассмотрения<sup>1</sup>. То есть отсутствие полномочия на предъявление апелляционной жалобы ВС РФ истолковал как отсутствие самого права на подачу апелляционной жалобы. Но в судебной практике имеется еще более расширительное толкование данного правила. Суды оставляют заявление без рассмотрения по данному основанию в связи с отсутствием нарушенных прав истца (например, при заявлении иска о сносе самовольной постройки<sup>2</sup>), отсутствии права прокурора на обращение в суд<sup>3</sup> т.д. Подобные определения судов часто отменяются в связи с неправильным толкованием абзаца четвертого ст. 222 ГПК РФ. Так, ВС РФ в определении Судебной коллегии по гражданским делам от 26.02.2019 N 24-КГ18-14 абсолютно

---

<sup>1</sup> Аналогичное положение было закреплено в абзаце втором п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 N 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 9.

<sup>2</sup> См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 N 24-КГ18-14 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>3</sup> См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.02.2019 N 41-КГП18-61 // СПС КонсультантПлюс.



правильно разъяснил, что по смыслу данной нормы процессуального права, ее применение обусловлено не отсутствием или наличием какого-либо материального права на иск, а связано с необходимостью проверки судом процессуального полномочия лица, подписавшего иск, на его подписание или подачу. На наш взгляд, указанная норма требует дополнительного разъяснения в правоинтерпретационных актах, которые бы указали на ограничение действия данной нормы институтом представительства. Кроме того, не было бы излишним специальное правоположение, согласно которому суд не оставляет заявление без рассмотрения по данному основанию, если доверитель в последующем прямо или косвенно (путем участия в деле) одобрил совершение процессуального действия представителем по подписанию заявления и (или) предъявлению его в суд.

*Институт определений суда (глава 20 ГПК РФ).* В ч. 1 ст. 224 ГПК РФ установлено общее правило об оформлении и вынесении определений суда первой инстанции. В ч. 2 данной статьи имеется специальная норма, согласно которой при разрешении несложных вопросов суд или судья может выносить определения, не удаляясь в совещательную комнату. Такие определения заносятся в протокол судебного заседания. Данная норма требует отдельного конкретизирующего толкования, которое бы, с одной стороны, раскрывало понятие «несложные вопросы», с другой, - перечисляло бы процессуальные вопросы, разрешение которых возможно оформить протокольным определением. На сегодняшний день каких-либо критериев отнесения процессуальных вопросов к «несложным» судебной практикой не выработано, что предоставляет судам излишнее усмотрение. В судебных актах часто приводится позиция, согласно которой решения по процессуальным вопросам, требующим рассмотрения и разрешения судом, оформляются путем вынесения соответствующего определения, которое излагается либо в виде отдельного документа (часть 1 статьи 224 ГПК РФ), либо заносится в протокол судебного заседания (часть 2 статьи 224 ГПК РФ)<sup>1</sup>. Анализ судебной практики показывает, что суды, как

---

<sup>1</sup> См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.09.2018 N 18-КГ18-153 // СПС КонсультантПлюс.

правило, оформляют протокольными определения результаты разрешения ходатайств о приобщении доказательств, истребовании доказательств, отложении разбирательства дела и т.д, что, в целом, не вызывает возражений. Однако встречаются и другие ситуации. Так, например, в одном из дел суд первой инстанции отказал в принятии встречного искового заявления путем вынесения протокольного определения. При обжаловании указанного определения суд кассационной инстанции отметил, что доводы кассационной жалобы о том, что суд первой инстанции протокольным необоснованно отказал в принятии встречного иска и не вынес отдельное определение, не могут послужить основанием для отмены судебных постановлений, поскольку суд вправе разрешать такие ходатайства о принятии или отказе в принятии встречного иска без удаления в совещательную комнату в порядке ч. 2 ст. 224 ГПК РФ<sup>1</sup>. Вряд ли вопрос о принятии встречного иска является настолько процессуально несложным, что не требует самостоятельного оформления. В любом случае вопрос оформления определений требует комплексного регулирования с правоинтерпретационными положениями, устанавливающими ограничения оформления протокольных определений. Одним из таких ограничений должна быть установленная законом возможность самостоятельного обжалования определения.

*Институт протоколов (глава 21 ГПК РФ).* Ч. 3 ст. 229 ГПК РФ должна быть дополнена специальным правилом об отражении в протоколе заявления лица, участвующего в деле, о составлении мировым судьей мотивированного решения.

Статья 230 ГПК РФ посвящена вопросу составления протокола. На наш взгляд, специальная норма ч. 2 ст. 230 ГПК РФ, предусматривающая право участвующего в деле лица ходатайствовать об оглашении части протокола, вступает в противоречие со специальной нормой ч. 3 данной статьи, предусматривающей срок изготовления протокола. Практика, подтверждающая

---

<sup>1</sup> Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2019 по делу N 88-1825/2019 // СПС КонсультантПлюс.

эффективную реализацию данного права участника процесса, отсутствует. В этой связи следует урегулировать данный вопрос более полноценно, например, указав, что при заявлении ходатайства об оглашении конкретной части протокола суд обеспечивает изготовление указанной части незамедлительно и осуществляет ее оглашение. Остальные части протокола изготавливаются в сроки, предусмотренные в ч. 3 ст. 230 ГПК РФ. При этом участник процесса не вправе требовать оглашения всего протокола. Возможен также вариант полного отказа и исключения данного права участника процесса из ГПК РФ с оставлением права на внесение в протокол конкретных сведений об обстоятельствах дела. На сегодняшний день предложенная законодателем конструкция оглашения части протокола является неэффективной.

Вопрос принесения и рассмотрения замечаний на протокол урегулирован слабо развитым процессуально-правовым комплексом. Так, например, согласно ч. 1 ст. 232 ГПК РФ замечания на протокол и аудиозапись судебного заседания или отдельного процессуального действия рассматривает подписавший протокол судья - председательствующий в судебном заседании, который в случае согласия с замечаниями удостоверяет их правильность, а при несогласии с ними выносит мотивированное определение об их полном или частичном отклонении. Замечания приобщаются к делу во всяком случае. Закон не регулирует ситуаций, когда судья, подписавший протокол, например, прекратил осуществление судебных полномочий либо не может рассмотреть замечания в установленный в законе срок. При этом в судебной практике данная ситуация разрешается не самым лучшим образом. Например, в апелляционном определении Московского городского суда от 22.05.2019 по делу N 33-22766/2019 указано, что в силу положений ч. 1 ст. 332 ГПК РФ замечания на протокол рассматривает подписавший его судья - председательствующий в судебном заседании. Поскольку подписавший протокол судья пребывает в отставке, что делает невозможным рассмотрение им замечаний на данный протокол, а иным судьей замечания рассмотрены быть не могут, суд первой инстанции правомерно руководствовался по аналогии закона положениями ст. 135 ГПК РФ и возвратил

данное заявление. Не установлены также процессуально-правовые последствия не рассмотрения замечаний на протокол с точки зрения дальнейшего движения дела. Так, например, по одному из дел отсутствие результатов рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания послужили основанием для возвращения частной жалобы в суд первой инстанции для рассмотрения указанного вопроса<sup>1</sup>. Таким образом, нарушения суда первой инстанции затрудняют последующее рассмотрение жалоб (апелляционной жалобы, частной жалобы), в результате чего процессуальные права участников судопроизводства не получают своевременного удовлетворения. Данная ситуация должна быть разрешена на уровне правоинтерпретационной практики посредством создания полноценного процессуально-правового комплекса, учитывающего нетипичные ситуации, которые периодически встречаются в судебной практике.

*Институт упрощенного производства (глава 21.1 ГПК РФ).* Институт упрощенного производства является новым для современного гражданского процессуального права и в значительной степени заимствован из АПК РФ. Однако скромная техническая оснащенность судов общей юрисдикции не позволили обеспечить реализацию эффективного аналога упрощенного производства в гражданском процессе. Речь идет главным образом об оперативности обмена информацией между спорящими сторонами. Представляется, что направление такой информации почтой является не самым быстрым и надежным способом. Небольшое количество процессуальных норм, регулирующих данный институт, вместе с большим количеством процессуальных вопросов, возникающих в рамках упрощенного производства, обусловили появление большого количества интерпретационных положений как общего, так и специального характера<sup>2</sup>. Так, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 установлены дополнительные основания для

---

<sup>1</sup> Определение Московского городского суда от 12.04.2019 по делу N 33-16848/2019 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>2</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6.

перехода к рассмотрению дела по общим правилам (п. 24), для возвращения представленных стороной доказательств (п. 25) и другие положения. Очевидно, что слаборазвитый характер нормативных процессуально-правовых комплексов, регулирующих данный институт, привели к смещению его регулирования в правоинтерпретационных актах, что не является в полной мере обоснованным. Если глава 21.1 ГПК РФ включает в себя всего четыре статьи (объединяющих 23 части), то вышеуказанное постановление Пленума ВС РФ содержит 58 пунктов. Кроме общих замечаний в виде недостаточного нормативного регулирования, само построение нормативного материала также вызывает определенную критику. В ч. 1 ст. 232.4. ГПК РФ установлена норма об изготовлении резолютивной части судебного решения, принятого по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. Часть 2 данной статьи содержит специальное правило о составлении мотивированного решения на основании соответствующего заявления стороны. В части 3 устанавливаются сроки представления такого заявления и имеется отсылочная норма на общий порядок изготовления мотивированного решения. В части 4 устанавливается срок изготовления мотивированного решения, но при этом предусмотрены два основания для его изготовления – заявление или апелляционная жалоба. В специальной норме части 2 при этом апелляционная жалоба не названа в качестве основания для составления мотивированного решения. В данной статье очевидна излишняя специализация, при которой происходит искусственное дробление нормативного материала, регулирующего одну часть процессуального отношения.

*Институт заочного производства (глава 22 ГПК РФ).* Практические затруднения реализации норм института заочного производства вызывает определение сроков обжалования заочного решения. Согласно ч. 1, 2 ст. 237 ГПК РФ ответчик вправе подать в суд, принявший заочное решение, заявление об отмене этого решения суда в течение семи дней со дня вручения ему копии этого решения. Ответчиком заочное решение суда может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение одного месяца со дня вынесения определения суда об отказе в удовлетворении заявления об отмене этого решения суда.

Специальной нормой части 2 установлен срок обжалования заочного решения, который начинается с момента вынесения определения об отказе. При этом не определено с какого момента начинает исчисляться срок на обжалование заочного решения ответчиком, если он не реализовал свое право на подачу заявления об отмене заочного решения. По-видимому, к данному случаю применимы общие нормы об обжаловании решения суда. При таком подходе сроки обжалования для ответчика и иных участвующих в деле лиц не совпадают, так как срок на подачу апелляционной жалобы начинается с даты истечения срока на подачу ответчиком заявления об отмене заочного решения. С учетом того, что именно этот вопрос вызывал затруднения на практике<sup>1</sup>, законодателю следовало бы его в статье 237 ГПК РФ урегулировать отдельно. Тем более, что от правильного установления данного срока зависит и вступление заочного решения в законную силу (ч. 1 ст. 244 ГПК РФ).

Достаточно важным и интересным представляется нам анализ особых производств, урегулированных в *подразделе IV ГПК РФ*. При этом указанный анализ будет затрагивать лишь вопросы правильного формирования нормативного материала в рамках процессуально-правовых комплексов, а также отдельные вопросы его реализации в правоприменительной практике.

*Общие положения особого производства (глава 27 ГПК РФ)*. В ст. 262 ГПК РФ перечислены категории дел, рассматриваемые в порядке особого производства, но не установлен основной признак данных дел – отсутствие спора о праве. Данный признак отличает дела особого производства от иных категорий дел, его следует закрепить в законе в общей норме. При закреплении данного признака будет более логично выглядеть негативное процессуально-правовое последствие, связанное с возникновением спора о праве, - оставление заявления без рассмотрения (ч. 3 ст. 263 ГПК РФ).

*Установление фактов, имеющих юридическое значение (глава 28 ГПК РФ)*. В главе 28 ГПК РФ и правоинтерпретационных актах отсутствует общее

---

<sup>1</sup> См., напр.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2020 по делу N 88-1306/2020 // СПС КонсультантПлюс.

положение, раскрывающее признаки юридических фактов, которые могут быть установлены в порядке особого производства. На данное обстоятельство обращено внимание в Концепции<sup>1</sup>. Отсутствие общей нормы, устанавливающей признаки юридического факта, на практике приводит к необоснованным обращениям с заявлениями и необходимости оставления их без рассмотрения<sup>2</sup>. В ст. 265 ГПК РФ установлены условия, необходимые для установления фактов, имеющих юридическое значение (невозможность получения или восстановления заявителем надлежащих (утраченных) документов в ином порядке), но отсутствует специальная норма, устанавливающая процессуально-правовые последствия отсутствия указанных условий. На практике имеются случаи отказа в принятии заявления в случае, если заявитель обратился за установлением факта, который не может быть установлен в порядке главы 28 ГПК РФ<sup>3</sup>. В целом особенности производства по делам об установлении юридических фактов регулируются единичными процессуальными нормами, что обуславливает их невысокую эффективность. В этой связи следует предусмотреть специальные отсылочные нормы (а в некоторых случаях и правоинтерпретационные положения), регулирующие достаточно типичные процессуальные ситуации, возникающие при рассмотрении данной категории дел: подача заявления об установлении факта, который не может быть установлен в порядке главы 28; выявление спора о праве на этапе принятия заявления к рассмотрению;

---

<sup>1</sup> Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)) // СПС КонсультантПлюс.

<sup>2</sup> См., напр.: Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.02.2020 по делу N 33-1779/2020; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 12.11.2019 по делу N 33-13373/2019; Апелляционное определение Московского городского суда от 04.02.2020 по делу N 33-3897/2020; Апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2020 по делу N 33-4346/2020; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.05.2019 N 33-11590/2019 по делу N 2-7032/2018; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.04.2019 N 33-7899/2019 по делу N 2-1052/2019; Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 11.07.2019 по делу N 33-22798/2019; Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 16.01.2019 по делу N 33-656/2019 // // СПС КонсультантПлюс и др.

<sup>3</sup> Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 05.03.2020 N 88-3769/2020 // СПС КонсультантПлюс.

возможность установления факта и получения соответствующего документа во внесудебном порядке.

*Производство по делам об усыновлении (удочерении) ребенка (глава 29 ГПК РФ).* Анализ нормативного материала, регулирующего производство по делам об усыновлении (удочерении) ребенка позволяет сделать вывод о чрезмерной специализации процессуального права посредством так называемых правоприменительных положений, имеющих жесткую корреляцию с нормами материального права<sup>1</sup>. Например, согласно п. 3 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ к заявлению об усыновлении ребенка одним из супругов должно быть приложено согласие другого супруга или документ, подтверждающий, что супруги прекратили семейные отношения и не проживают совместно более года. При невозможности приобщить к заявлению соответствующий документ в заявлении должны быть указаны доказательства, подтверждающие эти факты. Данные требования изложены в семейном законодательстве. Согласно п. 1,2 ст. 133 СК РФ<sup>2</sup> при усыновлении ребенка одним из супругов требуется согласие другого супруга на усыновление, если ребенок не усыновляется обоими супругами. Согласие супруга на усыновление ребенка не требуется, если супруги прекратили семейные отношения, не проживают совместно более года и место жительства другого супруга неизвестно. В отличие от п. 3 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ в п. 2 ст. 133 СК РФ необходимость представления согласия супруга исключается не когда супруги прекратили семейные отношения и не проживают совместно более года, но и если место жительства другого супруга неизвестно. То есть возникает конкуренция правоприменительного положения процессуального права и специальной нормы материального права. Предпочтение при такой конкуренции должно отдаваться норме материального права. Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при

---

<sup>1</sup> См.: Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 10; Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 136

<sup>2</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2020. N 6. Ст. 589.



рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»<sup>1</sup> при рассмотрении заявления об усыновлении ребенка, поданного лицом, состоящим в браке, необходимо иметь в виду, что в соответствии с пунктом 1 статьи 133 СК РФ усыновление возможно только при наличии согласия супруга заявителя. Исключение составляют случаи, когда судом, рассматривающим заявление об усыновлении, будет установлено, что супруги прекратили семейные отношения, не проживают совместно более года и место жительства супруга заявителя неизвестно. Указанные обстоятельства могут быть установлены средствами доказывания, предусмотренными статьей 55 ГПК РФ, а также вступившим в законную силу решением суда о признании этого супруга безвестно отсутствующим.

*Главы 30, 31, 32 ГПК РФ*, регулирующие соответствующие производства также содержат правоприменительные положения, ориентированные на нормы материального права. Одним из негативных аспектов таких специальных положений является то, что они, по сути, воспроизводят содержание норм материального права, но в другом аспекте. Например, если норма материального права устанавливает определенные основания для реализации прав, обязанностей, наступления конкретных правовых последствий, то в нормах процессуального права указывается на необходимость обосновать наличие данных оснований при подаче соответствующего заявления, а суд в рамках подготовки дела должен проверить наличие или отсутствие данных оснований посредством истребования или получения доказательств. Жесткая корреляция специальных процессуальных положений и материальных норм может привести к их несоответствию при изменении последних. Такая ситуация произошла с ч. 1 ст. 282 ГПК РФ, которая не в полной мере воспроизводит основания для ограничения дееспособности гражданина, указанные в п. 1 ст. 39 ГК РФ. Более приемлемым является, на наш взгляд, использование в таких ситуациях отсылочных процессуальных норм с конкретной или общей отсылкой. Например, в заявлении о признании гражданина недееспособным должны быть указаны основания, предусмотренные

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6.

гражданским законодательством, и приложены доказательства, подтверждающие наличие данных оснований. Подобные общие отсылки имеются в ГПК РФ (ч. 1 ст. 294 ГПК РФ). Процессуальные нормы с конкретными отсылками также используются в гражданском процессуальном законодательстве (ч. 1, 2 ст. 286; ч. 1 ст. 287 ГПК РФ). При этом необходимо более полное регулирование отношений в рамках особого производства процессуально-правовыми комплексами, так как законодатель, увлекшись правоприменительными положениями, забывает об этом. Так, в ч. 2 ст. 287 ГПК РФ установлено, что заявление об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным принимается судом при отсутствии согласия родителей (одного из родителей), усыновителей или попечителя объявить несовершеннолетнего полностью дееспособным. При этом не указывается каким образом заявитель должен доказать данное обстоятельство с учетом того, что оно представляет собой отрицательный факт. Должен ли заявитель предварительно письменно обратиться к одному или обоим родителям с предложением предоставить соответствующее согласие? Какие процессуально-правовые последствия возникнут, если после возбуждения производства по делу один из родителей несовершеннолетнего заявит о том, что он согласен (или был согласен на момент обращения в суд) на эмансипацию? Данные аспекты не регулируются. На практике отсутствие согласия родителя как условия принятия заявления судом выполняется указанием в заявлении на отсутствие такого согласия. Отменяя определение о возвращении заявления Московский городской суд по одному из дел указал, что из представленных материалов следует, что, обращаясь в суд с заявлением об эмансипации, несовершеннолетний приложил копию срочного трудового договора, копию приказа о приеме на работу, а также указал в заявлении, что его мать не согласна объявить его полностью дееспособным. При таких обстоятельствах, у суда первой инстанции отсутствовали предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ основания для возвращения заявления<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Апелляционное определение Московского городского суда от 16.05.2018 по делу N 33-16919/2018 // СПС КонсультантПлюс.

*Производство по делам о признании движимой вещи бесхозной или о признании права собственности на бесхозную недвижимую вещь (глава 33 ГПК РФ).* Отличительной особенностью построения нормативного материала института особых производств является достаточно тесная взаимосвязь норм материального и норм процессуального права. Такая взаимосвязь не только требует, чтобы процессуальное право учитывало содержание права материального, но и устанавливало процессуально-правовые последствия отсутствия основания для применения материальной нормы, которые могут выражаться не только в отказе в удовлетворении заявления. Процессуально-правовые комплексы в этом случае составляют нормы процессуального права, расположенные как в материальных, так и в процессуальных источниках. Так, в абз. 2 ч. 2 ст. 290 ГПК РФ имеется специальная норма о процессуально-правовых последствиях несоблюдения условий права на обращение в суд (годовой срок) (абз. 2 п. 3 ст. 225 ГК РФ) в виде отказа в принятии соответствующего заявления. Норму абз. 2 ч. 2 ст. 290 ГПК РФ следует толковать распространительно, так как она регулирует две процессуально-правовых ситуации. Во-первых, если нарушение выявлено на стадии принятия заявления, то в принятии заявления отказывается. Во-вторых, если нарушение выявлено на стадии рассмотрения дела, то производство по данному делу подлежит прекращению. В практике встречаются индивидуальные специальные положения. Так, например, Томский областной суд указал, что нарушение в виде непрекращения производства по делу не является существенным, поскольку в период рассмотрения дела годичный срок истек<sup>1</sup>. В отличие от общих негативных последствий прекращения производства по делу в виде невозможности повторно обратиться в суд с тождественным иском, представляется, что в данном случае указанное последствие применению не подлежит, на что должно быть указано в законе (отказ в принятии заявления или прекращение производства по делу не препятствует повторному обращению в суд с соответствующим заявлением по истечении года со дня принятия

---

<sup>1</sup> Апелляционное определение Томского областного суда от 10.10.2014 года // // СПС КонсультантПлюс.

недвижимой вещи на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество).

*Вызывное производство (глава 34 ГПК РФ).* Данная глава содержит более полноценные процессуально-правовые комплексы, включающие общую и специальные процессуальные нормы. Однако анализ содержания норм позволяет сделать вывод о ряде противоречий, возникающих между нормами, составляющими данный институт, недостаточной их специализации. Согласно ст. 295 ГПК РФ в заявлении в обязательном порядке должна быть изложена просьба заявителя о запрещении лицу, выдавшему документ, производить по нему платежи или выдачи. Если рассматривать данную норму как императивную (в силу буквального толкования она таковой является), то ст. 295 ГПК РФ не соответствует ч. 2 ст. 294 ГПК РФ, предусматривающей возможность восстановления прав при утрате документом признаков платежности в результате ненадлежащего хранения или по другим причинам. В последнем случае не нужно запрещать лицу, выдавшему ценную бумагу, производить по ней платежи, так как фактически ценная бумага находится во владении заявителя. Далее противоречие приводит законодателя к тому, что в ч. 1 ст. 296 ГПК РФ предусмотрена обязанность судьи после принятия заявления вынести определение о запрещении выдавшему документ лицу производить по документу платежи. При этом закон не предусматривает возможность отказать в запрещении. В ч. 2 ст. 296 ГПК РФ предусмотрена специальная норма, которая не соответствует предыдущей норме. Согласно данной части на отказ в вынесении определения суда может быть подана частная жалоба. При этом не ясен объект обжалования. Так как отказ в вынесении определения может проявляться в виде бездействия суда. Указанный процессуально-правовой комплекс требует явной доработки. С указанием на то, что при подаче заявления на основании ч. 2 ст. 294 ГПК РФ, заявитель вправе не заявлять требование о запрещении платежей, а при заявлении указанной просьбы должен обосновать возможность нарушения его права. Также нужно предусмотреть необходимость рассмотрения вышеуказанной просьбы

(ходатайства) заявителя не позднее даты принятия заявления к рассмотрению и вынесения соответствующего определения.

*Глава 36 ГПК РФ* содержит неразвитый процессуально-правовой комплекс. Так, не установлены процессуально-правовые последствия обращения в суд при отсутствии отказа органов ЗАГС внести исправления или изменения в произведенные записи. Следует ли в таком случае возвращать заявление или отказывать в его принятии. Кроме того, на практике норма ч. 1 ст. 307 ГПК РФ толкуется широко. Согласно п. 3 ст. 11 Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»<sup>1</sup> отказ в государственной регистрации акта гражданского состояния может быть обжалован заинтересованным лицом в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в компетенцию которого входит организация деятельности по государственной регистрации актов гражданского состояния, в территориальный орган уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния или в суд. Суды рассматривают обжалование отказа в государственной регистрации акта как подлежащее рассмотрению по правилам главы 36 ГПК РФ, а при наличии спора о праве – по правилам искового производства<sup>2</sup>. В этой связи необходимы правоинтерпретационные специальные положения, позволяющие разграничить дела особого и искового (гражданского), а также административного судопроизводства.

*Глава 37 ГПК РФ*, регламентирующая производство по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении, также требует более полного правового регулирования. В ч. 2 ст. 310 ГПК РФ установлено, что заявление подается в суд в течение десяти дней со дня, когда заявителю стало известно о совершенном нотариальном действии или об отказе в совершении нотариального действия. При этом процессуально-правовые

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 01.10.2019) // СЗ РФ. 1997. N 47. Ст. 5340; 2019. N 40. Ст. 5488.

<sup>2</sup> См., напр.: Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2019 N 88а-1374/2019 // СПС КонсультантПлюс.

последствия пропуска указанного срока не установлены. Имеется практика, которая указывает на то, что пропуск данного срока сам по себе не препятствует принятию заявления к рассмотрению, но может являться основанием для отказа в удовлетворении заявления<sup>1</sup>. В практике также встречаются ситуации об оспаривании нотариально удостоверенных сделок, при которых суды ссылаются на необходимость оспаривания нотариального действия<sup>2</sup>. Данную практику следует признать ошибочной, поскольку оспаривание сделки по общим основаниям, предусмотренным в ГК РФ, не должно ставиться в зависимость от оспаривания нотариального действия по ее удостоверению.

*Глава 38 ГПК РФ* регулирует производство по делам о восстановлении утраченного судебного производства. Согласно ч. 2 ст. 315 ГПК РФ в случае, если указанная заявителем цель обращения не связана с защитой его прав и законных интересов, суд отказывает в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства<sup>3</sup> или мотивированным определением оставляет заявление без рассмотрения, если дело было возбуждено. При этом закон не определяет существо процессуального действия в виде отказа в возбуждении производство, которое в ГПК РФ не встречается. Если отказ в возбуждении является неким аналогом отказа в принятии (ст. 134 ГПК РФ), то это препятствует повторному обращению с данным заявлением. Однако это не соответствует процессуальному действию в виде оставления без рассмотрения, которое не предусматривает подобных процессуально-правовых последствий. Логичнее было бы указать не на неизвестное процессуальное действие в виде отказа в возбуждении, а на возвращение заявления подавшему его лицу. Норму ч. 2 ст. 313 ГПК РФ о возможности обращения в суд с соответствующим заявлением лица,

---

<sup>1</sup> См., напр.: Апелляционное определение Воронежского областного суда от 14.08.2018 по делу N 33-5117/2018; Апелляционное определение Московского областного суда от 25.09.2012 по делу N 33-18629; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.09.2012 по делу N 33-6537/2012 // СПС КонсультантПлюс и др.

<sup>2</sup> См., напр.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.10.2019 N Ф06-52364/2019 по делу N A12-2371/2019 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>3</sup> См., напр.: Апелляционное определение Московского областного суда от 04.03.2019 N 33-7421/2019; Апелляционное определение Московского областного суда от 22.04.2015 по делу N 33-9494/2015 // СПС КонсультантПлюс.

участвующего в деле, производство по которому утрачено, следует дополнить специальной нормой о возможности обращения в суд правопреемника данного лица, если имеется наличие соответствующей цели в восстановлении утраченного производства в виде необходимости защиты его права или законного интереса. Согласно абз. 2 ч. 2 ст. 316 ГПК РФ суд может допросить в качестве свидетелей лиц, присутствовавших при совершении процессуальных действий, в необходимых случаях судей, рассматривавших дело, по которому утрачено производство, а также лиц, исполнявших решение суда. При этом неясно можно ли в качестве свидетелей допросить судей в отставке.

## **§2. Практические аспекты оптимизации арбитражного процессуального законодательства**

Анализ АПК РФ и иных источников арбитражного процесса по основным институтам позволит выявить недостатки построения нормативного материала и предложить соответствующие практические рекомендации по их устранению.

*Институт основных положений* (глава 1 АПК РФ<sup>1</sup>). Комплекс норм в статье 2 АПК РФ требует корректировки для четкого выделения основной нормы. В качестве общей нормы должна быть сформулирована цель судопроизводства в арбитражных судах – защита прав и (или) законных интересов. Далее специальной нормой формулируются остальные задачи, посредством которых осуществляется достижение данной цели.

Нормы, содержащиеся в ч. 6 и 8 ст. 4 АПК РФ, не состоят в процессуальном правовом комплексе норм данной статьи, а являются общими нормами соответствующих комплексов, регулирующих вопросы передачи дела на рассмотрение в третейский суд (ст. 33 АПК РФ) и реализации примирительных процедур (ст. 138 АПК РФ).

---

<sup>1</sup> Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. N 30. Ст. 3012; 2020. N 50 (часть III). Ст. 8073.

Последовательность расположения норм в статье 11 АПК РФ осуществлена неверно, не соответствует логике развития процессуального правоотношения. Так, ч. 1 ст. 11 АПК РФ содержит общее правило об открытом судебном заседании. Следом должна располагаться специальная дополняющая норма ч. 7 ст. 11 АПК РФ, предусматривающая объем прав в открытом судебном заседании. Уже после данной нормы следует расположить нормы-изъятия, которые устанавливают исключения из общего правила и, соответственно, дополняющие их нормы.

Статья 16 АПК РФ содержит противоречивый процессуально-правовой комплекс. Во-первых, наименование статьи предполагает установление обязательности судебных актов, а не иных процессуальных действий суда, в том числе запросов и требований, не получивших оформление в определении суда. Общая норма абз. 1 ч. 1 ст. 16 АПК РФ закрепляет данное правило. Но в абз. 2 данной части речь идет уже об обязательности требований арбитражного суда, не получивших оформление в судебном акте. В этой связи следует либо изменить наименование статьи («Обязательность судебных актов и требований арбитражного суда»), либо исключить из данной статьи абз. 2 ч. 1, либо оформить данный абзац в виде дополняющей нормы в последней части, указав на обязательность также и иных требований суда. Во-вторых, ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ не относится к данному процессуально-правовому комплексу, так как регулирует вопрос направления запросов специализированным арбитражным судом. Поскольку в ч. 1.1 речь идет о получении доказательственной информации, то данное правило целесообразно разместить в главе 7 после статьи 73 о судебных поручениях.

*Институт состава арбитражного суда* (глава 2 АПК РФ). В п. 2 и п. 6 ч. 2 ст. 17 АПК РФ установлены дублирующие элементы гипотезы данной нормы, так как к подсудности Суда по интеллектуальным правам относятся дела об оспаривании нормативных правовых актов, иные арбитражные суды данные дела п. 1.1 ч. 1 ст. 29 АПК РФ не рассматривают. Норму, содержащуюся в абз. 2 ч. 4 ст.



17 АПК РФ нужно разместить в отдельной части, так как она охватывает не только рассмотрения дел в суде второй, но и в суде первой инстанции.

Статья 18 АПК РФ содержит в себе два комплекса процессуальных норм, перемешанных друг с другом. Первой общей нормой является норма о формировании состава суда (ч. 1 ст. 18 АПК РФ). Второй общей нормой является норма о рассмотрении дела с самого начала при изменении состава суда (ч. 2 ст. 18 АПК РФ). Соответственно, специальные нормы, составляющие первый и второй комплексы, должны быть разделены, а также дополнены правилом формирования состава суда с участием арбитражных заседателей (абз. 2 ч. 3 ст. 19 АПК РФ), а сама статья 18 АПК РФ должна называться «Формирование и изменение состава суда». Нормы абз. 2 ч. 3 и ч. 4 ст. 19 АПК РФ являются нормами, относящимися к процессуально-правовому комплексу формирования состава суда.

Норма, содержащаяся в абз. 4 ч. 2 ст. 20 АПК РФ, не является элементом процессуально-правового комплекса, составляющего данную статью, так как регулирует только порядок изложения особого мнения при принятии решения суда. Она значительно удалена от норм, регулирующих вопрос о принятии решения суда, в этой связи ее следует разместить в ч. 5 ст. 167 АПК РФ.

*Институт отводов* (глава 3 АПК РФ). В ч. 2 ст. 21 АПК РФ включена единичная конкретная норма, согласно которой в состав арбитражного суда, рассматривающего дело, не могут входить лица, являющиеся родственниками. Однако процессуально-правовые последствия не установлены (хотя в ч. 1 ст. 24 АПК РФ имеется ссылка на основания, указанные в ст. 21 АПК РФ, которые изложены в ч. 1 ст. 21 АПК РФ). Следует указать также на недопустимость участия в одном составе судей, находящихся в отношении свойства, что нарушает их независимость.

В ч. 3 ст. 24 АПК РФ установлено, что повторное заявление об отводе по тем же основаниям не может быть подано тем же лицом. Однако отсутствует специальная норма, устанавливающая негативное процессуально-правовое последствие повторного заявления об отводе по тем же основаниям. В практике

встречаются различные процессуальные действия суда на повторное заявление. Данное заявление может просто не рассматриваться<sup>1</sup>. В принятии данного заявления может быть отказано протокольным определением<sup>2</sup> либо может быть отказано протокольным определением в рассмотрении повторного заявления об отводе<sup>3</sup>. Ранее ВАС РФ реализовывал норму ч. 3 ст. 24 АПК РФ совместно с нормой ч. 5 ст. 159 АПК РФ<sup>4</sup>, предусматривающей возможность отказа в удовлетворении заявления, поданного со злоупотреблением правом<sup>5</sup>, что допускало наложение судебного штрафа<sup>6</sup>. Считаем, что процессуальное последствие повторного заявления об отводе должно быть установлено в законе. Данное заявление не должно рассматриваться судом и подлежит возвращению заявителю с указанием на данное процессуальное действие в протоколе судебного заседания (или протоколе отдельного процессуального действия)<sup>7</sup>.

*Институт компетенции арбитражных судов* (глава 4 АПК РФ). В ч. 1, 2 ст. 27 АПК РФ предусмотрены два общих признака отнесения спора к компетенции арбитражного суда: экономический характер спора; специальный субъектный состав. Однако в нормах ч. 1 ст. 29; ст. 30 АПК РФ признак

---

<sup>1</sup> См.: Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2019 N 307-ЭС18-12791(5) по делу N А56-64846/2017.

<sup>2</sup> См.: Определение Верховного Суда РФ от 09.01.2018 N 305-КГ17-20088 по делу N А40-20592/2017.

<sup>3</sup> См.: Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2017 N 302-ЭС17-5013 по делу N А19-3409/2014.

<sup>4</sup> О.Н. Шеменова, сопоставляя негативный социально-правовой эффект злоупотребления процессуальным правом стороной и злоупотребления правом судом при реализации ч. 5 ст. 159 АПК РФ, указывает на большую опасность последнего. Это позволяет автору прийти к выводу о поспешности регламентации в АПК РФ общего последствия любого недобросовестного поведения участвующего в деле лица (ч. 5 ст. 159 АПК РФ) (См: *Шеменова О.Н.* Общие и специальные последствия недобросовестного поведения сторон в гражданском и в гражданском процессуальном законодательстве // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2022. N 12. С. 14 – 19). Не вступая в дискуссию относительно вывода автора, следует признать, что отдельные случаи злоупотребления правом, возможность которых следует их процессуальных норм и подтверждается обобщением судебной практики, должны прямо предусматривать соответствующие негативные процессуально-правовые последствия, т.е. должны нормироваться.

<sup>5</sup> См.: Определение ВАС РФ от 02.12.2011 N ВАС-5852/11 по делу N А40-40926/03-119-244.

<sup>6</sup> См.: Определение ВАС РФ от 28.09.2009 N ВАС-11960/09 по делу N А37-2865/2008.

<sup>7</sup> См.: абз. третий п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2022. N 3.

специального субъектного состава (ч. 2 ст. 27 АПК РФ) уже не выдерживается. Либо законодатель целенаправленно отказывается от данного признака в специальных нормах, что не подтверждается судебной практикой<sup>1</sup> и не соответствует иным специальным нормам (ч. 1 ст. 219 АПК РФ, п. 2 ст. 104 НК РФ), либо законодателем допущена ошибка при формулировании указанных специальных норм и общие признаки компетенции распространяются на данные категории споров, что более правильно (за исключением Суда по интеллектуальным права, что прямо установлено в п. 6 с. 6 ст. 27 АПК РФ). В ст. 31-32 АПК РФ не определяется компетенция арбитражных судов, а лишь указывается на отдельные виды производства. Вряд ли также законодатель в данном случае отказывается от общих признаков компетенции, однако они в данных специальных нормах не отражены, что ставит под сомнение их применение. В ч. 1 ст. 33 АПК РФ установлено общее правило передачи спора сторонами гражданско-правовых отношений на рассмотрение третейского суда. Однако специальные нормы-изъятия ч. 2 ст. 33 АПК РФ не соответствуют данной норме, так как в данной части к спорам не подлежащим передаче на рассмотрение третейского суда отнесены дела, которые спорными не являются (глава 27 АПК РФ), дела, не связанные с гражданскими правоотношениями (раздел III АПК РФ). То есть специальная норма ч. 2 ст. 33 АПК РФ выходит за пределы объема общей нормы ч. 1 данной статьи.

*Институт лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса* (глава 5 АПК РФ). В ст. 43 АПК РФ закреплены нормы, определяющие процессуальную правоспособность и дееспособность. Однако данные категории применимы лишь для сторон, а не всех лиц, участвующих в деле. В силу того, что нормы ст. 43 АПК РФ в полной мере не раскрывают указанные понятия, в практике процессуальная правосубъектность часто отождествляется со специальным субъектным составом как критерием, определяющим компетенцию арбитражного суда. Так, например, Арбитражный суд Московского округа указал,

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.12.2014 N Ф01-5139/2014 по делу N А79-4134/2014; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.12.2014 N Ф01-5139/2014 по делу N А79-4134/2014.

что одним из вопросов, разрешаемых на стадии принятия дела к производству, является вопрос о наличии у истца (заявителя) процессуальной дееспособности как предпосылки, обязательной для реализации права на обращение в суд. В связи с этим закон обязывает истца приложить к исковому заявлению копии свидетельства о его государственной регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя (п. 4 ч. 1 ст. 126 АПК РФ)<sup>1</sup>. Но свидетельство о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя не подтверждает его дееспособность, а призвано подтвердить наличие специального статуса. Кроме того, если ч. 1 ст. 43 АПК РФ устанавливает общую норму о процессуальной правоспособности, то ч. 2 данной статьи каких-либо правил определения процессуальной дееспособности не содержит.

Статья 46 АПК РФ содержит комплекс норм, регулирующий вопрос процессуального соучастия. Согласно дополняющей норме ч. 4 ст. 46 АПК РФ соистцы могут не только обратиться в суд с единым исковым заявлением (ч. 1 ст. 46 АПК РФ), но и вступить в уже рассматриваемое дело до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу в арбитражном суде первой инстанции. Данная норма требует дальнейшей специализации, связанной с установлением формы и способа вступления соистца в уже начатый процесс. Предъявлять ли в этом случае соистцу полноценное исковое заявление или вступление в уже начатый процесс возможно путем предъявления заявления о присоединении к первоначальному иску. На практике встречаются различные подходы к данному вопросу. Так, например, в одних случаях суды считают достаточным представление в суд заявления (ходатайства) о вступлении в процесс в качестве соистца, которым заявитель, по сути, присоединяется к уже поданному иску<sup>2</sup>. В других случаях суд требует подачи полноценного искового заявления с соблюдением ст. 125, 126 АПК РФ. Например, Арбитражный суд Волго-Вятского

---

<sup>1</sup> Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.10.2018 N Ф05-15645/2018 по делу N А40-209798/2017.

<sup>2</sup> См., напр.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 13.06.2012 по делу N А29-5369/2011.

округа в своем постановлении указал, что по смыслу ст. 46 АПК РФ заявление о вступлении в дело в качестве соистца должно соответствовать общим требованиям, предъявляемым к исковому заявлению. При этом распределение общей суммы государственной пошлины между соистцами (в равных долях либо уплата всей суммы государственной пошлины одним соистцом за остальных) предусмотрена лишь в случае совместной подачи заявления<sup>1</sup>. Представляется, что более правильной является позиция судов, указывающих на возможность вступления в процесс соистца на основании заявления без соблюдения требований ст. 125, 126 АПК РФ. Поэтому ч. 4 ст. 46 АПК РФ необходимо дополнить специальным правилом о вступлении в дело соистца на основании соответствующего ходатайства (ч. 7 ст. 46 АПК РФ), которым соистец присоединяется к заявленному иску.

Статья 50 АПК РФ регламентирует вопрос вступления в процесс третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Ч. 1 данной статьи содержит общую норму о возможности вступления в дело указанных лиц. Однако не установлены способ и форма вступления. Как показывает анализ судебной практики, суды, как правило, правильно определяют основания вступления в дело данных третьих лиц, а также их процессуально-правовой статус. Так, Арбитражный суд Поволжского округа указал, что из ст. 50 АПК РФ следует, что привлечение к участию в деле третьего лица с самостоятельными требованиями обусловлено наличием у него самостоятельного требования относительно предмета спора, которое по форме идентично и одновременно не совпадает по содержанию с материально-правовым интересом истца и ответчика, имеет взаимоисключающий характер. Наличие у этого лица такого права связано с тем, что оно является предполагаемым субъектом спорного материального правоотношения. При этом третье лицо с самостоятельными требованиями вступает в арбитражный процесс, полагая, что спорное право

---

<sup>1</sup> Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.03.2019 N Ф01-839/2019 по делу N А43-12535/2015.

принадлежит именно ему, а не первоначальным сторонам<sup>1</sup>. В отличие от вступления в процесс соистца, который своим заявлением (ходатайством) присоединяется к заявленному иску, третье лицо с самостоятельными требованиями должно вступать в процесс на основании заявления, отвечающего требованиям ст. 125, 126 АПК РФ, по поводу чего в ч. 1 ст. 50 АПК РФ должна быть сделана отсылка.

Статья 53.1 АПК РФ содержит слаборазвитый процессуально-правовой комплекс, не определяющий надлежащим образом процессуально-правовой статус Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. В законе не установлены основания обращения в арбитражный суд Уполномоченного. Ситуацию не меняют процессуальные нормы, содержащиеся в Федеральном законе от 07.05.2013 N 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»<sup>2</sup>, в котором установлено, что уполномоченный по результатам рассмотрения жалобы вправе обжаловать вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов, принятые в отношении заявителя, в порядке, установленном законодательством РФ (п. 6 ч. 5 ст. 4 ФЗ).

*Институт доказательств и доказывания* (глава 7 АПК РФ). В качестве общего замечания относительно расположения статей в главе 7 АПК РФ стоит заметить, что оно не соответствует логике развития процессуального правоотношения. Так, статьи об освобождении от доказывания (ст. 69, 70 АПК РФ) должны следовать за статьей о распределении обязанности по доказыванию (ст. 65 АПК РФ). Статья 71 об оценке доказательства должна предшествовать статьям 67 и 68 АПК РФ об относимости и допустимости доказательств.

В ч. 1 ст. 64 АПК РФ раскрывается содержание понятия доказательств, но в ч. 2 данной статьи в качестве доказательств (сведения о фактах) приводятся не доказательства, а средства доказывания, то есть процессуальная форма представления данной доказательственной информации в суд. Ч. 3 ст. 64 АПК РФ

---

<sup>1</sup> Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.05.2017 N Ф06-20064/2017 по делу N А65-5390/2016.

<sup>2</sup> СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

содержит правило, относящееся к допустимости доказательств, которое целесообразно изложить в ст. 68 АПК РФ. Тем более, что оценка допустимости доказательства представляет собой оценку средства доказывания.

Статья 65 АПК РФ содержит в себе общие и специальные правила,<sup>1</sup> относящиеся к различным процессуально-правовым комплексам, что не обеспечивает полноты правового регулирования. Складывается общее впечатление, что те правила, в отношении которых сложно было определить относимость к конкретному процессуально-правовому комплексу, помещены в ст. 65 АПК РФ как более общую статью. В результате получилась бесформенная масса процессуальных норм, регулирующие различные аспекты доказательственной деятельности. В ч. 1 ст. 65 АПК РФ содержится общее и специальное правило распределения обязанности по доказыванию. В данной статье следовало бы также установить специальные правила доказывания отрицательных фактов, потребность данного правила подтверждается судебной практикой<sup>2</sup>. При установлении особенностей распределения обязанности по доказыванию отрицательного факта суды правильно ссылаются на ст. 65 АПК РФ, устанавливающее общее правило распределения данной обязанности. Также в ст. 65 АПК РФ специальной нормой следует установить процессуально-правовое последствие неисполнения обязанности по доказыванию в виде признания факта неустановленным (или установленным), то есть вывод суда в пользу другой стороны. В ч. 3-5 ст. 65 АПК РФ установлены правила, относящиеся к порядку представления доказательств. Так, ч. 3 ст. 65 АПК РФ, содержащая правило о раскрытии доказательств, и ч. 4 ст. 65 АПК РФ о возможности ссылаться только

---

<sup>1</sup> О распределении обязанностей по доказыванию и факторах, влияющих на него, см., напр.: *Шварц М.З.* Существует ли презумпция добросовестности налогоплательщика? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 117 - 132.

<sup>2</sup> См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.05.2015 по делу № 302-ЭС14-7670, А69-16/2013; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.06.2015 по делу № 305-ЭС15-2572, А40-51637/2014; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.12.2019 № Ф03-6058/2019 по делу № А73-2526/2019; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.10.2018 № Ф03-4449/2018 по делу № А51-16791/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.05.2017 № Ф04-816/2017 по делу № А67-4664/2016 и др.

на раскрытые доказательства, должны быть размещены в ч. 2 ст. 66 АПК РФ вместе с правилами о представлении и раскрытии дополнительных доказательств. При этом статью 66 АПК РФ целесообразно разделить на две статьи с самостоятельными процессуально-правовыми комплексами, регулирующими разные ситуации – представление доказательств; истребование доказательств. Ч. 5 ст. 65 АПК РФ, устанавливающая негативное процессуально-правовое последствие нарушения порядка представления доказательства, должна завершать процессуально-правовой комплекс представления доказательств (ст. 66 АПК РФ).

Общее правило ч. 1 ст. 66 АПК РФ следует дополнить: «Доказательства представляются лицами, участвующими в деле, в порядке и сроки, установленные настоящим Кодексом и судом». Второй абзац ч. 1 ст. 66 АПК РФ содержит специальное правило, объем которого следует расширить. Направляться другой стороне должны не только документы, но и другие доказательства при возможности такого направления (аудиозаписи, видеозаписи, фотоматериалы и т.д.). Данное правило должно распространяться на все средства доказывания, представляемые участвующим в деле лицом (за исключением отдельных вещественных доказательств). Практика показывает, что требование раскрытия доказательств довольно часто нарушается<sup>1</sup>, что связано с необходимостью совершения дополнительных действий по направлению доказательств и несению соответствующих расходов. В большинстве случаев суды правильно определяют процессуальные последствия нарушения данной обязанности в виде необходимости ознакомления с доказательствами другой стороной и применения ч. 5 ст. 65 АПК РФ. Подобные разъяснения были даны в п. 35 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 N 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.04.2018 N Ф03-1192/2018 по делу N А16-1522/2017; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2019 N 09АП-64308/2019 по делу N А40-181442/2017; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2019 N 10АП-5463/2019 по делу N А41-20564/16; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 05.07.2018 по делу N А33-26363/2017 и др.

<sup>2</sup> Вестник ВАС РФ. 2004. № 10.



Однако иногда суды отказывают в принятии доказательства, представленного с нарушением порядка его раскрытия<sup>1</sup>. В некоторых случаях отказ в приобщении доказательства мотивируется только лишь нарушением порядка его раскрытия, что является явно неверным, так как указанное процессуальное последствие законом не установлено. В других случаях суды ссылаются на норму ч. 5 ст. 159 АПК РФ, предоставляющую право отказать в удовлетворении ходатайства, заявленного со злоупотреблением процессуального права. При соотнесении нормы ч. 5 ст. 65 и ч. 5 ст. 159 АПК РФ следует сделать вывод о том, что специальной нормой по отношению к нарушению порядка представления доказательства выступает ч. 5 ст. 65 АПК РФ, которая подлежит применению к данной ситуации. Следовательно, установление специального негативного последствия нарушения порядка представления доказательства исключает применение общего негативного последствия нарушения порядка заявления ходатайства. В этой связи следует признать, что позиция судов об отказе в приобщении нераскрытых доказательств к материалам дела является неверной.

Правило ч. 1 ст. 67 АПК РФ следует конкретизировать, указав на то, что отношение к рассматриваемому делу имеют такие доказательства, которые направлены на установление наличия или отсутствия обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела. Единичная конкретная норма ст. 68 АПК РФ о допустимости доказательств должна быть дополнена нормой ч. 3 ст. 64 АПК РФ.

Ч. 1 ст. 69 АПК РФ содержит единичную конкретную норму, освобождающую от доказывания факты, признанные арбитражным судом общеизвестными. Ранее ВАС РФ признавал общеизвестными факт того, что ставка рефинансирования, по существу, представляет собой наименьший размер платы за пользование денежными средствами в российской экономике<sup>2</sup>, что

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.09.2017 N Ф02-5235/2017 по делу N А19-20369/2016; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2016 N 07АП-10947/2016 по делу N А03-9788/2016; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2019 N 08АП-10393/2019 по делу N А70-8791/2019.

<sup>2</sup> Постановление Президиума ВАС РФ от 13.01.2011 N 11680/10 по делу N А41-13284/09.

производство бывает промышленным и сельскохозяйственным<sup>1</sup>. В практике нижестоящих судов общеизвестными признаются факты быстрого морального устаревания компьютерной техники<sup>2</sup>, удорожания стоимости привлечения денежных средств в связи с ограничением доступа российских банков к зарубежным источникам финансирования в связи с санкциями со стороны Евросоюза и США<sup>3</sup> и другие обстоятельства. Однако в современной практике наметилась тенденция отождествления общедоступной информации и общеизвестных фактов, которые освобождаются от доказывания. Так, например, по причине общедоступности суды признают общеизвестными фактами сведения, размещенные в автоматизированной информационной системе профессионального объединения страховщиков<sup>4</sup>. Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд отметил, что минимальные ставки, установленные постановлением Совета адвокатской палаты Воронежской области от 22.01.2015 «О минимальных ставках вознаграждения за оказываемую юридическую помощь» (протокол N 2) относятся к общедоступной информации и в силу этого может быть приняты без доказывания как общеизвестный факт<sup>5</sup>. Вышеуказанное свидетельствует об отсутствии единых подходов в понимании общеизвестных фактов, их критериев. Вряд ли, на наш взгляд, можно признать общеизвестными факты, указанные в постановлениях (тем более, что спор был не между специальными субъектами, деятельность которых ограничена отдельной сферой), а также факты, указанные в других судебных актах. Подход, согласно которому общедоступность информации является основанием для признания фактов общеизвестными, в век информационных технологий и свободы информации нельзя признать правильным. Суды, применяя единичную норму ч. 1 ст. 69 АПК

---

<sup>1</sup> Постановление Президиума ВАС РФ от 15.12.2011 N 12651/11 по делу N А46-13112/2010.

<sup>2</sup> Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2017 по делу N А79-8407/2016.1

<sup>3</sup> Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2015 по делу N А39-3618/2015.

<sup>4</sup> Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2020 N 20АП-8578/2019 по делу N А09-731/2019.

<sup>5</sup> Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.05.2019 N 19АП-2227/2019 по делу N А14-22388/2018.

РФ, облегчают себе работу в сфере установления фактов, не привлекают специалистов, не назначают экспертизу, не предлагают сторонам представить допустимые и относимые доказательства. Единичная конкретная норма ч. 1 ст. 69 АПК РФ показывает свою неэффективность, что требует регулирования данного вопроса более полно посредством установления правоинтерпретационных специальных положений, позволяющих выявить признаки общеизвестных фактов. Данные положения, совместно с нормой ч. 1 ст. 69 АПК РФ (а, возможно, со специальными процессуальными нормами, регулирующими данный вопрос) должны составлять единый процессуально-правовой комплекс.

В ст. 70 АПК РФ закрепляется комплекс норм, регулирующих вопрос освобождения от доказывания фактов, признанных сторонами. Ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ подлежит ограничительному толкованию в рамках общей нормы ч. 2 ст. 70 АПК РФ. В связи с достаточно распространенной практикой применения ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ в ситуациях фактического неучастия ответчика<sup>1</sup> в ст. 70 АПК РФ следует предусмотреть специальную исключаящую норму, согласно которой не могут освобождаться от доказывания на основании данной статьи обстоятельства в случае рассмотрения дела без фактического участия ответчика.

*Институт обеспечительных мер* (глава 8 АПК РФ). Согласно ч. 1 ст. 94 АПК РФ арбитражный суд, допуская обеспечение иска, по ходатайству ответчика может потребовать от обратившегося с заявлением об обеспечении иска лица или предложить ему по собственной инициативе предоставить обеспечение возмещения возможных для ответчика убытков (встречное обеспечение) путем внесения на депозитный счет суда денежных средств в размере, предложенном судом, либо предоставления банковской гарантии, поручительства или иного финансового обеспечения на ту же сумму. Размер встречного обеспечения может быть установлен в пределах имущественных требований истца, указанных в его

---

<sup>1</sup> См., напр.: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 06.08.2019 N 10АП-12591/2019 по делу N А41-42740/2019; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2019 N 10АП-7561/2019 по делу N А41-4173/19; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2019 по делу N А57-15624/2019; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2019 N 12АП-4973/2019 по делу N А57-2360/2019 и др.

заявлении, а также суммы процентов от этих требований. В ч. 2 ст. 94 АПК РФ закреплено специальное правило о предоставлении встречного обеспечения ответчиком, которое не соответствует общему правилу ч. 1 ст. 94 АПК РФ. Норма ч. 2 ст. 94 АПК РФ должна быть размещена в ст. 95 АПК РФ о замене обеспечительных мер. Ч. 7 ст. 94 АПК РФ также должна быть исключена из данной статьи. Так, в обобщении практики Арбитражного суда Волго-Вятского округа отмечено, что в случае применения обеспечения иска путем наложения ареста на денежные средства или иное имущество, принадлежащее ответчику, он вправе предоставить встречное обеспечение не только путем внесения денежных средств на депозитный счет суда, а также представить банковскую гарантию, поручительство или иное финансовое обеспечение. На наш взгляд, исключительность такой меры встречного обеспечения, как внесение денежных средств на депозит суда, заключается лишь в том, что в соответствии с ч. 7 ст. 94 АПК РФ эта мера встречного обеспечения является достаточным основанием для отмены обеспечения иска. В иных случаях суд должен исследовать обстоятельства относительно того, насколько предоставленное ответчиком встречное обеспечение защищает интересы истца<sup>1</sup>. Соответственно, при предоставлении встречного обеспечения речь идет о фактической замене одной обеспечительной меры (ареста денежных средств и другого имущества) другой – внесение денежных средств на депозитный счет арбитражного суда. По принятым обеспечительным мерам вопрос должен разрешаться посредством осуществления замены обеспечительных мер при подтверждении ответчиком фактического внесения денежных средств на депозитный счет суда. Норма ч. 3 ст. 96 АПК РФ также не имеет отношения к комплексу норм, регулирующих исполнение определения суда об обеспечении иска. Данная ситуация, на наш взгляд, охватывается процедурой замены обеспечительных мер. Анализ специальных норм, регулирующих предоставление встречного обеспечения ответчиком (ч.2, 7 ст. 94; ч. 3 ст. 96; ч. 3 ст. 97 АПК РФ) позволяет сделать вывод о чрезмерной

---

<sup>1</sup> Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа «Обобщение информации о деятельности Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа за 2007 год» // СПС Консультант Плюс».

специализации арбитражного- процессуального права по данному вопросу, тогда как последний мог быть эффективно разрешен в рамках комплекса норм о замене обеспечительных мер. Данный вывод соответствует правовой позиции о замене предварительных обеспечительных мер встречным обеспечением, изложенной в п. 12 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер»<sup>1</sup>.

Как показывает практика, суды при вынесении решения об отказе в удовлетворении иска, определений о прекращении производства по делу или оставления заявления без рассмотрения не всегда разрешают вопрос о судьбе обеспечительных мер в соответствии с ч. 5 ст. 96 АПК РФ. Данная ситуация приводит к необоснованным ограничениям прав ответчика, требует отдельного обращения и рассмотрения вопроса об отмене обеспечительных мер. В этой связи целесообразно в ч. 5 ст. 96 АПК РФ прямо предусмотреть, что в указанных выше случаях суд указывает на отмену принятых по делу обеспечительных мер с даты вступления в законную силу соответствующего судебного акта. В случае если суд данный вопрос не рассмотрел, то сторона имеет право обратиться с заявлением об отмене обеспечительной меры в порядке ст. 97 АПК РФ (возможно, следует предусмотреть упрощенный порядок рассмотрения данного заявления без вызова сторон).

В ст. 98 АПК РФ регулируется вопрос о взыскании убытков и компенсации в связи с обеспечением иска. В ч. 4 данной статьи установлено, что правила о взыскании убытков или компенсации применяются в отношении ограниченного круга оснований при оставлении искового заявления без рассмотрения или прекращении производства по делу. Представляется, что данная норма сформулирована достаточно узко. Так, например, исковое заявление с принятыми по нему обеспечительными мерами может быть оставлено без рассмотрения при повторной неявке истца (п. 9 ч. 1 ст. 148 АПК РФ). В этом случае, чтобы заявить о компенсации ответчик должен возражать против оставления без рассмотрения и

---

<sup>1</sup> Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

продолжать процесс до принятия решения об отказе в иске, что явно нецелесообразно. В этой связи основания, указанные в ч. 4 ст. 98 АПК РФ следует расширить, предусмотрев возможность взыскания убытков или компенсации при окончании рассмотрения дела в суде первой инстанции без вынесения решения, если такое окончание не связано с действиями (событиями) со стороны ответчика (например, заключение мирового соглашения).

Ст. 99 АПК РФ регламентирует вопрос принятия предварительных обеспечительных мер до предъявления иска. В ч. 10 ст. 99 АПК РФ содержится специальная норма о праве требовать возмещения убытков или компенсации в порядке ст. 98 АПК РФ. Однако данная норма ограничивает такую возможность непредставлением искового заявления в установленный срок либо отказом в удовлетворении иска. Данное правило не учитывает ч. 4 ст. 98 АПК РФ, предоставляющую право требовать возмещения убытков или компенсации при оставлении искового заявления без рассмотрения или прекращения производства по делу по определенным основаниям.

*Институт судебных расходов* (глава 9 АПК РФ). Институт судебных расходов, несмотря на относительно небольшое количество процессуальных норм, является достаточно объемным и регулируется не только нормами АПК РФ и другими федеральными законами, но и правоинтерпретационными положениями<sup>1</sup>. Однако это не отменяет правила о том, что нормативный процессуально-правовой комплекс должен иметь относительно законченный характер. Так, например, согласно правилу ч. 1 ст. 108 АПК РФ заявитель ходатайства о назначении экспертизы или вызове свидетеля вносит сумму соответствующих судебных издержек на депозитный счет арбитражного суда. В

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6; Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9 и др.

ч. 2 ст. 108 АПК РФ изложена специальная норма, регламентирующая процессуальное последствие неисполнения данного требования – отклонение ходатайства судом. Однако данное процессуальное последствие не является безусловным, так как закреплено право, а не обязанность суда отклонить данное ходатайство. То есть суд также может рассмотреть и удовлетворить соответствующее ходатайство, что прямо допускается законом. При этом неясен источник финансирования проведения соответствующего процессуального действия (например, проведения экспертизы). Данный вопрос относительно назначения экспертизы регулируется в абз. 2 п. 22 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», в котором указано, что если при названных обстоятельствах дело не может быть рассмотрено и решение принято на основании других представленных сторонами доказательств, суд вправе назначить экспертизу при согласии эксперта (экспертного учреждения, организации), учитывая, что оплата экспертизы в таком случае будет производиться в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 110 АПК РФ. Представляется, что вопрос об иных процессуальных действиях суда при неисполнении заявителем обязанности, предусмотренной ч. 1 ст. 108 АПК РФ, а также основаниях и последствиях их совершения должен разрешаться в ч. 2 ст. 108 АПК РФ соответствующей специальной нормой. В противном случае данный комплекс норм является незаконченным. Поскольку данный вопрос не получил своего регулирования в законе, постольку и норма ч. 2 ст. 109 АПК РФ безальтернативно предусматривает, что денежные суммы, причитающиеся экспертам и свидетелям, выплачиваются с депозитного счета арбитражного суда. Поэтому также требуется корректировка данной нормы о возможности выплаты указанных денежных средств соответствующей стороной в порядке ч. 6 ст. 110 АПК РФ.

В ст. 111 АПК РФ регулируется вопрос об отнесении расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами. В ч. 1 ст. 111 АПК РФ речь идет о некой санкции за нарушение обязательного претензионного порядка. В данную статью в рамках перечисления случаев нарушений досудебного порядка

не следует ограничиваться нарушениями ответчика (должника), но и указать на нарушения кредитора (истца). Ненаправление или несвоевременное направление претензии также должно быть санкционировано. По своему буквальному толкованию норма ч. 3 ст. 111 АПК РФ не является нормой данного комплекса процессуальных норм. В этом случае возможно два варианта. Во-первых, толковать данную норму ограничительно, то есть распространять возможность уменьшения судебных расходов при подтверждении их чрезмерности только на случаи возложения данных расходов на лицо, злоупотребившее процессуальным правом. Во-вторых, допускать уменьшение вне рамок ст. 111 АПК РФ. Последний вариант является более правильным и соответствует правовым позициям высших судов<sup>1</sup>. В этой связи норму ч. 3 ст. 111 АПК РФ целесообразно изложить в статье 110 АПК РФ.

*Институт судебных извещений* (глава 12 АПК РФ). В ч. 6 ст. 121 АПК РФ установлено специальное правило, согласно которому лица, участвующие в деле, после получения определения о принятии искового заявления или заявления к производству и возбуждении производства по делу, а лица, вступившие в дело или привлеченные к участию в деле позднее, и иные участники арбитражного процесса после получения первого судебного акта по рассматриваемому делу самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи. Данным правилом на участников процесса, осведомленных о начавшемся процессе, возлагается обязанность по получению информации о дальнейшем движении дела. Однако в абз. 2 ч. 6 ст. 121 АПК РФ установлено правило, которое не соответствует вышеуказанной обязанности. Согласно данному правилу лица, участвующие в деле, несут риск наступления неблагоприятных последствий в

---

<sup>1</sup> См.: п. 3 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.12.2007 № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» // Вестник ВАС РФ. 2008. № 2; п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.



результате непринятия мер по получению информации о движении дела, если суд располагает информацией о том, что указанные лица надлежащим образом извещены о начавшемся процессе, за исключением случаев, когда лицами, участвующими в деле, меры по получению информации не могли быть приняты в силу чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств. Таким образом, процессуальные последствия у участников процесса возникают не в результате неисполнения указанной в абз. 1 ч. 6 ст. 121 АПК РФ обязанности с момента получения первого судебного акта, а совершенно с другого момента – с даты наличия у арбитражного суда сведений об извещении данных лиц надлежащим образом. Представляется, что правило абз. 2 устанавливает негативное процессуальное последствие неисполнения обязанности, предусмотренной абз. 1 ч. 6 ст. 121 АПК РФ, и должно соответствовать ему. Риск неблагоприятных последствий должен возникать с момента получения определения о начавшемся процессе. К сожалению, в судебной практике данные нормы толкуются иным образом<sup>1</sup>.

В ст. 123 АПК РФ располагаются нормы, регулирующие разные процессуальные ситуации. В ч. 1 ст. 123 АПК РФ расположена норма, регулирующая вопрос извещения участников процесса о движении дела в будущем с учетом их обязанности, предусмотренной в абз. 1 ч. 6 ст. 121 АПК РФ. Норма ч. 1 ст. 123 АПК РФ должна быть изложена в ч. 6 ст. 121 АПК РФ с учетом корректировки абз. 2 ч. 6 ст. 121 АПК РФ. Нормы ч. 2-4 ст. 123 АПК РФ регулируют надлежащий способ извещения с применением соответствующих фикций и составляют процессуальный комплекс надлежащего извещения. Данные нормы не должны применяться к извещению о дальнейшем движении дела (ч. 6 ст. 121; абз. 2 ч. 1 ст. 122; ч. 1 ст. 123 АПК РФ), что допускается текущей судебной практикой<sup>2</sup> и актами толкования. Так, например, Седьмой арбитражный

---

<sup>1</sup> См.: п. 4, 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

<sup>2</sup> См., напр.: Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2016 по делу N А43-28931/2015; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от

апелляционный суд в одном из своих постановлений указал, что помимо приведенного общего правила о надлежащем извещении (ч. 1 ст. 123 АПК РФ), в ч. 4 ст. 123 АПК РФ установлены случаи, приравненные к нему, в частности, надлежащее извещение имеет место когда, несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением копии судебного акта, направленной арбитражным судом в установленном порядке, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд<sup>1</sup>. Подобное понимание вышеуказанных процессуальных норм нельзя признать правильным, так как правило ч. 1 ст. 123 АПК РФ не является ни общим, ни специальным по отношению к правилу ч. 4 ст. 123 АПК РФ. Оно регулирует иную процессуально-правовую ситуацию (иную часть процессуального отношения). Норма ч. 5 ст. 123 АПК РФ не регулирует надлежащий способ извещения и должна быть изложена в ч. 4 ст. 121 АПК РФ.

*Институт предъявления иска* (глава 13 АПК РФ). В п. 8 ч. 2 ст. 125 АПК РФ установлено обязательное указание в исковом заявлении сведений о соблюдении истцом претензионного или иного досудебного порядка. Данная норма сформулирована чрезмерно широко, так как речь должна идти об указании таких сведений только в случае, если данный порядок является обязательным. Кроме того, специальные нормы п. 7 ч. 1 ст. 126 АПК РФ и п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ не соответствуют норме абз. 2 ч. 5 ст. 4 АПК РФ. Последней нормой установлено, что обязательный досудебный порядок может быть установлен в договоре. Однако согласно п. 7 ч. 1 ст. 125 АПК РФ к исковому заявлению прикладываются документы, подтверждающие соблюдение истцом претензионного или иного досудебного порядка, за исключением случаев, если его соблюдение не предусмотрено федеральным законом. В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ истцом не соблюден претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком, если такой порядок является

---

03.12.2018 N 02АП-8602/2018 по делу N А31-4047/2018; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 11.10.2018 по делу N А33-8957/2018; ; Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2020 N 05АП-9233/2019 по делу N А59-5421/2019 и др.

<sup>1</sup> Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2017 N 07АП-2/17(5) по делу N А67-8458/2015.

обязательным в силу закона. Указанные специальные нормы в силу буквального толкования касаются только такого досудебного порядка, который является обязательным в силу закона. Конечно, при толковании данных норм следует руководствоваться абз. 2 ч. 5 ст. 4 АПК РФ, то есть указание в законе на обязательность договорного порядка<sup>1</sup>. Но такое толкование не соответствует правилу соотнесения специальной и общей норм, чрезмерно усложняет правоприменение. Гораздо правильнее было бы указать в специальных нормах на обязательность договорного порядка.

В ч. 4 ст. 127.1 АПК РФ установлено специальное правило о том, что отказ в принятии искового заявления, заявления препятствует повторному обращению в суд с такими заявлениями к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям. Однако отдельного процессуального оформления, не предусмотренного в п. 2 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ, указанное правило не получило. Таким образом, несмотря на препятствия к повторной подаче искового заявления после отказа в его принятии арбитражный суд будет вынужден отказывать в принятии данного заявления каждый раз при его новом поступлении в суд, а каждое из определений об отказе может быть обжаловано (ч. 5 ст. 127.1 АПК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 129 АПК РФ возвращение искового заявления оформляется определением. В ч. 3 ст. 129 АПК РФ предусмотрено, что копия определения о возвращении искового заявления направляется истцу не позднее следующего дня после дня вынесения определения или после истечения срока, установленного судом для устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без движения, вместе с заявлением и прилагаемыми к нему документами. Данная процессуальная норма не учитывает, что согласно ч. 4

---

<sup>1</sup> Суды также правильно исходят из того, что несоблюдение обязательного досудебного порядка, предусмотренного в договоре, является основанием для возвращения искового заявления. См., напр.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2017 N 08АП-14936/2017 по делу N А75-16300/2017; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2018 N 13АП-20154/2018 по делу N А56-55137/2018; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.05.2018 N 13АП-11284/2018 по делу N А56-31397/2018; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.05.2018 N 13АП-11284/2018 по делу N А56-31397/2018; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2019 N 15АП-13141/2019 по делу N А53-23737/2019.

ст. 129 АПК РФ определение арбитражного суда о возвращении искового заявления может быть обжаловано в срок, предусмотренный ч. 3 ст. 188 АПК РФ. Однако возвращение всех поданных истцом документов, включая и самого искового заявления, до истечения срока обжалования предполагает, что при апелляционном обжаловании в силу абз. 2 ч. 4 ст. 260 АПК РФ заявитель самостоятельно формирует пакет документов, прилагаемых к апелляционной жалобе (возвращенное исковое заявление и документы, приложенные к нему при подаче в арбитражный суд). В силу п. 25.2 Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации<sup>1</sup> к жалобе могут быть приложены ходатайства, например, о предоставлении отсрочки, рассрочки уплаты государственной пошлины при подаче апелляционной жалобы или об уменьшении ее размера (в виде отдельного документа или изложены в самой жалобе). То есть полнота материалов, необходимых апелляционному суду для проверки определения о возвращении, зависит от самого истца. Инструкция в п. 22.16 не предусматривает оставление в деле копий возвращаемых истцу документов. То есть с утерей возвращенного иска истец также теряет и право на обжалование определения. Установить идентичность приложенного к жалобе и возвращенного искового заявления невозможно по причине отсутствия копий возвращенного искового заявления. Кроме того, согласно ч. 5 ст. 129 АПК РФ в случае отмены определения исковое заявление считается поданным в день первоначального обращения в арбитражный суд и вопрос о его принятии подлежит рассмотрению судом первой инстанции. Процессуальный закон не ограничивает истца подать возвращенное исковое заявление повторно с устранением соответствующих недостатков и одновременно обжаловать определение о возвращении данного заявления. Данные действия, по сути, являются альтернативными. То есть истец должен выбрать одно из них. Либо он

---

<sup>1</sup> Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» URL: [https://saratov.arbitr.ru/files/pdf/%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83\\_0.pdf](https://saratov.arbitr.ru/files/pdf/%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83_0.pdf)

не соглашается с определением и обжалует его, либо подает исковое заявление повторно с учетом данного определения. В этой связи наиболее целесообразным будет разработка нормативного процессуального комплекса, предусматривающего фактическое возвращение искового заявления после истечения срока на обжалование определения. При этом заявитель вправе после получения определения о возвращении, но до истечения срока на обжалование, подать заявление о возвращении искового заявления с прилагаемыми документами, которым погашается его право на обжалование определения.

В ч. 1 ст. 130 АПК РФ содержится норма, согласно которой истец вправе соединить в одном заявлении несколько требований, связанных между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам. При этом данная норма сформулирована достаточно широко, в результате чего на практике возникает достаточно много вопросов по ее реализации<sup>1</sup>. Данная норма должна быть размещена в ст. 125 АПК РФ и составлять с нормами данной статьи единый процессуально-правовой комплекс. Кроме того, следует уточнить содержание данной нормы о возможности соединения требований к одному ответчику, в противном случае данная норма вступает в противоречие с ч. 2 ст. 46 АПК РФ, устанавливающей основания для процессуального соучастия. Норма ч. 9 ст. 130 АПК РФ не является частью комплекса норм ст. 130 АПК РФ, а представляет собой установленное в законе правоинтерпретационное положение п. 1 ч. 1 ст. 143 АПК РФ.

В ч. 1 ст. 131 АПК РФ предусмотрена обязанность ответчика направить или представить в арбитражный суд и лицам, участвующим в деле, отзыв на исковое заявление с указанием возражений относительно предъявленных к нему требований по каждому доводу, содержащемуся в исковом заявлении. Специальная норма ч. 3 ст. 131 АПК РФ предусматривает порядок направления

---

<sup>1</sup> См., напр.: п. 8-10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 N 99 (ред. от 01.07.2014) «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3; п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

отзыва в суд и лицам, участвующим в деле. Однако правило, изложенное в ч. 3 ст. 131 АПК РФ о направлении отзыва в срок, обеспечивающий возможность ознакомления с отзывом до начала судебного заседания, является общим не только для направления, но и для представления отзыва. Практика показывает, что стороны данным правилом часто пренебрегают, представляя отзыв непосредственно в судебном заседании.

Норма ч. 5 ст. 132 АПК РФ, предусматривающая возможность объединения в одно производства дел, возбужденных по исковым заявлениям, отвечающим признакам первоначального и встречного иска, не является частью комплекса процессуальных норм ст. 132 АПК РФ, а относится к ст. 130 АПК РФ, где должна быть изложена в качестве специального правила.

*Институт подготовки дела к судебному разбирательству* (глава 14 АПК РФ). В ч. 1 ст. 133 АПК РФ имеется единичная норма, устанавливающая задачи подготовки дела к судебному разбирательству. В ч. 2 ст. 133 АПК РФ установлены цели подготовки дела к судебному разбирательству. Вместе с тем, указанные нормы, совместно со специальными нормами, должны составлять единый процессуально-правовой комплекс. Общей нормой выступает норма ч. 2 ст. 133 АПК РФ, в которой должно быть указано только на цели подготовки. Данная норма далее полегит конкретизации указанием на задачи подготовки. В специальных нормах данного комплекса должно быть указано на обязательность проведения подготовки по каждому делу, состав суда, срок подготовки (ч. 2 ст. 134 АПК РФ), а также установлен запрет на переход к судебному разбирательству без выполнения задач подготовки. В ныне действующей редакции единичные нормы ст. 133 АПК РФ являются неэффективными, так как не обеспечивают обязательное выполнение задач подготовки. Нормы ч. 1 ст. 134 АПК РФ не состоят в комплексе с нормой ч. 2 ст. 134 АПК РФ, так как регулируют не срок, а процессуальное оформление подготовки дела к судебному разбирательству.

Ст. 135 АПК РФ предусматривает действия по подготовке дела к судебному разбирательству. В п. 1 ч. 1 ст. 135 АПК РФ предусмотрено собеседование как действие, направленное на подготовку. Однако в настоящее время данное

действие судами практически не реализуется. Это связано со значительной нагрузкой на суд, а также с тем, что данное действие не является обязательным<sup>1</sup>. В этой связи суды, как правило, назначают предварительное судебное заседание, в рамках которого стороны только уточняют правовые позиции друг друга. Представляется, что в рамках правоинтерпретационной деятельности необходимо установить рекомендации по проведению собеседования по отдельным категориям дел, например, дела с множественностью участников, отдельные категории материально-правовых споров с большим количеством доказательств (например, налоговые споры, корпоративные споры). При этом в п. 1 ч. 1 ст. 135 АПК РФ предусмотрено проведение собеседования не только со сторонами, но и иными участвующими в деле лицами. Ч. 3 ст. 135 АПК РФ содержит нормы, не связанные с проведением действий по подготовке.

В ч. 1 ст. 136 АПК РФ идет речь о проведении предварительного судебного заседания с участием сторон и иных заинтересованных лиц. Однако в силу ст. 40 АПК РФ заинтересованные лица являются участниками по делам особого производства и иным делам. В ч. 1 ст. 136 АПК РФ идет речь о лицах, заинтересованных в исходе дела, то есть о лицах, участвующих в деле, на что должно быть прямо указано. В п. 4 ст. 136 АПК РФ предусмотрена возможность объявления перерыва в предварительном судебном заседании сроком до пяти дней. Однако данного срока может быть недостаточно для представления дополнительных доказательств и ознакомления с ними другой стороны. Учитывая данное обстоятельство, в п. 25 Постановления Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству»<sup>2</sup> содержится правоинтерпретационное положение, согласно которому, если в предварительном судебном заседании арбитражный суд установит наличие обстоятельств, препятствующих назначению судебного заседания суда первой инстанции, он вправе отложить предварительное судебное заседание по правилам ст. 158 АПК

---

<sup>1</sup> См.: п. 23 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 N 82 (ред. от 01.07.2014) «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 10.

<sup>2</sup> Вестник ВАС РФ. 2007. № 4.

РФ. Несмотря на указанное положение, анализ судебной практики показывает, что арбитражные суды откладывают предварительное судебное заседание довольно редко. Исключение составляет Суд по интеллектуальным правам, который гораздо чаще прибегает к данному процессуальному действию<sup>1</sup>. Представляется целесообразным возможность отложения предварительного судебного заседания предусмотреть в законе, в актах толкования установить случаи, при которых суд в рамках предварительного судебного заседания обязан осуществить отложение.

В ч. 4 ст. 137 АПК РФ предусмотрена возможность перехода в судебное заседание из предварительного судебного заседания. Считаем необходимым специальной нормой установить запрет на такой переход, если у суда отсутствуют сведения о фактическом получении участвующими в деле лицами извещения о дате и времени предварительного судебного заседания.

*Институт примирительных процедур и мирового соглашения* (глава 15 АПК РФ). Глава 15 АПК РФ содержит нормы права, достаточно полно регулирующие вопросы реализации примирительных процедур. Однако ряд специальных вопросов остались за рамками правового регулирования. К таким вопросам можно отнести утверждение медиативного соглашения в качестве мирового, заключение мирового соглашения при множественности лиц на стороне истца и (или) ответчика, заключение мирового соглашения под условием, возможность использования результата примирительной процедуры, в том числе мирового соглашения, в качестве доказательства по данному или другому делу, возможность подачи самостоятельного иска при неисполнении неимущественных условий мирового соглашения и т.д. Возможно, не все из данных вопросов

---

<sup>1</sup> См.: Определение Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2020 по делу N СИП-11/2020; Определение Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2020 по делу N СИП-923/2019; Определение Суда по интеллектуальным правам от 13.01.2020 по делу N СИП-631/2019; Определение Суда по интеллектуальным правам от 10.02.2020 по делу N СИП-1018/2019 и др.



следует урегулировать в законе. Но далеко не все данные вопросы получили надлежащие осмысление в актах толкования<sup>1</sup> и судебной практике.

*Приостановление производства по делу* (глава 16 АПК РФ). В ст. 145 АПК РФ специальными нормами устанавливаются сроки приостановления производства по делу. Из анализа данных норм следует, что срок приостановления производства по делу на основании п. 3 ст. 144 АПК РФ (привлечение гражданина, являющегося лицом, участвующим в деле, для выполнения государственной обязанности) не установлен. Представляется, что данный срок должен быть установлен ссылкой на данное основание в п. 2 ст. 145 АПК РФ.

*Оставление без рассмотрения* (глава 17 АПК РФ). В п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ должно быть указано не только на несоблюдение законного, но и договорного порядка урегулирования спора, что соответствует абз. 2 ч. 5 ст. 4 АПК РФ. Условие п. 3 ч. 1 ст. 148 АПК РФ как часть гипотезы данной нормы не соответствует диспозиции, поскольку в ч. 1 ст. 148 АПК РФ речь идет об оставлении без рассмотрения только искового заявления, а в силу ст. 219, 220 АПК РФ формой обращения по делам об установлении юридических фактов выступает заявление. П. 6 ч. 1 ст. 148 АПК РФ не в полной мере соответствует ч. 6 ст. 4 АПК РФ о возможности передачи спора на рассмотрения третейского суда. Основанием для оставления искового заявления в данном случае должно быть заключение сторонами соответствующего соглашения, которое подлежит проверке арбитражным судом, но при этом не должно требоваться возражение стороны относительно продолжения рассмотрения дела в арбитражном суде.

*Институт судебного разбирательства* (глава 19 АПК РФ). Ст. 153.1 АПК РФ регулирует вопрос участия в судебном заседании посредством систем видеоконференц-связи. В ч. 1 ст. 153.1 АПК РФ установлена общая норма о праве участвующих в деле лиц указанным способом участвовать в судебном заседании арбитражного суда. В соответствии с дополняющей нормой ч. 2 данной статьи

---

<sup>1</sup> См., напр.: Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

арбитражный суд при удовлетворении ходатайства устанавливает другой арбитражный суд, содействующий осуществлению связи. В ч. 2.1. данной статьи регламентируется порядок установления суда общей юрисдикции в качестве содействующего суда. Несмотря на то, что в ч. 2 и ч. 2.1. ст. 153.1 АПК РФ предусмотрено различное процессуальное оформление, в практике Суда по интеллектуальным правам установление содействующего суда оформлялось посредством судебных поручений<sup>1</sup>. Текущая практика данного суда свидетельствует об исправлении указанного недостатка<sup>2</sup>. Комплекс норм ст. 153.1. АПК РФ является неполным, так как данные нормы не позволяют установить, кто осуществляет выбор суда, содействующего в осуществлении видеоконференц-связи. Учитывая данное обстоятельство в абз. 2 п. 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»<sup>3</sup> со ссылкой на ч. 4 ст. 159 АПК РФ отмечено, что в ходатайстве об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи указывается суд, при содействии которого заявитель может участвовать в судебном заседании. Поскольку заявитель при обращении указанного ходатайства не может установить наличия технической возможности осуществления видеоконференц-связи, а отсутствие такой возможности влечет отказ в удовлетворении ходатайства, достаточно актуальным остается вопрос указания в ходатайстве нескольких судов, которые могут оказать содействие в организации связи.

Норма ч. 4 ст. 159 АПК РФ в части установления содержания, срока подачи, порядка оформления ходатайства об участии в судебном заседании посредством

---

<sup>1</sup> См., напр.: Определение Суда по интеллектуальным правам от 07.02.2018 N C01-1141/2017 по делу N СИП-385/2017; Определение Суда по интеллектуальным правам от 24.12.2018 по делу N СИП-431/2018; Определение Суда по интеллектуальным правам от 24.12.2018 по делу N СИП-833/2018.

<sup>2</sup> См.: Определение Суда по интеллектуальным правам от 12.04.2019 по делу N СИП-194/2019; Определение Суда по интеллектуальным правам от 27.03.2019 N C01-260/2019 по делу N A08-2434/2018.

<sup>3</sup> Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

системы видеоконференц-связи и веб-конференции не является частью комплекса норм ст. 159 АПК РФ и должна быть изложена в ст. 153.1. и ст. 153.2. АПК РФ соответственно.

Ст. 160 АПК РФ содержит слаборазвитый процессуально-правовой комплекс норм, регулирующий рассмотрение дела в отдельных судебных заседаниях. Несмотря на то, что в литературе справедливо указывается, что преимущество отдельного рассмотрения состоит в процессуальной экономии: при отказе в удовлетворении требования об установлении оснований ответственности ответчика арбитражный суд не рассматривает связанное с ним требование о применении мер ответственности и второе судебное заседание не проводит<sup>1</sup>, данную возможность суды используют недостаточно часто. Проведение отдельных судебных заседаний по исковым заявлениям, содержащим несколько самостоятельных требований, позволяет структурировать процессуальную и доказательственную деятельность суда, сторон и других участников процесса, сделать ее более точечной и понятной. Одной из причин, препятствующих распространению отдельных судебных заседаний, является, на наш взгляд, достаточно узкие основания их проведения (требование о применении ответственности)<sup>2</sup>, необходимость оформления принятого решения отдельным определением, а также отсутствие полного регулирования данного вопроса в законе. Так, например, согласно ч. 3 ст. 160 АПК РФ при удовлетворении требования об установлении оснований ответственности ответчика арбитражный суд сразу же или после перерыва, срок которого не может превышать пять дней, вправе провести второе судебное заседание и в этом судебном заседании рассмотреть требование о применении мер ответственности, в том числе определить размер взыскиваемой суммы. По результатам рассмотрения арбитражный суд принимает решение по всем заявленным

---

<sup>1</sup> Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М., 2019 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>2</sup> Указание ВАС РФ на возможность применения данных норм и в некоторых иных ситуациях не снимает указанной проблемы. Так, например, в практике часто не заявляется требование об установлении оснований ответственности, а сразу указывается на применение самой ответственности (например, при деликте).

требованиям. Однако если суд удовлетворяет требование об установлении оснований ответственности, то каким образом он доводит до участников процесса указанную информацию, как оформляется данное решение (в силу ч. 4 ст. 160 АПК РФ решение принимается судом по всем заявленным требованиям). В связи с изложенным следует законодательно расширить перечень оснований для рассмотрения дела в отдельных судебных заседаниях (оно целесообразно по отдельным категориям дел (например, налоговым спорам), по искам к нескольким ответчикам, если они не являются солидарными должниками), предоставить судам возможность оформлять данное решение протокольным определением в судебном разбирательстве или указывать на данное рассмотрение в определении о назначении судебного разбирательства, а также разработать полноценный нормативный процессуально-правовой комплекс, наиболее полно регулирующий вопросы, возникающие при проведении отдельных заседаний. Данный комплекс норм должен быть усилен конкретизирующей правоинтерпретационной деятельностью высшего суда.

Норма ст. 161 АПК РФ должна быть размещена в главе по доказыванию и доказательствам, поскольку является процессуальным средством оспаривания достоверности доказательства<sup>1</sup>. Само заявление о фальсификации доказательства может быть заявлено не только на этапе судебного разбирательства, но и в рамках подготовки дела к судебному разбирательству, что более логично и правильно.

*Институт решения арбитражного суда* (глава 20 АПК РФ). В ч. 2 ст. 168 АПК РФ содержится императивное правило о том, что при принятии решения арбитражный суд решает вопросы о сохранении действия мер по обеспечению иска или об отмене обеспечения иска либо об обеспечении исполнения решения.

---

<sup>1</sup> Заслуживающее внимание мнение по вопросу заявления о фальсификации доказательства высказывает М.З. Шварц, который приходит к выводу, что данным заявлением оспаривается не достоверность (содержание) доказательства, а его форма (См.: *Шварц М.З.* К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // *Арбитражные споры.* 2010. № 3. С. 79-80). Однако этот вывод не влияет на необходимость регламентации вопроса о проверке факта фальсификации доказательства в рамках главы 7 АПК РФ. Напротив, порочность формы предполагает возможность исключить доказательство из материалов дела без исследования его содержания (в том числе, когда сторона забирает данное доказательство), что лишь подтверждает необходимость регулирования данного вопроса в рамках главы 7 АПК РФ.

Представляется, что данная норма не в полной мере соответствует ч. 5 ст. 96 АПК РФ, устанавливающей правило, согласно которому после вступления судебного акта в законную силу арбитражный суд по ходатайству лица, участвующего в деле, выносит определение об отмене мер по обеспечению иска или указывает на это в судебных актах об отказе в удовлетворении иска, об оставлении иска без рассмотрения, о прекращении производства по делу. Как указывалось ранее, норма ч. 5 ст. 96 АПК РФ должна быть скорректирована.

Статья 177 АПК РФ регулирует вопрос направления решения суда участникам процесса. Согласно ч. 3 ст. 177 АПК РФ повторная выдача копий решения и других судебных актов лицам, участвующим в деле, оплачивается государственной пошлиной. Данная специальная норма не соответствует положениям налогового законодательства, которое не устанавливает размера государственной пошлины за повторную выдачу копии решения суда. На данное обстоятельство обращено внимание в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 12.03.2013 № 155 «О порядке выдачи копий документов»<sup>1</sup>. Следовательно, норму ч. 3 ст. 177 АПК РФ следует исключить из АПК РФ.

В ч. 4 ст. 180 АПК РФ расположена норма о вступлении в законную силу судебного приказа, которая не является частью комплекса норм данной статьи и не соответствует главе 20 АПК РФ, посвященной институту судебного решения. Ч. 1.1. ст. 182 АПК РФ, содержащая норму об исполнении судебного приказа, также не соответствует названной главе.

*Институт определений арбитражного суда* (глава 21 АПК РФ). В ст. 188 АПК РФ рассматривается вопрос обжалования определений арбитражного суда. Однако в ч. 5 ст. 188 АПК РФ установлен срок обжалования постановления суда апелляционной инстанции по результатам обжалования определения суд первой инстанции. Данная норма регулирует другой вопрос и должна быть изложена в виде специальной нормы в ч. 6 ст. 271 АПК РФ или в ст. 272 АПК РФ.

*Институт приказного производства* (глава 29.1. АПК РФ). Анализ процессуальных норм, регулирующих приказное производство, а также анализ

---

<sup>1</sup> Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

актов толкования и применения данных норм позволяет сделать вывод о недостаточном правовом регулировании приказного производства в арбитражном процессе. Небольшие и слаборазвитые комплексы процессуальных норм регулируют процессуальные отношения неполно, что приводит к перекосу правового регулирования в сторону актов толкования и обобщения судебной практики.

В п. 3 ч. 3 ст. 229.4. АПК РФ установлено, что арбитражный суд отказывает в принятии заявления о выдаче судебного приказа, если из заявления о выдаче судебного приказа и приложенных к нему документов усматривается наличие спора о праве. Вместе с тем, в ст. 229.1. – 229.2. АПК РФ отсутствует общая норма, закрепляющая бесспорность заявленного требования как обязательный критерий дел приказного производства. В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»<sup>1</sup> прямо указано, что требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными. Однако указанная общая норма должна быть изложена в законе, а не в акте его толкования. Кроме того, требование бесспорности заявления о выдаче судебного приказа не обеспечивается ни перечнем дел, которые рассматриваются в порядке приказного производства (ст. 229.2. АПК РФ), ни содержанием самого заявления и прилагаемыми к нему документами (ст. 229.3. АПК РФ). В обобщении судебной практики указывается, что при решении вопроса о принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа суд должен установить бесспорность требований, поскольку именно бесспорность является основной из предпосылок рассмотрения требований в порядке приказного производства<sup>2</sup>. Однако установить бесспорность заявленных требований невозможно в силу того, что на

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

<sup>2</sup> См.: вопрос 3 обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 6.

заявителя не возложена обязанность представить документы, подтверждающие их признание должником. Как отметил КС РФ, наличие признаков спора о праве в каждом конкретном деле устанавливается судьей, рассматривающим заявление о выдаче судебного приказа, который при наличии сомнений в бесспорном характере заявленных требований в целях защиты прав и интересов ответчика отказывает в принятии заявления, что не лишает заявителя права предъявить данное требование в порядке искового производства<sup>1</sup>. Таким образом, установление данных признаков остается в пределах усмотрения суда. Обобщение судебной практики показывает, что в одних случаях суды отказывают во взыскании, например, неустойки за нарушение условий договор, поскольку отсутствуют доказательства ее бесспорности<sup>2</sup>, в других случаях суды применяют презумпцию бесспорности и считают возможным рассмотрение начисленной неустойки<sup>3</sup>.

В ч. 5 ст. 229.5 АПК РФ содержится норма, согласно которой в случае, если возражения должника поступили в суд по истечении установленного срока, они не рассматриваются арбитражным судом и возвращаются лицу, которым они были поданы, за исключением случая, если это лицо обосновало невозможность представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от него. О возвращении документов, содержащих возражения должника, суд выносит определение. В п. 33 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 разъясняется, что в случае пропуска

---

<sup>1</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 N 785-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тищенко Константина Михайловича на нарушение его конституционных прав абзацем четвертым статьи 122 и пунктом 4 части первой статьи 125 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

<sup>2</sup> См.: Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2019 N 01АП-10549/2019 по делу N А11-13441/2019; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20.09.2019 N 02АП-8242/2019 по делу N А82-15640/2019; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 20.08.2019 по делу N А33-14849/2019.

<sup>3</sup> См.: Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 09.01.2020 N 01АП-11474/2019 по делу N А43-48167/2019; Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2020 N 05АП-441/2020 по делу N А24-8931/2019; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2020 N 12АП-17375/2019 по делу N А57-29284/2019.

десятидневного срока для представления возражений относительно исполнения судебного приказа должник вправе представить возражения относительно исполнения судебного приказа и за пределами указанного срока, обосновав невозможность представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от него. Таким образом, в силу специального характера вышеуказанных правил, общие правила о восстановлении пропущенного процессуального срока в данном случае не применяются, ходатайство о восстановлении срока не заявляется, должник обосновывает причины пропуска данного срока и просит принять указанные возражения, а судебный приказ отменить. Если суд не принимает указанные причины, то он возвращает документы, содержащие возражения должника. Нетипичность указанных процессуальных правил, а также слаборазвитость комплекса норм, регулирующих данный вопрос, приводит на практике к заявлению ходатайств о восстановлении срока на подачу возражений<sup>1</sup>. При этом суды рассматривают данное ходатайство и выносят соответствующее определение, которое может быть обжаловано (ч. 6 ст. 117 АПК РФ). В одном из постановлений апелляционного суда прямо указывается на то, что должником не заявлялось ходатайство о восстановлении срока на подачу возражений относительно исполнения судебного приказа и не обоснована невозможность представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от него<sup>2</sup>. Закон не предусматривает возможности обжалования определения о возвращении возражений должника относительно исполнения судебного приказа, поступивших по истечении установленного срока. Однако практикой такое обжалование допускается<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 24.05.2019 N 02АП-3555/2019 по делу N А82-25467/2018; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 11.02.2020 по делу N А33-21933/2019; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.07.2019 по делу N А33-2464/2019; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2020 N 04АП-7216/2019 по делу N А19-24698/2018.

<sup>2</sup> См.: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2018 N 18АП-5413/2018 по делу N А07-8229/2017.

<sup>3</sup> См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2019 N 17АП-18430/2019-АК по делу N А50-12334/2019; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2018 N 16АП-1810/2018 по делу N А61-250/2018; Постановление



*Институт упрощенного производства* (глава 29 АПК РФ). Статья 228 АПК РФ содержит набор процессуальных норм с нарушением связей между ними, не составляющих единый нормативный процессуальный комплекс. В данной статье регулируются различные процессуальные вопросы: принятие искового заявления; доказательственная деятельность участников процесса; правовые последствия нарушения процессуальных сроков; особенности рассмотрения искового заявления судом. Хаотичное изложение процессуальных норм нарушает функциональные связи между ними, приводит к сложности выявления общей и специальных норм в рамках конкретного процессуального комплекса. В результате правовое регулирование осуществляется неполно, с множеством пробелов, что, соответственно, требует его смещения в область толкования права. Так, в ч. 2 ст. 228 АПК РФ установлено, что в определении суда о принятии искового заявления к производству устанавливается не менее чем 15-дневный срок для представления отзыва и доказательств сторонами. Далее, в ч. 3 данной статьи правильно указывается на возможность сторон представлять доказательства в установленный срок. Однако в абз. 2 ч. 3 ст. 228 АПК РФ устанавливается правило о предоставлении дополнительных объяснений в срок, который устанавливается судом и не может составлять менее чем 30 дней с даты вынесения определения о принятии иска. Указанное специальное правило не соответствует правилу ч. 2 ст. 228 АПК РФ, в котором про 30-дневный срок ничего не говорится. Очевидно, что правило ч. 2 ст. 228 АПК РФ подлежит корректировке. Эта корректировка осуществлена в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве», в котором указывается, что в определении о принятии искового заявления к производству суд указывает на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства и устанавливает

следующие сроки представления участвующими в деле лицами в суд и друг другу доказательств и документов: 1) пятнадцать дней или более - как для представления ответчиком отзыва (возражений) на исковое заявление (заявление), так и для представления любым участвующим в деле лицом доказательств, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений; 2) тридцать дней или более - для представления только дополнительных документов, содержащих объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции, но не содержащих ссылки на доказательства, которые не были раскрыты в установленный судом срок.

Правила упрощенного производства не содержат запрета на участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, однако нормы ч. 2-5 ст. 228 АПК РФ относятся только к сторонам. В этой связи ВС РФ осуществлено распространительное толкование указанных норм, с формулированием дополняющего правоположения о правах третьих лиц и их взаимодействии с судом (п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10).

Статья 229 АПК РФ содержит несколько комплексов норм, регулирующих разные процессуальные вопросы: принятие решения; обжалование решения; вступление в законную силу решения суда. Данные нормы требуют более системного изложения. Многие из них требуют ограничительного или распространительного толкования. Например, норма ч. 4 ст. 229 АПК РФ, касающаяся срока обжалования решения, требует ограничительного толкования с учетом ч. 2 ст. 229 АПК РФ. Так, суд составляет мотивированное решение при поступлении апелляционной жалобы, которая может быть подана в 15-дневный срок со дня его принятия (ч. 2 и ч. 4 ст. 229 АПК РФ). Однако в ч. 4 ст. 229 АПК РФ установлено специальное правило, что в случае составления мотивированного решения арбитражного суда срок апелляционного обжалования исчисляется со дня принятия решения в полном объеме. Данное правило подлежит ограничительному толкованию, поскольку относится только к случаю составления мотивированного решения на основании заявления, но не в случае

подачи апелляционной жалобы на резолютивную часть. Несложно заметить, что в силу несовершенства правового регулирования, пятидневный срок подачи заявления об изготовлении мотивированного решения (абз. 2 ч. 2 ст. 229 АПК РФ) преодолевается путем подачи апелляционной жалобы на резолютивную часть решения (15-дневный срок) с последующим дополнением данной жалобы.

*Производство по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение* (глава 27 АПК РФ). В ч. 3 ст. 217 АПК РФ установлено правовое последствие возникновения спора о праве при рассмотрении дела в порядке особого производства в виде оставления заявления без рассмотрения. Однако отсутствует общая норма о бесспорном характере таких дел, которую следует изложить в статье 217 или 218 АПК РФ. В судебной практике данное общее правило выработано и применяется<sup>1</sup>, но это не исключает необходимость его оформления в законе. Норма ч. 3 ст. 217 АПК РФ является специальной, регулирует процессуальные последствия возникновения спора о праве. Данная норма не должна размещаться в ст. 217 АПК РФ, ее следует исключить. В ст. 221 АПК РФ сосредоточены процессуальные нормы, различные по объему. Нормы ч. 1, 3 по объему являются более широкими, так как касаются рассмотрения соответствующих дел в целом. Норма ч. 2 затрагивает только подготовку дела к судебному разбирательству, что не соответствует наименованию ст. 221 АПК РФ. Норма ч. 4 ст. 221 АПК РФ затрагивает судебное разбирательство и дублирует в ограниченном объеме норму ч. 3 ст. 217 АПК РФ. Таким образом, вышеуказанные нормы не состоят в едином процессуальном комплексе. В целях исправления указанного недостатка целесообразно изменить наименование ст. 221 АПК РФ на: «Подготовка дела к судебному разбирательству и судебное разбирательство по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение». Первоначально в данной статье следует изложить более общие правила, относящиеся как к

---

<sup>1</sup> См.: Решение Суда по интеллектуальным правам от 05.12.2014 по делу N СИП-785/2014; Постановление ФАС Уральского округа от 03.09.2012 N Ф09-6211/12 по делу N А07-22575/2011; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.01.2009 N Ф03-6263/2008 по делу N А24-2756/2008; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.12.2014 N Ф01-5139/2014 по делу N А79-4134/2014 и др.

подготовке, так и судебному разбирательству. Норму ч. 4 ст. 221 АПК РФ следует изложить более широко по примеру ч. 3 ст. 217 АПК РФ, так как спор о праве может быть выявлен не только в судебном разбирательстве, но и на этапе подготовки к нему, заявление может быть возвращено в предварительном судебном заседании.

### **§3. Практические аспекты оптимизации законодательства об административном судопроизводстве**

Поскольку Кодекс административного судопроизводства РФ также является законодательным актом, регулирующим цивилистический процесс, постольку сформулированные в настоящей работе выводы и положения в полной мере относятся и к данному законодательному акту, в рамках анализа которого можно также выявить и указать на имеющие место недостатки регулирования процессуальных отношений в связи с отсутствием необходимого баланса специализации и унификации права.

*Основные положения* (глава 1 КАС РФ). В комплексе норм статьи 3 КАС РФ в качестве общей нормы должна быть сформулирована цель административного судопроизводства – защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений. Далее должны устанавливаться задачи, посредством выполнения которых достигается данная цель.

В специальной норме ч. 2 ст. 4 КАС РФ закреплен запрет на принуждение к отказу от права на обращение в суд. Вместе с тем, недопустимо не только принуждение к отказу, но и сам отказ от права на обращение в суд не имеет юридических последствий в силу своей ничтожности<sup>1</sup>.

В статье 5 КАС РФ закреплен комплекс процессуальных норм, регламентирующих административную процессуальную правосубъектность.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Юдин А.В. Недействительность отказа от права на обращение в суд в цивилистическом процессе: теоретико-практические проблемы // Вестник гражданского процесса. 2017. N 3. С. 12, 14.

Определенные вопросы вызывает само наименование статьи, так как правоспособность, дееспособность и правосубъектность указаны в качестве самостоятельных категорий. Но, как известно, правосубъектность включает правоспособность и дееспособность, что также следует из ч. 7 ст. 5 КАС РФ. Комплекс норм ст. 5 КАС РФ относится к институту лиц, участвующих в деле, и должен быть перенесен в главу 4 КАС РФ (как это сделано в АПК РФ и ГПК РФ). В противном случае создается неверное впечатление, что и, например, свидетель тоже должен обладать процессуальной правосубъектностью<sup>1</sup>.

В статье 6 КАС РФ закреплен исчерпывающий перечень принципов административного судопроизводства. Закрытый характер перечня ставит вопрос о допустимости иных принципов в качестве принципов административного судопроизводства, в частности тех принципов, которые закреплены в Конституции РФ и иных процессуальных кодексах (осуществление правосудия только судом, единоличное и коллегиальное рассмотрение гражданских дел и другие).

В ч. 4 ст. 7 КАС РФ установлено специальное правило о придании гласности и доведении до сведения участников судебного разбирательства информации о внепроцессуальных обращениях. Порядок размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о внепроцессуальных обращениях утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.12.2013 N 241<sup>2</sup>. Согласно п. 1.4 Порядка информация о внепроцессуальных обращениях размещается на официальных сайтах федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов интернет-портала Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» в разделе «Внепроцессуальные обращения». Вместе с тем, для обеспечения возможности ознакомления с данной информацией

---

<sup>1</sup> В процессуальной литературе высказывается точка зрения, согласно которой категория процессуальной правоспособности относится исключительно к сторонам и третьим лицам (заинтересованным лицам по КАС РФ): см.: *Грось Л.А.* К вопросу о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности сторон и третьих лиц // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 10. С. 2-14.

<sup>2</sup> Бюллетень актов по судебной системе. 2018. N 5.

участников административного дела, в отношении которого данная информация поступила, следует дополнить данную ному обязанностью судьи, рассматривающего данное дело, сообщить участникам дела сведения о поступлении данной информации и месте ее размещения.

В статье 9 КАС РФ допускается явное отождествление законности и справедливости как принципа административного судопроизводства. Кроме того, в качестве критерия законности рассматривается не только правильное применение норм, но и их правильное толкование. Однако само по себе толкование не порождает для участников каких-либо правовых последствий. Если же в данном случае речь идет о казуальном толковании, то оно традиционно рассматривается в качестве составной части применения права.

В ч. 3 ст. 10 КАС РФ размещена норма о соблюдении сроков разбирательства административных дел, которая не является частью комплекса норм данной статьи. Категории разумного срока и процессуального срока рассмотрения дела не совпадают<sup>1</sup>. Размещение правила ч. 3 ст. 10 КАС РФ в рамках данного комплекса создают неверное понимание, что нарушение процессуального срока в качестве своего последствия ведет к нарушению разумного срока. Практика свидетельствует о неправильности такого толкования<sup>2</sup>. Поэтому норму ч. 3 ст. 10 КАС РФ следует изъять из данного комплекса норм и поместить в ст. 141 КАС РФ.

В статье 11 КАС РФ закреплён комплекс норм, регламентирующих принцип гласности судебного разбирательства. Следует отметить, что наименование статьи предполагает не только гласность, но и открытость судебного разбирательства, хотя категория гласности является родовой и включает в себя в том числе открытость судебного разбирательства<sup>3</sup>. Из этого исходят и другие

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Зуева Л.Ю.* О видах процессуальных сроков административного судопроизводства // *Административное право и процесс.* 2016. N 7. С. 9 - 11.

<sup>2</sup> См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2021 N 88а-13140/2021 по делу N 3а-1959/2020; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 по делу N 88а-7392/2021, 3а-761/2020.

<sup>3</sup> См., например: *Михайлов В.К.* Обеспечение открытости и гласности суда как гарантия независимости правосудия // *Журнал российского права.* 2022. N 2. С. 138 - 151.

процессуальные кодексы (ст. 241 УПК РФ<sup>1</sup>, ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ). Специальные нормы в ст. 10 КАС РФ размещены непоследовательно. За общей нормой об открытом судебном разбирательстве следует норма-изъятие об основаниях разбирательства в закрытом судебном заседании. Развитие данного комплекса прерывается специальными дополняющими нормами ч. 3, 4, 5 рассматриваемой статьи. После продолжается регламентация ситуации проведения закрытого судебного заседания. В отличие от АПК РФ и ГПК РФ, комплекс норм ст. 10 КАС РФ более развитый, что расширяет принцип гласности судебного разбирательства. Однако, если речь идет об осведомленности участников процесса о ходе рассмотрения дела, то норма ч. 3 ст. 10 КАС РФ больше относится к регламентации права на судебную защиту. Принцип гласности, как нам представляется, регламентирует возможность более широкой аудитории на участие в судебном разбирательстве и получении сведений о нем<sup>2</sup>. Поэтому информация о ходе судебного разбирательства должна быть доступна не только участвующим в деле лицам, но и широкому кругу общественности.

В статье 13 КАС РФ содержится единичная норма о непосредственном исследовании доказательств. Представляется, что данный принцип следует развивать и изложить более комплексно, в том числе с учетом ст. 10 АПК РФ. Считаем необходимым дополнить ст. 13 КАС РФ специальной нормой о том, что доказательства, которые не были предметом исследования в судебном заседании, не могут быть положены судом в основу принимаемого судебного акта. Данная специальная норма создает необходимую связь между принципом непосредственности и обоснованностью судебного акта. В силу ст. 310 КАС РФ основанием для отмены является, в том числе недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для административного дела. С учетом дополняющей нормы становятся понятными

---

<sup>1</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921; 2022. N 13. Ст. 1952.

<sup>2</sup> См., напр.: *Шумова К.А., Находнова А.Д.* Проблемы обеспечения принципа гласности и открытости в гражданском процессе // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2018. N 8. С. 8 - 12.

процессуально-правовые последствия нарушения принципа непосредственности в виде отмены судебного акта. В текущем изложении принципа непосредственности в единичной норме такие последствия неясны. Очевидно также то, что норма ч. 4 ст. 28 КАС РФ о разбирательстве дела с самого начала при замене судьи также относится к рассматриваемому принципу.

В статье 14 КАС РФ закреплены принципы состязательности и равноправия сторон. Несмотря на то, что в ст. 7 КАС РФ данный принцип именуется как состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда, из наименования ст. 14 КАС РФ элемент активности суда выпал, что формально порождает несоответствие общей нормы, перечисляющей принципы (ст. 7 КАС РФ), и нормы, его раскрывающей. Представляется, что элемент активности суда, ограничивающий состязательность сторон, мог и должен быть изложен в специальных нормах о том, что суд вправе самостоятельно истребовать доказательства в целях полного и объективного установления фактических обстоятельств административного дела. Суд не связан юридической квалификацией спорного публично-правового отношения и вправе изменить данную квалификацию с указанием на это сторонам и сообразно данным изменениям определить предмет доказывания. Сейчас же норма ч. 2 ст. 14 КАС РФ изложена весьма громоздко и нечетко. Например, дополнение данной нормы обязанностью суда принять меры для правильного применения законов вряд ли можно отнести к состязательности, так как это изложено в содержании принципа законности (ст. 9 КАС РФ).

Наименование статьи 16 КАС РФ об обязательности судебных актов гораздо уже содержания комплекса норм, содержащегося в данной статье, поскольку в последней речь идет не только об обязательности судебных актов, но и об обязательности распоряжений и указаний суда, выраженных в иной форме. Наименование данной статьи следует расширить. Норма ч. 1.1. ст. 16 КАС РФ не относится к данному комплексу норм, а регулирует способ и форму выполнения (изложения) судебного акта.



Нормы статьи 16.1. КАС РФ регламентирует переход к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства. Необходимость такой регламентации возникла в силу конкуренции порядков рассмотрения дел с принятием КАС РФ, что приводило к нарушению права на судебную защиту. Несмотря на важность данной статьи, ее анализ показывает, что включенные в нее нормы не составляют единый комплекс, поскольку регулируют различные процессуально-правовые ситуации. Переходу к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства посвящена лишь норма ч. 5 рассматриваемой статьи. При этом действие данной нормы неоправданно ограничено лишь этапом подготовки дела к судебному разбирательству. Остальные нормы регулируют пусть и смежные, но иные процессуальные отношения. Следовательно, данные нормы нужно поместить в соответствующие процессуальные комплексы (ст. 127 КАС РФ). Коллизионную норму ч. 1 ст. 16.1. КАС РФ можно оставить в рамках данной статьи.

*Подведомственность и подсудность административных дел судам* (глава 2 КАС РФ). В статье 17 КАС РФ закреплено общее правило о подведомственности административных дел судам общей юрисдикции и Верховному суду РФ. Также в виде оговорки сформулирована исключаящая норма о компетенции Конституционного Суда РФ. Исключаящая норма сформулирована неполно, так как к ведению судов общей юрисдикции также не относятся административные дела, относящиеся к компетенции арбитражных судов. Данный дефект нормативного регулирования устраняется в толковании посредством ссылки на ст. 29 АПК РФ<sup>1</sup>.

Комплекс норм, закрепленный в статье 19 КАС РФ, изложен с дефектами. Так, подсудность районных судов определяется по остаточному принципу, что само по себе не вызывает возражений. Но данная подсудность определяется также посредством исключения из компетенции данных судов административных дел, относящихся к ведению арбитражных судов, что нельзя признать правильным.

---

<sup>1</sup> См.: п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 1.

Во-первых, разграничение компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами не охватывается лишь категорией подсудности (КАС РФ использует также термин «подведомственность»<sup>1</sup>). Во-вторых, круг дел, относящийся к компетенции арбитражных судов, ограничивает не только подсудность районных судов, но и всех судов общей юрисдикции. Исходя из положений ст. 17 и 19 КАС РФ, административные дела, рассматриваемые арбитражными судами в порядке приказного производства (п. 3 ст. 229.2 АПК РФ), также могут быть рассмотрены мировыми судьями в соответствии со ст. 17.1 КАС РФ. Разграничить компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов в отношении административных дел, рассматриваемых в порядке приказного производства, помогает ч. 4 ст. 1 КАС РФ, в которой правильно указывается на неприменимость КАС РФ к рассмотрению дел, относящихся к компетенции арбитражных судов. Вместе с тем, данная общая норма затрагивает все же вопросы конкуренции законодательства и порядков рассмотрения административных дела, но не вопросы разграничения компетенции судебных органов. В этой связи исключаящая норма об ограничении круга административных дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, компетенцией арбитражных судов, должна быть сформирована к норме статьи 17, а не статьи 19 КАС РФ, которая должна разграничивать административные дела внутри системы судов общей юрисдикции.

В статье 26 КАС РФ регламентируется подсудность нескольких административных дел, связанных между собой. В ч. 1 данной статьи закреплена норма, относящаяся к альтернативной подсудности, поскольку речь идет не о нескольких административных делах, а о пассивном процессуальном соучастии. В случае, если требования к разным ответчикам не связаны друг с другом, то подсудность определяется по общим правилам. В соответствии с ч. 2 ст. 136 КАС

---

<sup>1</sup> О понимании подведомственности как распределительного механизма и ее необходимости на современном этапе см. подробнее: *Осинов Ю.К.* Подведомственность юридических дел: учебное пособие. Свердловск, 1973. 123 с.; *Воронов А.Ф.* Есть ли подведомственность? (Преподавание, наука, практика) // Вестник гражданского процесса. 2020. N 5. С. 13 – 46.

РФ одно из требований в таком случае подлежит выделению в отдельное производства. При этом подсудность административного дела по выделенному требованию определяется по общему правилу<sup>1</sup>.

Необоснованный, на наш взгляд, отказ от термина «подведомственность» породил немало вопросов не только теоретического, но и практического характера, в том числе по правильному толкованию норм процессуального права. При рассмотрении статьи 27 КАС РФ на первый взгляд кажется, что она содержит единый комплекс норм о передаче административного дела из одного суда в другой (суд общей юрисдикции или арбитражный суд). Но более глубокий анализ содержания данной статьи позволяет прийти к выводу, что в ней содержатся два смешанных между собой комплекса норм. Первый комплекс касается вопросов передачи дела внутри системы судов общей юрисдикции (передача дела по подсудности). Второй – регламентирует передачу дела из подсистемы судов общей юрисдикции в подсистему арбитражных судов (передача дела по подведомственности). Использование единой терминологии для обоих случаев и закрепление данных процессуальных правил без надлежащего разграничения, на наш взгляд, является недостатком законодательства, что объективно требует интенсификации деятельности по толкованию. Так, например, согласно ч. 4 ст. 27 КАС РФ административное дело, направленное из одного суда общей юрисдикции или арбитражного суда в другой суд общей юрисдикции или арбитражный суд, должно быть принято к рассмотрению судом, в который оно направлено. Споры о подсудности между судами в Российской Федерации не допускаются. Но если суд общей юрисдикции, установив неподведомственность ему административного дела, при передаче данного дела в арбитражный суд в порядке ч. 2.1 ст. 27 КАС РФ ошибся в территориальной подсудности данного дела конкретному арбитражному суду, то может ли арбитражный суд далее

---

<sup>1</sup> См., например: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2020 по делу N 88а-15901/2020; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2020 по делу N 88а-14698/2020, 2а-6685/2019; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 N 88а-5148/2021 по делу N 2а-2228/2020.

направить дело по подсудности с учетом правила о недопустимости споров о подсудности (ч. 4 ст. 27 КАС РФ)? Ответ на этот вопрос очевиден при разграничении вышеуказанных комплексов норм. Поскольку суд общей юрисдикции передал дело по подведомственности, то это не препятствует последующей передаче дела по подсудности арбитражным судом, никакого спора не возникает. Но в силу использования в ГПК РФ и АПК РФ единого термина подсудности в данном случае требуется ограничительное толкование нормы ч. 4 ст. 27 КАС РФ с формированием исключаящего правоинтерпретационного положения, что и сделано в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 за 2019 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019<sup>1</sup> (ответ на вопрос 2 процессуального блока). В связи с вышеизложенным представляется более правильным сформулировать на основе рассматриваемой статьи два комплекса процессуальных норм, регламентирующих, во-первых, передачу дела из одного суда в другой в рамках системы судов общей юрисдикции, во-вторых, передачу дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд.

*Состав суда. Отводы* (глава 3 КАС РФ). Статья 28 КАС РФ посвящена вопросу формирования состава суда для рассмотрения административного дела и содержит развитый комплекс норм, устанавливающих порядок формирования состава суда, а также замены судей. В литературе проводится сравнительный анализ соответствующих процессуальных норм<sup>2</sup>. Следует обратить внимание на то, что нормы о замене судьи являются универсальными и должны быть идентичны во всех цивилистических процессуальных кодексах. Такой унификации не наблюдается. В ч. 4 ст. 28 КАС РФ сформулированы две специальные нормы, которые требуют корректировки при толковании по объему. Во-первых, в ч. 4 ст. 28 КАС РФ закреплено правило об осуществлении судебного разбирательства с самого начала при замене судьи. Эта норма требует распространительного толкования, поскольку с самого начала должно

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

<sup>2</sup> См.: *Бортникова Н.А.* Замена судьи в различных видах судопроизводства // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.07.2022).

осуществляться не только судебное разбирательство, но и подготовка дела к судебному разбирательству. Исключение здесь составляют случаи замены «бокового» судьи при коллегиальном рассмотрении дела. В любом случае результаты подготовки дела существенно влияют на рассмотрение административного дела, поэтому замена судьи требует рассмотрения дела с самого начала. Суд является обязательным участником процесса и доказательственная деятельность (установление предмета доказывания, распределение обязанностей по доказыванию, сбор и представление доказательств) начинается с этапа подготовки дела к судебному разбирательству. Вновь вступивший в процесс судья должен быть погружен в данную деятельность. Во-вторых, норма о совершении процессуальных действий в порядке взаимозаменяемости требует ограничительного толкования с формированием исключаящего правоположения. Судья в порядке взаимозаменяемости не может совершать любое процессуальное действие, несмотря на относительно определенный характер диспозиции данной нормы с открытым перечнем. Так, в силу принципа непосредственности такой судья не вправе исследовать доказательства, в том числе допрашивать свидетеля. Не вправе он, на наш взгляд, назначать судебную экспертизу и формулировать вопросы эксперту. Взаимозаменяющий судья ограничен в своих полномочиях и не вправе реализовывать функцию правосудия по делу, которая непосредственно влияет на результат его рассмотрения.

В статье 29 КАС РФ содержится комплекс норм о единоличном и коллегиальном рассмотрении административных дел. Норма ч. 4 ст. 29 КАС РФ о коллегиальном рассмотрении дела в суде кассационной инстанции с учетом нормы ч. 2 ст. 327.1 КАС РФ требует формулирования оговорки «если иное не установлено настоящим Кодексом» по типу ч. 3 ст. 29 КАС РФ. При наличии общего правила ч. 5 ст. 29 КАС РФ о том, что при коллегиальном рассмотрении дела один из судей председательствует, норма ч. 4 ст. 29 КАС РФ содержит дублирование о судье, председательствующем в коллегиальном составе.

Статья 31 КАС РФ содержит основания для отвода (самоотвода) судьи. Сопоставление данного комплекса с аналогичными комплексами иных кодексов (ст. 16 ГПК РФ, ст. 21 АПК РФ) позволяет прийти к выводу о несовпадении оснований для отвода, что следует отнести к необоснованным правовым различиям, поскольку институт отводов обеспечивает реализацию конституционного положения о независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ). Представляется, что за основу должна быть взята модель, устанавливающая расширенный перечень оснований (ст. 21 АПК РФ) с необходимой корректировкой.

Норма ч. 3 ст. 34 КАС РФ требует дальнейшей специализации и указания на правовые последствия повторного заявления об отводе по ранее рассмотренным основаниям. На наш взгляд, такое заявление при устной форме должно быть занесено в протокол с указанием на отказ в его принятии и рассмотрении. При этом определение об отказе в удовлетворении заявления об отводе не выносится, так как повторное рассмотрение такого заявления судом не осуществляется.

Норма ч. 2 ст. 35 КАС РФ о рассмотрении заявления об отводе судьи тем же судьей является, на наш взгляд, ошибкой современного законодательного регулирования, так как не создает эффективный механизм принятия правильного процессуального решения<sup>1</sup>. Аналогичный вывод можно сделать и о норме ч. 4 ст. 35 КАС РФ, которая явно вступает в противоречие с ч. 3 ст. 35 КАС РФ. Если вопрос об отводе одного из судей состава решается остальными судьями без участия судьи, которому заявлен отвод, то отвод, заявленный двум судьям из трех, разрешается всеми судьями. Такой подход законодателя можно оправдать лишь процессуальной экономией, что нельзя считать обоснованным.

Статья 36 КАС РФ включает в свой состав специальные нормы, которые не в полной мере соответствуют субъектному составу лиц, подпадающих под отвод. При этом неясно какие последствия возникают при отводе секретаря, помощника судьи. Неясны также последствия отвода прокурора.

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Хитренко (Панченко) А.И.* Отвод судьи - гарантия беспристрастности суда при рассмотрении гражданских дел // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2017. N 7. С. 63 - 67.

*Лица, участвующие в деле, и другие участники судебного процесса* (глава 4 КАС РФ). В статье 37 КАС РФ установлен закрытый перечень участвующих в деле лиц, к которым относятся также стороны, прокурор, а также органы, организации и лица, обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц либо привлекаемые к участию в судебном процессе для дачи заключения по административному делу. То есть КАС РФ также, как и иные процессуальные кодексы, исходит из разграничения сторон и «публичных» участников гражданского процесса, инициировавших обращение в суд. В конечном итоге такие «публичные» участники приравниваются по своему процессуальному статусу к истцу (так называемый процессуальный истец), но реализация ими отдельных процессуальных прав имеет свою специфику (например, право на отказ от иска). Однако в силу ч. 2 ст. 38 КАС РФ прокурор также может являться административным истцом, если обращается в суд для реализации возложенных на него публичных функций. Таким образом допускается противоречие общей нормы ст. 37 КАС РФ и нормы ч. 2 ст. 38 КАС РФ, что приводит к смешению процессуального статуса публичного субъекта. Данное противоречие усугубляется положением ч. 4 ст. 39 КАС РФ, которая приравнивает статус прокурора, обратившегося в суд, к статусу истца с известными ограничениями (например, прокурор не может заключить соглашение о примирении). То есть закон предполагает возможность участия прокурора как административного истца, а также как субъекта, инициировавшего процесс. Понятно, что в первом случае законодатель имеет в виду отсутствие материального истца, когда процессуальный истец-прокурор единолично участвует в деле, но вряд ли даже в этом случае прокурор наделяется полным процессуальным статусом истца (например, прокурор-истец освобождается от уплаты госпошлины, с него не взыскиваются судебные расходы). В любом случае и при любой форме участия прокурора (прокурор – истец; прокурор, наделенный правами истца; и прокурор, вступивший в дело для дачи заключения) он имеет особый процессуальный статус, полностью не поглощаемый ни статусом административного истца, ни статусом заинтересованного лица. В литературе по

данному поводу правильно отмечается, что в случаях, когда законодатель называет прокурора в качестве истца, материально-правовые последствия возникают для соответствующего публичного образования. Однако законодатель отступает от данных доктринальных положений и в подобных ситуациях правами и обязанностями административного истца наделяет соответствующий орган либо должностное лицо. Кроме того, в некоторых случаях прокурор, а также органы, осуществляющие публичные полномочия, и должностные лица уполномочены обращаться в защиту публичных прав, свобод, законных интересов частных субъектов (граждан, юридических лиц и др.). Здесь статусом административного истца будут обладать именно эти частные субъекты, а публичные субъекты, обратившиеся в их интересах, хотя и наделяются процессуальными правами административного истца, в процессе тем не менее занимают совершенно самостоятельное место<sup>1</sup>. В этой связи «удвоение» статуса прокурора, инициировавшего процесс, следует признать не в полной мере оправданным, а противоречия процессуальных норм, возникшие в результате такого «удвоения», следует разрешать в пользу статуса прокурора как самостоятельного субъекта административного судопроизводства.

Статья 42 КАС РФ содержит несколько процессуальных комплексов, которые имеют некоторые недостатки. С одной стороны, нормы статьи об обращении в суд группы лиц с коллективным иском по своему содержанию явно выходят за рамки параграфа об участвующих в деле лицах, так как регламентируют процессуальные ситуации конкуренции коллективного и индивидуального исков. Коллективный административный истец также не назван в качестве участвующего в деле лица. Поэтому рассматриваемая статья посвящена, прежде всего, специфике реализации права на обращение в суд при коллективном иске. С другой стороны, данных норм явно недостаточно для регламентации особенностей рассмотрения коллективного административного искового заявления. КАС РФ пошел по пути формулирования общих норм статьи

---

<sup>1</sup> См.: Административное судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению "Юриспруденция" (специалист, бакалавр, магистр) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. М., 2016. С. 71.



42 без отдельной регламентации производства по коллективным (групповым) искам (ГПК РФ, АПК РФ). Очевидно, что на практике возникает множество ситуаций, ответов на которые в КАС РФ нет, что требует применения аналогии процессуального закона. Следует согласиться с мнением Р.О. Опалева о необходимости более системного и детального регулирования коллективного иска в рамках отдельной главы<sup>1</sup>.

Статья 46 КАС РФ регламентирует специальные (распорядительные) процессуальные права сторон административного судопроизводства. Ч. 1 ст. 46 КАС РФ<sup>2</sup> предоставляет истцу право на изменение основания или предмета административного иска. В отличие от аналогичных статей АПК РФ (ст. 49) и ГПК РФ (ст. 39) КАС РФ не указывает на возможность увеличить или уменьшить размер исковых требований. Неполнота законодательной регламентации привела к необходимости дополняющего толкования о праве административного истца уменьшить или увеличить размер требований имущественного характера<sup>3</sup>.

Статью 47 КАС РФ о заинтересованных лицах следует разместить перед ст. 45 КАС РФ, так как заинтересованные лица относятся к участвующим в деле лицам. Ч. 3 ст. 47 КАС РФ о процессуальных правах и обязанностях заинтересованных лиц нуждается в ограничительном толковании, так как они не вправе также увеличивать или уменьшать размер исковых требований.

Статья 49 КАС РФ содержит развитый, но непоследовательно изложенный комплекс норм, регламентирующий процессуальный статус эксперта. Нормы ст. 49 КАС РФ нуждаются в системном изложении согласно последовательности осуществления деятельности экспертом, а также системном толковании, поскольку вопрос участия эксперта в административном судопроизводстве

---

<sup>1</sup> См.: *Опалев Р.О.* Коллективные иски в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. N 2. С. 38.

<sup>2</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2021 г. N 2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.В. Тухты» // СЗ РФ. 2021. N 5. Ст. 956.

<sup>3</sup> См.: п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 11.

достаточно обширный. Например, согласно ч. 1 ст. 49 КАС РФ экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями, которому в установленном порядке поручено проведение экспертизы. Но каким образом устанавливается наличие специальных знаний у эксперта? Достаточно ли наличие документа об образовании или необходимы также иные квалификационные документы? Очевидно, что, если в силу нормативного регулирования эксперт для осуществления профессиональной деятельности помимо документа об образовании должен иметь также квалификационные документы (например, в сфере оценочной деятельности), то такие документы являются необходимыми для поручения конкретному лицу проведения соответствующей экспертизы. Однако в судебной практике встречается и иной подход. Например, Первый кассационный суд общей юрисдикции указал, что отсутствие у эксперта квалификационного аттестата на оценку недвижимости не означает, что он не обладает специальными знаниями, необходимыми для проведения по делу оценочной экспертизы<sup>1</sup>. Подобный подход позволит судам проявлять чрезмерное усмотрение в вопросе выбора эксперта.

Статья 50 КАС РФ посвящена процессуальному статусу специалиста как лица, содействующего осуществлению правосудия. Вместе с тем, статус специалиста как участника административного судопроизводства нельзя считать четко определенным. Представляется, что законодатель попытался объединить в данной статье две фигуры участника процесса. С одной стороны, специалист, имея необходимые навыки, может оказывать чисто техническую помощь судье, например, связанную с воспроизведением видеозаписи, осуществлением видеоконференц-связи и т.д. В этом случае специалистом обычно выступает работник самого суда, в котором рассматривается дело. С другой, - специалист как носитель специальных знаний вправе давать консультации и пояснения по поставленным судом вопросам. Например, «в рамках оказания помощи в оценке заключения эксперта специалист может указать на достаточность объектов и

---

<sup>1</sup> Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2020 N 88а-17491/2020 по делу N 3а-199/2019.

образцов для сравнительного исследования для дачи заключения; оценить методы, использованные при производстве судебной экспертизы, оборудование, с помощью которого реализованы эти методы; научную обоснованность экспертной методики, граничные условия ее применения, допустимость применения избранной методики в данном конкретном случае; обоснованность выводов эксперта, взаимосвязь и взаимообусловленность выводов и исследовательской части экспертного заключения и др.»<sup>1</sup>. В этом случае специалист предоставляет суду значимую по делу информацию без проведения отдельного исследования, то есть специалист выступает источником доказательственной информации, источником сведений о самих доказательствах (например, обоснованности заключения эксперта). Консультации и пояснения специалиста должны рассматриваться в качестве доказательства, хотя в ч. 4 ст. 169 КАС РФ установлено обратное. Считаем, что целесообразно дифференцировать процессуальный статус специалиста в зависимости от его роли в административном судопроизводстве.

Статья 51 КАС РФ посвящена процессуальному статусу свидетеля как участника административного судопроизводства. В ч. 4 ст. 51 КАС РФ закреплено, что не являются доказательствами сведения, сообщенные свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности. Однако данная норма не является частью процессуального комплекса ст. 51 КАС РФ, поскольку регламентирует оценку показаний свидетеля как доказательства, а не его процессуальный статус. Это подтверждается тем, что данная норма также дублируется в ч. 2 ст. 69 КАС РФ, посвященной свидетельским показаниям. Ч. 8 ст. 51 КАС РФ требует распространительного толкования, так как в случае неявки свидетель может быть подвергнут одновременно штрафу и принудительному приводу.

Статьи 52.1 и 53 КАС РФ содержат слаборазвитые комплексы процессуальных норм, в которых устанавливаются общие права и обязанности

---

<sup>1</sup> *Россинская Е.Р.* Некоторые проблемы оценки заключения судебной экспертизы судом // Судья. 2021. N 2. С. 16.

помощника судьи и секретаря судебного заседания, но не определяются их значимые признаки.

*Представительство в суде* (глава 5 КАС РФ). В ч. 3 ст. 55 КАС РФ закреплена процессуальная норма о подтверждении статуса представителя, которая не является частью комплекса норм ст. 55 КАС РФ, регламентирующего требования к представителям.

Ч. 4 ст. 56 КАС РФ содержит процессуальную норму, которая должна толковаться ограничительно. Согласно данной норме в случае назначения адвоката судом, он имеет ряд специальных полномочий, в том числе полномочия на подписание административного искового заявления, на изменение предмета или основания административного иска. Однако в силу ч. 4 ст. 54 КАС РФ случаи назначения судом адвоката реализованы в отношении административного ответчика, который указанными выше полномочиями не наделен. Кроме этого, назначение адвоката судом возможно лишь в рамках рассматриваемого дела, следовательно, если данная норма и применима к административному истцу, то только после возбуждения производства по административному делу, то есть после принятия административного искового заявления к рассмотрению. Отдельного производства по назначению адвоката судом до принятия административного искового заявления процессуальное законодательство не предусматривает.

*Доказательства и доказывание* (глава 6 КАС РФ). Статья 59 КАС РФ содержит понятие доказательств. Но ч. 2 данной статьи не в полной мере соответствует признакам доказательств, указанным в ч. 1, так как называет в качестве доказательств средства доказывания. Ч. 3 ст. 59 КАС РФ содержит процессуальную норму, относящуюся к комплексу норм о допустимости доказательств (ст. 61 КАС РФ), так как устанавливает условие недопустимости доказательства. Допустимость доказательств предполагает соблюдение процедуры получения доказательств и их исследования в порядке, определенном процессуальным законом. Недопустимое доказательство, т.е. полученное в нарушение установленного порядка, не может быть положено в основу судебного

акта<sup>1</sup>. Комплекс норм о доказательствах подлежит дальнейшей специализации и развитию. Так, например, М.А. Фокина считает, что в ст. 59 КАС РФ следует добавить норму, регламентирующую содержание ходатайства об исключении доказательства<sup>2</sup>. Данную идею следует поддержать. Однако, как нам представляется, вопрос исключения доказательства требует регулирования самостоятельным процессуальным комплексом.

Статья 60 КАС РФ содержит единичную процессуальную норму об относимости доказательств. Такую норму нельзя считать эффективной. На практике подобное определение относимости приводит к тому, что суды либо отказывают в приобщении к делу относимых доказательств, либо приобщают все документы и иные доказательства, чтобы избежать рассмотрения данного вопроса в вышестоящей инстанции. В данной статье не определены момент оценки судом доказательства на предмет его относимости (при рассмотрении вопроса о приобщении или в решении суда по административному делу), процессуальные последствия признания судом доказательства неотносимым и иные требующие внимания вопросы. Норма ст. 60 КАС РФ подлежит дальнейшей специализации как на законодательном, так и на правоинтерпретационном уровнях. Следует отметить, что некоторые вопросы получили раскрытие в рамках актов толкования процессуального права<sup>3</sup>.

Статья 61 КАС РФ, в отличие от ст. 68 АПК РФ и ст. 60 ГПК РФ, содержит комплекс процессуальных норм, а не единичную норму, что, безусловно, регулирует вопрос допустимости более полно. Несмотря на это, комплекс норм ст. 61 КАС РФ является слаборазвитым и требует, во-первых, включения в него правила ч. 3 ст. 59 КАС РФ, во-вторых, дальнейшей специализации как на

---

<sup>1</sup> См.: *Решетникова И.В.* Допустимость доказательств и активность суда в современном процессе доказывания // Вестник гражданского процесса. 2021. N 5. С. 55.

<sup>2</sup> См.: *Фокина М.А.* Доказательственное право в цивилистическом процессе: нереализованные возможности // Вестник гражданского процесса. 2019. N 1. С. 45.

<sup>3</sup> См., напр.: п. 78 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 11.

законодательном, так и на правоинтерпретационном уровнях<sup>1</sup>. Норма ч. 1 ст. 61 КАС РФ сформулирована чрезмерно широко и требует ограничительного толкования. Так, допустимость доказательства в данной норме определяется через соответствия его требованиям ст. 59 КАС РФ, которая в свою очередь в определении доказательств содержит не только признак допустимости, но и относимости.

Комплекс норм статьи 62 КАС РФ, регламентирующий распределение обязанностей по доказыванию, содержит норму об определении предмета доказывания (ч. 3), которая не относится к данному комплексу, но раскрывает признак (требование) относимости доказательства. Следовательно, данное требование должно быть изложено в ст. 59 КАС РФ либо в ст. 60 КАС РФ.

КАС РФ не содержит комплекса норм о представлении доказательств, что является пробелом в процессуальном регулировании, так как обязанность по доказыванию возложена на участвующих в деле лиц (ч. 1 ст. 62 КАС РФ). В данном законе имеется лишь общий комплекс норм об истребовании доказательств (ст. 63), а вопросы представления доказательств регламентируются применительно к отдельным средствам доказывания.

Статья 64 КАС РФ регламентирует случаи освобождения от доказывания. Ч. 3 ст. 64 КАС РФ требует ограничительного толкования в части преюдициального характера иных постановлений по уголовному делу. Как верно отмечает А.В. Юдин, «под понятие «постановление суда по уголовному делу» подпадает очень широкий круг решений. Одни из них (например, о назначении экспертизы) по определению не могут иметь преюдициального значения для гражданского процесса; другие - те, что претендуют на роль преюдициальных, - способны внести неопределенность в область гражданского или арбитражного процесса. Существовавшая до 1 октября 2019 г. практика использования таких актов в

---

<sup>1</sup> См., напр.: п. 25 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 11.

качестве письменных доказательств по гражданским делам являлась наиболее правильной»<sup>1</sup>.

КАС РФ не содержит комплекса норм об обеспечении доказательств (ст. 72 АПК РФ и ст. 64-66 ГПК РФ), что является пробелом. Е.А. Нахова в этой связи правильно отмечает, что данный пробел может быть устранен применением аналогии закона<sup>2</sup>.

Статья 70 КАС РФ содержит два комплекса процессуальных норм. Первый, - регламентирует понятие письменных доказательств и требования к ним (ч. 1, 1.1., 4, 6, 7 ст. 70 КАС РФ). Второй, - регулирует вопрос порядка представления письменного доказательства в суд (ч. 2, 3, 5 КАС РФ). Данные нормы должны быть изложены более последовательно сообразно предмету регулирования. Ч. 8 ст. 70 КАС РФ совместно со ст. 71 КАС РФ составляет комплекс процессуальных норм, регламентирующих порядок приобщения письменных доказательств и возвращения их подлинников.

Ч. 4 ст. 77 КАС РФ, закрепляющая закрытый перечень прав участвующих в деле лиц, подлежит распространительному толкованию, так как данные лица имеют и иные процессуальные права, например, право заявлять эксперту отвод (ст. 33, 34 КАС РФ), возражать против стоимости экспертизы и т.д.

Статья 84 КАС РФ, регламентирующая оценку доказательств судом, должна быть изложена перед нормами об относимости и допустимости доказательств, так как содержит общие правила оценки доказательств, в том числе на предмет их допустимости, относимости, достоверности. Комплекс норм о достоверности доказательства (ч. 4-7 ст. 84 КАС РФ) следует выделить в отдельную статью, наряду с относимостью и допустимостью, так как данный признак доказательства является обязательным и определяет один из критериев оценки доказательств.

---

<sup>1</sup> Борисова Е., Головки Л., Ярков В., Тай Ю., Ключевант В., Туманов Д., Юдин А., Ямпольский В. Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? // Закон. 2019. N 10. С. 28.

<sup>2</sup> См.: Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. N 4. С. 86.

*Меры предварительной защиты по административному иску* (глава 7 КАС РФ). Ч. 2 ст. 87 КАС РФ, регламентирующая оставление без движения заявления о применении мер предварительной защиты, требует ограничительного толкования в части оснований оставления без движения. Так, суд не вправе оставить заявление без движения на том основании, что заявление не содержит надлежащего обоснования причин применения мер предварительной защиты (п. 4 ч. 2 ст. 86 КАС РФ). В противном случае предполагается, что каждое заявление, не содержащее исчерпывающего для суда обоснования, подлежит оставлению без движения, что нельзя признать правильным. Если обоснование в заявлении содержится в принципе, но суд не находит оснований для применения мер предварительной защиты, то он должен отказать в их применении, а не оставлять заявление без движения.

Статья 91 КАС РФ содержит единичную норму о замене мер предварительной защиты со ссылкой на порядок, предусмотренный главой 7 КАС РФ. Данную норму нельзя признать эффективной, так как она не раскрывает основания для замены ранее принятой судом меры предварительной защиты на иную меру. Кроме того, глава 7 КАС РФ содержит несколько порядков рассмотрения заявлений по вопросу мер предварительной защиты. Во-первых, это порядок рассмотрения заявления о применении соответствующей меры, который не предполагает участия заинтересованных лиц (ст. 87 КАС РФ). Этот порядок также распадается на два: рассмотрение заявления и рассмотрение ходатайства, изложенного в административном исковом заявлении. Во-вторых, в ст. 89 КАС РФ регламентируется порядок рассмотрения вопроса об отмене меры предварительной защиты по заявлению участвующего в деле лица, который предполагает проведение судебного заседания. Представляется, что заявление о замене меры предварительной защиты должно рассматриваться в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 89 КАС РФ, поскольку заявитель должен иметь возможность обосновать свое заявление. Однако в п. 28 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»



содержится иное разъяснение о применимости порядка, указанного в ст. 87 КАС РФ. Таким образом получается, что если ответчик заявил об отмене обеспечительной меры, то такое заявление рассматривается в судебном заседании, если о замене, то без участия сторон.

*Процессуальные сроки* (глава 8 КАС РФ). Институт процессуальных сроков нуждается в более последовательном и системном изложении с формулированием комплексов норм, посвященных отдельным процессуально-правовым ситуациям. Так, например, в качестве правового последствия пропуска процессуального срока указывается погашение права на совершение процессуального действия (ч. 1 ст. 94 КАС РФ). Однако такое негативное последствие возникает при двух условиях: первое, - оно возникает в отношении участвующих в деле лиц и не распространяется на суд (суд обязан принять процессуальное решение и совершить процессуальное действия даже после истечения соответствующего срока), а также на лиц, содействующих осуществлению правосудия (эксперт обязан представить в суд заключение даже после истечения установленного судом срока для его представления); второе, - такое последствие возникает только лишь при истечении пресекательных сроков.

Статья 94.2 КАС РФ содержит единичную норму о продлении срока, назначенного судом. Порядок данного продления в законе не предусмотрен, что требует применения по аналогии закона порядка о восстановлении срока (ст. 95 КАС РФ).

*Судебные извещения и вызовы* (глава 9 КАС РФ). Глава 9 КАС РФ нуждается в более системном изложении с формированием процессуальных комплексов, регулирующих соответствующие процессуальные ситуации. Помимо этого, процессуальные комплексы данной главы имеют некоторые дефекты изложения.

Согласно норме ч. 8 ст. 96 КАС РФ публичные субъекты, являющиеся административными истцами, могут извещаться судом посредством размещения соответствующей информации в сети Интернет. Далее же следует норма о том, что публичные субъекты, являющиеся как административными истцами, так и

иными участвующими в деле лицами (ранее извещенные), должны самостоятельно получать информацию о ходе рассмотрения дела и несут риск неблагоприятных последствий неисполнения данной обязанности (ч. 9 ст. 96 КАС РФ). Однако норма об извещении публичных субъектов путем размещения информации сформулирована только в отношении административных истцов, а не в отношении иных участвующих в деле лиц. В результате имеется противоречие специальных норм, касающихся извещения публичных субъектов и правовых последствий неполучения ими информации о ходе рассмотрения дела самостоятельно. Судебная практика исходит из того, что публичный субъект, участвующий в деле, может извещаться судом посредством размещения информации<sup>1</sup>.

Норма ч. 6 ст. 99 КАС РФ, содержащая фикцию о надлежащем извещении, не относится к комплексу норм ст. 99 КАС РФ, регламентирующему вручение судебной повестки. Данная норма должна образовать отдельный комплекс о надлежащем извещении. В литературе также обращается внимание на необходимость дальнейшей специализации (детализации) процессуального законодательства в части порядка уведомления сторон и их извещения<sup>2</sup>.

*Судебные расходы* (глава 10 КАС РФ). Институт судебных расходов в силу достаточно широкого круга вопросов, подлежащих регламентированию, постоянно дополняется специальными нормами, а также специальными правоинтерпретационными положениями и отдельными разъяснениями<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 N 2-АПА19-15.

<sup>2</sup> См.: *Томилов А.Ю., Данилов Д.В.* Правовые пробелы процессуального порядка уведомления, извещения и обмена процессуальными документами в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. N 9. С. 106 - 118.

<sup>3</sup> См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 4; п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 11; п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2020. N 136; п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от

Причиной этому является не только множественность и широкий спектр процессуальных вопросов, связанных с судебными расходами, но и некоторые дефекты нормативного регулирования в связи с несоблюдением баланса унификации и специализации права, необеспечением системного и полного регулирования. Так, статья 106 КАС РФ содержит неисчерпывающий перечень судебных издержек. В данной статье не отражены расходы, понесенные судом, в связи с рассмотрением административного дела, хотя данные расходы также подлежат возмещению по правилам ст. 114 КАС РФ. Состав данных расходов даже ориентировочно не определен.

Статья 107 КАС РФ устанавливает льготы по возмещению судебных издержек в отношении отдельных категорий участников административного дела. Однако данная статья не содержит общего правила о том, кто должен компенсировать издержки в данном случае. Согласно ч. 1 ст. 111 КАС РФ такие издержки не подлежат присуждению со стороны, подпадающей под действие ст. 107 КАС РФ. Компенсация отдельных расходов осуществляется за счет бюджета (ст. 112 КАС РФ). Однако в отношении, например, оплаты услуг экспертам вопрос остается нерешенным.

Статья 111 КАС РФ содержит правило о распределении судебных расходов между сторонами. Однако нормы данной статьи регламентируют не только распределение расходов между сторонами, но и иными участвующими в деле лицами (ч. 2.2). Из содержания ч. 1 ст. 111 КАС РФ неясно распространяются ли льготы ст. 107 КАС РФ при распределении судебных расходов по делам о взыскании обязательных платежей и санкций. Остается неопределенным вопрос о применимости льгот ст. 107 КАС РФ в случаях отказа административного истца от иска, заключения соглашения о примирении (ст. 113 КАС РФ). Если норма ст. 107 КАС РФ сформулирована как императивная и в ней не приведены исключения, то она должна распространяться на все случаи, если иное прямо не

предусмотрено законом. Стороны в этом случае при заключении соглашения о примирении не могут нивелировать действие императивной нормы.

*Меры процессуального принуждения* (глава 11 КАС РФ). В статье 116 КАС РФ содержится общая норма о мерах процессуального принуждения, а также перечень данных мер. В п. 3 ч. 2 ст. 116 КАС РФ законодатель указывает на удаление из зала судебного заседания как меру процессуального принуждения. Однако в ст. 119 КАС РФ, раскрывающей основания для применения данной меры, она в значительной степени расширена и суд наделен правом не только удалить участника из зала судебного заседания, но и отключить его от видеоконференц-связи либо веб-конференции на время судебного заседания либо на его часть. Данное противоречие создает несовпадение общей и специальной нормы по объему и является дефектом правового регулирования.

В ч. 1 ст. 116 КАС РФ раскрываются признаки мер процессуального принуждения, основанием применения которых является процессуальное правонарушение (нарушение установленных в суде правил и препятствование осуществлению административного судопроизводства). Однако указанные в ч. 2 ст. 116 КАС РФ меры не являются однородными. Очевидно, что из перечня указанных в статье мер выделяется обязательство о явке, которое в силу своего содержания и оснований применения (ст. 121 КАС РФ) не соответствует признакам мер принуждения. В п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 также разъяснено, что применение такой меры не обусловлено установлением факта неисполнения процессуальной обязанности (совершения процессуального нарушения). Учитывая данное несоответствие ВС РФ в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 N 21<sup>1</sup> указал, что норма ч. 1 ст. 121 КАС РФ об основаниях применения обязательства о явке является специальной по отношению к общему правилу ч. 1 ст. 116 КАС, согласно которому меры процессуального принуждения в административном судебном процессе применяются к лицам, нарушившим установленные в суде

---

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 N 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. N 8.

правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства. Поэтому обязательство о явке при необходимости может быть применено к участникам процесса независимо от того, что данные лица ранее не нарушали процессуальных обязанностей, в том числе обязанности явиться в суд. Специальный характер нормы ч. 1 ст. 121 КАС РФ ВС РФ определил правильно, но не учел, что специальная норма должна быть уже по объему общей нормы и не выходить за пределы ее действия. Проблема заключается в том, что обязательство о явке, на наш взгляд, не является мерой процессуального принуждения. Иначе в качестве такой меры следовало бы назвать саму обязанность явки в суд.

Наименование статьи 117 КАС РФ не соответствует содержанию комплекса норм данной статьи, так как основания для применения мер процессуального принуждения в данной статье не указаны. Кроме этого, комплекс норм ст. 117 КАС РФ недостаточно специализирован, в нем имеются пробелы. В ч. 3 и 4 ст. 117 КАС РФ регламентируется лишь вопрос процессуального оформления применения мер процессуального принуждения, указанных в п. 1, 4-6 ч. 2 ст. 116 КАС РФ. При этом вопрос процессуального оформления мер, отраженных в п. 2-3 ч. 2 ст. 116 КАС РФ не разрешен. Не регламентируется данный вопрос также и в ст. 119 КАС РФ, раскрывающей основания применения данных мер. Не самую удачную попытку устранить данный пробел предпринял ВС РФ, который в результате распространительного толкования указал, что применение мер, указанных в п. 2-3 ч. 2 ст. 116 КАС РФ, оформляется в порядке ч. 4 ст. 117 КАС РФ, то есть отдельным определением, которое выносится в совещательной комнате и может быть обжаловано<sup>1</sup>. Представляется, что, допустив пробел в регламентации оформления применения указанных мер процессуального принуждения, законодатель предполагал, что в силу ч. 4 ст. 198 КАС РФ данный вопрос будет оформляться протокольным определением, которое отдельному обжалованию не подлежит и принимается в зале судебного заседания. Очевидно, что вряд ли стоит задействовать процедуру ч. 4 ст. 117 КАС РФ при

---

<sup>1</sup> См.: п. 45 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

предупреждении. Необходимость удаления в совещательную комнату, составления определения суда, его оглашения и возможность его обжалования в практическом смысле сделают данную меру неэффективной. Тем более, что применение данной меры несет больше психологические, а не имущественные последствия. В последующем ВС РФ ограничил применение вышеуказанного разъяснения, определив, что в отношении граждан, присутствующих в зале судебного заседания, но не являющихся лицами, участвующими в деле, удаление из зала судебного заседания оформляется протокольным определением<sup>1</sup>.

*Производство по административным делам о вынесении судебного приказа* (глава 11.1 КАС РФ). Законодательное регулирование приказного производства по административным делам страдает несистемностью, неполнотой и многочисленными дефектами, которые связаны как с построением нормативного материала, так и несоответствием регулирования фактическим отношениям. Обилие и неоднородность судебной практики по делам приказного производства свидетельствует о существенных дефектах правового регулирования.

Несмотря на то, что установление судом наличия между сторонами спора, является основанием для отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа (п. 3 ч. 3 ст. 123.4 КАС РФ), в законе отсутствует общая норма о бесспорности приказного требования. Кроме того, наличие спора о праве устанавливается судом из поданных взыскателем документов, суд не вправе запрашивать дополнительные документы и доказательства. Взыскатель может не прикладывать документы, подтверждающие наличие спора, например, ответ на требование о добровольном исполнении. Не решают данную проблему разъяснения, содержащиеся в п. 49 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36, согласно которым о спорности заявленных требований может свидетельствовать, в частности, поступление от должника возражений относительно данных требований, в том числе до вынесения судьей судебного приказа. Во-первых, право должника на представление в суд возражений против

---

<sup>1</sup> См.: п. 10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 N 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел».

требований взыскателя до вынесения судебного приказа в КАС РФ не предусмотрено. Во-вторых, в силу правового регулирования такие возражения представить в суд практически невозможно. Согласно ч. 3 ст. 123.3 КАС РФ взыскатель направляет должнику копию заявления о выдаче судебного приказа до обращения в суд. Судебный приказ выносится в течение пяти дней с даты поступления заявления в суд (ч. 1 ст. 123.5 КАС РФ). Соответственно, в силу срока доставки почтового отправления на дату вынесения судебного приказа должник в большинстве случаев копию заявления еще не получил. Ситуацию усугубляет то, что адрес должника также определяет взыскатель. Суд данные сведения не проверяет. Поэтому в ряде случаев почтовые отправления, в том числе и сам судебный приказ, направляются по адресу, по которому должник не проживает.

Согласно норме ч. 3 ст. 123.5 КАС РФ должник вправе представить возражения относительно исполнения судебного приказа в течение двадцати дней со дня его направления должнику. Однако дата получения судебного приказа в этом случае не учитывается. В литературе справедливо обращается внимание, что «исчисление срока при вынесении судебного акта в приказном производстве, когда стороны не вызываются в суд, не присутствуют на оглашении судебного акта и информируются о судебном акте только путем направления его копии, данная новелла выглядит достаточно дискуссионной»<sup>1</sup>.

В силу ч. 4 ст. 123.7 КАС РФ возражения должника, поступившие в суд после истечения срока, судом не рассматриваются. Однако предусмотрено исключение из данного правила, если должник обосновал невозможность представления возражений в соответствующий срок по независящим от него причинам. В рассматриваемой статье не указано каким образом происходит восстановление пропущенного срока. Либо срок не считается судом пропущенным и суд принимает такие возражения без процедуры его восстановления, либо подлежит применению порядок восстановления

---

<sup>1</sup> Матейчук В.И. Законодательная конструкция, терминология, процессуальные сроки апелляции и отмены судебного приказа в административном судопроизводстве // Российский судья. 2018. N 6. С. 55.

пропущенного срока, предусмотренный ст. 95 КАС РФ, предполагающий подачу соответствующего заявления. Не дает ответ на данный вопрос ВС РФ, который в п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 указывает, что по смыслу ст. 95, ч. 3 ст. 123.5, ч. 1,4 ст. 123.7 КАС РФ, пропущенный по уважительной причине срок представления возражений относительно исполнения судебного приказа подлежит восстановлению мировым судьей, о чем указывается в определении об отмене судебного приказа. Нужно ли в этом случае должнику ходатайствовать о восстановлении пропущенного срока, либо же в силу буквального толкования ч. 4 ст. 123.7 КАС РФ достаточно обосновать невозможность своевременного представления возражений в суд. В судебной практике встречаются случаи, когда суды указывают на отсутствие ходатайства должника о восстановлении пропущенного срока и на этом основании возвращают возражения<sup>1</sup>. Подобное толкование следует признать неверным, так как суд должен рассмотреть вопрос о принятии возражений при наличии в них обоснования невозможности подачи в установленный срок и при отсутствии ходатайства о восстановлении пропущенного срока (ч. 4 ст. 123.7 КАС РФ).

*Предъявление административного искового заявления* (глава 12 КАС РФ). В ч. 7 ст. 125 КАС РФ в зависимости от статуса административного истца установлены его право и обязанность направить копию административного искового заявления и приложенных к нему документов административному ответчику и иным участвующим в деле лицам заказным письмом с уведомлением о вручении либо вручить данные документы указанным лицам иным способом. Но в силу п. 1 ч. 1 ст. 126 КАС РФ к исковому заявлению прикладываются документы, подтверждающие вручение копии иска адресатам. Соответственно, право на обращение в суд может быть реализовано только после получения документов ответчиком. Представляется, что требование о подтверждении факта

---

<sup>1</sup> См.: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2021 N 88а-15986/2021 по делу N 2а-2169/2020; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 N 88А-7927/2021; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2021 N 88а-10289/2021; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2020 N 88А-4984/2020.



вручения копии иска на этапе обращения в суд является излишним, так как с даты направления почтой до даты вручения может пройти достаточно длительный период времени. Кроме того, административный истец не может приложить уведомление о вручении, если почтовое отправление не получено адресатом. Недостаток правового регулирования исправил ВС РФ путем распространительного толкования п. 1 ч. 1 ст. 126 КАС РФ, указав на то, что документы считаются доставленными (врученными) и в тех случаях, когда они поступили лицу, которому они направлены (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не были ему вручены или адресат не ознакомился с ними (п. 1 ст. 165.1 ГК РФ)<sup>1</sup>.

Статья 128 КАС РФ содержит комплекс норм, регламентирующих отказ в принятии административного искового заявления. Согласно ч. 3 данной статьи отказ в принятии препятствует повторному обращению в суд с таким административным исковым заявлением. Данное правило предполагает, что суд повторно поступившее административное исковое заявление, по которому ранее было отказано в принятии, не рассматривает. Однако в силу правила п. 4 ч. 1 ст. 128 КАС РФ суд должен повторно отказывать в принятии административного искового заявления. Данное определение также может быть обжаловано.

Статья 131 КАС РФ содержит комплекс процессуальных норм, регламентирующих предъявление встречного административного искового заявления. Данный комплекс является слаборазвитым, не в полной мере учитывает специфику рассматриваемых административных дел, а также требует дополнительной специализации, прежде всего, на правоинтерпретационном уровне с формированием как исключаяющих, так и дополняющих правоположений. Кроме того, рассматриваемая статья требует также структурной корректировки. Например, общая норма комплекса, устанавливающая право административного ответчика на предъявление встречного иска, размещена в ч. 2 ст. 131 КАС РФ после регламентации условий принятия судом встречного иска,

---

<sup>1</sup> См.: п. 55 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

что неверно. Некоторые процессуальные нормы, относящиеся к данному комплексу, расположены в других статьях закона (например, норма ч. 2 ст. 152 КАС РФ об отложении судебного разбирательства при подаче встречного административного искового заявления). Норма ч. 3 ст. 131 КАС РФ, устанавливающая порядок предъявления встречного административного искового заявления по общим правилам, нуждается в дальнейшей специализации, так как не регламентирует ряд вопросов, касающихся соблюдения досудебного порядка разрешения споров, конкуренции порядков рассмотрения первоначального и встречных требований. Не регламентирует закон также вопрос сроков рассмотрения дела при принятии встречного административного искового заявления к производству. Очевидно, что при принятии встречного иска рассмотрение дела должно начинаться с самого начала.

*Подготовка административного дела к судебному разбирательству* (глава 13 КАС РФ). Наименование статьи 132 КАС РФ не соответствует содержанию размещенных в ней норм. Во-первых, несмотря на наименование, в статье не определены задачи этапа подготовки, но указывается только его цель – обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела. Во-вторых, данная статья содержит и иные процессуальные нормы об обязательности подготовки, порядке ее проведения. С содержательной точки зрения совокупность данных норм, которые не составляют единый процессуальный комплекс, следует разделить на два блока. Первый, - «цели и задачи подготовки» должен устанавливать не только цель подготовки, но и определять ее задачи (например, ст. 148 ГПК РФ). Второй, - регулировать порядок и сроки подготовки административного дела к судебному разбирательству, то есть необходимо объединить соответствующие нормы ст. 132 и 134 КАС РФ в единый комплекс с дополнительной специализацией.

Статья 135 КАС РФ регулирует действия сторон и суда при подготовке административного дела к судебному разбирательству. С точки зрения наименования и содержания данная статья является неполной. Так, исходя из наименования, в статье регулируются только действия сторон и суда, но не

регламентируются действия иных участвующих в деле лиц, например прокурора, заинтересованных лиц. Вместе с тем, данные субъекты также участвуют в подготовке, в том числе являются активными субъектами доказательственной деятельности. Следует также обратить внимание на закрытые перечни процессуальных действий административного истца (ч. 1 ст. 135) и ответчика (ч. 2 ст. 135), что не соответствует норме ч. 1 ст. 133 КАС РФ об указании судом в определении соответствующих действий участников процесса в рамках подготовки. Норма ч. 1 и 2 ст. 135 КАС РФ требует открытых перечней действий сторон, так как суд в определении может указать на иные действия, которые требуется совершить сторонам.

Отдельные действия сторон, указанные в ст. 135 КАС РФ нуждаются в правоинтерпретационной специализации посредством распространительного и ограничительного толкования. Например, в п. 1 ч. 1 ст. 135 КАС РФ указывается на то, что истец передает копии документов ответчику, которые ранее не были приложены к административному исковому заявлению. Это положение закона содержит специальную исключаящую норму в форме оговорки, согласно которой истец выполняет данное действие, если не освобожден от обязанности доказывать соответствующие обстоятельства. Данная оговорка сформулирована неверно и ее действие следует нивелировать посредством системного толкования процессуального закона. Административный истец действительно не обязан доказывать отдельные обстоятельства дела, если на него такая обязанность не возложена, но если все же административный истец представляет дополнительные доказательства в отношении обстоятельств, которые он доказывать не обязан, то он также должен совершить действие по раскрытию данных доказательств. Как показывает судебная практика, административные ответчики нередко ссылаются на неполучение доказательств, приложенных к иску либо представленных истцом позднее<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 24.10.2018 по делу N 33а-18804/2018; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 02.08.2018 по делу N 33а-13881/2018; Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2020 N 88А-3119/2020 и другие.

Анализ содержания норм, включенных в институт подготовки дела к судебному разбирательству, позволяет сделать вывод от том, что глава 13 КАС РФ содержит нормы, которые не относятся к институту подготовки. Например, нормы ст. 136 КАС РФ, регулирующие вопрос объединения административных дел и выделения административных исковых требований, нельзя отнести к этапу подготовки, так как данные процессуальные действия могут быть совершены и на этапе судебного разбирательства. Кроме того, ряд вопросов, связанных с данными процессуальными действиями, законодательно не регламентируются, что требует дополнительной специализации на уровне толкования права. Непонятно, например, каким образом формируются материалы дела при выделении административных исковых требований.

Нормы ст. 137 – 137.7 КАС РФ также не относятся к институту подготовки, но должны составлять самостоятельный институт, организационно обособленный отдельной главой закона. Данный институт должен содержать общие нормы, связанные с правом сторон урегулировать спор на любой стадии административного судопроизводства, принципами и условиями урегулирования. На текущий момент нормы института примирения изложены непоследовательно.

Предварительное судебное заседание в силу положений ст. 135 КАС РФ необязательно<sup>1</sup>. Как указано в п. 11 ч. 3 ст. 135 КАС РФ, вопрос о необходимости проведения предварительного судебного заседания разрешается судом. Однако в ч. 1 ст. 138 КАС РФ императивно указываются цели-основания проведения предварительного судебного заседания. Данные цели совпадают с общими задачами подготовки дела, чего быть не должно. Например, цели уточнения обстоятельств; определения достаточности доказательств по административному делу; выяснения возможности урегулирования административного спора совпадают с задачами этапа подготовки дела. Соответственно, возникает вопрос о необходимости предварительного судебного заседания и порядка определения такой необходимости судом. Цели-основания, указанные в п. 3 и 4 ч. 1 ст. 136

---

<sup>1</sup> См. п. 58 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

КАС РФ нуждаются в дополнительной специализации на уровне толкования права, так как неизвестно, что понимается под распорядительными действиями сторон. Ограничены ли данные действия лишь ст. 157 КАС РФ, либо их следует понимать более широко.

В ч. 1 ст. 139 КАС РФ содержится норма, которая не соответствует содержанию и предполагаемым задачам подготовки дела. Так, в определении о назначении административного дела к судебному разбирательству суд разрешает вопрос о привлечении к участию в данном административном деле заинтересованных лиц. Данным определением оканчивается подготовка дела и осуществляется переход к этапу судебного разбирательства. Однако в силу ч. 1 ст. 133, ст. 37 КАС РФ заинтересованные лица являются участниками подготовки административного дела к судебному разбирательству. Данная норма вступает в противоречие с нормой п. 3 ч. 1 ст. 45 КАС РФ, согласно которой заинтересованные лица как участники процесса вправе знакомиться с доказательствами до начала судебного разбирательства. Кроме того, в силу ч. 3 ст. 47 КАС РФ в случае, если заинтересованное лицо вступило в административное дело или привлечено к участию в административном деле после начала судебного разбирательства, подготовка к судебному разбирательству и судебное разбирательство начинаются сначала. По смыслу вышеуказанных норм суд должен вынести определение о привлечение заинтересованных лиц до момента окончания подготовки, обеспечив им участие в рамках данной стадии процесса. Данные нормы создают коллизию специальных норм, которую необходимо разрешить в пользу обеспечения участия заинтересованных лиц в подготовке административного дела к судебному разбирательству.

Норма ч. 1 ст. 139 КАС РФ также не согласована с ч. 2 данной статьи. Если на основании названного определения суд привлекает заинтересованных лиц, то это должно быть безусловным препятствием для перехода к рассмотрению дела в судебном заседании, что в ч. 2 ст. 139 КАС РФ не указано. Соответственно, в данном случае следует сформулировать специальное правоположение,

исключающее возможность перехода при привлечении заинтересованных лиц к участию в деле.

*Судебное разбирательство* (глава 14 КАС РФ). Статьи 150, 151, 152 КАС РФ содержат во много дублирующие нормы об основаниях отложения судебного разбирательства. Данные нормы следует разбить на несколько процессуальных комплексов с системным изложением. Первый комплекс должен касаться последствий неявки в суд участников процесса. В рамках данного комплекса должна быть сформулирована общая норма о том, что неявка в судебное заседание надлежаще извещенных участников процесса не является препятствием для рассмотрения и разрешения административного дела по существу. Далее должны следовать специальные исключаяющие нормы о необходимости отложить судебное разбирательство при соответствующих обстоятельствах (ч. 1 ст. 150 КАС РФ). Далее должна быть дополняющие нормы о применении мер процессуального принуждения. Отложение судебного разбирательства должно быть регламентировано отдельно более структурированно, не допуская дублирования и двойственного толкования. В рамках данного комплекса следует урегулировать право и обязанность суда отложить судебное разбирательство с перечислением соответствующих оснований. Дополняющие нормы должны регламентировать порядок оформления и правовые последствия совершения данного процессуального действия.

Единичные нормы ст. 153, 155 КАС РФ следует объединить в единый процессуальный комплекс, который должен регулировать вопрос разъяснения процессуальных прав участников административного судопроизводства. В рамках данного комплекса необходимо указать не только на обязанность председательствующего разъяснить процессуальные права и обязанности соответствующим участникам, но и указать временной период данного действия – до начала рассмотрения административного дела по существу. Также данный комплекс нуждается в дополняющих нормах. Во-первых, в случае, если лицо привлекается или допускается к участию к судебному разбирательству, то председательствующий разъясняет ему права и обязанности отдельно. Во-вторых,

если председательствующий не разъяснил права и обязанности, то он вправе перейти к данному этапу, разъяснить права и начать рассмотрение дела по существу с начала. В-третьих, необходимо установить возможность повторного разъяснения соответствующих прав и обязанностей в ходе рассмотрения дела, если возникла такая необходимость. В-четвертых, необходимо указать на соответствующие негативные процессуальные последствия неисполнения председательствующим данной обязанности.

Статья 154 КАС РФ содержит слаборазвитый комплекс, состоящий из двух процессуальных норм. Данный комплекс нуждается в дальнейшей специализации, в том числе на нормативном уровне. Необходимо установить период заявления ходатайств, разрешение несвоевременно заявленных ходатайств, злоупотребление при заявлении ходатайств и их правовые последствия, срок рассмотрения ходатайств председательствующим и другие процессуальные вопросы. Следует согласиться с мнением Л.Ю. Зуевой, что «отсутствие законодательно установленного порядка заявления, рассмотрения и разрешения ходатайства, в свою очередь, может послужить причиной неконтролируемого усмотрения, совершения действий и принятия решений, нарушающих права и законные интересы лиц, заявляющих ходатайство, стать препятствием для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решения судьи»<sup>1</sup>. Однако мнение Л.Ю. Зуевой о том, что норма ст. 154 КАС РФ является специальной представляется необоснованным<sup>2</sup>. Во-первых, не ясно по отношению к какой норме ст. 154 КАС РФ является специальной. Автор указывает в качестве общего правила на ст. 45 КАС РФ, предусматривающую право участвующего в деле лиц заявлять ходатайства. Но ст. 154 КАС РФ регламентирует не порядок реализации данного права, а порядок рассмотрения ходатайства судом на этапе судебного разбирательства. То есть вышеуказанными нормами регламентируются разные процессуальные действия. Во-вторых, сам автор правильно указывает на отсутствие полного и системного регулирования вопросов заявления и

---

<sup>1</sup> Зуева Л.Ю. Ходатайства в административном судопроизводстве // Административное право и процесс. 2017. N 7. С. 35.

<sup>2</sup> См.: там же. С. 37.

разрешения ходатайств. При этом отмечается, что порядок рассмотрения ходатайств регламентируется фрагментарно применительно к отдельным разновидностям ходатайств, что свидетельствует об отсутствии общего и универсального порядка рассмотрения и разрешения ходатайств. Данное обстоятельство подтверждает, что специальный характер нормы ст. 154 КАС РФ установлен безотносительно и при отсутствии общего порядка рассмотрения и разрешения ходатайств.

Статья 156 КАС РФ содержит нормы, не относящиеся к единому комплексу. Так, норма ч. 2 ст. 156 КАС РФ не регламентирует начало рассмотрения дела по существу, а устанавливает способ исследования доказательства. Это подтверждается также тем, что данная норма дублирует норму ч. 2 ст. 159 КАС РФ. Норма ст. 158 КАС РФ должна быть изложена в рамках комплекса норм ст. 156 КАС РФ.

Норма ч. 1 ст. 157 КАС РФ устанавливает, что соответствующие процессуальные (распорядительные) действия сторон заносятся в протокол либо приобщаются к административному делу, если они оформлены в письменной форме. Данная норма вступает в противоречие с нормой ч. 3 ст. 137 КАС РФ, согласно которой соглашение о примирении заключается в письменной форме и подписывается сторонами. Таким образом, процессуальный закон, с одной стороны, устанавливает возможность устного согласования сторонами условий соглашения о примирении, с другой, - требует письменную форму данного соглашения.

В ч. 3 ст. 157 КАС РФ содержится норма о том, что в определении суда должны быть указаны условия утверждаемого соглашения о примирении сторон. Данная норма дублирует норму п. 2 ч. 9 ст. 137.1 КАС РФ. Однако норма ч. 3 ст. 157 КАС РФ сформулирована как императивная с определенной диспозицией, что противоречит норме ч. 9. ст. 137.1 КАС РФ, устанавливающей более широкое содержание определения суда. Указанную норму из ч. 3 ст. 157 КАС РФ следует исключить.



Наименование статьи 168 КАС РФ не соответствует содержанию расположенных в ней норм. В рамках данной статьи не регламентируется вопрос назначения дополнительной или повторной экспертизы.

Статья 169 КАС РФ регламентирует консультацию специалиста. Данная статья расположена в ряду статей об исследовании доказательств. В рамках данной статьи рассматриваются вопросы о форме консультации специалиста, порядке ее исследования, правах иных участников. Однако в ч. 4 ст. 169 КАС РФ установлено, что консультация специалиста не является доказательством, что делает ее процессуальный статус неопределенным. Возникает вопрос о необходимости исследования и получения консультации специалиста, если последняя не является доказательством.

*Решение суда* (глава 15 КАС РФ). В ст. 176 КАС РФ содержится слаборазвитый комплекс норм, не раскрывающий законность и обоснованность решения суда. Данный комплекс норм системно связан как с общими принципами административного судопроизводства, так и с основаниями для отмены судебных актов. Однако, если основания для отмены судебных актов (ч. 2, 3 ст. 310 КАС РФ) раскрывают негативную составляющую, выраженную в наличии в судебном акте соответствующего дефекта, то ст. 176 КАС РФ должна раскрывать положительную составляющую как соответствие судебного решения названным требованиям и критериям. Кроме того, ч. 1 ст. 176 КАС РФ не в полной мере соответствует общей норме ст. 9 КАС РФ, устанавливающей не только принцип законности, но и справедливости. Если судопроизводственная деятельность должна осуществляться на началах справедливости, то и окончательный судебный акт должен отвечать данному требованию. В ч. 2 ст. 176 КАС РФ содержится норма, которая подлежит дальнейшей специализации с формированием как исключających, так и дополняющих процессуальных норм и правоположений. Так, например, норма ч. 2 ст. 176 КАС РФ не применима в тех случаях, когда судебное заседание не проводится (при упрощенном производстве). Данная норма также не должна применяться в том случае, если в судебное заседание не явились участвующие в деле лица. Необходимо также

дополнить норму ч. 2 ст. 176 КАС РФ правилом о том, что рассмотрение судом вопроса о приобщении доказательства не свидетельствует об исследовании и данное доказательство не может быть положено в основу решения.

Нормы статьи 177 КАС РФ устанавливают возможность изготовления мотивированного решения в течение десяти дней со дня окончания судебного разбирательства. Однако прямо не указано в какую дату решение считается принятым, в том числе в окончательной форме. На практике часто возникают ситуации, когда в силу загруженности судьи нарушают срок изготовления мотивированного решения, указывая в последующем дату изготовления решения неверно. Это существенно влияет на реализацию права на обжалование решения в апелляционном порядке в контексте сроков подачи жалобы. Участвующие в деле лица вынуждены еще до изготовления мотивированного решения обращаться в суд с заявлением о предоставлении его копии, чтобы зафиксировать срок обращения с целью последующего восстановления срока апелляционного обжалования. Специализация норм ст. 177 КАС РФ на уровне их толкования с формулированием соответствующих правоположений сообразно различным процессуально-правовым ситуациям способствовало бы недопущению нарушения права на обжалование судебного решения. Следует также отметить, что КАС РФ в рассматриваемой главе не содержит комплекса норм, посвященных обжалованию судебного решения по типу ст. 181 АПК РФ. Представляется, что данный комплекс норм способствовал бы правильному пониманию и толкованию норм об обжаловании судебного решения.

Статья 178 КАС РФ содержит комплекс норм, регламентирующих вопросы, разрешаемые судом при принятии решения. Однако норма ч. 4 данной статьи, устанавливающая возможность возобновления судебного разбирательства, не относится к данному комплексу. Ее следует перенести в ст. 174 КАС РФ. Следует также обратить внимание на то, что формулировка «о возобновлении судебного разбирательства» является неверной, так как противоречит содержанию судебного разбирательства, которое оканчивается объявлением решения (ст. 174 КАС РФ). Поэтому суд при необходимости выяснения новых обстоятельств

возобновляет не судебное разбирательство, которое еще не окончено, а возобновляет рассмотрение административного дела по существу по аналогии со ст. 172 КАС РФ.

Статья 184 КАС РФ регламентирует порядок исправления недостатков решения (описок, опечаток, арифметических ошибок) в порядке самоконтроля суда первой инстанции. В ч. 2 данной статьи указано, что вопрос исправления недостатков решения может быть поставлен как участвующими в деле лицами, так и самим судом. В ч. 2.1 ст. 184 КАС РФ устанавливается порядок рассмотрения вопросов об исправлении решения на основании заявления участвующих в деле лиц, сроки рассмотрения данного заявления. Однако ни порядок, ни сроки рассмотрения вопроса об исправлении решения по инициативе самого суда не регламентируются, что требует специализации в форме дополняющей нормы.

*Приостановление производства по административному делу* (глава 16 КАС РФ). Статьи 190 и 191 КАС РФ содержат основания для приостановления производства по административному делу (право и обязанность суда) с указанием на обстоятельства окончания приостановления. Таким образом законодатель четко определяет период приостановления производства по делу. Однако в п. 8 ч. 1 ст. 191 КАС РФ обстоятельство окончания приостановления не определено, что требует установления данного обстоятельства на правоинтерпретационном уровне. К таким обстоятельствам следует отнести представление в суд результата реализации примирительной процедуры (в том числе акта сверки взаимных расчетов), истечение срока ее проведения, а также обращение в суд любой из сторон с заявлением о возобновлении производства по административному делу в связи с невозможностью реализации примирительной процедуры. Обстоятельство возобновления не определено также в п. 9 ч. 1 ст. 191 КАС РФ.

Статья 192 КАС РФ содержит единичную норму о возобновлении производства по делу, которую следует признать неэффективной. В силу данной нормы производство по делу может быть возобновлено в том числе по инициативе суда. Однако по общему правилу в период приостановления

производства по делу суд не вправе совершать процессуальные действия. Очевидно, чтобы возобновить производство по делу суд должен получить информацию о наступлении соответствующего обстоятельства (или его прекращении). При этом суд вправе как обязать стороны предоставить данную информацию, так и запросить ее самостоятельно. Данную дополняющую норму о праве суда истребовать сведения об обстоятельствах, с которыми закон связывает возобновление производства по административному делу, следует включить в комплекс норм ст. 192 КАС РФ.

*Определения суда* (глава 19 КАС РФ). П. 7 ч. 1 ст. 199 КАС РФ об указании в определении суда в виде отдельного судебного акта на порядок и срок обжалования подлежит ограничительному толкованию с формулированием исключаящего правоположения, так как в силу ч. 3 ст. 198 КАС РФ не любое определение, выносимое в виде отдельного судебного акта, подлежит обжалованию. Кроме того, ч. 1 ст. 199 КАС РФ необходимо дополнить, что в определении, которое обжалованию не подлежит, указывается на данное обстоятельство.

Ч. 4 ст. 200 КАС РФ не является частью комплекса ст. 200 КАС РФ, регламентирующей вопрос частных определений. В этой связи единичную норму ч. 4 ст. 200 КАС РФ необходимо либо дополнить, указав, что в случае выявления признаков преступления суд также выносит частное определение и направляет его с прилагаемыми документами в соответствующие правоохранительные органы, либо изложить отдельно самостоятельным комплексом с указанием порядка и формы направления. В практической деятельности данный вопрос решается не единообразно. Например, в п. 21 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания»<sup>1</sup> разъясняется, что, если в ходе рассмотрения административного дела, связанного с нарушением условий содержания лишенных свободы лиц, суд обнаружит в действиях (бездействии)

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

органов или учреждений, а также должностных лиц признаки преступления, ему следует направить соответствующую информацию (например, копию протокола судебного заседания либо выписку из него) в органы дознания или предварительного следствия для принятия решения в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. При этом ВС РФ не указал на необходимость составления частного определения. Однако в п. 5 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020)<sup>1</sup> указывается, что, если при рассмотрении дела суд обнаружит в действиях стороны, других участников процесса, должностного или иного лица признаки экономического преступления, суд сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия, в том числе направляет копию соответствующего частного определения.

Ч. 1 ст. 201 КАС РФ о направлении определения суда участникам процесса и иным лицам посредством размещения в сети «Интернет» требует ограничительного толкования с формулированием исключаящего правоположения, так как КАС РФ может содержать иные правила направления определения. В этой связи в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 сформулировано положение, согласно которому независимо от способа извещения о времени и месте проведения судебных заседаний по административному делу лицам, участвующим в деле, направляются копии судебных актов по административному делу, в том числе копии определений о принятии административного искового заявления к производству, о подготовке административного дела к судебному разбирательству, о возобновлении производства по административному делу.

Статья 203 КАС РФ содержит слаборазвитый комплекс норм, требующий дальнейшей специализации, так как не регламентируется вопрос исполнения определения суда. С одной стороны, в рассматриваемой статье разрешен вопрос о вступлении в законную силу определения по истечении срока его апелляционного

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12.

обжалования. При применении по аналогии закона нормы ст. 187 КАС РФ определение должно исполняться после вступления в законную силу. С другой, - в отношении определений законодателем применяется иная конструкция исполнения определения, которая не связана с вступлением его в законную силу. Например, согласно ст. 187 АПК РФ определение подлежит по общему правилу немедленному исполнению. Такую же позицию, видимо, занимает законодатель и в отношении определений, выносимых в рамках административного судопроизводства, что следует из толкования ст. 88, 90, 188 КАС РФ, которые предусматривают правило о том, что подача жалобы на соответствующее определение суда не приостанавливает его исполнение. Соответственно, определение суда подлежит исполнению немедленно, если иное прямо не указано в законе и самом определении.

*Протоколы* (глава 20 КАС РФ). Норма ч. 3 ст. 207 КАС РФ устанавливающая, что замечания на протокол и аудиозапись судебного заседания или отдельного процессуального действия, представленные по истечении трехдневного срока, судом не рассматриваются и возвращаются представившему их лицу, требует ограничительного толкования. При обосновании уважительности пропуска указанного срока суд должен данный срок восстановить и рассмотреть замечания на протокол. В противном случае данная норма ограничивает право участвующего в деле лица принести замечания на протокол. В практике судов нередко встречаются случаи, когда протокол готовится и подписывается несвоевременно с указанием неверной даты, а также когда возможность ознакомления с протоколом обеспечивается несвоевременно. Во всех этих случаях участвующему в деле лицу должно быть гарантировано право принести на протокол замечания, которые будут рассмотрены и разрешены судом. В действующей редакции норма ч. 3 ст. 207 КАС РФ такое право не гарантирует.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цивилистическое процессуальное право имеет длительную историю развития. Его современное состояние является результатом этого развития, проходящего под воздействием многочисленных факторов как объективного, так и субъективного характера, имеющих как внешнюю (экономика, политика), так и внутреннюю природу. Именно такой, эволюционный путь развития позволяет достичь наиболее высокий результат при приемлемом количестве ошибок. Указанное означает, что преобразование цивилистического процессуального права и цивилистического процесса должно осуществляться постепенно, без коренной ломки базовых процессуальных институтов; решения законодателя должны быть тщательно выверены и проходить через фильтр обеспечения эффективной судебной деятельности, наиболее полной защиты нарушенных или оспариваемых прав и (или) законных интересов посредством оперативного принятия и исполнения правильных судебных решений.

Эволюционный путь развития цивилистического процессуального права предполагает наиболее естественные диалектические условия взаимодействия различных факторов и тенденций развития. В таких условиях право развивается под воздействием противоречивых и разнонаправленных тенденций (усложнение – упрощение; специализация – унификация; полнота регулирования – минимизация количества норм) с минимальным вмешательством «чистого» субъективного волевого фактора, а, значит, развивается диалектически. Такое развитие свойственно для всего права в целом. Но это не означает, что цивилистическое процессуальное право не претерпевает саморазвитие. Наоборот, под воздействием внешних (неправовых) и внутренних (общеправовых и внутриотраслевых) факторов цивилистическое процессуальное право проходит свой путь диалектического преобразования.

Одними из тенденций диалектического развития цивилистического процессуального права являются его специализация и унификация, без которых структурировать набор процессуальных действий и создать из них

упорядоченную систему было бы невозможно. От данных тенденций, их оптимального уровня и баланса зависит качество цивилистического процессуального права, следовательно, эффективность судебной деятельности. Унификация позволяет посредством обобщения выявить устойчивые признаки правоотношения и создать универсальное (единое) правило правового регулирования. Специализация позволяет регулировать процессуальные отношения более полно, охватывая вопросы дополнительного регулирования (сроки совершения процессуальных действия, их оформление, процессуальные последствия), а также нетипичные процессуально-правовые ситуации, для которых универсальное правило непригодно. Противоречивое единство процессов специализации и унификации цивилистического процессуального права представляет собой необходимый элемент его диалектического развития. Понимание сути данных процессов, их значения в отраслевом развитии будет способствовать решению процессуальных проблем, выявлению причин данных проблем и их устранению на законодательном уровне, а также в правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности.



**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ**

- АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации;
- БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации;
- ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (упразднен в 2014 году);
- ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации;
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая);
- ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации;
- ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации;
- ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации;
- КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации;
- КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации;
- НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации (части первая, вторая);
- Свод – Свод законов Российской Империи 1832 года;
- СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации;
- ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации;
- УГС – Устав гражданского судопроизводства 1864 года.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

### 1. Нормативные правовые акты Российской Федерации:

1.1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, ред. от 04.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – 06 октября 2022 г. – № 00011202210060013.

1.2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. – 1994. – N 13, ст. 1447; 2023. – N 32 (часть I), ст. 6118.

1.3. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. – 1995. – N 18, ст. 1589; 2023. – N 32, ст. 6119.

1.4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. – 1997. – N 1, ст. 1; 2022. – N 16, ст. 2592.

1.5. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. – 2011. – N 7, ст. 898; 2023. – N 32 (часть I), ст. 6119.

1.6. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. – 2014. – N 6, ст. 550; 2022. – N 29 (часть I), ст. 5200.

1.7. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – N 3, ст. 140; 2023. – N 32 (часть I), ст. 6206.

1.8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1994. – N 32, ст. 3301; 2023. – N 31 (часть III), ст. 5773.

1.9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 1, ст. 16; 2023. – N 32 (часть I), ст. 6139.

1.10. Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1997. – N 47, ст. 5340; 2023. – N 31 (часть III), ст. 5812.

1.11. Федеральный закон от 08.01.1998 N 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1998. N 2. Ст. 223; 2023. N 32 (часть I). Ст. 6164.

1.12. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1998. – № 31, ст. 3823; 2023. – № 32 (часть I), ст. 6148.

1.13. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2000. – N 32, ст. 3340; 2023. – № 32 (часть I), ст. 6159.

1.14. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2002. – N 1 (ч. 1), ст. 3; 2023. – № 32 (часть I), ст. 6203.

1.15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. – 2002. – N 30, ст. 3012; 2023. – № 12, ст. 1893.

1.16. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. – 2002. – N 46, ст. 4532; 2023. – № 26, ст. 4687.

1.17. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2005. – N 1 (часть 1), ст. 16; 2023. – № 32 (часть I), ст. 6201.

1.18. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2005. – N 1 (часть 1), ст. 14; 2023. – № 32 (часть I), ст. 6173.

1.19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. – 2006. – N 52 (1 ч.), ст. 5496; 2023. – № 25, ст. 4424.

1.20. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2007. – № 41, ст. 4849; 2023. – № 32 (часть I), ст. 6206.

1.21. Федеральном законе от 07.05.2013 N 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. – 2013. – № 19, ст. 2305; 2023. – N 29, ст. 5304.

1.22. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2015. – N 10, ст. 1391; 2023. – N 32 (часть I), ст. 6158.

1.23. Федеральный закон от 02.03.2016 N 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – №10, ст. 1319.

1.24. Федеральный закон от 28.11.2018 N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 17.10.2019) // СЗ РФ. – 2018. – № 49 (часть I), ст. 7523; 2019. – № 42 (часть II), ст. 5808.

1.25. Федеральный закон от 26.07.2019 N 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – N 30, ст. 4099.

## **2. Пояснительные записки к проектам законов:**

2.1. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/725381-6> (дата обращения: 21.06.2019).

2.2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/24031/> (дата обращения: 29.11.2017).

2.3. Пояснительная записка к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции апелляционных судов общей юрисдикции». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7> (дата обращения: 03.05.2019).

### **3. Концепции развития законодательства:**

3.1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1) // СПС Консультант Плюс.

3.2. *Габов АВ., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесницкая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л.* Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 5-25.

### **4. Правовые акты, утратившие силу:**

4.1. Судебник Ивана III 1497 г. // Судебники XV–XVI вв. / под общ. ред. Б.Д. Грекова. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 619 с.

4.2. Судебник Государя Царя и Великого князя Ивана Васильевича, и некоторые указы с примечаниями В.Н. Татищева. – М.: Унив. тип., у Н.Новикова, 1786. – 270 с.

4.3. Соборное уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. I. – № 7157.

4.4. Указ Алексея Михайловича 1675 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. I. – № 594.

4.5. Боярский приговор 1675 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. I. – № 617.

4.6. Боярский приговор от 17 ноября 1682 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. II. – № 968.

4.7. Указ Петра Великого «О форме суда» 1723 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VII. – №. 4344.

4.8. Учреждение Екатерины II «О губерниях» 1775 г // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XX. – № 14392.

4.9. Положения о судопроизводстве 1832 г. // Свод законов Российской Империи. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. X, ч. II.

4.10. Учреждение коммерческих судов 1832 г. // Свод законов Российской Империи. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. XI, часть II.

4.11. Устав судопроизводства в коммерческих судах 1832 г. // Свод законов Российской Империи. – СПб.: Тип. II Отделения Е.С.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. XI, часть II.

4.12. Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского Кассационного Департамента и Общего Собрания Кассационных и I и II Департаментов Правительствующего Сената / сост. А.Л. Боровиковский. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. – 1105 с.

4.13. Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям, от 29 декабря 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Государственная типография, 1891. – Т. IX. – №. 6196.

4.14. Проект новой редакции Устава гражданского судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. – 1900. – № 2. – Приложение.

4.15. Устав судопроизводства торгового 1903 г. (с разъяснениями) / Сост.: А.А. Добровольский. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1905. – 374 с.

4.16. Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. // Декреты советской власти. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. I. – С. 124–126.

4.17. Декрете о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. // Декреты Советской власти. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. I. – С. 466–474.

4.18. Декрет ВЦИК «О народном суде РСФСР (Положение)» от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – N 85. – Ст. 889.

4.19. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 (Постановление ВЦИК от 10.07.1923) // СУ РСФСР. – 1923. – N 46 – 47. – Ст. 478.

4.20. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. (Закон СССР от 08.12.1961) // Ведомости ВС СССР. – 1961. – N 50. – Ст. 526.

4.21. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – N 24. – Ст. 407.

4.22. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, утв. ВС РФ 05.03.1992 N 2447-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 16. – Ст. 836.

4.23. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 N 70-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 19. – Ст. 1709.

## **5. Постановления пленумов высших судов Российской Федерации (действующие и утратившие силу):**

5.1. Постановление Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 N 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 17.11.2015) // Вестник ВАС РФ. – 2003. – N 2.

5.2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 «О судебном решении» (ред. от 23.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2.

5.3. Постановления Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 4.

5.4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 10.

5.5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 9.

5.6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 N 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – N 10.

5.7. Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (ред. от 23.06.2015) // Вестник ВАС РФ. – 2010. – N 6.

5.8. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 27.06.2017) // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 4.

5.9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 N 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – N 9.



5.10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 3.

5.11. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 N 99 «О процессуальных сроках» (ред. от 23.12.2021) // Вестник ВАС РФ. – 2014. – N 3.

5.12. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» (ред. от 11.07.2014). – URL:

[https://saratov.arbitr.ru/files/pdf/%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83\\_0.pdf](https://saratov.arbitr.ru/files/pdf/%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83_0.pdf) (дата обращения: 10.03.2020).

5.13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.08.2014 № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» (ред. от 12.09.2019). – URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8386/> (дата обращения: 17.09.2019).

5.14. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6.

5.15. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» // Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 9.

5.16. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 9.

5.17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

5.18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 30.06.2015 N 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – N 9.

5.19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 1.

5.20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 4.

5.21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (ред. от 17.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – N 11.

5.22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» (ред. от 05.04.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – N 2.

5.23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (ред. от 05.04.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6.

5.24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (ред. от 26.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – N 7.

5.25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 N 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – N 8.

5.26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 N 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 8.

5.27. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2017 № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вместе с проектом федерального закона и пояснительной запиской). – URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/24031/> (дата обращения: 29.11.2017).

5.28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – N 4.

5.29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 4.

5.30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – N 4.

5.31. Постановление Пленума от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей

- физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 7.

5.32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

5.33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

5.34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 7.

5.35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 9.

5.36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2020. N 136.

5.37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – N 9.

5.38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 N 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при

рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – N 9.

5.39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 N 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. – 2020. – N 157.

5.40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – N 7.

5.41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. – 2021. – № 144.

5.42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. – 2021. – N 144.

5.43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 N 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – N 1.

5.44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – N 3.

5.45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – N 8.

## **6. Информационные письма, обзоры и обобщения российской судебной практики:**

6.1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 8.

6.2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 N 82 (ред. от 01.07.2014) «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 10.

6.3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 N 99 (ред. от 01.07.2014) «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 3.

6.4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.12.2007 № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 2.

6.5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 N 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – N 8.

6.6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 12.03.2013 № 155 «О порядке выдачи копий документов» // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 5.

6.7. Обзор практики применения судами в 2014 - 2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований

законодательства о противодействии коррупции, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 8.

6.8. Обзор апелляционной практики по гражданским и административным делам за июнь - август 2018 года (подготовлен Верховным судом Республики Коми) // СПС КонсультантПлюс.

6.9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 03.12.2003, 24.12.2003 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 3.

6.10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 6.

6.11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 за 2019 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 6.

6.12. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 12.

6.13. Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа «Обобщение информации о деятельности Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа за 2007 год» // СПС Консультант Плюс.

6.14. Обобщения практики рассмотрения районными (городскими) судами Московской области дел о восстановлении на работе // Судебный вестник Московской области. – № 4. – 2010 (п.п. 1-5).

6.15. Информационное письмо Генпрокуратуры РФ от 27.01.2003 N 8-15-2003 «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

## **7. Акты высших судов по конкретным делам:**

7.1. Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 N 297-О «По жалобе гражданки М.Е. Костровой на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 29 УПК РСФСР и жалобе гражданина П.А. Шлыкова на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части первой статьи 303 УПК РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2002. – № 2.

7.2. Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 N 785-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тищенко Константина Михайловича на нарушение его конституционных прав абзацем четвертым статьи 122 и пунктом 4 части первой статьи 125 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

7.3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2009 N 5-П «По делу о проверке конституционности положения, содержащегося в абзацах четвертом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Варм» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 2.

7.4. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 N 3016-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бараненко Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав статьей 186 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

7.5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2021 N2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.В. Тухты» // СЗ РФ. – 2021. – N 5, ст. 956.

7.6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и



пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // СЗ РФ. . – 2021. . –N 19, ст. 3290.

7.7. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.06.2021 N 25-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части шестой статьи 112 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.М. Глазова» // СЗ РФ. – 2021. – N 24 (часть II), ст. 4567.

7.8. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 N 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза»» // СПС КонсультантПлюс.

7.9. Определение ВАС РФ от 28.09.2009 N ВАС-11960/09 по делу N А37-2865/2008 // СПС КонсультантПлюс.

7.10. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.01.2011 N 11680/10 по делу N А41-13284/09 // СПС КонсультантПлюс.

7.11. Определение ВАС РФ от 02.12.2011 N ВАС-5852/11 по делу N А40-40926/03-119-244 // СПС КонсультантПлюс.

7.12. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.12.2011 N 12651/11 по делу N А46-13112/2010 // СПС КонсультантПлюс.

7.13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.01.2015 N 69-КГ14-11. – URL: <https://www.vsrp.ru/>.

7.14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.05.2015 по делу N 302-ЭС14-7670, А69-16/2013. – URL: <https://www.vsrp.ru/>.

7.15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.06.2015 по делу N 305-ЭС15-2572, А40-51637/2014. – URL: <https://www.vsrp.ru/>.

7.16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.03.2016 N 26-КГ15-73. – URL: <https://www.vsrp.ru/>.

7.17. Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2017 N 302-ЭС17-5013 по делу N А19-3409/2014. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.18. Определение Верховного Суда РФ от 09.01.2018 N 305-КГ17-20088 по делу N А40-20592/2017. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.19. Определение Верховного Суда РФ от 6 февраля 2018 г. по делу № 5-КГ17-218. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.03.2018 N 305-КГ17-19973 по делу N А40-230080/2016. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.21. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.09.2018 N 18-КГ18-153. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.22. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.02.2019 N 41-КГПР18-61. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.23. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 N 24-КГ18-14. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.24. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 N 78-КГ18-82. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.25. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.05.2019 N 305-ЭС19-344 по делу N А40-15424/2018. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.26. Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2019 N 307-ЭС18-12791(5) по делу N А56-64846/2017. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.27. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.07.2019 N 305-ЭС19-7439 по делу N А40-188022/2017. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

7.28. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 N 2-АПА19-15. – URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

## **8. Акты арбитражных судов по конкретным делам**

**(<https://kad.arbitr.ru/>):**

8.1. Решение Суда по интеллектуальным правам от 05.12.2014 по делу N СИП-785/2014.

8.2. Определение Суда по интеллектуальным правам от 07.02.2018 N С01-1141/2017 по делу N СИП-385/2017.

8.3. Определение Суда по интеллектуальным правам от 24.12.2018 по делу N СИП-431/2018.

8.4. Определение Суда по интеллектуальным правам от 24.12.2018 по делу N СИП-833/2018.

8.5. Определение Суда по интеллектуальным правам от 27.03.2019 N С01-260/2019 по делу N А08-2434/2018.

8.6. Определение Суда по интеллектуальным правам от 12.04.2019 по делу N СИП-194/2019.

8.7. Определение Суда по интеллектуальным правам от 13.01.2020 по делу N СИП-631/2019.

8.8. Определение Суда по интеллектуальным правам от 10.02.2020 по делу N СИП-1018/2019.

8.9. Определение Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2020 по делу N СИП-11/2020.

8.10. Определение Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2020 по делу N СИП-923/2019.

8.11. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.01.2009 N Ф03-6263/2008 по делу N А24-2756/2008.

8.12. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.12.2014 N Ф01-5139/2014 по делу N А79-4134/2014.

8.13. Постановление ФАС Уральского округа от 03.09.2012 N Ф09-6211/12 по делу N А07-22575/2011.

8.14. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.09.2017 N Ф02-5235/2017 по делу N А19-20369/2016.

8.15. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 13.06.2012 по делу N А29-5369/2011.

8.16. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.12.2014 N Ф01-5139/2014 по делу N А79-4134/2014.

8.17. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.01.2019 N Ф01-6897/2018 по делу N А82-7551/2018.

8.18. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.03.2019 N Ф01-839/2019 по делу N А43-12535/2015.

8.19. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.01.2009 N Ф03-6263/2008 по делу N А24-2756/2008.

8.20. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.04.2018 N Ф03-1192/2018 по делу N А16-1522/2017.

8.21. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.10.2018 N Ф03-4449/2018 по делу N А51-16791/2017.

8.22. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.12.2019 N Ф03-6058/2019 по делу N А73-2526/2019.

8.23. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.05.2017 N Ф04-816/2017 по делу N А67-4664/2016.

8.24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.02.2019 N Ф04-5/2019 по делу N А70-781/2018.

8.25. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.10.2018 N Ф05-15645/2018 по делу N А40-209798/2017.

8.26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.07.2019 N Ф05-12279/2019 по делу N А41-82522/2018.

8.27. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.05.2017 N Ф06-20064/2017 по делу N А65-5390/2016.

8.28. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.06.2019 N Ф06-49222/2019 по делу N А65-32868/2018.

8.29. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.10.2019 N Ф06-52364/2019 по делу N А12-2371/2019.

8.30. Постановление ФАС Уральского округа от 03.09.2012 N Ф09-6211/12 по делу N А07-22575/2011.

8.31. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2015 по делу N А39-3618/2015.

8.32. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2016 по делу N А43-28931/2015.

8.33. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2017 по делу N А79-8407/2016.

8.34. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2019 N 01АП-10549/2019 по делу N А11-13441/2019.

8.35. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 09.01.2020 N 01АП-11474/2019 по делу N А43-48167/2019.

8.36. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 03.12.2018 N 02АП-8602/2018 по делу N А31-4047/2018.

8.37. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 24.05.2019 N 02АП-3555/2019 по делу N А82-25467/2018.

8.38. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20.09.2019 N 02АП-8242/2019 по делу N А82-15640/2019.

8.39. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 05.07.2018 по делу N А33-26363/2017.

8.40. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 11.10.2018 по делу N А33-8957/2018.

8.41. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.07.2019 по делу N А33-2464/2019.

8.42. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 20.08.2019 по делу N А33-14849/2019.

8.43. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 11.02.2020 по делу N А33-21933/2019.

8.44. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2020 N 04АП-7216/2019 по делу N А19-24698/2018.

8.45. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2020 N 05АП-9233/2019 по делу N А59-5421/2019.

8.46. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2020 N 05АП-441/2020 по делу N А24-8931/2019.

8.47. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2016 N 07АП-10947/2016 по делу N А03-9788/2016.

8.48. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2017 N 07АП-2/17(5) по делу N А67-8458/2015.

8.49. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2017 N 08АП-14936/2017 по делу N А75-16300/2017.

8.50. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2019 N 08АП-10393/2019 по делу N А70-8791/2019.

8.51. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2019 N 09АП-64308/2019 по делу N А40-181442/2017.

8.52. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2019 N 10АП-5463/2019 по делу N А41-20564/16.

8.53. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2019 N 10АП-7561/2019 по делу N А41-4173/19.

8.54. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 06.08.2019 N 10АП-12591/2019 по делу N А41-42740/2019.

8.55. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2019 N 12АП-4973/2019 по делу N А57-2360/2019.

8.56. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2019 по делу N А57-15624/2019.

8.57. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2020 N 12АП-17375/2019 по делу N А57-29284/2019.

8.58. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.05.2018 N 13АП-11284/2018 по делу N А56-31397/2018.

8.59. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2018 N 13АП-20154/2018 по делу N А56-55137/2018.

8.60. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2019 N 15АП-13141/2019 по делу N А53-23737/2019.

8.61. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.01.2020 N 15АП-23514/2019 по делу N А32-50122/2019.

8.62. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2018 N 16АП-1810/2018 по делу N А61-250/2018.

8.63. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2019 N 17АП-18430/2019-АК по делу N А50-12334/2019.

8.64. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2018 N 18АП-5413/2018 по делу N А07-8229/2017.

8.65. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.05.2019 N 19АП-2227/2019 по делу N А14-22388/2018.

8.66. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2020 N 20АП-8578/2019 по делу N А09-731/2019.

## **9. Акты судов общей юрисдикции по конкретным делам (СПС КонсультантПлюс; СПС Гарант):**

9.1. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2019 по делу N 88-1825/2019.

9.2. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 05.03.2020 N 88-3769/2020.

9.3. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2020 по делу N 88-1306/2020.

9.4. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2019 N 88а-1374/2019.

9.5. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2020 N 88А-4984/2020.

9.6. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2020 N 88А-3119/2020.

9.7. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2020 по делу N 88а-15901/2020.

9.8. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2020 N 88а-17491/2020 по делу N 3а-199/2019.

9.9. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2020 по делу N 88а-14698/2020, 2а-6685/2019.

9.10. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 по делу N 88а-7392/2021, 3а-761/2020.

9.11. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 N 88А-7927/2021.

9.12. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2021 N 88а-10289/2021.

9.13. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2021 N 88а-13140/2021 по делу N 3а-1959/2020.

9.14. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 N 88а-5148/2021 по делу N 2а-2228/2020.

9.15. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2021 N 88а-15986/2021 по делу N 2а-2169/2020.

9.16. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 02.08.2018 по делу N 33а-13881/2018.

9.17. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 24.10.2018 по делу N 33а-18804/2018.

9.18. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 16.01.2019 по делу N 33-656/2019.

9.19. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 14.08.2018 по делу N 33-5117/2018.

9.20. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 21.12.2018 по делу N 33-6824/2018.



9.21. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.09.2012 по делу N 33-6537/2012.

9.22. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 12.11.2019 по делу N 33-13373/2019.

9.23. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.02.2020 по делу N 33-1779/2020.

9.24. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 11.07.2019 по делу N 33-22798/2019.

9.25. Апелляционное определение Московского областного суда от 25.09.2012 по делу N 33-18629.

9.26. Апелляционное определение Московского областного суда от 18.03.2015 по делу N 33-6188/2015.

9.27. Апелляционное определение Московского областного суда от 22.04.2015 по делу N 33-9494/2015.

9.28. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.05.2018 по делу N 33-16919/2018.

9.29. Апелляционное определение Московского областного суда от 04.03.2019 N 33-7421/2019.

9.30. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.04.2019 по делу N 33-11777/2019.

9.31. Определение Московского городского суда от 12.04.2019 по делу N 33-16848/2019.

9.32. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.05.2019 по делу N 33-22766/2019.

9.33. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.06.2019 по делу N 33-26577/2019.

9.34. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.09.2019 по делу N 33-29299/2019.

9.35. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2020 по делу N 33-4346/2020.

9.36. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.02.2020 по делу N 33-3897/2020.

9.37. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.04.2019 N 33-7899/2019 по делу N 2-1052/2019.

9.38. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.05.2019 N 33-11590/2019 по делу N 2-7032/2018.

9.39. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19.04.2018 по делу N 33-5121/2018.

9.40. Постановление Президиума Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 06.08.2012 N 4Г-159/2012(44Г-6/2012).

9.41. Апелляционное определение Томского областного суда от 10.10.2014 года.

## **10. Комментарии законов и судебной практики:**

10.1. *Александровский С.В., Лебедев В.Н.* Гражданский процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами. – 4-е изд. – М.: Госюриздат, 1929. – 296 с.

10.2. *Анненков К.* Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. IV. – СПб.: типография М.Стасюлевича, 1887. – 307 с.

10.3. *Вильсон В.И.* Судебная практика по торговым делам. Решения С.-Петербургского Коммерческого Суда и Правительствующего Сената (4 Д-та и Общего Собрания) 1882-1893 г. – СПб.: типография Д.В. Чичинадзе, 1896. – 644 с.

10.4. *Свердлов Г.М., Тадевосян В.С.* Гражданский кодекс РСФСР в судебной практике. Очерки / под ред. С.М. Прушицкого. – М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 191 с.

## **11. Монографическая литература:**

11.1. *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Норма, 2002. – 176 с.

11.2. *Аверьянов А.Н.* Категория «система» в диалектическом материализме. – М.: Мысль, 1974. – 70 с.

11.3. *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира: методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.

11.4. Актуальные проблемы унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства: монография / М.А. Рожкова, М.Е. Глазкова, М.А. Савина; под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. – 304 с.

11.5. *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

11.6. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. – В 10 т. – Том. 2: Специальные вопросы правоведения. – М.: Статут, 2010. – 471 с.

11.7. *Алексеев С.С.* Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.

11.8. *Баранов В.М.* Истинность норм советского права: проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1989. – 397 с.

11.9. *Баулин О.В.* Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1997. – 101 с.

11.10. *Бертгольдт Г.В.* Коллизия вызова наследников через публикацию с удостоверением мирового судьи о нахождении всех наследников налицо // Закон и судебная практика. – М.: Основа, 1909. – 17 с.

11.11. *Боннер А.Т.* Применение нормативных актов в гражданском процессе. – М.: Юридическая литература, 1980. – 159 с.

11.12. *Борисова Е.А.* Кассация по гражданским делам: монография. – М.: Издательский Дом «Городец», 2020. – 208 с.

11.13. *Брановицкий К.Л.* Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). – М.: Статут, 2018. – 399 с.

11.14. *Бутнев В.В.* Гражданская процессуальная ответственность: монография. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1999. – 61 с.

11.15. *Бюлов О.* Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофоновой; отв. ред. Д.Х. Валеев. – М.: Статут, 2019. – 240 с.

11.16. *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Ч. I. Учение о толковании и применении гражданских законов. – Одесса: Экономическая типография, 1901. – 376 с.

11.17. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статус, 2016. – С. 624 с.

11.18. *Вербловский Г.* Судопроизводство гражданское и уголовное в судебно-административных учреждениях. – СПб.: Изд. юридич. книжн. магазина Н. К. Мартынова, 1898. – 256 с.

11.19. *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование норм права. – М.: Юридическая литература, 1976. – 118 с.

11.20. *Воронов А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Городец, 2009. – 496 с.

11.21. *Гальперин М.Л.* Ответственность в гражданском судопроизводстве: монография. – М.: Юрайт, 2019. – 195 с.

11.22. *Гольмстен А.Х.* Исторический очерк русского конкурсного процесса. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – 302 с.

11.23. *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права: монография / под науч. ред. Н.И. Матузова. – Пенза: Терновская типография, 2003. – 176 с.

11.24. *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. – СПб.: Издат. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. – 848 с.

11.25. *Гурвич М.А.* Судебное решение. Теоретические проблемы. – М.: Юридическая литература, 1976. – 176 с.

11.26. *Демченко Г.Ф.* Из истории судоустройства в Древней России. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1909. – 63 с.

11.27. Диалектика познания сложных систем / под ред. В.С. Тюхтина. – М.: Мысль, 1988. – 316 с.

11.28. *Дмитриев Ф.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1859. – 592 с.

11.29. *Загорский А.* Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях (у земских начальников, городских судей, в уездных съездах и в губернских присутствиях). – Одесса: Типография Штаба Одес. Воен. Округа, 1892. – 383 с.

11.30. *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юридическая литература, 1966. – 190 с.

11.31. *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. – Т. 2. Советское гражданское право. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 511 с.

11.32. *Кавелин К.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях. Рассуждение, писанное для получения степени магистра гражданского законодательства. – М.: Тип. А. Семена, 1844. – 191 с.

11.33. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. – Т. II. – 584 с.

11.34. *Кашица И.* О сущности права. Варшава: Тип. Мед. газ., 1873. 207 с.

11.35. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001. – 560 с.

11.36. *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.

11.37. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1999. – 798 с.

- 11.38. *Клейнман А.Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. – М.: изд-во Московского университета, 1967. – 119 с.
- 11.39. *Кожевников М.В.* История советского суда / под ред. И.Т. Голякова. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 376 с.
- 11.40. *Кругликов Л.Л., Васильевский А.В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 298 с.
- 11.41. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1972. – 352 с.
- 11.42. *Кузнецов Е.Н.* Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: монография. – Москва: Статут, 2022. – 336 с.
- 11.43. *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е.и.вел. канцелярии, 1843. – 161 с.
- 11.44. *Лазарев В.В.* Применение советского права. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 200 с.
- 11.45. *Лазарев В.В.* Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юридическая литература, 1974. – 184 с.
- 11.46. *Лукашук И.И.* Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.
- 11.47. *Малинин М.И.* Теория гражданского процесса. Вып. первый. – Одесса: типография П.А. Зеленого, 1881. – 99 с.
- 11.48. *Мальшев К.* Курс гражданского судопроизводства: сочинение. Т.1. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. – 454 с.
- 11.49. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1985. – 891 с.
- 11.50. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. – М.: Прогресс, 1985. – 830 с.
- 11.51. *Мельников А.А.* Особое производство в советском гражданском процессе. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- 11.52. *Мельников А.А.* Советский гражданский процессуальный закон. Вопросы теории гражданского процессуального права. – М.: Наука, 1973. – 160 с.

- 11.53. *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.
- 11.54. *Нефедьев Е.А.* Единство гражданского процесса. – Казань: типография Университета, 1892. – 21 с.
- 11.55. *Нефедьев Е.А.* Учение об иске. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. – 44 с.
- 11.56. Нормы советского права: проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, А.К. Бабаева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 248 с.
- 11.57. Основания российского судопроизводства. Изложенные М...м. – М.: Унив. тип., 1832. Ч. I. – 89 с.
- 11.58. *Осьмаков В.Н.* Унификация российского законодательства (вопросы теории и практики): монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – 148 с.
- 11.59. *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права: в 2 т. – СПб., Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1876. Т. I. – 482 с.
- 11.60. *Пашуканис Е.Б.* Избранные произведения по общей теории государства и права / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1980. – 271 с.
- 11.61. *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юр. акад.», 2015. – 472 с.
- 11.62. *Петров Д.Е.* Отрасль права / под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 192 с.
- 11.63. *Пиголкин А.С.* Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.
- 11.64. *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. – М.: Юридическая литература, 1991. – 143 с.
- 11.65. *Пухта Г.Ф.* Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 423–510.
- 11.66. *Регельсбергер Ф.* Общее учение о праве / под ред. Ю.С. Гамбарова; пер. И.А. Базанова. – М.: т-во И.Д. Сытина, 1897. – 296 с.

11.67. *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Морошкина. – М.: Изд. Ф. Морошкин, 1936. – 453 с.

11.68. *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: избранное. – М.: Статут, 2019. – 510 с.

11.69. *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – 194 с.

11.70. *Сенякин И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 504 с.

11.71. *Сенякин И.Н., Степин А.Б., Подмосковный В.Д.* Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ). – Саратов: изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 240 с.

11.72. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. – М.: Юридическая литература, 1975. – 327 с.

11.73. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 3: Современное правопонимание. – М.: Российская академия правосудия, 2007. – 512 с.

11.74. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юстицинформ, 2001. – 528 с.

11.75. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 2: Логика правового исследования (как написать диссертацию). – М.: Юстицинформ, 2004. – 560 с.

11.76. *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. – 88 с.

11.77. *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой четверти XIX века. – М.: Зерцало-М, 2010. – 336 с.

11.78. *Трайнин А.* Несостоятельность и банкротство. – СПб.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1913. – 61 с.



- 11.79. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. – М.: Городец, 1997. – 320 с.
- 11.80. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. – 5-е изд., доп. – М.: Городец, 2017. – 302 с.
- 11.81. *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
- 11.82. Унификация цивилистического процессуального законодательства: анализ, оценки, перспективы: монография / под ред. М.В. Самсоновой. – М.: Норма: Инфра-М, 2021. – 328 с
- 11.83. *Хабриева Т.Я.* Избранные труды: в 10 т. Т. 6. Теория толкования, Теория правотворчества. Концепции развития законодательства. – М.: Российская академия наук, 2018. – 472 с.
- 11.84. *Чечот Д.М.* Неисковые производства. – М.: Юридическая литература, 1973. – 164 с.
- 11.85. *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты. – Ленинград: изд-во Ленинградского университета, 1968. – 72 с.
- 11.86. *Шерстюк В.М.* Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 133 с.
- 11.87. *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. – М.: Издательский Дом «Городец», 2021. – 400 с.
- 11.88. *Шмелева Г.Г.* Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. – Львов: изд-во при Львовском государственном университете, 1988. – 104 с.
- 11.89. *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: монография / отв. ред. В.В. Зайцев. – М.: Статут, 2019. – 318 с.

11.90. Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: вопросы идентификации и преодоления: монография / под ред. В.Ю. Панченко, А.А. Петрова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – 394 с.

11.91. *Юшков С.В.* Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника) // Ученые записки Саратов. гос. ун-та. Т. V, вып. 3. 1926. 46 с.

11.92. *Яблочков Т.М.* Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Т. 2. Очерки законодательной и судебной практики. – Ярославль: Типография Губ. правления, 1911. – 616 с.

11.93. *Ярков В.В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. – Екатеринбург: изд-во Свердловского юридического института, 1992. – 184 с.

11.94. *Яценко А.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права. – Юрьевъ: Тип. К. Маттисена, 1912. – 852 с.

## 12. Диссертации и авторефераты диссертаций:

12.1. *Абдуллин А.И.* Право интеллектуальной собственности в Европейском Союзе: генезис, унификация, перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 407 с.

12.2. *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 165 с.

12.3. *Абушенко Д.Б.* Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2014. – 415 с.

12.4. *Антипьева Н.В.* Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 444 с.

12.5. *Арзуманян А.Э.* Конкуренция норм российского права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 29 с.

12.6. *Барбакадзе В.Т.* Подготовка дела к судебному разбирательству как стадия арбитражного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 237 с.

12.7. *Баулин О.В.* Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – 15 с.

12.8. *Бахин С.В.* Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – СПб., 2003. – 46 с.

12.9. *Беков Я.Х.* Подготовка к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 197 с.

12.10. *Берг Л.Н.* Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.

12.11. *Божок В.А.* Институт аналогии в гражданском и арбитражном процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 28 с.

12.12. *Борисова Л.Н.* Общая теория процессуальных норм права: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 169 с.

12.13. *Боровиков С.А.* Влияние норм материального права на нормы арбитражного процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 26 с.

12.14. *Гальперин М.Л.* Ответственность в исполнительном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2019. – 464 с.

12.15. *Гамидов М.Ш.* Конкретизация норм права: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2010. – 2013 с.

12.16. *Глотова И.А.* Конкретизация норм трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2015. – 34 с.

12.17. *Громошина Н.А.* Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 409 с.

12.18. *Долгова М.О.* Развитие науки гражданского процессуального права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 25 с.

12.19. *Егорова О.В.* Сущность гражданской процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб. 2001. – 22 с.

12.20. *Еременко А.С.* Теория и методология гражданского правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 63 с.

12.21. *Ефимова Ю.В.* Специализация гражданско-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 26 с.

12.22. *Ефимова Ю.В.* Специализация гражданско-процессуальной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 199 с.

12.23. *Жилин Г.А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – 70 с.

12.24. *Загайнова С.К.* Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 50 с.

12.25. *Закирова Д.И.* Подготовка дел к судебному разбирательству: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 217 с.

12.26. *Залоило М.В.* Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 20 с.

12.27. *Занина М.А.* Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 25 с.

12.28. *Кауфман М.А.* Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 51 с.

12.29. *Керимова Е.А.* Правовой институт (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 23 с.

12.30. *Кожокарь И.П.* Техничко-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2020. – 414 с.

12.31. *Крашенинников Е.А.* Природа норм гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1983. – 204 с.

12.32. *Кузнецов Е.Н.* Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 2022. - 440 с.

12.33. *Кузнецова О.А.* Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2007. – 43 с.

12.34. *Кутафин Д.О.* Унификация и гармонизация норм права о залоге в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 198 с.

12.35. *Магомедов С.К.* Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 154 с.

12.36. *Магомедова М.А.* Теория и практика взаимодействия арбитражного процессуального и материальных отраслей права: дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2002. – 209 с.

12.37. *Маковская А.А.* Унификация международного частного права в рамках Европейского сообщества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – 19 с.

12.38. *Малыхин Д.В.* Гражданская процессуальная норма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 26 с.

12.39. *Марина И.Н.* Средства повышения эффективности применения норм права: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 2009. – 24 с.

12.40. *Минасян Г.М.* Решения и определения судов первой инстанции общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 30 с.

12.41. *Мищенко Е.В.* Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. – Оренбург, 2014. – 458 с.

12.42. *Морейн И.Б.* Основные вопросы теории особого производства в советском гражданском процессе: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Л., 1951. – 28 с.

12.43. *Назарова Н.А.* Реформирование и развитие российского гражданского судопроизводства во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – 170 с.

12.44. *Нигматдинов Р.М.* Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 32 с.

12.45. *Никитина Н.К.* Российское законодательство в условиях глобализации (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 27 с.

12.46. *Николайченко О.В.* Правовые последствия несоблюдения гражданских процессуальных норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 26 с.

12.47. *Нырков В.В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 33 с.

12.48. *Осипов Ю.К.* Подведомственность юридических дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 34 с.

12.49. *Пакерман Г.А.* Унификация правового регулирования иностранных инвестиций в странах Содружества Независимых Государств: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 247 с.

12.50. *Папулова З.А.* Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 26 с.

12.51. *Пархоменко Д.А.* Усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 22 с.

12.52. *Пивоварова А.А.* Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2009. – 20 с.

12.53. *Пискунова О.В.* Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 26 с.

12.54. *Порфирьева Е.К.* Унификация правового регулирования условий внешнеэкономических контрактов в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 2000. – 22 с.

12.55. *Потапенко Е.Г.* Теоретические основы правовой интеграции: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 225 с.

12.56. *Рогалева И.Ю.* Дифференциация норм трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 32 с.

12.57. *Рудаков А.А.* Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 29 с.

12.58. *Сауляк С.Ф.* Проблема конкуренции уголовно-правовых норм: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – 170 с.

12.59. *Сафронова С.С.* Международная унификация права, регулирующего заключение и прекращение брака: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 185 с.

12.60. *Свидлов Н.М.* Специальные нормы в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1979. – 195 с.

12.61. *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1982. – 194 с.

12.62. *Сергун А.К.* Проблемы исполнительного производства в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1980. – 32 с.

12.63. *Синева Н.А.* Унификация правовых норм, регулирующих внешнеторговое обязательство: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 190 с.

12.64. *Синица И.В.* Коллизии в российском праве (на примере норм гражданского и налогового права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 22 с.

12.65. *Скачкова Г.С.* Расширение сферы действия трудового права и дифференциация его норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 62 с.

12.66. *Слепченко Е.В.* Гражданское судопроизводство: проблема единства и дифференциации: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2012. – 484 с.

12.67. *Смирнова Л.Е.* Унификация в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2006. – 203 с.

12.68. *Соловьев В.Ю.* Судебная практика в российской правовой системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 21 с.

12.69. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2016. – 475 с.

12.70. *Теребков А.В.* Юридическая и логическая природа разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 29 с.

12.71. *Ткачева С.Г.* Конкретизация закона и его судебное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – 20 с.

12.72. *Фильченко Д.Г.* Современные проблемы подготовки дела к судебному разбирательству в арбитражном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2005. – 233 с.

12.73. *Фомина Л.Ю.* Унификация нормативной правовой терминологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – 25 с.

12.74. *Францифоров А.Ю.* Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 28 с.

12.75. *Фролова Н.Ю.* Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2010. – 24 с.

12.76. *Фурсов Д.А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – 430 с.

12.77. *Хргиан А.А.* Унификация нормативных актов о трансграничной несостоятельности в странах ЕС: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 177 с.

12.78. *Цихоцкий А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Новосибирск. – 47 с.

12.79. *Чекмарева А.В.* Подготовительные процедуры в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2015. – 438 с.

12.80. *Черданцев А.Ф.* Основные проблемы теории толкования советского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1972. – 35 с.

12.81. *Чечина Н.А.* Нормы гражданского процессуального права и их применение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1965. – 19 с.

12.82. *Чудиновская Н.А.* Установление фактов, имеющих юридическое значение, в особом производстве гражданского и арбитражного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2007. – 18 с.

12.83. *Шварц М.З.* Систематизация арбитражного процессуального законодательства (проблемы теории и практики применения): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 199 с.

12.84. *Шеменева О.Н.* Рассмотрение гражданских дел мировыми судьями: проблемы совершенствования процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 26 с.



12.85. *Шеменева О.Н.* Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2017. – 54 с.

12.86. *Штивельберг Ф.Б.* Основания и пределы дифференциации трудового права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 26 с.

12.87. *Юдин А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2009. – 47 с.

12.88. *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1982. – 344 с.

### **13. Научные статьи и тезисы:**

13.1. *Абушенко Д.Б.* Сопряжение гражданско-правовой сделки с отказом от иска: вопросы материального права и цивилистического процесса // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева / под ред. О.В. Исаенковой. – Саратов: изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С. 11-18.

13.2. *Абушенко Д.Б.* Гражданско-правовой зачет и зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков: теоретические размышления о сходстве и отличиях правовых институтов // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10. – № 6. – С. 13-29.

13.3. *Абушенко Д.Б.* Принцип отменимости в цивилистическом процессе: некоторые размышления теоретической конструкции // Принципы гражданского процессуального права: проблемы закрепления, толкования и правоприменения: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / сост. и ред. З.Ш. Матчанова. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 96-102.

13.4. *Абушенко Д.Б.* Механика взаимодействия материального и процессуального на примере цессии в исполнительном производстве // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 107-114.

13.5. *Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф.* Об унификации цивилистического процессуального закона в контексте отдельных оснований для отказа в принятии заявления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 3. – С. 73-79.

13.6. *Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И.* Специализация гражданских судов в России: история, реалии и перспективы // Юрист. – 2005. – № 7. – С. 52-58.

13.7. *Ахметзянова Э.Р.* Потенциал использования опыта специализированных судов Германии в судебной системе Российской Федерации // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 5. – С. 35-39.

13.8. *Баранов А.В.* К вопросу о нетипичных нормах права // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. М.М. Журавлева, А.М. Баршанова, В.М. Зуева. Часть 46. – Томск: изд. Томского гос. ун-та, 2010. – С. 10-11.

13.9. *Баранов А.В.* К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестник Омского университета Серия «Право». – 2017. – № 1 (50). – С. 22-30.

13.10. *Баранов А.В.* Системоопределяющие специализированные нормы права в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 5–11.

13.11. *Бару М.И.* Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. – 1971. – № 10. – С. 45–50.

13.12. *Баулин О.В.* Изменение бремени доказывания и фактической ситуации в доказывании при разбирательстве гражданских дел // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 124-132.

13.13. *Баулин О.В.* Вариативность правил доказывания в цивилистическом процессе // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник

докладов на I Международной научной конференции памяти М.К. Треушникова. – М.: Зерцало-М, 2022. – С. 49-53.

13.14. *Баулин О.В.* Вариативность правил доказывания в состязательном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 6. – С. 40-43.

13.15. *Бахрах Д.* Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С 10-11.

13.16. *Безина А.К., Лазарев В.В.* Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. – 1968. – № 2. – С. 6-7.

13.17. *Безина А.К., Лазарев В.В.* Правоконкретизирующая деятельность судов и ее роль в развитии советского права // Вопросы социалистической законности в деятельности административных и хозяйственных органов (по материалам Татарской АССР). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – С. 93–107.

13.18. *Белоусов С.А.* Правотворчество и законодательный дисбаланс: диалектика взаимосвязи // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Право. – 2014. – № 3. – С. 11–16.

13.19. *Болдырев С.Н.* Отсылка как прием юридической техники // Философия права. – 2014. – № 5 (56). – С. 27-30.

13.20. *Боннер А.Т.* Вы хоть понимаете, что вы натворили? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – № 3. – С. 26-33.

13.21. *Борисова Е., Головки Л., Ярков В., Тай Ю., Клювгант В., Туманов Д., Юдин А., Ямпольский В.* Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? // Закон. – 2019. – N 10. – С. 19 - 29.

13.22. *Бортникова Н.А.* Замена судьи в различных видах судопроизводства // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.05.2022).

13.23. *Бурачевский Д.В.* Характер дела как основной фактор специализации арбитражных судов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 12. – С. 25-28.

13.24. *Вельяминов Г.М.* О понятиях международного частного права, правовой унификации и права в целом // Закон. – 2013. – № 12. – С. 130–138.

13.25. *Вершинин А.П.* От Свода законов Российской Империи к автоматизированной систематизации российского законодательства // Государство и право. – 2016. – № 10. – С. 90-91.

13.26. *Вершинина С.И.* К вопросу о толковании норм права // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 2 (2). – С. 36-39.

13.27. *Вилкова Н.Г.* Унификация коллизионных норм в рамках СНГ // Журнал российского права. – 1997. – № 10. – С. 91–97.

13.28. *Власенко Н.А.* Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: матер. междунар. симпоз. / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 57-58.

13.29. *Волошин И.А.* Анализ функциональных связей правовых норм в уголовном законодательстве России при квалификации преступлений // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – Том 27 (66). – 2014. – № 4. – С. 109-114.

13.30. *Воронов А.Ф.* Есть ли подведомственность? (Преподавание, наука, практика) // Вестник гражданского процесса. – 2020. – N 5. – С. 13 – 46.

13.31. *Воронова Е.Л., Мацкевич Ю.Д.* К вопросу о необходимости создания специализированной судебной системы по делам несовершеннолетних в Российской Федерации // Вопросы ювенальной юстиции. – 2012. – № 3. – С. 3-7.

13.32. *Гаврилова Ю.А.* Конкретизация правовых норм и толкование права по объему // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. – Вып. 9. – 2007. – С. 40–48.

13.33. *Гальперин М.Л.* Политизация права или легализация политики? О justiciability и доктрине «политического вопроса» на примере международного правосудия // Международное правосудие. – 2020. – N 4. – С. 45 - 58.

13.34. *Гальперин М.Л.* Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – N 12. – С. 181 - 189.

13.35. *Гальперин М.Л.* Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 N 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – N 1. – С. 72 - 81.

13.36. *Гальперин М.Л.* Почему после цифрового века юридического образования наступит Средневековье? // Закон. – 2021. – N 8. – С. 96 - 101.

13.37. *Гальперин М.Л.* Нужен ли исполнительному производству должник? Комментарий к Кассационному определению Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 20 октября 2021 года N 71-КАД21-10-К3 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – N 7. – С. 4 - 11.

13.38. *Гальперин М.Л.* Нужна ли третейскому суду объективная беспристрастность? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 ноября 2022 года N 304-ЭС22-6536 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – N 3. – С. 4 - 16.

13.39. *Герасимова Н.П.* Историко-правовой анализ интерпретации правовых норм // Проблемы права. – 2016. – № 1 (55). – С. 58-61.

13.40. *Голубева Л.А.* Толкование права в законотворческом процессе // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 2. – С. 44-47.

13.41. *Гольмстен А.Х.* Об отношении гражданского судопроизводства к гражданскому праву // Юридические исследования и статьи А.Х. Гольмстена. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1984. – С. 232-242.

13.42. *Гончаров Д.Ю.* Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 109–121.

13.43. *Громошина Н.А.* О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // LEX RUSSICA (научные труды МГЮА). – 2010. – № 4. – С. 767-780.

13.44. *Громошина Н.А.* Упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2016. – № 9. – С. 3-6.

13.45. *Грость Л.А.* К вопросу о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности сторон и третьих лиц // *Арбитражный и гражданский процесс.* – 2002. – № 10. – С. 2 - 14.

13.46. *Гук П.А.* Судебное толкование норм права // *Журнал российского права.* – 2016. – № 8. – С. 72-78.

13.47. *Гуреев П.П.* Основы гражданского судопроизводства и некоторые вопросы подготовки ГПК союзных республик // *Советское государство и право.* – 1963. – № 2. – С. 104–107.

13.48. *Гурьяно Д.И., Молева Г.В.* Упрощенное производство в гражданском процессе // *Научный альманах.* – 2017. – № 9-1 (35). – С. 151-155.

13.49. *Давыдова М.Л.* Формальные и содержательные аспекты понятия «правотворческая конкретизация» // *Новая правовая мысль.* – 2014. – № 4 (63). – С. 11–15.

13.50. *Даниелян Д.Р.* К вопросу о специализации судов в организации аппарата судебной власти России // *Мировой судья.* – 2013. – № 7. – С. 19-22.

13.51. *Демин А.В.* Специализированные нормы в механизме налогово-правового регулирования // *Налоги.* – 2010. – № 43. – С. 20–24.

13.52. *Дивин И.М.* Основные принципы административного судопроизводства в арбитражном процессе // *Вестник Адыгейского государственного университета.* – 2009. – № 1. – С. 167-173.

13.53. *Дмитриева Г.К.* Унификация и гармонизация права: новые формы // *Унификация международного частного права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. И.О. Хлестова.* – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Инфра-М, 2013. – С. 14–25.

13.54. *Доронина Н.Г.* Унификация законодательства об иностранных капиталовложениях в Латинской Америке (на примере стран – членов Андской группы) // *Правоведение.* – 1981. – № 6. – С. 87–92.

13.55. *Доронина Н.Г.* Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 53–67.

13.56. *Дячук Е.В.* К вопросу об унификации процессуальных норм на примере упрощенных форм арбитражного и гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 3. – С. 27-32.

13.57. *Елисеев И.Н.* Суд по интеллектуальным правам - первый специализированный суд в арбитражной системе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 88-95.

13.58. *Еременко А.С.* Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2011. – Вып. 3. – С. 109-114.

13.59. *Загайнова С.К.* Об унификации требований, предъявляемых к судебным актам в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 5. – С. 16-19.

13.60. *Залоило М.В.* Правоприменительная конкретизация юридических норм // Журнал российского права. – 2012. – № 8. – С. 50-56.

13.61. *Замышляев Д.М.* Об исторических аспектах специализации судов // Администратор суда. – 2014. – № 3. – С. 27-33.

13.62. *Замышляев Д.М.* Специализация как форма развития судебной системы: судопроизводство, юрисдикция, компетенция // Российский судья. – 2015. – № 8. – С. 13-16.

13.63. *Зуева Л.Ю.* О видах процессуальных сроков административного судопроизводства // Административное право и процесс. – 2016. – N 7. – С. 9 - 11.

13.64. *Зуева Л.Ю.* Ходатайства в административном судопроизводстве // Административное право и процесс. – 2017. – N 7. – С. 35 - 37.

13.65. *Исаенков А.А., Исаенкова О.В.* Исключения в российском гражданском судопроизводстве // Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. – Выпуск 3. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2018. – С. 288-300.

13.66. *Исаенкова О.В.* Ограничение гласности судебного разбирательства по гражданским делам с участием детей // Взгляд в будущее: актуальные вопросы воспитания и защиты детей: сборник материалов научно-практической конференции. – Калуга: издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2022. – С. 37-41.

13.67. *Исаенкова О.В.* О развитии принципов гражданского процессуального права в проекте обновленного Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета. – Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2017. – С. 15-21.

13.68. *Каринский С.С.* Дифференциация и унификация советского трудового законодательства // Правоведение. – 1966. – № 3. – С. 48–57.

13.69. *Кац А.К.* Конкретизирующая деятельность суда и семейные правоотношения с частично неурегулированным содержанием // Правоведение. – 1964. – № 2. – С. 86-96.

13.70. *Кистринова О.В.* Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. – 2015. – № 2. – С. 9-11.

13.71. *Клеандров М.И.* О модели радикальной автономизации мировой юстиции в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 31-42.

13.72. *Козлов С.С.* О некоторых возможностях разрешения коллизий в условиях правовой системы современной России // Вестник МГТУ. – 2006. – № 1 (том 9). – С. 154-156.

13.73. *Костенко М.А.* Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2008. – № 10. – С. 117–123.

13.74. *Кузнецов Е.Н.* Системность проблематики исполнительного производства по социально значимым делам // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 127-133.



13.75. *Кузнецов Е.Н.* Право на исполнение судебных актов по социально значимым делам // Российский юридический журнал. – 2019. – № 6. – С. 88 - 95.

13.76. *Кузнецов Е.Н.* Гражданские процессуальные правоотношения: вопросы теории // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 12. – С. 3 - 8.

13.77. *Кузнецов Е.Н.* Мировые тенденции цифровизации исполнительного производства // Вестник института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4 (16). – С. 126-132.

13.78. *Кузнецова О.А.* Специализация правовых норм как результат системности гражданского права // Вестник Пермского университета. – 2007. – № 8 (13). – С. 76–85.

13.79. *Курочкин С.А.* Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162, кн. 2. – С. 69 - 83.

13.80. *Лазарев В.В.* Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. – 1976. – № 6. – С. 7-15.

13.81. *Латышев Н.В., Завьялов С.О., Кобец Н.Ф., Тарасова Т.А.* Соотношение понятия «правовая оговорка» со смежными категориями // Центральный научный вестник. – 2018. – Т.3. – №13 (54). – С. 47-49.

13.82. *Лещина Э.Л.* Конкуренция процессуальных форм рассмотрения судами служебных дисциплинарных споров // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – N 1. – С. 49 - 59.

13.83. *Лукин Ю.М.* Основные вехи цивилистического процесса в Российской империи в XIX в. // Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. – М.: Статут, 2018. – С. 21-42.

13.84. *Лукьянов В.* Рецензия на статью Д.В. Бурачевского «Характер дела как основной фактор специализации арбитражных судов» // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 3. – С. 46.

13.85. *Магомедов С.К.* Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 23–31.

13.86. *Максимов В.В.* Место и роль специализированных судов в судебной системе // Администратор суда. – 2010. – N 2. – С. 11 – 15.

13.87. *Малешин Д.Я.* Вместо предисловия: «прадеды» и «правнуки» Судебной реформы 1864 г. // Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной реформы. 20 ноября 1864 г.–20 ноября 2014 г.): сб. науч. ст. / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2014. – С. 7–13.

13.88. *Малешин Д.Я.* От концепции единого ГПК к общему Судебному кодексу // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 3. – С. 10-24.

13.89. *Малешин Д.Я.* Специализация судов по гражданским делам за рубежом // Вестник Арбитражного суда города Москвы. – 2010. – N 5. – С. 3-8.

13.90. *Мартышкин В.Н.* У российских судей не должно быть конвейерного производства: оптимизация нагрузки судей как средство правовой защиты участников судопроизводства и повышения качества правосудия // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1(1). – С. 98-105.

13.91. *Матейчук В.И.* Законодательная конструкция, терминология, процессуальные сроки апелляции и отмены судебного приказа в административном судопроизводстве // Российский судья. – 2018. – N 6. – С. 52 - 56.

13.92. *Матузов Н.И.* Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 225–244.

13.93. *Михайлов В.К.* Обеспечение открытости и гласности суда как гарантия независимости правосудия // Журнал российского права. – 2022. – N 2. – С. 138 - 151.

13.94. *Михайлов С.М.* Новые средства единства доказывания и правила допустимости доказательств в ГПК РФ и АПК РФ // LEX RUSSICA. – 2004. – № 1. – Т. 63. – С. 262-269.

13.95. *Мицкевич А.В.* Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 154–160.

13.96. *Молчанов В.В.* Допустимость доказательств в гражданском судопроизводстве // Законодательство. – 2006. – № 1. – С. 61-71.

13.97. *Муромцев С.* Образование права по учениям немецкой юриспруденции (1886) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 227–314.

13.98. *Нахова Е.А.* Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. – 2018. – N 4. – С. 81-90.

13.99. *Никитин С.В., Поскребнев М.Е., Князькин С.И.* Проблемы унификации гражданского процессуального законодательства // Российское правосудие. – 2015. – № 5 (109). – С. 100-108.

13.100. *Носенко Л.И.* Принципы гражданского процесса: к вопросу значимости // Вестник ОГУ. – 2012. – № 3 (139). – С. 148-151.

13.101. *Опалев Р.О.* Коллективные иски в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – N 2. – С. 34-38.

13.102. *Павлова В.В.* К вопросу об определении понятия пробела в праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. – 2012. – № 1 (16). – С. 219–221.

13.103. *Павлова М.С.* К вопросу о специализации судов // Мировой судья. – 2013. – № 1. – С. 16-20.

13.104. *Павлушина А.А.* К вопросу о критерии специализации судов // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 37-40.

13.105. *Пакерман Г.А.* Методы унификации права на примере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал российского права. – 2009. – № 4. – С. 98–109.

13.106. *Панова Ю.А.* Конкуренция и коллизии норм уголовного законодательства // Правовая культура. – 2009. – № 1 (6). – С. 81–87.

13.107. *Петросян Р.А.* Проблемы применения в российской правовой системе унифицированных норм международного частного права // Унификация международного частного права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. И.О. Хлестова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Инфра-М, 2013. – С. 25–36.

13.108. *Пиголкин А.С.* Плановые основы кодификации законодательства // Советская юстиция. – 1976. – № 17. – С. 14-15.

13.109. *Попова Ю.А.* Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функции правосудия (ретроспективный аспект) // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 2. – С. 10-36.

13.110. *Попондопуло В.Ф., Силина Е.В.* Приказное производство в гражданском и арбитражном процессе – шаг к дальнейшей унификации гражданского процессуального законодательства // Актуальные проблемы реформирования гражданского и предпринимательского права: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием. – Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2019. – С. 8-14.

13.111. *Прокудина Л.А.* Судопроизводство в арбитражных судах и унификация гражданского процессуального законодательства // Предпринимательское право. – 2015. – № 4. – С. 62 - 71.

13.112. *Рабинович И.М., Шмелева Г.Г.* Конкретизация правовых норм: Общетеоретические работы // Правоведение. – 1985. – № 6. – С. 31–39.

13.113. *Рассахатская Н.А.* Некоторые вопросы гражданской процессуальной формы // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: Материалы Всероссийской научно-практической

конференции, посвященной 40-летию университета. – Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2017. – С. 222-228.

13.114. *Рассахатская Н.А.* Проблема совершенствования судебной системы и специализация гражданско-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского Суда по правам человека: Сб. науч. статей. – Краснодар - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – С. 337 - 345.

13.115. *Рехтина И.В.* Об унификации норм, регулирующих производство в порядке надзора в гражданском процессе // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 65–71.

13.116. *Решетникова И.В.* Доказывание в гражданском судопроизводстве в преддверии унификации процессуального законодательства // Закон. – 2014. – N 10. – С. 26-32.

13.117. *Решетникова И.В.* Допустимость доказательств и активность суда в современном процессе доказывания // Вестник гражданского процесса. 2021. – N 5. – С. 49 - 60.

13.118. *Решетникова И.В.* Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 5. – С. 10-20.

13.119. *Решетникова И.В.* Судопроизводство в судах первой инстанции: сравнительно-правовой анализ через призму предстоящей унификации гражданского и арбитражного процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – N 2. – С. 48 - 53.

13.120. *Решетникова И.В.* Унификация процессуального законодательства. Ждать ли революций?! // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – N 3. – С. 3-9.

13.121. *Розин Н.Н.* Процесс как юридическая наука // Журнал Министерства юстиции, октябрь. – 1910. – С. 24–45.

13.122. *Россинская Е.Р.* Некоторые проблемы оценки заключения судебной экспертизы судом // Судья. – 2021. – N 2. – С. 10 - 16.

13.123. *Россинская Е.Р.* Судебные экспертизы в гражданском и арбитражном процессе в контексте проблем унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – N 10. – С. 9-16.

13.124. *Ругачева А.А.* II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в отечественной историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* – 2006. – № 2 (30). – С. 157–161.

13.125. *Рыбаков В.А.* Нетипичные нормы права // *Вестник Омского университета. Серия «Право».* – 2013. – № 3 (36). – С. 24-29.

13.126. *Рыбаков В.А.* Способы развития системы права // *Государство и право на рубеже веков: сб. науч. раб. / отв. ред. Е.Л. Невзгодина.* – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. – Вып. 3. – С. 23–28.

13.127. *Садиков О.Н.* Дифференциация и унификация гражданского законодательства // *Советское государство и право.* – 1969. – № 12. – С. 36.

13.128. *Садиков О.Н.* Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства // *Правоведение.* – 1972. – № 6. – С. 91–102.

13.129. *Самсонов Н.В.* К вопросу о системности гражданского процессуального права // *Арбитражный и гражданский процесс.* – 2017. – № 10. – С. 6-11.

13.130. *Сахнова Т.В.* Право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право: эффект глобализации // *Вестник гражданского процесса.* 2014. – № 3. – С. 11-25.

13.131. *Сахнова Т.В.* Судебные процедуры (о будущем цивилистического процесса) // *Арбитражный и гражданский процесс.* – 2009. – № 2. – С. 9-13.

13.132. *Сенякин И.Н.* Унификация как средство совершенствования законодательной терминологии // *Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: матер. междунар. круглого стола (Черновцы, 21–23*

сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Н.Новгород: Юридическая техника, 2007. – С. 147-158.

13.133. *Силина Е.В.* Гражданское судопроизводство как вид юридической деятельности // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – СПб.: Петрополис, 2018. – С. 402-408.

13.134. *Силина Е.В.* Общая характеристика системы проверки судебных актов по гражданским делам // Пересмотр судебных актов по гражданским и административным делам: проблемы нормативного регулирования, официального толкования и правоприменения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / сост. и ред. Л.В. Войтович. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 8-18.

13.135. *Силина Е.В.* Принципы гражданского процессуального права // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы практики и теории: сборник статей / сост. и ред. Л.В. Войтович. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 91-96.

13.136. *Соловьев А.А., Филиппов Ю.М.* Осуществление правосудия арбитражными судами в Российской Федерации // Право и современные государства. – 2013. – № 3. – С. 57–63.

13.137. *Стефановский К.Г.* Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения, февраль. – 1873. – С. 252–293.

13.138. *Тарасенко О.А.* Унификация законодательства субъектов Федерации о налогах и сборах // Государство и право. – 2002. – № 11. – С. 116-121.

13.139. *Тихомиров Ю.А.* Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 3–12.

13.140. *Тихомиров Ю.А.* Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 3–15.

13.141. *Тихомиров Ю.А.* Юридическая техника - инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 12-16.

13.142. *Тихонравов Е.Ю.* Понятие расширительного и ограничительного толкования права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 1. – С. 78–90.

13.143. *Томилов А.Ю., Данилов Д.В.* Правовые пробелы процессуального порядка уведомления, извещения и обмена процессуальными документами в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. – 2021. – N 9. С. – 106-118.

13.144. *Тонков Е.Е., Коваленко В.И., Пожарова Л.А.* Правоприменение как способ реализации юридических норм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия философия. Социология. Право. – 2012. – № 2 (121). – Выпуск 19. – С. 146-156.

13.145. *Туманов Д.А.* Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 9. – С. 13-19.

13.146. *Туранин В.Ю.* Проблемы и перспективы унификации терминологии // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 46–48.

13.147. *Уксусова Е.Е.* Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 4 (77). – С. 80-88.

13.148. *Уксусова Е.Е.* Гражданское судопроизводство как процессуальная форма и потенциал возможностей с позиций специализации на современном этапе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 9. – С. 20-51.



13.149. Улётова Г.Д., Сахнова Т.В., Афанасьев С.Ф., Уксусова Е.Е., Григорьева Т.А., Борисова В.Ф. О концепте единого процессуального кодекса России // Современное право. – 2014. – № 12. – С. 5-11.

13.150. Утяшов Э.К. О необходимости конкретизации норм правового режима военного положения // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 8. – С. 13-16.

13.151. Фаршатов И.А. Специализированные и специальные нормы права // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 22-28.

13.152. Фокина М.А. Доказательственное право в цивилистическом процессе: нереализованные возможности // Вестник гражданского процесса. – 2019. – N 1. – С. 29-46.

13.153. Фокина М.А. Совершенствование правового регулирования доказывания по гражданским делам: вопросы унификации // Современное право. – 2015. – N 9. – С. 101-111.

13.154. Хитренко (Панченко) А.И. Отвод судьи - гарантия беспристрастности суда при рассмотрении гражданских дел // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – N 7. – С. 63-67.

13.155. Чеглоков П. Об органах судебной власти в России: от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича // Юридический сборник, изданный Д. Мейером. – Казань: Изданием книгопродавца И. Дубровина, 1855. – С. 1–104.

13.156. Чекмарева А.В. Подготовка дела к судебному разбирательству с позиции процедурности цивилистического процесса // Современное право. – 2014. – № 5. – С. 87 - 94.

13.157. Чечина Н.А. Система гражданского процессуального права и систематизация законодательства // Правоведение. – 1984. – № 2. – С. 27-35.

13.158. Шакарян М.С., Сергун А.К. К вопросу о теории т.н. «юридической процессуальной формы» // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права / отв. ред. М.С. Шакарян. – М., 1980. – С. 61-68.

- 13.159. *Шакитько Т.В.* Унификация норм, регулирующих судебное разбирательство, и проблема единства процесса // Современное право. – 2016. – № 8. – С. 71-75.
- 13.160. *Шафиров В.М.* Норма права и нормативные обобщения // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. М.М. Журавлева, А.М. Барнашова, В.М. Зуева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. – С. 5-7.
- 13.161. *Шварц М.З.* К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. – 2010. – № 3. – С. 79-92.
- 13.162. *Шварц М.З.* Существует ли презумпция добросовестности налогоплательщика? // Арбитражные споры. – 2020. – № 2. – С. 117 - 132.
- 13.163. *Шварц М.З.* К вопросу об индексации денежных сумм, присужденных решением суда // Арбитражные споры. – 2023. – № 3. – С. 13 - 27.
- 13.164. *Шерстюк В.М.* К десятилетию ГПК РФ. Современные проблемы системы гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 3. – С. 19-46.
- 13.165. *Шеменева О.Н.* Критерии разграничения гражданско-правовых договоров и процессуальных соглашений // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 61 – 68.
- 13.166. *Шеменева О.Н.* Процессуальные соглашения в гражданском судопроизводстве: понятие, виды, практическое значение разграничения с гражданско-правовыми договорами // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 4. – С. 131 - 148.
- 13.167. *Шеменева О.Н.* Последствия несоблюдения претензионного и иного досудебного порядка урегулирования споров на различных этапах гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 12. – С. 10 - 13.
- 13.168. *Шеменева О.Н.* Общие и специальные последствия недобросовестного поведения сторон в гражданском и в гражданском

процессуальном законодательстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – N 12. – С. 14 - 19.

13.169. *Шеменева О.Н.* Значение процессуальных возражений ответчика в свете отдельных правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации // Администратор суда. – 2023. – N 2. – С. 13 - 17.

13.170. *Шерстюк В.М.* Категории отдельного, общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 3. – С. 8-27.

13.171. *Шерстюк В.М.* Категория «уровень строения системы гражданского процессуального права»: понятие, теоретическое и практическое значение // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 6. – С. 10-28.

13.172. *Шкурова П.Д.* Протокол судебного заседания в судах общей юрисдикции и арбитражных судах первой инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – N 9. – С. 19 – 22.

13.173. *Шумова К.А., Находнова А.Д.* Проблемы обеспечения принципа гласности и открытости в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – N 8. – С. 8-12.

13.174. *Юдин А.В.* Недействительность отказа от права на обращение в суд в цивилистическом процессе: теоретико-практические проблемы // Вестник гражданского процесса. – 2017. – N 3. – С. 11-33.

13.175. *Юдин А.В.* Процессуальные аспекты функционирования Дисциплинарного судебного присутствия // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 2. – С. 40-46.

13.176. *Юрков М.К.* Специализация норм гражданского процессуального права // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1986. – Вып. 34. – С. 114–126.

13.177. *Ярков В.В.* Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. – 2014. – N 8. – С. 84 -92.

13.178. *Ярков В.В.* Развитие российской судебной системы в ближайшей и отдаленной перспективе (краткие тезисы) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 8. – С. 58-64.

#### 14. Учебная литература:

14.1. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. – М.: Финансовый контроль, 2004. – 410 с.

14.2. Административное судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. – Статут, 2016. – 560 с.

14.3. *Алексеев С.С.* Теория права. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Бек, 1995. 320 с.

14.4. Арбитражный процесс: учебник /отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшев. – М.: Статут, 2010. – 572 с.

14.5. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко, пер. с фр. – М.: Nota Bene, 2000. – 576 с.

14.6. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.

14.7. *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и применению законов (для начинающих юристов). – М.: Издание Бр. Башмаковых, типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1913. – 158 с.

14.8. *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права. Т. I. Общая часть / пер. с нем., под ред. С.В. Пахмана. – СПб.: Издание А. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. – 358 с.

14.9. *Вопленко Н.Н.* Источники и формы права: учебное пособие. – Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2004. – 102 с.

14.10. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушников. – М.: Городец, 2018. – 832 с.

14.11.Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – Т. 1. – 720 с.

14.12. *Грось Л.А.* Научно-практическое исследование влияния норм материального права на разрешение процессуально-правовых проблем в гражданском и арбитражном процессе: учебное пособие. – Хабаровск: изд-во Хабаровская государственная академия экономики и права, 1999. – 217 с.

14.13. *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика: учебник для юридических вузов. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999, – 256 с.

14.14. *Куренной А.М. Скобелкин В.Н., Передерин С.В., Чуча С.Ю., Семенюта Н.Н.* Трудовое процедурно-процессуальное право: учебное пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. – 504 с.

14.15. Курс советского гражданского процессуального права. В 2-х. томах. Т. 2. Судопроизводство по гражданским делам / отв. ред. А.А. Мельников. – М.: Наука, 1981. – 510 с.

14.16. *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 2. Коллективные трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. – М.: Статут, 2009. – 1151 с.

14.17. Международное частное право: учебник / отв ред. Г.К. Дмитриева. – М.: Велби; Проспект, 2004. – 688 с.

14.18. *Нефедьев Е.А.* Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. – М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. – 105 с.

14.19. *Осинов Ю.К.* Подведомственность юридических дел: учебное пособие. – Свердловск, 1973. – 123 с.

14.20. Основы философии науки: учебное пособие для вузов. / под ред. проф. С.А. Лебедева. – М.: Академический Проект, 2005. – 544 с.

14.21. *Попондопуло В.Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 800 с.

14.22. *Рассахатская Н.А.* Гражданская процессуальная форма: учебное пособие. – Саратов: СГЮА, 1998. – 87 с.

14.23. *Силина Е.В.* Судебная защита прав и интересов предпринимателей: учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2019. – 72 с.

14.24. *Сурмин Ю.П.* Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. – Киев: МАУП, 2003. – 368 с.

14.25. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – 672 с.

14.26. Теория государства и права: учебник / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.

14.27. *Тихомиров М.Н., Енифанов П.П.* Соборное Уложение 1649 г.: пособие для высшей школы. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1961. – 444 с.

14.28. *Толин А.Е.* Пособие при изучении русского гражданского судопроизводства (по Уставу, Малышеву, Загорскому, Исаченко и др.). – Одесса: Одес. новости, 1912. – 108 с.

14.29. *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права (пособие к лекциям). – Юрьевъ: Тип. К. Маттисена, 1907. – Ч. I. – 732 с.

14.30. Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. – М.: Норма, 2005. – 928 с.

14.31. Философия: учебное пособие для вузов. / под ред. Т.И. Кохановской. – 6-е. изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 576 с.

14.32. *Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права: учебное пособие. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1972. – 191 с.

14.33. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 1999. – 429 с.

14.34. *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора: учебное пособие. – М.: Юнити, 2003. – 381 с.

14.35. *Четвернин В.А.* Введение в курс общей теории права и государства: учебное пособие. – М.: Институт государства и права РАН, 2003. – 204 с.

14.36. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. – М.: Статут, 2003. – Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. – 550 с.

14.37. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.

## 15. Словари и справочная литература:

15.1. *Барихин А.Б.* Большой юридический энциклопедический словарь. – М.: Книжный мир, 2000. – 720 с.

15.2. Словарь иностранных слов: в 2 т. / под ред. Т.Н. Гурьевой. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. – Т. 2: М–Я. – 416 с.

15.3. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель; АСТ, 2000. – Т. 4. – 1499 с.

## 16. Сообщения, статистика и иная информация из сети Интернет:

16.1. *Андреанов Н.* КС РФ обязал арбитражные суды проверять законность применяемых нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: [https://zakon.ru/blog/2017/12/13/ks\\_rf\\_obyazal\\_arbitrazhnye\\_sudy\\_proveryat\\_zakonno\\_st\\_primenyaemyh\\_normativnyh\\_pravovyh\\_aktov#comment\\_440503](https://zakon.ru/blog/2017/12/13/ks_rf_obyazal_arbitrazhnye_sudy_proveryat_zakonno_st_primenyaemyh_normativnyh_pravovyh_aktov#comment_440503) (дата обращения: 02.09.2019).

16.2. Верховный суд подвел итоги работы судов на 2018 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/209019/> (дата обращения: 21.07.2019).

16.3. Исследование ВШЭ зафиксировало перегрузку 62 % российских судей [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2018/5ad094389a79472df75fa052> (дата обращения: 21.07.2019).

16.4. *Мартышкин В.Н.* Оптимизация нагрузки судей как средство правовой защиты участников судопроизводства и повышения качества правосудия [Электронный ресурс]. – URL: [https://pravo.ru/judicial\\_community/view/80592/](https://pravo.ru/judicial_community/view/80592/) (дата обращения 21.07.2019).

16.5. *Потапенко Е.* КАС: что в сухом остатке? [Электронный ресурс]. 2016. – URL: <https://legal.report/kas-chto-v-suhom-ostatke/> (дата обращения: 07.05.2019).

16.6. Статистика Судебного департамента при ВС РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 09.01.2020).

16.7. *Туманов Д.* Из жизни законодательный клонов [Электронный ресурс]. – URL: <https://legal.report/iz-zhizni-zakonodatelnyh-klonov/> (дата обращения: 20.02.2018).

16.8. *Яковлев В.Ф.* Об этапах развития арбитражной судебной системы [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.arbitr.ru/\\_upimg/EE226BF1E768E539ED6F309DB2F112A6\\_%DF%EA%EE%E2%EB%E5%E2.pdf](http://www.arbitr.ru/_upimg/EE226BF1E768E539ED6F309DB2F112A6_%DF%EA%EE%E2%EB%E5%E2.pdf) (дата обращения: 05.08.2017).